

28462

28462

~~35775~~

ИСТОРИЯ РЕВОЛЮЦІЙ
всѣхъ странъ и народовъ.

Томъ первый.

ИСТОРИЯ РЕВОЛЮЦИИ

Печ. «Графического Института» Бр. Лукшевиць, Бассейная, 3.

Том первый

28462

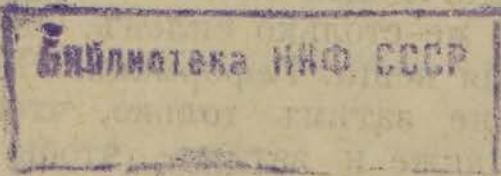

СОЧИНЕНИЕ ГИЗ

~~35022~~

ИСТОРИЯ АНГЛИЙСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ.

Переводъ съ французскаго.

39

85340

ВВЕДЕНІЕ.

Революція въ Англіи удалась, и удалась два раза. Ея зачинщики основали въ Англіи конституціонную монархію; ея потомки основали въ Америкѣ Республику Соединенныхъ Штатовъ. Въ этихъ великихъ событіяхъ нѣтъ уже теперь никакой темноты: время осватило ихъ и вмѣстѣ съ тѣмъ пролило на нихъ яркій свѣтъ. Шестьдесятъ лѣтъ назадъ, Франція вступила на дорогу, открытую Англіей; вслѣдъ за ней ринулась Европа. Мнѣ хотѣлось бы сказать, какія причины дали конституціонной монархіи въ Англіи и республиканскому правленію въ англійской Америкѣ тотъ прочный успѣхъ, какого до сихъ поръ напрасно добиваются Франція и Европа, проходя чрезъ эти таинственныя испытанія революцій, которыя, смотря по тому, какъ кто ихъ вынесетъ, дають народамъ вѣковое величіе или повергають ихъ въ вѣковыя заблужденія.

Движеніе, которое съ самаго XVI вѣка волнуетъ и влечетъ міръ, по временамъ прекращаясь, но всегда возрождаясь снова, началось во имя вѣры и религіозной свободы. Буря поднялась прежде всего въ душѣ человѣческой—она постигла церковь прежде государства.

Нѣкоторые говорили, будто бы протестантизмъ былъ въ сущности болѣе политическимъ, нежели религіознымъ переворотомъ; возстаніемъ противъ установленнаго порядка въ церкви во имя земныхъ интересовъ, а не порывомъ религіознаго убѣжденія, во имя вѣчныхъ интересовъ человѣка. Это значитъ, судить легкомысленно и поверхностно. И когда власти духовныя или свѣтскія увлекались этимъ заблужденіемъ, это всегда вело ихъ къ дѣйствіямъ, губительнымъ для нихъ самихъ. Заботясь исключительно о подавленіи революціоннаго элемента протестантизма, они упускали изъ вида его религіозный элементъ. Духъ революціи, конечно, силенъ, но не столько силенъ, чтобы онъ одинъ могъ совершать такія вещи. Реформація XVI вѣка возникла и продолжалась не затѣмъ только, чтобы сбросить извѣстныя цѣпи, но также и затѣмъ, чтобы заявить и провести извѣстныя вѣрованія. Это блистательно дока-

зывается неоспоримымъ фактомъ. По прошествіи трехъ вѣковъ послѣ реформаціи, нигдѣ въ Западной Европѣ христіанская вѣра не сохраняла больше жизни и владычества, какъ въ двухъ самыхъ протестантскихъ государствахъ Европы—въ Англіи и Голландіи. Надо совершенно не понимать человѣческую природу, чтобъ думать, что религіозное рвеніе могло бы такъ долго удерживаться и продолжаться послѣ торжества возстанія, еслибъ движеніе не было въ самыхъ началахъ своихъ существенно-религіознымъ.

Въ Германіи, въ XVI вѣкѣ, была религіозная революція, а вовсе не политическая. Во Франціи въ XVIII вѣкѣ, была революція политическая и вовсе не религіозная. Въ Англіи, въ XVII вѣкѣ, по особенному счастью, духъ вѣры и духъ политической свободы царствовали вмѣстѣ, и она предприняла обѣ революціи въ одно и то же время. Такимъ образомъ, природа человѣческая раскрыла всѣ великія страсти свои, не разрывая всѣхъ узъ, и у людей оставались надежды и желанія вѣчности, когда они видѣли разрушеніе своихъ земныхъ надеждъ и желаній.

Англійскіе реформаторы, въ особенности политическіе, не думали, что понадобится революція. Имъ были дороги и святы законы, преданія, примѣры, все бывшее ихъ отечества; въ нихъ находили они опору своимъ требованіямъ и санкцію своимъ идеямъ. Они отстаивали свои права во имя великой хартіи и множества статутовъ, которыми эти права въ теченіе четырехъ вѣковъ были подтверждаемы. Въ теченіе четырехъ вѣковъ на англійской землѣ не прошло ни одного поколѣнія, которое бы не слыхало имени и не видало въ лицо парламента. Знатные бароны и народъ, сельскіе дворяне и городскіе жители сошлись, въ 1640 г. не затѣмъ, чтобы оспаривать другъ у друга какія либо новыя пріобрѣтенія, а затѣмъ, чтобы вступить во владѣніе своимъ общимъ наслѣдіемъ; они сошлись не затѣмъ, чтобы предаваться безконечнымъ, неопредѣленнымъ соображеніямъ и опытамъ человѣческаго мышленія, а затѣмъ, чтобы возвратить себѣ утраченныя права, права старинныя, положительныя.

Религіозные реформаторы вступали въ долгій парламентъ Карла I съ требованіями не столь законными: имъ не нравилась епископальная церковь Англіи въ томъ видѣ, какъ она была установлена сначала капризнымъ и жестокимъ деспотизмомъ Генриха VIII, а потомъ умнымъ и упорнымъ деспотизмомъ Елизаветы. Они видѣли въ ней реформу не полную, не послѣдовательную, безпрестанно грозившую возвращеніемъ къ католицизму, къ которому епископальная церковь была еще слишкомъ близка; они задумали передѣлать заново христіанскую церковь своего отечества и дать ей иное устройство. Тутъ гораздо замѣтнѣе и жарче былъ революціонный духъ, нежели въ той партіи, которая занята была, преимущественно, политичес-

кими реформами. Но и религиозные реформаторы руководились не одними фантазиями своего ума: у нихъ былъ якорь, за который они держались, былъ компасъ, въ который они вѣровали. Евангеліе было для нихъ великой хартіей; правда, они толковали и комментировали его по своему, но оно стояло впереди и выше ихъ воли: они чтили его искренно и, при всей своей гордости, повергались ницъ предъ этимъ закономъ, который былъ не ими установленъ.

Къ такимъ залогамъ умѣренности, которые обѣ революціи нашли въ самомъ настроеніи своихъ дѣятелей, providѣніе присоединило еще одно благоприятное обстоятельство: онѣ не были съ первымъ шаговъ своихъ осуждены на преступленіе, которое всегда скоро становится опаснымъ, преступленіе—добровольно, безъ ясной и крайней необходимости, нападать на власть кроткую и безобидную. Въ XVII вѣкѣ въ Англіи нападеніе было сдѣлано со стороны королевской власти. Карлъ I, исполненный высокомѣрныхъ притязаній, хотя и не увлекаемый сильнымъ честолюбіемъ, и не столько для того, чтобы крѣпче властвовать надъ своимъ народомъ, сколько для того, чтобы не уронить себя въ глазахъ подобныхъ себѣ королей, два раза пытался провести принципы и обычаи абсолютной монархіи: сначала при парламентѣ, когда онъ самъ находился подъ вліяніемъ легкомысленнаго и ничтожнаго любимца (герцога буккингемскаго), котораго надменная бездарность оскорбляла здравый смыслъ и гордость послѣдняго изъ гражданъ; потомъ, отвергнувъ всякій парламентъ и управляя одинъ, посредствомъ своего министра, человѣка энергическаго, умнаго, честолюбиваго и не мелочнаго, преданнаго своему государю, хотя плохо имъ понимаемаго и поддерживаемаго, и который слишкомъ поздно узналъ, что для спасенія королей недостаточно приносить себя въ жертву, служба имъ (*).

Противъ этого агрессивнаго деспотизма, болѣе предприимчиваго, нежели сильнаго, и равно нападавшаго въ государствѣ и въ церкви на старинныя права и на новыя льготы, требуемыя народомъ, мысль народа не шла дальше легальнаго сопротивленія и совершенно ввѣряла себя парламенту: тутъ сопротивленіе было столько же единодушно, сколько законно. Противъ столькихъ несправедливостей и злоупотребленій поднялись люди самаго противоположнаго происхожденія и характера, вельможи, дворяне и граждане, придворные и не придворные, друзья и недруги существующей церкви—и злоупотребленія пали, несправедливости исчезли, какъ ветхія стѣны оставленной крѣпости рушатся подъ первыми ударами осаждающихъ.

При первомъ проявленіи этого народнаго недовольства

*) Томасъ Уэнтвортъ, графъ Страффордъ.

и народныхъ надеждъ нѣкоторые люди, съ умомъ, болѣе смотрящимъ впередъ, съ совѣстью болѣе робкою, уже чувствовали нѣкоторое безпокойство. Местъ не только искажаетъ правосудіе, но измѣняетъ его въ самой его сущности; страсть, гордая своимъ правомъ, заходитъ дальше, чѣмъ имѣетъ право, даже дальше, чѣмъ намѣревается зайти. Страффорда обвинили справедливо, но судили несправедливо. Политическіе реформаторы вовсе не хотѣли разрушенія епископальной церкви, но позволяли оскорблять и унижать епископовъ, какъ побѣжденныхъ, которые уже не встанутъ. Дурно рассчитанные удары, отнимавшіе у короны ея несправедливыя пріобрѣтенія и незаконныя притязанія, поражали въ то же время и ея справедливыя прерогативы. Важные случаи раскрывали, смѣлые голоса возвѣщали революціонный духъ, скрытый подъ реформой. При началѣ революціи никогда не бываетъ недостатка въ предостереженіяхъ, кидающихъ свѣтъ на будущее. Но необходимость и блескъ побѣды далеко отталкивали сознание ошибокъ и предчувствіе опасности.

Когда дѣло реформъ было сдѣлано, когда злоупотребленія, вызвавшія единодушное неодобреніе народа, были исправлены, когда власти, виновные въ этихъ злоупотребленіяхъ, и люди, служившіе этимъ властямъ орудіями, были уничтожены, сцена перемѣнилась. Возникъ новый вопросъ: какъ сохранить эти пріобрѣтенія? какъ достигнуть увѣренности, что Англія будетъ всегда управляема по тѣмъ принципамъ и законамъ, которые она успѣла возстановить?

Политическіе реформаторы почувствовали затрудненіе: надъ ними стоялъ король, который, уступая имъ, устраивалъ противъ нихъ заговоры. Если королю опять достанется въ правленіи та власть, какую еще оставляли ему сдѣланныя до сихъ поръ реформы, онъ станетъ употреблять ее противъ реформъ и реформаторовъ. Вокругъ нихъ были ихъ союзники, религіозные новаторы, пресвитеріане и приверженцы различныхъ сектъ, которые не довольствовались политическими реформами и, въ своей ненависти къ существующей церкви, стремились не потрясти только ея иго, но разрушить ее и наложить на нее свое иго. Для спасенія своего созданія, для спасенія самихъ себя, вожди реформъ хотѣли не покидать оружія. Еслибъ они захотѣли положить оружіе, соратники ихъ не позволили бы этого.

Одно средство могло обезпечить будущность: надобно было, чтобъ парламентъ навсегда удержалъ верховную власть, которая теперь была у него въ рукахъ; чтобъ король навсегда былъ поставленъ въ невозможность управлять противъ желанія парламента и палаты народныхъ представителей въ парламентѣ.

Вотъ результатъ, котораго достигла въ Англіи конституціонная монархія; вотъ цѣль, которую, два столѣтія назадъ, имѣли въ виду ея приверженцы. Но въ XVII вѣкѣ

въ нихъ не было ни того просвѣщенія, ни тѣхъ политическихъ добродѣтелей, какихъ требуетъ это правленіе.

Въ сердцѣ человѣческомъ такъ много гордости и, вмѣстѣ, слабости, что оно всегда въ одно и то же время хочетъ и блестящаго успѣха и совершенно-спокойнаго пользованія, какое можетъ ему обѣщать успѣхъ. Ему мало преодолѣть препятствія—ему хотѣлось бы совершенно ихъ уничтожить, такъ, чтобъ даже можно было и не думать о нихъ; самое торжество не радуется его, если имъ нельзя наслаждаться съ полной, надменной безпечностью. Конституціонная монархія не даетъ поблажки этимъ дурнымъ наклонностямъ человѣческой природы. Ни одной изъ властей, которыя она ставитъ рядомъ, не доставляетъ она удовольствія властвовать безраздѣльно и безпечно. Она налагаетъ на всѣ эти власти—даже на ту изъ нихъ, которая въ данное время имѣетъ перевѣсъ—постоянный трудъ обязательныхъ союзовъ, взаимныхъ уступокъ, частыхъ сдѣлокъ, косвенныхъ вліяній и безпрестанно-возобновляющейся борьбы съ безпрестанно-возрождающимися случайностями успѣха и неуспѣха. Но этою цѣною конституціонная монархія обезпечиваетъ торжество интересовъ и стремленій народа, обязывая его самого быть умѣреннымъ въ желаніяхъ, бдительнымъ и терпѣливымъ въ усиліяхъ.

Ни король, ни парламентъ Англіи не понимали въ XVII вѣкѣ этихъ условій совмѣстнаго ихъ правленія и не подчинялись имъ. Королевская власть хотѣла остаться прямо и неизмѣнно верховною властью, нижняя палата—сдѣлаться такою властью. Такое удовлетвореніе нужно было для ихъ гордости, такая гарантія нужна была для ихъ опасеній за будущее.

Чтобъ достигнуть этой цѣли, чтобъ удержать захваченную ею верховную власть, нижняя палата уже не могла довольствоваться реформою злоупотребленій и восстановленіемъ легальныхъ правъ: ей надобно было измѣнить до основанія старые законы и сосредоточить въ своихъ рукахъ всѣ власти.

Когда дѣло дошло до этого, между реформаторами совершилось раздвоеніе: одни, болѣе предусмотрительные, или болѣе робкіе, обратились къ защитѣ законнаго порядка и монархіи; другіе, болѣе смѣлые или менѣе опасливые, пошли по стезямъ революціи.

Тогда-то возникли эти двѣ великія партіи, которыя, развиваясь послѣдовательно подъ различными именами и формами, цѣлые два вѣка правили судьбами Англіи: партія, преданная охраненію существующаго порядка, и партія, благопріятствующая прогрессу народнаго вліянія—торіи и виги, консерваторы и новаторы.

Въ парламентѣ борьба была горяча, но не продолжительна. Монархическая партія хотѣла было организоваться вокругъ короля и управлять его именемъ. Эти первые опы

ты конституціоннаго правленія рушились, едва начавшись; причиною тому были ошибки короля, непослѣдовательнаго, необдуманно-упрямаго и столько же неискренняго съ своими совѣтниками, какъ и съ врагами, неопытность самыхъ этихъ совѣтниковъ, то слишкомъ-исключительныхъ, то слишкомъ слабыхъ, и безпрестанно встрѣчавшихъ помѣхи и измѣны во дворцѣ и въ парламентѣ, подозрительность и притязанія революціонной партіи, рѣшившейся не успокоиваться, до тѣхъ-поръ, пока абсолютная власть, которую она хотѣла разрушить, не перейдетъ въ ея руки.

Однажды, по поводу новой ремонстраціи, которую хотѣли представить королю противъ старыхъ несправедливостей—какъ-будто онѣ не были уже исправлены—вопросъ о большинствѣ положительно былъ поставленъ между двумя партіями. Горячность преній дошла до того, что въ залѣ нижней палаты чуть не произошло драки. Одиннадцать голосовъ дали перевѣсъ революціонной партіи. Черезъ пятьдесятъ дней послѣ этого рѣшенія, король бѣглецовъ удалялся изъ своего Уайтгалля, куда ему суждено было возвратиться еще разъ только затѣмъ, чтобы взойти на эшофоть. Нижняя палата тотчасъ же постановила, что государство въ опасности и немедленно должно быть приведено въ оборонительное положеніе. Парламентская борьба прекратилась—начиналась междуособная борьба.

Въ эту торжественную минуту, въ той и другой партіи явились проблески патріотическаго унынія и грустнаго предчувствія, особенно въ партіи короля, менѣе вѣровавшей въ свою силу, а можетъ-быть, и въ правоту своего дѣла. Но общее чувство было не таково. Въ большей части сердецъ господствовали страсть и надежда успѣха. Духъ сопротивленія незаконности и притѣсненію былъ всегда одною изъ самыхъ благородныхъ и самыхъ спасительныхъ сторонъ англійскаго характера во все продолженіе исторіи этого народа. Англійскій народъ послушенъ и даже привязанъ къ власти, когда она дѣйствуетъ въ силу закона, но смѣло защищаетъ противъ нея все, что считаетъ закономъ страны и собственнымъ своимъ правомъ. Это чувство одушевляло обѣ партіи среди самыхъ несогласій. Партія революціи боролась противъ незаконныхъ дѣйствій и притѣсненій, которымъ Англія подвергалась со стороны короля въ прошедшемъ и которыхъ она страшилась въ будущемъ. Партія монархіи боролась противъ незаконныхъ дѣйствій и притѣсненій, которымъ парламентъ подвергалъ страну въ будущемъ. Въ глубинѣ души всѣхъ жило уваженіе къ праву и закону, хотя и нарушаемому каждый день; оно скрывало отъ нихъ тѣ страданія и бѣдствія, какія готовила имъ междуособная война.

Въ нравахъ той и другой партіи не было сильнаго противорѣчія съ междуособною войною. *Кавалеры* были люди горячіе и грубые, еще не отвыкшіе отъ битвъ, отъ этой

страсти прибѣгнуть къ силѣ, характеризовавшей феодальную эпоху. *Пуритане* были люди суровые и стойкіе, воспитавшіеся на страстяхъ и воспоминаніяхъ еврейскаго народа, который защищалъ и мстилъ за своего Бога, поражая враговъ. Для тѣхъ и другихъ не новостью было жертвовать жизнью, и пролитая кровь не ужасала ихъ.

Еще одна причина, болѣе скрытая, вызывала и ожесточала проявленіе страстей. Борьба не ограничивалась политическими и религіозными партіями: подъ ней скрывалась другая, общественная борьба—борьба различныхъ сословій народа за вліяніе и власть. Не то, чтобы эти сословія были глубоко раздѣлены и враждебны между собою въ Англіи, какъ это было въ другихъ странахъ; главные бароны, вмѣстѣ со своими льготами, поддерживали льготы народа, и народъ не забылъ этого. Сельское дворянство и горожане уже три вѣка заседали въ одномъ и томъ же парламентѣ, какъ представители англійскихъ общинъ; но въ послѣднее столѣтіе въ относительной силѣ различныхъ классовъ общества совершились большія перемѣны, а между тѣмъ, въ правленіи не было сдѣлано соотвѣтственныхъ перемѣнъ. Торговая дѣятельность и религіозный энтузіазмъ дали необыкновенный толчекъ капиталамъ и идеямъ въ среднемъ сословіи. Въ одномъ изъ первыхъ парламентовъ, въ царствованіе Карла I, съ удивленіемъ замѣчено было, что палата депутатовъ втрое богаче палаты лордовъ. Высшая аристократія уже не имѣла и не доставляла престолу, который она продолжала окружать, прежняго перевѣса въ націи. У горожанъ, у провинціальнаго дворянства, у фермеровъ и мелкопомѣстныхъ собственниковъ, въ то время очень многочисленныхъ, не было вліянія на государственныя дѣла, сообразнаго съ значеніемъ ихъ въ государствѣ. Они выросли, но не повысились. Отсюда между ними и подъ ними этотъ гордый и могучій духъ честолюбія, который готовъ былъ ухватиться за всякій случай, чтобы высказаться. Междоусобная война открыла широкое поле ихъ дѣятельности и надеждамъ. Въ началѣ своемъ она не представляла какой-нибудь исключительной, враждебной классификаціи общества: во главѣ народной партіи было много сельскихъ дворянъ и даже самыхъ значительныхъ аристократовъ. Но въ массѣ, съ одной стороны дворянство, съ другой—горожане и народъ стали—одни вокругъ престола, другіе—вокругъ парламента, и ясные признаки уже говорили о великомъ социальномъ движеніи среди этой великой политической борьбы, и о стремленіяхъ возвышающейся демократіи, прокладывавшей себѣ дорогу черезъ ряды ослабѣвшей и раздѣленной аристократіи.

Въ состояніи общества—скажу даже въ законахъ государства—обѣ партіи нашли естественныя и почти правильныя средства поддержать свои права или притязанія вооруженною рукою. Со временъ Елизаветы нижняя палата

усердно занималась уничтоженіемъ послѣднихъ институтовъ уже пошатнувагося феодализма; но отъ него оставались еще глубокіе слѣды: феодальныя привычки и чувства, иногда даже правила, еще господствовали въ сношеніяхъ ленныхъ владѣтелей какъ съ королемъ, ихъ господиномъ (souverain), такъ и съ нѣкоторою частью народонаселенія, группировавшагося вокругъ нихъ, въ ихъ замкахъ или на ихъ земляхъ. По ихъ призыву, оно поднималось для пировъ или для битвъ точно такъ же, какъ они сами шли на призывъ короля, когда онъ требовалъ ихъ услугъ. Это была одна изъ тѣхъ переходныхъ эпохъ, когда старыя законы еще уважаются, не смотря на то, что они устарѣли, и еще условливаютъ дѣйствія людей, хотя и не связываютъ ихъ болѣе. Рабскія отношенія уступили мѣсто привязанности; вѣрность вассала превратилась въ вѣрность подданнаго; кавалеры, богатые и бѣдные, стекались къ королю, готовые за него сражаться и умирать и сопровождаемые цѣлымъ сонмомъ или маленькою горстью своихъ слугъ, готовыхъ сражаться и умирать за нихъ.

Съ другой стороны, граждане, ремесленники, городская чернь также имѣли свои средства къ независимой дѣятельности и даже къ войнѣ, только подъ другими формами. Они были организованы въ муниципальныя или коммерческія корпораціи, свободно сходились для совѣщаній о своихъ дѣлахъ; собирали налоги, набирали милицію, чинили судъ и расправу—словомъ, разсуждали и дѣйствовали въ оградѣ своихъ стѣнъ или въ предѣлахъ (не всегда ясныхъ) своихъ хартій, какъ маленькіе государи. Обширное распространеніе торговли и промышленности, ихъ богатство, ихъ связи и кредитъ давали этимъ корпораціямъ силу, которую они употребляли на пользу своего дѣла, съ отважною новою, непривычною гордостью.

У королевской власти, ни въ селахъ, ни въ городахъ, не было того господства, какое даетъ центральная, единая администрація. Финансы, дѣла военныя и даже юстиція находились болѣе или менѣе въ рукахъ властей мѣстныхъ и почти независимыхъ: провинціальныхъ землевладѣльцевъ, муниципальных совѣтовъ или разныхъ корпорацій, которыя въ интересахъ своего политическаго дѣла болѣе и болѣе овладѣвали административными силами, не всегда для того, чтобъ поддерживать центральную власть короля или парламента, а иногда и для того, чтобъ противиться ей.

А когда этихъ средствъ было мало, когда дѣло превышало объемъ старинныхъ и призванныхъ мѣстныхъ властей, тогда исконный и могущественный въ этой странѣ духъ ассоціаціи мгновенно устраивалъ между графствами и городами, разными частями территоріи и разными классами общества практическія, дѣятельныя связи, въ силу которыхъ добровольно возникали новыя, временныя ассоціаціи; набирали денегъ и солдатъ, составляли комитеты, выби-

рали вождей, которые обязаны были руководить ихъ долей участія въ общемъ дѣлѣ.

Въ одной изъ такихъ ассоціацій, именно, въ ассоціаціи пяти восточныхъ графствъ, соединенныхъ для поддержанія парламента, показалъ Кромвель первые знаки силы и пустилъ первые корни своего могущества.

Въ обществѣ, устроенномъ на такую ногу, междоусобная война не представляла чего-нибудь неслыханнаго или неисполнимаго. Скоро она покрыла всю страну, отчасти вызванная приказаніями агентовъ короля или парламента, отчасти начатая гражданами добровольно, и съ обѣихъ сторонъ поддерживаемая съ энергіей, иногда печальной, но всегда рѣшительной, какая возможна только тогда, когда человѣкъ чувствуетъ, что онъ пользуется правомъ и исполняетъ долгъ свой. Чувствомъ правоты и важности своего дѣла проникнуты были обѣ партіи глубоко. На пользу этого дѣла обѣ онѣ приносили такія усилія и жертвы, которыя возвышаютъ души въ минуту самаго заблужденія и даютъ страстямъ видъ и даже иногда цѣну добродѣтели. И въ добродѣтели не было недостатка ни въ той, ни въ другой партіи. Кавалеры, при всей своей необузданности и развратѣ, могли однако-жъ, указать въ своихъ рядахъ прекраснѣйшіе образцы великаго, благороднаго характера старинныхъ фамилій, отличавшихся преданностью безъ искаательства и достоинствомъ въ самомъ подчиненіи. Съ своей стороны, гордые и суровые пуритане оказывали отечеству неоцѣненную услугу: они основывали въ немъ строгую нравственность частной жизни и святость семейства. Обѣ партіи боролись жестоко, но и среди борьбы не отрекались отъ всѣхъ тѣхъ чувствъ, какія имъ свойственны были во времена порядка и мира. Мы не видимъ ни кровавыхъ бунтовъ со стороны народа, ни отвратительной бойни по приговорамъ судовъ. Это была междоусобная война, горячая, упорная, конечно, не безъ насилій и бѣдствій, но и безъ варварскихъ или циническихъ неистовствъ: нравы народа сдерживали ее въ извѣстныхъ предѣлахъ правосудія и челоуѣчности.

Спѣшу воздать партіямъ эту справедливость, потому что добродѣтели партій очень непрочно и недолго выдерживаютъ, когда на нихъ подуетъ буря революцій. По мѣрѣ продолженія междоусобной войны, со дня на день слабѣло уваженіе къ правамъ, слабѣли чувства справедливости и великодушія. Развились естественныя слѣдствія революціоннаго состоянія и исказили въ обѣихъ партіяхъ легальныя и нравственныя идеи и привычки. У короля не было денегъ—кавалеры предались необузданному грабежу. Для военныхъ нуждъ оказались недостаточными налоги, которые собиралъ парламентъ: онъ сталъ вводить во всѣхъ графствахъ болѣе или менѣе замаскированную систему конфискацій, которая отдавала въ его руки доходы и часто

самыя помѣстья его враговъ, клеймимыхъ именемъ *преступниковъ*, и стала обычнымъ источникомъ обогащенія для его приверженцевъ. Въ этомъ всеобщемъ и повсюдномъ безпорядкѣ, среди злоупотребленій силы и среди крайностей, до которыхъ доводитъ несчастье, безпрестанно пробуждаемы были недобрыя страсти; всякому недоброму желанію открывались виды на успѣхъ. Людми энергическими овладѣвала ненависть и мстительность; люди слабые предавались робости и подлости. Парламентъ, который, сражаясь съ королемъ, имѣлъ претензію дѣйствовать во имя законовъ и служить королю, былъ осужденъ на фальшивый и лицемерный языкъ, при самыхъ рѣзкихъ своихъ дѣйствіяхъ. Роялисты, боясь скрытыхъ мыслей короля, видя, что отъ нихъ требуютъ жертвъ, превышающихъ ихъ силы, и съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе отчаяваясь въ успѣхъ своего дѣла, чувствовали, какъ преданность къ королю погасала въ ихъ сердцѣ, и многіе изъ нихъ подчинялись, вслѣдствіе упадка духа, или же вознаграждали себя самовольствомъ. Ложь, насиліе, алчность, малодушіе во всѣхъ видахъ росли быстро между людьми, замѣшанными въ борьбу; и та часть народонаселенія, которая не принимала участія въ революціи, или смотрѣла на нее издали, вслѣдствіе заразительнаго вліянія этого зрѣлища, также мало по-малу теряла понятія о правахъ и обязанностяхъ, о справедливости и добродѣтели, или сохраняла ихъ въ смутномъ, нетвердомъ видѣ.

Въ то же время она была жестоко поражена въ отношеніи своихъ матеріальныхъ интересовъ. Повсемѣстная и повсюду безпорядочная война разоряла города и села, уничтожала насущныя средства и надежды народа, разрушала его промышленность. Финансовыя мѣры парламента, злоупотребляемыя мѣстными интригами и недоброжелательствомъ, вводили неурядицу и сбивали цѣну съ поземельной собственности; исчезла всякая безопасность въ текущихъ занятіяхъ и въ трудахъ для будущаго. Гражданская жизнь была нарушена и искажена даже въ нѣдрахъ семействъ, совершенно чуждыхъ политической борьбѣ. Такъ какъ страхъ идетъ всегда скорѣе и дальше дѣйствительныхъ страданій, то страна, подвергшись чувствительному бѣдствію, сдѣлалась добычей унынія, болѣе чувствительнаго, нежели самое бѣдствіе.

Взрывъ этихъ жалобъ и этихъ желаній не заставилъ себя долго ждать. Война была еще въ полномъ разгарѣ, когда у дверей парламента уже начали раздаваться крики: *мира! мира!* Его требовали многочисленныя петиціи, одна за другою поступавшія въ парламентъ и доставлявшіяся такими многочисленными и такими раздраженными массами, что надобно было употреблять силу, чтобъ разгонять ихъ. Въ самой палатѣ депутатовъ, не смотря на удаленіе почти всей первой партіи роялистовъ, образовалась во имя мира

новая партія роялистовъ, не упускавшая ни одного случая высказать его необходимость и открыть съ королемъ переговоры. Многочисленные попытки этихъ переговоровъ не имѣли успѣха—съ одной стороны, вслѣдствіе происка тѣхъ ратниковъ того и другого лагеря, которые не хотѣли мира, потому что не хотѣли дѣлать требуемыхъ миромъ уступокъ, съ другой—вслѣдствіе слабости и неопытности тѣхъ, которые хотѣли мира, но не смѣли хотѣть его условій. Междоусобная война продолжалась, но партія, которая начала ее, распалась на части; въ парламентѣ опять началась борьба за и противъ революціи.

Внѣ парламента, особенно въ селеніяхъ, народъ не довольствовался требованіемъ мира у парламента; онъ старался—по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ—самъ принудить къ тому обѣ партіи. Образовались товарищества, пришли въ движеніе вооруженныя массы; онѣ объявляли, что не хотятъ болѣе сносить разоренія своихъ земель ни отъ парламентскихъ, ни отъ королевскихъ войскъ, и дрались съ тѣми и другими при встрѣчѣ, безъ разбора. Это было нѣчто въ родѣ вооруженнаго нейтралитета среди междоусобія—попытка бесплодная, но она показывала, до какой степени обѣ партіи, увлеченныя своей борьбой, уже противны были чувствамъ и интересамъ народа.

Пока война была сильна и исходъ ея сомнителенъ, всѣ эти страданія и впечатлѣнія народа, хотя и поражали въ немъ реакцію въ пользу мира, однакожь еще не приводили его къ королю, а если и приводили, то слабо и нерѣшительно. Его обвиняли въ упрямствѣ и хитрости. Горько жаловались на его тайныя интриги съ королевой и съ католиками, которыхъ страшно ненавидѣли и боялись. Ему ставили въ вину всѣ бѣдствія и продолжительность междоусобной войны, по крайней мѣрѣ столько же, сколько парламенту.

Когда война пришла къ концу, когда король былъ плѣнникомъ въ рукахъ парламента, реакція въ пользу мира отмѣтилась болѣе рѣшительнымъ и болѣе-всеобщимъ склоненіемъ къ роялизму. Король уже не могъ ничего дѣлать и переносилъ свое несчастіе съ достоинствомъ. Парламентъ могъ дѣлать все, и однакожь, бѣдствія народа не прекращались. Теперь вся отвѣтственность тяготѣла на парламентѣ: на него обрушились всѣ неудовольствія, всѣ несбывшіяся надежды, все подозрѣніе и гнѣвъ, всѣ проклятія за настоящее и всѣ страхи за будущее.

Подвинутые этимъ національнымъ чувствомъ, проученные угрожающей опасностью, политическіе реформаторы, первые вожди революціи въ парламентѣ, а за ними и часть религіозныхъ новаторовъ, пресвитеріане, враждебные епископальной церкви, но невраждебные монархическому правленію, рѣшились на послѣднюю попытку, чтобъ заключить,

наконецъ, миръ съ королемъ и разомъ завершить и войну и революцію.

Это было ихъ искреннимъ, даже пламеннымъ желаніемъ; но они еще слишкомъ были полны революціонныхъ предубѣжденій и притязаній, которыя уже не разъ дѣлали миръ невозможнымъ. Они потребовали отъ короля, чтобъ онъ освятилъ своей санкціей произведенное ими разрушеніе монархіи и церкви, или, говоря иначе, собственными руками доломалъ бы зданіе, которое служило ему оплотомъ, и которое онъ присягалъ защищать.

Они постановили принципомъ и примѣняли на практикѣ прямую верховность палаты депутатовъ; а когда имъ, въ свою очередь, пришлось противостать потоку народной воли, удивлялись, что встрѣтили не помощь и не преданность, а подозрительность и вражду со стороны той аристократіи и церкви, которую они сами же уронили въ глазахъ народа и ниспровергли.

Если бъ имъ и удалось заключить миръ съ королемъ, этотъ миръ не повелъ бы ни къ чему. Слишкомъ поздно было останавливать революцію; а приводить ее къ истинной, національной ея цѣли еще слишкомъ рано. Провидѣніе только что начинало исполнять свое правосудіе и давать уроки. Лишь только первые вожди движенія принялись чинить разрушенное ими зданіе, возсталла настоящая революціонная партія, съ грубымъ презрѣніемъ оттолкнула ихъ новую мудрость, выгнала ихъ изъ парламента, осудила короля на смерть и провозгласила республику.

Съ тѣхъ поръ, какъ англійская республика положила на плаху голову короля Карла I и, почти вслѣдъ за тѣмъ, пала и сама на этой почвѣ, орошенной королевскою кровью, прошло два вѣка. Французская республика еще разъ дала міру такое же зрѣлище. И послѣ этого все еще говорятъ, что эти великія злодѣянія были великими политическими актами, необходимыми, чтобъ основать эти республики, пережившія ихъ едва нѣсколькими днями!

Безумство и развращеніе человѣческое любятъ прикрывать себя покровомъ величія. Ни историческая истина, ни интересы народовъ не должны терпѣть этой лжи.

Духъ вѣры и религіозной свободы выродился въ нѣкоторыхъ сектахъ въ надменный и задорный фанатизмъ, который не ладилъ ни съ какою властью и находилъ себѣ удовлетвореніе только въ безграничной независимости и гордынѣ духа. Вслѣдствіе междоусобной войны, эти сектанты сдѣлались солдатами, въ которыхъ соединялись резонерство и преданность, энтузіазмъ и дисциплина. Вышедши, по большей части изъ нижнихъ классовъ и знаній, они съ жадностью наслаждались удовольствіемъ повелѣвать, властвовать, считать себя и называть избранниками божіими, могущественными орудіями божьей воли и правосудія.

Пользуясь ихъ религіознымъ энтузіазмомъ, ихъ военной дисциплиной и демократическимъ духомъ, Кромвель скоро пріобрѣлъ довѣріе этихъ людей и сдѣлался ихъ главою. Растрата свою молодость въ заблужденіяхъ бурнаго темперамента, въ порывахъ пылкой, неспокойной набожности и въ служеніи интересамъ или желаніямъ окружавшаго его народа, онъ, при первой открывшейся возможности, бросился въ политику и войну, какъ единственную дорогу, на которой могъ вполнѣ себя развернуть и удовлетворить. Это былъ самый бурный изъ сектантовъ, самый дѣятельный изъ революціонеровъ, самый даровитый изъ солдатъ; онъ съ равнымъ жаромъ готовъ былъ говорить, молиться, дѣлать заговоры, драться; любилъ пускаться въ разговоры и говорилъ чрезвычайно сильно, хотя и небрежно, а въ случаѣ нужды, умѣлъ лгать съ неистощимой дерзостью, которая даже враговъ его приводила въ изумленіе и смущала; былъ нѣженъ и грубъ, отваженъ и благоразуменъ: не чуждался мистицизма и обладалъ большимъ практическимъ смысломъ; не зналъ предѣловъ своимъ замысламъ и не задумывался, когда нужно было дѣйствовать; хотѣлъ успѣха во что бы ни стало, скорѣе всякаго другого умѣлъ разсудить и употребить нужныя къ тому средства и заставлялъ думать всѣхъ—друзей и недруговъ—что никто не могъ бы дѣйствовать такъ успѣшно и идти далеко, какъ онъ.

Для такой партіи, предводимой такимъ человѣкомъ, республика была хороша: она удовлетворяла ихъ страстямъ, открывала широкую дорогу всѣмъ ихъ надеждамъ, обеспечивала интересы, созданные для нихъ междоусобной войной. Геніальность вождя ставила государство въ зависимость отъ арміи, а военная дисциплина и сообщничество солдатъ передавали власть Кромвелю.

Изъ уваженія къ ихъ искренности, къ ихъ даровитости, къ ихъ несчастіямъ, я не хочу высказать вполнѣ своихъ мыслей о нѣкоторыхъ людяхъ съ прославленнымъ именемъ, бывшихъ также республиканцами, но республиканцами не вслѣдствіе религіознаго фанатизма, а вслѣдствіе политической системы и въ подражаніе образцамъ древности. Сидней, Венъ, Лудло, Гаррингтонъ, Гатчинсонъ, Мильтонъ— всѣ эти были люди съ умомъ возвышеннымъ и съ горячимъ сердцемъ, сгоравшіе благороднымъ рвеніемъ къ чести и славѣ своей отчизны и человѣчества, но до такой степени неразсудительные, безумно гордые, что ихъ ничему не могли научить ни власть, ни невзгоды; довѣрчивые, какъ дѣти и упрямые, какъ старики, изъ-за надеждъ своихъ не замѣчавшіе ни опасностей, ни ошибокъ, они въ ту минуту, когда ихъ собственная анархическая тиранія приготавливала возвышеніе другой тиранніи, болѣе благоразумной и сильной, воображали, что основываютъ самое свободное и самое славное изъ правленій.

Кромъ этихъ сектъ, сложившихся въ полки, и этихъ котерій, засѣдавшихъ теперь въ качествѣ парламента, никто въ Англіи не хотѣлъ республики: она оскорбляла преданія, нравы, законы, старинныя привязанности, старинную святню, правильные интересы, добрый порядокъ, здравый смыслъ и нравственное чувство страны.

Раздраженные и встревоженные этимъ явнымъ отвращеніемъ публики къ ихъ планамъ, сектаторы и Кромвель пришли къ мысли, что, для поддержанія столь ненавистнаго правленія, надобно на первыхъ порахъ доказать его силу и утвердить его право ударомъ страшнымъ и безвозвратнымъ. Они дали себѣ слово освятить республику на эшафотѣ Карла I.

Но революціонеры, даже самые даровитые, близоруки. Упоенные страстью, или увлекшись потребностью минуты, они не предвидѣли, что ихъ сегодняшнее торжество завтра же будетъ для нихъ смертнымъ приговоромъ. Казнь Карла I отдала оцѣпенѣвшую отъ ужаса Англію въ руки республиканцамъ и Кромвелю; но съ этого же самаго дня республика съ Кромвелемъ стала не болѣе, какъ правленіемъ насильственнымъ, недолговѣчнымъ, отмѣченнымъ той печатью высочайшаго беззаконія, которая самая сильная и самая блестящая правительства обрекаетъ на вѣрную гибель.

85340 Все поднимали судьи Карла I, чтобы отнять у своего поступка этотъ роковой характеръ и представить его, какъ дѣйствіе божьяго суда, который они призваны были выполнить. Карль стремился къ безграничной власти и поддерживалъ междоусобную войну; по приказанію Карла или съ его вѣдома, нарушено было много правъ, пролито много крови; на него сваливали всю отвѣтственность за деспотизмъ и войну; ему ставили въ вину всѣ угнетенія и всю пролитую кровь—преступленіе неслыханное, которое могло быть омыто только его кровью. Но народную совѣсть нельзя до такой степени усыпить, даже когда она поражена смущеніемъ и ужасомъ. И кромъ Карла были другіе, угнетавшіе народъ и проливавшіе кровь. Если король нарушалъ права своихъ подданныхъ, то и права короля, также старинныя, точно также опредѣленныя законами, столько же необходимыя для охраненія народныхъ льготъ, были также нарушены, поправаны, отняты. Онъ велъ войну, но велъ для того, чтобы защитить себя. Кому же не извѣстно было, что въ ту минуту, когда онъ рѣшился воевать, противъ него была приготовлена война, имѣвшая цѣлю принудить его, чтобы онъ, послѣ столькихъ уступокъ, отдалъ и то, что у него еще оставалось изъ правъ его власти—послѣднія развалины легальнаго правленія государства? И теперь, когда король былъ побѣжденъ, его осудили, его приговорили къ смерти, противъ всякихъ законовъ, за такія дѣйствія, которыхъ никогда никакой законъ не предусматривалъ и не называлъ преступленіями, которыхъ ни совѣсть короля, ни совѣсть народа никогда не думали счи-

татъ подлежащими человѣческому суду или человѣческой карѣ. Какое негодованіе, какой мятежь поднялся бы со всѣхъ сторонъ, еслибъ съ самымъ послѣднимъ изъ гражданъ поступили такимъ образомъ, предавъ его смерти за преступленія, опредѣленные послѣ казни, по приговору судей-самозванцевъ, которые вчера еще были его враги, сегодня—соперники, завтра—наслѣдники! А между тѣмъ то, чего не рѣшились бы сдѣлать съ послѣднимъ изъ англичанъ, сдѣлано съ королемъ Англій, верховнымъ главою церкви и государства, представителемъ и символомъ власти, порядка, закона, правосудія—словомъ, всего того, что соприкасается въ человѣческомъ обществѣ съ атрибутами божества и пробуждаетъ ихъ идею!

Нѣтъ такого слѣпого фанатизма, нѣтъ такой развращенной политики, которымъ бы въ самую минуту ихъ торжества не блеснулъ яркій свѣтъ въ видѣ торжественнаго и неожиданнаго протеста человѣческой совѣсти. Два республиканца, изъ которыхъ одинъ былъ записанъ въ числѣ судей короля, Венъ и Сидней—самыя славныя имена во всей партіи—было ли то вслѣдствіе упрековъ совѣсти, или изъ предосторожности—не захотѣли принять участія въ процессѣ и уѣхали изъ Лондона, чтобъ не быть даже свидѣтелями его. А когда нижняя палата, въ качествѣ верховной власти, стала составлять республиканскій государственный совѣтъ, то изъ срока одного члена, назначенныхъ войти въ составъ его, двадцать два рѣшительно отказались принять присягу, которая содержала въ себѣ одобреніе приговору, произнесенному надъ королемъ; и цареубійцы-республиканцы, съ Кромвелемъ во главѣ, должны были поневолѣ признать своими товарищами тѣхъ людей, которые ни за что не хотѣли быть сочтены ихъ сообщниками.

Сначала новое правленіе встрѣтило только страдательное противодѣйствіе, но оно встрѣтило его повсюду.

Шестеро изъ двѣнадцати верховныхъ судей наотрѣзъ отказались оставаться при своихъ должностяхъ, а шестеро другихъ согласились остаться при нихъ только подъ условіемъ, что они будутъ продолжать чинить судъ по старымъ законамъ. Республиканскій парламентъ принялъ ихъ условіе.

Когда парламентъ постановилъ провозгласить республику въ лондонской Сити, лордъ-мэръ воспротивился этому. Онъ былъ смѣненъ и посаженъ въ тюрьму. Несмотря на назначеніе новаго мэра, три мѣсяца прошло, прежде нежели рѣшились сдѣлать эту прокламацію; а когда она была, наконецъ, сдѣлана, большая часть альдерменовъ не присутствовала при ней. Церемонія была подкрѣплена войсками, но это не могло совершенно отвратить оскорбительныхъ выходокъ со стороны народа. Когда парламентъ преобразовалъ составъ муниципальнаго совѣта, большая часть ихъ новоназначенныхъ членовъ не захотѣла вступить въ него. Пришлось разрѣшить совѣту начать свои засѣданія въ маломъ числѣ. Пар-

ламентъ чуть-чуть не нашель себя принужденнымъ уничтожить права Сити.

Когда вздумали чеканить республиканскую монету, директоръ монетныхъ дѣлъ объявилъ, что онъ не дозволить этого, и былъ отставленъ.

Отъ должностныхъ лицъ, гражданскихъ и духовныхъ, потребована была присяга въ вѣрности республикѣ. Не смотря на всю простоту и безобидность формулы, какую могли придумать для нея, они тысячами оставляли свои мѣста или приходы, чтобъ только не давать этой присяги. Больше, чѣмъ черезъ годъ по учрежденіи республики, пресвитеріанскій синодъ, собравшійся въ Лондонѣ формально объявилъ, что присяги давать не должно. Когда потребовали присяги отъ университетовъ оксфордскаго и кембриджскаго, то знатнѣйшіе члены этихъ корпорацій по ученой и административной части сложили съ себя свои должности.

На публичныхъ зданіяхъ и памятникахъ по всей Англіи приказано было разрушать знаки королевской власти, и почти нигдѣ приказъ этотъ не исполнялся. Его нѣсколько разъ возобновляли безъ всякаго успѣха, и республика, основанная уже болѣе двухъ лѣтъ, видѣла себя вынужденною повторять повсюду то же самое приказаніе, возложивъ отвѣтственность и издержки на приходы.

Наконецъ, не раньше, какъ чрезъ два года послѣ осужденія короля, осмѣлился республиканскій парламентъ подать формальное мнѣніе, что виновники, судьи и исполнители этого акта, исполняли свой долгъ, одобрить весь процессъ и занести это мнѣніе въ протоколы парламента.

Никогда не случалось, чтобъ народъ, побѣжденный революціонной партіей и принявшій свое покореніе безъ возстаній, яснѣе этого показывалъ своимъ побѣдителямъ свое нежеланіе подчиняться имъ и содѣйствовать.

Къ этому страдательному противодѣйствію народа скоро присоединились, противъ республиканскаго правительства, нападенія враговъ.

Первыя нападенія шли отъ самихъ республиканцевъ. Въ XVII вѣкѣ, такъ же какъ и въ XIX, подъ этимъ именемъ разумѣлись чрезвычайно различныя идеи, планы, партіи. За реформаторами политическаго порядка шли реформаторы порядка общественнаго, а за ними разрушители всякаго порядка и всякаго общества. Республика Сиднея и Мильтона была недостаточна для страстей и притязаній религіознаго фанатизма и демократическаго духа тѣмъ болѣе слѣпыхъ и необузданныхъ, чѣмъ ниже будемъ мы спускаться по слоямъ партіи. Возникли уравнители; явились коммунисты. Республика не прожила еще и шести мѣсяцевъ, какъ уже четыре возмущенія солдатъ-сектаторовъ, вызванныя и подкрѣпленныя безконечной вереницей памфлетовъ, проповѣдей и народныхъ процессій, раскрыли ея внутреннюю анархію и повергли въ опасность ея правительство.

Партія роялистовъ поднялась не такъ скоро. Длинный рядъ поражений, казнь короля, сильный гнетъ, надъ ней тяготѣвшій—все это держало ее въ состояніи оцѣпенѣнія. Раздоры между ея побѣдителями и очевидное нерасположеніе народа къ новому правленію возвратили ее, наконецъ, къ жизни и надеждѣ. Въ теченіе двухъ лѣтъ, семь заговоровъ и возмущеній, устроенныхъ или чистыми роялистами, или роялистами-пресвитеріанами, столь же горячими врагами республики, доказали ея вождямъ, что съ королемъ они еще не убили авторитета королевской власти.

Скоро между заговорщиками-роялистами и заговорщиками-республиканцами, между кавалерами и уравниателями, завязались тайныя связи. Они начали дѣлать заговоры вмѣстѣ. Общая ненависть заглушаетъ всѣ другія непріязненные отношенія.

Въ то время, какъ Англія страдала отъ этой анархіи, Шотландія и Ирландія, обѣ, отличавшіяся роялизмомъ, хотя съ различными мотивами и чувствами, явно отреклись отъ республики, провозгласили Карла Стюарта королемъ, призвали на свою почву и поставили у себя во главѣ, одна — самого Карла, другая—его представителей, и начали войну, чтобъ возстановить его на престолѣ.

При этомъ распаденіи трехъ королевствъ, среди этихъ заговоровъ, въ одно и то же время разрозненныхъ и соединенныхъ, такъ же скоро возраждавшихся, какъ и разрушаемыхъ, и поочередно поднимавшихъ и понижавшихъ надежды и страхъ, стремленія и дѣятельность всѣхъ партій на всей территоріи, общественныя узы быстро распались, пружины власти ослабли. Не стало правильности и безопасности для интересовъ гражданской жизни ни въ администраціи графствъ и приходовъ, ни въ финансахъ общихъ и мѣстныхъ, ни въ государственныхъ должностяхъ, ни въ частныхъ имуществвахъ. По дорогамъ, вокругъ городовъ, размножились воры и разбойники; они ходили цѣлыми шайками, припутывали политическія страсти къ своимъ злодѣйствамъ, останавливали проѣзжихъ вопросомъ: присягали ли они въ вѣрности республикѣ? и, смотря по отвѣту, били ихъ или отпускали. Чтобъ усмирить ихъ, надобно было разставить войска въ разныхъ мѣстахъ и держать множество конныхъ полковъ въ безпрестанномъ движеніи; но эта мѣра, не смотря на всю энергію ея исполненія, имѣла далеко неполный успехъ, ибо разложеніе общества порождало гораздо больше безпорядковъ, нежели сколько успѣвало исправлять республиканское правительство.

Осажденные столькими опасностями и, притомъ, требовавшими немедленной обороны, вожди республиканскаго парламента не унывали; у нихъ были энергія и упрямство, поддерживаемыя въ однихъ вѣрой, въ другихъ—эгоизмомъ; ихъ благороднѣйшія надежды и самые обыкновенные интересы, ихъ честь и жизнь связаны были съ ихъ предпріяті-

емъ; они предавались ему смѣло; но, чтобъ доставить ему торжество, слѣпо расточали тѣ ошибочныя средства, которыя спасаютъ дѣло на нѣсколько дней съ тѣмъ, чтобы потомъ совершенно погубить его.

Съ первыхъ шаговъ своихъ они довели почти до крайнихъ предѣловъ политическую тираннію: они постановили, что всякій, кто въ теченіе междоусобной войны приставалъ къ королю, или былъ противъ парламента, не можетъ впредь быть выбираемъ въ члены парламента, или занимать какую-либо важную должность въ государствѣ. Вскорѣ это правило было распространено на всякую муниципальную должность и даже на простое право подавать голосъ на выборахъ. Такимъ образомъ, всѣ противники республики рядомъ поставлены были въ положеніе какихъ-то илотовъ, лишенныхъ всякаго политическаго права и всякой политической жизни въ своемъ отечествѣ.

Сначала требовали присяги только съ должностныхъ лицъ, гражданскихъ или духовныхъ, и если они отказывались, то это не влекло за собою никакихъ послѣдствій, кромѣ потери мѣста. Многочисленность отказовъ раздражила и обезпокоила побѣдителей. Чтобъ утолить свое раздраженіе и въ суетной надеждѣ избавиться отъ безпокойствъ, они сдѣлали присягу обязательною для всякаго англичанина свыше 18-лѣтняго возраста; тѣмъ, кто отказывался, не дозволялось даже являться въ судахъ для защиты своихъ собственныхъ интересовъ, и такимъ образомъ, политическое разногласіе влекло за собою гражданскую неспособность.

Секвестрованіе и конфискація имѣній производились противъ побѣжденныхъ самымъ невыносимымъ и возмутительнымъ образомъ, безъ всякихъ опредѣленныхъ, общихъ правилъ, мѣрами частными, эластическими, то усиливаемыми, то облегчаемыми, смотря по потребности минуты, по алчности сильнаго врага, по тому или другому непредвидѣнному обстоятельству; они дѣлались по именнымъ спискамъ, то очень обширнымъ, то весьма ограниченнымъ и состоявшимся почти совершенно по произволу, такъ что никто изъ тѣхъ, кому они грозили, не могъ навѣрное знать напередъ, каково его положеніе, и какова будетъ его участь.

Одно оружіе оставалось у побѣжденныхъ, роялистовъ и уравнителей—гласность, печать. По прекращеніи междоусобной войны, они пользовались этимъ оружіемъ смѣло, какъ дѣлала побѣдившая партія во все продолженіе своей борьбы съ королемъ. Они могли считать себя въ правѣ, потому что послѣдній цензоръ монархіи, М. Мабботъ, подалъ въ отставку, не желая болѣе служить орудіемъ такого злоупотребленія, а первый секретарь республиканскаго государственнаго совѣта, Мильтонъ, краснорѣчиво требовалъ свободаго книгопечатанія, какъ одного изъ существенныхъ правъ свободаго народа. Республиканское правительство не назначило новаго цензора, но издало объ употребленіи пе-

чати такой законъ, которымъ могла удовольствоваться самая подозрительная бдительность. Только четыремъ городамъ во всей Англіи была предоставлена привилегія печатать книги: Лондону, Йорку, Оксфорду и Кэмбриджу. Ни одинъ журналъ, ни одно періодическое изданіе не могло выходить безъ разрѣшенія правительства; типографщики должны были представлять залогомъ. Подвергали суду и наказанію не только тѣхъ, кто принималъ участіе въ появленіи какого-нибудь возмутительнаго сочиненія, но и со всякаго, купившаго возмутительное сочиненіе, брали штрафъ, если онъ въ теченіе 24 часовъ не приносилъ книги къ ближайшему начальству и не объявлялъ о его зловредности.

По крайней мѣрѣ, одна свобода—свобода религіозная—могла бы, кажется, ожидать лучшей участи при республиканскомъ правленіи: ее съ самаго начала республиканскіе сектаторы сдѣлали девизомъ своего знамени. Имъ не только нужно было требовать ее для себя, но ее безусловно предписывали самые ихъ принципы: они отвергали всякое общее обязательное управленіе церкви и за всякой отдѣльной общиной признавали право управляться само собою. Но въ томъ-то и состоитъ одно изъ самыхъ печальныхъ заблужденій нашихъ, что человѣческая непослѣдовательность, какъ нарочно, всего болѣе проявляется тамъ, гдѣ она всего беззаконнѣе и возмутительнѣе—въ дѣлѣ вѣры и совѣсти. Та самая партія, тѣ самые люди, которые цѣлое столѣтіе съ удивительнымъ постоянствомъ ратовали за религіозную свободу, которые дѣлали изъ этой свободы основаніе христіанскаго общества, эти самые люди, сдѣлавшись властелинами, исключили рѣшительно изъ всякой свободы три обширные класса: католиковъ, епископаловъ и свободномыслящихъ. Противъ католиковъ не было предѣловъ преслѣдованію: ихъ вѣра и богослуженіе были обречены безусловному осужденію; мірянамъ грозила гражданская неспособность и конфискованіе имущества, духовенству—тюрьма, ссылка цѣлыми массами, смерть. Судьба епископальной протестантской церкви, ниспровергнутой и разсѣянной пресвитеріанскимъ парламентомъ, сдѣлалась еще хуже при республиканскомъ парламентѣ: на нее обрушилась вся мечь и подозрительность сектаторовъ; дошло до того, что даже внутри семействъ запрещено было присутствіе священниковъ этой церкви и употребленіе ея литургіи и молитвъ. Что касается людей свободномыслящихъ, вовсе не такъ рѣдкихъ въ эту эпоху, какъ обыкновенно думаютъ, то если встрѣчался между ними кто-нибудь, по неосторожности или изъ отвращенія къ притворству, высказывавшій свои мысли громко, его преслѣдовали, сажали въ тюрьму, исключали изъ парламента и лишали самыхъ ничтожныхъ должностей. Пресвитеріане, какъ враги епископаловъ, пользовались нѣкоторою терпимостью, но всегда ограниченной, всегда ненадежною, часто нарушаемою подозрѣніями или насиліями сектантовъ,

которымъ равно не нравились и церковное ихъ устройство, и ихъ монархическія чувства. Напрасно нѣкоторые великодушные люди пытались въ республиканскомъ парламентѣ умѣрить эти строгости: они только убѣждались въ своемъ безсиліи и скоро мирились съ нимъ сами. Дѣйствительно, религіозная свобода существовала въ этой республикѣ только для сектъ торжествующихъ, республиканскихъ, которыя, соединяясь около одного политическаго дѣла и постоянно находясь въ опасности, забывали или терпѣливо сносили свои несогласія въ дѣлѣ вѣры.

Для защиты и поддержанія такой жестокой политической тиранніи и въ такихъ обширныхъ размѣрахъ, необходима была тираннія судебная. Республиканскій парламентъ пользовался ею безъ зазрѣнія совѣсти. Процессъ короля—это чудовищное отступленіе отъ всякихъ правилъ и формъ правосудія—сталъ образцомъ въ политическихъ процессахъ. Противъ возмущеній солдатъ-уравнителей довольно было военнаго суда; но когда открывалось какое-нибудь возстаніе или заговоръ между роялистами, тотчасъ же учреждался верховный судъ; самъ парламентъ назначалъ членовъ, это была настоящая спеціальная комиссія, гдѣ судьи были поставлены внѣ всякихъ правилъ, а обвиненные внѣ всякихъ гарантій и законовъ. Опасался ли парламентъ, что пренія могутъ возбудить гнѣвъ или состраданіе въ народѣ, онъ запрещалъ ихъ печатать. Этими судами пользовались не только противъ значительныхъ людей, для которыхъ они были компетентны, но и противъ темной толпы, которую нельзя было бы приводить въ эти суды. Когда еще не было объявлено республиканское правленіе, судовщики Темзы просили, чтобы заключенъ былъ миръ съ королемъ; послѣ казни короля парламентъ послалъ ихъ прошеніе, вмѣстѣ съ именами просителей, въ новый верховный судъ, который тогда былъ учрежденъ для суда надъ пятью главными вождями роялистовъ. Такимъ образомъ, парламентъ поражалъ и маленькихъ людей ужасомъ въ то же время, какъ рубилъ головы большимъ. Иногда верховныхъ судовъ нельзя было употребить въ дѣло: они повлекли бы за собой слишкомъ сильное впечатлѣніе въ публикѣ, слишкомъ много приготовленій или излишнюю медленность; тогда республиканскій парламентъ судилъ самъ простой подачей голосовъ, приговаривая къ огромнымъ штрафамъ, къ позорному столбу, къ ссылкѣ, чтобъ низвергнуть какого-нибудь упрямаго врага, чтобъ послужить страстямъ или прикрыть ошибки котораго-нибудь изъ собственныхъ своихъ вождей. Если не было никакого средства преслѣдовать судомъ, кого боялись (именно, нѣкоторыхъ изъ этихъ первыхъ политическихъ реформаторовъ, которыхъ республиканцы не могли побѣдить иначе, какъ выгнавъ ихъ изъ парламента), въ такомъ случаѣ ихъ задерживали безъ суда и размѣщали по отдаленнымъ тюрьмамъ. Изъ Лондона цѣлыми массами изгоняли кавалеровъ, католиковъ, наемныхъ офицеровъ—словомъ, всѣхъ по-

дозрительныхъ; а если какой-нибудь писатель-роялистъ, вмѣсто того, чтобы затѣвать тайные заговоры, открыто, путемъ печати доносилъ публикѣ о дѣйствительныхъ или предполагаемыхъ беззаконіяхъ республиканскихъ вождей, его хватили и сажали въ Тоуэръ, гдѣ онъ и умиралъ въ ожиданіи суда.

Такое угнетеніе, среди такого безначалія, казалось тѣмъ болѣе ненавистнымъ и невыносимымъ, что оно происходило отъ людей, которые недавно такъ много требовали отъ короля и такъ много обѣщали сами относительно свободы, отъ людей, по большей части, еще неизвѣстныхъ дотолѣ, темныхъ, вышедшихъ изъ сословія, въ которыхъ народъ не привыкъ признавать и чтить верховной власти, не имѣвшихъ на эту власть которою они пользовались такъ нагло, никакого права, кромѣ личныхъ достоинствъ—права спорнаго, пока оно еще не стало выше всякаго сравненія—и кромѣ матеріальной силы, которою они располагали, права, оскорбляющаго и отталкивающаго даже тѣхъ, кто ему покоряется, пока ихъ побѣдитель еще не унижилъ ихъ совершенно, не подавилъ еще въ нихъ всякаго чувства чести.

При всемъ упоеніи власти и опасностей, многіе между республиканскими вождями чувствовали это положеніе и инстинктивно угадывали общественное о себѣ мнѣніе. При всемъ могуществѣ, они видѣли свое одиночество, а порой встрѣчали и презрѣніе. Нѣтъ власти, которая бы вознаграждала человѣка за одиночество, или дѣлала его нечувствительнымъ противъ презрѣнія. Республиканцы пламенно желали пріобрѣсть какія-нибудь другія права на владычество, нежели междоусобная война и цареубійство, и какимъ-нибудь великимъ національнымъ подвигомъ подняться въ уровень съ своимъ счастьемъ. Они затѣвали много реформъ въ гражданскихъ законахъ, въ судопроизводствѣ, въ системѣ податей и налоговъ; но важнѣйшія изъ нихъ, сами по себѣ весьма сомнительнаго достоинства, были энергически отвергаемы большинствомъ значительныхъ людей самой партіи; и онѣ не подняли бы республики, а только погрузили бы ее еще глубже въ слюяхъ сектантовъ и уравниателей. Очевидно, никакая мѣра внутренняго управленія не могла дать республиканскимъ вождямъ того, чего имъ не доставало. Ихъ мысли обратились за предѣлы государства. Чтобъ поддержать достоинство и интересы своего отечества въ сношеніяхъ съ иностранными державами, имъ не надобно было прибѣгать къ большимъ усиліямъ или подвергаться какому-нибудь риску. Время религіозныхъ войнъ приходило къ концу, время войнъ за политическія идеи еще не пришло. Ни одно изъ великихъ европейскихъ правительствъ, при всемъ своемъ отвращеніи къ новой республикѣ, не думало объявлять ей войну: напротивъ, всѣ искали ея дружбы, чтобы отнять ее у своихъ соперниковъ, или воспользоваться ею противъ нихъ. Простая нейтральность обезпечивала Англій миръ, совершенную независимость во внутреннихъ дѣлахъ и большой вѣсъ въ дѣлахъ

континента. Но вожди республиканскаго парламента захотѣли большаго. Передъ ними находились три могущественныхъ государствъ: Франція, Испанія и Голландія. Оба первыя, какъ государства католическія и монархическія, были естественными противниками новой республики, болѣе или менѣе сдерживавшими себя, или маскировавшими; послѣднее, какъ протестантское и республиканское, тяготѣло къ Англіи всѣми интересами вѣры и свободы. Въ смѣлыхъ и безпокойныхъ умахъ республиканцевъ быстро возникла и закипѣла мысль: почему бы Англіи и Голландіи не соединиться въ одну большую республику, которая бы скоро сдѣлала ихъ общую политику и вѣру господствующими въ Европѣ? Тутъ было чѣмъ очароваться самымъ набожнымъ людямъ, было чѣмъ заняться самымъ честолюбивымъ. Какую признательность почувствовалъ бы англійскій народъ къ тѣмъ людямъ, которые доставили бы такое приращеніе его величію, такое удовлетвореніе его совѣсти и гордости! При такомъ условіи, монархія была бы забыта, республика стала бы на твердомъ основаніи и республиканскій парламентъ сдѣлался бы сенатомъ государей.

Приступили къ дѣлу. Республиканскіе вожди дѣйствовали совсѣмъ увлеченіемъ страсти: одни—посредствомъ косвенныхъ вліяній и повсемѣстной пропаганды своей мысли, другіе—посредствомъ торжественныхъ посольствъ и другихъ попытокъ заложить основаніе будущему соединенію обѣихъ націй. Но мечты революцій бывають еще несбыточнѣе во внѣшнихъ сношеніяхъ, чѣмъ во внутреннемъ управленіи государства. Англійскимъ республиканцамъ угодно было не обдумать, что при такомъ сліяніи Голландская Республика была бы поглощена республикой Англіи и что она очень могла не согласиться на это. Она не приняла даже и намека на что-нибудь подобное. Голландскіе республиканцы, испытанные цѣлымъ вѣкомъ трудныхъ успѣховъ, были такъ горды, что не хотѣли жертвовать своимъ отечествомъ, и такъ благоразумны, что не желали связывать свои судьбы съ этой утопической мечтой новорожденной и шаткой республики. Кромѣ того, партія роялистовъ англійскихъ пользовалась въ Голландіи расположеніемъ не только оранскаго дома, но и большей части народа, котораго здравый смыслъ и чувство справедливости возмущались убіеніемъ Карла I и безумными грезами сектаторовъ. Праведная гордость Голландіи въ одну минуту разсѣяла химеру, порожденную честолюбивою гордостью англійскаго парламента. Но подобныя попытки не дѣлаются и не разрушаются безнаказанно. Отъ этой попытки остались глубокое недовѣріе и ревнивое чувство между двумя народами, которые уже и безъ того были естественными соперниками, оскорбленныя самолюбія и горячая злоба между ихъ вождями. Изъ этихъ источниковъ скоро вытекла война; такимъ образомъ, великія дипломатическія соображенія протестантскаго и республиканскаго парламента Англіи кончились разрывомъ

и жестокой борьбой съ единственнымъ республиканскимъ и протестантскимъ государствомъ сосѣдняго ей континента.

Итакъ, всѣ идеи и надежды англійскихъ республиканцевъ внутри и внѣ государства получали черезъ нихъ самихъ, или черезъ независящія отъ нихъ событія, грустныя, блистательныя опроверженія. Они обѣщали свободу, а на дѣлѣ были тираны; они обѣщали единеніе и торжество протестантизма въ Европѣ, а вмѣсто того несли въ нее войну.

Напрасно это правительство продолжало держаться, одерживало побѣды, давило враговъ: несмотря на все это, оно было непрочно. Среди успѣховъ и всеобщей покорности, республика съ своими вождями становилась все ненавистнѣе и падала со дня на день.

Одинъ человѣкъ предчувствовалъ этотъ результатъ и располагалъ воспользоваться имъ: это былъ Кромвель, главный виновникъ казни Карла I и учрежденія республики. Лишь только король умеръ и республика была объявлена, съ Кромвелемъ совершилось дивное, но естественное превращеніе. До тѣхъ поръ, какъ сектантъ и честолюбецъ, онъ всего себя посвящалъ борьбѣ съ врагами своей вѣры и препятствіями къ своему возвышенію; но когда эти враги были уничтожены, ему представилось другое дѣло: революція была окончена—надобно было учредить новое правленіе. Провидѣніе, которое рѣдко даетъ одному и тому же человѣку двѣ разныя силы, отмѣтило Кромвеля для той и для другой роли. Революціонеръ исчезъ — готовился диктаторъ.

Въ то время, когда эта настоящая потребность новаго положенія поражала его великій и здравый умъ, Кромвель провидѣлъ, что правленіе, которое до сихъ поръ пытались учредить, не будетъ имѣть успѣха: не было ни учрежденій, ни людей. Въ учрежденіяхъ—отсутствіе всякаго единства, всякой стойкости, всякой будущности; междуусобная война и вѣчное колебаніе въ нѣдрахъ власти. Въ людяхъ — взгляды узкіе или фантастическіе, страсти мелкія или слѣпыя, нескончаемая революціонная борьба между народомъ и властью. Республиканскій парламентъ съ своими вождями, занявшій мѣсто государя, скоро былъ измѣренъ Кромвелемъ и осужденъ его здравымъ смысломъ. Изъ него не могло выйти правленія твердаго и правильнаго.

Съ тѣхъ поръ его стала занимать одна мысль: не связывать себя ни съ политикой, ни съ судьбою этихъ учрежденій и этихъ людей, держаться въ сторонѣ отъ ихъ ошибокъ и пораженій, служить парламенту и въ то же время отдѣляться отъ него.

Мало того, отдѣляться: надобно было вырасти, пока другіе дряхлѣли. Кромвель предвидѣлъ паденіе парламента и его предводителей; рѣшившись не падать вмѣстѣ съ ними, онъ захотѣлъ возвыситься помимо ихъ.

Великіе люди дѣла никогда не строятъ себѣ плана во

всѣхъ подробностяхъ; ихъ геній въ ихъ инстинктѣ и честолюбіи. Каждый день, въ каждомъ новомъ обстоятельстве видятъ они факты, какъ эти факты суть на самомъ дѣлѣ; они провидятъ путь, указываемый имъ этими фактами, и случайности, представляемая этимъ путемъ; они вступаютъ на него съ энергіей, идутъ по немъ такъ далеко, какъ только позволяетъ открывающееся передъ ними пространство, руководясь всегда однимъ и тѣмъ же свѣтомъ. Кромвель шелъ къ диктатурѣ, не зная вполнѣ, до чего онъ дойдетъ и чего это будетъ стоить; но все таки шелъ.

Это положеніе, какого онъ искалъ—совершенно отдѣльное отъ господствующей власти—самъ парламентъ предложилъ ему. Пребываніе Кромвеля въ Лондонѣ было неудобно и безпокойно для вождей: они попросили его принять начальство надъ арміей, которая должна была идти усмирять Ирландію, повсюду возставшую за Карла Стюарта или, вѣрнѣе, противъ парламента. Кромвель заставилъ себя просить. Надобно было предоставить ему многое: во первыхъ, для его друзей, за которыхъ онъ горячо ходатайствовалъ; потомъ для него самого: онъ хотѣлъ большихъ и вѣрныхъ средствъ успѣха, хорошо снабженныхъ войскъ, блестящихъ почестей и неоспариваемой власти... Ему все дали, потому что торопились отъ него отдѣлаться. Отъѣздъ его былъ торжественный и пышный. Много произнесено было проповѣдей, предвѣщавшихъ ему успѣхъ и молившихъ о томъ Бога. Самъ Кромвель говорилъ и молился публично, отыскивая и находя въ Библии ободряющіе намеки на войну, которую онъ шелъ вести. Онъ выѣхалъ изъ Лондона, окруженный многочисленной свитой, составленной изъ офицеровъ, блестящимъ образомъ вооруженныхъ. Въ Бристолѣ, гдѣ онъ останавливался предъ тѣмъ, какъ садиться на корабль, сбѣжался народъ изъ окрестныхъ селеній, чтобъ поглядѣть на него; онъ не пренебрегъ ничѣмъ, чтобъ, удаляясь отъ глазъ, возбудить ожиданія и занять умы—и все это удалось ему какъ нельзя лучше.

Покоряя Ирландію, онъ хотѣлъ выиграть Англію. Въ Ирландіи имѣлъ онъ дѣло съ племенемъ и религіей враждебными, составлявшими предметъ презрѣнія и омерзѣнія для англійскаго народа. Онъ повелъ противъ нихъ войну беспощадную—рѣзалъ, грабилъ, гналъ ирландцевъ, не задумываясь ни предъ жестокостью въ лагерѣ, ни предъ ложью въ парламентѣ, прикрывалъ все необходимостью и готовъ былъ самъ въ нее вѣрить, чтобъ скорѣе достигнуть успѣха.

Скоро слава его побѣдъ и имени стала безпокоить парламентъ. Вездѣ только и говорили, что о Кромвелѣ; толпа восхищалась имъ; люди, болѣе себѣ на умѣ, старались разгадать его образъ дѣйствій и его будущность. Въ ту минуту, когда онъ отправился къ ирландской арміи, въ Шотландіи разнесся слухъ, что онъ хочетъ вести ее не въ Дублинъ, а въ Единбургъ, и все народонаселеніе встревожилось этимъ.

Другіе говорили, что, по возвращеніи изъ Ирландіи, онъ думаетъ оставить Англію и отправиться во Францію; не знали только, въ какомъ качествѣ и съ какою цѣлью. Схвачены были памфлеты, подъ заглавіемъ: *Характеръ короля Кромвеля*. Дѣло доходило до той точки, когда самыя ничтожныя обстоятельства, самыя малѣйшіе поступки человѣка, дѣлающагося великимъ, возбуждаютъ страстное любопытство въ народѣ и живѣйшія опасенія въ соперникахъ. Вожди парламента думали, нельзя ли воспользоваться зимними квартирами, которыя Кромвель занялъ въ Дублинѣ, чтобъ отозвать его въ Лондонъ. Кромвель не повиновался, даже не отвѣчалъ; онъ быстро выступилъ въ поле, сталъ продолжать въ Ирландіи свою разрушительную работу и согласился, наконецъ, возвратиться въ Англію только тогда, когда новыя и болѣе важныя опасности республики открыли ему самому новую перспективу независимости и величія.

Шотландія призвала опять Карла Стюарта. Республикѣ и монархіи предстояло встрѣтиться лицомъ къ лицу. Республикѣ нуженъ былъ противъ короля боецъ испытанный. Парламентъ хотѣлъ было выслать двухъ: Ферфакса и Кромвеля. Ферфаксъ отказался. Парламентъ назначилъ Кромвеля одного, къ крайнему прискорбію своему вынужденный дать ему случай завоевать еще королевство для спасенія республики.

Въ Шотландіи Кромвель велъ войну и дѣйствовалъ совсѣмъ не такъ, какъ въ Ирландіи. Сколько онъ былъ неумолимъ, жестокъ, безчеловѣченъ съ ирландскими католиками, столько же онъ оказался кротокъ, терпѣливъ, ласковъ съ шотландскими протестантами. Тутъ, вокругъ партіи роялистовъ и въ самыхъ рядахъ этой партіи, были сильныя диссиденты, именно: пресвитеріане, болѣе религіозные, нежели политическіе фанатики, служившіе королю съ безконечными подозрѣніями и ограниченіями, и сектанты, столько же горячіе и такъ же демократически настроенные, какъ и сектанты англійскіе, полные сочувствія къ Кромвелю и его солдатамъ, и болѣе расположенные помогать имъ, нежели сражаться съ ними. Кромвель берегъ для себя это расположеніе и пользовался имъ; онъ искалъ сраженія съ арміей короля, но оказывалъ величайшее вниманіе народу, трактовалъ отдѣльно съ тѣми предводителями, въ которыхъ замѣчалъ нерѣшительность или нѣкоторое расположеніе къ себѣ, входилъ въ переписку, въ совѣщанія, въ религіозныя пренія съ шотландскими богословами и умѣлъ нравиться и оставлять, по крайней мѣрѣ, высокое и пріятное о себѣ мнѣніе, если ему и не удавалось иногда убѣдить или увлечь. Такъ шелъ онъ впередъ по Шотландіи, каждый день дѣлая новыя завоеванія въ умахъ и посредствомъ оружія, отвлекая отъ короля области, города, вождей. Карлъ чувствовалъ себя сжатымъ, обойденнымъ со всѣхъ сторонъ, чуть не пойманнымъ. Съ увлеченіемъ молодости, рѣшился онъ на поступокъ отважный, отчаянный: онъ быстро двинулся со всѣмъ сво-

имъ войскомъ къ Англіи, оставивъ Шотландію Кромвелю и рѣшившись попытать королевскаго счастья въ самомъ сердцѣ республики.

Не прошло мѣсяца съ тѣхъ поръ, какъ Карль съ шотландской арміей ступилъ на англійскую почву, Кромвель ихъ настигъ, побѣдилъ и разсѣялъ при Уорстерѣ, гдѣ Карль провозгласилъ было себя королемъ. Карль скитался изъ убѣжища въ убѣжище, переодѣваясь въ разные костюмы и отыскивая судно, которое бы вывезло его изъ Англіи, а между тѣмъ Кромвель вступалъ съ триумфомъ въ столицу Англіи, окруженный членами парламента, государственнымъ совѣтомъ, муниципальнымъ совѣтомъ Сити и несмѣтною толпою народа, называвшею его своимъ избавителемъ.

Радость, которая слѣдуетъ за сильнымъ страхомъ, на минуту покрываетъ всякую зависть и вражду. Парламентъ осыпалъ Кромвеля знаками благоволенія: его наградили богатыми помѣстьями; гэмтон-кортскій дворецъ назначенъ былъ ему въ жилище; самые недовѣрчивые люди расточали передъ нимъ знаки признательности и почтенія. Восторгъ республиканскаго народа былъ искреннѣе и цѣннѣе. Разрушивъ старые идолы, революціи торопятся воздвигать новые и гордятся ими. Видѣть себя освященными въ славныхъ изображеніяхъ, составляетъ ихъ надежду и гордость: имъ кажется, что они этимъ вознаграждаютъ общество, у котораго они ихъ отняли. Отсюда тотъ инстинктъ, который, наперекоръ демократическимъ убѣжденіямъ, влечетъ народныя партіи къ этимъ торжественнымъ манифестаціямъ, къ этой безмѣрной лести, къ этому идолослуженію языка, которымъ они рады упоятъ великихъ людей, возвышающихся на сдѣланныхъ ими развалинахъ. Сектанты и философы, граждане и солдаты, парламентъ и народъ—всѣ, волей или неволей, стремились возвеличить Кромвеля, какъ бы затѣмъ, чтобъ возвеличиться вмѣстѣ съ нимъ; и республиканцы лондонской Сити, вышедшіе къ нему на встрѣчу, чтобъ привѣтствовать его, когда онъ вступалъ снова въ стѣны ихъ города, восхищались, говоря ему: „Ты призванъ обременить королей цѣпями и положить на ихъ вельможъ оковы“. Слѣпцы, не подозрѣвавшіе, что эти оковы скоро лягутъ на ихъ собственные руки!

Кромвель принималъ эти почести и это величіе съ разсчитаннымъ смиреніемъ, не лишеннымъ, впрочемъ, нѣкоторой искренности. „Одному Богу“, говорилъ онъ безпрестанно, „принадлежитъ слава; я—только его слабое и недостойное орудіе“. Онъ зналъ, какъ этотъ языкъ былъ пріятенъ его странѣ, его партіи; онъ доводилъ его до преувеличенія и не уставалъ повторять подобныя слова, чтобъ понравиться людямъ, въ которыхъ возвышалъ тѣмъ довѣріе къ себѣ и преданность. Но въ то же время это было выраженіемъ и его собственной, задушевной мысли. Богъ, его могущество, его промыслъ, его непрерывающееся дѣйствіе на дѣла міра и на души людей—все это было для Кромвеля не холодною от-

влеченностью, не устарѣвшимъ преданіемъ: это было его дѣйствительнымъ убѣжденіемъ; это была вѣра, не послѣдовательная и не взыскательная, вовсе не управлявшая его дѣйствіями и не сдерживавшая ихъ, когда дѣло шло о житейскихъ искушеніяхъ и необходимыхъ условіяхъ успѣха; но она жила въ глубинѣ его души и вдохновляла рѣчь его, когда онъ сильно увлекался великостью обстоятельствъ или собственнаго положенія. Впрочемъ, легко говорить смиренно и называть себя орудіемъ Божиимъ, когда Богъ дѣлаетъ изъ своего орудія повелителя народовъ. Отъ уничтоженія Кромвеля не могли пострадать ни его могущество, ни гордость.

Такимъ образомъ, чѣмъ выше становилось его положеніе, тѣмъ больше росло его честолюбіе и влекло его еще выше. Онъ говорилъ чрезвычайно смиренно, но изъ-подъ этого смиренія проглядывали порой на дѣлѣ такія выходки, которыя напоминали властелина. Въ сраженіи при Уорстерѣ ему пришло желаніе собственноручно посвятить въ рыцари двухъ изъ храбрѣйшихъ своихъ генераловъ, Ламберта и Фильтвуда, и онъ не безъ досады отказался отъ этого, когда ему замѣтили, что это—королевское право. Въ день торжественнаго своего возвращенія въ Лондонъ, во всю дорогу, среди кликовъ народныхъ, онъ держалъ себя такъ, что одинъ изъ людей, хорошо его знавшій, Гугъ Петерсъ, сектантскій проповѣдникъ, сказалъ, когда тотъ проходилъ мимо его. „Кромвель сдѣлается нашимъ королемъ“. Послѣ того, какъ онъ спасъ республику и покорилъ ей два королевства, ему уже нечего было дѣлать вдали посредствомъ оружія. Онъ оставался въ Лондонѣ, могущественный и праздный безпрестанно посѣщаемый своими офицерами и солдатами, ставъ центромъ всѣхъ недовольныхъ и всѣхъ надѣявшихся. И все это дѣлалось на самыхъ глазахъ у республиканскаго парламента—этого убогаго собранія, въ которомъ засѣдало каждый день едва шестьдесятъ или восемьдесятъ членовъ, да и изъ нихъ только немногіе серьезно и честно занимались государственными дѣлами, флотомъ, войной съ Голландіей, предположенными преобразованіями въ законахъ, а остальные оказывались малыми въ своемъ величіи, предавались мелкимъ страстямъ, набирали должностей для себя или для своихъ родственниковъ, употребляли власть свою на служеніе своему богатству, твоимъ распрямъ и маловажнымъ ссорамъ; этого кружка, который съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе становился эгоистическимъ, изолированнымъ, ненавистнымъ, не давшимъ странѣ ни покоя, ни свободы, ни будущности, и который, однакожь, показывалъ рѣшимость удержать въ своихъ рукахъ верховную власть, какъ будто бы благо Англіи могло требовать вѣковѣчности такого жалкаго правленія.

Кромвель медлилъ и ждалъ долго. Онъ началъ борьбу въ минуту своего торжества, когда занялъ снова свое мѣсто въ парламентѣ. Оружіемъ его были два великіе народные

вопроса: всеобщая амнистія, которая бы возвѣстила конецъ междоусобной войнѣ, и избирательный законъ, которой бы опредѣлилъ форму и время созванія новаго парламента. Обѣ эти мѣры были давно предложены, но онѣ оставались закрытыми въ комитетахъ, появляясь на свѣтъ только по временамъ, въ критическіе дни, въ видѣ приманки. По вліянію Кромвеля, за нихъ принялись снова и стали обсуживать ихъ серьезно. Амнистія была допущена съ большими затрудненіями, по истеченіи пяти мѣсяцевъ, послѣ многочисленныхъ попытокъ ограниченій, особенно денежныхъ, всегда съ успѣхомъ отвергавшихся самимъ Кромвелемъ, который былъ столько уменъ, что не могъ предаться какой-нибудь бесполезной непріязни и старался во всѣхъ партіяхъ снискать себѣ кліентовъ и личныхъ друзей. Но рѣшительный законъ — все еще оставалась нетронутою. Кромвель настаивалъ на ней, однакожь, безъ особеннаго жара, больше для того, чтобъ выставить упрямый эгоизмъ вождей парламента, нежели для того, чтобъ достигнуть немедленнаго исхода. Онъ самъ находился въ большомъ затрудненіи. Какими благовидными средствами заставить парламентъ разойтись? Каковъ будетъ результатъ новыхъ выборовъ? И даже эти новые выборы будутъ ли достаточны, чтобъ возвысить правленіе и установить его на твердыхъ основаніяхъ? Развѣ опытъ республиканскаго правленія былъ счастливъ? Развѣ монархія не была все же болѣе сообразна съ законами, привычками, чувствами, всегдашними интересами народа? Если народъ хочетъ имѣть монархію, если она ему нужна, то какъ ее возратить ему и въ какой мѣрѣ, и какую монархію? Кромвель поднималъ эти вопросы не только въ откровенныхъ разговорахъ съ нѣкоторыми важными людьми, но и на совѣщаніяхъ, на которыя собиралъ офицеровъ арміи и членовъ парламента. Онъ выходилъ изъ этихъ совѣщаній недовольный: офицеры упорствовали остаться республиканцами; политики, склонные къ монархіи, не допускали никакой другой монархіи, кромѣ прежней, и совѣтовали Кромвелю вступить съ ней въ сношенія чтобъ возстановить ее. Тогда онъ прерывалъ разговоръ, чтобъ воротиться къ этому дѣлу послѣ. Съ виду онъ казался гибкимъ, но въ сущности былъ неукротимъ въ своемъ честолюбіи; иногда откровененъ до дерзости, когда старался увлечь людей въ свои замыслы; иногда до безстыдства лживъ, когда хотѣлъ скрыть эти замыслы. Онъ всегда выносилъ ту выгоду изъ этихъ продѣлокъ, что болѣе и болѣе запутывалъ армію въ свою борьбу съ парламентомъ. Въ арміи все еще былъ могучъ духъ секты, и сильно развился духъ военный; въ ней сочетались страсти фанатика и интересы солдата, и поддерживали взаимно другъ друга. Кромвель пользовался ими и неумоимо возбуждалъ ихъ противъ парламента. Какое беззаконіе! Побѣдителямъ плохо выплачивается жалованье, а люди, которые не сражались и не страдали, одни пожинаятъ

плоды побѣды! Какое оскорбленіе Богу, что совѣты его святыхъ до такой степени презрѣнны! Петиціи, представленныя генеральнымъ совѣтомъ офицеровъ, отъ имени всей арміи, надменно требовали уплаты недоимокъ, реформы злоупотребленій правленія, исполненія надеждъ народа Божія. Противъ угрозъ парламентъ защищался, сердился, нападалъ въ свою очередь. Онъ требовалъ скорѣйшаго распушенія значительной части арміи и объявилъ о продажѣ того самаго гэмптон-кортскаго дворца, который данъ былъ имъ Кромвелю для жительства. Такое натянутое положеніе длилось уже восемнадцать мѣсяцевъ. Съ той и другой стороны чувствовали приближеніе кризиса. Кто выйдетъ изъ него побѣдителемъ? Парламентъ неожиданно рѣшился самъ ускорить свое распушеніе, котораго отъ него требовали. Онъ живо началъ пренія и отбирание голосовъ объ избирательномъ законѣ. Но его законъ былъ таковъ, что оставлялъ власть именно въ тѣхъ рукахъ, изъ которыхъ долженъ быть взята ее. Настоящіе члены парламента, безъ вторичнаго избранія, по праву, оставались членами и новаго парламента. Выборы должны были только пополнить пробѣлы, оставшіеся въ собраніи, противъ комплекта, опредѣленнаго закономъ. А чтобъ совершенно обезопасить эти соображенія, прежніе члены должны были составить изъ однихъ себя комитетъ, которому поручалось подвергать разсмотрѣнію новыя выборы и принимать или отвергать избираемыхъ.

Это было не распушеніе парламента, а только новая для него отсрочка. Кромвель пересталъ медлить; прервавъ одно совѣщаніе съ офицерами, собравшимися у него въ Уайт-Галлѣ, онъ пошелъ въ палату депутатовъ, молча занялъ свое мѣсто среди преній, и въ ту самую минуту когда избирательный законъ долженъ былъ пойти на голоса, вдругъ всталъ. Пользуясь упадкомъ вождей парламента въ общемъ мнѣніи, чтобъ осыпать ихъ грубыми оскорбленіями, и грубо оскорбляя ихъ, чтобъ сдѣлать ихъ еще болѣе презрѣнными, онъ съ величайшей наглостью объявилъ имъ, что они уже ничего не значатъ, выгналъ ихъ изъ залы посредствомъ роты солдатъ, какъ дерзкихъ пришлецовъ, которые ужъ слишкомъ долго были терпимы, и разомъ положилъ конецъ долгому парламенту.

Никто не противился, никто не поднялъ голоса не потому, чтобъ у разогнаннаго парламента не было друзей горячихъ и вѣрныхъ, хотя и не многочисленныхъ; но противъ нихъ были сила и мнѣніе. Всѣ прочія партіи—одобряли ли они поступокъ Кромвеля, или нѣтъ—радовались ему, видя въ немъ дѣло справедливости и избавленіе отъ зла. Испуганные или безсильные, побѣжденные покорились безъ шума своей судьбѣ; и эти вожди революціи, девять лѣтъ поддерживавшіе междоусобную войну, прогнавшіе изъ парламента три четверти своихъ товарищей, осудившіе своего короля на смерть, деспотически измѣнившіе конституцію своего отечества, дол-

жны были сознать, что управленіе народами—дѣло вовсе не такое легкое и малое, какъ они полагали, пока имъ не пришлось самимъ пасть подъ этимъ бременемъ.

Республика была учреждена во имя свободы, и свобода подъ владычествомъ республиканскаго парламента была не болѣе, какъ пустымъ звукомъ, прикрывавшимъ деспотизмъ небольшого кружка людей. Когда парламентъ былъ разогнанъ, республика, въ свою очередь, стала пустымъ звукомъ, сохраняемымъ, какъ одинъ изъ тѣхъ обмановъ, которые еще служатъ къ чему-нибудь, хотя уже и не могутъ никого морочить—и въ теченіе пяти лѣтъ правленіемъ Англии былъ деспотизмъ одного.

У народа сильнаго, прибѣгающаго къ деспотизму вслѣдствіе безвыходности положенія или въ припадкѣ усталости, деспотизмъ можетъ существовать подъ двумя условіями; эти условія: порядокъ и величіе. Сдѣлавшись повелителемъ, Кромвель развернулъ всѣ средства своего генія, чтобы запечатлѣть свое правленіе этими качествами. Чуждый ненавистничества и тѣхъ узкихъ неговорчивыхъ предубѣжденій, какія вносятъ обыкновенно партіи въ свое владычество, онъ хотѣлъ, чтобы всякій, безъ различія происхожденія и партіи, кавалеръ, пресвитеріанинъ, республиканецъ, находилъ покровительство и безопасность для своихъ гражданскихъ интересовъ, лишь бы не вмѣшивался въ политическія интриги. Актъ, налагавшій на всякаго англичанина присягу въ вѣрности, подъ страхомъ юридической неспособности, былъ отмѣненъ. Отправленіе правосудія сдѣлалось правильно и, большею частью, безпристрастно. Генералъ революціи—Кромвель, всегда старался имѣть связи и креатуръ во всѣхъ партіяхъ. Протекторъ республики—Кромвель, старался привязать къ своему правленію всѣ высшія силы общества. Онъ былъ столько уменъ, что не оторвался отъ своихъ корней и не предался врагамъ своимъ; но въ то же время высшій инстинктъ предупреждалъ его, что ничего нельзя считать вполне установленнымъ и прочно утвержденнымъ, пока власть не будетъ признаваться и поддерживаться людьми, которыхъ самое положеніе ихъ, интересы и привычки дѣлаютъ естественными союзниками власти. Этотъ бурный вождь народныхъ новаторовъ сталъ показывать величайшее уваженіе къ институтамъ, освященнымъ временемъ. Подъ вліяніемъ своего отвращенія къ человѣческой наукѣ и ко всякимъ аристократическимъ или королевскимъ учрежденіямъ, сектаторы хотѣли уничтожить кембриджскій и оксфордскій университеты—Кромвель спасъ ихъ. Великій по природѣ и высоко-поставленный теперь, онъ питалъ расположение ко всему, что было велико и возвышенно по воспоминаніямъ, по уму, знаніямъ, славѣ. Онъ понималъ, какъ для него выгодно привлечь все это къ себѣ, и охотно оказывалъ покровительство противъ грубой и мелочной непріязни. Для поддержанія этой политики, для охраненія порядка и законовъ на общую пользу, для воз-

становленія повсюду власти и уваженія къ ней, онъ употреблялъ ту же самую армію, съ которой низложилъ столько старинныхъ величій, и которой страсти, еще не совсѣмъ погасшія, съ величайшимъ трудомъ, и то не вполне, могла сдерживать строгая дисциплина и преданность къ нему этой арміи.

Во внѣшнія сношенія Англіи Кромвель, свободный отъ ига партій, внесъ еще болѣе правильное пониманіе интересовъ своей страны и своего собственнаго положенія, и достигъ еще большаго успѣха.

Основаніемъ его политики былъ миръ. Съ первой минуты своего правленія, онъ принялся повсюду возстановлять или утверждать миръ—съ Голландіей, съ Португаліей, съ Даніей. Отложивъ въ сторону мечты о республиканскомъ и протестантскомъ сліяніи, которыя самъ еще недавно питалъ или поддерживалъ, онъ отложилъ также и всякую вражду религіи или политическихъ партій, и спѣшилъ устранить несогласія, закончить спорные вопросы. Онъ бывалъ иногда щекотливъ и гордъ, чтобы поддержать достоинство новаго правительства, но дѣлалъ это всегда съ умомъ, не предаваясь неумѣренной требовательности или безумному честолюбію, не добиваясь извнѣ ничего, кромѣ того, что было существенно важно для его интереса, внутри—ничего, кромѣ безопасности и силы своей власти.

Такимъ образомъ, когда миръ былъ обезпеченъ, вторымъ основаніемъ его политики стала нейтральность. Въ Европѣ совершался тогда переломъ борьбы между австрійскимъ домомъ и домомъ Бурбоновъ, между Испаніей которая падала, и Франціей, которая быстро возвышалась. Каждая изъ этихъ державъ обнаруживала ревностныя и не всегда честныя усилія, чтобы вовлечь Англію въ свой союзъ. Кромвель выслушивалъ и ту и другую, подавалъ той и другой надежды, чтобъ получать отъ нихъ, что было нужно для его правленія, но не связывалъ своей судьбы ни съ той, ни съ другой. Хорошо взвѣсивъ всѣ обстоятельства, онъ пришелъ къ заключенію, что со стороны Испаніи могъ меньше надѣяться и меньше опасаться, а взять гораздо больше. Онъ задумалъ положить широкія основанія могуществу и торговлѣ Англіи въ Новомъ Свѣтѣ. Онъ вышелъ изъ своей нейтральности, но съ такимъ тактомъ и мѣрой, что войной противъ Испаніи пріобрѣлъ по ту сторону океана Ямайку, а союзомъ съ Франціей выигралъ, у воротъ европейскаго континента, Дюнкирхенъ, и, между тѣмъ, не запуталъ себя въ международную борьбу этихъ двухъ державъ въ такой степени, чтобъ повредить независимости внѣшней политики своего государства.

Постояннымъ характеромъ этой политики въ его правленіе было: ничего не дѣлать по системѣ, или по увлеченію, и вмѣшиваться въ чужія дѣла только въ той мѣрѣ, въ какой этого дѣйствительно требовали собственныя дѣла. Стюарты нашли прибѣжище во Франціи. Дворъ обращался съ ними

благосклонно, хотя и робко. Королевство тревожили междоусобныя попытки фронды. Протестанты были въ немъ, если не преслѣдуемы, то, по крайней мѣрѣ, безпокоимы и недовольны. Казалось, представлялся прекрасный случай и сильное искушеніе для Кромвеля вступить тамъ противъ своихъ враговъ за религіозное и политическое дѣло, которое доставило ему величіе. Его усердно умоляли принцъ Конде, предводитель инсургентовъ, и городъ Бордо, ихъ оплотъ: они держали при немъ посланниковъ, неоднократно повторяли свои просьбы, дѣлали ему разныя предложенія, чтобъ получить его поддержку. Кромвель принималъ ихъ, подавалъ имъ надежды, и въ то же время самъ посылалъ во Францію агентовъ, поручая имъ развѣдывать настроеніе и измѣрять силы протестантовъ и фрондеровъ, и доставляя этимъ сильное безпокойство Мазарини; а потомъ, когда оказалось, что на сторонѣ недовольныхъ французовъ не было ни настоящей силы, ни умѣнья вести дѣло, ни вѣроятности успѣха, онъ устранилъ всякія внушенія честолюбія и страсти, отвергъ предложенія, которыя были ему сдѣланы, уничтожилъ поданныя имъ надежды и вошелъ въ переговоры съ Мазарини, употребивъ въ свою пользу то безпокойство, которое онъ произвелъ въ немъ.

Впрочемъ, когда представлялся случай, хотя менѣе искушительный, но за то и менѣе опасный, поддержать угнетаемый протестантизмъ, Кромвель хватался за него горячо. Чтобъ защитить противъ герцога Савойскаго бѣдныхъ поселянъ, выгнанныхъ изъ своихъ долинъ, онъ отправлялъ декларацию за декларацией, посольство за посольствомъ, не скупился ни на денежныя вспоможенія, ни на угрозы, требовалъ вмѣшательства со стороны Франціи, если она не хочетъ, чтобъ онъ самъ вмѣшался въ это дѣло, увлекъ въ свои интриги соединенныя провинціи и швейцарскіе кантоны, достигъ своей цѣли однимъ движеніемъ, которому далъ ходъ, и, такимъ образомъ, доставилъ блистательное удовлетвореніе религіозному чувству англичанъ, не впутавъ себя ни въ какую важную и невѣрную борьбу.

Когда какой-нибудь изъ второстепенныхъ, но важныхъ англійскихъ интересовъ находился въ опасности, требовалъ покровительства или удовлетворенія, Кромвель поддерживалъ его энергически, тщательно отдѣляя его отъ вопросовъ общихъ и возбуждаемыхъ страстями. Онъ послалъ въ Средиземное море адмирала Блека съ порученіемъ показываться вездѣ, гдѣ Англія могла требовать удовлетворенія—и Блекъ показывался поочередно передъ Ливорно, Алжиромъ, Тунисомъ, Триполи, блистательно рѣшая эти различные споры, хотя и не преувеличивая ихъ важности, и удаляясь только тогда, когда, волей или принужденіемъ добивался исполненія требованій своего отечества.

Всѣ эти усилія и всѣ эти успѣхи не оставались безплодными, но не достигали истинной и послѣдней цѣли побѣди-

теля. Съ этимъ правленіемъ, столь дѣятельнымъ и осторожнымъ, столь искусно льстившимъ народнымъ страстямъ, но не дѣлавшимся ихъ рабомъ, правленіемъ, которое возвеличивало Англію за границей, не компрометируя ея, и поддерживало внутри ея порядокъ посредствомъ солдатъ революціи, Кромвель достигалъ повиновенія, страха, удивленія, но не укоренялся. Англія покорялась его генію и силѣ, но не принимала его владычества. Достигши совершенства въ искусствѣ привлекать къ себѣ людей, онъ всякій день отнималъ сколько-нибудь изъ нихъ у прежнихъ партій, заставляя однихъ служить ему дѣятельно, другихъ переставать дѣйствовать противъ него; болѣе, нежели кто-либо изъ повелителей народовъ, онъ достигъ всего, что только могутъ дать могущество, здравый смыслъ, усталость, личная выгода, слабость, подлость, низость, измѣна. Но старыя партіи не переставали существовать: кавалеры, пресвитеріане, республиканцы, подавляемые, но живучіе, не отказывались ни отъ надеждъ, ни отъ дѣятельности. Въ теченіе пятилѣтняго владычества Кромвеля, не говоря о множествѣ темныхъ попытокъ, его правленіе было встревожено, или его жизнь была подвержена опасности пятнадцатью заговорами и возмущеніями роялистовъ, или республиканцевъ, или тѣхъ и другихъ вмѣстѣ. Онъ подавлялъ ихъ съ энергіей, безъ жестокости и безъ жалости, строгій или милостивый, смотря по надобности, употребляя въ дѣло то законы, то произволъ, то судъ присяжныхъ, то исключительные суды, неутомимую полицію и преданную армию, тайные аресты и торжественныя казни, изгнаніе, тюремное заключеніе, продажу схваченныхъ инсургентовъ, какъ невольниковъ, въ колоніи—все, что только можно придумать, чтобъ поразить враговъ безсиліемъ или страхомъ. Противъ него ничто не удавалось: всѣ заговоры открывались, всѣ возстанія съ оружіемъ въ рукахъ были подавляемы. Народъ не присоединялся къ нимъ и хранилъ безмятежное спокойствіе. Но онъ не вѣрилъ ни въ право, ни въ долговѣчность этой власти, каждый день одерживавшей побѣды. Кромвель не царствовалъ въ умахъ, какъ государь, признанный окончательно. На самой вершинѣ своего величія онъ былъ въ умахъ народа не болѣе, какъ властелинъ неодолимый, но временный, безъ соперника, но и безъ будущности.

Онъ самъ чувствовалъ это лучше всякаго другого. Таковъ былъ характеръ его ума, что онъ видѣлъ всѣ вещи, и даже собственное свое положеніе такъ, какъ онѣ были на самомъ дѣлѣ. Ни одинъ великій человекъ не былъ болѣе его пылокъ въ надеждахъ и болѣе чуждъ самообольщенія.

Ниспровергнувъ конституціонную монархію, онъ понялъ, что это было единственное правленіе, которое годилось для Англіи и могло быть въ ней прочно. Когда онъ сталъ на развалинахъ этого зданія, имъ овладѣла мысль—возстановить его и утвердиться въ немъ.

Постояннымъ его желаніемъ и заботой сдѣлалось имѣть

парламентъ, съ которымъ бы онъ могъ жить и управлять. Въ теченіе пяти лѣтъ онъ собиралъ четыре парламента, то набирая самъ, вмѣстѣ съ своими офицерами, собраніе, которое онъ лицемѣрно украшалъ этимъ именемъ, то заставляя набирать его по новому способу, который хотѣлъ было принять республиканскій долгій парламентъ, когда Кромвель разогналъ его. Онъ обходился съ этими собраніями особенно на первыхъ порахъ, всегда чрезвычайно торжественно и почтительно: употреблялъ самыя наглыя хитрости, самыя неслыханныя насилія, чтобы создавать въ нихъ для себя большинство и даже въ минуту разрыва съ ними, старался не подать вида, что отказывается отъ ихъ содѣйствія.

Это было съ его стороны предпріятіе несбыточное. Роялисты не вступили въ его парламенты; пресвитеріане приходили въ небольшомъ количествѣ. Разные кружки республиканской партіи, глубоко раздѣленные и раздраженные другъ противъ друга, почти одни составляли засѣданія. Приверженцы Кромвеля были неспособны одержать побѣду посредствомъ парламентской тактики и преній. Враги его, гораздо болѣе искушенные въ борьбѣ этого рода, развертывали всѣ свои средства, чтобы вредить ему. Тамъ онъ встѣчался опять съ тѣми людьми, которыхъ низложилъ, явно вооружавшимися противъ его тиранніи, упорными въ своихъ анархическихъ идеяхъ и привычкахъ и столько же неспособными подчиняться, сколько и управлять. Онъ самъ на каждомъ шагу доставлялъ имъ новые поводы къ неудовольствію и новое оружіе противъ себя, ибо, сдѣлавшись неограниченнымъ властелиномъ, не научился уважать чужое право и терпѣть сопротивленіе и противорѣчіе. Его великій инстинктъ говорилъ ему, что, въ своемъ деспотическомъ одиночествѣ, онъ ничего не упрочитъ, ни даже собственной своей власти— и онъ созывалъ парламенты, чтобы съ помощью ихъ создать прочное правленіе; но когда парламентъ являлся, лишенный естественныхъ силъ охранительной партіи и обладаемый людьми, которые умѣли только разрушать, Кромвель опять не могъ вынести ни ихъ свободы, ни ихъ безумнаго ослѣпленія и разбивалъ это орудіе, котораго чувствовалъ необходимость, но которое всегда, къ величайшей своей досадѣ, находилъ гибельнымъ.

Одинъ разъ ему показалось, что онъ успѣлъ, наконецъ, собрать парламентъ, который понималъ и раздѣлялъ его виды. Онъ поспѣшилъ проявить въ немъ эту мысль, которая не давала ему покоя—мысль о совершенномъ возстановленіи англійской монархіи, съ королемъ и двумя палатами. Предложеніе было сдѣлано въ парламентѣ, и въ теченіе слишкомъ двухъ мѣсяцевъ шли объ этомъ публичные переговоры между парламентомъ и протекторомъ. При этихъ переговорахъ Кромвель раскрылъ всю эту странную амальгаму пылкости и осторожности, глубокой хитрости и грубаго притворства, которая была вмѣстѣ и искусствомъ его, и природой. У него было

почти столько же благоразумія, сколько честолюбія. Онъ не хотѣлъ купить королевскаго сана цѣною раскола въ своей партіи, которая и безъ того уже была такимъ узкимъ и такимъ шаткимъ основаніемъ его правленія. Онъ хотѣлъ сдѣлаться королемъ такъ, чтобы протекторъ не подвергся опасности. Для него мало было, чтобы ему предложили корону: надобно было, чтобы ее рѣшили предложить ему всѣ важныя лица, окружавшія его, всѣ вожди партій религіозныхъ и политическихъ, всѣ военныя и гражданскія власти. Давно уже, еще до учрежденія протектората и до изгнанія долгаго парламента, онъ уже испытывалъ и подготавливалъ ихъ къ этому. Теперь, въ минуту рѣшительной попытки, онъ пустилъ въ ходъ всѣ возможные средства, прямыя и косвенныя, неумолимо трудясь, чтобы дѣйствовать на нихъ; онъ обращался и къ ихъ интересу, и къ дружбѣ, и къ разсудку; старался дать имъ понять, что и революція, ими сдѣланная, и собственное ихъ положеніе, такъ же какъ и его положеніе, останутся слабы и непрочны до тѣхъ поръ, пока они не упрочатъ себя, вмѣстѣ съ нимъ, въ такомъ учрежденіи, на которомъ основывались всѣ законы, къ которому привязаны были всѣ привычки повиновенія и уваженія въ Англіи. Онъ убѣдилъ, или увлекъ, или купилъ въ свою пользу столько людей, даже между офицерами, долго противившимися, что могъ считать себя, и дѣйствительно считалъ, обезпеченнымъ въ успѣхѣ. Предложеніе было принято большинствомъ голосовъ въ парламентѣ. Ему была оффиціально предложена корона. Отвѣтъ онъ отложилъ на нѣкоторое время: ему хотѣлось уничтожить послѣднія сопротивленія; онъ встрѣтилъ ихъ около себя, между генералами, тѣснѣе всѣхъ связанными съ его особой. Эти препятствія были неодолимы: въ нихъ сказывался неподдѣльный энтузіазмъ республиканцевъ, стыдливый страхъ стать въ явное противорѣчіе со всей своей прежней жизнью, наконецъ, мечь униженныхъ соперниковъ. Впрочемъ, Кромвель льстилъ себя мыслью, что это не болѣе, какъ личное нерасположеніе немногихъ. Онъ рѣшился не обращать на него вниманія и возложить, наконецъ, на свою голову эту корону, которая была уже отдана ему въ руки; но въ эту самую минуту узналъ, что парламенту торжественно представлена петиція отъ имени арміи, составленная однимъ изъ его капеллановъ и подписанная множествомъ офицеровъ, требовавшая вѣрности доброму старому дѣлу и отвергавшая возстановленіе королевскаго сана. Кромвель тотчасъ же позвалъ парламентъ въ Уайт-Галль, и, изъявивъ свое удивленіе, что, такимъ образомъ, какъ бы протестуютъ противъ его отвѣта прежде, нежели онъ данъ имъ, формально отказался отъ титула короля.

Напрасно, усматривая своимъ геніальнымъ взоромъ пороки своего величія, старался Кромвель перенести его на основанія, освященныя правомъ и временемъ. Богу не угодно было, чтобы честь и плоды возстановленія королевской власти и

парламента пожалъ тотъ же самый человекъ, который возвелъ короля на эшафотъ и попралъ права и вольность своего отечества. Могучій противъ анархіи, Кромвель, въ борьбѣ съ трудностями своего положенія, безпрестанно впадалъ снова въ деспотизмъ. Онъ возстановилъ безпристрастіе въ гражданскомъ порядкѣ, но, побуждаемый необходимостью покрывать расходы по своему правленію, подвергъ всѣхъ роялистовъ самымъ незаконнымъ истязаніямъ и всю страну подчинилъ владычеству военной тиранніи, какъ единственному средству исполнять эти истязанія. Онъ хвалился, что возвратилъ отправленію правосудія правильность и гласность; а когда знаменитые адвокаты защищали обвиненныхъ противъ его преслѣдованій, когда неподкупные судьи отказывались осуждать ихъ въ противность законамъ, онъ оскорблялъ, оставлялъ, сажалъ въ тюрьму адвокатовъ и судей съ наглостью, безпримѣрною въ самыя худыя времена. Слишкомъ велико было притязаніе возстановить легальную монархію, не отказываясь отъ революціонныхъ насилій. Кромвель и такъ уже наслаждался рѣдкимъ преимуществомъ: онъ перешелъ отъ революціи къ диктатурѣ; ему не было дано превратить диктатуру въ правленіе права и свободы.

Но его благоразуміе не пропало даромъ при этой опасной попыткѣ. Онъ остановился только въ послѣднюю минуту—однако жъ остановился. Англія, видѣвшая его отступление, республиканцы, принудившіе его къ тому, все еще нуждались въ немъ и боялись его. Положеніе его осталось невредимымъ, и протекторъ нисколько не пересталъ быть попрежнему силенъ отъ того, что ему не удалось сдѣлаться королемъ. И онъ не оставилъ своего намѣренія; онъ принималъ даже мѣры къ подготовленію новаго парламента, безъ сомнѣнія, имѣя въ виду усмирить армію парламентомъ, какъ нѣкогда усмирилъ парламентъ арміей. Но уже тяготѣла надъ нимъ рука, которая должна была усмирить его самого. Здоровье съ нѣкотораго времени стало измѣнять ему; семейныя горести, потеря любимой дочери, усилили его недугъ, и онъ быстро таялъ. Ему не хотѣлось умирать. Всѣ эти испытанія, сквозь которыя онъ прошелъ счастливо, всѣ великія дѣла, которыя онъ совершилъ и еще могъ совершить, необходимость его присутствія, могущество его воли—все убѣждало его, что онъ еще не дошелъ до рубежа своей жизни. Въ кругу самыхъ близкихъ людей онъ говорилъ: „Я увѣренъ, что не умру сегодня; я знаю, что Богу еще не угодно, чтобъ я умеръ“. Богъ судилъ Кромвелю быть блистательнымъ примѣромъ того, что можетъ и чего не можетъ великій человекъ. Его судьба свершилась. Единственно геніемъ своимъ сдѣлался онъ владычиномъ своего отечества и революціи, которую онъ же произвелъ въ своемъ отечествѣ, до послѣдняго часа остался въ полномъ обладаніи своимъ величіемъ, и умеръ, безуспѣшно растративъ свою геніальность и силу въ попыткахъ возстановить то, что разрушилъ: парламентъ и короля.

Въ анархіи, въ которую повергла Англію смерть Кромвеля, на долю этой страны выпалъ одинъ изъ тѣхъ счастливыхъ жребіевъ, про которые трудно сказать, посылаются-ли они единственно отъ Бога. или и человѣческая мудрость можетъ приписать себѣ въ нихъ нѣкоторое участіе. Эта анархія не разрѣшилась какой-нибудь искусственной, неполной, или торопливой развязкой. Всѣ честолюбія, всѣ притязанія, всѣ стихіи хаоса и политической борьбы, которыя сдерживалъ Кромвель, появились вновь и шумно выступили на сцену, которую недавно наполнялъ онъ одинъ. Сынъ его, Ричардъ, безпрепятственно былъ провозглашенъ протекторомъ и немедленно признанъ иностранными державами. Но едва только онъ приступилъ къ управленію, какъ вокругъ его поднялось множество совѣтниковъ, которые скоро стали его врагами и соперниками: генеральный совѣтъ офицеровъ; новый, болѣе популярный совѣтъ арміи; новый парламентъ, который поспѣшилъ созвать Ричардъ; прежній долгій парламентъ (или, скорѣе, хвостъ долгаго парламента, какъ его называлъ народъ), утверждавшій, что ему одному принадлежитъ законная власть, потому что онъ получилъ отъ Карла I, короля, преданнаго имъ смерти, право быть распущеннымъ только по собственному его желанію; наконецъ, тотъ же долгій парламентъ, сформировавшійся вновь изъ тѣхъ членовъ, которыхъ онъ прежде смерти короля прогналъ изъ своей среды и которые теперь вступали въ него силой, точно такъ же, какъ были изъ него изгнаны. Всѣ эти призраки претендовали занять мѣсто властителя, который до сихъ поръ связывалъ ихъ всѣхъ, и въ теченіе слишкомъ двадцати мѣсяцевъ Англія видѣла, какъ они смутно появлялись, исчезали, опять появлялись, взывали одинъ къ другому, или прогоняли другъ друга, соединялись или боролись между собою, и ни одному изъ нихъ ни на одинъ день не пришлось имѣть состоятельность и силу правительства.

И въ это двадцатимѣсячное междуцарствіе, среди этого смѣшного появленія столькихъ странныхъ претендентовъ, не являлся только тотъ, кто, по мнѣнію всей Англіи, былъ единственнымъ серьезнымъ претендентомъ, кто одинъ возбуждалъ во всѣхъ или страхъ, или надежды. Въ его пользу оказалось не больше одного или двухъ незначительныхъ движеній, которыя ограничились тѣмъ, что требовали созванія свободнаго парламента, движеній, въ которыхъ не было произнесено даже имени Карла Стюарта, и которыя тотчасъ же были безъ труда подавлены.

Воспоминаніе о Кромвелѣ еще держало въ страхѣ и бездѣйствіи партію роялистовъ. Онъ столько разъ разбивалъ ихъ надежды, такъ жестоко поражалъ ихъ возстанія или заговоры, что они уже не осмѣливались обѣщать себѣ успѣха. Сверхъ того, вмѣстѣ съ рядомъ пораженій, къ нимъ пришло и благоразуміе. Они научились не принимать желаній за мѣру силъ и понимать, что если Карлу Стюарту суждено по-

лучить корону, то ее можетъ возвратить ему только всеобщій интересъ и движеніе всей Англіи, а не какое-нибудь возстаніе кавалеровъ.

Ричардъ Кромвель пришелъ къ мысли и желанію покончить съ этой всеобщей и своей собственной агоніей, вступивъ съ королемъ въ переговоры. У него не было недостатка ни въ умѣ, ни въ благонамѣренности. Въ немъ не было ни честолюбія, ни величія. За судьбой своего отца онъ слѣдилъ скорѣе съ чувствомъ утомленія, нежели довѣрія; онъ не вѣрилъ въ возможность такого же успѣха для себя лично и не чувствовалъ себя способнымъ нести такое бремя; но онъ также былъ неспособенъ въ подобныхъ обстоятельствахъ и рѣшиться на что-нибудь твердо. Онъ былъ нерѣшителенъ и слабъ, отягощенъ долгами и кидался во всѣ стороны, чтобъ какъ-нибудь устроить свою будущность. Онъ всегда былъ игрушкой счастья, котораго чувствовалъ тщету, и орудіемъ людей, которые были вовсе не такъ умны, какъ онъ.

Надобно было какъ-нибудь развязать этотъ узелъ. Всѣ власти, всѣ имена, дѣлавшія революцію, или сдѣланныя революціей, были перепробованы по нѣскольку разъ. Ни внѣшнія препятствія, ни народное противодѣйствіе не нарушали ихъ усилій овладѣть правленіемъ, и между тѣмъ, ни одна изъ этихъ властей не достигла успѣха; всѣ онѣ разрушили себя взаимно. Въ бесплодной борьбѣ растравили онѣ весь кредитъ и силу, какія у нихъ оставались. Ихъ ничтожность была ясна. Однако-жъ, Англія оставалась совершенно въ ихъ рукахъ. Среди продолжительнаго, печальнаго чередованія анархіи и деспотизма, нація отвыкла управлять сама своими судьбами и утратила нужную для этого смѣлость. Армія Кромвеля была все еще на лицо, неспособная создать правительства, но низлагавшая всѣхъ, кто ей не нравился. Одинъ человекъ изъ войска, весьма высоко стоявшій въ уваженіи и довѣрїи у солдатъ, чуждый политическимъ партіямъ, честно служившій парламенту и Кромвелю, и даже Ричарду Кромвелю при его вступленіи въ званіе протектора, Монкъ, предчувствовалъ неизбѣжный исходъ этой анархіи и рѣшился вести къ нему безъ борьбы и потрясеній свое истомленное отечество. Въ Монкѣ не было ничего великаго, кромѣ здраваго смысла и мужества, никакой потребности славы, никакого честолюбиваго стремленія къ власти, никакихъ принциповъ, никакихъ высшихъ плановъ ни для себя, ни для государства: одно глубокое отвращеніе къ безпорядку и къ этимъ необузданнымъ беззаконіямъ, которыя обыкновенно народныя партіи прикрываютъ прекрасными обѣщаніями. Онъ безъ хвастовства, но энергически и скромно былъ преданъ своимъ обязанностямъ, какъ солдатъ и какъ англичанинъ. Не шарлатанъ, не фразеръ, онъ былъ скромнень до молчаливости и рѣшительно равнодушенъ ко лжи; онъ пользовался ею смѣло и съ непоколебимымъ терпѣніемъ, чтобъ произвести то, что ему казалось единственнымъ су-

щественнымъ интересомъ Англии—мирное возстановленіе единственнаго правленія, какое могло быть прочно и правильно. Все остальное было въ его глазахъ не болѣе, какъ сомнительные вопросы и условные споры партій. Онъ успѣлъ въ своемъ намѣреніи. Всѣ отдѣлы большой монархической партіи бросили, чтобъ помогать ему, свои старые раздоры, свое слѣпое озлобленіе, свои противорѣчащія притязанія. Реставрація совершилась, какъ дѣло естественное и единственно возможное, не стоивъ ни одной капли крови ни побѣдителямъ, ни побѣжденнымъ; и Карль II, вступя въ Лондонъ среди радостныхъ кликовъ несмѣтной толпы, могъ по справедливости сказать: „Я самъ виноватъ, если не возвратился прежде; я не видалъ сегодня ни одного человѣка, который бы не увѣрялъ, что онъ всегда желалъ моего возвращенія“.

Еще никогда правительство, старое или новое, или возстановленное послѣ паденія, не находилось въ такихъ прекрасныхъ условіяхъ правильной силы и прочности.

Карль II вступилъ на престолъ безъ помощи иностранныхъ державъ, безъ борьбы внутренней, даже безъ усилій со стороны его собственной партіи—единственно по общему желанію англійскаго народа, освобождавшагося, наконецъ, отъ угнетенія и анархіи, отъ революціонной неурядицы и ожидавшаго только отъ него законнаго порядка и будущности.

Монархія возстановилась послѣ совершеннаго истощенія и окончательной гибели ея враговъ и соперниковъ. Республика и протекторатъ перебрали уже всѣ формы, всѣ сочетанія, какія только были для нихъ возможны. Всѣ власти, всѣ имена, вышедшія изъ революціи, износились, утратили свою эффектность. Поле битвы было свободно. Исчезли самыя призраки революціонныхъ ратниковъ и претендентовъ.

Королевская власть возстановлена была не одна: вмѣстѣ съ королемъ, всходившимъ на престолъ, въ правленіи государства заняли прежнее мѣсто большіе собственники, сельское дворянство, всѣ значительные граждане, которые поддерживали дѣло роялизма. Республика и Кромвель отстранили ихъ отъ общественныхъ дѣлъ, не могли выносить ихъ присутствія. Возвращаясь къ дѣламъ, они пополняли важный пробѣлъ въ общественной организаціи. Таково общее заблужденіе революціонеровъ: они думаютъ, что могутъ замѣнить сами все, что разрушаютъ, и что ихъ однихъ станетъ на всѣ нужды государства. Англійскіе республиканцы могли уничтожить палату лордовъ и прогнать партію роялистовъ съ политической сцены; но они не достигли того, чтобы могли занимать сами ея мѣсто, какъ для поддержанія власти противъ анархіи, такъ и для поддержанія правъ народа противъ деспотизма. Возстановляя наслѣдственную монархію, реставрація возвратила прежнее значеніе и вліяніе поземельной собственности провинціямъ, семейнымъ преда-

ніямъ, старѣйшей и наиболѣе значительной части территориальной аристократіи. Такимъ образомъ власть въ одно и то же время нашла и принципъ своего прочнаго существованія, и своихъ естественныхъ союзниковъ. Политическое общество, въ теченіе одиннадцати лѣтъ какъ бы висѣвшее на воздухѣ и хромавшее, снова вступило во владѣніе всѣми своими силами и стало опять на всѣхъ своихъ основаніяхъ.

Вмѣстѣ съ королевскою властью, возстановилось и правленіе религіознаго общества, епископальная церковь. Конечно, происхожденіе англиканской церкви, возникшей по призыву и возвысившейся подъ сѣнью свѣтской власти, составляло ея слабую сторону, сравнительно съ чисто-духовнымъ происхожденіемъ и сильною независимостью церкви католической. Зато Англія имѣла отъ нея ту выгоду, что прекратилась всякая борьба между правленіемъ церкви и правленіемъ государства: тѣсно связанная съ престоломъ и получивъ отъ него свою первую силу, англиканская церковь была постоянно предана ему вѣрно и, несмотря на пороки своего происхожденія и слабыя стороны своего поведенія, не имѣла недостатка ни въ ревности къ вѣрѣ, ни въ житейскихъ добродѣтеляхъ, ни въ мужествѣ и блескѣ при исполненіи своего назначенія. У ней были свои герои и свои мученики, неукротимые на эшафотѣ и на кострѣ, хотя часто снисходительные и слабые въ отношеніи къ королямъ. Передъ тѣмъ, какъ она была возстановлена вмѣстѣ съ Карломъ II, въ теченіе пятнадцати лѣтъ она терпѣла отъ революціи всевозможныя преслѣдованія—отнятіе имущества, угнетеніе богослуженія, поруганіе, плѣнъ, нищету. Все это вынесла она съ достоинствомъ и постоянствомъ; она возстала, окруженная пламенной преданностью роялистовъ и всеобщимъ уваженіемъ народа; она принесла на службу королямъ вѣрность, уже испытанную и авторитетъ, возвеличенный несчастіемъ.

Настроевіе англійскаго народа соотвѣтствовало настроенію церкви. Нельзя сказать, чтобъ секты, которыя она долго угнетала и которыя въ послѣднее время угнетали ее въ свою очередь, перестали быть жаркими ея врагами; не вездѣ также выходки фанатизма и лицемѣрія, отвратительныя или смѣшныя, уступили мѣсто благочестію разумному и истинному—реакція нечестія, разврата, своеволія и цинизма не замедлила явиться, но она не проникла далѣе высшихъ, верхнихъ слоевъ общества; среди скандаловъ двора и классовъ, зараженныхъ его примѣромъ по своей близости къ нему, Англія была богата истинными и ревностными христіанами. Одни были привязаны или возвращены къ англиканской церкви памятью тѣхъ золъ и отвращеніемъ къ тѣмъ безпорядкамъ, которые повлекли за собою ея паденіе; другіе принадлежали къ сектамъ диссидентовъ, которыхъ церковь опять начала преслѣдовать довольно жестоко, чтобъ усилить ихъ ревность, но не довольно для того, чтобы убить ихъ. Среди своей борьбы и взаимной ненависти, церковь и секты оказывали другъ на

друга благотворное вліяніе; онѣ взаимно поддерживали или напоминали другъ другу уваженіе къ Богу и его законамъ, постоянное занятіе вѣчными интересами человѣка, ревностную и дѣятельную вѣру.

Такимъ образомъ, въ массѣ народа возстановленная монархія нашла нравственную поддержку, а вокругъ престола, въ классахъ, близкихъ къ правительству по привычкамъ своей жизни—нужныя для нея политическія опоры.

Только два врага могли обратить въ ничто всѣ эти благопріятныя обстоятельства и снова подвергнуть монархію опасности. Эти страшные враги были: духъ революціи и духъ реакціи.

Духъ революціи надолго пережилъ свое поражение и даже свое доказанное безсиліе. Изъ двухъ революціонныхъ партій, обладавшихъ Англійей—республиканской и кромвелевой—послѣдняя исчезла совершенно, такъ совершенно, что дѣти протектора могли умереть въ своемъ отечествѣ въ мирномъ абвеніи. Республиканская партія продолжала существовать, ничего не предпринимая и почти ничего не надѣясь для своего дѣла, но горячо вмѣшиваясь во всякую вражду, во всякій заговоръ противъ установленнаго правленія, безпрестанно отыскивая и находя новыхъ инсургентовъ и мучениковъ, особенно въ Шотландіи. Даже въ партіяхъ легальной оппозиціи, чуждыхъ всякимъ республиканскимъ сожалѣніямъ и желаніямъ, еще сильны были революціонныя идеи и привычки; самые просвѣщенные люди были пропитаны теоріями и готовы увлекаться страстями, рѣшительно несомвѣстимыми съ терпѣливыми битвами и обязательными сдѣлками конституціонной монархіи; самые умѣренныя смотрѣли на возможность новыхъ революцій и клонились къ нимъ съ легкостью, противною всякому прочному законному порядку. Въ жилахъ большей части англійскаго народа еще текъ революціонный ядъ, ослабѣвшій, но несовершенно выгнанный, и поддерживалъ ее въ состояніи политическаго опьяненія, исполненномъ затрудненій и опасностей для власти.

Духъ революціи былъ постоянно питаемъ духомъ реакціи, этимъ недугомъ побѣждающихъ партій. Конечно, нельзя принимать на-слово всѣ тѣ упреки, которыми исторія преслѣдуетъ, на этомъ основаніи, кавалеровъ и церковь англійскую: у революцій, долго бывшихъ въ силѣ и, наконецъ, остановленныхъ въ своемъ теченіи, есть это надменное притязаніе, чтобы беззаконія, ими совершенныя, оставались неприкосновенными. Имъ кажется, что надобно довольствоваться прекращеніемъ ихъ вредной власти; всякое исправленіе надѣланнаго ими зла они называютъ реакціей. Между мѣрами, принятыми въ царствованіе Карла II для вознагражденія несправедливостей, претерпѣнныхъ роялистами, принадлежавшими къ мірянамъ или къ духовенству, большая часть была не больше, какъ естественнымъ и необходимымъ возвращеніемъ къ нарушенному праву. Но этому возвращенію есть

предѣлы, которые здравый смысл указываетъ политикѣ правительствъ и интересу самихъ партій. Несправедливостей не поправляютъ несправедливостями; революціямъ не полагаютъ конца оскорбленіями и местию. Всякое удовлетвореніе, принимающее такой характеръ, перестаетъ быть правымъ и, вмѣсто того, чтобы помогать дѣлу, подвергаетъ его опасности. Особенно религіозная реакція отличалась при Карлѣ II плачевной жестокостью: это было уже не простое удовлетвореніе жалобъ, или исцѣленіе бѣдствій англійской церкви—это было мстительное преслѣдованіе всякихъ диссидентскихъ сектъ; это было преступленіе клятвы, данной болѣе умѣреннымъ изъ нихъ, которымъ Карлъ II, при самомъ возвращеніи своемъ, обѣщалъ свободу. Карлъ пытался нѣсколько разъ сдержать свое слово и обезпечить диссидентамъ нѣкоторую терпимость; преслѣдованіе было несовмѣстно ни съ его здравымъ разсудкомъ, ни съ его кроткимъ нравомъ, ни съ его религіознымъ индифферентизмомъ, ни съ его тайною склонностью къ католикамъ. Но эти припадки справедливости скоро уступали упорной ненависти духовенства и бурнымъ страстямъ народа. Къ реакціи пристала почти вся партія роялистовъ въ парламентѣ и внѣ его, по слѣпотѣ своей или по увлеченію. Послѣ 1660 года свѣтская реакція была ограничена и коротка; религіозная же реакція, сдержанная на время, скоро разразилась съ новой силой, становясь, чѣмъ далѣе, тѣмъ хуже, и произвела большую часть опасностей и ошибокъ, или, лучше сказать, преступленій, въ которыя впали Карлъ II и его правленіе.

Но эти ошибки и опасности, хотя важныя и печальныя, не представляли, однакожъ, въ сущности ничего гибельнаго для англійской монархіи и общества, ничего такого, чтобы нарушило ихъ жизненныя условія. Если разсматривать вещи въ цѣломъ, то духъ революціи уже пересталъ обладать Англіей, а духъ реакціи не былъ въ ней господствующимъ. Начиная съ великаго революціоннаго кризиса 1640—1660 годовъ, англійскій народъ имѣлъ счастье и заслугу понимать опытъ и никогда не предаваться крайностямъ. Въ самомъ жару политической борьбы и даже среди насилій, къ которымъ онъ иногда былъ увлекаемъ своими вождями, а иногда самъ увлекалъ ихъ, его никогда не покидалъ въ рѣшительныя минуты здравый смыслъ, состоящій въ томъ, чтобы понимать существенныя блага, которыя мы хотимъ сохранить и стоять за нихъ неизмѣнно, мирясь съ неудобствами, ихъ сопровождающими, и не позволяя себѣ желаній, которыя могли бы вредить имъ. Начиная съ царствованія Карла II, этотъ здравый смыслъ, этотъ политическій разумъ свободныхъ народовъ руководилъ судьбами Англій. Революцію, выдержанную англійскимъ народомъ, пережили три великіе результата, еще смутные и неполные, но постановленные безвозвратно и заключавшіе въ себѣ все существенное для желаній и общихъ интересовъ этого народа.

Королевская власть не могла болѣе существовать отдѣльно отъ парламента. Дѣло монархизма было выиграно; дѣло абсолютной монархіи проиграно. Богословы и философы, Фильмеръ и Гоббсъ могли возводить абсолютизмъ въ догму, или поддерживать его въ теоріи; ихъ идеи могли въ литературѣ или общественныхъ разговорахъ, вызывать сочувствіе или гнѣвъ людей науки или партіи: на практикѣ этотъ вопросъ былъ порѣшенъ для націи. Роялисты и революціонеры—всѣ одинаково смотрѣли на тѣсное соединеніе и взаимный контроль короны и парламента, какъ на неотъемлемое право и рѣшительную потребность націи.

De facto, въ парламентѣ имѣла перевѣсъ палата депутатовъ. Конечно, не могло быть рѣчи о ея прямой верховности: этотъ революціонный принципъ былъ преданъ анаѣмѣ и ненависти. Король и палата лордовъ снова получили свои права и значеніе; но послѣ того жестокаго пораженія, какое имъ было нанесено, они уже не могли подняться на прежнюю высоту, даже несмотря на паденіе враговъ своихъ; ни промахи, ни неудачи нижней палаты не могли вполнѣ уничтожить ея страшныхъ побѣдъ. Достигши господства, партія роялистовъ, въ своихъ отношеніяхъ съ короной и государственнымъ правленіемъ, наслѣдовала существенныя завоеванія долгаго парламента. Долго надобно было длиться смутамъ, и часто очень сильнымъ, пока различныя партіи, торіи и виги, правители и оппозиціи не научились пользоваться, какъ слѣдуетъ, этими завоеваніями, надлежащимъ образомъ понимать ихъ смыслъ и мѣру и поддерживать между великими общественными силами ту многодѣятельную гармонію, которая составляетъ заслугу и трудность конституціоннаго правленія. Но какъ ни шатки были первые шаги націи, учившейся управлять, какъ ни противорѣчивы были иногда явленія, или формы—преобладающее вліяніе палаты депутатовъ дѣлалось со времени Карла II фактомъ болѣе и болѣе очевиднымъ и достойнымъ.

Рядомъ съ этими двумя политическими фактами, или, скорѣе, выше ихъ, стоялъ фактъ религіозный, точно также созданный революціей: это было полное, окончательное господство протестантизма въ Англіи. Конечно, англійскіе протестанты никогда еще не были такъ сильно разьединены между собою, и Боссюэтъ имѣлъ полное право съ гордымъ удовольствіемъ разсматривать и изображать ихъ расколы и распри; но въ этихъ сектахъ, расходившихся между собою во всѣ стороны, не умирало единство общей вѣры и страсти; среди собственныхъ битвъ всѣ онѣ исповѣдывали евангеліе, сражались противъ католицизма съ равнымъ рвеніемъ, и свобода совѣсти, безпрестанно непризнаваемая и притѣсняемая ими между собою, въ то же время была для всѣхъ ихъ, противъ римской церкви, равно дорогимъ и неотъемлемымъ приобрѣтеніемъ.

Вотъ все, чего тайно или гласно хотѣлъ англійскій на-

родъ отъ этой старой королевской власти, которой возвращеніе онъ встрѣтилъ съ восторгомъ, рѣшившись долго переносить ошибки правительства, лишь бы оно избавило его отъ новой революціи и обезпечило ему эти три результата революціи, имъ выдержанной.

Но этого-то именно и не умѣли, или не хотѣли сдѣлать ни Карлъ II, ни Іаковъ II.

Въ отношеніи къ политикѣ, Карлъ II былъ такъ уменъ и равнодушенъ, что не хлопоталъ о неограниченной власти или не вносилъ ее въ свои дѣйствія. Онъ не заботился ни о чемъ, кромѣ удовольствій, любилъ власть единственно для того, чтобы наслаждаться жизнью, и охотно шелъ на уступки и сдѣлки, лишь бы только удалить отъ себя опасности отчаянной борьбы, или избавиться отъ скуки, нераздѣльной съ нею. Но въ мысляхъ своихъ онъ уважалъ и любилъ только абсолютную монархію. Онъ слишкомъ много претерпѣлъ отъ институтовъ своего отечества и былъ свидѣтелемъ ихъ заблужденій и недостаточности: онъ слишкомъ насмотрѣлся на блескъ двора Людовика XIV и на силу его правленія: туда влеклось его удивленіе и довѣріе. Этимъ объяснялась та легкость, съ какою онъ впалъ въ продажное раболѣпство относительно Людовика XIV: онъ смотрѣлъ на него, какъ на главу партіи королей и не чувствовалъ всего стыда, какой долженъ былъ бы чувствовать, когда продавалъ ему политику и свободныя права своего отечества.

Въ религіи Карлъ былъ въ одно и то же время скептикъ и католикъ, ни во что не вѣрившій и столько же развращенный умомъ, сколько и нравами, но думавшій, что если и есть какая-нибудь истина въ религіи, то она находится въ католической вѣрѣ, какъ болѣе надежномъ убѣжищѣ для королей противъ опасностей, которымъ подвергается власть, какъ и вообще для людей противъ опасностей, которыми грозитъ вѣчность.

Такимъ образомъ, Карлъ II, хотя въ жизни и не дѣйствовалъ, какъ государь неограниченный и католическій, въ душѣ былъ, однако жъ, католикъ и абсолютистъ, симпатизировавшій съ королями континента, но не симпатизировавшій съ вѣрой и политикой своей націи.

Іаковъ II былъ католикъ и абсолютистъ по убѣжденію и велъ себя согласно со своимъ убѣжденіемъ; сверхъ того, онъ былъ неосмотрительно-рѣшителенъ, со всѣмъ упрямствомъ ума узкаго и скуднаго, со всею жестокостью сердца холоднаго и сухого.

Таковы были два государя, которыхъ реставрація поставила передъ лицомъ англійскаго народа, съ радостью возвращавшагося къ монархіи и проклинавшаго революцію, но инстинктивно рѣшившагося сохранить ея великіе результаты.

Въ теченіе всего періода реставраціи англійская исторія есть не иное что, какъ исторія этого глубокаго, медленно открывшагося, но, наконецъ, явно разразившагося разногла-

сія между двумя королями и ихъ народомъ, и упорныхъ усилій англійскаго народа избѣгнуть послѣдствій этого факта то-есть, новой революціи.

Ибо англичане въ продолженіе этой эпохи были въ сущности консерваторами. Ихъ волновали горячія партіи и честолюбивыя стремленія эгоизмовъ своими интригами, заговорами, возстаніями; они не разъ увлекаемы были ими или собственными своими страстями къ движеніямъ, повидимому, революціоннымъ, но не только не думали помогать людямъ, стремившимся къ ниспроверженію монархіи Стюартовъ, а, напротивъ, останавливались и бросались назадъ, какъ скоро замѣчали, что дѣло къ тому клонилось. Заговорщики и инсургенты въ царствованіе Карла II были не болѣе, какъ меньшинство, съ которымъ несогласна была нація даже тогда, когда и показывала къ нимъ нѣкоторое расположеніе. Чѣмъ больше дѣлала ошибокъ возстановленная королевская власть, чѣмъ яснѣе высказывала она свои тенденціи или планы, тѣмъ сильнѣе становилось общественное недовольство, тѣмъ вѣроятнѣе дѣлался разрывъ между государемъ и націей; но нація боролась съ этой вѣроятностью, а не стремилась къ ней. Въ теченіе двадцати шести лѣтъ она приносила всевозможныя жертвы, дѣлала всевозможныя усилія, какихъ только требовалъ самый терпѣливый и самый стойкій консерватизмъ, чтобъ поддержать на престолѣ домъ Стюартовъ, не предавая ему на жертву своихъ законовъ и вѣры.

Всѣ видоизмѣненія англійскаго правленія въ продолженіе этой эпохи, дѣйствія и судьбы всѣхъ партій и всѣхъ министерскихъ кабинетовъ, принимавшихъ власть въ свои руки, представляли не что иное, какъ различныя формы и блистательное подтвержденіе этого факта.

По естественному ходу дѣлъ, власть прежде всего пала въ руки старыхъ роялистовъ, вѣрныхъ совѣтниковъ Карла I въ несчастіи и Карла II въ изгнаніи. Ихъ вождемъ былъ Кларендонъ. Человѣкъ съ умомъ твердымъ, прямымъ и проницательнымъ, онъ былъ искренній другъ законнаго и нравственнаго порядка, смѣло стоялъ за конституцію своего отечества, съ энтузіазмомъ былъ преданъ своей церкви, вполнѣ уважалъ всѣ признанныя закономъ или обычаемъ права народа и государя, и до такой степени ненавидѣлъ революціи, что, безъ различія, всякая новость казалась ему подозрительною и противною. Ставши первымъ министромъ, онъ повелъ себя не то, чтобы гордо, а надменно; не оказалось у него ни достаточной широты во взглядѣ, ни симпатичнаго благородства въ характерѣ; его величіе служило ему предметомъ тщеславнаго самонаслажденія; дѣйствія его власти отзывались педантизмомъ. Въ сношеніяхъ съ королемъ, который питалъ къ нему уваженіе, исполненное довѣрія и соединенное съ нѣкоторою любовью, онъ былъ то строгъ, то угодливъ, переходилъ отъ порицанія къ ласкательству, то говорилъ и стоялъ за правду, какъ честный человѣкъ, то безпо-

коился о томъ, что говорилъ правду, искалъ опоры противъ двора и не хотѣлъ почерпать силы въ парламентъ. Онъ стремился въ одно и то же время удержать и короля въ уваженіи къ древнимъ законамъ государства, и палату депутатовъ въ ея прежнемъ скромномъ положеніи; онъ воображалъ, что можно обязать легальностью королевскую прерогативу, не налагая на нее необходимой отвѣтственности передъ парламентомъ; онъ думалъ тотчасъ послѣ народной революціи основать правленіе, которое было бы и ограниченное и неограниченное. Ему не удалось это несбыточное предпріятіе, и онъ палъ послѣ семилѣтняго владычества, ненавидимый нижней палатой за свою монархическую надменность, диссидентами—за епископальную нетерпимость, дворомъ—за презрительную строгость, преслѣдуемый слѣпымъ негодованіемъ народа, сваливавшего на него всѣ общественныя бѣдствія и всѣ пороки правленія, и даже покинутый королемъ, для котораго онъ былъ уже не болѣе, какъ безпокойнымъ цевзоромъ и компрометирующимъ министромъ.

Нѣкоторые приписывали паденіе Кларендона недостаткамъ его характера и ошибкамъ и неудачамъ въ дѣлѣ внѣшней и внутренней политики: это значить не понимать великости причинъ, рѣшающихъ судьбу необыкновенныхъ личностей. Налагая на нихъ такую трудную задачу, провидѣніе не бываетъ къ нимъ такъ жестоко, чтобы не прощать имъ ни одной слабости и легко низвергать ихъ изъ-за какого-нибудь частнаго проступка или промаха. Другіе великіе министры, Ришелье, Мазарини, Вальполь, также имѣли свои недостатки, также дѣлали ошибки, терпѣли такія же важныя невзгоды, какъ и Кларендонъ, но они понимали свое время; виды и стремленія ихъ политики гармонировали съ его потребностями, съ общимъ состояніемъ и движеніемъ умовъ. Кларендонъ ошибся насчетъ своей эпохи; онъ не понялъ смысла великихъ событій, которыхъ былъ свидѣтелемъ, но смотрѣлъ на то, что произошло между 1640 и 1660 годами, какъ на бунтъ, послѣ котораго надобно только возстановить порядокъ и законъ, а не какъ на революцію, которая, хотя и повергла англійское общество въ гибельныя заблужденія, но въ то же время указала ему новые пути и, возстановивъ старую королевскую власть, обязала ее къ новому образу дѣйствій. Изъ великихъ результатовъ, завѣщанныхъ Англій этой революціей, хотя она и была побѣждена, Кларендонъ признавалъ въ душѣ своей только два: необходимость содѣйствія парламента и торжество протестантизма. Но онъ упорно отвергалъ и оспаривалъ возраставшее вліяніе нижней палаты на управленіе государствомъ и не умѣлъ ни отыскать, ни употребить въ дѣло средствъ, которыми этотъ новый фактъ могъ обратиться на обезпеченіе и даже на усиленіе монархіи. Это было одно изъ тѣхъ заблужденій, которыя не выкупаются ни дарованіями, ни рѣдкими добродѣтелями, и которыя для государственныхъ людей—такова ихъ безжалостная

судьба—дѣлають смертельными такія ошибки и неудачи, которыя для другихъ прошли бы почти даромъ.

За честными совѣтниками старой королевской власти пошли безнравственные слуги новаго двора, съ Буккингэмомъ и Шефтсбери во главѣ. Одинъ былъ развратенъ, остеръ, вѣтренъ, дерзокъ; другой—честолюбивъ, глубокомысленъ и смѣль; оба были равно развращены и равно опыты въ искусствѣ развращать: оба были готовы для поправленія своего состоянія, или въ угоду своему тщеславію, безпрестанно переходить отъ двора къ черни, отъ правительства къ партіямъ. Они задумали удовлетворить и парламентъ, и диссидентовъ, и всѣ народныя чувства, которыя раздражилъ педантизмъ и изолированность политики Кларендона. Они хотѣли угождать и уступать; но этого еще мало для того, чтобы управлять. Безразсудные и безнравственные преемники Кларендона не подозрѣвали, какія затрудненія и опасности навлекутъ они на власть и на себя-самихъ, отыскивая себѣ точку опоры въ палатѣ депутатовъ. Чтобы какое-нибудь народное собраніе могло быть сильнымъ и правильнымъ средствомъ правленія, для этого надобно, чтобъ оно само было сильно организовано и управляемо; а это можетъ быть только тогда, когда въ немъ есть большія партіи, связанныя общими принципами и идущія къ опредѣленной цѣли послѣдовательно и стройно, подъ руководствомъ признанныхъ вождей. Такія партіи образуются и существуютъ только тогда, когда сильные интересы и твердыя, укоренившіяся убѣжденія соединяють людей между собою. Первое условіе жизни для большихъ партій—извѣстная доля вѣры въ идею и преданности лицамъ, точно такъ же, какъ большія партіи—необходимое условіе свободнаго правленія. Ничего подобнаго не было и не предвидѣлось при Карлѣ II, когда кабинетъ, прозванный *кабалью*, пытался управлять сообща съ нижней палатой и согласно съ ея желаніями. Послѣ столькихъ потрясеній и несбывшихся надеждъ, особенно въ слояхъ, близкихъ къ власти, людьми овладѣли сомнѣніе, недовѣрчивость, неугомонная подвижность, духъ личности, иногда нетерпѣливой до наглости, иногда осторожной до малодушія. Палата депутатовъ была полна обломками революціонныхъ партій, но въ ней вовсе не было политическихъ партій, способныхъ и достойныхъ поддержать какое-нибудь правленіе. А люди, подобные Шефтсбери и Буккингэму, были неспособны и недостойны образовать такія партіи; они умѣли только для себя лично искать сторонниковъ во всѣхъ лагеряхъ и привлекать ихъ всѣми возможными средствами. Ихъ политика отличалась самой безстыдной непослѣдовательностью и противорѣчіями: то вводили они Англію въ тѣсный союзъ съ Голландіей, то выдавали Голландію Людовику XIV, смотря по тому, что имъ было нужнѣе въ данную минуту—благоклонность протестантскихъ ли прозелитовъ въ Англіи, или сильнаго иностраннаго государя. Они оказывали терпимость

диссидентамъ, повидимому, изъ уваженія къ правамъ совѣсти, но въ сущности изъ угожденія королю, который хотѣлъ покровительствовать католикамъ, а потомъ опять уступали давленію раздраженной палаты и упрашивали короля утверждать самыя строгія мѣры противъ католиковъ и диссидентовъ. Внутренняя и внѣшняя политика ихъ представляла рядъ невѣрныхъ шаговъ и непрерывныхъ противорѣчій; самыя, повидимому, добрыя ихъ мѣры были не болѣе, какъ средства подкупа и обмана, оставляемые имъ съ такимъ же безстыдствомъ, съ какимъ они прибѣгали къ нимъ; въ этихъ мѣрахъ было такъ же мало прочности, какъ и добросовѣстности.

Публика, внутри и внѣ парламента, нѣсколько разъ попадала въ разставленные для нея сѣти. Ничто не можетъ сравниться съ готовностью народныхъ страстей вѣрить тому, что имъ нравится, и извинять все, что имъ служить. Министры кабели по временамъ добивались нѣкоторой любви, но она убѣгала отъ нихъ такъ же скоро, какъ приходила къ нимъ. Ихъ развратная жизнь, ихъ отъявленная безнравственность, непостоянство ихъ поведенія оскорбляли нравственное чувство народа, который при всѣхъ этихъ скандалахъ и обманутыхъ ожиданіяхъ, сохранилъ твердую основу вѣры и добродѣтели. И онъ, навѣрное, не остановился бы на одномъ негодованіи, еслибъ зналъ, какъ его король съ безмолвнымъ одобреніемъ главныхъ своихъ совѣтниковъ заключалъ съ Людовикомъ XIV тайные договоры, которыми онъ обязывался объявить себя католикомъ при первой возможности сдѣлать это безопасно; а въ ожиданіи этого, продавалъ за нѣсколько милліоновъ независимость политики и институтовъ своего королевства Англія долго ничего не знала объ этихъ позорныхъ актахъ; но когда недовѣріе вкоренится, тогда невѣдѣніе народа замѣняется предчувствіями, которыя часто вводятъ въ заблужденіе, а иногда просвѣщаютъ народы чудеснымъ образомъ. Не зная до какой степени министры кабели унижали свое отечество и измѣняли ему, нижняя палата не только не предавалась имъ, но подъ конецъ сильно противъ нихъ вооружилась — и они пали подъ ударами силы, которую сами возрастили своимъ ласкательствомъ, чтобы употреблять ее въ свою пользу, не сдѣлавъ, однакожъ, ни шага для организованія политическихъ партій въ парламентѣ и правильной дѣятельности ихъ въ правленіи.

Преемникъ ихъ, сэръ Томасъ Осборнъ, графъ Дэнби, имѣлъ гораздо больше политическаго смысла и вліянія на развитіе парламентскаго правленія въ своемъ отечествѣ. Приступивъ къ государственнымъ дѣламъ подъ покровительствомъ министровъ кабели и рано пріобщившись нѣкоторымъ изъ ихъ дурныхъ привычекъ, онъ, однакожъ, существенно отличался отъ нихъ, потому что вышелъ въ люди чрезъ народъ, а не чрезъ дворъ. Онъ былъ изъ простыхъ дворянъ

Йоркскаго Графства, и потому настоящую партію его составляло провинціальное дворянство, а палата депутатов—его политическое отечество. Онъ горячо поддерживалъ дѣло короля и его власти, но соединяя его съ парламентомъ, а не отдѣляя отъ него. Онъ старался всѣми возможными средствами—хорошими и дурными, убѣжденіемъ и подкупомъ—образовать въ нижней палатѣ неразрывную прочную партію и установить между правительствомъ и этой партіей то внутреннее единство, ту солидарность, которая однѣ въ состояніи сдѣлать власть дѣйствительною и сильною, приводя ея различные элементы къ одной политической мысли, къ одному дѣлу. Сверхъ того, въ дѣлѣ религіи и внѣшнихъ сношеній, Дэнби понималъ и раздѣлялъ національныя чувства Англіи: онъ желалъ обезпеченія протестантизма и добраго согласія англійскаго правительства съ государствами, преданными тому же дѣлу. Онъ уговорилъ Карла II. заключить сначала миръ, потомъ союзъ съ Голландіей и выдать свою племянницу Марію за принца Вильгельма Оранскаго. Такимъ образомъ Дэнби внѣ предѣловъ Англіи готовилъ спасителя ея вѣры и правъ, начиная въ то же время прочно образовывать внутри ея эту великую партію королевской прерогативы и церкви, дававшую съ тѣхъ поръ столько силы англійской монархіи и такъ много содѣйствовавшую ея прочности.

И въ то время, когда благоразуміе и искусство Дэнби организовали партію торіевъ, его ошибки, по счастливому сочетанію противоположныхъ послѣдствій, предоставляли энергическое и спасительное развитіе партіи виговъ. Въ томъ то и состоитъ честь виговъ, что они почерпнули первые зародыши своего величія въ защитѣ правъ и политической нравственности своего отечества. Ихъ партія возникла на зовъ благородныхъ чувствъ и принциповъ; она начала принимать свою особенную фізіономію и свой блескъ въ борьбѣ съ Дэнби и его кавалерами, превратившимися въ торіевъ. Это была борьба еще безпорядочная и смутная, но въ ней ясно проявили себя двѣ великія парламентскія партіи, обѣ стремившіяся управлять государствомъ, чтобъ проводить такую или другую политику, въ силу принциповъ, непротиворѣчившихъ другъ другу въ сущности, но глубоко различныхъ между собою.

Послѣ четырехлѣтнихъ усилій, эта борьба кончилась паденіемъ Дэнби, распущеніемъ этого долгаго парламента, который въ теченіе восемнадцати лѣтъ составлялъ силу роялизма, представляя изъ себя страшную смѣсь преданности, раболѣпства и независимости, и образованіемъ кабинета изъ виговъ, къ которомъ вожди этой партіи—Темпль, Россель, Эссексъ, Голлизъ, Кэвендишъ, Поуле—взяли на себя правленіе и его реформу, съ помощію Галифакса, вождя неустановившихся умѣренныхъ, и смѣлаго ренегата придворной партіи, Шефтсбери, сдѣлавшагося любимцемъ народа.

Обстоятельство это было чрезвычайно важно. Въ первый

разъ, несмотря на долговременное сопротивленіе короны, парламентская оппозиція получала власть во имя общественнаго мнѣнія и большинства. Сумѣетъ ли она совладать съ этой властью и удержать ее въ своихъ рукахъ? Удовлетворить ли она истиннымъ желаніямъ народа, не колебля основаній монархіи, испуганной ея усиленіемъ?

Вигамъ не удалось рѣшить эту проблемму.

Отъ недостатка ли опытности, или отъ вліянія ложныхъ политическихъ теорій, которыми пропитанъ былъ революціонный долгій парламентъ, ихъ идеи объ устройствѣ и условіяхъ конституціоннаго правленія были смутны, неудобны къ практическому примѣненію, полны нерѣшительности и противорѣчій. Они попробовали установить кабинетъ на широкихъ основаніяхъ, чтобы сдѣлать изъ него какъ бы нѣчто въ родѣ посредствующей корпораціи, которая бы могла удерживать въ извѣстныхъ предѣлахъ корону парламентомъ и парламентъ короной; но это была попытка, плохо задуманная и не пережившая своего рожденія. Они внесли духъ оппозиціи въ отправленіе своей должности и, служа королю, больше заботились о томъ, чтобы защитить себя противъ него, нежели о томъ, чтобы его поддерживать.

Они жили въ смѣшеніи съ остатками анархическихъ партій, пережившихъ революцію и не перестававшихъ глухо нападать на монархію. Почти ничтожная въ высшихъ классахъ, республиканская партія была слаба и не могла имѣть успѣха даже и въ массѣ; но у нея были свои агитаторы и отчаянные заговорщики, готовые отдать всю свою опытность и даже жизнь всякому, кто обѣщаль или подавалъ надежду доставить какое-нибудь удовлетвореніе ихъ неугомонной дѣятельности и ихъ злобѣ. Виги постоянно находились, если не въ заговорѣ, то, по крайней мѣрѣ, въ соприкосновеніи съ этими революціонерами по ремеслу, изъ которыхъ они хотѣли сдѣлать своихъ солдатъ, но которые, въ свою очередь, надѣялись сдѣлать изъ вождей свои орудія и безпрестанно компрометировали ихъ сначала передъ королемъ, потомъ передъ народомъ, хотя недовольнымъ, но преданнымъ монархіи и рѣшительно нерасположеннымъ къ новымъ революціямъ.

Противъ этихъ ошибокъ въ поведеніи и противъ несостоятельности самаго положенія виговъ, у нихъ было лекарство: угожденіе страстямъ народа, и они дѣлали изъ него обширное и горестное употребленіе. У англичанъ въ это время была одна всеобщая и господствующая страсть: ужасъ и отвращеніе къ папизму. Законный инстинктъ сказалъ имъ, что король измѣняетъ націи въ этомъ дѣлѣ—и нація вышла изъ предѣловъ всякаго разсудка, всякой справедливости, всякой человѣчности. Цѣлые три года политическое и судебное преслѣдованіе католиковъ было преступленіемъ народа, неистовствующаго въ своей вѣрѣ, и короля, робѣющаго въ своемъ невѣрїи. Виги присоединились къ этому

увлеченію, или уступили ему, какъ торіи. Кромѣ того, злая судьба привела ихъ къ власти тогда, когда первые припадки національнаго ожесточенія противъ католиковъ уже начали утихать и уступили мѣсто реакціонному движенію въ пользу здраваго смысла и справедливости. Такимъ образомъ, они больше своихъ соперниковъ понесли на себѣ кару этой реакціи и тяжесть скрытаго гнѣва короля, съ радостію ухватившагося за случай выместить на нихъ беззаконія, которымъ онъ не имѣлъ духа противостать.

Что касается внѣшней политики государства, положеніе ихъ было ничѣмъ не проще и не вѣрнѣе. Они вооружались противъ раболѣпной дружбы короля съ французскимъ дворомъ, и въ то же время многіе изъ ихъ вождей сами получали милости и пенсіи отъ Людовика XIV, одни—вслѣдствіе своей испорченности, ибо у народной партіи были также свои *roués*, какъ и у двора; другіе—люди истинно честные и патріоты—изъ несбыточной надежды употребить вліяніе, получаемое ими отъ иностраннаго государя, на торжество законныхъ льготъ своего народа. Чрезвычайно опасно искать внѣ своего государства тайныхъ силъ, чтобы дѣйствовать на его внутреннія дѣла; люди самые искусные въ этомъ случаѣ легко впадаютъ въ опасность служить скорѣе видамъ чужого правительства, нежели своимъ собственнымъ, и Людовикъ XIV извлекъ гораздо больше пользы для своей политики изъ своихъ сношеній съ нѣкоторыми главными вигами, нежели сколько сами они нашли выгодъ въ тайной помощи, которую онъ имъ подалъ для низверженія Дэнби и для распущенія долгаго парламента кавалеровъ.

Въ такомъ затруднительномъ и опасномъ положеніи, виги предприняли измѣнить порядокъ престолонаслѣдія и исключить изъ него законнаго наслѣдника парламентскимъ актомъ. Это значило напередъ сдѣлать революцію въ силу однихъ догадокъ, основательныхъ, но слишкомъ отдаленныхъ, безъ всякихъ дѣйствительныхъ, очевидныхъ фактовъ, которые бы доказывали ея рѣшительную необходимость. Безъ сомнѣнія, виги думали, что въ подобномъ дѣлѣ гораздо умнѣе предусмотрѣть, нежели дожидаться, и что лучше тотчасъ же, путемъ законнаго совѣщанія, сдѣлать то, что впоследствии пришлось бы дѣлать силой и, быть можетъ, путемъ междоусобной войны—мысль чрезвычайно поверхностная и показывающая съ ихъ стороны плохое знаніе людей и главныхъ основаній общественнаго порядка. Совѣщаться о революціи важнѣе, нежели производить ее, и государство бываетъ гораздо болѣе потрясено, когда, во имя разума человѣческаго, посягаютъ на его осевные законы, нежели когда нарушаютъ ихъ подъ вліяніемъ необходимости. Въ предположеніи виговъ заключалось ни больше, ни меньше, какъ требованіе: волею одного парламента, прежде, нежели Іаковъ II взойдетъ на престолъ, уничтожить его наслѣдственное право на корону, то есть, въ самомъ принципѣ

подчинить основное положеніе монархіи приговору парламента. Народное чутье англичанъ говорило, что это значило бы уничтожить самую монархію. Монархическій духъ быстро пробудился; въ самомъ кабинетѣ обнаружилось несогласіе. У виговъ не осталось ни одного союзника даже между самими умѣренными торіями, и они увидѣли на своей сторонѣ только собственныя силы своей партіи; сверхъ того, имъ представилось одно препятствіе, котораго они и не предвидѣли, именно: совѣсть Карла II. Этотъ царственный эгоистъ не счелъ себя въ правѣ располагать [правомъ своего брата и защищать его, несмотря ни на что. Къ чести англійской націи, народная страсть остановилась передъ уваженіемъ къ законнымъ властямъ; принятый нижней палатой билль объ исключеніи былъ отвергнутъ палатой лордовъ, и никто не сдѣлалъ ни одного шага, чтобъ поставить на своемъ какими-нибудь другими средствами.

Но вопросъ не сходилъ съ горизонта. Нижняя палата, постановившая исключеніе Іакова II, была распущена. Въ той, которая послѣдовала за нею, билль снова былъ предложенъ и пущенъ на голоса. Обѣ великія партіи, постепенно образовавшіяся въ теченіе царствованія, виги и торіи, рѣшились—одни, отстранить будущаго монарха, другіе—поддержать монархію въ ея неприкосновенности. Карль II также принялъ свое рѣшеніе: онъ объявилъ, что нижняя палата распускается, удалилъ виговъ, образовалъ свой кабинетъ изъ однихъ торіевъ и четыре года управлялъ безъ парламента—четыре печальные года, въ которые Англія непрерывно слышала глухой гулъ приближающейся бури. Вступивъ попрежнему въ оппозицію, виги въ различной степени и съ различными видами, начали дѣлать заговоры—одни, чтобы легально возвратить себѣ власть, другіе—чтобъ принудить короля, хотя бы даже цѣною возстанія и междоусобной войны, подчиниться тому, въ чемъ они видѣли право и желаніе народа; низшіе, отчаянные поборники партіи, хотѣли, во что бы то ни стало—хотя бы для этого понадобилось убійство—отдѣлаться отъ короля и его брата, какъ единственныхъ препятствій торжеству ихъ дѣла. Эти заговоры, то преувеличиваемые, то смѣшиваемые между собою, по причинѣ неполной гласности, въ незаконныхъ, предательскихъ процессахъ, повергали страну въ самыя противоположныя смуты. Партія консерваторовъ негодовала и тревожилась за безопасность престола и установленнаго порядка; партія народная болѣе и болѣе возмущалась, видя, какъ разрушались всѣ ея попытки, какъ возводили на эшафотъ самыхъ благородныхъ ея вождей. Монархическая реакція и разрушительная вражда возрастали въ равной мѣрѣ. Хартіи городовъ и главныхъ корпорацій—послѣдній оплотъ народной партіи, были судебнымъ порядкомъ опровергаемы и уничтожаемы. Въ своемъ безсиліи и опасности, заговорщики удалялись изъ отечества и шли въ Голландію умолять

принца оранскаго спасти протестантскую вѣру и свободу Англїи. Изъ числа трехъ великихъ результатовъ революціи, которые хотѣлось сохранить Англїи, оба политическіе результата, то есть, вліяніе парламента въ государственномъ правленіи и преобладаніе нижней палаты въ парламентѣ, были задержаны и сильно стѣснены: результатъ религіозный— господство протестантизма— былъ еще не тронуть; англиканская церковь сама же неизмѣнно поддерживала корону и громила проклятїями всякую попытку къ сопротивленію. Усиленные этой опорой и руководимые Рочестеромъ, ревностные торїи съ каждымъ днемъ тѣснѣе и тѣснѣе группировались вокругъ Іакова, забывая его преданность къ католицизму и видя въ немъ только представителя и наслѣдника монархіи. Но вокругъ Галифакса образовалась третья партїя, вооружавшаяся противъ всякихъ насильственныхъ мѣръ, требовавшая созванїя парламента и пророчившая Англїи большїя бѣды, если она пойдетъ не по этой дорогѣ. Карль все медлилъ и откладывалъ. Горячимъ торїямъ обѣщаль онъ непоколебимо и неуклонно поддерживать право своего брата, умѣреннымъ— уважать конституцію страны, церкви— твердо стоять за протестантизмъ. Смущенный, утомленный, онъ только на то и употреблялъ все свое искусство и благоразумїе, чтобы какъ-нибудь избѣжать необходимости выбора между тѣми или другими обѣщанїями. Онъ умеръ прежде, нежели событія довели его до этой необходимости, но на рубежѣ земной жизни, на порогѣ вѣчности, заботы умирающаго человѣка взяли верхъ надъ предосторожностями короля: онъ не послушался англиканскихъ епископовъ, позвалъ бенедиктинскаго монаха, спрятаннаго въ его дворцѣ, и умеръ въ лонѣ католической церкви, подтвердивъ, такимъ образомъ, въ послѣдній часъ свой тѣ подозрѣнїя, отъ которыхъ онъ постоянно отрекался, и усиливъ въ своемъ братѣ рѣшимость жить въ послушанїи той церкви, внѣ которой не осмѣлился умереть даже Карль, при всемъ своемъ скептическомъ равнодушїи.

У Іакова II не было иной мысли въ теченіе четырехлѣтняго царствованїя. Онъ присвоивалъ себѣ безусловную власть не вслѣдствїе какого-нибудь пылкаго честолюбія, не по увлеченію сильной, властительной натуры, а только изъ фанатизма, неразумнаго и упрямаго. Непогрѣшительность и независимость верховной власти—этотъ принципъ, на которомъ держится устройство римской церкви, былъ для него столько же правиломъ политики, сколько религіознымъ убѣжденїемъ. Порядокъ духовный и порядокъ свѣтскїй смутно сливались въ его узкомъ и неповоротливомъ умѣ, и онъ считалъ себя въ правѣ, какъ государь, требовать отъ своихъ подданныхъ въ государствѣ того же безусловнаго повиновенїя, какому онъ былъ обязанъ подчиняться въ церкви, какъ католикъ.

Съ дѣтства онъ видѣлъ, какъ жестоко притѣсняли его

за вѣру, а также и всѣхъ тѣхъ, кто раздѣлялъ съ нимъ его вѣру. Сдѣлавшись королемъ, онъ сталъ смотрѣть на освобожденіе католической церкви, какъ на свою обязанность и призваніе, и рѣшился возвратить ей господство, ибо не понималъ, какъ иначе можно было совершить это освобожденіе.

Грустное сцѣпленіе заблужденій и беззаконій человѣческихъ! Они накликаются и порождаются одно другимъ. Вмѣсто того, чтобъ признавать и уважать взаимно свои права, протестанты и католики умѣли только преслѣдовать и поработать поочередно другъ друга.

Въ дѣйствительной ли надеждѣ на успѣхъ, или ради того, чтобы оградить себя на будущее время отъ всякаго упрека, Іаковъ попробовалъ сначала управлять легально. Въ самый день вступленія своего на престолъ онъ далъ обѣщаніе хранить установленные законы въ церкви и государствѣ. Вскорѣ послѣ того онъ созвалъ парламентъ и въ немъ торжественно возобновилъ свои обѣщанія.

Нѣсколько важныхъ, хотя и ни съ чѣмъ не связанныхъ дѣйствій не замедлили показать ихъ лживость. Онъ не прекратилъ собранія налоговъ, не утвержденныхъ парламентомъ. Усиливъ строгости противъ диссидентовъ, въ угоду англиканской церкви, онъ въ то же время началъ останавливать исполненіе законовъ противъ католиковъ и наносить сильныя оскорбленія гражданскимъ и церковнымъ формамъ государственнаго устройства.

Языкъ его былъ еще непріятнѣе, чѣмъ самыя дѣйствія. Безповоротно твердя о законности своихъ намѣреній, онъ въ то же время постоянно выказывалъ свое право на безусловную власть и свою рѣшимость воспользоваться имъ, если не сумѣютъ оцѣнить его умѣренность и удовольствоваться ею.

Таковы вѣчныя притязанія англійскаго короля и народа: и тотъ и другой—одинъ во имя божественнаго права, другой во имя народной верховности—всегда хотятъ запугать другъ друга, напередъ указывая тѣ смертельные удары, какіе они могли бы нанести другъ другу: притязанія безумныя и надменные, которыя разслабляютъ и потрясаютъ или правительство, или свободу страны. И государямъ, и народамъ, одинаково слѣдовало предъявлять въ своихъ взаимныхъ отношеніяхъ только законныя свои права, а тайнства и грозу насильственныхъ мѣръ и революцій хранить въ глубокомъ молчаніи.

Обѣщанія Іакова и попытки легальнаго правленія съ его стороны были приняты народомъ благосклонно, почти съ восторгомъ. Чѣмъ живѣе опасенія, тѣмъ податливѣе надежды. Въ парламентѣ господствовали торіи. Англиканская церковь силилась удержатъ короля въ обязательствахъ, которыя онъ принялъ относительно ея, показывая болѣе и болѣе свой монархизмъ и преданность. Диссиденты предвидѣли вѣроятность терпимости и свободы. Добрыя и недобрыя наклонности,

честныя и нечестныя побужденія—все обѣщало королю терпѣливую, почти рабскую покорность страны. При дворѣ и въ парламентѣ наиболѣе важные люди, скептическіе и развращенные, готовы были жертвовать своему благосостоянію убѣжденіями своими и честью. Въ народѣ глубокое чувство усталости присоединялось къ монархическому духу и церковной дисциплинѣ и задерживало взрывъ недовольства и опасеній. Іаковъ былъ уже не молодъ; его дочери, единственныя наследницы престола, были преданы протестантской вѣрѣ: гораздо же лучше было потерпѣть нѣсколько времени бѣдствія, которыхъ конецъ былъ вѣренъ, чѣмъ отваживаться на новыя революціи.

Горячія партіи, заговорщики по ремеслу, отчаянные честолюбцы, изгнанники, бѣжавшіе въ Голландію, не имѣли такой готовности предаться волѣ Божіей, ни такой терпѣливости. Не смотря на совѣты принца оранскаго, покровительствовавшего имъ и въ то же время сдерживавшаго ихъ, они сдѣлали одновременно двѣ попытки возстанія, подъ руководствомъ графа Арджайля и герцога Монмута. На народъ эти возстанія произвели сильное впечатлѣніе: во всѣхъ слояхъ народа быстро распространилось явное сочувствіе къ инсургентамъ, но оно не выказалось ничѣмъ на дѣлѣ. Партія виговъ не стала поддерживать мятежа; партія торіевъ сильно помогла королю въ усмиреніи его. Обѣ попытки рушились: головы обоихъ вождей пали на эшафотѣ: ихъ участь возбудила состраданіе въ обществѣ; ихъ личности и виды не отвѣтили національному чувству.

Но кажущійся успѣхъ гибеленъ для государей слабыхъ, вступающихъ въ борьбу съ своимъ народомъ. Побѣдивъ своихъ враговъ и видя покорность подданныхъ, Іаковъ предался вполнѣ порокамъ своей натуры. Ему нравилось грубое, даже жестокое употребленіе власти. Въ Джеффризѣ онъ нашель смѣлаго, циническаго слугу своему мщенію. Судебныя строгости, оказанныя приверженцамъ Арджайля и Монмута, съ грубымъ презрѣніемъ законныхъ гарантій и человѣческихъ чувствъ, возбудили глубокое негодованіе и отвращеніе въ публикѣ высшей и низшей, одобрявшей и не одобрявшей возстаніе. Въ то же время Іаковъ далъ полный ходъ всѣмъ своимъ прежнимъ намѣреніямъ: онъ напалъ разомъ и на англиканскую церковь въ самыхъ жизненныхъ ея правахъ и на вѣрнѣйшихъ своихъ слугъ между протестантами въ самой глубинѣ ихъ совѣсти. Университеты оксфордскій и кембриджскій получили приказаніе ставить католиковъ начальниками протестантскихъ заведеній. Рочестеръ услышалъ изъ устъ короля объявленіе, что онъ потеряетъ всѣ свои мѣста, если не сдѣлается католикомъ. Среди самой католической партіи такія явно незаконныя и крайнія угрозы встрѣчали неодобреніе; два кружка, изъ которыхъ одинъ отличался честностью и благоразуміемъ, а другой держался на страстяхъ и интригахъ, оспаривали другъ у друга вліяніе надъ королемъ

и ежедневно указывали ему, чтобъ остановить или подстрекнуть его, одни—опасность которую онъ себѣ готовилъ, другіе—цѣль, которая составляла предметъ его желаній. Іаковъ нашелъ все, что нужно было, чтобъ образумить его: вѣрность и долготерпѣніе со стороны протестантовъ, умѣренность и мудрые совѣты со стороны самихъ католиковъ. Онъ официально призвалъ въ свой совѣтъ одного іезуита, патера Петера, а англиканскому духовенству приказалъ прочесть во всѣхъ церквахъ королевства объявленіе, которымъ онъ, въ силу одной свсей власти, окончательно уничтожалъ статуты, изданные парламентомъ противъ диссидентовъ и католиковъ. Архіепископъ кентерберійскій и шесть епископовъ отказались исполнить это повелѣніе и представили королю прошеніе. Онъ приказалъ ихъ арестовать, заключить въ Тоуэръ и преслѣдовать королевскимъ судомъ, какъ сочинителей возмутительнаго памфлета.

Въ то же самое время совершенно неожиданно и среди подозрѣній всей Англіи, неосновательныхъ, но естественныхъ, у короля Іакова родился сынъ: господствующій кружокъ громко изъявилъ свою радость, предполагая, что онъ будетъ воспитывать сына и господствовать надъ нимъ такъ же, какъ надъ отцомъ, и правленіе, которое до сихъ поръ терпѣли, рассчитывая на скорое его окончаніе, съ этой минуты, стало безконечной перспективой въ будущемъ.

Безпорядковъ не вышло; народъ не тронулся; но вожди его измѣнили свои намѣренія. Англиканская церковь, доведенная до крайности, вступила въ страдательное сопротивленіе; политическія партіи сдѣлали шагъ болѣе рѣшительный; его сдѣлали и виги и торіи. Опытъ научилъ виговъ, что одни они были не въ состояніи ни связать народъ во едино, ни основать правленіе; всѣ ихъ заговоры, всѣ ихъ кабинеты пали. Они имѣли рѣдкое благоразуміе сознать, что ихъ однихъ недостаточно для ихъ цѣлей и что успѣхъ для нихъ можетъ быть обезпеченъ только тѣснымъ соединеніемъ ихъ съ ихъ старинными противниками. Съ своей стороны, торіи поняли, что у всякаго принципа есть свои предѣлы, у всякаго обязательства—свои условія, у всякаго долга—взаимность. Сорокъ лѣтъ поддерживали они правило: не противиться коронѣ, и хранили самую добросовѣстную вѣрность къ своимъ государямъ. Когда ихъ вызвали на новое испытаніе, они поняли, что отечество ихъ также имѣетъ право найти въ нихъ вѣрность, и что они не обязаны рабски предавать безразсудному властителю свою свободу и вѣру, чтобы быть послѣдовательными въ своемъ словѣ. Значительные люди обѣихъ партій, имена знаменитыя—Россель, Сидней и Кэвендишъ, Денби, Шрьюсбери и Лумлей—сговорились и соединились. Глава третьей партіи, Галифаксъ, косвенно спрошенный ими, отклонилъ отъ себя всякое дѣятельное участіе въ ихъ замыслѣ, но не отговаривалъ ихъ отъ него. И 30 іюня 1688 года, въ ту самую минуту, когда торжественное оправданіе семи епи-

скоповъ наполняло всю Англiю кликами восторженной радости, адмираль Гербертъ, переодѣтый матросомъ, отправлялся въ Голландiю, неся принцу оранскому, отъ лица этихъ шести вождей двухъ партiй и за подписью ихъ, а также за подписью лондонскаго епископа Комптона, формальное приглашенiе придти на помощь вѣрѣ и законамъ Англiи, и обѣщанiе съ ихъ стороны поддерживать его всею ихъ силой, не взирая ни на какую опасность.

Вильгельмъ этого только и ждалъ. „Или теперь, или никогда“ сказалъ онъ своему другу Дайквельту, услышавъ о процессѣ, начатомъ противъ епископовъ, и о ихъ сопротивленiи. Лишь только получилъ онъ посланiе изъ Англiи, какъ тотчасъ же объявилъ о своемъ намѣренiи и началъ готовиться къ нему публично, съ умнымъ и отважнымъ смѣшенiемъ откровенности и скрытости. Онъ шелъ не затѣмъ, говорилъ онъ, чтобы завоевать королевство и присвоить себѣ чужую корону; онъ шелъ по просьбѣ самихъ англичанъ, чтобы стать посредникомъ между ними и ихъ королемъ и оказать покровительство законамъ Англiи и протестантской вѣрѣ, которымъ грозитъ опасность. Онъ подвергъ свое предпрiятiе обсужденiю генеральныхъ штатовъ Голландiи, требуя ихъ согласiя и поддержки. Онъ извѣстилъ о немъ не только протестантскихъ государей, но также германскаго императора и испанскаго короля, защищавшаго съ одними—протестантизмъ, съ другими—европейское равновѣсiе. Никогда подобное предпрiятiе не было до такой степени напередъ разглашено, обсуждено, объяснено, оправдано. Вся Европа узнала и поняла. Заговоръ и честолюбiе личное исчезли въ великости дѣла и событiя. И менѣе, чѣмъ черезъ четыре мѣсяца послѣ полученiя виго-торiйскаго посланiя, Вильгельмъ уже ѣхалъ въ Англiю, въ челѣ эскадры и армiи, напутствуемый тайнымъ сочувствiемъ и добрыми желанiями почти всѣхъ государей протестантскихъ и католическихъ, и самого папы, Иннокентiя XI, которому высококомѣрное поведенiе Людовика XIV внушало сильную досаду, а безразсудная отважность Иакова II—глубокое презрѣнiе.

Одинъ Иаковъ не понялъ ничего и ничему не повѣрилъ. Напрасно слалъ ему Людовикъ XIV самыя точныя свѣдѣнiя и предлагалъ дѣятельную помощь; напрасно его собственные агенты въ Гагъ и Парижѣ представляли ему отчеты обо всѣхъ приготовленiяхъ, обо всѣхъ успѣхахъ предпрiятiя; онъ не принималъ никакихъ предложенiй, никакихъ вразумленiй. Въ немъ еще оставалось настолько гордости англичанина и короля, чтобы не хотѣть явной поддержки отъ солдатъ иностраннаго государя, отъ котораго онъ не краснѣя принималъ тайныя даянiя; въ то же время въ глубинѣ души его таился страхъ и, въ предчувствiи своего безсилiя, онъ отталкивалъ отъ себя мысль объ опасности. Это предчувствiе не обманывало его. Между высадкой Вильгельма въ Англiю и его торжественнымъ вступленiемъ въ Лондонъ протекло болѣе шести

недѣль; онъ подвигался медленно, ожидая встрѣтить столько же противниковъ, сколько приверженцевъ. Противниковъ не оказалось нигдѣ. Не было ни одной попытки стать за Іакова; за него не пролилось ни одной капли крови. Столько же убитый опасностью, сколько прежде упрямявшійся ее предвидѣть, онъ попробовалъ выиграть слабостью, то, что проигралъ дерзостью: взялъ назадъ все, что было имъ сдѣлано, согласился на все, въ чемъ отказывалъ, возвратилъ хартіи городамъ, привилегіи университетамъ, милости епископамъ, удалилъ изъ совѣта патера Петера и постарался войти въ переговоры съ Вильгельмомъ. Но теперь эта слабость вышла такъ же бесполезна, какъ бессильно было прежде высокомеріе. Запершись въ своемъ дворцѣ, Іаковъ каждый день узнавалъ о какой-нибудь новой измѣнѣ своихъ генераловъ, своихъ министровъ. Дочь его, принцесса Анна, ушла и присоединилась къ принцу. Уайт-Галль становился пустыней и былъ въ опасности скоро стать тюрьмой. Іаковъ бѣжалъ также. Его узнали, и несмысленная чернь привела его назадъ въ Лондонъ. Проведя еще нѣсколько дней въ безплодныхъ тревогахъ, онъ бѣжалъ снова и навсегда. Не прошло трехъ часовъ послѣ его удаленія изъ Лондона, какъ уже шесть англійскихъ и шотландскихъ полковъ вступали въ этотъ городъ, съ распущенными знаменами, именемъ принца оранскаго. Самъ Вильгельмъ, не любившій наружныхъ знаковъ торжества, а столько же и по расчету, прибылъ въ сент-жемскій дворецъ вечеромъ. Это было 18 декабря 1688 года; а черезъ пять недѣль, 22 января 1689 г., въ Вестминстерѣ собрался экстраординарный парламентъ, созванный подъ именемъ конвенціи, чтобы дать сдѣланному перевороту санкцію закона и привести его въ надлежащій порядокъ.

Тутъ начали выходить наружу несогласія, которыя до тѣхъ поръ сдерживала общая опасность, между партіями и въ самой средѣ партій. Между торіями снова проснулись всѣ монархическія предубѣжденія, между вигами появились вновь всѣ искушенія революцій. Наболѣе робкіе изъ торіевъ говорили, что благоразумно было бы призвать опять короля Іакова, обязавъ его извѣстными гарантіями; наболѣе пылкіе изъ виговъ толковали объ основаніи республики, управляемой государственнымъ совѣтомъ, въ которомъ принцъ оранскій былъ бы президентомъ. Между этими крайними мнѣніями колебались разныя мнѣнія умѣренныя, болѣе или менѣе смутныя. Многіе изъ виговъ, наклонные къ монархизму, но еще пропитанные правилами республиканскаго долгаго парламента, хотѣли, чтобъ король Іаковъ былъ низложенъ формально, и чтобъ корона была предложена Вильгельму только тогда, когда верховными законами будетъ организована республика въ монархію. Съ своей стороны, торіи, преданные церкви, требовали, чтобы, объявляя короля Іакова неспособнымъ къ управленію, не трогали самыхъ основаній

монархіи и ограничились бы учрежденіемъ регентства. Другіе, болѣе смѣлые, но до тонкости доводившіе щекотливость въ своихъ монархическихъ принципахъ, признавали, вмѣстѣ съ вигами, что Іаковъ самымъ поведеніемъ и бѣгствомъ своимъ отрекся отъ правленія; но они утверждали, что, вслѣдствіе того же факта, престолъ, который не можетъ быть вакантнымъ ни одного дня, принадлежитъ по праву старшей его дочери, принцессѣ Маріи, и что ничего не нужно болѣе дѣлать, какъ только объявить ее королевой. По мѣрѣ того, какъ высказывались эти различные планы, они были горячо объясняемы, комментируемы, обсуживаемы какъ въ публикѣ, такъ и въ обѣихъ палатахъ. Умы разгорячались, партіи обрисовывались, честолюбцы поднимали знамя, кто въ какомъ надѣялся найти свое счастье; возникало разъединеніе между лордами и между депутатами. Революція, едва произведенная, уже находилась въ опасности.

Но тотъ же великій политическій смыслъ, который собралъ воедино вождей различныхъ партій въ эпоху возстанія, руководилъ и первыми ихъ шагами въ управленіи. Они отстранили всякія безусловныя теоріи, всякіе бесполезные на практикѣ вопросы; ограничили дѣйствія и опредѣленія, которыми должна была основаться новая власть, только тѣмъ, что было дѣйствительно необходимо, чтобы дать ей прочное основаніе, и хлопотали только о томъ, чтобы поскорѣе придти къ заключенію и съ этимъ заключеніемъ связать важнѣйшіе интересы страны. Вильгельмъ помогъ благоразумію вождей партій сначала осторожностью, потомъ твердостью. Онъ далъ полную свободу высказываться всякимъ системамъ, всякимъ проектамъ, не изъявлялъ ни неудовольствія, ни своего желанія, и держалъ себя въ сторонѣ отъ всякихъ преній. Но когда онъ почувствовалъ, что кризисъ приближается, онъ собралъ значительныхъ людей обѣихъ палатъ и объявилъ имъ, въ выраженіяхъ простыхъ, краткихъ, недопускающихъ возраженій, что онъ глубоко уважаетъ права и свободу парламента, но что и у него есть также свое право и свобода, и что онъ никогда не приметъ ни обрѣзанной власти, ни престола, на которомъ его жена будетъ сидѣть выше его. Шагъ былъ рѣшительный: палаты согласились между собою; принята была декларация, которая въ одно и тоже время объявляла престолъ вакантнымъ, провозглашала существенныя права англійскаго народа и возводила Вильгельма и Марію, принца и принцессу оранскихъ, на престолъ Англій; и 13 февраля 1689 г. во всѣхъ главнѣйшихъ частяхъ Лондона встрѣчено было радостными кликами народа оффиціальное объявленіе парламентскаго акта.

Благо народамъ, которые въ критическіе дни своего существованія понимаютъ совѣты, подаваемые имъ провидѣніемъ въ событіяхъ ихъ жизни, и исполняютъ ихъ на самомъ дѣлѣ, какъ повинуюсь, такъ и дѣйствуя. Въ первыхъ своихъ иску-

шеніяхъ Англія узнала, что революція сама по себѣ есть безпорядокъ, страшный и безызвѣстный, которымъ общество повергается въ великія бѣдствія, великія опасности, великія злодѣйства, до котораго благоразумный народъ можетъ быть иногда доведенъ необходимостью, но котораго онъ долженъ страшиться и избѣгать до послѣдней минуты безусловной необходимости. Въ новыхъ своихъ искушеніяхъ Англія вспомнила это. Она много перенесла, она долго крѣпилась, чтобы избѣжать новой революціи, и отдалась ей только при послѣдней крайности, когда уже не видѣла передъ собой никакого другого средства спасти свою вѣру, свои права, свою честь. Въ томъ-то и состоитъ слава революціи 1688 года, что она была дѣйствіемъ чистой обороны, и обороны вынужденной: въ этомъ первая причина ея успѣха.

Оборонительная по принципу, эта революція была въ то же время точна и опредѣлительна въ своихъ цѣляхъ. Въ эпохи великихъ общественныхъ потрясеній иногда овладѣваетъ людьми всеобщая лихорадка честолюбія, неудержимая, не знающая ничего святого, они начинаютъ считать себя въ правѣ и въ состояніи налагать руки на все, и весь міръ передѣлывать на свой ладъ. Ничего нѣтъ безумнѣе и суетнѣе заносчивости твари, которая, считая за хаосъ эту великую систему, гдѣ ей указано свое мѣсто, тянется стать на мѣсто творца, и только что вноситъ безпорядочность собственныхъ своихъ грезъ во все, къ чему не прикоснется. Англія въ 1688 г. не впадала въ это заблужденіе; она не вызывалась измѣнять основы общественной жизни и судьбы человѣчества; она отстаивала извѣстную вѣру, извѣстные законы, положительныя права, и этимъ ограничивались всѣ ея притязанія и помышленія. Она произвела революцію гордую и въ то же время скромную, которая, дала народу новыхъ вождей и новыя гарантіи, но которая, какъ скоро эта цѣль была достигнута, сочла себя удовлетворенною и остановилась, не желая чего-нибудь меньшаго, но не имѣя притязаній и на большее.

Эта революція была произведена не возмущеніями народными, а организованными политическими партіями и, притомъ организованными задолго до революціи, въ видахъ благоустроеннаго правленія, а не въ революціонномъ духѣ. И партія тори, и сама партія виговъ, несмотря на примѣшанные къ ней революціонные элементы, образовались не для того, чтобы ниспровергать установленный порядокъ: это были партіи легальнаго правленія, а не партіи заговора и возстанія. Онѣ были доведены до того, что измѣнили государственное правленіе; онѣ родились не для этой цѣли и безъ труда возвратились къ порядку, вышедши изъ него на минуту, не по привычкѣ, не по склонности, а по необходимости.

При томъ, и заслуга и тяжесть революціи пали не на одну которую-нибудь изъ этихъ партій, издавна противополо-

ложныхъ между собою: онѣ сблизились и сговорились вмѣстѣ, чтобы произвести ее. Это было между ними дѣломъ взаимнаго соглашенія и общей нужды: тутъ не было ни побѣды, ни пораженія. Виги и тори съ различными чувствами смотрѣли на приближеніе революціи и встрѣтили ее; приняли революцію и участвовали въ ней всѣ одинаково.

Часто говорилось во Франціи, и даже въ Англіи, что революція 1688 г. была дѣломъ въ сущности аристократическимъ, не народнымъ, совершившимся по соображеніямъ высшихъ сословій и въ ихъ пользу, а не вслѣдствіе побужденія цѣлой націи и для ея блага.

Замѣчательный и нерѣдкій примѣръ запутанности мыслей и забвенія фактовъ, которыми такъ часто руководствуются при оцѣнкѣ великихъ событій!

Революція 1688 г. сдѣлала въ области политики два самыя популярныя дѣла, какія только знаетъ исторія: съ одной стороны, она провозгласила и обезпечила личныя и всеобщія права простыхъ гражданъ, съ другой—дѣятельное и рѣшительное участіе народа въ своемъ правленіи. Тутъ все, что нужно для демократіи и чего она имѣетъ право требовать. Всякая демократія, не знающая этого, не понимаетъ главнѣйшихъ своихъ интересовъ, и не сумѣетъ ни основать правленія, ни охранить своихъ собственныхъ льготъ.

Съ нравственной стороны, революція 1688 г. имѣла еще болѣе популярный характеръ: она была совершена во имя религіозныхъ убѣжденій народа и ихъ силою совершена для ихъ обезпеченія и господства. Никогда, ни въ одной странѣ вѣра массъ не оказывала такого вліянія на судьбу ихъ правленія.

Народная по принципамъ и результатамъ, революція 1688 г. была аристократическою по исполненію; она была зачата, приготовлена и приведена къ концу людьми знатными, вѣрными представителями интересовъ и чувствованій націи. Англія имѣла то рѣдкое счастье, что въ ней установились и никогда не прекращались сильныя и тѣсныя связи между различными классами общества. Тамъ аристократія и демократія умѣли жить и процвѣтать вмѣстѣ, поддерживая и ограничивая себя взаимно. Вожди не отдѣлялись отъ народа, и народъ никогда не имѣлъ недостатка въ вождяхъ. Особенно въ 1688 г. воспользовалась англійская нація плодами этого счастливаго смѣшенія іерархіи и гармоніи въ общественномъ порядкѣ. Она доведена была до страшной необходимости произвести революцію, чтобы спасти свою вѣру, свои законы, свою свободу; она произвела ее чрезъ друзей порядка и благоустройства, а не чрезъ революціонеровъ. Какія вліянія начали дѣло, тѣ же самыя и удержали его въ надлежащихъ границахъ и дали ему твердыя основанія. Дѣло англійскаго народа восторжествовало чрезъ англійскую аристократію—вотъ въ чемъ заключался великій ха-

рактерь революціи 1688 года, вотъ гдѣ былъ съ первыхъ шаговъ ея, залогъ ея будущности.

Все это единство и сила были далеко нелишними, ибо таковъ природный порокъ всѣхъ революцій, что и самая необходимая изъ нихъ, самая законная, самая сильная повергаетъ спасаемое ею общество въ великія смуты и долгое время остается сама въ положеніи шаткомъ и опасномъ. Не прошло трехъ лѣтъ, и уже спаситель Англіи, король Вильгельмъ, сталъ въ ней глубоко-непопуляренъ. Его простое и въ то же время надменное обращеніе, его холодная молчаливость, его нерасположеніе къ нравамъ англійской аристократіи, котораго онъ не старался скрывать, его исключительная близость съ нѣсколькими старыми голландскими друзьями и расточаемыя имъ милости—все въ немъ дѣлало его чуждымъ и непріятнымъ посреди его новаго народа. Онъ былъ гораздо просвѣщеннѣе англичанъ въ дѣлѣ гражданской и религіозной свободы и чувствовалъ мало охоты сдѣлаться орудіемъ строгостей епископальной нетерпимости и непріязненныхъ отношеній аристократической партіи. Онъ мало смотрѣлъ на требованія конституціоннаго правленія, плохо понималъ игру парламентскихъ партій, еще смутныхъ и едва образовавшихся, былъ непріятно поражаемъ ихъ эгоизмомъ, завистливо глядѣлъ на ихъ вліяніе и защищалъ противъ нихъ свою собственную власть иногда слишкомъ энергически и неразборчиво. Какъ въ мысляхъ, такъ и въ управленіи его, главнымъ, почти единственнымъ дѣломъ была обще европейская политика. Онъ для того въ особенности и домогался англійскаго престола, чтобы располагать всѣми силами государства противъ европейскаго владычества Людовика XIV; съ его планами согласовались протестантскія страсти англійскаго народа. Однакожь, Вильгельмъ вовлекъ Англію въ соображенія и войны континента гораздо далѣе, нежели сколько это было сообразно съ привычками, склонностями и интересами націи. Нація устала глядѣть, какъ ее запутывалъ въ отдаленные планы и опасности тотъ самый государь, котораго она призвала для того, чтобы онъ избавилъ ее отъ опасностей внутреннихъ; а Вильгельмъ, съ своей стороны, негодовалъ, найдя въ этомъ самомъ народѣ, въ этихъ самыхъ партіяхъ, освобожденныхъ имъ на ихъ собственной почвѣ, такъ мало преданности и рвенія къ великому дѣлу, съ которымъ, по его понятіямъ, такъ очевидно связаны были ихъ безопасность и ихъ свобода. Отъ этого рождались между королемъ и парламентомъ разныя недоразумѣнія, упреки, столкновенія, смущавшія и колебавшія новое правительство. Вильгельмъ зналъ свою силу и пользовался ею гордо; онъ даже говорилъ тогда, что, если его не будутъ понимать и поддерживать лучше, то онъ очень можетъ отречься отъ престола и удалиться въ Голландію. Когда дѣло доходило до видимой опасности, тогда парламентъ, партіи, церковь, народъ, чувствовали, до какой степени былъ необходимъ для нихъ Вильгельмъ, и окружали его живѣйшими демонстра-

ціями. Но вскорѣ взаимное раздраженіе возникало снова; партіи возвращались къ своему соперничеству, народъ—къ своимъ предразсудкамъ и невѣжеству, король—къ своей европейской политикѣ, къ своимъ воинственнымъ требованіямъ, къ своей властолюбивой обидчивости. Въ якобитахъ снова явилась надежда: побитые въ Ирландіи и Шотландіи, открытые и осужденные на казнь въ Англіи, они, не взирая на то, постоянно дѣлали новыя попытки междоусобной войны и заговоровъ. Въ самомъ министерствѣ Вильгельма, у короля Іакова были корреспонденты, которые берегли этотъ шансъ для будущаго. Учрежденіе 1688 года было безпрестанно осаждаемо и колебалось во все продолженіе этого царствованія, несмотря на легкій успѣхъ революціи, на твердый геній короля и на искреннюю приверженность народа.

При королевѣ Аннѣ продолжало существовать то же зло. Виги и тори, болѣе и болѣе разъединяясь, съ ожесточеніемъ оспаривали власть другъ у друга. Въ европейской борьбѣ за испанское наслѣдство, сначала обѣ партіи равномерно продолжали политику вмѣшательства и континентальной войны, начатую Вильгельмомъ. Увлечшись рутинной и успѣхомъ, виги хотѣли воевать, не зная ни мѣры, ни предѣловъ необходимости. Тори стали на сторонѣ мира. Этого желала Англія; королева Анна благопріятствовала имъ. Утрехтскимъ договоромъ положили они конецъ натянутому и шаткому состоянію Европы. Но тори были слишкомъ близки къ якобитамъ; несмотря на вѣрность протестантизму королевы Анны, въ сердцѣ ея проснулись семейныя чувства; внутреннія интриги примѣшались къ путаницѣ внѣшнихъ отношеній: изгнанные Стюарты снова могли ожидать для себя успѣха; учрежденіе 1688 г. снова становилось сомнительнымъ вопросомъ. Но смерть королевы Анны и мирное вступленіе на престолъ ганноверскаго дома поддержали это учрежденіе. Въ царствованіе Георга I и Георга II, умы приняли другое направленіе: внѣшняя политика перестала быть для нихъ главнымъ дѣломъ; администрація внутренняя, охраненіе мира, вопросы финансовыя, колоніальныя, коммерческія, развитіе и борьбы парламентскаго правленія сдѣлались господствующею мыслию правительства и публики. Однакожъ, вопросъ революціи и династіи не былъ исчерпанъ; англійскій народъ не чувствовалъ никакого расположенія къ королямъ нѣмцамъ, которые не говорили его языкомъ, скучали съ нимъ жить, съ жадностью хватались за всякій предлогъ удаляться отъ него въ свое старое маленькое государство, и безпрестанно впутывали его въ свои континентальныя дѣла, неважныя для него и непривлекательныя. Домашнія ссоры королевскаго семейства, грубо-развращенныя нравы двора, были противны народу: непостоянное владычество, себялюбивое соперничество, искусственныя страсти, преувеличенія и интриги парламентскихъ партій оскорбляли его честность и здравый смыслъ. Въ Шотландіи, въ Ирландіи, въ самой Англіи, то и дѣло возникали якобит-

скіе заговоры и возстанія, всякій разъ подавляемые, но всегда находившіе горячихъ приверженцевъ и уже не возбуждавшіе въ народѣ ни сильнаго страха, ни антипатіи. Среди этихъ непрерывныхъ нападений на установленный порядокъ повсюду распространялось равнодушіе, лѣнь, духъ критики и нелюбви къ правительству. Казалось, общество хотѣло совершенно отдѣлиться отъ власти, о которой оно уже перестало думать. Черезъ пятьдесятъ семь лѣтъ послѣ національнаго движенія, которое вознесло Вильгельма III на престолъ, внука Іакова II, во главѣ горныхъ шотландцевъ, могъ почти безъ сопротивленія проникнуть до сердца Англіи, и уже слышался повсюду вопросъ: не войдетъ ли онъ черезъ нѣсколько дней такъ же легко въ самый Лондонъ, какъ вошелъ въ него Вильгельмъ, выгнавъ оттуда его дѣда?

Но Англія и ея правленіе не зависѣли отъ какого-нибудь народнаго каприза, отъ измѣны какихъ-нибудь полковъ, отъ выходки какихъ-нибудь мятежниковъ. Тѣ же общественныя силы, которыми произведена была революція въ 1688 г., защитили и спасли основанное ею правленіе въ 1745 г. Какъ только дошло дѣло до явной опасности, враги этого правленія встрѣтили противъ себя сильно организованная аристократическія партіи, здраво мыслящую и небезпорядочную демократію, вѣрующую христіанскій народъ. Съ этимъ дѣломъ связывали свою честь и политическое положеніе вожди виговъ и многіе изъ вождей тори. Партіи были вѣрны вождямъ. Средніе классы забыли о своихъ взаимныхъ счетахъ и неудовольствіяхъ и обратили все свое вниманіе къ существеннымъ интересамъ страны и къ собственнымъ своимъ интересамъ. Церковь и диссиденты оказались одушевленными одинаковой преданностью. Передъ такимъ разумнымъ соединеніемъ аристократіи и народа, духа политическаго и духа религіознаго, успѣхъ якобитской партіи исчезъ также быстро, какъ и возникъ. Величайшая опасность, которой подвергалась новая англійская монархія, была въ то же время и послѣднею для нея. Съ тѣхъ поръ развѣ только какіе-нибудь тайные планы, какія-нибудь попытки, мгновенно разрушавшіяся, еще давали знать о существованіи ея враговъ. Семьдесятъ лѣтъ трудныхъ, болѣзненныхъ испытаній нужно было для правленія, учрежденнаго въ 1688 году, чтобы преодолѣть естественные пороки всякой революціи, возвратитъ обществу миръ и стать безспорнымъ правленіемъ. Въ 1760 году, когда Георгъ III вступилъ на престолъ, дѣло было совершено—я изложилъ, какими средствами и какой цѣной.

На шестнадцатомъ году царствованія Георга III, въ 1400 миляхъ отъ его столицы, слишкомъ два милліона его подданныхъ разорвали связь съ его престоломъ, провозгласили свою независимость и рѣшились основать республику Соединенныхъ Штатовъ Америки. Семилѣтней борьбы достаточно было, чтобы принудить Англію признать эту независимость и обращаться съ этимъ государствомъ, какъ съ равнымъ. Съ той поры прошло шестьдесятъ семь лѣтъ, и Соединенные Штаты,

безъ особенныхъ усилій, безъ чрезвычайныхъ происшествій, однимъ развитіемъ своихъ учрежденій и мирнаго благосостоянія, заняли блистательное мѣсто среди великихъ націй. Еще никогда такое быстрое величіе не покупалось такъ дешево вначалѣ и не было такъ мало смущаемо впоследствии.

Не одной отдаленности всякаго сильнаго соперника, не одной огромности открытыхъ передъ ними пространствъ одолжены Американскіе Штаты этимъ рѣдкимъ счастіемъ: быстрому и безмятежному возрастанію ихъ величія способствовали также и другія причины, менѣ случайныя и болѣе нравственныя.

Они вступили въ жизнь подъ знаменемъ правоты и права. Революція, которою началась ихъ исторія, была и для нихъ также сначала дѣломъ обороны. Они требовали тѣхъ же гарантій и принциповъ, которые были написаны въ ихъ хартіяхъ, которыхъ требовалъ нѣкогда самъ англійскій парламентъ, теперь имъ отказывавшій въ нихъ, и которымъ онъ доставилъ торжество въ метрополіи съ гораздо большими насиліями и безпорядками, чѣмъ какіе влекло за собою ихъ сопротивленіе.

Правда, они и не замышляли революціи. Ихъ предпріятіе было, безъ сомнѣнія, велико и опасно; чтобы завоевать независимость, они должны были выдержать войну противъ сильнаго непріятели и основать центральное правленіе взамѣнъ отдаленной власти, которой иго хотѣли съ себя свергнуть. Но въ мѣстныхъ и ежедневныхъ своихъ учрежденіяхъ имъ не нужно было дѣлать никакой революціи: каждая колонія уже управлялась свободно въ своихъ внутреннихъ дѣлахъ и, становясь государствомъ, не имѣла надобности вносить большихъ перемѣнъ въ принципы и организацію государственныхъ властей. Не нужно было бояться, ненавидѣть, разрушать никакого стараго общественнаго порядка; привязанность къ старымъ законамъ и обычаямъ, любовь и уваженіе къ прошедшему были всеобщимъ чувствомъ; колониальное управленіе, подъ покровительствомъ далекой монархіи, безъ труда превратились въ республику, связуемую федеральнымъ правленіемъ.

Нѣтъ правленія, которому бы въ большей степени нужно было всеобщее и свободное согласіе, какъ республиканскому. Можно понять монархическое государство, основанное силою; и такіе примѣры бывали; но навязать народу насильно республику, учредить народное правленіе вопреки, инстинкту и желанію народа—это совершенно несогласно съ здравымъ смысломъ и справедливостью. Англійскимъ колоніямъ въ Америкѣ не нужно было преодолѣвать этой трудности, чтобы стать республикой Соединенныхъ Штатовъ; онѣ были и безъ того республикой; принимая республиканское правленіе, онѣ только исполняли желаніе народа и не уничтожали, а развивали свое прежнее правленіе.

Порядокъ общественный потерпѣлъ также мало потрясеній, какъ и политическій порядокъ. Тутъ не было борьбы

между разными сословіями, не было насильственного передвиженія вліяній. Хотя у англійской короны оставались приверженцы въ колоніяхъ, но на всѣхъ ступеняхъ общественной лѣстницы господствовалъ одинъ и тотъ же духъ, однѣ и тѣ же цѣли; мало того, самыми рѣшительными въ дѣлѣ завоеванія независимости и основаній новаго правленія оказались именно самыя богатая и значительная фамиліи. Народъ шелъ за ними, и событіе совершилось подъ ихъ руководствомъ.

Не было революціи въ общественномъ порядкѣ, не было ея и въ умахъ. Безъ сомнѣнія, философскія идеи XVIII вѣка, со своимъ нравственнымъ скептицизмомъ, съ своимъ религіознымъ невѣріемъ, проникли и въ Американскіе Соединенные Штаты; но онѣ не овладѣли совершенно тѣми умами, до которыхъ прикоснулись; онѣ не вкоренились въ нихъ съ своими основными положеніями и съ своими послѣдними выводами; серьезная нравственность и здравый практическій смыслъ старыхъ пуританъ удержались въ большей части американцевъ, восхищавшихся французскими философами, и масса американскаго народонаселенія осталась глубоко христіанскою, столько же привязанною къ своимъ догматамъ, сколько и къ свободѣ, послушною Богу и евангелію даже въ то время, когда она возставала противъ англійскаго короля и парламента, и въ борьбѣ за независимость руководимою той же самой вѣрой, которая привела ея предковъ въ эту землю, чтобы положить тутъ основанія, на которыхъ возвысилось новое государство.

Идеи и страсти, которыя въ настоящее время увлекаютъ и волнуютъ общества именемъ демократіи, очень распространены и имѣютъ большую силу въ Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ; онѣ бродятъ въ нихъ со всѣми своими заразительными заблужденіями и разрушительными пороками; но до сихъ поръ онѣ были успѣшно сдерживаемы и очищаемы христіанской вѣрой, превосходными политическими преданіями и твердою привычкою къ легальности, владѣющею народонаселеніемъ. Въ то время, когда принципы анархіи смѣло развертываются на этой обширной сценѣ, тамъ продолжаютъ существовать прочныя, энергичскіе принципы порядка и консерватизма въ обществѣ и въ самомъ человѣкѣ: ихъ присутствіе и вліяніе замѣтно вездѣ, даже въ нѣдрахъ той партіи, которая зоветъ себя по преимуществу, демократической; онѣ умѣряютъ ее, охраняютъ въ ней порядокъ и часто, безъ ея вѣдома, спасаютъ ее отъ бурныхъ увлеченій. Эти-то хранительные принципы бодрствовали при зачатіи американской революціи и доставили ей прочный успѣхъ. Дай Богъ, чтобы они продолжали господствовать среди этого мощнаго народа въ той страшной борьбѣ, которую имъ теперь приходится вездѣ выдерживать, и чтобы они всегда во время отводили его отъ пропасти, къ которой онъ такъ близокъ!

Три великіе человѣка: Кромвель, Вильгельмъ III и Ва-

шингтонъ остаются въ исторіи, какъ вожди и представители этихъ могучихъ кризисовъ, которые опредѣлили судьбу двухъ великихъ націй. Можетъ быть, по обширности и силѣ природныхъ дарованій, Кромвель изъ всѣхъ троихъ занимаетъ первое мѣсто: онъ обладалъ умомъ удивительно энергическимъ, твердымъ, правильнымъ, гибкимъ, изобрѣтательнымъ и необычайной силой характера, котораго не пугали никакія препятствія, не утомляла никакая борьба, и который преслѣдовалъ свои цѣли съ жаромъ и терпѣніемъ равно неистощимыми, стремясь къ нимъ то самыми окольными, самыми медлительными путями, то самыми быстрыми и отважными. Онъ съ одинакимъ искусствомъ умѣлъ плѣнять людей въ близкихъ съ нимъ личныхъ отношеніяхъ и повелѣвать ими, устроить армію или партію и вести ее. Въ немъ былъ инстинктъ популярности и даръ авторитета, и онъ съ одинаковой смѣлостью могъ укрощать партіи и спускать ихъ съ цѣпи. Но онъ родился въ нѣдрахъ революціи; его вознесъ къ верховной власти рядъ потрясеній: поэтому духъ его былъ и навсегда остался существенно революціоннымъ; онъ зналъ потребности порядка и правленія, но не умѣлъ ни уважать, ни исполнять ихъ нравственныхъ, вѣчныхъ законовъ. Было ли то въ немъ природнымъ недостаткомъ, или таково уже было его положеніе, но у него не было правильности и спокойствія въ употребленіи власти; какъ человѣкъ, вѣчно осаждаемый гибельными опасностями, онъ сразу прибѣгалъ къ крайнимъ средствамъ и излишнею силою лекарствъ затягивалъ или усиливалъ недуги, которые хотѣлъ исцѣлить. Основать правленіе—дѣло, требующее приемовъ болѣе правильныхъ и болѣе сообразныхъ съ вѣчными законами нравственнаго порядка. Кромвель могъ подчинить себѣ революцію, которую онъ произвелъ, но не могъ дать ей прочнаго основанія. Вильгельмъ III и Вашингтонъ были, можетъ быть, не такъ сильны, какъ онъ, природными дарованіями, но они успѣли въ предпріятіи, которое не удалось Кромвелю: они установили судьбу и основали правленіе своего отечества. Это произошло оттого, что и посреди революціи они никогда не принимали и не держались революціонной политики, никогда не искали и не имѣли этого рокового положенія, гдѣ сначала анархическія насилія служатъ ступенями къ возвышенію, а потомъ насилія деспотизма являются необходимой опорой власти. Съ самыхъ первыхъ шаговъ они находились, или становились сами на правильной дорогѣ и въ прочныхъ условіяхъ правленія. Вильгельмъ былъ государь честолюбивый; ребячество—думать, что до воззванія, сдѣланнаго къ нему изъ Англіи въ 1688 году, ему было чуждо желаніе взойти на англійскій престолъ и неизвѣстна давно начатая работа, чтобы возвести его на этотъ престолъ. Вильгельмъ слѣдилъ за ходомъ этой работы шагъ за шагомъ, не принимая въ ней сообщничества, но не отвергая ея цѣли, не одобряя работниковъ, но покровительствуя имъ. Его честолюбіе имѣло, въ то же время, то свойство, что оно

связано было съ торжествомъ дѣла великаго и праваго, дѣла религіозной свободы и европейскаго равновѣсія. Не было примѣра, чтобы кто-нибудь до такой степени дѣлалъ великій политическій планъ единственною мыслью и цѣлью всей своей жизни, какъ Вильгельмъ. Онъ питалъ страсть къ тому дѣлу, которое дѣлалъ, а собственное его величіе было для него не больше, какъ средство. Имѣя въ перспективѣ корону Англіи, онъ не сдѣлалъ ни одной попытки успѣть посредствомъ насилія и безпорядка; его умъ былъ слишкомъ возвышенъ и правиленъ для этого; онъ не могъ не знать неизлечимаго порока подобныхъ успѣховъ и добровольно налагать на себя ихъ иго. Но когда самой Англіей была ему открыта дорога, его не остановили робкія опасенія, надъ какими задумался бы частный человекъ; онъ хотѣлъ доставить торжество своему дѣлу и пожать плоды этого торжества; это была чудная смѣсь хитрости и убѣжденій, честолюбія и самопожертвованія. У Вашингтона не было честолюбія; онъ понадобился отечеству и принялъ величіе, чтобы служить ему, принялъ скорѣй по обязанности, чѣмъ по собственному влеченію, вынужденный даже иногда дѣлать надъ собой страшныя усилія. Горьки были ему искушенія публичной жизни; ему гораздо больше нравилась независимость частной жизни и покой души, нежели власть; но онъ не сталъ раздумывать, принимать ли ему то дѣло, которое возлагало на него отечество, и, исполняя это дѣло, ни разу не позволилъ себѣ ни относительно своего народа, ни относительно себя самого ни малѣйшей поблажки, чтобы облегчить бремя. Онъ былъ рожденъ управлять, хотя и мало находилъ въ этомъ удовольствія; онъ говорилъ американскому народу то, что считалъ благоразумнымъ, съ непоколебимою и въ то же время простою твердостью, даже съ пожертвованіемъ своей популярности, что тѣмъ болѣе было съ его стороны заслугой, что эта жертва не вознаграждалась для него радостями властвованія. Слуга возникающей республики, гдѣ преобладалъ демократическій духъ, онъ достигъ ея довѣрія и обезпечилъ ей торжество, поддерживая ея интересы противъ ея влеченій и держась политики скромной и въ то же время строгой, осторожной, независимой, какая, повидимому, прилична только вождю аристократическаго сената, поставленнаго во главѣ какого-нибудь древняго государства— успѣхъ рѣдкій и дѣлающій столько же чести Вашингтону, сколько и его отечеству.

Взглянемъ ли на судьбу государствъ, или на судьбу великихъ людей, возьмемъ ли монархію или республику, аристократическое общество или демократическое—вездѣ одинъ и тотъ же свѣтъ сіяетъ изъ фактовъ; именемъ однихъ и тѣхъ же принциповъ, одними и тѣми же путями достается окончательный успѣхъ. Революціонный духъ равно губителенъ какъ для тѣхъ, кого онъ низвергаетъ, такъ и для тѣхъ, кого поднимаетъ на высоту. Только та политика завершаетъ и упрочиваетъ перевороты, которая охраняетъ государства.

ИСТОРИЯ КАРЛА ПЕРВАГО,

СЪ ВОСШЕСТВІЯ ЕГО НА ПРЕСТОЛЪ ДО СМЕРТИ.

КНИГА ПЕРВАЯ.

Восшествіе на престолъ Карла I.—Состояніе Англіи и расположеніе умовъ.—Созваніе перваго парламента.—Въ немъ обнаруживается духъ свободы.—Парламентъ распущенъ.—Первые опыты произвольныхъ распоряженій со стороны правительства.—Они оказываются неудачными.—Второй парламентъ.—Обвиненіе герцога Буккингемскаго.—Распущеніе парламента.—Дурное управленіе Буккингема.—Третій парламентъ.—Прошеніе о правахъ.—Отсрочка парламента.—Умерщвленіе герцога Буккингемскаго.—Второе засѣданіе третьяго парламента.—Новый поводъ къ общественному недовольству.—Гнѣвъ короля.—Распущеніе третьяго парламента.

1625—1629.

27 марта 1625 года Карлъ I вступилъ на престолъ и тотчасъ же созвалъ парламентъ (2 апрѣля). Не успѣла собраться палата депутатовъ (18 іюня), какъ человекъ высокой честности, считавшійся въ послѣднее царствованіе въ числѣ противниковъ двора, сэръ Бенджаминъ Рудьердъ, всталъ и сдѣлалъ предложеніе: стараться всѣми мѣрами поддержать совершенное согласіе между королемъ и народомъ. „Отъ государя, который нами управляетъ“, сказалъ онъ, „мы можемъ ожидать всякаго блага и всякихъ льготъ для нашей страны ¹⁾“.

Въ самомъ дѣлѣ, вся Англія предавалась радости и надеждѣ. И это были не тѣ неопредѣленные надежды, не та безотчетная радость, какія бываютъ всегда замѣтны при наступленіи новыхъ царствованій: это были надежды серьезныя, всеобщія и, по всѣмъ признакамъ, не лишеныя основанія. Всѣмъ извѣстны были чистая нравственность Карла, его благочестіе, дѣятельность, просвѣщеніе, воздержанность, нелюбовь къ расточительности; онъ былъ важенъ, но добръ; держалъ себя съ достоинствомъ, но безъ надменности; поддерживалъ у себя въ домѣ приличіе и порядокъ; все показывало въ немъ друга правды, человекъ прямого и возвы-

¹⁾ 22 іюня 1625. Parliamentary History (Cobbet, Лондонъ, 1806) t., II, col. 5.

шеннаго; его видъ, его манеры возбуждали почтительность въ придворныхъ и нравились народу, а добродѣтели доставляли ему уваженіе добрыхъ. Англіи надоѣли нечистые нравы, болтливое и пошлое педантство, вялая и малодушная политика Іакова I, и она ожидала себѣ счастья и свободы подъ правленіемъ короля, котораго могла, наконецъ, уважать.

Карлъ и народъ англійскій не знали, до какой степени они уже были чужды другъ другу; они не знали, что давно уже дѣйствуютъ и съ каждымъ днемъ усиливаются причины, вслѣдствіе которыхъ скоро имъ не будетъ никакой возможности понять другъ друга и сойтись между собою.

Два переворота, одинъ—видимый и ясный, другой—тайный, невѣдомый, но не менѣе того дѣйствительный, совершились къ этому времени: первый—въ королевской власти европейскихъ государей, второй—въ состояніи общества и нравахъ англійскаго народа.

Это была пора, когда королевская власть, освободившись отъ своихъ прежнихъ враговъ, почти повсюду становилась неограниченною. Во Франціи, въ Испаніи, въ большей части государствъ Нѣмецкой имперіи она смирила феодальную аристократію и перестала защищать права общинъ, которыя были нужны ей до сихъ поръ для отраженія другихъ враговъ. Высшее дворянство, какъ бы утративъ даже самое чувство своего униженія, толпилось вокругъ престола, чуть не гордясь блескомъ своего побѣдителя. Горожане, разьединенные и робкіе, наслаждались начавшимся порядкомъ и не испытаннымъ до тѣхъ поръ благосостояніемъ, хлопотали объ увеличеніи своего богатства и о просвѣщеніи, но вовсе не думали еще имѣть голоса въ управленіи государствомъ. Пышность дворовъ, быстрота администраціи, обширность и правильность военныхъ дѣйствій—все говорило о перевѣсѣ королевской власти. Наконецъ, успѣхи образованія, наукъ, искусствъ, мира и внутренняго благосостоянія украшали собою это торжество абсолютной монархіи и внушали государямъ самоувѣренность, а народамъ—любовь и удивленіе.

Въ Англіи королевская власть не осталась чужда этому европейскому движенію. Въстѣ съ восшествіемъ на престолъ дома Тюдоровъ (въ 1485 году) съ ней перестали враждовать эти гордые бароны, которые, не имѣя силъ бороться съ королемъ поодиночкѣ, умѣли когда-то составлять коалиціи и, такимъ образомъ, поддерживать свои права, или насильно присвоивать себѣ долю королевской власти. Эта аристократія, которая такъ долго сопротивлялась королямъ, оскудѣла, обѣднѣла, унизилась вслѣдствіе собственной неумѣренности, особенно же вслѣдствіе войнъ Алой и Бѣлой Розы, и почти безъ сопротивленія уступила сперва высокому деспотизму Генриха VIII, потомъ искусному правленію Елизаветы. Ставъ главою церкви и владѣтелемъ несмѣтныхъ богатствъ, Генрихъ щедро раздѣлилъ ихъ между фамиліями, которыя

онъ хотѣлъ возвысить или поддержать: такъ началъ онъ превращеніе бароновъ въ придворныхъ. При Елизаветѣ это превращеніе было довершено. Какъ женщинѣ, ей нравился блестящій дворъ; какъ королевѣ, онъ ей былъ нуженъ для поддержанія своего величія. Дворянство спѣшило вступать въ ряды придворныхъ, и это не возбуждало большого неудовольствія въ публикѣ: трудно было не увлечься этимъ столь рѣдкимъ случаемъ служить государю, любимому народомъ, и среди придворныхъ празднествъ и интригъ искать благоволенія королевы, къ которой расположена была вся страна. Полезному и славному для народа правительству прощались принципы, формы, языкъ, часто даже обычаи неограниченной монархіи; любовь народа прикрывала самоуниженіе придворныхъ. Всѣ опасности, которымъ могла подвергаться эта женщина, считались общественными опасностями, и безграничная преданность къ ней казалась закономъ для дворянина, долгомъ—для протестанта и гражданина.

Стюарты не могли не пойти дальше по той дорогѣ, на которую вступила королевская власть въ Англіи со времени воцаренія Тюдоровъ. Іаковъ I былъ шотландецъ и происходилъ отъ крови Гизовъ; семейныя воспоминанія и старинныя связи привлекали его къ Франціи; онъ привыкъ искать на континентѣ союзниковъ и образцовъ, тогда, какъ обыкновенно англійскіе государи видѣли тамъ однихъ враговъ. Такимъ образомъ, вскорѣ оказалось, что онъ больше Елизаветы и самого Генриха VIII проникнуть тѣми началами, на которыхъ основывалась тогда въ Европѣ абсолютная монархія. Онъ проповѣдывалъ ихъ съ гордостью богослова и снисходительностью короля, при всякомъ случаѣ прикрывая робость своихъ дѣйствій и ограниченность своей власти пышностью своихъ воззваній. Когда же приходилось ему защищать свои правительственныя мѣры, произвольныя заключенія въ тюрьмы, незаконные налоги, и защищать аргументами болѣе прямыми и простыми, тогда Іаковъ ссылался на примѣръ короля Франціи или Испаніи: „Король Англіи“, говорили его министры палатѣ депутатовъ, „не хуже другихъ, равныхъ ему“. И такъ сильно было даже въ Англіи вліяніе переворота, совершившагося въ королевской власти континента, что противниковъ двора этотъ языкъ приводилъ въ смущеніе. Они были почти убѣждены сами, что достоинство государей требуетъ, чтобы имъ всѣмъ были предоставлены одни и тѣ же права, и не знали, какъ согласить это необходимое равенство престоловъ съ нравами и льготами своей страны¹⁾.

Воспитанный съ дѣтства въ этихъ притязаніяхъ и правилахъ, принцъ Карлъ еще болѣе заразился ими, когда настало его совершеннолѣтіе. Инфанта испанская была его невѣстой. Герцогъ Буккингемъ внушилъ ему мысль отправиться тайно въ Мадридъ искать лично ея руки и сердца. Такая рыцар-

¹⁾ Journals of the House of Commons, 18 апрѣля, 12 и 21 мая 1614.

ская мысль плѣвила воображеніе юноши. Оставалось получить согласіе короля. Іаковъ не соглашался, выходилъ изъ себя, плакалъ и, наконецъ, уступилъ, не столько сыну, сколько любимцу¹⁾. Карлъ былъ принятъ въ Мадридѣ съ большими почестями²⁾. Тамъ онъ увидалъ королевскую власть во всемъ блескѣ; это была власть величественная, державная, пользовавшаяся безконечною преданностью своихъ слугъ и почти божескимъ поклоненіемъ со стороны подданныхъ, рѣдко встрѣчавшая противорѣчіе и всегда увѣренная, что ей стоитъ только захотѣть, чтобы восторжествовать надъ всякимъ противодѣйствіемъ. Свадьба Карла съ инфантой не состоялась, но, взамѣнъ того, онъ женился на Генриеттѣ-Маріи, принцессѣ французской: его отецъ внѣ этихъ двухъ дворовъ не признавалъ никакого союза, который былъ бы сообразенъ съ величіемъ его престола³⁾. Вліяніе этого союза на англійскаго принца не отличалось отъ впечатлѣній, полученныхъ имъ въ Испаніи, и дворъ Парижа, или Мадрида, сталъ въ его глазахъ образцомъ самаго естественнаго и самаго законнаго положенія королей.

Такимъ образомъ, англійская монархія, по крайней мѣрѣ, въ лицѣ самого монарха, его совѣтниковъ и двора, получила тотъ же характеръ, какой имѣли монархіи континента. Тутъ также во всемъ проявлялись признаки дѣйствія переворота, уже совершившагося въ другихъ странахъ и который въ самыхъ скромныхъ своихъ притязаніяхъ, если и признавалъ права подданныхъ, то не иначе, какъ въ смыслѣ правъ зависимыхъ, въ смыслѣ уступокъ отъ щедротъ монарха.

Но когда на континентѣ этотъ переворотъ находилъ въ народахъ скорѣе расположеніе, нежели противодѣйствіе, въ то время въ Англии уже совершался въ глубинѣ общества переворотъ противоположный, который подкопалъ почву подъ ногами абсолютной монархіи и приготовилъ ей паденіе среди самыхъ ея успѣховъ.

При воцареніи Тюдоровъ, высшая аристократія преклонилась и пала ницъ передъ престоломъ. Тогда англійскія общины не были въ состояніи занять ея мѣста въ борьбѣ свободы противъ власти: онѣ не осмѣлились даже думать о чести принимать участіе въ такой борьбѣ. Въ этоху самаго быстраго ихъ возрастанія, въ XIV столѣтіи, все честолюбіе ихъ ограничивалось утвержденіемъ самыхъ первоначальныхъ правъ, завоеваніемъ нѣкоторыхъ гарантій, шаткихъ и неполныхъ. Никогда въ голову не приходила имъ дерзкая мысль, чтобы имъ надлежало составлять часть верховной власти и вмѣшиваться въ управленіе страны постояннымъ и рѣшительнымъ образомъ. Однимъ баронамъ прилично было простирать такъ далеко свои виды.

1) Clarendon, Hist. of the rebell., т. I, стр. 18—30, базельское изд. 1898.

2) Въ мартѣ 1623 года.

3) Бракъ, предложенный въ 1624 г. былъ окончательно утвержденъ только въ маѣ 1625 и совершенъ въ Англии только въ іюнѣ того же года.

Въ XVI вѣкѣ общины были истомлены и разорены такъ же, какъ и бароны, междоусобными войнами, и всего больше нуждались въ порядкѣ и спокойствіи. Порядокъ и спокойствіе доставила имъ королевская власть, и хотя этотъ порядокъ еще не представляетъ совершенства, однако-жь, былъ болѣе обезпеченъ и лучше устроенъ, нежели когда-либо. Общины приняли благодареніе съ полною благодарностью. Отдѣленные отъ своихъ старинныхъ вождей, почти одинокія предъ лицомъ престола и этихъ бароновъ, когда то бывшихъ ихъ союзниками, онѣ заговорили языкомъ покорнымъ, повели себя робко, и король могъ думать, что съ этихъ поръ народъ всегда будетъ покоренъ такъ же, какъ вельможи.

Но народъ въ Англіи былъ не то, что народъ континента. Это не была коалиція, кое какъ составленная изъ горожанъ и поселянъ, медленно освобождавшихся и еще не совсѣмъ успѣвшихъ выйти изъ подъ гнета своего стариннаго рабства: въ англійскія общины, начиная съ XIV вѣка, вошла самая многочисленная часть феодальной аристократіи— всѣ эти мелкопомѣстные владѣльцы, не имѣвшіе достаточнаго вліянія и, по крайней бѣдности, не могшіе раздѣлять съ баронами верховную власть, но гордые одинакимъ съ ними происхожденіемъ и долгое время пользовавшіеся одинакими правами. Становясь вождями народа, они не разъ давали ему силы и, главное, смѣлость, къ которой неспособны были бы горожане, оставаясь одни. Долговременныя бѣдствія междоусобій ослабили и унизили ихъ такъ же, какъ и горожанъ; но при наступленіи мира, имъ немного было нужно, чтобы снова возвратить утраченныя значеніе и гордость. Высшая аристократія стремилась ко двору, чтобы поправить свои разстроенныя дѣла, и получала отъ него заемное величіе, соблазнительное, но непрочное, которое не могло возвратитъ прежняго благосостоянія, а только отдѣляло ее отъ народа все больше и больше, между тѣмъ, какъ простые дворяне, владѣльцы свободныхъ земель, горожане, единственно занятыя эксплуатированіемъ своихъ земель и капиталовъ, богатѣли имуществомъ и кредитомъ, съ каждымъ днемъ тѣснѣе соединялись между собою, распространяли на цѣлый народъ, свое вліяніе и незамѣтно, безъ политическихъ видовъ, почти сами того не зная, овладѣвали всѣми общественными силами, истиннымъ источникомъ власти.

Въ городахъ быстро развивались торговля и промышленность: Лондонъ прибрѣлъ несмѣтныя богатства; король, придворные, почти всѣ вельможи королевства, по прежнему надменные, но постоянно нуждавшіеся стали его должниками. Купеческій флотъ, питомецъ королевскаго, повсюду разослалъ свои многочисленные корабли; матросы раздѣляли интересы и виды негоціантовъ.

Въ селахъ дѣла шли тѣмъ же порядкомъ. Помѣстья мельчали. Феодальными законами запрещены были продажа и дробленіе помѣстій. Генрихъ VII отчасти уничтожилъ это

новымъ статутомъ. Высшее дворянство приняло этотъ статутъ, какъ благодѣяніе и спѣшило имъ воспользоваться. Оно стало отчуждать равнымъ образомъ обширныя помѣстья, розданныя Генрихомъ VIII. Король покровительствовалъ этому отчужденію, чтобы увеличить число землевладѣльцевъ между духовенствомъ, а придворные принуждены были прибѣгать къ продажѣ своихъ земель, потому что никакихъ злоупотребленій не хватало на ихъ нужды. Наконецъ и Елизавета продавала много земель, принадлежавшихъ коронѣ, желая избавиться отъ необходимости просить пособій, всегда отягчительныхъ даже для власти, которая требуетъ ихъ. Почти всѣ эти земли были покупаемы дворянами, жившими у себя въ помѣстьяхъ, вольными землевладѣльцами, которые сами обрабатывали свою землю, горожанами, не желавшими продолжать свой обыкновенный занятія. Трудъ или экономія давали имъ возможность платить деньги за то, чего не могли сбересть король и придворные ¹⁾. Земледѣліе процвѣтало; графства и города наполнялись богатымъ, дѣятельнымъ, независимымъ населеніемъ. Въ его руки переходила большая часть народнаго капитала, и этотъ переходъ былъ такъ быстръ, что въ 1628 году, при открытіи парламента, палата депутатовъ оказалось втрое богаче палаты перовъ ²⁾.

По мѣрѣ того, какъ совершался этотъ переворотъ, самоуправство власти начинало тревожить общины. Чѣмъ больше было благъ, тѣмъ нужнѣе становились гарантіи. Въ умахъ народа начинало оживать воспоминаніе о старинныхъ льготахъ, объ усиліяхъ, которыми была завоевана Великая Хартія, о началахъ, которыя она утвердила. Дворъ отзывался съ презрѣніемъ объ этихъ старыхъ временахъ, какъ временахъ грубости и варварства; народъ начиналъ уважать и любить ихъ, какъ времена гордой свободы. Славныя завоеванія, сдѣланныя въ старину народомъ, не приносили ему уже никакой пользы; однако-жь, потеряно было не все. Парламентъ не переставалъ собираться: напротивъ, найдя въ немъ покорность, короли еще чаще стали употреблять его, какъ орудіе своей власти. При Генрихѣ VIII, при Маріи, при Елизаветѣ присяжные суды показывали уступчивость, доходили даже до раболѣпства; но все же они существовали. У городовъ сохранились свои хартіи, у корпорацій—свои льготы. Ощины не обнаруживали противодѣйствія, но давно уже владѣли средствами противодѣйствія: имъ недоставало не учрежденій, а только силы и воли пользоваться ими. Силу возвратилъ имъ тотъ переворотъ, который въ такой степени подвинулъ ихъ матеріальное вели-

¹⁾ Clarendon, Hist. of the rebell., т. V, стр. 6.

²⁾ Юмъ (Hist. of Engl., т. VIII, стр. 385, базельское изданіе, 1789) въ подтвержденіе этого факта приводитъ свидѣтельство Сандерсона и Уокера, историковъ, не пользующихся авторитетомъ. У современныхъ писателей, заслуживающихъ довѣріе, я не нашелъ столь опредѣленной оцѣнки сравнительнаго богатства обѣихъ палатъ; но несомнѣнно, что палата депутатовъ была гораздо богаче палаты перовъ.

чіе. Воля ждала только другого переворота, который бы далъ имъ и нравственное величіе, подстрекнулъ ихъ честолюбіе, возвысилъ ихъ идеи, превратилъ для нихъ противодѣйствіе въ обязанность, господство—въ необходимость. Это дѣло сдѣлала религіозная реформа.

Реформа была провозглашена въ Англіи деспотомъ и началась тираніей. При самомъ рожденіи она преслѣдовала и друзей и враговъ. Одной рукой Генрихъ VIII воздвигалъ эшафоты для католиковъ, другой—костры для протестантовъ, несогласавшихся признать символъ и одобрить правленіе, которое получила отъ него новая церковь.

Такимъ образомъ, съ самаго начала явились двѣ реформы: реформа короля и реформа народа. Одна изъ нихъ, робкая, уклончивая, болѣе связанная съ мірскими выгодами, нежели съ религіозными убѣжденіями, сама пугалась того движенія, которое произвело ее, и силилась занять у католицизма все, что можно было сохранить изъ этого вѣроисповѣданія, отрѣшившись отъ него; другая реформа—самопроизвольная, пылкая—презирала земными расчетами и поддерживала свои начала въ самыхъ крайнихъ ихъ слѣдствіяхъ; словомъ, это была настоящая моральная революція, предпринятая во имя вѣры и съ полнымъ энтузіазмомъ вѣры.

Въ правленіе королевы Маріи эти двѣ реформы еще были соединены между собою общими бѣдствіями, а съ восшествіемъ на престолъ Елизаветы—общей радостью. Скоро онѣ должны были раздѣлиться и вступить въ борьбу. Но положеніе ихъ было таково, что ихъ борьба неизбежно должна была по дѣйствовать и на политическій порядокъ. Отдѣлившись отъ главы вселенской церкви, англиканская церковь потеряла всю собственную силу и поставила свои права и власть въ исключительную зависимость отъ власти и правъ главы государства. Итакъ, она становилась на сторонѣ гражданскаго деспотизма и вынуждена была исповѣдывать его начала, чтобы поддержать законность своего происхожденія и служить его интересамъ, чтобы спасти свои собственные. Нон-конформисты, напротивъ, нападавая на своихъ религіозныхъ противниковъ, видѣли себя вынужденными нападать также и на свѣтскаго владыку. Чтобы достигнуть церковной реформы, они должны были отстаивать права гражданина. Король сдѣлалъ себя наслѣдникомъ папы. Англиканское духовенство, наслѣдовавшее духовенству католическому, дѣйствовало не иначе, какъ во имя короля.

Эта опасная неизбежность двойственной борьбы съ церковью и государемъ, одновременной реформы религіи и государства, сначала испугала нон-конформистовъ. Палство и все то, что на него походило, было незаконно въ ихъ глазахъ; королевская власть, даже деспотическая, еще не представлялась имъ незаконною. Генрихъ VIII началъ реформу; Елизавета спасла ее.

Между тѣмъ реформа была неизбежна. Потребность разбора

и сопротивленія въ дѣлѣ вѣры и правленія распространилась въ особенности между мелкими дворянами, свободными землевладѣльцами, горожанами, народомъ, ибо тутъ кипѣла религіозная реформа съ особенной силой. Дворъ и часть средняго дворянства не столько заняты были своими религіозными вѣрованіями: они довольствовались нововведеніями Генриха VIII или его преемниковъ и поддерживали англиканскую церковь—кто изъ убѣжденія, кто изъ равнодушія, кто изъ разчета, кто изъ уваженія къ присягѣ. Общины, болѣе чуждыя интересамъ власти и въ то же время болѣе терпѣвшія отъ ея злоупотребленій, въ сношеніяхъ своихъ съ монархомъ измѣнили и формы и мысль. Со дня на день ихъ робость исчезала, честолюбіе росло. Горожанинъ, вольный землевладѣлецъ, даже крестьянинъ стали простирать свои виды выше своего состоянія.

Разговоры долгое время велись втайнѣ и не смѣли заходить слишкомъ далеко; но они развязывали умы и внушали имъ непривычную смѣлость. Сама Елизавета, любимая и уважаемая народомъ, почувствовала на себѣ дѣйствіе этого новаго расположенія умовъ¹⁾ и грубо отталкивала его, однако-жь такъ, чтобы не подвергнуться явной опасности. Гораздо хуже было при Іаковѣ I. Это былъ государь слабый, заслужившій презрѣніе, но, тѣмъ не менѣе, желавшій казаться деспотомъ. Догматически выставляя свои безсильныя притязанія, онъ вызывалъ новыя дерзости, которыхъ подавить, однакожь, не умѣлъ. Мысль гражданъ приняла болѣе свободный полетъ: ничто уже не останавливало ея. Спѣсь потеряла не только силу, но даже и блескъ при дворѣ и на престолѣ. Безчестная продажность возбуждала въ серьезныхъ людяхъ глубокое отвращеніе, и никакой санъ уже не спасалъ отъ оскорбленій со стороны народа. Скоро оппозиція заговорила высокоумѣрнымъ тономъ власти и обнаружила даже больше спокойной самоувѣренности. И это не была оппозиція великолѣпныхъ бароновъ, засѣдавшихъ въ палатѣ перовъ, а оппозиція нижней палаты, рѣшившейся занять въ государствѣ мѣсто и завладѣть правительственнымъ вліяніемъ, которое никогда ей не принадлежало. Ея равнодушіе къ напыщеннымъ угрозамъ государя, ея гордый, хотя и почтительный языкъ показали, что все перемѣнилось, что теперь она мыслила уже не по прежнему, хотѣла дѣйствовать властно, и тайное предчувствіе этой моральной революціи было уже такъ распространено, что въ 1621 году, ожидая прибытія комитета отъ палаты, имѣвшаго представить королю строгія замѣчанія, Іаковъ сказалъ съ ироніей, навѣрное не подозревая всей ея глубины: „Приготовить двѣнадцать креселъ: я буду принимать двѣнадцать королей²⁾“.

1) См. Приложение 1.

2) *Historie d' Angleterre, par Rapin Thoiras, t. VIII, p. 183. ed. in-4, Gaga, 1749; Kennet, Compl. Hist. of Engl., t. III. p. 743.*

Въ самомъ дѣлѣ, когда Карль созвалъ парламентъ, это было похоже на сенатъ королей, созванный неограниченнымъ монархомъ у своего престола. Государь, а тѣмъ менѣе народъ, еще не успѣли разобрать началъ и измѣрить объема своихъ требованій: они сближались, искренно желая и надѣясь сойтись между собою; но на самомъ дѣлѣ между ними уже совершилось полное разъединеніе, ибо и тотъ и другой считалъ себя верховной властью.

Какъ только засѣданіе было открыто, нижняя палата начала перебирать всѣ части правленія: дѣла внѣшнія и внутреннія, переговоры, союзы, употребленіе прошедшихъ и будущихъ налоговъ, состояніе религіи, усмиреніе папистовъ— обо всемъ этомъ она считала себя въ правѣ разсуждать. Она жаловалась на королевскій флотъ, плохо покровительствующій англійской торговлѣ¹⁾, на доктора Монтега, королевскаго духовника, защищавшаго римскую церковь и проповѣдовавшаго слѣпое повиновеніе²⁾. Она ожидала только отъ короля удовлетворенія всѣхъ своихъ требованій, но показывала твердую рѣшимость вступаться во все своими комитетами и петиціями и обо всемъ выражать свое мнѣніе

Упреки не относились, собственно, къ правленію Карла. Оно только что начиналось. Однакожъ, такое обширное и такое горячее разбирательство государственныхъ дѣлъ казалось ему уже нарушеніемъ его правъ; свобода рѣчей оскорбляла его. Эдуардъ Кларкъ, принадлежавшій къ партіи двора, упрекнулъ въ этомъ палату. Онъ замѣтилъ, что „были употреблены слова неприличныя и оскорбительныя“. Всеобщій крикъ потребовалъ отъ него объясненій. Онъ стоялъ на своемъ, и его едва не приговорили къ изгнанію изъ палаты³⁾.

Дѣйствительно, рѣчи были смѣлы, при всей скромности выраженій: „Мы не просимъ у короля удаленія дурныхъ совѣтниковъ, какъ это сдѣлалъ парламентъ при его предшественникахъ, Генрихѣ IV и Генрихѣ VI; мы не желаемъ вмѣшиваться въ выборы, какъ это было при Эдуардѣ II и Ричардѣ II, при Генрихѣ IV и Генрихѣ VI; мы не желаемъ, чтобы тѣ, кого выберетъ король, были обязаны присягать передъ парламентомъ, какъ это дѣлалось при Эдуардѣ I, Эдуардѣ II и Ричардѣ II; чтобы парламентъ заблаговременно предписывалъ имъ образъ дѣйствій, которому они должны слѣдовать, какъ онъ это считалъ обязанностью дѣлать при Генрихѣ III и Генрихѣ IV; ни даже того, чтобы его величество далъ обѣщаніе, какъ Генрихъ III, дѣлать все съ согласія верховнаго народнаго совѣта и ничего безъ его приговора; мы только высказываемъ, какъ вѣрноподданные, наши скромныя желанія.

1) 11 августа 1625. Parliamentary History, t. II, col. 35.

2) 7 июля 1625. Parliam. Hist., II, col. 6.

3) 6 августа 1625. Parliam. Hist., t. II, col. 13.

Мы желаемъ только того, чтобъ король, такъ какъ онъ окружилъ себя совѣтниками мудрыми, благочестивыми и почтенными, исцѣлилъ, при ихъ помощи, бѣдствія государства и никогда не руководился какими-либо личными мнѣніями, или совѣтами людей неопытныхъ. Такъ говорилъ сэръ Робертъ. Коттонъ, знаменитый ученый, умѣренный ораторъ. Палата, протестуя вмѣстѣ съ нимъ противъ подражанія стариннымъ дерзостямъ парламента, радовалась, однако-жь, что онъ напомнилъ ихъ.

Король начиналъ сердиться, однако не обнаружилъ этого. Такой языкъ, хоть и неприятный, еще не казался ему опаснымъ. Притомъ же, ему нужны были субсидіи. Послѣдній парламентъ пламенно желалъ войны съ Испаніей; теперешній не могъ отказаться поддержать ее: Карлъ настаивалъ, чтобъ ему немедленно даны были на это средства и обѣщался удовлетворить справедливымъ жалобамъ.

Но палата уже не вѣрила обѣщаніямъ, хотя этотъ король еще не успѣлъ подать ни одного повода къ недоувѣрію и хотя она уважала его. Карлъ думалъ, что ему нечего было бояться, потому-что онъ не сдѣлалъ никакого зла; народъ думалъ, что надобно было искоренить все прежнее зло, чтобъ не бояться въ будущемъ. Сначала представители общинъ предложили королю только слабое пособіе, а таможенный сборъ хотѣли оставить за нимъ лишь на одинъ годъ. Этотъ послѣдній приговоръ показался оскорбительнымъ, и верхняя палата не согласилась утвердить его. Стало-быть, королю не вѣрятъ, говорилъ дворъ, какъ вѣрили его предшественникамъ, которымъ постоянно предоставлялись таможенные сборы на все продолженіе ихъ царствованія; а между тѣмъ онъ съ такою рѣдкою откровенностью изложилъ состояніе финансовъ королевства; онъ не отказался представить ни одного документа, ни одного объясненія: крайняя необходимость налога была очевидна. Неблагоразумно было бы, думали лорды, раздражать такъ скоро безъ всякой причины молодого государя, который показываетъ такое расположеніе жить въ ладу съ парламентомъ.

Нижняя палата не говорила, что она не хочетъ дать болѣе достаточныхъ субсидій, но продолжала разсматривать народныя жалобы, твердо рѣшившись достигнуть напередъ ихъ удовлетворенія, хотя и не выражала этого гласно. Король пришелъ въ негодованіе, что ему осмѣливаются такимъ образомъ предписывать законы и воображаютъ, что онъ уступитъ силѣ или не сумѣетъ управлять. Это значило посягать на верховную власть, которая принадлежитъ только ему одному и ни въ какомъ случаѣ не должна терпѣть ущерба. Парламентъ былъ распущенъ (12 авг. 1625 г.).

Такимъ образомъ, несмотря на взаимное расположеніе другъ къ другу, государь и народъ сошлись только затѣмъ, чтобъ придти въ столкновеніе. Ни тотъ, ни другой не почувствовалъ себя слабымъ или виновнымъ; они разстались оба съ равною увѣренностью въ законности своихъ требованій, съ равной рѣшимостью стоять за нихъ. Общины объявили, что онѣ преданы королю, но не отступятъ отъ своихъ правъ. Король сказалъ, что онъ уважаетъ права своихъ подданныхъ, но съумѣетъ управлять и одинъ.

Онъ тотчасъ же рѣшился привести въ исполненіе эту угрозу. Приказами, отправленными отъ его тайнаго совѣта къ лордамъ-намѣстникамъ

графствъ, предписывалось ему собрать въ видѣ займа ту сумму, которая нужна была королю. Имъ вмѣнено было въ обязанность обратиться къ богатымъ гражданамъ и донести о тѣхъ, кто откажется дать займы или будетъ медлить. Король еще рассчитывалъ на любовь и на страхъ. Въ то же время флотъ выступилъ въ море, чтобъ предпринять экспедицію противъ Кадикса, котораго гавань была наполнена богато нагруженными кораблями. Чтобъ дать въ то же время какое-нибудь удовлетвореніе народу, духовенству приказано было вести процессъ противъ папистовъ. Они не могли отлучаться дальше пяти миль отъ своихъ жилищъ безъ особаго позволенія; имъ предписано было вызвать въ Англию своихъ дѣтей, воспитывавшихся въ континентальныхъ странахъ; запрещено было носить оружіе. Общины требовали себѣ правъ: ихъ потѣшили, давши имъ нѣкоторую возможность помучить своихъ враговъ.

Они не удовлетворились этой жадкой уступкой; притомъ, самое преслѣдованіе папистовъ было двусмысленно и подозрительно. Король освобождалъ ихъ за деньги или прощалъ тайно. Заемъ принесъ казнѣ мало денегъ; экспедиція въ Кадиксъ была неудачна. Публика приписала эту неудачу неискусству адмирала и пьянству солдатъ. Обвиняли правительство, что оно не умѣетъ ни выбирать генераловъ, ни смотрѣть за поведеніемъ солдатъ. Не прошло шести мѣсяцевъ, какъ уже второй парламентъ былъ признанъ необходимымъ (6 февр. 1626 г.). Раздраженіе еще неглубоко проникло въ душу молодого короля, и его деспотизмъ былъ вмѣстѣ и довѣрчивъ и робокъ. Онъ думалъ что общины будутъ рады собраться опять такъ скоро, быть можетъ, даже надѣялся, что твердость, которую онъ показалъ имъ, вызоветъ съ ихъ стороны больше уступчивости. Наконецъ имъ приняты были мѣры, чтобъ самыхъ популярныхъ ораторовъ не допустить въ парламентъ. Графъ Бристоль, личный врагъ герцога Буккингемскаго, не получилъ приглашенія. Эдуардъ Кокъ, Робертъ Филипсъ, Томасъ Уэнтвортъ, Фрэнсизъ Сеймуръ и др. не могли быть выбраны, потому что ихъ назначили шерифами въ ихъ графствахъ. Думали, что, за ихъ отсутствіемъ, палата депутатовъ будетъ покорнѣе, потому что народъ любитъ короля, и только какая-нибудь горсть недовольныхъ вводитъ его въ заблужденіе.

Но палата думала, съ своей стороны, что короля вводятъ въ заблужденіе и что достаточно вырвать его изъ рукъ временщика, чтобъ возвратить народу. Первый парламентъ, затрудняя субсидіи, хотѣлъ только заставить престолъ удовлетворить общественнымъ жалобамъ; теперешній—рѣшился поразить у трона виновника всѣхъ этихъ жалобъ. Герцогъ Буккингемъ былъ обвиненъ (21 февраля 1626).

Это былъ одинъ изъ тѣхъ людей, которые, кажется, рождаются для того, чтобъ блистать при дворахъ и не нравиться народу. Красавецъ собой, гордый, пышный, до дерзости легкомысленный, искренній и горячій въ дружбѣ, открытый и надменный во враждѣ, равно неспособный ни къ добродѣтели, ни къ притворству, онъ управлялъ государствомъ безъ государственныхъ соображеній, не заботился ни объ интересахъ народа, ни даже объ интересахъ власти, ни о чемъ не думалъ, кромѣ собственнаго величія и удовольствія властвовать рядомъ съ королемъ. Была минута, когда ему захотѣлось сдѣлаться популярнымъ, и онъ достигъ этого: разрывъ брака Карла съ инфантой былъ его дѣломъ. Но эта популярность была для него только средствомъ пользоваться по произволу расположе-

ніемъ короля. Онъ потерялъ ее и едва обратилъ на это вниманіе, гордясь тѣмъ, что сохранилъ надъ Карломъ ту же власть, какую имѣлъ надъ Іаковомъ I. Его честолюбіе не оправдывалось никакими дарованіями. Единственною цѣлью его интригъ были мелкія страсти. Чтобы соблазнить женщину, погубить соперника, онъ безразсудно жертвовалъ то королемъ, то народомъ. Народу, который съ каждымъ днемъ становился зрѣлѣе, власть такого человѣка казалось не только бѣдствіемъ, но даже оскорбленіемъ, и герцогъ продолжалъ заирать высшія должности въ государствѣ, оставаясь, даже въ глазахъ толпы, не больше, какъ безславнымъ выходцемъ, дерзкимъ и бездарнымъ временщикомъ.

Нападеніе со стороны палаты было сильно: такъ какъ трудно было уличить Буккингэма въ преступленіяхъ по закону, то палата постановила, что одной общественной молвы достаточно, чтобъ предать его суду, и приняла всѣ обвинительные пункты, на которые указывала общественная молва. Герцогъ опровергъ ихъ, большую часть по крайней мѣрѣ, съ успѣхомъ, но безъ пользы. Палатѣ нужно было преобразование дурнаго правленія; Буккингэмъ не дѣлался менѣе опасенъ оттого, что его нельзя было обвинить въ воровствѣ, убійствѣ или измѣнѣ. Смѣлость палаты ободрила враговъ двора. Графъ Бристоль подалъ жалобу, что его не пригласили въ парламентъ. Буккингэмъ, который боялся его, хотѣлъ держать его въ отдаленіи. Палата перовъ признала жалобу графа справедливою, и Карлъ послалъ къ нему пригласительное письмо, но вмѣстѣ съ приказаніемъ не выѣзжать изъ своихъ помѣстій. Графъ снова обратился къ палатѣ и просилъ ее рѣшить, требуютъ ли права всѣхъ перовъ королевства, чтобъ онъ засѣдалъ въ парламентѣ лично. Король тотчасъ приказалъ обвинить его въ оскорбленіи величества. Бристоль, въ свою очередь, обвинилъ Буккингэма, чтобъ защитить себя, и такимъ образомъ временщикъ короля подвергся въ одно и то же время преслѣдованіямъ отъ представителей народа и отъ стараго придворнаго.

Все это слишкомъ затрогивало власть короля и слишкомъ оскорбляло его гордость. Буккингэма не уличили ни въ какомъ преступленіи: стало быть, въ немъ нападаютъ на королевскаго министра и на друга короля. Карлъ сказалъ палатѣ: „Я долженъ объявить вамъ, что не потерплю, чтобъ вы преслѣдовали кого бы то ни было изъ моихъ слугъ, тѣмъ менѣе тѣхъ, которые поставлены такъ высоко и такъ близко ко мнѣ. Бывало, спрашивали: что мы сдѣлаемъ для человѣка, котораго почтилъ король? Теперь есть люди, которые ломаютъ себѣ голову, придумывая, что бы сдѣлать противъ человѣка, котораго королю угодно было почтить. Я желаю, чтобъ вы занялись дѣломъ о моихъ субсидіяхъ. Если нѣтъ, тѣмъ хуже будетъ для васъ самихъ. И если изъ этого выйдетъ какое-нибудь несчастіе, я почувствую его, конечно, послѣ всѣхъ“. Въ то же время онъ запретилъ судьямъ отвѣчать на вопросы, предложенные верхней палатой по дѣлу графа Бристоля, боясь, что ихъ отвѣтъ будетъ въ его пользу.

Судьи молчали; но палата не остановилась. Восемьero изъ ея членовъ назначены были поддерживать преслѣдованіе противъ Буккингэма, соединившись съ верхней палатой. Когда конференція кончилась, двоихъ изъ комиссаровъ: Додлея Диггза и Джона Элліота, король велѣлъ посадить въ Тоуэръ за дерзкія рѣчи. Раздраженная палата объявила, что она ничѣмъ не станетъ заниматься, если имъ не возвратятъ свободы. Напрасно

друзья двора пугали палату участью, которая грозит самому парламенту: угроза была принята за оскорбленіе, и имъ пришлось извиняться, что они внушили королю мысль, будто онъ можетъ управлять одинъ, подобно государямъ континента. Диггъ и Эллиотъ были выпущены изъ Тоуэра.

Палата перовъ, съ своей стороны, потребовала освобожденія лорда Арунделя, арестованнаго по приказанію короля въ продолженіе засѣданія, и Карль уступилъ и тутъ.

Ему надоѣло терпѣть пораженія отъ противниковъ, которыхъ онъ самъ созвалъ и которыхъ могъ во всякое время разсѣять. Временщикъ его не давалъ ему покоя. Уступки, которыя онъ пытался дѣлать, принимались съ восторгомъ, но не вели ни къ чему. Наконецъ до свѣдѣнія его дошло, что палата депутатовъ готовитъ генеральную ремонстрацію, и Карль рѣшился выйдти изъ положенія, которое унижало его въ собственныхъ глазахъ и въ глазахъ Европы. Разнесся слухъ, что парламентъ скоро будетъ распущенъ. Верхняя палата, начинавшая занскивать у народа, поспѣшила представить королю адресъ объ отмѣнѣ этого намѣренія, и всѣ перы вызывались сопровождать депутацію, на которую возложено было представить ему этотъ адресъ. „Ни минуты отсрочки!“—закричалъ Карль. Тотчасъ же распущеніе парламента было объявлено (15 іюня 1626 г.). Въ деклараціи отъ имени короля изложены были причины этого рѣшенія. Проектъ ремонстраціи нижней палаты былъ сожженъ на площади, и всѣ, у кого были экземпляры, получили приказаніе сжечь ихъ. Лордъ Арундель былъ арестованъ въ своемъ домѣ, лордъ Бристоль посаженъ въ Тоуэръ; герцогъ Буккингэмъ вздохнулъ свободнѣе, и Карль почувствовалъ себя королемъ.

Радость его была такъ же непродолжительна, какъ не дальновидны были его расчеты: и у абсолютной власти бываютъ свои нужды. Завязавши разорительную войну съ Испаніей и Австріей, Карль не располагалъ достаточной арміей, которую могъ бы употребить въ одно и то же время и противъ непріятелей и противъ подданныхъ. Его сухопутныя войска, малочисленныя и худо обученныя, стоили ему очень дорого. Между моряками господствовалъ пуританизмъ; на милицію онъ не рѣшался положить, ибо на нее гораздо больше имѣли вліянія горожане или дворяне графствъ, нежели король. Онъ устранилъ противниковъ, но не избавился отъ затрудненій и препятствій. Между тѣмъ безумная гордость Буккингэма подала поводъ къ новымъ затрудненіямъ. Желая отмстить кардиналу Ришелье, недопускавшему его воротиться въ Парижъ, чтобъ добиваться дерзкихъ успѣховъ около Анны Австрійской, онъ уговорилъ своего государя начать войну съ Франціей. Предлогомъ послужили интересы протестантизма: надобно было спасти осажденную Ла-Рошель и предупредить разореніе французскихъ реформатовъ. Надѣялись, что изъ-за этого дѣла народъ станетъ вооружаться съ восторгомъ, или, по-крайней мѣрѣ, позволитъ себя насиловать.

Назначенъ былъ всеобщій заемъ, равный суммѣ тѣхъ субсидій, которыя были обѣщаны, но не утверждены парламентомъ. Коммисарямъ вѣнено было въ обязанность спрашивать у несогласныхъ, почему они отказываются узнавать, кто ихъ подговариваетъ, съ какими именами и съ какими намѣреніями. Это было въ одно и тоже время вымогательство имущества и выпытыванье мнѣній. Полки проходили черезъ графства или располагались въ нихъ постоемъ, на тягость жителямъ.

Обитатели портовъ и приморскихъ округовъ получили приказаніе выставить на свой счетъ вооруженныя суда съ экипажемъ—первый опытъ корабельнаго налога. У Лондона потребовали двадцать кораблей: городъ отвѣчалъ, что королева Елизавета, для отраженія непобѣдимой армады Филиппа Второго, не требовала такъ много; ему возразили, что „прошедшія времена подають примѣръ повиновенія, а не противорѣчій“. Чтобъ оправдать подобный языкъ, приказано было проповѣдывать во всѣхъ церквахъ ученіе о слѣпомъ повиновеніи. Прелать любимый народомъ, архіепископъ кэнтерберійскій, Джоржъ Абботъ, не хотѣлъ дозволить въ своемъ округѣ продажу такихъ проповѣдей, онъ былъ отрѣшенъ отъ должности и сосланъ.

Разсчетъ на страсти народа былъ слишкомъ невѣренъ: народъ не согласился отречься отъ свободы ради вѣры. Притомъ, онъ не довѣрялъ искренности этого новаго рвенія къ вѣрѣ. Не трогай его свободы, созови парламентъ: тогда онъ далъ бы реформатамъ континента болѣе твердое подкрѣпленіе. Многіе изъ гражданъ отказались содѣйствовать займу. Одни неизвѣстные и слабые, были насильно завербованы во флотъ или въ армію; другіе брошены въ тюрьмы или получили отдаленныя назначенія, отъ которыхъ не могли отказаться. Ноудовольствіе не ограничилось однимъ ропотомъ, хотя и не разразилось въ мятежъ. Пятеро дворянъ, задержанныхъ по приказанію тайнаго совѣта, потребовали, чтобъ королевскій судъ выпустилъ ихъ на поруки, на что имѣлъ право каждый англичанинъ. Властолюбивый король и раздраженная нація торопили рѣшеніе дѣла. Король требовалъ отъ судей, чтобъ они постановили за правило, что лицо арестованное по его приказанію, не можетъ быть взято на поруки; народъ хотѣлъ знать, неужели для защитниковъ его правъ потеряна всякая гарантія. Судъ отвергъ ихъ просьбу и отослалъ ихъ назадъ въ тюрьму, однако-жъ не постановилъ общаго правила, какого желалъ король. Уже магистраты, пораженные двоякимъ страхомъ, не смѣли дѣйствовать ни въ духѣ рабской покорности, ни въ духѣ справедливости и, чтобъ не накликать бѣды, отказывались служить деспотизму, но не поддерживали и свободы.

Ревностно заботясь объ охраненіи всякаго права, народъ взялъ подъ свое покровительство даже тѣхъ солдатъ, которые служили орудіемъ деспотизму. Со всѣхъ сторонъ жаловались на ихъ неистовства. Чтобъ остановить ихъ, введенъ былъ въ силу законъ, дѣйствующій обыкновенно тогда, когда страна объявляется на военномъ положеніи. Такое самовластное распоряженіе короля безъ участія парламента не повраилось: находили неприличнымъ, чтобъ англичанинъ былъ лишенъ защиты закона, будь онъ солдатъ или не солдатъ, служи онъ орудіемъ защиты или орудіемъ угнетенія своихъ согражданъ.

Среди этого раздраженія, все еще безсильнаго, но болѣе и болѣе принимаваемаго угрожающій характеръ, получено было извѣстіе, что экспедиція отправленная на помощь Ла-Рошели подъ личнымъ начальствомъ Буккин-гэма, была неудачна. Причиной неудачи была неопытность генерала. онъ не сумѣлъ ни овладѣть островомъ Ре, ни ретироваться безъ потери лучшихъ своихъ офицеровъ и солдатъ. Давно уже Англія не платила такъ дорого за такой позоръ. Въ городахъ, селахъ, множество семействъ, любимыхъ и уважаемыхъ народомъ, носили трауръ. Негодованіе было всеобщее. Земледѣлецъ оставлялъ свое поле, ремесленникъ—свою мастерскую,

и шелъ узнавать, не потерялъ-ли его патронъ, дворянинъ или горожанинъ, брата или сына; на возвратномъ пути онъ рассказывалъ сосѣдямъ про бѣдствія, о которыхъ наслушался, про страданія, какихъ насмотрѣлся, проклиналъ Буккингэма и винилъ короля. Новыя потери еще болѣе раздражали умы: непріятельскій флотъ началъ беспокоить и задерживать англійскую торговлю: корабли стояли въ портахъ; матросы праздно толковали о неудачахъ королевскаго флота и о причинахъ ихъ собственнаго бездѣйствія. Мелкое дворянство, горожане, народъ тѣснѣе и тѣснѣе соединялись въ общемъ негодованіи.

Несмотря на свою надменность, Буккингэмъ, по возвращеніи въ Англию, почувствовалъ тяжесть общественной ненависти и необходимость избавиться отъ нея. Притомъ надобно было найти какія-нибудь средства, чтобъ выйти изъ затрудненія. Все, что могла или умѣла сдѣлать тираннія, было исчерпано. Позвали въ королевскій совѣтъ сэра Роберта Коттона, какъ самаго кроткаго изъ людей, пользовавшихся популярностью. Онъ говорилъ умно и откровенно, настойчиво указывалъ на справедливыя жалобы націи, на необходимость удовлетворить имъ, чтобы получить ея помощь, и напоминалъ слова, сказанныя лордомъ Борлеемъ королевѣ Елизаветѣ: „Овладейте ихъ сердцами — кошельки и руки будутъ ваши“. Онъ подалъ мысль созвать новый парламентъ. Положено было, что въ совѣтъ, на которомъ это будетъ официально объявлено, предложеніе сдѣлаетъ герцогъ Буккингэмъ, чтобы примириться съ публикой. Король согласился на мнѣніе сэра Роберта.

Тотчасъ же темницы отворились. Неожиданно вышли изъ нихъ люди, заключенные за сопротивленіе диспотизму. Вчера ихъ оскорбляли, сегодня они были всемогущи. Съ восторгомъ приняла ихъ публика; двадцать семь человекъ были выбраны. Парламентъ собрался (17 марта 1628 г.).

„Господа!“ — сказалъ король, открывая засѣданіе, — „отнынѣ пусть каждый дѣйствуетъ по совѣсти. Еслибъ случилось (отъ чего Боже сохрани!), что вы, презрѣвъ свои обязанности, усомнились бы доставить мнѣ то, чего требуютъ теперь нужды нашего государства, моя обязанность повелѣваетъ мнѣ принять другія мѣры, которыя Богъ вручилъ мнѣ, чтобъ спасти то, что могло бы погибнуть отъ безумія немногихъ. Не примите этого за угрозу: я не унижусь до того, чтобъ грозить кому-либо, кромѣ равныхъ мнѣ; это только предостереженіе, которое вамъ даетъ тотъ, кому природа и долгъ ввѣрили попеченіе о вашемъ благѣ и счастіи. Онъ надѣется, что ваше нынѣшнее поведеніе позволить ему одобрить ваши прежніе совѣты, и что я, въ благодарность за это, приму на себя обязательства, которыя дадутъ мнѣ случай часто созывать васъ“.

Хранитель печати прибавилъ послѣ короля: „Его величество счелъ долгомъ обратиться къ парламенту для собранія субсидій, не какъ къ единственному средству, но какъ къ наиболѣе приличному, не потому, чтобъ у него не было другихъ средствъ, но потому, что это средство болѣе согласуется съ его благими намѣреніями и съ желаніемъ его подданныхъ. Если оно будетъ безуспѣшно, необходимость и мечъ врага заставятъ насъ принять другія мѣры. Не забывайте предостереженія его величества... я вамъ повторяю, не забывайте!“.

Такимъ образомъ, Карлъ хотѣлъ своими рѣчами замаскировать свое положеніе. Являясь надменнымъ просителемъ, падая подъ тяжестью неудачъ и ошибокъ, онъ въ то же время грозился этимъ независимымъ

величествомъ, абсолютнымъ, стоящимъ выше всякихъ ошибокъ и неудачъ. Онъ до такой степени былъ ослѣпленъ имъ, что ему и въ мысль не приходило, чтобъ могъ кто-нибудь посягнуть на него. Онъ былъ высокомеренъ отъ души. Ему казалось, что честь и санъ обязываютъ его сохранять права и тонъ деспотизма, требуя помощи у свободы.

Нижняя палата не смутилась отъ этихъ угрозъ: ее занимала мысль не менѣе гордая, неменѣе непреклонная. Она рѣшилась торжественно провозгласить свои права и принудить власть признать ихъ основными, независимыми; наконецъ, она не хотѣла уже терпѣть, чтобы право выдавалось за милость, злоупотребленіе—за право. Въ вождяхъ и въ ратникахъ для этого великаго дѣла не было недостатка. Весь народъ толпился вокругъ парламента. Внутри его люди искусные и смѣлые руководили его совѣтами: сэръ Эдуардъ Коккъ, честь магистратуры, столько же знаменитый своею твердостью, какъ и опытностью; сэръ Томасъ Уэнтвордъ, впоследствии лордъ Страффордъ, пылкій, краснорѣчивый, рожденный повелѣвать и, повидимому, ограничившій все свое честолюбіе удивленіемъ народа; Дензиль Голлизъ, младшій сынъ лорда Клера, товарищъ дѣтства Карла, но искренній другъ свободы и изъ гордости немогшій служить при какомъ-нибудь временщикѣ; Пимъ, ученый юрисконсультъ, въ особенности знакомый со всеми правами и обычаями парламента, умъ холодный и смѣлый, способный благоразумно руководить народными страстями—и множество другихъ, которымъ невѣдомое будущее готовило чрезвычайно различную судьбу и даже противоположныя дороги, но которые теперь все были соединены одинакими началами и желаніями. Дворъ могъ противопоставить этой страшной коалиціи только силу привычекъ, капризную дерзость Буккингэма, да упрямую надменность короля.

Первыя сношенія государя съ парламентомъ были довольно мирны. При всехъ своихъ угрозахъ, Карлъ чувствовалъ, что надобно уступить, а палата, рѣшившаяся возвратить себѣ все свои права, также имѣла твердое намѣреніе показать съ своей стороны преданность. Карлъ не обижался свободою рѣчей; а рѣчи были свободны и въ то же время законны. „Умоляю палату“,—говорилъ Бенджаминъ Рудбердъ,—„тщательно избѣгать всякаго повода къ пустымъ преніямъ. Сердца королей и санъ ихъ высоки; имъ прилично уступать тогда, когда имъ, въ свою очередь, уступаютъ. Откроемъ королю возможность, чтобъ онъ воротился къ намъ какъ бы самъ-собою: я убѣжденъ, что онъ нетерпѣливо ожидаетъ только случая. Употребимъ все усилія, чтобъ расположить короля въ нашу пользу, и получимъ все, чего только можемъ желать“. Не все умы были наполнены такими миролюбивыми мыслями: другіе, не столько мягкіе, не видѣли бѣды въ новомъ разрывѣ. Однако-жъ все показали себя одушевленными однимъ желаніемъ, и палата, ведя разсмотрѣніе жалобъ народныхъ рядомъ съ нуждами престола, предложила единодушно, послѣ пятнадцатидневныхъ засѣданій (4 апрѣля 1628), значительныя субсидіи, впрочемъ не обращая этого предложенія тотчасъ же въ законъ.

Радость короля была чрезмѣрна. Онъ немедленно созвалъ большой совѣтъ (6 апрѣля 1628) и, увѣдомляя его о предложеніи палаты, сказалъ: „Когда я вступилъ на престолъ, я любилъ парламенты; потомъ какъ то они мнѣ надоели; теперь я опять возвращаюсь къ прежнему. Я ихъ люблю и очень буду радъ совѣщаться какъ можно чаще съ моимъ народомъ: этотъ день даетъ мнѣ въ христіанскомъ мѣрѣ такой кредитъ,

какого я не получилъ бы, выигравши множество сраженій“. Такой же восторгъ обнаружился въ совѣтѣ. Буккингэмъ счелъ нужнымъ такъ же громко выразить свою радость, какъ и Карлъ. Онъ поздравилъ короля съ такимъ счастливымъ окончаніемъ несогласій. „Это важнѣе, чѣмъ субсидіи“,—сказалъ онъ,—„это цѣлый родникъ субсидій, который вы открыли въ сердцѣ вашихъ подданныхъ. Позвольте мнѣ, ваше величество, присоединить нѣсколько словъ. Признаюсь, долго жизнь моя была печальна; сонъ не приносилъ мнѣ покоя, богатство не радовало меня: такъ горько было мнѣ слыть за человѣка, который ссорить короля съ народомъ и народъ съ королемъ! Отнынѣ будетъ ясно, что только предубѣжденные умы хотѣли выдать меня за какого-то злого духа, вѣчно становящагося между государемъ и его вѣрными подданными. Пользуясь милостями вашего величества, я постараюсь показать, что я благодѣтельный геній, безпрестанно думающій только о томъ, чтобы оказывать всѣмъ услуги—услуги мирныя“.

Государственный секретарь Кукъ объявилъ палатѣ объ удовольствіи короля и о благоволеніи, которое онъ во всѣхъ дѣлахъ готовъ оказывать парламенту. Палата радовалась. Но Кукъ имѣлъ неосторожность и низость упомянуть также о Буккингэмѣ и о рѣчи, которую онъ произнесъ въ совѣтѣ. Этимъ палата оскорбилась. Сэръ Джонъ Эллиотъ сказалъ: „Ужели же есть человѣкъ, какого бы то ни было сана, который бы дерзнулъ думать, что его благоволеніе и его слова нужны намъ для исполненія нашихъ обязанностей относительно его величества? Или полагаютъ, что кто бы то ни было можетъ внушить его величеству больше расположенія къ намъ, чѣмъ сколько онъ самъ захочетъ показать? Не думаю. Я готовъ хвалить, даже благодарить всякаго, кто употребляетъ свое значеніе и силу для блага общественнаго; но такія притязанія противны обычаямъ нашихъ предковъ и нашей чести. Я не могу слышать объ нихъ безъ удивленія, не могу пропустить ихъ безъ порицанія. Желаю, чтобъ подобное вмѣшательство не повторялось болѣе. Будемъ служить королю. Надѣюсь, мы можемъ сами сдѣлаться ему полезными и не нуждаемся ни въ какой посторонней помощи для пріобрѣтенія любви его“.

Эта весьма законная гордость показала Карлу дерзостью, а Буккингэму—вѣрнымъ признакомъ новыхъ опасностей. Однако-жъ ни тотъ, ни другой не дали ничего замѣтить, и палата продолжала свои работы.

Она вошла въ сношеніе съ верхней палатой, чтобъ общими силами опредѣлить истинныя права гражданъ и требовать отъ короля новаго и торжественнаго ихъ подтвержденія. Узнавши о намѣреніяхъ депутатовъ, Карлъ былъ сильно встревоженъ. Онъ велѣлъ напомнить палатѣ, чтобъ она поспѣшила заняться окончательнымъ постановленіемъ о субсидіяхъ; а министръ его прибавилъ: „Къ прискорбію своему, я долженъ вамъ сказать, что до свѣдѣнія его величества дошло, будто бы вы хотите дѣйствовать не только противъ злоупотребленій власти, но даже противъ самой власти. Это слишкомъ затрагиваетъ короля, а также и насъ, пользующихся его высокимъ благоволеніемъ. Будемъ говорить королю о злоупотребленіяхъ, которыя могли вкрасться въ исполненіе его воли—онъ насъ выслушаетъ охотно—но не будемъ посягать на предѣлы его власти: онъ готовъ исправить ея уклоненія, но не захочетъ обрѣзывать ея правъ“.

Палата перовъ, изъ раболѣпства или изъ робости, предположила съ

своей стороны, нижней палатѣ, чтобы она удовольствовалась получениемъ декларации, въ которой бы сказано было, что Великая Хартія находится въ полномъ дѣйствиіи вмѣстѣ со всѣми статутами, ее подтверждающими, что льготы англійскаго народа сохраняются попрежнему, и что король будетъ пользоваться правами, предоставленными верховной власти, единственно для блага своихъ подданныхъ.

Король созвалъ обѣ палаты въ торжественное засѣданіе, объявилъ имъ, что Великую Хартію онъ почитаетъ неприкосновенною, древніе статуты ненарушимыми, а насчетъ охраненія своихъ правъ пригласилъ ихъ положиться на его королевское слово, прибавляя, что въ немъ они найдутъ гораздо больше обезпеченія, нежели во всякомъ новомъ законѣ.

Это не испугало и не обмануло палаты. Злоупотребленія, которыя были еще въ свѣжей памяти, несмотря на противопоставленную имъ силу, перешли предѣлы, предусмотрѣнные прежними законами; нужны были новыя гарантіи, ясныя, огражденныя санкціей всего парламента. Возобновлять эти неопредѣленныя обѣщанія, столько разъ нарушенныя, эти давно забытыя статуты, было все равно, что ничего. Не распространяясь въ словахъ, не переходя границъ почтительности, но сохраняясь въ то же время твердость непоколебимую, палата составила знаменитый билль, извѣстный подъ именемъ „прошенія о правахъ“, приняла его и передала верхней палатѣ для полученія также ея согласія (8 мая 1628).

Перы ничего не могли сказать противъ этого билля, освѣщавшаго всѣми признанныя права или уничтожавшаго злоупотребленія, которыми всѣ были недовольны. Однако-жъ король настаивалъ, чтобы положились на одно его слово, предлагалъ подтвердить новымъ биллемъ Великую Хартію и древніе статуты, слалъ къ перамъ совѣтъ за совѣтомъ, къ депутатамъ — посланіе за посланіемъ. Онъ былъ сильно раздраженъ, но хранилъ благоразуміе и умѣренность въ рѣчахъ и только высказывалъ твердую рѣшимость не допускать ни малѣйшаго ограниченія своихъ правъ, но и не употреблять ихъ никогда во зло.

Перы находились въ сильномъ затрудненіи, какъ обезпечить права народа, не отнимая неограниченной власти у короля—ибо таковъ былъ вопросъ. Попробовали смягчить билль; его приняли съ слѣдующимъ прибавленіемъ: „Мы подносимъ вашему величеству это всенижайшее прошеніе съ тѣмъ, чтобы обезпечить наши собственныя права, но въ то же время съ подобающимъ уваженіемъ къ полной неприкосновенности верховной власти, которою облечено ваше величество для покровительства, безопасности и счастья вашихъ подданныхъ“.

Когда билль, смягченный этимъ прибавленіемъ, возвратился въ нижнюю палату, М. Альфордъ сказалъ: „Откроемъ наши протоколы и посмотримъ, что въ нихъ заключается. Что такое верховная власть? По Бодэну, это власть, свободная отъ всякихъ условій. Слѣдовательно, мы будемъ признавать двѣ власти: одну—законную, другую—королевскую. Дадимъ королю то, что даетъ ему законъ, и больше ничего“. „Я не въ состояніи“, — сказалъ М. Пимъ, — „говорить объ этомъ вопросѣ, ибо не знаю, въ чемъ онъ состоитъ. Наше прошеніе ссылается на законы Англии. Здѣсь дѣло идетъ о власти, отличной отъ власти законовъ: гдѣ она? Ея нѣтъ нигдѣ—ни въ Великой Хартіи, ни въ какомъ-либо статутѣ: гдѣ-жъ намъ ее взять, чтобы дать?“ „Если мы примемъ это смягченіе билля“, — сказалъ сэръ Томасъ Уэнтвортъ, — „мы оставимъ дѣла въ гораздо худшемъ“

положеніи, нежели въ какомъ ихъ нашли; мы запишемъ въ число законовъ эту верховную власть, которой никогда не знали наши законы“.

Палата держалась крѣпко; публика была въ нетерпѣливомъ ожиданіи. Перы, по слабости своей несмѣвшіе громко требовать свободы, были столько же слабы и для того, чтобъ согласиться безвозвратно на тираннію. Они взяли назадъ свое прибавленіе. Изъ уваженія къ нимъ, на мѣсто ея была поставлена какая-то незначащая фраза, и „прошеніе о правахъ“, принятое обѣими палатами, было торжественно представлено королю, который былъ наконецъ побѣжденъ и обѣщался принять его (28 мая 1628).

Отвѣтъ его былъ неопредѣленный, уклончивый; онъ не подписалъ билля и сказалъ единственно то, чѣмъ палата не хотѣла довольствоваться.

Побѣда ускользала изъ рукъ депутатовъ. Возвратившись въ свою залу, они снова начали работать. Сэръ Джонъ Элліотъ энергически исчислилъ всѣ жалобы націи. Экзекутору приказано было стоять у дверей и не выпускать никого изъ членовъ, подъ страхомъ тюремнаго заключенія. Рѣшено было представить королю порицаніе отъ лица всей палаты. Составленіе этого акта было возложено на комитетъ субсидій.

Нѣкоторые начинали чувствовать страхъ—этотъ честный страхъ, который рождается при видѣ великихъ смуть и который не разбираетъ уже, кто правъ, кто виноватъ и что должно дѣлать, но хочетъ остановить людей въ ту самую минуту, когда они готовы кинуться другъ на друга. Элліота стали обвинять въ личной враждѣ, Томаса Уэнтворта—въ безразсудствѣ; про Эдуарда Кука заговорили, что онъ всегда грубъ и упрямъ. Король увидѣлъ въ этомъ расположеніи средство остановить противодѣйствіе, даже, быть можетъ, поворотить его назадъ. Онъ запретилъ палатѣ вмѣшиваться впредь въ государственныя дѣла.

Вся палата пришла въ уныніе: это ужъ было слишкомъ. Самые умѣренныя сочли это за оскорбленіе. Всѣ молчали. „Должно быть, очень велики наши грѣхи“,—сказалъ Сэръ Джонъ Элліотъ,—„Богу извѣстно, съ какою любовію, съ какимъ усердіемъ старались мы смягчить сердце короля! Нѣтъ сомнѣнія, какіе-нибудь лживые доносы навлекли на насъ съ его стороны такое неудовольствіе. Говорятъ, мы бросили нѣкоторую тѣнь подозрѣнія на министровъ его величества. Какъ бы дорогъ ни былъ его министръ, онъ не можетъ...“

При этихъ словахъ, ораторъ внезапно поднялся съ креселъ и, зарыдавъ, сказалъ: „Я имѣю приказаніе заставлятъ молчать всякаго, кто станетъ худо говорить про министровъ короля.“ Сэръ Джонъ сѣлъ на свое мѣсто.

„Если намъ нельзя говорить объ этихъ вещахъ въ парламентѣ“,—сказалъ сэръ Додлей Диггзъ,—„встанемъ и уйдемъ или будемъ сидѣть здѣсь праздыми и нѣмыми.“ Всѣ молчали.

Наконецъ Натаніель Ричъ вскричалъ: „Мы должны говорить теперь, или никогда! Намъ неприлично молчать въ такую минуту. Молчаніе можетъ спасти насъ; но оно губитъ государя и государство. Пойдемъ къ лордамъ, объявимъ имъ о нашей опасности и сообща сдѣлаемъ королю наши представленія.“

Въ одно мгновеніе палата перешла отъ онѣмѣнія къ негодованію. Всѣ члены встали съ своихъ мѣстъ, всѣ заговорили разомъ. „Король добръ“,—сказалъ М. Киртонъ,—„никогда еще не было такого добраго короля. Это враги государства вооружили его противъ насъ; но Богъ по-

шлетъ намъ, я твердо увѣренъ, сердца, руки и шпаги, чтобъ перерѣзать враговъ короля и нашихъ.“ — „Это не король, а герцогъ говоритъ намъ: не мѣшайте въ государственныя дѣла“, — прервалъ старый Кокъ. „Онъ! онъ!“, — раздалось со всѣхъ сторонъ. Ораторъ всталъ съ кресла, безпорядокъ увеличивался, и никто не думалъ прекращать его. Благоразумнымъ людямъ нечего было сказать, ибо негодованіе бываетъ иногда законнымъ даже въ глазахъ тѣхъ, кто никогда не раздражается.

Пока палата, среди этого смятенія задумывала самыя сильныя мѣры, ораторъ незамѣтно вышелъ и поспѣшно отправился къ королю, чтобъ увѣдомить его объ опасномъ положеніи дѣлъ. Страхъ перешелъ изъ палаты во дворецъ. На другой день прислано было болѣе кроткое объясненіе того посланія, которое произвело такое раздраженіе; но словами не довольствовались. Палата оставалась въ сильномъ волненіи. Тамъ говорили, что, по проискамъ Буккингэма, уже собраны нѣмецкія войска и что скоро они высадятся на англійскій берегъ. Одинъ изъ членовъ утверждалъ, что двѣнадцать нѣмецкихъ офицеровъ пріѣхали вчера въ Лондонъ и два англійскіе корабля получили приказаніе перевозить солдатъ. Вопросъ о субсидіяхъ еще не былъ рѣшенъ. Карлъ и его любимецъ побоялись раздражать долѣе палаты, которыхъ сила съ каждымъ днемъ возрастала. Оба они были увѣрены, что полное принятіе прошенія о правахъ совершенно успокоитъ всѣхъ. Король явился въ палату перовъ, куда собрались также и депутаты (7 іюня 1628). „Напрасно“, — сказалъ онъ, — „въ его первомъ отвѣтѣ предполагали какую то заднюю мысль; онъ готовъ дать такой отвѣтъ, который разсѣетъ всякое подозрѣніе“. Прошеніе было прочитано снова, и Карлъ отвѣчалъ обычной формулой: „Да будетъ по желанію“.

Нижняя палата торжествовала. Наконецъ вырвано было у короля торжественное признаніе правъ англійскаго народа! Надобно было придать этому событію всю возможную гласность: положили напечатать прошеніе о правахъ вмѣстѣ съ послѣднимъ отвѣтомъ короля, для распространенія въ народѣ, и заявить ихъ не только въ протоколахъ обѣихъ палатъ, но также и въ вестминстерскихъ судахъ. Билль о субсидіяхъ былъ окончательно принятъ. Карлъ видѣлъ конецъ своимъ испытаніямъ: „Я сдѣлалъ все, что отъ меня зависитъ“, — сказалъ онъ, — „если этотъ парламентъ кончится не благополучно, виноваты будете вы; меня отнынѣ ни въ чемъ не могутъ упрекать“.

Но старое зло не вылечивается такъ скоро, и честолюбіе раздраженнаго народа не удовлетворяется первымъ успѣхомъ. Одного подтвержденія билля о правахъ было очевидно недостаточно: этимъ совершена была реформа только въ началахъ. Безъ реформы самаго примѣненія, она ничего не значила: а чтобъ обезпечить реформу примѣненія, нужно было переимѣнить министровъ. Между тѣмъ Буккингэмъ стоялъ по прежнему твердо, а король попрежнему собиралъ таможенныя пошлины, не спрашиваясь парламента. Опытъ научилъ палату, какъ опасно медлить. Страсть мѣшала ей видѣть опасность слишкомъ наглой и грубой требовательности, гордость и ненависть присоединялись къ инстинкту необходимости, и палата рѣшилась на послѣдній ударъ. Въ одну недѣлю составлены были двѣ новыя ремонстраціи: одна противъ герцога, другая — для установленія того, что таможенныя пошлины, какъ и всякій налогъ, должны быть взимаемы не иначе, какъ въ силу законовъ.

Король потерялъ терпѣніе и, рѣшившись дать себѣ, по крайней мѣрѣ, нѣкоторый отдыхъ, явился въ палату перовъ, призвалъ туда депутатовъ и отсрочилъ засѣданія парламента (26 іюня 1628).

Черезъ два мѣсяца герцогъ Буккингемскій былъ умерщвленъ (23 авг.). Въ шляпѣ его убійцы, Фельтона, нашли зашитую бумагу, которая напоминала послѣднюю ремонтрацію палаты. Фельтонъ не бѣжалъ, не оправдывался; говорилъ просто, что онъ считалъ герцога врагомъ королевства, качалъ головой, когда его спрашивали о сообщникахъ, и умеръ спокойно, сознавшись, впрочемъ, въ своей виновности.

Карла смутило это страшное убійство, а радость, которую показала при этомъ чернь, привела его въ негодованіе. По закрытіи засѣданія, онъ думалъ было сдѣлать снисхожденіе общественному мнѣнію: велѣлъ замолчать проповѣдникамъ слѣпого повиновенія, и принялъ нѣкоторыя строгія мѣры противъ папистовъ, этихъ вѣчныхъ жертвъ, обреченныхъ мирить короля съ народомъ. Умерщвленіе Буккингэма, въ которомъ народъ видѣлъ свое освобожденіе, привело короля къ прежней тиранніи. Онъ возвратилъ свои милости противникамъ парламента: докторъ Монтегъ, котораго преслѣдовала нижняя палата, сдѣланъ былъ епископомъ чечестерскимъ. Докторъ Мануэрингъ, котораго верхняя палата осудила, получилъ доходное мѣсто. Епископъ Лодъ, пресловутый поборникъ королевской и церковной власти, поставленъ былъ на епархію въ Лондонъ. Общественныя мѣры соотвѣтствовали придворнымъ милостямъ: таможенныя пошлины были взимаемы строго; исключительные трибуналы попрежнему стали нарушать теченіе законовъ. Незамѣтно воротившись на путь деспотизма, Карлъ могъ обѣщать себѣ еще большій успѣхъ. Ему удалось отнять у народной партіи самага блистательнаго изъ ея представителей, самага краснорѣчиваго изъ ея ораторовъ: сэръ Томасъ Уэтвортъ сдѣланъ барономъ и вступилъ въ государственный совѣтъ, несмотря на упреки и даже на угрозы своихъ прежнихъ друзей. „Я вамъ назначаю свиданіе въ вестминстерской залѣ“,—сказалъ ему М. Пямъ, при послѣднемъ прощаніи. Но честолюбивый и гордый Уэтвортъ съ увлеченіемъ страсти устремился къ почестямъ, не предвидя того, до какой степени сдѣлается онъ впослѣдствіи ненавистенъ друзьямъ свободы. За его отпаденіемъ послѣдовали другія измѣны. И Карлъ, окруженный новыми совѣтниками, болѣе серьезными, болѣе искусными и не столько очерченными, какъ Буккингэмъ, безъ страха ждалъ вторичныхъ засѣданій парламента (20 янв. 1629).

Лишь только засѣданіе было открыто, депутаты захотѣли знать, какое исполненіе дано было биллю о правахъ (21 янв. 1629). Они удостовѣрились, что къ нему былъ присоединенъ не второй отвѣтъ короля, а первый, уклончивый и отвергнутый. Королевскій типографщикъ Нортонъ сознался, что, на другой день по закрытіи парламента, онъ получилъ приказаніе измѣнить текстъ и уничтожить всѣ экземпляры, заключавшіе въ себѣ настоящій отвѣтъ—тотъ отвѣтъ, которымъ хвастался Карлъ, говоря: „Я сдѣлалъ все, что отъ меня зависитъ; отнынѣ меня не въ чемъ болѣе упрекать“.

Депутаты приказали принести бумаги, удостовѣрились въ подмѣнѣ текста и ни слова не сказали о немъ, какъ бы стыдясь раскрывать такой подлогъ; но по ихъ молчанію нельзя было заключать, что они забудутъ о немъ.

Снова поднялся ропотъ противъ терпимости въ отношеніи къ папистамъ, противъ снисхожденія къ ложнымъ ученіямъ, противъ ослабленія нравственности, противъ неправильной раздачи чиновъ и мѣстъ, противъ исключительныхъ судовъ, противъ презрѣнія правъ народныхъ.

Такъ велико было негодованіе палаты, что одинъ разъ, она, среди всеобщей тишины и съ благосклоннымъ вниманіемъ, выслушала челоуѣка, совершенно неизвѣстнаго, дурно одѣтаго, грубаго съ вида, который заговорилъ въ первый разъ, какъ бѣшенный и плохимъ языкомъ, жалуясь на снисходительность одного епископа къ какому-то неизвѣстному проповѣднику. „пошлomu паписту“, какъ онъ выражался. Это былъ Оливеръ Кромвель.

Напрасно карль старался добиться отъ палаты уступки таможенныхъ пошлинъ, что было для него единственною цѣлью новаго собранія. Онъ употреблялъ и угрозы и кроткія убѣжденія, сознавался, что получилъ эти пошлины, какъ и всѣ другіе государи, въ даръ отъ своего народа и что установленіе ихъ зависитъ единственно отъ парламента, но въ то же время требовалъ, чтобъ онѣ были предоставлены ему на все время его царствованія, подобно тому, какъ были предоставлены большей части его предшественниковъ. Палата была непоколебима: это было единственное оружіе, которое оставалось у ней, чтобъ защищаться противъ неограниченной власти. Извиняясь въ своемъ отказѣ, она продолжала упорствовать въ немъ и высказывала свое недовольство, но уже безъ опредѣленнаго предмета, безъ ясныхъ и точныхъ требованій, какія были предъявлены ею въ предшествующемъ засѣданіи: она предавалась сильному, но неопредѣленному волненію, чувствуя зло, но не зная, какъ помочь ему. Это начинало утомлять короля. Ему отказывали въ его просьбѣ, но не представляли въ замѣнъ никакой своей просьбы, не дѣлали никакого предложенія, которое бы онъ могъ отвергнуть, или принять. Во всемъ этомъ была видна просто вражда къ нему, явное намѣреніе дѣйствовать ему на перекоръ. Объявлено было, что король хочетъ отсрочить засѣданія палаты. Сэръ Джонъ Эллиотъ поспѣшилъ предложить новую ремонстрацію противъ взиманія пошлинъ (2 марта 1629). Ораторъ, ссылаясь на приказаніе государя, отказался пустить ее на голоса. Депутаты настаивали на своемъ. Онъ всталъ съ кресла. Голлизъ, Валентинъ и другіе члены насильно усадили его, несмотря на усилія друзей двора вырвать его изъ рукъ ихъ. „Клянусь Богомъ“,—говорилъ ему Голлизъ,—„вы будете сидѣть до тѣхъ поръ, пока палатѣ не угодно будетъ разойтись“.—„Не хочу, не могу, не долженъ!“—кричалъ ораторъ. Но уже страсти были неудержимы: оратора заставили сѣсть. Когда королю донесли объ этой тревогѣ, онъ приказалъ удалить экзекутора съ жезломъ изъ палаты, чѣмъ, по закону, прекращались всякія разсужденія: экзекутора насильно оставили, такъ же, какъ и оратора. У него отняли ключи отъ залы: ихъ взялся держать одинъ изъ членовъ, Майльзъ Гобертъ. Король прислалъ второе посланіе, объявлявшее, что парламентъ распускается; но двери были заперты изнутри, и посланный короля не могъ войти. Взбѣшенный этимъ, Карль позвалъ капитана своей гвардіи и приказалъ ломать двери. Но въ это время депутаты уже разошлись, принявши протестацію, которая признавала взиманіе таможенныхъ пошлинъ незаконнымъ и объявляла измѣнникомъ каждаго, кто станетъ собирать ихъ, и даже того, кто согласится платить.

Съ этихъ поръ всякое сближеніе было невозможно: король вошелъ въ палату перовъ (10 марта 1629). „Никогда“,—сказалъ онъ—„не вошелъ я сюда въ болѣе непріятныхъ обстоятельствахъ: я пришелъ распустить парламентъ. Единственная причина этого—возмутительное поведеніе нижней палаты. Не хочу обвинять всѣхъ: знаю, что въ этой палатѣ есть много честныхъ и вѣрныхъ подданныхъ. Они обмануты или запуганы нѣсколькими измѣнниками. Злоумышленники получаютъ должное. Что касается до васъ, лорды верхней палаты, вы можете рассчитывать на всякое покровительство и милость, какую добрый король долженъ оказывать своему дворянству“. Распущеніе парламента было рѣшено. Черезъ нѣсколько времени вышло объявленіе слѣдующаго содержанія: „Неблагодарные люди распускаютъ слухъ, будто бы скоро будетъ собранъ парламентъ. Его величество доказалъ ясно, что онъ не питаетъ ни малѣйшаго отвращенія къ парламентамъ; но ихъ послѣднія выходки вынудили его перемѣнить образъ дѣйствій. Отнынѣ онъ будетъ считать за личное оскорбленіе всякія рѣчи, всякіе поступки, клонящіеся къ тому, чтобъ предписывать ему какой бы то ни было опредѣленный срокъ для созванія новыхъ парламентавъ“.

Карлъ сдержалъ слово и сталъ управлять одинъ.

КНИГА ВТОРАЯ.

Намѣренія короля и его совѣта.—Преслѣдованіе главныхъ членовъ парламента.—Наружное равнодушіе Англіи.—Борьба министровъ съ дворомъ.—Королева.—Страффордъ.—Лодъ.—Разнохарактерный составъ правительства и недовѣріе къ нему.—Притѣсненія гражданскія и религіозныя.—Дѣйствіе ихъ на разные классы народа.—Процессъ Прейна, Бортонна и Бэствика; процессъ Гемдена.—Возстаніе Шотландіи.—Первая война съ шотландцами.—Миръ бервикскій.—Короткій парламентъ 1640 г.—Вторая война съ шотландцами.—Плохой ея успѣхъ.—Созваніе долгаго парламента.

1629—1640.

Ничего не можетъ быть опаснѣе, какъ избрать извѣстную систему управленія, такъ сказать, въ видѣ опыта, и притомъ съ скрытою мыслию, что ее всегда можно измѣнить. Карлъ сдѣлалъ подобную ошибку. Онъ пытался управлять вмѣстѣ съ парламентомъ, но постоянно былъ убѣжденъ и непрерывно повторялъ, что если парламентъ будетъ слишкомъ неуступчивъ, то онъ съумѣетъ обойтись и безъ него. Съ тѣмъ же легкомысліемъ вступилъ онъ и на поприще самовластиа, гласно объявляя, что будетъ слѣдовать по этому пути, хотя и думалъ втайнѣ, что если обстоятельства станутъ слишкомъ тѣснить его, онъ всегда успѣетъ прибѣгнуть къ парламенту.

Такъ полагали и самые умные изъ его совѣтниковъ. Ни Карлъ и никто изъ окружающихъ его тогда еще не задумывали уничтожать навсегда старыхъ законовъ Англіи, великаго совѣта народнаго. Ихъ слова, ихъ дѣйствія, болѣе самонадѣянныя, чѣмъ злонамѣренныя, шли дальше цѣли, которая была въ ихъ мысляхъ. „Король“,—говорили они,—„показалъ себя справедливымъ и добрымъ къ народу. Онъ многое позволилъ, многое даровалъ ему“. Однако жъ для парламента все было мало: онъ хотѣлъ совершенно подчинить себѣ короля, взять его подъ свою опеку, и король не могъ уступить, не переставъ быть королемъ. Когда государь и парламентъ не могли согласиться, то уступить долженъ былъ парламентъ, потому что король есть единственный властитель всей страны. Но палата не хотѣла уступить; а потому слѣдовало править безъ нея. Необходимость этого очевидна. Равно ли, поздно ли, народъ пойметъ это, и тогда король, видя, что парламентъ сталъ скромнѣе, вновь можетъ, если понадобится, созвать его.

Еще болѣе недалёковидности обнаружилъ дворъ, полагавшій, что распушеніе парламента развяжетъ ему руки. Передъ лицомъ народныхъ представителей, придворнымъ было какъ-то неловко: никто изъ нихъ не осмѣливался гоняться нагло за счастіемъ или открыто наслаждаться своимъ вліяніемъ. Затруднительное положеніе власти стѣсняло интриги и бросало тѣнь печали на празднества въ Уайтгаллѣ. Король былъ

озабоченъ, королева напугана. Но лишь распустили парламентъ и всѣ эти опасенія, всѣ эти преграды исчезли: мелочное величіе стало блистать попрежнему, и лакейское честолюбіе снова получило прежнюю свободу. Дворъ и не требовалъ бѣльшаго: онъ мало заботился о томъ, измѣнялся ли, въ угоду ему, образъ правленія.

Народъ судилъ иначе: распущеніе парламента было въ его глазахъ вѣрнымъ признакомъ глубоко обдуманнаго, твердаго намѣренія совершенно уничтожить парламенты. Едва разошлась нижняя палата, какъ уже въ Гэмптонкортѣ, въ Уайтгаллѣ, повсюду, гдѣ собирался дворъ, паписты, явные и тайные, проповѣдники и служители абсолютизма, люди, преданные удовольствіямъ или интригамъ и равнодушные ко всякимъ убѣжденіямъ, поздравляли другъ друга съ общимъ торжествомъ; между тѣмъ въ Тоуэрѣ и въ главныхъ темницахъ Лондона и графствъ содержались защитники правъ народныхъ, подвергаясь презрѣнію, грубостямъ. Ихъ обвиняли за то, что они говорили или дѣлали въ священныхъ стѣнахъ парламента. Они напоминали о своихъ привилегіяхъ, требовали освобожденія съ отдачей на поруки. Судьи колебались; но король приказалъ судьямъ и жалобы заключенныхъ были отвергнуты. Они не теряли мужества въ этомъ тяжкомъ испытаніи. Бѣльшая часть изъ нихъ отказались признать себя въ чемъ-либо виновными и заплатить пеню, къ которой были присуждены. Они лучше хотѣли остаться въ тюрьмѣ. Джону Эллиоту суждено было даже умереть тамъ.

Въ теченіе всего этого процесса общественное неудовольствіе возростало и безъ страха обнаруживалось. Это было какъ бы продолженіемъ парламента, который, побѣжденный и распущенный, все еще боролся предъ судомъ народа, въ лицѣ вождей своихъ. Твердость обвиненныхъ подкрѣпляла негодованіе народа. Онъ видѣлъ, какъ они ходили изъ Тоуэра въ Вестминстеръ и обратно, и провожалъ ихъ кликами и привѣтствіями. Замѣтное безпокойство судей поддерживало даже нѣкоторыя надежды. Говорили, что все потеряно, а между тѣмъ продолжали надеяться и страшиться, какъ это всегда бываетъ среди борьбы.

Наконецъ эти важные процессы кончились. Обвиненныхъ постарались запугать или обмануть, и нѣкоторые изъ нихъ заплатили пеню. Имъ позволено было жить не ближе, какъ въ десяти миляхъ отъ королевскаго мѣстопребыванія, и они спѣшили скрыть въ графствахъ свою слабость. Благородная неуступчивость другихъ гнула даромъ въ глубинахъ темницъ. Народъ, ничего болѣе не видя и не слыша, замолкъ, исчезъ въ свою очередь. Правительство, не встрѣчая болѣе противниковъ, стало считать себя господиномъ народа, отъ котораго оно отдѣлилось. Карлъ успѣшилъ заключить миръ съ Франціей (14 апрѣля 1629) и Испаніей (5 ноября 1630) и остался внутри безъ соперниковъ, извнѣ безъ враговъ.

Нѣкоторое время ему легко было править. Граждане обратились исключительно къ своимъ частнымъ интересамъ. Не было важныхъ преній; никакихъ волненій не замѣчалось ни между дворянами въ ихъ собраніяхъ по графствамъ, ни между гражданами въ собраніяхъ муниципальных, ни между матросами въ гаваняхъ, ни между рабочими въ мастерскихъ. Не то, чтобъ нація впала въ апатію: дѣятельность ея приняла только другое направленіе. Можно было сказать, что въ трудѣ она силилась забыть ударъ, нанесенный ея свободѣ. Абсолютизмъ Карла, надменнаго, но безпечнаго, почти не тяготилъ народа при этомъ новомъ

положеніи дѣлъ. Государь этотъ не питалъ обширныхъ замысловъ, не сгоралъ жаждою славы и опасностей; ему достаточно было наслаждаться, съ подобающимъ величіемъ, своею властью и своимъ саномъ. Миръ позволялъ ему не требовать отъ народа тяжкихъ жертвъ. Народъ предавался земледѣлію, торговлѣ, наукамъ. Его не тревожила честолюбивая и безпокойная тираннія и не вредила его интересамъ. Всеобщее благосостояніе также развивалось быстро; порядокъ царствовалъ повсюду между гражданами, и, судя по этому правильному, цвѣтущему состоянію народа, нельзя было не заключить о мудрости правительства и смиренной покорности подданныхъ.

Но близъ трона, и именно среди его служителей, возникли новыя затрудненія для правительства. Когда уже казалось, что борьба короля съ народомъ кончена, явились двѣ партіи—королева и министры, дворъ и государственный совѣтъ—которыя вступили въ споръ за новопріобрѣтенную власть.

Едва успѣвши пріѣхать въ Англію, королева уже нисколько не скрывала, какую скуку наводило на нее новое отечество. Религія, учрежденія, обычаи, языкъ—все ей не нравилось; она даже, вскорѣ послѣ брака, начала выказывать, въ обращеніи съ мужемъ, дѣтскую заносчивость, и Карлъ, доведенный до крайности разными капризными ея выходками, принужденъ былъ отослать на твердую землю нѣкоторыхъ изъ служителей, пріѣхавшихъ съ нею. Только удовольствіе царствовать могло утѣшать ее въ разлукѣ съ Франціей, и на это устремила она всѣ свои мысли, лишь только перестала бояться парламента. Женщина съ умомъ пріятнымъ и живымъ, она вскорѣ пріобрѣла надъ юнымъ королемъ, отличавшимся чистотою нравовъ, сильное вліяніе, которому онъ подчинился съ нѣкотораго рода благодарностію, какъ бы тронутый тѣмъ, что она наконецъ примирилась съ своимъ положеніемъ. Но блаженство домашней жизни, столь дорогое степенному Карлу, не могло придтись по душѣ легкомысленной, безпокойной и безчувственной Генріеттѣ-Маріи: ей нужно было владычество, всѣми признанное, прихотливое; она хотѣла все знать, всѣмъ распоряжаться; ей нужна была, наконецъ, такая власть, какую любятъ капризныя женщины. Около нея собирались съ одной стороны паписты, съ другой мелочныя честолюбцы, охотники до интригъ, молодые придворные, которые въ Парижѣ изучили тайну нравиться ей. Тѣ и другіе признавали непереложную истину, что только отъ нея одной могутъ они ожидать—одни своего счастья, другіе—торжества, или, по крайней мѣрѣ, возстановленія своего вѣроисповѣданія. Въ ея домѣ собирались католики и миссіонеры изъ Рима, чтобы толковать о своихъ сокровеннѣйшихъ надеждахъ. Здѣсь ея любимцы щеголяли идеями, нравами, модами дворовъ твердой земли. Все было здѣсь чуждо и оскорбительно для вѣрованій и привычекъ Англіи; каждый день появлялись проекты и требованія, которымъ можно было удовлетворить только незаконными мѣрами или незаслуженными милостями. Королева вмѣшивалась въ эти интриги, ругаясь за ихъ успѣхъ, требовала того же отъ короля и хотѣла даже, чтобъ онъ, будто бы для приданія ей большей важности въ глазахъ народа, совѣтовался съ нею во всякихъ случаяхъ и ничего не предпринималъ безъ ея согласія. Если король не исполнялъ ея желаній, она съ запальчивостью укоряла его, что онъ не умѣетъ ни любить, ни царствовать, и Карлъ думалъ тогда только о томъ, какъ бы разсѣять ея гнѣвъ.

и печаль, счастливый уже тѣмъ, что она такъ сильно заботится объ его власти и о любви его.

Самые раболѣпные совѣтники короля съ трудомъ и не безъ сопротивленія подчинились этимъ капризамъ. Двое изъ нихъ, люди неглупые, независимые по убѣжденіямъ и притомъ преданные королю, хотѣли, однако-жь, служить ему не такъ, какъ требовали причуды женщины и претензіи двора.

Оставляя свою партію, чтобы присоединиться къ королю, Страффордъ не жертвовалъ никакими опредѣленными убѣжденіями и не измѣнялъ своей совѣсти. Честолюбивый, страстный, онъ былъ прежде патриотомъ болѣе изъ ненависти къ Буккингэму, изъ жажды славы, изъ желанія развернуть въ полномъ блескѣ свои дарованія и силы, нежели изъ честнаго и глубокаго убѣжденія. Властвовать, дѣйствовать, возвышаться—вотъ въ чемъ была его дѣль, или, лучше, потребность его натуры. Начавши служить королю, онъ полюбилъ его власть, какъ нѣкогда любилъ народную свободу, полюбилъ серьезно, гордо, какъ министръ искусный и строгій, а не какъ вѣтренный придворный низкопоклонникъ. Обширный умъ не допускалъ его замкнуться въ тѣсномъ кругу домашнихъ интригъ, а возвышенная гордость не позволяла покориться условнымъ приличіямъ двора. Онъ принялся за дѣла съ страстнымъ увлеченіемъ, одолевая всякое соперничество, уничтожая всякое сопротивленіе, съ жаромъ распространяя и утверждая королевскую власть, нераздѣльную съ его собственною властью, но въ то же время стараясь возстановить порядокъ, уничтожить злоупотребленія, ослабить частные интересы, которые онъ считалъ незаконными, и послужить общимъ интересамъ, которыхъ не опасался. Хотя онъ былъ неукротимый деспотъ, однако-жь въ сердцѣ его не совсѣмъ исчезла любовь къ отчизнѣ, къ ея счастію и славѣ, и онъ понималъ, на какихъ условіяхъ, какими средствами покупается неограниченная власть. Администрація произвольная, но сильная, послѣдовательная, трудолюбивая, презирающая права народныя, но пекущаяся о благосостояніи общественномъ, чуждая мелкихъ злоупотребленій, подчиняющая своей волѣ и своимъ видамъ знатныхъ наравнѣ съ простолюдинами, дворъ наравнѣ съ народомъ—была его душевнымъ желаніемъ, главнымъ характеромъ его дѣятельности, который онъ старался сообщить всему королевскому правленію.

Другъ Страффорда, архіепископъ Лодъ, одушевляемый страстями не столь земными, энтузіазмомъ болѣе безкорыстнымъ, вносилъ въ государственный совѣтъ тѣ же самыя чувства, тѣ же намѣренія. Отличаясь строгостью нравовъ, простотою въ образѣ жизни, онъ былъ фанатическимъ защитникомъ власти, была ли она въ рукахъ у него самого, или у другихъ. Предписывать и наказывать—значило, по его мнѣнію, возстановлять порядокъ; а порядокъ онъ всегда принималъ за правосудіе. Дѣятельность его была неутомима, но зато узка, насильственна и жестока. Будучи равно неспособенъ щадить чужіе интересы и уважать права, онъ безъ разбора преслѣдовалъ и право и злоупотребленіе, опираясь на свою строгую честность или увлекаясь слѣпою ненавистью. Рѣзкій и сердитый съ придворными и съ гражданами, незаискивавшій ничьей дружбы, не предполагавшій и ветерпѣвшій никакого сопротивленія, увѣренный, наконецъ, что власть въ рукахъ чистаго человѣка непогрѣшительна, онъ былъ постоянно жертвою какой-нибудь исключительной мысли, которая овладевала имъ съ увлеченіемъ страсти и въ то же время со всею силою долга.

Лучше такихъ совѣтниковъ и не нужно было Карлу при его новомъ положеніи. Чуждые двору, они мало заботились, чтобъ ему нравиться, а болѣе старались служить своему повелителю. Они были упорны, смѣлы, способны къ труду и преданы. Едва Ирландія была ввѣрена Страффорду, какъ это королевство, бывшее до тѣхъ поръ для короны только бременемъ, сдѣлалось источникомъ богатства и силы. Государственные долги были уплачены, доходъ, прежде безтолково собираемый и расхищаемый безстыдно, былъ устроенъ правильно и вскорѣ превысилъ расходы; сильные владѣльцы перестали безнаказанно истощать народъ, а разные аристократическіе и религіозные кружки—терзать другъ друга по произволу, какъ это было прежде. Армія, которую Страффордъ засталъ слабою, неодѣтою, забывшею дисциплину, была пополнена, приучена къ строгой дисциплинѣ, начала получать жалованье и перестала грабить жителей. Подъ кровомъ порядка процвѣла торговля, завелись мануфактуры, подвинулось земледѣліе. Однимъ словомъ, Ирландія была управляема хотя самовластно, сурово, часто даже съ ненавистною жестокостью, но все-таки въ интересахъ цивилизаціи и королевской власти, между тѣмъ, какъ прежде она была добычею жадныхъ чиновниковъ казначейства и рабою невѣжественной и себялюбивой аристократіи.

Лодъ, облеченный въ Англіи, относительно гражданскихъ дѣлъ, не столько обширною и менѣе сосредоточенною властью, нежели какую имѣлъ Страффордъ въ Ирландіи, и притомъ не столь даровитый, какъ его другъ, шелъ, однако-жъ, одной съ нимъ дорогой. Будучи лордомъ, комиссаромъ казначейства, онъ не только уничтожилъ хищничество, но старался изучить различныя отрасли государственныхъ доходовъ и найти средства сдѣлать сборъ ихъ менѣе обременительнымъ для народа. Важныя злоупотребленія, ненавистныя прижимки, служившія только для пользы частныхъ интересовъ, вкрались въ таможенное управленіе. Лодъ принималъ жалобы отъ купцовъ, самъ въ свободное время толковалъ съ ними, вникалъ въ общіе интересы торговли и освободилъ ее отъ притѣсненій, неприносившихъ выгоды казнѣ. Впослѣдствіи должность государственнаго казначея, по его совѣту, была поручена Джуксону (Juxon), епископу лондонскому, человѣку трудолюбивому и воздержному. Онъ прекратилъ беспорядки, отъ которыхъ равно страдали и казна и граждане. Лодъ былъ убѣжденъ, что для пользы короля и церкви позволительно даже угнетать народъ и подавать самыя несправедливыя совѣты; но, когда дѣло не касалось ни церкви, ни короля, онъ хотѣлъ добра, искалъ истины и поддерживалъ ихъ, не заботясь о своей безопасности и не обращая ни на кого вниманія.

Такое правительство, честное, внимательное, подчасъ жестокое и нехотѣвшее слышать ни о какой отвѣтственности, было недостаточно для народа; а дворъ тяготился имъ. Любимцы могутъ имѣть при такомъ правленіи успѣхъ. Если они встрѣчаютъ непріятелей, за то находятъ и друзей, и въ этомъ столкновеніи личныхъ интересовъ ловкій интриганъ съ успѣхомъ можетъ поставить тѣхъ, кому служить, противъ тѣхъ, которыхъ оскорбляетъ. Таковъ былъ Буккингэмъ. Но кто хочетъ управлять, самовластно или по законамъ, въ интересахъ государя или народа, тотъ непременно долженъ ожидать ненависти со стороны придворныхъ. Такая ненависть возникла противъ Страффорда и Лода, и притомъ болѣе задорная, нежели ненависть народа. Уже при первомъ появленіи Страффорда

въ Уайтгаллѣ, насмѣшливая улыбка встрѣтила внезапное возвышеніе и немножко угловатыя манеры провинціального дворянина, почти ничѣмъ неизвѣстнаго, кромѣ своей оппозиціи въ парламентѣ. Строгая нравственность, теологическій педантизмъ, неразборчивыя выходки Лода также пришлись всѣмъ не по сердцу. Оба они были горды, нелюбезны, неснисходительны, презирали интриги, проповѣдывали экономію въ расходахъ, говорили о дѣлахъ и нуждахъ, о которыхъ придворные вовсе не думаютъ. Королева возненавидѣла ихъ, потому—что они мѣшали ея вліянію на короля; высшая аристократія оскорблялась ихъ могуществомъ, и вскорѣ весь дворъ соединился съ народомъ, чтобъ напасть на нихъ, крича объ ихъ самоуправствѣ.

Карлъ не покинулъ ихъ; онъ былъ увѣренъ въ ихъ способности и преданности. Правила ихъ были для него совсѣмъ хороши; а къ глубокому благочестію Лода онъ питалъ уваженіе, смѣшанное даже съ нѣкоторою привязанностью; но, оставляя ихъ на своей службѣ, наперекоръ придворнымъ, онъ былъ не въ состояніи подчинить дворъ ихъ власти. Не любя шутить своими чувствами и храня степенную важность во внѣшней жизни, онъ былъ въ сущности человѣкъ легкомысленный и не могъ понять всѣхъ трудностей, съ какими сопряжена неограниченная власть, требующая, чтобъ все приносилось ей въ жертву. Онъ думалъ, что права королевскаго сана освобождаютъ его отъ всякихъ усиленныхъ трудовъ. Онъ регулярно и внимательно занимался государственными дѣлами въ совѣтѣ; но, какъ только обязанность эта оканчивалась, они уже не занимали болѣе его мыслей. Онъ не столько чувствовалъ необходимость управлять, сколько удовольствіе властвовать. Хорошее или дурное расположеніе духа королевы, обычай двора, права и преимущества придворныхъ чиновъ казались ему столь важнымъ дѣломъ, что онъ не хотѣлъ забывать ихъ ради политическихъ интересовъ своей короны. Отсюда рождалось для министровъ множество мелкихъ, но непрерывныхъ затрудненій, подъ тяжестью которыхъ король преспокойно оставлялъ ихъ, думая, что все его дѣло состоитъ въ томъ только, чтобъ удерживать ихъ на мѣстахъ, и что для нихъ больше ничего и не надобно. На нихъ была возложена неограниченная исполнительная власть; а между тѣмъ у нихъ не было довольно силы, чтобъ поддержать себя, когда имъ приходилось потребовать какой-нибудь домашней жертвы, какой-нибудь мѣры, противной формамъ и правиламъ Уайтгалля. Во время управленія Ирландіею, Страффордъ безпрестанно былъ вызываемъ на объясненія. То онъ говорилъ слишкомъ неуважительно о королевѣ, то жаловалась какая-нибудь значительная фамилія на его гордый тонъ, и онъ долженъ былъ оправдывать свои слова, свои поступки, свой характеръ. Онъ долженъ былъ изъ Дублина отвѣчать на разные намеки, на разные слухи, ходившіе о немъ во дворцѣ, и, однако-жь, отвѣты его не всегда удостоивались довѣрія, которое одно въ состояніи было поддержать его противъ этихъ непредвидимыхъ опасностей и дать ему возможность безъ всякаго страха употреблять въ дѣло свою власть, которую все-таки оставляли въ его рукахъ.

Такимъ образомъ, несмотря на энергію и рвеніе главныхъ совѣтниковъ, несмотря на спокойствіе страны, на нравственную чистоту короля и гордость его языка, правительство не пользовалось ни силой, ни уваженіемъ. Страдая отъ внутреннихъ разногласій, подвергаясь попеременно различнымъ вліяніямъ, то презрительно обходя законы, то уступая самымъ

ничтожнымъ препятствіямъ, оно не представляло никакого плана въ своихъ дѣйствіяхъ и забывало каждую минуту свои собственныя намѣренія. Въ Европѣ оно покинуло дѣло протестантизма и запретило даже лорду Скьюдамору, своему послу въ Парижѣ, посѣщать службу въ реформатской капеллѣ, находя ее не совсѣмъ сообразною съ обрядами церкви англиканской. Между тѣмъ, оно дозволило маркизу Гамильтону набрать въ Шотландіи шеститысячный корпусъ и отправится съ нимъ (въ 1631) на помощь Густаву Адольфу, не предвидя, что они тамъ пропитаются чувствами и вѣрованіями тѣхъ пуританъ, которыхъ преслѣдовала англиканская церковь. Карлъ былъ искренно преданъ новой религіи въ томъ видѣ, какой дали ей Генрихъ VIII и Елизавета; однако-жь, вслѣдствіе нѣжности къ супругѣ, или по духу умѣренности и справедливости, по инстинкту приличій, свойственному абсолютной власти, онъ не только давалъ католикамъ свободу, по тогдашнему времени, незаконную, но даже оказывалъ имъ явную благосклонность. Архіепископъ Лодъ, столь же откровенный, какъ и его государь, писалъ противъ римскаго двора, горячо проповѣдывалъ даже противъ службы, совершаемой въ капеллѣ королевы, и въ то же время обнаруживалъ такую наклонность къ системѣ церкви римской, что папа счелъ возможнымъ предложить ему кардинальскую шляпу. Въ гражданскихъ дѣлахъ господствовала та же неопредѣленность. Не чувствовалось ни твердыхъ намѣреній, ни могучей руки. Самовластіе дѣйствовало торжественно и иногда съ суровою строгостью; но, чтобъ укрѣпить его, нужно было много усилій, много непреклонности, а объ этомъ даже и не думали, такъ что притязанія его болѣе и болѣе превышали средства. Управление государственнаго казначейства отличалось порядкомъ и честностью, король былъ нерасточителенъ; но недостатокъ въ деньгахъ былъ также великъ, какъ если-бъ король былъ расточителенъ и чиновники расхищали казну. Карлъ, не захотѣвшій уступить парламенту, чтобъ получить отъ него деньги, достаточныя для покрытія его издержекъ, считалъ для себя униженіемъ ограничить свои расходы сообразно съ приходомъ. Блескъ трона, придворные праздники, старые обычаи королевскаго двора были въ его глазахъ условіемъ, правомъ, почти обязанностью королевской власти. Онъ не зналъ, какими злоупотребленіями все это поддерживалось, а узнавши, не имѣлъ духа уничтожить ихъ. Такимъ образомъ, хотя миръ избавилъ его отъ чрезвычайныхъ издержекъ, однако-жь онъ былъ не въ состояніи удовлетворить всѣмъ потребностямъ своего управленія. Торговля Англіи процвѣтала; торговый флотъ, съ каждымъ днемъ усиливавшійся въ своемъ составѣ и дѣятельности, требовалъ покровительства отъ королевскаго флота. Карлъ съ увѣренностью обѣщалъ покровительство, даже по временамъ дѣлалъ торжественныя попытки сдержать свое слово; но обыкновенно военные корабли не являлись для конвоя купеческихъ; они часто бывали безъ снастей, а матросы не получали жалованья. Варварійскіе пираты пробирались въ Ламаншъ, даже въ проливъ Св. Георгія, высаживались на берегъ, грабили деревни и тысячами уводили плѣнныхъ. Капитанъ Ренборо, посланный, наконецъ, на берега Марокко, чтобъ разрушить одно изъ ихъ убѣжищъ, нашелъ тамъ 370 рабовъ изъ англичанъ и ирландцевъ. Безсиліе или безпечность правительства дошли до такой степени, что Страффордъ принужденъ былъ на свой счетъ вооружить корабль, чтобъ защитить дублинскій портъ отъ причиняемыхъ ими опустошеній.

Эти опасные недостатки администраціи не укрылись отъ вниманія людей опытныхъ. Иностранвые послы, бывшіе въ Лондонѣ, давали обо всемъ отчеты своимъ государямъ, и вскорѣ, несмотря на извѣстное всемъ благосостояніе Англіи, распространилось мнѣніе, что правленіе Карла слабо, неблагоразумно и непрочно. Въ Парижѣ, Мадридѣ, въ Гаагѣ, съ его посланниками не разъ обходились неуважительно. Страффордъ, Лодъ и другіе совѣтники видѣли зло и старались чѣмъ-нибудь помочь ему. Въ особенности Страффордъ, самый смѣлый и искусный изъ нихъ, горячо боролся съ препятствіями; его тревожило будущее, и онъ желалъ, чтобъ король, управляя твердо и предусмотрительно, обезпечилъ себѣ вѣрный доходъ, заготовилъ хорошо снабженные арсеналы, крѣпости и армію. Онъ не побоялся взять на свою отвѣтственность созваніе прландскаго парламента (въ 1634), и парламентъ — было ли то отъ страха, который внушала Страффордъ, или вслѣдствіе заслугъ, которыя онъ оказалъ государству — явился покорнымъ и полезнымъ орудіемъ его власти. Но Карлъ запретилъ ему созывать парламентъ снова: королева и самъ король пугались одного имени парламента, и этотъ страхъ не позволилъ Страффорду дать абсолютизму формы и поддержку закона. Онъ отставилъ свое намѣреніе, но безуспѣшно, и, наконецъ, уступилъ. Человѣкъ энергическій, онъ принужденъ былъ дѣйствовать подъ игомъ слабаго; его предусмотрительность служила слѣпотѣ. Нѣкоторые изъ совѣтниковъ, хотя и раздѣлявшіе его образъ мыслей, однако-жъ болѣе заботившіеся о своихъ личныхъ выгодахъ или лучше понимавшіе бесполезность своихъ усилій, отдалались отъ него, лишь только приходилось, для его поддержки, вступать въ борьбу, и оставляли его одного съ Лодомъ въ жертву интригамъ и ненависти двора.

Для такого мелочнаго и близорукаго абсолютизма необходимо ежедневное приращеніе абсолютизма. Тираниія Карла была если не самая жестокая, за то самая несправедливая, какую только испытывала когда-либо Англія. Она не могла представить въ свое извиненіе никакой общественной необходимости, никакого блестящаго результата, а, между тѣмъ, для удовлетворенія неизвѣстныхъ нуждъ, для выполненія ни къ чему не ведущихъ повелѣній, оскорбляла древнія права и не удовлетворяла новымъ потребностямъ. Она не обращала вниманія ни на законы, ни на уступки и обѣщанія самого короля, но съ замѣчательнымъ ослѣпленіемъ пускалась на всякія угнетенія, принимала мѣры самыя безразсудныя, самыя незаконныя, и все это не для того, чтобъ обезпечить успѣхъ какой-либо послѣдовательной и сильной системы, а для того, чтобъ мелкими средствами поддержать власть, постоянно находившуюся въ затрудненіи. Тонкіе совѣтники, безпрестанно роясь въ старыхъ протоколахъ, чтобъ отыскать тамъ какой-нибудь примѣръ давно забытой несправедливости, старательно выкапывали злоупотребленія временъ прошедшихъ и возводили ихъ въ права короны. Тотчасъ другіе сотрудники, менѣе ученые, но болѣе смѣлые, обращали эти мнимыя права въ новыя требованія, и, если раздавалась какая жалоба, покорные судьи сѣшили объявить, что корона дѣйствительно владѣла нѣкогда этими преимуществами. А если роялистамъ случалось иногда усомниться въ угодности судей или они хотѣли поберечь ихъ вліяніе, тогда особо учрежденные трибуналы, звѣздная палата, сѣверный судъ и цѣлый рядъ другихъ судовъ, изъятыхъ отъ общаго закона, всегда готовы были замѣнить ихъ, и, такимъ образомъ,

на помощь тираннiи являлось содѣйствiе судей незаконныхъ, лишь только оказывалось недостаточнымъ раболѣпство судей законныхъ. Такъ были восстановлены налоги давно забытые, и придуманы новыя, дотолѣ неизвѣстныя; такъ вновь появились безчисленныя монополiи, введенныя и отмѣненныя Елизаветою, снова принятыя и отвергнутыя Іаковымъ I, постоянно отвергаемыя парламентомъ, уничтоженныя на время самимъ Карломъ, который потомъ, предоставивъ откупщикамъ или привилегированнымъ придворнымъ исключительную продажу большей части жизненныхъ продуктовъ, разорялъ народъ и еще болѣе раздражалъ его несправедливымъ и беспорядочнымъ употребленiемъ пошлинъ, получаемыхъ съ этихъ монополiй. Расширенiе королевскихъ лѣсовъ, заставлявшее такъ часто бароновъ старой Англiи возставать съ оружіемъ въ рукахъ, приняло такiе размѣры, что, напримѣръ, одинъ рокингемскiй лѣсъ былъ распространенъ изъ шести на шестьдесятъ миль въ окружности и въ то же время за малѣйшее нарушенiе лѣсныхъ законовъ граждане наказывались огромными пенями. Коммисары объѣзжали графства и оспаривали въ одномъ мѣстѣ права на владѣнiе принадлежавшими когда то коронѣ имуществами, въ другомъ—доходы, соединенныя съ извѣстными должностями. въ третьемъ—право гражданъ строить новые дома или право земледѣльцевъ обращать въ дуга пахатныя земли. Вездѣ эти агенты хлопотали не о томъ, чтобъ уничтожить злоупотребленiя, а чтобъ взять по дорожке и оставить дѣло въ прежнемъ видѣ. Привилегiи и беспорядки всякаго рода были постояннымъ предметомъ постыдныхъ сдѣлокъ между королемъ и тѣми людьми, которые пользовались ими. Судьи торговали даже строгостью законовъ. Пользуясь малѣйшимъ предлогомъ, они налагали неслыханныя пени, поражавшія ужасомъ тѣхъ, которые чувствовали возможность подвергнуться подобнымъ же преслѣдованiямъ, а потому и спѣшили уже заранѣе откупаться цѣною золота. Можно было подумать, что вся обязанность судовъ состояла въ доставленiи денежныхъ средствъ королю, или въ совершенномъ разоренiи противниковъ его власти. Если оказывалось, что неудовольствiя въ какомъ-либо графствѣ возрастали до того, что нельзя было уже прибѣгать къ подобнымъ мѣрамъ, то спѣшили обезоружить милицію и послать туда солдатъ, которыхъ жители обязаны были размѣстить по квартирамъ и содержать, и даже одѣвать на свой счетъ. Сажали въ тюрьму должниковъ, которые никогда не были должны; ихъ освобождали, взявъ съ нихъ болѣе или менѣе денегъ, смотря по состоянiю, кредиту или изворотливости жертвы. Налоги, заключенiе въ тюрьму, осужденiе, преслѣдованiе или милость все было произвольно. Самоуправство со дня на день сильнѣе тяготѣло надъ богатыми, потому что отъ нихъ получалась прибыль, надъ бѣдными—потому что съ ихъ стороны не грозило никакой опасности. Наконецъ, если жалобы становились ужъ слишкомъ сильны, такъ что начинали беспокоить дворъ, тогда, въ свою очередь, должны были откупаться судьи и правители, подавшіе къ нимъ поводъ. Однажды Страффордъ, въ припадкѣ безумнаго самоволiя, осудилъ на смерть лорда Моунтнорриса, за нѣсколько сказанныхъ имъ неосторожныхъ словъ, и, хотя приговоръ не былъ исполненъ, уже одни рассказы о процессѣ возбудили противъ него въ Ирландiи, въ Англiи, даже въ совѣтѣ короля всеобщее негодованiе. Чтобъ утѣшить его, Страффордъ послалъ въ Лондонъ 6,000 ф. ст. для раздѣла между главными совѣтниками. „Я выбралъ дорогу прямѣ“,—отвѣчалъ ему лордъ Коттинг-

тонъ, старый и ловкій царедворецъ, которому онъ поручилъ эту сумму, — „я вручилъ деньги тому, кто въ сущности одинъ только и могъ обдѣлать это дѣло“, то есть самому королю. За такую плату Страффордъ не только освобожденъ отъ всякаго преслѣдованія, но даже получилъ дозволеніе раздѣлить, какъ ему угодно, между своими любимцами имущество человека, котораго онъ осудилъ совершенно по собственному произволу.

Таковы были слѣдствія нуждъ Карла; но разныя опасенія заставили его перейти даже за предѣлы этихъ нуждъ. Несмотря на свое наружно гордое величіе, иногда онъ чувствовалъ себя слабымъ и искалъ опоры. Онъ сдѣлалъ нѣсколько попытокъ возвратитъ вышей аристократіи ту силу, которую она утратила. Подъ предлогомъ предупрежденія расточительности дворянъ въ графствахъ, имъ приказано было жить въ своихъ помѣстьяхъ: въ Лондонѣ боялись ихъ вліянія. Звѣздная палата взялась охранять уваженіе, подобающее вельможамъ. Недостатокъ вниманія, непочтительность, шутка, малѣйшій поступокъ, въ которомъ только бы промелькнуло неуваженіе къ ихъ сану и правамъ, наказывались съ крайнею строгостью, и притомъ огромными пенями, какъ въ пользу короля, такъ и въ пользу лица оскорбленнаго. Хотѣли сдѣлать ихъ придворныхъ могущественный и уважаемый классъ; но попытки эти не были успѣшны, частью оттого, что скоро замѣчена была вся ихъ бесполезность, а частью оттого, что воспоминаніе о старыхъ баронахъ внушало королю нѣкоторое недовѣріе къ ихъ потомкамъ. Нѣкоторые изъ нихъ, дѣйствительно, стали въ ряды недовольныхъ: только эти и пользовались расположеніемъ народа. Продолжали унижать при случаѣ простыхъ дворянъ предъ вельможами. Однако-жъ предстояла необходимость найти такое словіе, которое, будучи уже сильнымъ само по себѣ, все-таки еще многое могло бы получить отъ короны и за то стало бы опорой неограниченной власти. Уже съ давняго времени англиканское духовенство добивалось такого значенія—и, наконецъ, получило его.

Англиканское духовенство, одолженное бытіемъ своимъ единственно свѣтской власти, потеряло черезъ это всякую независимость. Оно лишилось своего прежняго божественнаго значенія и своей юридической самостоятельности. Епископы, чуждые народу, который не избралъ ихъ, отдѣленные отъ папы и церкви католической, которые прежде были ихъ подпорою, стали чиновниками короля, его первыми слугами. Это было самое ложное положеніе для сословія, которое обязано было служить представителемъ всего, что есть самага независимаго, самага возвышеннаго въ человѣкѣ—представителемъ вѣры. Уже давно церковь англиканская чувствовала свою слабую сторону; но ея опасности и тяжелая рука Генриха VIII и Елизаветы не давали ей возможности поправить дѣло. Тѣсняемая въ одно время и католиками и диссидентами, еще шаткая въ своихъ правахъ и въ своемъ ученіи, она беззавѣтно предалась служенію свѣтской власти, проповѣдуя собственную зависимость и признавая надъ собой верховную власть трона, который вмѣстѣ съ тѣмъ былъ единственнымъ ея защитникомъ противъ враговъ.

Подъ конецъ царствованія Елизаветы обнаружались болѣе гордыя притязанія со стороны англиканскаго духовенства, хотя и слабыми признаками. Докторъ Банкрофтъ, капелланъ архіепископа кэнтерберійскаго, высказалъ мнѣніе, что епископъ не есть учрежденіе человѣческое, что таково было управленіе церкви со временъ апостоловъ, и что епископы

получаютъ свои права не отъ свѣтской власти, но единственно отъ Бога. Новое духовенство стало считать себя уже довольно крѣпкимъ и сдѣлало первый шагъ къ своему освобожденію. Но эта попытка, боязливо начатая, была гордо подавлена: Елизавета удержала во всей полнотѣ свое первенство въ дѣлахъ церкви, объявивъ епископамъ, что все ихъ значеніе — въ ея волѣ, и самъ архіепископъ кэнтерберійскій удовольствовался изъязвленіемъ желанія, чтобъ мнѣніе доктора было справедливо, хотя онъ и не смѣлъ льстить себя этой надеждой. Народъ горячо принялъ сторону королевы. Онъ хлопоталъ только о томъ, какъ бы двинуть реформу еще далѣе, и зналъ, что если духовенство и стремится къ независимости, то не затѣмъ, чтобъ освободить вѣру отъ вліянія свѣтской власти, а чтобъ стѣснить ее своею властью.

Ничего не было рѣшено при Іаковѣ I: какъ хитрый эгоистъ, онъ равнодушно увеличивалъ зло, лишь бы избѣгать опасности. Онъ сохранилъ свое іерархическое первенство, но показывалъ епископамъ столько благосклонности, такъ старательно поддерживалъ ихъ власть и такъ круто поступалъ съ ихъ врагами, что ихъ самоувѣренность и сила возрастали со дня на день. Горячо проповѣдуя божественное происхожденіе королевской власти, въ то же время они часто упоминали и о своей собственной. То, на что Банкрофтъ только намекалъ боязливо, стало открытымъ мнѣніемъ всего высшаго духовенства, доказывалось въ многочисленныхъ сочиненіяхъ и проповѣдывалось въ церквахъ. Самъ Банкрофтъ былъ сдѣланъ архіепископомъ кэнтерберійскимъ (въ дек. 1604). Всякій разъ, когда король выказывалъ свои права на іерархическое первенство, духовенство почтительно преклонялось предъ нимъ; но лишь оканчивались эти изъясненія минутной покорности, оно снова принималось за свои притязанія, вооружаясь въ особенности противъ народа, чтобъ усыпить подозрѣнія короля. Болѣе и болѣе переходя на сторону неограниченной власти, оно только ожидало дня, когда будетъ какъ бы принуждено признать полную ея независимость, чтобъ потомъ, въ свою очередь, воспользоваться ея поддержкою для себя.

Когда Карль, разладивъ съ парламентомъ, стоялъ одиноко среди своего королевства, отыскивая средства для поддержанія нетвердой власти, англиканское духовенство подумало, что желанное время наконецъ настало. Оно успѣло уже пріобрѣсти себѣ огромныя богатства и владѣло ими безъ всякаго спора. Паписты болѣе не внушали ему опасеній. Примасть церкви, Лодъ, пользовался полною довѣренностью короля и одинъ завѣдывалъ всѣми церковными дѣлами. Никто изъ министровъ не показывалъ вида — какъ это дѣлалъ, напримѣръ, Бурлей при Елизаветѣ — что онъ боится происковъ духовенства и находится съ нимъ въ борьбѣ. Дворъ былъ равнодушенъ къ дѣламъ вѣры или втайнѣ склонялся на сторону папистовъ. Ученые служили украшеніемъ церкви. Университеты, въ особенности оксфордскій, были ей преданы. Оставался одинъ противникъ — народъ, съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе недозвольный полумѣрами и горячо желавшій довести реформу до конца. Но этотъ противникъ церкви былъ также противникомъ и короля: онъ требовалъ въ одно время и вѣры евангелической и свободы, чтобы гарантировать одну другую. Одинаковая опасность угрожала и верховнымъ правамъ короны и власти епископовъ. Король, искренно-набожный, расположенъ былъ вѣрить, что не одна только его власть имѣетъ божественное происхожденіе,

но что и власть епископовъ не менѣе высокаго происхожденія и не менѣе священна. Никогда не соединялось столько благопріятныхъ обстоятельствъ, чтобы дать возможность духовенству пріобрѣсть независимость отъ короны и владычество надъ народомъ. Лодъ принялся за дѣло съ обыкновенною своею горячностью. Нужно было прежде всего уничтожить всякое разногласіе въ вѣдрахъ церкви и придать самое строгое единство ея ученію, устройству, обрядамъ. Для этой цѣли онъ готовъ былъ на все. Власть была сосредоточена имъ исключительно въ рукахъ епископовъ. Высшій духовный судъ, въ которомъ они вѣдали и рѣшали все дѣла, касающіяся религіи, каждый день становился болѣе и болѣе самовольнымъ и грубымъ въ своихъ требованіяхъ, своихъ формахъ и наказаніяхъ, которыя налагалъ. Безусловное принятіе англиканскаго каноническаго права, самое мелочное соблюденіе установленнаго порядка литургіи и обрядовъ строго требовалось отъ всего духовенства. Нон-конформисты занимали множество приходовъ—приходы были у нихъ отняты. Народъ толпами стекался на ихъ проповѣди—имъ запрещено было проповѣдывать. Изгнанные изъ своихъ церквей, лишеныя доходовъ, они страствовали изъ города въ городъ, проповѣдуя и наставляя вѣрныхъ, которые собирались вокругъ нихъ или въ гостиницѣ, или въ какомъ-нибудь частномъ домѣ, или даже въ полѣ. Преслѣдованіе шло за ними по пятамъ и повсюду настигало ихъ. Провинціальныя дворяне, граждане, богатые фамиліи, преданныя своимъ вѣрованіямъ, принимали ихъ къ себѣ капелланами или наставниками дѣтей. Преслѣдованіе проникало въ вѣдра семействъ и изгоняло оттуда этихъ капеллановъ и наставниковъ. Изгнанники покидали Англію: они отправлялись во Францію, Голландію, Германію, и основывали тамъ церкви своего вѣроисповѣданія. Деспотизмъ переходилъ моря и принуждалъ эти церкви сообразоваться съ англиканскимъ богослуженіемъ. Мануфактуристы французскіе, голландскіе, нѣмецкіе перенесли въ Англію свою промышленность и получили грамоты, которыя обезпечивали имъ свободное управленіе ихъ національнаго богослуженія. Эти грамоты были отняты, и большая часть переселенцевъ покинула новое отечество. Одинъ приходъ норвичскій лишился трехъ тысячъ этихъ трудолюбивыхъ пришельцевъ. Диссиденты, безъ должностей и убѣжища, скрываясь или находясь въ изгнаніи, писали сочиненія для защиты или распространенія своихъ вѣрованій. Цензура запрещала новыя книги, отыскивала и уничтожала старыя. Безусловно было запрещено разсуждать съ кафедры или иначе о вопросахъ, которые въ это время особенно волновали умы, потому что повсюду парствовало всеобщее, пагубное разногласіе насчетъ главныхъ догматовъ вѣры и внѣшняго устройства церкви, насчетъ таинствъ человѣческаго бытія и формъ общественнаго богослуженія: церковь же англиканская не хотѣла допустить ни различія въ обрядахъ, ни свободы вреній. Народъ горько жаловался, не слыша болѣе людей, которые были ему дороги, и не имѣя возможности разсуждать о предметахъ, которые занимали его мысли. Чтобы успокоить эти волненія и не отдѣлиться совершенно отъ своей паствы, нѣкоторые священники-диссиденты соглашались отчасти покориться, лишь бы имъ также были сдѣланы нѣкоторыя уступки, а именно: чтобы не заставили ихъ надѣвать рясу и давать форму алтаря столу, на которомъ совершается причащеніе. Имъ отвѣчали, одинъ разъ, что требуемые обряды очень важны и что, слѣдовательно, должно повиноваться, а въ другой разъ, что эти обряды незначительны, и потому имъ

слѣдуетъ сдѣлать уступку. Доведенные до крайности, они упорно сопротивлялись, за что въ духовныхъ судахъ ихъ ожидали горькія оскорбленія и обвиненія. Отъ епископовъ и судей встрѣчали они грубое обращеніе, названіе *дураковъ, идіотовъ, наглецовъ, чудаковъ*, и затѣмъ приказаніе молчать, лишь только они открывали ротъ, чтобъ защитить или оправдать себя. Тираннія не переставала преслѣдовать ихъ даже и тогда, когда они отказывались проповѣдывать, писать, появляться въ народѣ. Она дѣйствовала противъ нихъ съ такимъ ожесточеніемъ, съ такими тонкими уловками, какихъ не могло предвидѣть никакое благоразуміе, отъ которыхъ не спасало даже совершенное безсиліе. Уоркманъ, священникъ въ Глостерѣ, утверждалъ, что украшенія и картины въ церквахъ суть остатокъ язычества; его заключили въ темницу. Незадолго передъ тѣмъ городъ Глостеръ назначилъ ему пожизненную пенсію въ 20 ф. ст.; пенсію отняли. Мэръ и муниципальные члены подверглись преслѣдованію и были приговорены къ значительному штрафу. Когда его выпустили изъ тюрьмы, Уоркманъ открылъ небольшую школу: Лодъ велѣлъ закрыть ее. Чтобъ чѣмъ-нибудь жить, бѣдный священникъ сдѣлался лекаремъ: ему запретили лечить. Уоркманъ сошелъ съ ума и умеръ.

Между тѣмъ пышные обряды католическаго богослуженія быстро вторгались въ церкви, лишеныя своихъ пастырей, и въ то время, когда число вѣрныхъ скудѣло, стѣны ихъ великолѣпно украшались. Освященіе церквей происходило съ величайшею пышностью, а молящихся надобно было собирать въ нихъ насильственными мѣрами. Лодъ самодовольно устраивалъ всѣ подробности новыхъ церемоній, которыя отчасти были занимаемы у католиковъ, отчасти созданы его собственнымъ воображеніемъ, строгимъ и вмѣстѣ склоннымъ къ пышности. Нонъ-конформисты за малѣйшее отступленіе отъ постановленій церковныхъ и отъ порядка литургии, наказывались, какъ за преступленіе; а Лодъ дѣлалъ нововведенія, ни съ кѣмъ не совѣтуясь, испросивъ только согласіе короля, а иногда и совершенно по собственному произволу. Онъ измѣнялъ внутреннее распредѣленіе церквей, формы богослуженія, предписывалъ обряды, дотолѣ неизвѣстные, извращалъ самую литургію, утвержденную парламентомъ, и всѣ эти измѣненія имѣли если не цѣлью, по крайней мѣрѣ, слѣдствіемъ то, что приблизили церковь англиканскую къ римской. Свобода, которою наслаждались паписты, и надежды, высказываемыя ими по неблагоразумію или съ умысломъ, подтверждали самыя мрачныя предчувствія народа. Издавались книги, въ которыхъ доказывалось, что ученіе англійскихъ епископовъ легко согласить съ римскимъ, и эти книги, хотя недозволенные, были посвящаемы королю или Лоду и явно были терпимы. Теологи, друзья Лода, епископъ Монтегъ и докторъ Козенсъ, проповѣдовали такія же мнѣнія, и проповѣдовали ихъ безопасно; а, между тѣмъ, любимые наставники народа напрасно истощали то угодливістью, то мужествомъ, чтобы сохранить хотя нѣкоторое право писать и говорить. Такимъ образомъ, увѣренность въ близкомъ торжествѣ папизма росла со дня на день. Придворные, которымъ дѣло было извѣстно ближе, раздѣляли ее съ народомъ. Дочь герцога девонширскаго обратилась въ католическую вѣру. Лодъ спросилъ, что заставило ее сдѣлать такой шагъ. „Я не люблю идти въ толпѣ“, — сказала она, — „а между тѣмъ вижу, что ваше священство и многіе другіе спѣшатъ къ Риму: потому то я и хочу прибыть туда одна и прежде васъ“.

Когда такимъ образомъ было положено основаніе величію и исключительному господству епископальной церкви, Лодъ принялся устроить ея независимость. Можно было бы подумать, что хоть намѣреніе король встрѣтитъ неблагосклонно. Ничего не бывало! Божественное происхожденіе епископской власти, въ короткое время, стало официальнымъ догматомъ не только для высшаго духовенства, но и для самого короля. Докторъ Галль изложилъ его въ сочиненіи, которое просматривалъ самъ Лодъ и изъ котораго онъ выбросилъ всѣ неопредѣленные или боязливыя выраженія, все, что было похоже на сомнѣніе или уступку. Изъ книгъ это ученіе скоро перешло въ жизнь. Епископы стали управлять дѣлами церкви уже не во имя короля и не съ его соизволенія, но своимъ собственнымъ именемъ. Къ актамъ прикладывали они одну епископскую печать, отъ управляющихъ церковными имѣніями требовали прямой присяги себѣ, объявили, что надзоръ за университетами по праву принадлежитъ архіепископу. Верховное вѣданіе церкви не было отнято формально у государя; но, можно сказать, оно было оставлено ему только для прикрытія злоупотребленій, которыя современемъ окончательно должны были лишить его этого преимущества. Такимъ образомъ, ускользя понемногу изъ подъ свѣтской власти, церковь въ то же время прибирала къ рукамъ дѣла гражданскія. Ея судебная власть увеличивалась въ ущербъ судамъ обыкновеннымъ, и никогда столько духовныхъ не засѣдало въ совѣтѣ короля и не занимало столько важныхъ государственныхъ должностей. Иногда юристы, защищая свой личный интересъ, возставали противъ этой несообразности; но Карлъ не обращалъ на нихъ вниманія. Самоувѣренность Лода простиралась до того, что вручивши епископу Джаксону жезлъ государственнаго казначея, онъ воскликнулъ съ восторгомъ: „Теперь пусть церковь живетъ и поддерживается сама собою. Все сдѣлано. Больше я ничего не могу“.

Когда дѣла приняли такой оборотъ, это вооружило всѣ сословія. Не одинъ народъ, но и высшее дворянство, по крайней мѣрѣ часть его, взволевалось. Это была уже не просто тираннія: это былъ полный переворотъ, который, не довольствуясь тѣмъ, что задавилъ реформу народную, обезображивалъ и потрясалъ первую реформу, совершенную королями и признанную высшимъ дворянствомъ. Вельможи привыкли исповѣдовать первенство престола, что освобождало ихъ, по крайней мѣрѣ, отъ всякой другой зависимости; а теперь ихъ принуждаютъ признавать еще божественныя права епископовъ и преклоняться предъ тою церковью, униженію которой нѣкогда они такъ обрадовались, не упустивъ случая воспользоваться и богатствами, у ней отнятыми. Отъ нихъ требовали раболѣпства, которое еще съ большею ревностію стоитъ за свои привилегіи, нежели свобода за свои права; а въ то же время другимъ, прежде стоявшимъ ниже ихъ, дозволяли искать независимости. Они страшились за свой санъ, а можетъ быть и за свои имущества. Гордость духовенства была для нихъ оскорбленіемъ, съ котораго они уже давно отвыкли. Около нихъ стали раздаваться толки, что скоро придетъ время, когда простой церковнослужитель будетъ столько же значить, какъ самый гордый дворянинъ королевства; предъ ихъ глазами епископы или любимцы епископовъ захватывали всѣ служебныя должности и пользовались милостями короля, которыя были для дворянства единственнымъ вознагражденіемъ за его старинный блескъ, за утраченныя имъ права и силу. Карлъ, искренно преданный духовенству, надѣялся въ его возвеличеніи найти твердую

опору противъ дурного расположенія народа; а, между тѣмъ, вскорѣ наклонность осуждать поведеніе правительства и остерегаться его замысловъ сдѣлалась всеобщою. Недовольство проникло изъ мастерскихъ столицы до самаго Уайтгалля.

Въ высшихъ классахъ оно обнаружилось уклоненіемъ отъ двора и свободою мыслей, дотогѣ неслыханною. Нѣсколько вельможъ и притомъ наиболѣе уважаемыхъ, переѣхали въ свои помѣстья, желая этимъ удаленіемъ показать, что они не одобряютъ королевской политики. Въ Лондонѣ, близъ трона, духъ независимости и пылливотти проникъ въ кружки, прежде отличавшіеся покорностью или пустотою. Съ царствованія Елизаветы любовь къ наукамъ и литературѣ перестала быть удѣломъ людей, спеціально ими занимающихся. Дворъ ннчалъ считать для себя общество людей, почему-либо замѣчательныхъ—философовъ, литераторовъ, поэтовъ, артистовъ, также разговоры умные или ученые—новымъ, блестящимъ украшеніемъ; а свѣтскіе люди нашли въ немъ благородное препровожденіе времени. Но эти собранія не вызывались потребностью какой-либо оппозиціи: напротивъ, гдѣ бы они ни происходили—въ тавернѣ ли, или въ домѣ какого-нибудь вельможи—вездѣ было въ модѣ осмѣивать сумрачный, ворчливый характеръ или фанатическое упорство религіозныхъ нонконформистовъ, уже извѣстныхъ подъ именемъ „пуританъ“. Праздники, спектакли, литературные споры составляли главное занятіе общества, для котораго престоль былъ всегдашнимъ центромъ и покровителемъ. При Карлѣ дѣло измѣнилось: собранія литераторовъ и свѣтскихъ людей продолжались; но въ нихъ толковали уже о предметахъ болѣе важныхъ, и толковали вдали отъ надзора верховной власти, которой подобные толки пришлось бы не по сердцу. Дѣла общественныя, науки нравственно-философскія, вопросы религіозные служили темой для разговоровъ. Эти блестящіе, одушевленные разговоры неудержимо влекли къ себѣ молодыхъ людей, возвращавшихся изъ путешествія или изучавшихъ законы въ школахъ Темпля, а также всѣхъ людей серьезныхъ и дѣятельныхъ, которые, по своей службѣ или по состоянію, имѣли досугъ. Сельденъ расточалъ предъ ними сокровища своей учености; Чиллингвортъ излагалъ имъ свои сомнѣнія въ дѣлахъ вѣры; юный лордъ Фоклэндъ открывалъ имъ свой домъ и сады, которые поэтому сравниваемы были съ греческой академіей. Здѣсь возникли не секты и партіи, но живыя и свободныя мнѣнія. Безъ всякаго личнаго интереса, безъ всякой преднамѣренной цѣли, привлекаемые только чистымъ желаніемъ расширять кругъ своихъ идей и сообщать воспитывать въ себѣ благородныя чувства, люди, которые собирались здѣсь, спорили непринужденно, заботясь лишь объ истинѣ и справедливости. Одни, особенно наклонные къ философскому мышленію, изслѣдовали, какія формы правленія наиболѣе могутъ содѣйствовать развитію челоувѣческаго достоинства; другіе, юристы, не пропускали безъ указанія ни одного незаконнаго дѣйствія короля и его министровъ; третьи, наконецъ, богословы по званію или по склонности, внимательно изучали первоначальныя вѣка христіанства, съ ихъ вѣрованіями и обрядами, и сравнивали ихъ съ тою церковью, которую силился создать Лодъ. Ихъ не соединяли между собою ни страсти, ни общія опасности, убѣжденія или цѣли; но всѣ въ одинъ голосъ проклинали тираннію, презирали дворъ, сожалѣли о парламентѣ и желали реформы, которую считали единствен-

нымъ исходомъ изъ своего грустнаго положенія, хотя и не увѣрены были, что надежда ихъ осуществится.

Гораздо далѣе отъ двора, въ обществѣ не столь изящномъ, въ людяхъ менѣе образованныхъ, чувства были грубѣе, идеи уже, но за то и рѣшительнѣе. Тамъ убѣжденія связаны были съ интересами, а страсти—съ убѣжденіями. Среднее и мелкое дворянство съ особеннымъ негодованіемъ возставало противъ политической тираниі. Упадокъ высшей аристократіи и вообще феодализма значительно ослабилъ различіе степеней между дворянами. Всѣ считали себя потомками тѣхъ бароновъ, которые завоевали Великую Хартію, и ожесточались, видя, что теперь ихъ права, ихъ имущества и личность зависятъ отъ прихоти короля и его совѣтниковъ, между тѣмъ, какъ нѣкогда предки ихъ вели войны съ государемъ и предписывали ему условія. Умъ ихъ не занимали философскія теоріи, ученія различія между демократіей, аристократіей и монархіей: единственнымъ идеаломъ ихъ была нижняя палата. Она въ ихъ убѣжденіи являлась представительницею дворянства и народа, древняго союза бароновъ и всей націи; она одна въ прежнія времена защищала политическую свободу и одна была способна вновь завоевать ее. Говоря о парламентѣ, разумѣли только нижнюю палату. Законность и необходимость ея полновластія—вотъ идея, которая понемногу вкоренялась въ умахъ. Касательно церкви и формы ея управленія большая часть дворянъ не имѣла ни положительныхъ видовъ, ни разрушительныхъ намѣреній. Епископальной церкви они не отвергали, но епископы были имъ ненавистны, особенно какъ виновники и защитники тираниі. Реформа провозгласила освобожденіе гражданскаго общества; она уничтожила деспотизмъ власти духовной въ дѣлахъ свѣтскихъ. Англиканское духовенство захотѣло присвоить себѣ права утраченныя Римомъ. Эти притязанія слѣдовало подавить. Папа не долженъ былъ имѣть наслѣдниковъ, епископы не должны были вмѣшиваться въ управленіе государствомъ, а только распоряжаться дѣлами, касающимися религіи, въ своихъ округахъ, по законамъ страны—вотъ каковы были желанія провинціанальнаго дворянства, неотвергавшаго епископальнаго устройства, лишь бы только церковь не присвоивала себѣ ни политической власти, ни божескихъ правъ.

Вышіе граждане въ городахъ, а въ деревняхъ довольно большое число дворянъ и почти всѣ свободные землевладѣльцы простирали—особенно въ отношеніи къ религіи—свои виды еще далѣе и приходили еще въ большее негодованіе. Они были страстные приверженцы реформы; въ нихъ господствовала сильная потребность воспользоваться ея послѣдствіями, глубокая ненависть ко всему, что имѣло хоть какое-нибудь сходство съ папизмомъ или напоминало его. Первобытная церковь, говорили они, простота богослуженія, чистота вѣры пали отъ злоупотребленій римской іерархіи. Отъ того то главы реформарціи, эти новые апостолы: Цвингліи, Кальвинъ, Ноксъ и поспѣшили уничтожить деспотическое ея устройство и языческіе обряды. Евангеліе было для нихъ кодексомъ, первобытная церковь—образцомъ. Одна Англія продолжаетъ упорно слѣдовать папизму. Развѣ иго епископовъ не такъ же тяжело? Развѣ ихъ поведение сообразнѣе съ евангеліемъ? Развѣ гордость ихъ не такъ же заносчива? Подобно Риму, они заботятся также только о томъ, чтобъ властвовать и обогащаться. Подобно Риму, они боятся частыхъ проповѣдей, строгихъ нравовъ, свободы молитвы. Подобно Риму, они стремятся подчинить

христіанскую набожность неизмѣннымъ и мелочнымъ формальностямъ; подобно Риму, они хотѣли животрящее слово Спасителя замѣнить блескомъ обрядовъ. Въ воскресный день истинные христіане хотѣли бы спокойно предаться благочестивымъ упражненіямъ—шумныя игры, пляски, буйный разгулъ на площадяхъ и на улицахъ мѣшаютъ имъ молиться. Мало того: епископы не только позволяютъ народу такое нечестивое препровожденіе времени—они побуждаютъ его къ тому своими совѣтами, почти приказаніями, опасаясь, чтобъ народъ не предался болѣе чистымъ духовнымъ наслажденіямъ. Случается ли, что въ ихъ паствѣ какой-нибудь мірянинъ съ завуганной совѣстью соблазнится нѣкоторыми обычаями церкви—они строжайше обязываютъ его исполнять малѣйшіе уставы. Другой слишкомъ привязанъ къ уставамъ: они мучатъ его своими нововведеніями. Смиренныхъ они давятъ, гордыхъ раздражаютъ и выводятъ изъ терпѣнія. Вездѣ—начала, обычаи, притязанія, враждебныя истинной вѣрѣ. И къ чему такое забвеніе евангелія, такое угнетеніе горячихъ ревнителей вѣры? Чтобъ поддержать власть, которой евангеліе не предоставляло никому, которой не знала первобытная церковь. Пусть уничтожатъ епископство, пусть церковь, огранича власть своей собственной средой, будетъ впредь управляема служителями, равными другъ другу, простыми проповѣдниками евангельскаго ученія; пусть она съ общаго совѣта и согласія наставляетъ и пасетъ народъ христіанскій: тогда это будетъ истинная церковь христова, тогда не будетъ болѣе идолопоклонства, не будетъ деспотизма, и въ реформѣ, приведенной къ окончанію, уже не надо будетъ бояться папизма, тогда какъ теперь онъ угрожаетъ овладѣть домомъ божіимъ, который какъ будто нарочно готовятъ къ его принятію.

Когда народъ, среди котораго съ самаго начала реформы смутно бродили эти идеи, увидалъ, что онѣ приняты множествомъ людей богатыхъ, людей съ вѣсомъ и значеніемъ, его прямыми и естественными патронами, въ немъ явилась такая увѣренность въ нихъ и въ самомъ себѣ, что она вскорѣ измѣнила видъ и положеніе страны, хотя и не произвела возстанія. Съ 1582 и 1616 годовъ нѣсколько нон-конформистовъ официально отдѣлились отъ англійской церкви, и подъ именемъ *броунистовъ* и *индепендентовъ*, столь знаменитыхъ впоследствии, образовали незначительныя секты диссидентовъ, отвергавшихъ всякое общее управленіе церкви и предоставлявшихъ каждому собранію вѣрующихъ право устанавливать свое богослуженіе по началамъ чисто республиканскимъ. Съ того времени составилось по этому образцу нѣсколько частныхъ обществъ; но они были малочисленны, небогаты и столько же чужды народу, какъ и церкви. Беззащитные отъ преслѣдованій, въ случаѣ открытія ихъ агентами правительства, сектаторы бѣжали и обыкновенно удалялись въ Голландію. Но вскорѣ въ сердцахъ ихъ возникла борьба между тоскою по роднѣ и потребностью свободы: тогда они отправляли посланія къ своимъ друзьямъ, оставленнымъ въ отечествѣ, и уговаривали ихъ идти вмѣстѣ искать новаго отечества въ странахъ почти неизвѣстныхъ, но по крайней мѣрѣ принадлежащихъ Англій, въ странахъ, куда стекаются одни англичане. Болѣе достаточные изъ нихъ продавали свое имущество, покупали маленькое судно, нѣсколько съѣстныхъ припасовъ, кое-какія земледѣльческія орудія и, предводимые служителемъ своей вѣры, отправлялись къ товарищамъ въ Голландію, а оттуда, вмѣстѣ съ ними, въ Сѣверную Америку, гдѣ уже образовались тогда начатки колоніи. Корабль рѣдко

бывалъ такъ великъ, чтобъ на немъ могли помѣститься всѣ желающіе. Тогда собирались на морской берегъ, къ тому мѣсту, гдѣ корабль стоялъ на якорѣ: тамъ, на пескѣ, у подошвы дюнъ, пасторъ того общества, которому суждено было остаться, произносилъ прощальную проповѣдь; тотъ, который уѣзжалъ, отвѣчалъ ему тѣмъ же. Долго молились всѣ вмѣстѣ, цѣловались въ послѣдній разъ передъ разлукой. и въ то время какъ одни удалялись, другіе печально возвращались назадъ съ тѣмъ, чтобъ посреди чуждаго народа выждать случая и средствъ присоединиться къ своимъ собратіямъ. Много подобныхъ переселеній совершилось одно за другимъ безъ всякихъ препятствій, благодаря тому, что бѣглецы были люди неизвѣстные. Но вдругъ, въ 1637 году, король замѣтилъ, что переселенія эти дѣлаются въ большихъ массахъ и становятся часты, что къ нимъ пристають значительные граждане, которые вывозятъ съ собою не малыя богатства. Этимъ путемъ, говорили, вывезено изъ государства болѣе 12 милліоновъ. Тогда деспотизмъ тяготѣлъ уже не только надъ какими-нибудь слабыми и темными сектаторами: мнѣнія ихъ распространились, чувствованія ихъ раздѣляли даже тѣ, кто не раздѣлялъ ихъ мнѣній. По многимъ отношеніямъ правительство сдѣлалось такъ ненавистно, что отечество покидали тысячи людей, различныхъ по состоянію, по имуществу, по намѣреніямъ. По опредѣленію государственнаго совѣта, переселенія эти были запрещены. Въ эту минуту на Темзѣ стояло на якорѣ 8 кораблей, готовыхъ къ отплытію. На одномъ изъ нихъ уже были Паймъ, Гэмденъ, Гэзльригъ и Кромвель.

Она напрасно бѣжали отъ деспотизма, ибо народъ пересталъ уже его бояться. Недовольство смѣнилось броженіемъ. Всѣ умы заняты были уже не однимъ возстановленіемъ законнаго порядка, уже не уничтоженіемъ епископальнаго правленія: подъ сѣнію той большой партіи, которая замыслила эту двойную реформу, возникло множество сектъ съ болѣе пылкими стремленіями, съ болѣе смѣлыми мнѣніями. Со всѣхъ сторонъ отъ церкви отдѣлялись маленькія общества, которыя ставили своимъ девизомъ то или другое истолкованіе какого-нибудь догмата, отрицаніе того или другаго обряда, а иные—уничтоженіе всякаго церковнаго правленія, безусловную независимость вѣрующихъ и слѣдованіе единственно внушеніямъ Св. Духа. Увлеченіе вездѣ преодолевало страхъ. Несмотря на дѣятельныя преслѣдованія Лода, всякаго рода сектаторы собирались вмѣстѣ, въ городахъ—въ глубинѣ какого-нибудь погреба, въ деревняхъ—подъ кровлей какой-нибудь риги или въ чащѣ лѣса. Печальный видъ этихъ убѣжищъ, опасность и затруднительность этихъ собраній—все распаляло воображеніе проповѣдниковъ и слушателей. Они проводили вмѣстѣ долгіе часы, часто цѣлыя ночи, молились, пѣли, искали Господа и проклинали своихъ враговъ. Нелѣпость ученій и малочисленность приверженцевъ не мѣшали прочному существованію и даже кредиту этихъ фанатическихъ сборищъ. Всеобщее раздраженіе, овладѣвшее страной, было для нихъ покровомъ и защитой. Явились нон конформисты всякихъ названій, убѣжденій, стремленій, и увѣренность ихъ въ общественномъ расположеніи дошла дотого, что они захотѣли отличатся даже особенной одеждой и манерами, и, такимъ образомъ, явно исповѣдывали свои мнѣнія въ глазахъ своихъ преслѣдователей. Въ черныхъ платьяхъ и высокихъ шляпахъ съ широкими полями, надѣтыхъ на плотно-обстриженные головы, они вездѣ встрѣчали уваженіе толпы, которая величала ихъ святыми. Сила

ихъ возрасла до того, что, несмотря на притѣсненія, которымъ они подвергались, даже притворство стало на ихъ сторонѣ. Разорившіеся торговцы, рабочіе люди, не имѣвшіе работы, люди, увязшіе въ развратѣ и долгахъ—словомъ, всѣ кому хотѣлось поднять себя въ общественномъ мнѣніи, перенимали одежду, видъ, языкъ этихъ святыхъ и тотчасъ находили хорошій пріемъ и покровительство между легковѣрными фанатиками. Что касается до политическихъ убѣжденій, то и въ этомъ отношеніи было замѣтно сильное волненіе, хотя не столь всеобщее, не столь беспорядочное. Среди низшихъ классовъ, вслѣдствіе большого благосостоянія, а отчасти вслѣдствіе религіозныхъ ученій, начали появляться дотолѣ—неизвѣстныя идеи и потребности равенства. Въ высшей сферѣ было нѣсколько суровыхъ, гордыхъ умовъ, ненавидѣвшихъ дворъ, презиравшихъ безсиліе старинныхъ закововъ и съ увлеченіемъ предававшихся свободо-мыслию. Среди уединеннаго ученія, среди тайныхъ разговоровъ, они мечтали о болѣе простыхъ, болѣе дѣйствительныхъ учрежденіяхъ. Другіе, движимые менѣе чистыми побужденіями, чуждые всякихъ вѣрованій, безстыдные въ своихъ правахъ, попавшіе въ число недовольныхъ по своему характеру или по случаю, жаждали переворота, который бы открылъ поприще ихъ честолюбію, или по-крайней-мѣрѣ далъ полную свободу ихъ необузданному произволу. Такимъ-образомъ, фанатизмъ и своеволіе, искренность и притворство, уваженіе и презрѣніе къ старымъ учрежденіямъ, законныя потребности и беспорядочныя желанія—все способствовало возбужденію народнаго негодованія, все соединялось противъ власти, которая своимъ деспотизмомъ распалая ненависть самыхъ развродныхъ людей, а своею неосторожностью и слабостью доставляла возможность самымъ незначительнымъ партіямъ, самымъ дерзкимъ мечтателямъ предаваться дѣятельности и надеждамъ.

Нѣсколько времени король и его совѣтъ не замѣчали этого усиленія народнаго негодованія. Правительство, несмотря на свое затруднительное положеніе, обнаруживало самоувѣренность и высокомеріе, потому-что нація была для него чужда, и оно не встрѣчало нигдѣ дѣйствительнаго сопротивленія. Чтобъ оправдать свои поступки, оно часто съ жаромъ говорило о распространявшемся вредномъ направленіи; но минутный страхъ не пробуждалъ его къ благоразумію, и, опасаясь враговъ, оно въ то же время презирало ихъ. Самая необходимость ежедневно усиливать угнетеніе не открывала ему глазъ, и оно тѣмъ болѣе радовалось своей силѣ, чѣмъ болѣе строгихъ мѣръ требовала возрастающая опасность.

Между-тѣмъ, въ 1636 г., Англія наводнена была памфлетами, направленными на привилегіи, предоставленныя папистамъ, на развращеніе двора особенно на тираннію Лода и епископовъ. Уже неоднократно звѣздная палата строго наказывала за подобныя сочиненія; но никогда они не были такъ многочисленны, такъ дерзки, никогда не были такъ распространены, никогда ихъ не читали съ такимъ увлеченіемъ. Ихъ разбрасывали по улицамъ городовъ, по деревнямъ; смѣлые контрабандисты провозили ихъ тысячами изъ Голландіи и продавали съ большою выгодой. Ихъ объясняли въ церквахъ, изъ которыхъ Лодъ не могъ совершенно изгнать пуританскихъ проповѣдниковъ. Досадуя на бесполезность принятыхъ имъ строгихъ мѣръ, совѣтъ рѣшился употребить еще новыя. Однажды въ звѣздную палату привели разомъ троихъ: юрисконсульта, богослова и врача. Это были Прейнъ, Бортонъ и Бествакъ. Сначала ихъ хотѣли пре-

слѣдовать какъ государственныхъ преступниковъ, что повлекло бы за собою смертную казнь; но судьи объявили, что нельзя придавать такого смысла ни закону, ни ихъ сочиненіямъ, и потому надо было ограничиться обвиненіемъ ихъ просто въ измѣнѣ (*felonie*).

Жестокость суда не уступала несправедливости самого процесса. Обвиненнымъ было объявлено, чтобъ они немедленно представили защитительные акты: въ противномъ случаѣ, ихъ будутъ считать сознавшими-ся. Они отвѣчали, что не могутъ писать, потому что имъ не даютъ бумаги, чернилъ и перьевъ. Все это было доставлено имъ и сказано, чтобъ ихъ защитительный актъ былъ подписанъ какимъ-нибудь адвокатомъ; но въ теченіе трехъ дней дверь темницы была заперта для избраннаго ими защитника. Наконецъ, къ нимъ ввели адвоката, который отказался подписать актъ, опасаясь компрометировать себя передъ судьями, и никто другой не захотѣлъ принять на себя этого дѣла. Они просили позволенія представить защитительный актъ за собственною своею подписью. Судъ отвергъ эту просьбу, повторяя, что безъ подписи адвоката обвиненіе будетъ признано доказаннымъ. „Милорды“, — сказалъ Прейнъ, — „вы требуете невозможнаго“. Судъ ограничился повтореніемъ прежняго объявленія. Грубое оскорбленіе ожидало подсудимыхъ при самомъ открытіи преній. Четыре года назадъ, за другой памфлетъ у Прейна отрѣзаны были уши. „Я полагалъ“, — сказалъ лордъ Финчъ, глядя на него, — „что у г. Прейна нѣтъ ушей; мнѣ кажется, что они у него остались“. И для удовлетворенія любопытства судей, къ нему приблизился судебный служитель и, поднявъ волосы обвиняемаго, показалъ изувѣченныя его уши. „Милорды“, — сказалъ Прейнъ, — „прошу васъ не оскорбляться: молю Бога даровать вамъ уши, чтобъ вы выслушали меня.“

Они были приговорены къ выставкѣ у позорнаго столба, къ лишенію ушей, къ уплатѣ пени въ 5000 ф. стерлинговъ и къ пожизненному заключенію въ тюрьмѣ. Въ день исполненія приговора (30 іюня 1637 г.) на площади тѣснилась несмѣтная толпа. Палачъ хотѣлъ удалить ее. „Не гоните ихъ“, — сказалъ Бортонъ, — „имъ надо учиться страдать.“ Смущенный палачъ притихъ. Одна женщина сказала Бортону: „Лучше этой проповѣди вы никогда не говорили“. — „Надѣюсь“, — отвѣчалъ онъ, — „и дай Богъ, чтобъ она обратила присутствующихъ на путь истины.“ Одинъ молодой человекъ, глядя на него, поблѣднѣлъ. „Сынъ мой“, — сказалъ ему Бортонъ, — „отчего ты блѣднѣешь? Въ моемъ сердцѣ нѣтъ слабости, и еслибъ мнѣ нужно было болѣе силы, Богъ, конечно, даровалъ бы мнѣ ее.“ Толпа съ каждой минутой все ближе и ближе тѣснилась около осужденныхъ. Кто-то подалъ Бествику букетъ цвѣтовъ; на этотъ букетъ сѣла пчела. „Посмотрите“, — сказалъ онъ, — „на эту бѣдную пчелу: она сосетъ медъ изъ цвѣтовъ даже у позорнаго столба — почему же и мнѣ здѣсь не вкусить меда Христова?“ — „Христіане“, — сказалъ Прейнъ, — „еслибъ мы цѣнили свою собственную свободу, насъ бы не было здѣсь. Мы жертвовали ею для вашей свободы. Берегите ее, умоляю васъ. Стойте крѣпко, будьте вѣрны дѣлу божьему, дѣлу отечества: иначе, вы и дѣти ваши впадете въ вѣчное рабство“. И площадь огласилась торжественными кликами.

Нѣсколько мѣсяцевъ спустя (18 апрѣля, 1638), тѣ же самыя сцены возобновились вокругъ эшафота, на которомъ, за такой же проступокъ, Лильборнъ былъ подвергнутъ не менѣе жестокимъ истязаніямъ. Восторженность осужденнаго и народа, повидимому, была даже еще сильнѣе. При-

вязанный къ телѣжкѣ, бичуемый палачемъ, Лильборнъ не переставалъ увѣщевать народъ, который бѣжалъ за нимъ по улицамъ Вестминстера. Его привязали къ столбу—онъ продолжалъ говорить; ему приказывали молчать, но тщетно; ему заткнули ротъ—тогда онъ вынулъ изъ кармановъ нѣсколько памфлетовъ и бросилъ въ народъ, который съ жадностью расхваталъ ихъ. Ему связали руки. Уже онъ не могъ ни двигаться, ни говорить; но толпа, которая до тѣхъ поръ слушала его рѣчи, все не расходилась: она хотѣла насморѣться на него. Нѣкоторые изъ его судей стояли у окна, какъ бы желая удостовѣриться, до чего можетъ дойти ея терпѣніе; но оно утомило ихъ любопытство.

Все это были только мученики изъ среды народа: ни одинъ изъ нихъ не былъ извѣстенъ ни именемъ, ни дарованіями, ни богатствомъ. Многіе прежде процесса были даже мало замѣтны среди своихъ собратій по ремеслу, и мнѣнія, которыя они поддерживали, были въ глазахъ многихъ не болѣе, какъ мнѣнія фанатическихъ сектъ, пользовавшихся довѣріемъ преимущественно у черни. Гордая ихъ мужествомъ, чернь скоро стала упрекать высшіе классы въ слабости и апатіи. „Нынѣ“,—говорили въ городѣ,—„честь, которая обыкновенно пребываетъ въ головѣ, опустилась, какъ падагра, въ ноги.“ Ничего не бывало: сельское дворянство и высшіе горожане были раздражены не менѣе народа; но, дальше видя и менѣе увлекаясь страстями, они ожидали какого-нибудь основательнаго повода къ надеждѣ на успѣхъ. При этомъ народномъ крикѣ они пришли въ волненіе; въ нихъ снова возникла самоувѣренность. Въ самомъ дѣлѣ, наступила минута, когда для націи, потрясенной во всей ея массѣ, нужны были только вожди извѣстные, серьезные, не искатели приключеній и не сектаторы, а люди съ вѣсомъ, которые бы стояли за права и интересы всего народа.

Одинъ дворянинъ изъ графства Буккингэмъ, по имени Джонъ Гэмденъ (род. 1594, въ Лондонѣ), подалъ сигналъ къ этой національной оппозиціи. Прежде него многіе дѣлали такія же попытки безъ успѣха. Они отказывались платить подать, извѣстную подъ именемъ *корабельной таксы*, требуя, чтобъ дѣло было перенесено въ королевскій судъ и чтобъ имъ позволено было торжественно доказывать незаконность таксы и законность ихъ отказа; но дворъ всегда умѣлъ какъ-нибудь отстранить эти пренія. Гэмдену же удалось сдѣлать такъ, что ему не отказали. Хотя въ 1626 и 1628 годахъ онъ засѣдалъ въ парламентѣ на скамьяхъ оппозиціи, но не навлекъ на себя особеннаго подозрѣнія со стороны двора. Со времени послѣдняго закрытія палатъ онъ то жилъ мирно въ своемъ графствѣ, то путешествовалъ по Англіи и Шотландіи, вездѣ внимательно наблюдалъ расположеніе умовъ, входилъ въ многочисленныя связи, но не обнаруживалъ своего мнѣнія ропотомъ. Обладая большимъ состояніемъ, онъ умѣлъ пользоваться имъ, хотя жилъ и не пышно. Онъ любилъ суровую простоту, но не навязывался съ своей строгой нравственностью. Онъ былъ даже замѣчательно любезенъ и веселъ, пользовался уваженіемъ всѣхъ своихъ сосѣдей, къ какой бы партіи они не принадлежали, и слылъ за человѣка умнаго, неодобрявшаго господствующей системы, но не фанатика и не мятежника. Оттого власти графства не трогали его и не боялись. Въ 1636 г., при распредѣленіи таксы, они обложили его небольшою суммой въ 20 шиллинговъ, желая, безъ сомнѣнія, сдѣлать ему удовольствіе, а также надѣясь, что умѣренность налога не вызоветъ со

стороны такого благоразумнаго челоѣка никакого сопротивленія. Гэмденъ отказался платить, но безъ гнѣва, безъ шума, единственно заботясь о томъ, чтобъ права народа стали въ его лицѣ предметомъ торжественнаго суда. Въ темницѣ вель онъ себя такъ же спокойно и скромно, требовалъ только суда и утверждалъ, что интересы короля не менѣе связаны съ законнымъ рѣшеніемъ такого вопроса. Король, обнадеженный недавнимъ увѣреніемъ судей, что въ случаѣ крайней необходимости, для безопасности государства корабельная такса можетъ быть признана законною, наконецъ, согласился и даровалъ Гэмдену право суда. Адвокаты Гэмдена поддерживали его съ тѣмъ же благоразуміемъ, которое онъ самъ обнаружилъ, отзываясь о королѣ и его преимуществахъ съ глубокимъ уваженіемъ, избѣгая всякихъ восклицаній, всякихъ сомнительныхъ началъ, опираясь только на законы и на исторію государства. Одинъ изъ нихъ, М. Гольборнъ, даже нѣсколько разъ прерывалъ свою рѣчь, прося судей извинить его за энергію выраженій и предупредить его, если онъ перейдетъ границы, предписанныя приличіемъ и закономъ. Сами коронные адвокаты хвалили Гэмдена за его скромность. Процессъ продолжался 13 дней. Въ теченіе этого времени, посреди всеобщаго раздраженія, были обсуждаемы основные законы страны, и, между тѣмъ, защитникамъ ея правъ нельзя было сдѣлать ни единого упрека въ увлеченіи или въ мятежныхъ замыслахъ.

Гэмденъ былъ осужденъ (12 іюня 1637). Только четверо изъ судей подали голосъ въ его пользу. Король былъ очень доволенъ этимъ приговоромъ, видя въ немъ рѣшительное торжество абсолютной власти. Народъ смотрѣлъ на него съ той же точки и пересталъ ожидать чего-либо отъ властей и законовъ; но радость Карла была напрасна, ибо народъ, потерявъ надежду, пріобрѣлъ мужество. Недовольство, до того времени не имѣвшее ни единства, ни связи, сдѣлалось единомушнымъ: дворяне, горожане, фермеры, купцы, пресвитеріане, сектаторы—вся нація была поражена этимъ приговоромъ. Имя Гэмдена было у всѣхъ на устахъ: вездѣ произносили его съ любовью и гордостью, ибо участь его была изображеніемъ участи народа, а его поведеніе дѣлало честь этому народу. Друзья и слуги короля едва осмѣливались отстаивать законность его побѣды. Судьи оправдывались и почти признавались въ своей низости, думая этимъ заслужить прощеніе. Мирные граждане вздыхали и молчали, люди смѣлые громко и съ тайной радостью высказывали свое негодованіе. Вскорѣ, какъ въ Лондонѣ, такъ и въ графствахъ, у недовольныхъ явились вожди, которые стали сближаться другъ съ другомъ и совѣщаться о будущемъ. Вездѣ принимались мѣры къ общему соглашенію и къ взаимной поддержкѣ въ случаѣ нужды. Наконецъ, образовалась партія, тщательно скрывавшаяся, но явно одобряемая народомъ. Король и его совѣтъ еще упоены были своимъ послѣднимъ торжествомъ въ то время, какъ противники ихъ нашли уже случай и средства дѣйствовать.

Около мѣсяца спустя послѣ осужденія Гэмдена, въ Эдмбургѣ вспыхнулъ сильный мятежъ (23 іюля 1637). Онъ былъ вызванъ самовольнымъ и неожиданнымъ введеніемъ новой литургіи. Со времени восшествія своего на престолъ, Карлъ по примѣру отца, не переставалъ стремиться къ уничтоженію республиканскаго устройства шотландской церкви, заимствованнаго ею у кальвинистовъ, и къ восстановленію во всемъ его значеніи и пышности англиканскаго епископата, котораго нѣкоторые слѣды еще оставались. Обманы, строгости, угрозы, подкупы—все было употреблено

для достиженія этой цѣли. Деспотизмъ обнаружилъ при этомъ даже гибкость и терпѣніе: онъ обращался то къ честолюбію духовенства, то къ интересамъ мелкихъ владѣльцевъ, предлагая послѣднимъ легкій выкупъ десятины, а первымъ — высшія церковныя и государственныя должности, постоянно приближаясь къ цѣли, но путями окольными и отдаленными. Отъ времени до времени въ народѣ безпокойство усиливалось, національное духовенство оказывало сопротивленіе, но собранія его были закрываемы, болѣе смѣлые его проповѣдники изгонялись. Иногда парламентъ, часто унижавшійся до раболѣпства, колебался: тогда мѣшали выборамъ, подавляли пренія, даже прибѣгали къ подлогу относительно голосовъ. Такимъ образомъ, шотландскія церковь, теряя право за правомъ, постепенно подпадала подъ иго іерархическаго устройства и ученія англиканской церкви, освящавшаго абсолютную власть и права епископовъ и короля. Въ 1636 году дѣло, повидимому, приближалось къ окончанію: епископы получили свои прежнія юридическія права; архіепископъ св. Андрея (Споттисвудъ) былъ канцлеромъ королевства, епископъ россій (Максвелль) готовился быть лордомъ казначейства, изъ четырнадцати прелатовъ — девять засѣдали въ государственномъ совѣтѣ и имѣли въ немъ перевѣсъ. Карлъ и Лодъ нашли, что настала пора довершить начатое дѣло и ввести въ эту церковь, не сносясь ни съ духовенствомъ, ни съ народомъ, каноническій кодексъ и богослуженіе, сообразное съ ея новымъ положеніемъ.

Но въ Шотландіи реформа возникла не по волѣ государя и не вслѣдствіе раболѣпства придворныхъ, какъ въ Англіи: она была народна съ колыбели, она шла не отъ престола, а возвышалась съ низу собственной своею силою, и наперекоръ всякимъ преградамъ. Приверженцевъ ея не разъединяли ни система, ни положеніе, ни интересы. Въ долговременной борьбѣ научились они не бояться власти и даже направлять ее сообразно своимъ цѣлямъ. Шотландскіе проповѣдники могли хвалиться, что они вооружили націю, что они выдержали междоусобную войну, что они свергли съ престола королеву и управляли своимъ королемъ до той самой минуты, когда онъ, вступивъ на чуждый престолъ, вышелъ, такимъ образомъ, изъ-подъ ихъ вліянія. Сильные этимъ единствомъ и воспоминаніемъ столькихъ побѣдъ, они въ мысляхъ и даже въ рѣчахъ смѣло мѣшали политику съ вѣрой, дѣла государственныя съ религіозными преніями и съ высоты каюедрь порицали поведеніе королевскихъ министровъ, называя ихъ по именамъ, точно также, какъ нравы своихъ прихожанъ. Въ ихъ школахъ народъ усвоилъ себѣ такую же смѣлость мысли и слова. Обязанный реформой единственно самому себѣ, онъ дорожилъ ею не только какъ убѣжденіемъ, но какъ дѣломъ рукъ своихъ. За основное правило принималъ онъ духовную независимость своей церкви, а не религіозное первенство монарха, и находилъ въ себѣ и силу и право защищать, противъ папизма, королевской власти и епископата, все, что устроилъ противъ нихъ собственными силами. Перевѣсъ, пріобрѣтенный его королями вступленіемъ ихъ на англійскій престолъ, ослабилъ на время его мужество: отсюда торжество Іакова надъ пресвитеріанскими ученіями и учрежденіями, которымъ онъ вынужденъ былъ подчиняться, пока былъ простымъ королемъ Шотландіи. Королей легко приводитъ въ заблужденіе кажущееся раболѣпство народовъ. Оробѣвшая Шотландія показала Карлу побѣжденною. Въ пользу своей верховной власти и епископата, онъ подавилъ въ Англіи народную реформу, съ которою предшественники его всегда боролись

успѣшно. Онъ считалъ возможнымъ уничтожить ее и въ Шотландіи, гдѣ она господствовала издавна, гдѣ одна она получила законное устройство, гдѣ верховную власть престола призывалъ только епископатъ, едва успѣвшій подняться послѣ своихъ поражений и лишенный всякой другой опоры.

Попытка имѣла такой исходъ, какой, въ подобныхъ случаяхъ, часто приводитъ въ изумленіе и огорчаетъ служителей деспотизма: она оказалась неудачною, въ ту самую минуту, когда все сулило ей успѣхъ.

Возстановленіе епископата, уничтоженіе старинныхъ законовъ, закрытіе или подкупъ политическихъ или религіозныхъ собраній—все, что могло ускользнуть отъ глазъ народа, было совершено съ успѣхомъ. Какъ скоро для увѣнчанія дѣла надо было измѣнить, наконецъ, общественное богослуженіе, въ тотъ самый день, когда въ первый разъ введена была въ эдбургскомъ соборѣ новая литургія, все было ниспровергнуто. Въ нѣсколько недѣль, вслѣдствіе внезапнаго и всеобщаго возстанія, въ Эдбургъ изъ всѣхъ частей королевства стеклось безчисленное множество народа: землевладѣльцы, фермеры, мѣщане, художники, поселяне шли протестовать противъ нововведеній, которыми грозили ихъ вѣроисповѣданію, и своимъ присутвіемъ поддерживать эти протестаціи. Они наводняли дома и улицы, располагались у городскихъ воротъ и стѣнъ, осаждали залу государственнаго совѣта, который напрасно взывалъ о помощи къ совѣту муниципальному, осажденному, въ свою очередь; оскорбляли на дорогѣ епископовъ и, наконецъ, публично на городской площади выставили противъ нихъ обвиненія въ тиранніи и идолопоклонствѣ, подписанное многими духовными лицами, дворянами и даже нѣкоторыми вельможами. Король, не отвѣчая на жалобы недовольныхъ, велѣлъ имъ удалиться. Они повиновались не столько изъ покорности, сколько по необходимости, и черезъ мѣсяць (15 ноября 1637) возвратились въ городъ еще въ большемъ числѣ. На этотъ разъ не было никакихъ беспорядковъ; власти хранили гордое молчаніе. Высшіе классы пристали къ недовольнымъ. Въ двѣ недѣли правильная организація сопротивленія была обдумана, принята и пущена въ ходъ. Высшій совѣтъ, набранный изъ различныхъ городскихъ сословій, былъ назначенъ для содѣйствія общему предпріятію; въ каждомъ графствѣ, въ каждомъ городѣ были учреждены частные совѣты, іерархически-подчиненные главному, которые приводили въ исполненіе его распоряженія. Мятежь исчезъ, но готовъ былъ вспыхнуть вновь по первому призыву организованнаго имъ самимъ правительства.

Наконецъ Карлъ отвѣтилъ утвержденіемъ литургіи и запрещеніемъ инсургентамъ собираться, подъ страхомъ обвиненія въ оскорбленіи величества. Шотландскому совѣту данъ былъ приказъ содержать втайнѣ королевскую прокламацію до ея обнародованія. Но еще прежде ея опубликованія начальники инсургантовъ знали уже ея содержаніе. Они тотчасъ же созвали народъ, чтобъ онъ служилъ опорой своимъ представителямъ. Совѣтъ успѣшилъ предупредить ихъ и обнародовалъ прокламацію безъ отлагательства (19 февр. 1638). Въ ту же самую минуту, когда королевскіе герольды провозглашали ее, два шотландскіе пера, лордъ Юмъ и лордъ Линдсей, именемъ своихъ согражданъ обнародовали протестацію за своею подписью. Прочіе дѣлали то же вездѣ, гдѣ только была читана или раздаваема королевская прокламація. Съ каждымъ днемъ инсургенты приходили въ большее волненіе, подвергались новымъ угрозамъ и тѣснѣе сближались между собою; наконецъ, они рѣшились составить торжествен-

ный договоръ, какимъ не разъ уже соединялись шотландцы, чтобъ высказывать и твердо поддерживать свои права, вѣрованія и надежды. Александръ Гендерсонъ, пользовавшійся изъ духовныхъ лицъ наибольшимъ вліяніемъ на народъ, и Арчибальдъ Джонстонъ (будущій лордъ Уаристунъ, знаменитый адвокатъ) составили проектъ этого договора подъ народнымъ названіемъ „covenant“, который былъ просмотрѣнъ и одобренъ лордами Бальмерино, Лоуденъ и Ротъ (1 марта 1638 г.). Этотъ проектъ, кромѣ подробнаго и уже освященнаго вѣками изложенія вѣры, содержитъ въ себѣ формальное осужденіе новыхъ церковныхъ уставовъ, новой литургіи и клятву національнаго союза защищать, во всякомъ случаѣ, государя, религію, законы и права народа. Уже при самомъ предложеніи, ковенантъ былъ встрѣченъ единодушнымъ восторгомъ. Гонцы, которые смѣнялись отъ села до села, разносили его съ неслыханною быстротою въ самыя отдаленныя мѣста королевства, подобно тому, какъ нѣкогда разносимъ былъ по горамъ *огненный крестъ*, сзывавшій на войну всѣхъ вассаловъ одного сеньора. Дворяне, духовные, горожане, земледѣльцы, женщины, дѣти—всѣ толпились на площадяхъ и въ храмахъ, давая присягу въ вѣрности договору. Даже самые горцы, увлеченные національнымъ порывомъ, забывъ на минуту свою упорную гордость и дикую вражду, присоединились къ союзу. Менѣе чѣмъ въ шесть недѣль вся Шотландія стала подъ знамя ковенанта. Къ нему не пристали только королевскіе чиновники, нѣсколько тысячъ католиковъ да городъ Абердинъ.

Такая дерзость удивила Карла. Ему толковали о буйныхъ скопищахъ грязной черни. Эдимбургскій муниципальный совѣтъ поспѣшилъ даже обратиться къ его милосердію, отвѣчая за быстрое наказаніе бунтовщиковъ; а придворные шотландцы увѣряли, что по частнымъ письмамъ, ежедневно ими получаемымъ, въ Шотландіи все спокойно или готово утихнуть. Раздраженный безсиліемъ своей воли, Карль рѣшился прибѣгнуть къ силѣ; но ничего не было готово: нужно было выжидать время. Маркизь Гамильтонъ былъ отправленъ въ Шотландію съ порученіемъ потѣшить недовольныхъ какой-нибудь надеждой, но не возлагать на короля никакихъ обязательствъ и избѣгать рѣшительныхъ мѣръ. Двадцать тысячъ союзниковъ, которые собрались въ Эдимбургѣ для торжественнаго молебствія съ постомъ, вышли на встрѣчу Гамильтону (въ іюнѣ 1638); семьсотъ духовныхъ лицъ, въ парадныхъ одеждахъ, стояли на возвышеніяхъ по обѣмъ сторонамъ дороги и пѣли исаломъ во время шествія королевскаго посланника. Партія хотѣла дать маркизу высокое понятіе о своей силѣ, и Гамильтонъ, сколько для того, чтобъ поддержать между соотечественниками свой кредитъ, столько же изъ повиновенія инструкціямъ своего государя, обнаружилъ наклонность падать инсургентовъ. Но уступки, о которыхъ онъ объявилъ, показались имъ неудовлетворительными и обманчивыми. Королевскій ковенантъ, который онъ пытался противопоставить ковенанту народному, былъ отвергнутъ съ насмѣшками. Послѣ бесполезныхъ переговоровъ и многократныхъ путешествій изъ Эдимбурга въ Лондонъ и обратно, маркизь вдругъ получилъ отъ короля (въ сентябрѣ 1638) повелѣніе обѣщать инсургентамъ исполненіе всѣхъ ихъ желаній, отмѣненіе канонныхъ, литургіи и суда верховной комиссіи, созваніе церковнаго собора и парламента, гдѣ всѣ вопросы будутъ свободно обсуживаемы и гдѣ могутъ быть обвинены даже самые епископы. Шотландцы обрадовались; но къ этой радости примѣшивалось тѣмъ болѣе

недовѣрія, чѣмъ болѣе усиливались отнять у нихъ всякій предлогъ къ дальнѣйшему существованію ихъ союза. Генеральный синодъ собрался въ Глазгоу (21 нояб. 1638), но скоро замѣтилъ, что Гамильтонъ употребляетъ всѣ усилія, чтобъ запутать его дѣла, и прибѣгаетъ къ различнымъ хитростямъ, чтобъ сдѣлать его акты недѣйствительными. Это именно и имѣли въ виду инструкціи короля. Однако собраніе не расходилось и хотѣло подвергнуть епископовъ суду. Вдругъ Гамильтонъ приказалъ ему разойтись (28 нояб.). Въ ту же минуту получено было извѣстіе, что Карль дѣлаетъ приготовленія къ войнѣ и что армія, набранная въ Ирландіи Страффордомъ, готова ѣхать моремъ въ Шотландію. Гамильтонъ возвратился въ Лондонъ; но синодъ не думалъ расходиться, продолжалъ свои разсужденія, отвергъ всѣ королевскія нововведенія, поддержалъ ковенантъ и отмѣнилъ епископство. Многіе вельможи, до этого времени остававшіеся въ бездѣйствіи—и между ними назовемъ графа Арджайля, человека сильнаго и извѣстнаго своею осторожностью—явно перешли на сторону народа. Шотландскіе купцы отправились за море закупать военные припасы и оружіе; шотландскимъ войскамъ, служившимъ на континентѣ, посланъ былъ актъ ковенанта. Одинъ изъ ихъ лучшихъ офицеровъ, Александръ Лесли, получилъ приглашеніе возвратиться въ Шотландію, чтобъ, въ случаѣ нужды, принять начальство надъ инсургентами. Наконецъ (27 февр. 1639) отъ имени шотландскаго народа была обращена къ англійскому народу декларація, чтобъ объяснить ему справедливыя жалобы христіанъ, его братьевъ, и опровергнуть клеветы, которыми чернили шотландцевъ общіе враги ихъ.

Дворъ встрѣтилъ эту декларацію съ ироніей. Насмѣшливо улыбаясь, говорили о безразсудствѣ инсургентовъ; сожалѣли только о скучной необходимости воевать съ ними, потому что какую славу и какую прибыль могла принести война съ народомъ бѣднымъ, грубымъ и непросвѣщеннымъ? Хотя Карль былъ самъ шотландецъ, но онъ ласкалъ себя надеждою, что старинная ненависть и презрѣніе англичанъ къ Шотландіи отнимутъ у жалобъ инсургентовъ всякое вліяніе на умы. Но вѣрованіями, которыя соединяютъ народы, быстро сглаживаются раздѣляющія ихъ границы. Недовольные англичане въ интересахъ шотландцевъ безъ труда признали свои собственныя. Вскорѣ возникли тайныя сношенія между обоими королевствами. Деклараціи инсургентовъ распространялись по всюду. Ихъ жалобы, ихъ дѣйствія и надежды стали предметомъ народныхъ толковъ. Въ короткое время пріобрѣли они друзей и агентовъ въ Лондонѣ, во всѣхъ графствахъ, въ арміи, даже при дворѣ. Какъ скоро ихъ твердое рѣшеніе—стоять на своемъ сдѣлалось очевиднымъ и какъ только общественное мнѣніе Англій видимо стало склоняться на ихъ сторону, при дворѣ нашлось немало шотландцевъ и даже англичанъ, которые, чтобъ повредить какому нибудь сопернику, чтобъ отомстить, за какой-нибудь отказъ, чтобъ не остаться въ проигрышѣ ни въ какомъ случаѣ, поспѣшили оказать инсургентамъ кой-какія тайныя услуги. Они сообщали имъ нужныя свѣдѣнія, преувеличивали ихъ число, хвалили ихъ дисциплину и боялись за короля, предвидя многія затрудненія и опасности, которыя, по ихъ словамъ, легко могли быть устранены нѣкоторымъ снисхожденіемъ къ недовольнымъ. Королевская армія, подвигавшаяся къ Шотландіи, встрѣчала на пути множество слуховъ, разсѣянныхъ нарочно, чтобъ устрашить ее или замедлить ея движеніе. Генералу графу Эссексу

совѣтовали быть осторожнымъ, дожидаться подкрѣпленій. „Враги (говорили ему) гораздо многочисленнѣе; ихъ видѣли въ такомъ то мѣстѣ, у границы; они заняли всѣ укрѣпленные мѣста; даже Бервикъ будетъ уже въ ихъ рукахъ прежде, чѣмъ королевское войско подоспѣетъ къ нему на помощь“. Графъ, точный и вѣрный исполнитель, хотя и мало сочувствовавшій намѣреніямъ двора, продолжалъ свой походъ, вступилъ въ Бервикъ безъ всякаго препятствія и скоро убѣдился, что войска инсургентовъ были вовсе не такъ многочисленны и хорошо приготовлены, какъ ему рассказывали. Но благопріятные инсургентамъ слухи народъ ловилъ съ жадностью, равносильною усердію, съ какими ихъ распространяли, и потому они не переставали тревожить умы. Волненіе усилилось, когда король прибылъ въ Йоркъ (въ апрѣлѣ 1639). Онъ явился туда съ чрезвычайной пышностью, слѣпо вѣруя въ неотразимое вліяніе королевскаго величія и воображая, что ему стоитъ только показать это величіе—инсургенты образумятся. Чтобъ ослабить воззваніе шотландской націи къ англійской, онъ, съ своей стороны, сдѣлалъ воззваніе къ своему дворянству, повѣлявая ему, согласно феодальнымъ обычаямъ, оказать своему королю должную услугу. Лорды и толпа дворянъ устремились въ Йоркъ, точно на какой-нибудь праздникъ. Городъ и лагерь имѣли видъ двора и турнира: не было ничего похожего на приготовленія къ войнѣ. Эта пышность льстила тщеславію Карла, а, между тѣмъ, интриги, безпорядки и неповиновеніе царствовали вокругъ него. Пограничные шотландцы подружались съ его солдатами. Онъ хотѣлъ взять съ вельможъ клятву не поддерживать ни подъ какимъ предлогомъ никакихъ сношеній съ бунтовщиками. Лорды Брукъ и Сэй отказались, и Карлъ велѣлъ имъ только удалиться, не осмѣливаясь на болѣе строгую мѣру. Лордъ Голландъ вступилъ на шотландскую территорію; но, при видѣ войскъ, которыя Лесли умѣлъ искусно расположить, онъ, по недостатку должнаго вниманія, счелъ ихъ многочисленнѣе своихъ и поспѣшно удалился. Солдаты и генералы чувствовали мало охоты сражаться за дѣло, подвергнувшееся всеобщему нареканію. Шотландцы, знавшіе все, что нужно, воспользовались этимъ нерасположеніемъ. Они послали скромныя и льстивыя просьбы военачальникамъ, лорду Эссексу, лорду Арунделю и лорду Голланду, изъявляя полное довѣріе къ чувствамъ лордовъ и англійскаго народа и прося ихъ ходатайства, чтобъ король не лишилъ ихъ правосудія и возвратилъ имъ свою милость. Вскорѣ, рассчитывая на вѣрную поддержку, инсургенты обратились къ самому королю, съ глубокимъ почтеніемъ, но не уменьшивъ нисколько своихъ требованій. Карлъ, не питавшій къ недовольнымъ особенной ненависти, былъ въ большомъ затрудненіи. Онъ обнаруживалъ столько же желанія отдѣлаться поскорѣе отъ хлопотъ, сколько и неумѣнья предотвращать ихъ. Конференціи открылись (11 іюня 1639). Король выказалъ на нихъ много высокомерія, но торопился покончить дѣло. Шотландцы были упорны, но благоразумны. Гордость Карла удовлетворилась покорнымъ тономъ рѣчей ихъ, и 18 іюня 1639 г., съ согласія самого Лода, смущеннаго, какъ говорили, приближеніемъ опасности, заключенъ былъ въ Бервикѣ миръ, по которому слѣдовало распустить обѣ арміи и, вслѣдъ затѣмъ, созвать синодъ и шотландскій парламентъ; но спорамъ, возбуждившимъ войну, не было положено конца никакимъ яснымъ и точнымъ трактатомъ.

Война была только отложена: обѣ партіи равно чувствовали это.

Шотландцы, распуская свои войска, сохранили офицерамъ часть ихъ жалованья и велѣли имъ быть наготовѣ. Въ свою очередь Карль, едва распустивъ армію, началъ тайно набирать другую. Черезъ мѣсяць послѣ заключенія мира, онъ вызвалъ Страффорда въ Лондонъ, чтобы поговорить съ нимъ (какъ онъ писалъ) о нѣкоторыхъ военныхъ планахъ. Карль прибавлялъ: „У меня есть много, очень много другихъ причинъ желать, чтобы вы пробыли нѣсколько времени со мной. Въ письмѣ я могу сказать вамъ только слѣдующее: шотландскій ковенантъ принимаетъ большіе размѣры“. Страффордъ явился. Служить при дворѣ было его давнишнимъ и живѣйшимъ желаніемъ: это былъ единственный постъ, гдѣ его честолюбіе могло рассчитывать на власть и славу. Онъ явился съ твердымъ намѣреніемъ употребить противъ враговъ короны всю свою энергію, говорилъ о шотландцахъ съ величайшимъ презрѣніемъ, утверждалъ, что только отъ слабости было проиграно дѣло, и, между тѣмъ, такъ вѣрилъ въ твердость короля, что ожидалъ найти въ немъ для себя непоколебимую опору. Но, въ минуту прибытія Страффорда, дворъ былъ волнуемъ тайными интригами: графъ Эссексъ, встрѣченный при дворѣ съ холодностью, несмотря на успѣхи его во время войны, удалился съ неудовольствіемъ. Офицеры взаимно обвиняли другъ друга въ неискusstвѣ или въ нерадѣніи; фавориты королевы смѣшили воспользоваться всеобщимъ замѣшательствомъ, чтобъ нажиться и погубить своихъ соперниковъ; король былъ печаленъ и упалъ духомъ. Страффордъ скоро почувствовалъ себя не на своемъ мѣстѣ. Онъ увидѣлъ невозможность достигнуть утвержденія всего того, что считалъ необходимымъ, и исполненія того, что заставлялъ утвердить. Придворные направили противъ него свои происки. Одинъ изъ его личныхъ враговъ, сэръ Генри Венъ, на зло ему, получилъ, по ходатайству королевы, должность государственнаго секретаря. Публика, которая встрѣтила его возвышеніе съ безпокойствомъ, не зная, какъ употребить онъ свое вліяніе, вскорѣ узнала, что онъ предлагаетъ самыя крутыя мѣры, и осыпала его проклятіями. Однако-жъ необходимо было дѣйствовать. Между королемъ и шотландцами возникли споры о содержаніи бервикскаго трактата, гдѣ почти ничего не было опредѣленнаго, а ту бумагу, которая, по словамъ ковенантеровъ, содержала въ себѣ истинныя условія этого трактата, Карль велѣлъ сжечь черезъ палача. Но онъ остерегался публиковать отъ себя что-либо въ опроверженіе этого, потому что, при переговорахъ, подалъ шотландцамъ надежды, которыхъ не хотѣлъ исполнить. Раздраженные такимъ вѣроломствомъ и принужденные, вслѣдствіе извѣстій, получаемыхъ ими отъ своихъ англійскихъ друзей, удвоить свое недовѣріе, синодъ и парламентъ ковенантеровъ, будучи далеки отъ какихъ бы то ни было уступокъ, объявили новыя, еще болѣе смѣлыя требованія. Парламентъ хотѣлъ, чтобъ король обязался созывать его каждые три года, чтобъ была упрочена независимость выборовъ и преній, чтобъ политическая свобода, строго охраняемая, могла наблюдать за исполненіемъ обѣщаній. Выраженія: *посягательство на верховную власть, нарушеніе правъ государя* и тому подобныя, начали раздаваться чаще, нежели когда-либо, при дворѣ и совѣтѣ. Страффордъ сказалъ: „Этихъ людей надо образумить кнутомъ“. Рѣшено было начать войну. Но какъ вести ее? какими новыми и благовидными предлогами оправдать ея необходимость въ глазахъ народа? Государственная казна была пуста, королевская касса истощена, а обще-

ственное мнѣніе уже настолько могущественно, что его можно было не слушать, но нельзя было не обращаться къ нему. Желаемый предлогъ къ войнѣ представился. Съ самаго начала смуть, кардиналъ Ришилье, недовольный преобладаніемъ при англійскомъ дворѣ испанскаго вліянія, былъ въ сношеніяхъ съ шотландцами; онъ имѣлъ у нихъ агента, пересылалъ имъ деньги, оружіе и обѣщалъ, въ случаѣ надобности, еще большую поддержку. Было перехвачено письмо отъ главныхъ начальниковъ ковенанта, съ надписью: „Королю“. Очевидно, оно было адресовано королю французскому, у котораго шотландцы просили помощи. Карлъ и его совѣтъ были увѣрены, что это воззваніе къ иностранному государю, какъ государственная измѣна, возбудитъ въ Англіи всеобщее негодованіе, равносильное ихъ собственному: по ихъ мнѣнію, этого было достаточно, чтобъ убѣдить всѣ умы въ законности войны. Въ этой увѣренности, которая прикрывала тяжелую необходимость, король рѣшился созвать парламентъ. Въ ожиданіи, пока онъ соберется, Страффордъ снова отправился въ Ирландію (16 марта 1640), чтобъ требовать и отъ тамошнихъ палатъ субсидій и войска.

При извѣстіи о созваніи парламента, Англія была удивлена: она перестала надѣяться на законную реформу, а о какой-нибудь другой реформѣ и не думала. Какъ ни было сильно негодованіе націи, но она чуждалась всякой насильственной мѣры. Одни сектаторы, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ чернь и нѣсколько челоуѣкъ, уже ставшихъ во главѣ партій и связавшихъ съ ними свои интересы, питали болѣе мрачныя страсти и имѣли болѣе обширныя виды. Публика одобряла и поддерживала ихъ сопротивление, но за тѣмъ даже и не подозрѣвала въ нихъ какихъ-нибудь другихъ намѣреній. Долговременныя неудачи заставили многихъ благонамѣренныхъ гражданъ сомнѣваться, если не въ законности, то, по крайней мѣрѣ, въ умѣстности увлеченія и упорства послѣднихъ парламентовъ. Безъ упрека, но съ сожалѣніемъ вспоминали о грубости ихъ рѣчей и о безпорядочныхъ сценахъ, въ нихъ происходившихъ: обѣщались впередъ быть благоразумнѣе. Подъ вліяніемъ такого настроенія умовъ, избиратели составили нижнюю палату изъ членовъ, враждебныхъ двору. Эта палата приняла твердое намѣреніе удовлетворить общественнымъ требованіямъ. Въ ней заняли мѣста всѣ тѣ лица, которыя пріобрѣли народное расположеніе своею оппозиціей; но большинство состояло изъ мирныхъ гражданъ, не принадлежавшихъ ни къ какой партіи, не довѣрявшихъ увлеченію, тайнымъ заговорамъ и необдуманнѣмъ предпріятіямъ и, льстившихъ себя надеждою устранить зло, не раздражая короля и не подвергая опасности общественное спокойствіе.

Послѣ долгой отсрочки, которая возбудила нѣкоторое неудовольствіе, парламентъ собрался 13 апрѣля 1640. Карлъ далъ ему прочесть письмо шотландцевъ къ французскому королю, распространился объ ихъ измѣнѣ, объявилъ о необходимости войны и просилъ субсидій. Нижняя палата почти не обратила вниманія на письмо и, казалось, видѣла въ немъ обстоятельство маловажное въ сравненіи съ великими вопросами, которые подлежали ея обсужденію. Король обидѣлся, находя, что палата слишкомъ равнодушна къ его интересамъ. Съ своей стороны, палата жаловалась на нѣкоторое неуваженіе и несоблюденіе этикета, съ какими былъ принять ея ораторъ въ день его представленія королю. Дворъ, проведя одиннадцать лѣтъ безъ парламента, не могъ отстать отъ своего легкомысленнаго

къ нему презрѣнія, а палата, несмотря на свои миролюбивыя намѣренія вступивъ въ Вестминстеръ, прониклась законною гордостью общественной власти, преданной одиннадцатилѣтнему забвенію и снова вызванной по необходимости. Вскорѣ пренія стали серьезнѣе. Король хотѣлъ, чтобы палата, не приступая къ разсмотрѣнію народныхъ требованій, утвердила прежде субсидіи, и обѣщала потомъ милостиво выслушать ея представленія. Это вызвало пренія длинныя, но умѣренныя, несмотря на то, что засѣданія сопровождались необыкновеннымъ рвеніемъ и кончались гораздо позже обыкновеннаго срока. Нѣсколько горькихъ словъ, сорвавшихся съ языка у членовъ, пользовавшихся извѣстностью, были тотчасъ заглушены; рѣчи многихъ приверженцевъ короны, пользовавшихся всеобщимъ уваженіемъ, были встрѣчены благосклонно. Но палата твердо настаивала на своемъ и хотѣла прежде обсуждать требованія народа, а потомъ уже вопросъ о субсидіяхъ. Напрасно напоминали ей, что война не терпитъ отлагательства: палата мало заботилась о войнѣ, хотя и не высказывала этого явно, изъ уваженія къ королю. Карлъ прибѣгнувъ къ содѣйствію палаты перовъ. Они подали голосъ, что вопросъ о субсидіяхъ долженъ предшествовать разсмотрѣнію народныхъ требованій, и просили конференціи у нижней палаты, надѣясь склонить ее къ тому же. Нижняя палата приняла конференцію, но, возвратившись къ себѣ, подала голосъ, что рѣшеніе перовъ нарушаетъ ея привилегіи, потому что перы не имѣютъ никакого права заниматься вопросомъ о субсидіяхъ, пока онъ не будетъ постановленъ нижней палатой. Вожди партій: Пеймъ, Гэмденъ, Сентъ Джонъ, воспользовались случаемъ раздражить палату, требованія которой, по своей умѣренности, не соотвѣтствовали ея началамъ и положенію. Она нетерпѣливо волновалась, сдерживая свою силу, но принявъ твердое рѣшеніе отстаивать свои права. Время шло. Король говорилъ, что новый парламентъ такъ же упрямъ, какъ и прежніе. Карлъ былъ уже раздраженъ. Онъ послалъ сказать нижней палатѣ, что если ему назначать двѣнадцать субсидій, имѣющихъ быть уплаченными въ три года, онъ даетъ слово не собирать впередъ корабельнаго налога безъ согласія парламента. Сумма показалась слишкомъ огромною. Нѣкоторые говорили: „У государства нѣтъ столько денегъ!“. Притомъ, недостаточно было временнаго согласія короля не собирать подати съ кораблей: необходимо было вообще объявить ея незаконность какъ для прошедшаго, такъ и для будущаго времени. Однако нижняя палата не хотѣла ссоры съ королемъ. Ей объяснили, что сумма 12 субсидій далеко не такъ огромна, какъ говорили сначала, и, несмотря на свое нежеланіе отложить разсмотрѣніе народныхъ требованій, чтобы доказать свою благонамѣренность, она принялась обсуживать предложеніе короля. Когда было уже почти рѣшено дать субсидіи, не опредѣляя только ихъ количества, государственный секретарь, сэръ Генри Венъ, всталъ и объявилъ, что не стоитъ разсуждать о королевскомъ предложеніи, если не хотятъ его допустить во всей цѣлости, потому что король не согласится принять менѣе того, что требовалъ. Генеральный прокуроръ Гербетъ подтвердилъ слова Вена. Нижняя палата пришла въ изумленіе и негодованіе. Миролюбивѣйшіе изъ членовъ уныли. Было уже поздно: отложили преніе до завтра. Но на слѣдующій день, лишь только собрались члены нижней палаты, король велѣлъ имъ явиться въ верхнюю палату, и парламентъ былъ распущенъ черезъ три недѣли послѣ его созванія (5 мая 1640).

Черезъ часъ послѣ распушенія парламента, Эдуардъ Гайдъ (род. 1608 г., въ Дейнтонѣ, впослѣдствіи извѣстный лордъ Кларендонъ) встрѣтился съ Сентъ-Джономъ, другомъ Гэмдена и однимъ изъ вождей оппозиціи уже организовавшейся въ партію. Гайдъ былъ печаленъ; напротивъ, Сентъ-Джонъ, имѣвшій отъ природы угрюмую фізіономію, на которой никогда не замѣчалось улыбки, былъ веселъ и оживленъ. „Чѣмъ вы озабочены?“ — спросилъ онъ Гаида. „Тѣмъ же“, — отвѣчалъ Гайдъ, — „чѣмъ многіе честные люди: безразсуднымъ распушеніемъ такого мудраго парламента, отъ котораго мы только и ждали помощи въ нашемъ горестномъ положеніи“. „Вздоръ!“, — продолжалъ Сентъ-Джонъ, — „прежде, чѣмъ дѣла пойдутъ хорошо, надо, чтобъ они шли еще хуже. Этотъ парламентъ никогда не сдѣлалъ бы того, что нужно дѣлать“.

Къ вечеру того же дня Карлъ началъ раскаяваться. Онъ говорилъ, что ему представили въ ложномъ свѣтѣ намѣренія нижней палаты, и что Венъ никогда не получалъ отъ него полномочія объявлять, будто онъ не согласенъ менѣе, нежели на двѣнадцать субсидій. На слѣдующій день его беспокоили тѣ же мысли. Онъ пригласилъ къ себѣ нѣсколько опытныхъ людей и спрашивалъ ихъ: нельзя ли какъ-нибудь отмѣнить распушеніе парламента? Ему отвѣчали, что это невозможно, и Карлъ возвратился къ деспотизму менѣе самоувѣренному, но столь же легкомысленному и высокомерному, какъ и прежде.

Критическія обстоятельства, казалось, придали на минуту министрамъ нѣкоторую самоувѣренность, а мѣрамъ короля — нѣкоторый успѣхъ. Страффордъ возвратился изъ Ирландіи (4 апр. 1640) съ сильною подагрой, съ начинавшимся воспаленіемъ въ груди, не будучи въ состояніи двигаться. Но онъ получилъ отъ ирландскаго парламента все, чего требовалъ: субсидіи, солдатъ, пожертвованія, обѣщанія, и, едва оправившись отъ болѣзни, привялся за дѣла съ привычною энергіей и преданностью. Менѣе, нежели въ три недѣли, добровольныя пожертвованія, вызванныя его примѣромъ доставили казначейству около 300.000 ф. стерлинговъ. Большая часть этой суммы дана была папистами. Сюда присоединили всякіе обычные насильственные налоги, вынужденные займы, корабельную таксу, монополіи. Предлагали даже бить монету низшей пробы. Въ глазахъ короля и его приверженцевъ необходимость извиняла все; но тираннія никогда не ограничивается однимъ необходимымъ. Карлъ снова обратилъ противъ членовъ парламента бесполезную систему преслѣдованій и мести; сэръ Генри Белласизъ и сэръ Джонъ Готэмъ были заключены въ тюрьму за разговоры; домъ и бумаги лорда Брука были обысканы; М. Крю былъ посаженъ въ Тоуэръ за то, что не хотѣлъ выдать пресѣбъ, полученныхъ имъ въ продолженіе засѣданія, въ качествѣ президента комитета, назначеннаго для ихъ разсмотрѣнія. Со всего духовенства взята была клятва не соглашаться ни на какое измѣненіе въ церковномъ управленіи, и эта клятва оканчивалась словами *et coetera*, которыя возбудили улыбку негодованія и гнѣва. Никогда языкъ двора не бывалъ такъ высокомеренъ и трубокъ. Нѣсколько дворянъ Йоркскаго графства отказались отъ добровольнаго платежа. Совѣтъ хотѣлъ преслѣдовать ихъ. „На нихъ подѣйствуетъ только одно преслѣдованіе“, — сказалъ Страффордъ, — „ихъ надо вызвать и заковать въ кандалы“. Онъ понималъ лучше всякаго другого, какихъ размѣровъ достигло зло; но увлеченіе заглушало въ немъ всякій страхъ и всякое благоразуміе: онъ какъ-будто старался сообщить королю, совѣту и двору

то лихорадочное волненіе, въ которомъ человекъ уже не видитъ своихъ опасностей и не понимаетъ силъ своихъ. Страффордъ снова слегъ въ постель и былъ уже при смерти; но немощи только раздражали его упорство и, едва почувствовавъ возможность двигаться, онъ отправился съ королемъ къ войску, уже собравшемуся на шотландскихъ границахъ, надъ которымъ ему слѣдовало принять начальство.

Дорогой Страффордъ узналъ, что шотландцы, принявъ наступательное движеніе, вступили въ Англію (21 авг. 1640), а прибывъ въ Йоркъ, получилъ другое извѣстіе, что они разбили у Ньюборна (28 авг.) первый встрѣченный ими полкъ англичанъ почти безъ всякаго сопротивленія. То и другое событіе были дѣломъ не однихъ шотландцевъ. Во время перемирія ихъ лондонскіе агенты заключали тѣсный союзъ съ вождями недовольныхъ, и эти недовольные уговорили ихъ, въ случаѣ возобновленія войны, броситься внезапно на Англію, обѣщая имъ подмогу многочисленной партіи. Даже въ Шотландію былъ отправленъ гонецъ, который въ выдолбленной палкѣ привезъ шотландцамъ обязательство за подписями шести главнѣйшихъ вельможъ Англій, поддѣланными лордомъ Сэвилемъ—единственнымъ завѣдомымъ зачинщикомъ заговора—чтобъ внушить шотландцамъ болѣе довѣрія. Одна заклятая ненависть къ Страффорду заставила лорда Сэвиля, человекъ, всѣми презираемаго, затѣять эту смѣлую интригу; но по всему видно, что въ ней принимали участіе и патріоты болѣе сильные и искренніе. Они ошибались насчетъ образа мыслей народа: едва только парламентъ былъ распущенъ, отвращеніе къ войнѣ съ Шотландіею громко высказалось. Въ Лондонѣ прибыты были афиши, подстрекавшія мастеровыхъ взбунтоваться и разорвать Лода, виновника столькихъ несчастій, на мелкіе куски. Бѣшеная толпа осадила его домъ, и онъ принужденъ былъ скрыться въ Уайт-Галль. Въ церковь св. Павла, гдѣ засѣдала комиссія церковнаго суда, ворвалась другая шайка съ криками: „Долой епископовъ! долой церковные суды!“ Въ графствахъ можно было набирать рекрутовъ только силою. Чтобъ избѣгнуть рекрутства, многіе уродовали себя, иные вѣшались. Тѣ, которые безъ сопротивленія шли въ солдаты, подвергались оскорбленіямъ на улицахъ, презрѣнію въ своихъ семействахъ и со стороны друзей. Являсь въ полкъ, они приносили туда и встрѣчали тамъ тѣ же чувства. Многіе офицеры, заподозрѣнные въ папизмѣ, были убиты своими солдатами. Когда арміи очутились лицомъ къ лицу съ шотландцами, неповиновеніе и ропотъ удвоились; въ ея глазахъ развѣвались знамена съ надписью: „ковенантъ“; въ ея ушахъ раздавался барабанный бой, призывавшій шотландское войско къ проповѣди, а при восходѣ солнца—пѣніе псалмовъ и молитвъ. При этомъ зрѣлищѣ, при рассказахъ о благочестивой ревности и дружественномъ расположеніи шотландцевъ къ англійскому народу, солдаты приходили то въ умиленіе, то въ негодованіе, проклиная эту нечестивую войну и уже побѣжденные, потому что, по ихъ мнѣнію, они воевали противъ своихъ братьевъ и своего Бога. Достигнувъ береговъ Тайна, шотландцы, безъ всякихъ непріязненныхъ демонстрацій, просили позволенія перейти эту рѣку. Англійскіе часовые послали имъ двѣ-три пули; шотландцы отвѣчали нѣсколькими пушечными выстрѣлами; сраженія почти не было, англійскія арміи разсѣялись, и Страффордъ принялъ начальство только затѣмъ, чтобъ отступить къ Йорку, предоставивъ шотландцамъ безпрепятственно занимать страну и крѣпости, расположенныя между этимъ городомъ и границею обоихъ королевствъ.

Съ этой минуты самъ Страффордъ былъ побѣжденъ. Напрасно прибѣгалъ онъ и къ ласкамъ, и къ угрозамъ, чтобъ измѣнить настроеніе войска. Онъ обращался съ офицерами принужденно, плохо скрывая свое презрѣніе или гнѣвъ. Его строгости раздражали солдатъ, не устрашая ихъ. Вскорѣ изъ многихъ графствъ король началъ получать просьбы заключить миръ. Лорды Уартонъ и Гоуардъ осмѣлились представить королю одну изъ нихъ. Страффордъ велѣлъ арестовать ихъ, созвалъ военный судъ и требовалъ, чтобъ они были разстрѣляны въ виду всей арміи, какъ виновники бунта. Судъ хранилъ молчаніе. Наконецъ Гамильтонъ прервалъ его. „Милордъ!“ — сказалъ онъ Страффорду, — „когда приговоръ будетъ утвержденъ, ручаетесь ли вы за солдатъ?“. Страффордъ, какъ бы пораженный внезапнымъ свѣтомъ, задрожалъ и, ничего не отвѣчая, отвернулся въ сторону. Впрочемъ, его неукротимая гордость еще поддерживала въ немъ надежду. „Королю стоитъ только сказать слово (писалъ онъ Лоду), и я выгоню отсюда шотландцевъ скорѣе, чѣмъ они вошли—отвѣчаю за это головой; но необходимо, чтобъ распоряженіе это шло не отъ меня, а отъ кого-нибудь другаго“. Въ самомъ дѣлѣ, Карль уже избѣгалъ Страффорда, боясь его энергическихъ совѣтовъ. Этотъ государь находился въ совершенномъ отчаяніи: съ каждымъ днемъ видѣлъ онъ какое-нибудь новое доказательство своего безсилія. Денегъ не было, и всѣ мѣры достать ихъ оставались безъ успѣха; солдаты бунтовались или дезертировали цѣлыми толпами; народъ повсюду волновался, нетерпѣливо дожидаясь предчувствуемой развязки; сношенія съ шотландцами завязывались на глазахъ короля, въ его лагерѣ, даже въ его дворцѣ. Шотландцы, дѣйствуя съ постояннымъ брагоразуміемъ, покорные на словахъ, щадили занятія ими графства, выказывали плѣннымъ величайшее вниманіе и, при всякомъ случаѣ, выражали миролюбивыя чувства, вѣрность и преданность королю, будучи увѣрены въ побѣдѣ и желая только мира, который не замедлилъ бы увѣнчать ее. Говоря о мирѣ, начали поговаривать и о парламентѣ. При этомъ имени Карль, объятый ужасомъ, вздумалъ, неизвѣстно по чьему совѣту, созвать въ Іоркѣ генеральный совѣтъ перовъ королевства—феодалное собраніе, которое вышло изъ обыкновенія назадъ четыре вѣка, но съ которымъ нѣкогда, во времена безсилія общинъ, король часто дѣлилъ свою власть. Не давая себѣ отчета въ томъ, чѣмъ могло быть и что могло сдѣлать это собраніе, ждали отъ него болѣе сговорчивости и уваженія къ чести короля; задавали даже себѣ вопросъ: не можетъ ли одно это собраніе утвердить субсидіи? Но, прежде, чѣмъ генеральный совѣтъ собрался, къ королю поступили двѣ просьбы: одна отъ лондонской сити, другая отъ лица двѣнадцати перовъ, занимавшихъ важнѣйшія должности, или пользовавшихся особеннымъ уваженіемъ. Въ этихъ просьбахъ ясно и точно выражалось желаніе, чтобъ былъ созванъ настоящій, полный парламентъ. Этого было довольно, чтобъ побѣдить и послѣднее упорство въ королѣ, который потерялъ уже всю свою силу. Во время этихъ недоразумѣній, Страффордъ, чтобъ утолить свою злобу и чтобъ оправдать свои мнѣнія, напалъ на шотландцевъ и одержалъ надъ ними нѣкоторый верхъ. Его осудили, какъ человѣка, повредившаго королю, и онъ получилъ приказъ воротиться на свои квартиры и не выходить изъ нихъ. Перы собрались (14 сент. 1640). Карль объявилъ имъ, что онъ созываетъ парламентъ, и только просилъ у нихъ совѣта насчетъ переговоровъ съ шотландцами. Переговоры эти открылись. Для веденія ихъ наз-

начены были шестнадцать перовъ всё до одного державшіе сторону народа. Прежде всего было постановлено, что обѣ арміи останутся на военной ногѣ и что король будетъ давать жалованье шотландскому войску наравнѣ со своимъ. Для этого потребовали у лондонской сити займа 200,000 ф. стерлинговъ. Король и перы обезпечили употребленіе этого займа своимъ словомъ. Подписавъ въ Риппонѣ предварительныя статьи, Карль, послѣ столькихъ хлопотъ и огорченій, спѣшилъ отдохнуть въ обществѣ королевы и перенесъ переговоры въ Лондонъ, гдѣ долженъ былъ собраться парламентъ. Шотландскіе комиссары послѣшно прибыли туда, въ полной увѣренности, что найдутъ тамъ сильныхъ союзниковъ. По всей Англіи происходили выборы. Нація принялась за нихъ съ большимъ усердіемъ. Дворъ, опечаленный и убитый, тщетно пытался оказать на нихъ хоть какое-нибудь вліяніе: его кандидаты, за недостаткомъ хорошей поддержки, повсюду были отстраняемы; королю не удалось даже заставить выбрать сэра Томаса Гардинера, котораго ему хотѣлось сдѣлать президентомъ нижней палаты. Открытіе парламента было назначено на 3 ноября. Нѣкоторые лица совѣтовали Лоду выбрать какой-нибудь другой день. 3 ноября, говорили ему, дурной день: при Генрихѣ VIII парламентъ, открывшійся въ это число, начался паденіемъ кардинала Вольсея и кончился разрушеніемъ аббатствъ. Лордъ не обратилъ вниманія на эти примѣты, не потому, чтобъ онъ былъ слишкомъ увѣренъ въ успѣхѣхъ, а потому, что усталъ бороться, и предалъ, такимъ образомъ, себя и своего государя случайностямъ, хотя того, что готовило будущее, никто не могъ предвидѣть—ни побѣдители, ни побѣжденные.

КНИГА ТРЕТЬЯ.

Открытие парламента.—Онъ захватываетъ власть въ свои руки.—Положеніе политическихъ и религіозныхъ партій.—Уступки сдѣланныя королемъ.—Переговоры короля съ членами парламента.—Заговоръ арміи.—Процессъ и смерть Страффорда.—Путешествіе короля въ Шотландію.—Возстаніе въ Ирландіи.—Пренія о ремонстраціи.—Возвращеніе короля въ Лондонъ.—Успѣхи революціи.—Мятежи.—Дѣло пяти членовъ.—Король оставляетъ Лондонъ.—Отъѣздъ королевы на континентъ.—Дѣло милиціи.—Переговоры.—Король переноситъ свою резиденцію въ Іоркъ.—Объ партіи приготавливаются къ войнѣ.—Король не допущенъ въ Гулль.—Напрасныя попытки къ примиренію.—Образованіе двухъ армій.

1640—1642.

Въ назначенный день король открылъ парламента. Онъ прибылъ въ Вестминстеръ безъ всякой пышности, почти безъ свиты, не верхомъ и не улицами города, какъ обыкновенно бывало, а Темзой, въ простой лодкѣ, избѣгая взоровъ народа, какъ побѣжденный, слѣдующій за колесницей побѣдителя. Его рѣчь была неопредѣленна и нерѣшительна. Онъ общалъ въ ней исполненіе всѣхъ народныхъ требованій, но упорно называлъ шотландцевъ бунтовщиками и требовалъ изгнанія ихъ изъ королевства, какъ будто война еще продолжалась. Нижняя палата слушала его рѣчь съ холоднымъ почтеніемъ. Никогда, при началѣ засѣданій, палата не бывала такъ полна, никогда лица не имѣли такого гордаго выраженія въ присутствіи государя.

Едва король оставилъ собраніе, его приверженцы, немногочисленные въ палатѣ, тотчасъ увидѣли изъ разговоровъ присутствовавшихъ, что общественное недовольство даже превосходитъ ихъ ожиданія. Распущеніе послѣдняго парламента раздражило людей самыхъ умѣренныхъ. Съ тѣхъ поръ не было уже рѣчи ни о примиреніи, ни объ осторожности. Говорили, что настало для парламента время развернуть всю свою власть и вырвать злоупотребленія съ корнемъ, такъ, чтобъ не опасаться никакого новаго отпрыска. Такимъ образомъ съ той и другой стороны выражались одинаково гордыя идеи при силахъ далеко неодинаковыхъ. Одиннадцать лѣтъ назадъ, король и духовенство объявили свою власть безусловною, независимою, божественною: они не пренебрегли ни однимъ средствомъ, чтобъ заставить народъ принять ее по убѣжденію или по неволѣ. Не успѣвъ въ этомъ, а, между тѣмъ, проповѣдуя тѣ же начала, они, при своемъ безсиліи, просили помощи у собранія, которое также вѣровало въ верховность своей власти, хотя не возводило ее въ принципъ, не выставляло тщеславно на-показъ, а надѣялось съ успѣхомъ показать ее на дѣлѣ.

Парламентъ началъ приведеніемъ въ гласность всѣхъ народныхъ требованій. Каждый членъ приносилъ съ собою прошеніе отъ своего города, или графства; онъ читалъ это прошеніе и, взявъ его темой для какой-нибудь рѣчи, предлагалъ потомъ членамъ, чтобъ они, въ ожиданіи болѣе дѣйствительныхъ мѣръ, утвердили, по крайней мѣрѣ, законность жалобъ. Такимъ образомъ въ нѣсколько дней со всѣхъ сторонъ высказалось народное мнѣніе. Быстро были просмотрѣны и осуждены всѣ дѣйствія самовласти: монополіи, корабельные налоги, произвольные аресты, злоупотребленія епископовъ, дѣйствія исключительныхъ судовъ. Никто не противился рѣшеніямъ парламента, и единодушіе было таково, что многіе изъ этихъ рѣшеній были приняты съ голоса людей, которые вскорѣ стали самыми близкими повѣренными короля.

И между тѣмъ это средство казалось недостаточнымъ для обнаруженія всего зла: палата открыла болѣе сорока комитетовъ для розысканія злоупотребленій и для принятія жалобъ отъ гражданъ. Каждый день горожане и фермеры пріѣзжали и приходили толпами въ Лондонъ съ просьбами отъ своего города, или отъ своего кантона. Повсюду слышались обвиненія: они раздавались на каеэдрахъ, на площадяхъ; имъ съ жадностью внимали, каковы бы ни были ихъ органы или формы; ихъ выслушивали съ одинаковымъ довѣріемъ, какъ въ томъ случаѣ, когда они были направлены, вообще, на правительство, такъ и въ томъ, когда они падали на отдѣльныя лица. Сила комитетовъ была неограничена: никто не имѣлъ права противиться ей даже молчаніемъ, и самые члены государственнаго совѣта обязаны были давать свѣдѣнія о томъ, что происходило въ стѣнахъ его.

Къ осужденію дѣйствій присоединилось общее обличеніе самыхъ дѣятелей. Всякаго королевскаго агента, принимавшаго участіе въ исполненіи осужденныхъ мѣръ, какую бы должность онъ ни занималъ, клеймили именемъ „преступника“. Въ каждомъ графствѣ былъ составленъ списокъ по добныхъ преступниковъ. Они не были подвергаемы какому-нибудь однообразному и опредѣленному наказанію, но каждый день, по волѣ палаты, при малѣйшемъ подозрѣніи, могли быть вызваны и наказаны штрафомъ, тюремнымъ заключеніемъ, или конфискаціей имущества.

Провѣряя свои собственные выборы, палата объявила (9 нояб. 1640), что всякій принимавшій участіе въ какой-бы то ни было монополіи, недостойнъ засѣдать на скамьяхъ ея. Вслѣдствіе этого, четверо членовъ были исключены (21 янв. 1641). Впослѣдствіе многіе другіе были также исключены, подъ предлогомъ какихъ-нибудь неправильныхъ дѣйствій, но, въ сущности, безъ всякой законной причины, а просто потому, что палата не довѣряла ихъ образу мыслей. Двое самыхъ отъявленныхъ монополистовъ, сэръ Генри Мильдемей и М. Уайткеръ, были допущены въ палату безъ затрудненія: они вполне отдались новой власти.

При видѣ такой неожиданной, огромной и энергической власти, были объаты ужасомъ всѣ приверженцы короны, у которыхъ совѣсть была нечиста, или у кого были враги. Они вездѣ встрѣчали обвинителей, защитниковъ—нигдѣ. Дворъ старался только о томъ, чтобъ его забыли; король скрывалъ уныніе и безпокойство подъ видомъ полнаго бездѣйствія; судьи, опасаясь за самихъ себя, не осмѣливались возвысить голосъ въ пользу „преступниковъ“. Епископы безъ всякаго сопротивленія смотрѣли на уничтоженіе ихъ нововведеній. Джонъ Банкрофтъ, оксфордскій

епископъ, скоростижно умеръ отъ волненія и страха. Пресвитеріанскіе проповѣдники снова занимали духовныя должности и кафедры безъ законнаго посвященія. Всѣ секты, самыя разнородныя, имѣли открытыя собранія; всевозможные памфлеты безпрепятственно обращались въ народѣ. Самовластіе короля и епископовъ, еще не тронутое со всѣми министрами, судами, кодексами и обрядами, повсюду было парализировано.

Страффордъ предвидѣлъ эту катастрофу и умолялъ короля уволить его отъ обязанности быть въ парламентѣ. „Я буду бесполезенъ тамъ для вашего величества“, — писалъ онъ, — „мое присутствіе усилить опасность вашего положенія и выдастъ меня врагамъ. Позвольте мнѣ удалиться въ Ирландію, въ армію—куда вамъ будетъ угодно: тамъ я могу еще пригодиться вамъ на что-нибудь и спасти себя отъ гибели, которая ожидаетъ меня“. — „Я не могу“, — отвѣчалъ ему король, — „обойтись здѣсь безъ вашихъ совѣтовъ. Вамъ нечего бояться—это такъ же вѣрно, какъ то, что я, англійскій король, никто не посмѣетъ тронуть волоса на вашей головѣ“. Страффордъ колебался, но, при вторичномъ приглашеніи, презрѣвъ грозу, которой нельзя было избѣжать, поѣхалъ, съ твердымъ намѣреніемъ, въ свою очередь, обвинить передъ лицомъ верхней палаты, на основаніи свѣжихъ доказательствъ, главныхъ вождей общинъ въ томъ, что они вызвали и поддержали нападеніе шотландцевъ на англійскую территорію. Получивъ свѣдѣніе, что Страффордъ готовитъ имъ такой ударъ, Пеймъ и его друзья предупредили его. 9 ноября Страффордъ прибылъ въ Лондонъ; 10-го усталость и лихорадка задержали его въ постели; 11-го нижняя палата велѣла запереть двери и, по предложенію Пейма, вдругъ обвинила Страффорда въ государственной измѣнѣ. Только одинъ Лордъ Фоклендъ, несмотря на свою вражду къ нему, сказалъ, что правосудіе и достоинство палаты требуютъ, по его мнѣнію, отсрочки и какого-нибудь слѣдствія. „Малѣйшее замедленіе можетъ все испортить“, — отвѣчалъ Пеймъ, — „если графу удастся перекинуть два-три слова съ королемъ, парламентъ будетъ распущенъ; притомъ, палата не судитъ, а только обвиняетъ“. И онъ въ ту же минуту вышелъ, въ сопровожденіи комитета, чтобъ внести обвинительный актъ въ палату перовъ.

Въ эту минуту Страффордъ былъ у короля. При первомъ извѣстіи объ этомъ, онъ бросился въ верхнюю палату: но Пеймъ предупредилъ его. Дверь была заперта. Страффордъ громко постучался, обругалъ служителя, который медлил отпереть ему, и вступилъ въ залу. Не успѣлъ еще онъ дойти до своего мѣста, какъ нѣсколько голосовъ закричало ему: „Вонъ!“ Графъ остановился, осмотрѣлся кругомъ и, послѣ нѣсколькихъ секундъ колебанія, повинился. Черезъ часъ онъ былъ позванъ. Ему велѣли стать у рѣшетки на колѣни, и тамъ было ему сообщено, что верхняя палата утвердила обвиненіе, сдѣланное нижнею, и рѣшила, по ея требованію, заключить его въ Тоуэръ. Страффордъ хотѣлъ говорить, но палата не слушала его, и приговоръ былъ тотчасъ же исполненъ.

За обвиненіемъ Страффорда почти непосредственно слѣдовало обвиненіе Лода, менѣе страшнаго, но еще болѣе ненавидимаго. Закоренѣлый и истый фанатикъ, онъ не зналъ упрековъ совѣсти и очень удивился, что его преслѣдуютъ судомъ. „Ни одинъ членъ нижней палаты“, — сказалъ онъ, — „не можетъ считать меня измѣнникомъ въ глубинѣ своего сердца“. Графъ Эссексъ придрался къ этимъ словамъ, называя ихъ обидными для нижней палаты. Лодъ съ удивленіемъ извинялся и просилъ, чтобъ

его судили по стариннымъ парламентскимъ обычаямъ. Лордъ Сэй возсталъ на то, что Лодъ вздумалъ предписывать имъ правила. Архіепископъ, въ смущеніи, замолкъ, будучи не въ состояніи понять другихъ страстей, кромѣ своей собственной, и припомнить, что и онъ когда-то говорилъ такъ же съ своими врагами.

Два другіе министра, Лордъ Финчъ, хранитель печати, и государственный секретарь Уайндбэкъ, привимали не менѣе участія въ тиранніи; но одинъ изъ нихъ хитрый царедворецъ, предчувствовалъ свою судьбу и цѣлые три мѣсяца, во вредъ своему покровителю, употреблялъ всѣ силы, чтобъ заслужить себѣ прощеніе у представителей партій; другой, человѣкъ безхарактерный и бездарный, не внушалъ къ себѣ ни ненависти, ни страха; однако-жъ нижняя палата обвинила и ихъ, но безъ всякаго гнѣва, какъ бы единственно для успокоенія народа. Уайндбэкъ бѣжалъ. Лорду Финчу было позволено явиться въ палату, въ которой онъ произнесъ защитительную рѣчь въ самыхъ униженныхъ выраженіяхъ (21 дек. 1640). Палата осталась довольна этой рѣчью, какъ первымъ знакомъ подчиненія, оказаннаго ея власти со стороны королевскаго министра. Ему дали время спастись бѣгствомъ. Многіе изъ членовъ удивились такой неравномѣрности правосудія; но Пеймъ и Гэмденъ, ловкіе иятриганы, считали выгоднымъ поощрить низость. Было предложено еще нѣсколько обвиненій противъ двухъ епископовъ, нѣсколькихъ богослововъ и шести судей; но только обвиненіе Страффорда дѣятельно подвигалось впередъ. Особый тайный комитетъ, облеченный огромною властью, получилъ приказаніе изслѣдовать всю жизнь Страффорда и отыскать въ его словахъ, поступкахъ и даже совѣтахъ, какіе онъ могъ давать королю (несмотря на то, были ли они приняты послѣднимъ, или нѣтъ) доказательства государственной измѣны. Въ Ирландіи былъ составленъ другой вспомогательный комитетъ. Шотландцы присоединились къ нему съ злобной деклараціей, объявляя, что ихъ армія не выйдетъ изъ Англіи до тѣхъ поръ, пока не будетъ наказанъ ихъ заклятый врагъ. Такимъ образомъ, въ угоду народной ненависти и злобѣ, три націи соединились противъ одного человѣка, заключеннаго въ тюрьму.

Избавившись отъ своихъ противниковъ и приготовляя самому страшному изъ нихъ блистательное мщеніе, палата захватила правленіе въ свои руки. Она назначила субсидіи, но весьма ограничєнныя, едва достаточныя для покрытія необходимыхъ ежедневныхъ расходовъ. Особая коммиссія, составленная изъ ея же членовъ, которые были назначены ея же биллемъ, должна была одна распоряжаться назначеніемъ и употребленіемъ этихъ денегъ. Таможенныя пошлины были утверждены только на два мѣсяца. По истеченіи срока, это утвержденіе было возобновляемо. Для покрытія издержекъ необходимы были доходы болѣе значительныя и скорѣе доставляющіе наличность. Палата сдѣлала заемъ, но отъ своего имени, у своихъ единомышленниковъ въ Сити, даже у своихъ собственныхъ членовъ, представивъ въ обезпеченіе долга одни обѣщанія: такимъ образомъ, возникъ общественный кредитъ. Король хлопоталъ о распушеніи обѣихъ армій, особенно шотландской, говоря, что ея содержаніе очень тяжело для сѣверныхъ графствъ; но палата нуждалась въ этихъ арміяхъ и надѣялась помочь народу перенести это время. „Филистимляне“ — сказалъ М. Стродъ, — „пока еще слишкомъ сильны: мы не можемъ обойтись безъ союзниковъ“. Требованіе короля было искусно обойдено. Даже при рас-

предѣленіи жалованья войскамъ выказано было болѣе расположенія къ шотландской, нежели къ англійской арміи, въ которой не всѣ офицеры внушали парламенту равное довѣріе. Нѣкоторые выразили неудовольствіе, но палата не обратила на это вниманія. Она пошла дальше: объявила, что шотландцы подали англичанамъ братскую помощь, что съ этихъ поръ послѣдніе должны называть ихъ *братьями*, и назначила въ ихъ пользу, въ видѣ возмездія и награды, сумму въ 300,000 ф. стерлинговъ. Переговоры объ окончательномъ мирѣ съ Шотландіею были ведены болѣе комитетомъ парламента, нежели королевскимъ совѣтомъ. Вожди обѣихъ палатъ, особенно нижней, всякій день обѣдали вмѣстѣ въ складчину у Пейма. Тамъ присоединились къ нимъ шотландскіе аленты, главные составители народныхъ жалобъ, значительныя лица Сити; тамъ обсуждались всѣ дѣла парламента и государства. Таково было тяготѣніе всякой власти къ парламенту, что королевскій совѣтъ, будучи неспособенъ, или опасаясь своими силами рѣшить малѣйшій вопросъ, обращался къ парламенту при всякомъ случаѣ, хотя тотъ и не думалъ его просить объ этомъ. Католическій священникъ Гудманъ былъ приговоренъ къ смерти. Король, не имѣя духа помиловать его, предалъ его жизнь въ руки членовъ нижней палаты. Это было единственнымъ средствомъ спасти его, потому что, несмотря на все свое увлеченіе, они не выказывали ни малѣйшей кровожадности. Народъ возненавидѣлъ мать королевы, Марію Медичи, которая въ то время находилась въ Лондонѣ: каждый день чернь окружала ее дворецъ и осыпала ее оскорбленіями и угрозами. И въ этомъ случаѣ обратились къ нижней палатѣ съ вопросомъ: можетъ ли Марія Медичи оставаться въ Англии, и какія мѣры надобно принять для ея безопасности? Палата отвѣчала, что ей слѣдуетъ выѣхать, назначила 10,000 ф. стерлинговъ на ея путешествіе, и рѣшеніе палаты было тотчасъ же исполнено. Приговоры королевскаго суда, давнымъ давно произнесенные и исполненные, подверглись пересмотру палаты, какъ частныя дѣла короля и двора. Обвиненіе Прейна, Бортона, Баствика, Лейтона, и Лильборна было объявлено незаконнымъ, и имъ присуждена была свобода, съ щедрымъ вознагражденіемъ, котораго они, однако, не получили—общая участь старыхъ заслугъ, которая скоро изглаживаются изъ памяти новыми заслугами и потребностями. Радость народа была единственной ихъ наградой. Когда освобожденные вѣзжали въ Лондонъ, навстрѣчу имъ высыпала огромная толпа; вся ихъ дорога была усыпана розмариновыми и лавровыми вѣтвями, а дома драпированы коврами. Восторгъ народа, апатія короля—все побуждало нижнюю палату взять въ свои руки бразды правленія, все способствовало къ тому, чтобъ дать ей значеніе верховной власти.

Первымъ шагомъ своимъ на пути государственныхъ реформъ она возвѣстила, если не верхность своей власти, то, по крайней мѣрѣ, полную свою независимость. Былъ предложенъ билль (19 янв. 1641), которымъ предписывалось созывать парламентъ, по крайней мѣрѣ, одинъ разъ каждые три года. Еслибъ король не захотѣлъ созывать его, то двѣнадцать перовъ, собравшись въ Вестминстерѣ, могли это дѣлать безъ его содѣйствія. Въ случаѣ недостатка перовъ, шерифы и городскія власти обязаны были начать выборы. Еслибъ шерифы не озаботились этимъ, то граждане имѣли право собраться сами и избрать себѣ депутатовъ. Парламентъ не могъ быть ни распущенъ, ни отсроченъ безъ согласія обѣихъ

палаты равьше пятидесяти дней со времени его созванія; палаты осгавляли за собой исключительное право окончательно избирать себѣ президента. При первыхъ слухахъ объ этомъ биллѣ, король прервалъ, наконецъ, свое долговременное молчаніе. Онъ позвалъ обѣ палаты въ Уайт-Галль (23 янв. 1641) и сказалъ имъ: „Я вполне одобряю частое созваніе парламентовъ: сознаюсь, что это лучшее средство поддержать между мной и моими подданными союзъ, котораго я такъ желаю; но не могу согласиться на передачу моихъ правъ шерифамъ, констэблямъ и Богъ знаетъ кому“. Парламентъ увидѣлъ въ этихъ словахъ только новый поводъ поспѣшить принятіемъ билля. Никто не осмѣлился посовѣтовать королю отвергнуть билль, и онъ, скрѣпя сердце, подписалъ его, но счелъ нужнымъ выразить парламенту все свое неудовольствіе. „Послѣ этого“, — сказалъ онъ, — „я рѣшительно не вижу, чего бы еще могли вы отъ меня потребовать, и въ чемъ бы я могъ отказать вамъ. По правдѣ сказать, до сихъ поръ вы плохо поощряли меня къ такому снисхожденію: вы занимались только тѣмъ, что касалось непосредственно васъ самихъ. До меня и до интересовъ королевства вамъ не было никакого дѣла; вы разстроили все правленіе, и я долженъ сказать, что оно находится почти въ неисправимомъ положеніи. Теперь, надѣюсь, вы согласитесь, что я сдержалъ всѣ свои обѣщанія; подумайте и вы о своихъ обязанностяхъ“.

Парламентъ поблагодарилъ короля и опять сталъ продолжать реформы, потребовавъ сначала уничтоженія звѣздной палаты, сѣвернаго суда, потомъ суда церковной комиссіи и всѣхъ исключительныхъ трибуналовъ.

Никто не отвергалъ этихъ предложеній; изложеніе злоупотребленій заступило мѣсто преній. Даже люди, начинавшіе опасаться беспорядковъ и скрытыхъ мыслей какой-нибудь партіи, не осмѣливались защищать учрежденій, ненавистныхъ по своимъ дѣйствіямъ и въ сущности незаконныхъ, хотя многія изъ нихъ и были облечены въ законную форму. Политическая реформа была всеобщимъ, единодушнымъ желаніемъ, совершенно независимо отъ общественнаго положенія и религіозныхъ мнѣній. Подумать о послѣдствіяхъ и измѣрить весь объемъ этой реформы никому еще не приходило въ голову. Всѣ содѣйствовали ей, не отдавая себѣ отчета въ своихъ намѣреніяхъ и побужденіяхъ. Люди съ умомъ смѣлымъ и дальновиднымъ или уже выдавшіе себя поступками, осуждаемыми закономъ: Гэмденъ, Пеймъ, Голлизъ, Стэпльтонъ, мечтали лишить корону ея гибельнаго перевѣса, сосредоточить правленіе въ парламентѣ и упрочить его за нимъ навсегда. По ихъ мнѣнію, этого требовало народное право; въ этомъ заключалась, какъ для народа, такъ и для нихъ, единственная вѣрная гарантія. Но, пришедши къ такому намѣренію скорѣе по необходимости, нежели по принципу, ясно сознанныму и подкрѣпленному общественнымъ мнѣніемъ, они шли впередъ, не высказывая гласно этого намѣренія. У горячихъ сектаторовъ, у нѣкоторыхъ членовъ, неуспѣвшихъ еще составить себѣ извѣстности, хотя и весьма дѣятельныхъ, у Кромвеля, Геври Мартина и другихъ, по временамъ срывались съ языка слова болѣе грозныя противъ особы короля или противъ формы правленія; но имъ, по крайней мѣрѣ, въ парламентѣ, никто не придавалъ значенія, и даже тѣ, кого удивляла или раздражала циническая дерзость ихъ, не пугались ея. Большинство ласкало себя надеждою, что уничтоженіе злоупотребленій приведетъ къ тому порядку вещей, который оно называло бытомъ Старой Англіи, то есть къ роялизму, сдерживаемому въ границахъ закона періодическою

властью двухъ палатъ. Въ ожиданіи этого, поклонники Старой Англіи терпѣли, какъ временную необходимость, почти исключительное господство нижней палаты, которое, притомъ, было болѣе согласно съ ихъ смутными идеями и чувствами, хотя они того и не подозрѣвали. Такимъ образомъ, политическая реформа, всѣми одинаково желаемая, хотя вслѣдствіе совершенно разнородныхъ видовъ и надеждъ, шла вѣрно къ своей цѣли, движимая несокрушимой силой единодушія.

Нельзя того же сказать о религіозной сторонѣ вопроса: тутъ съ первыхъ же дней высказалось различіе мнѣній и желаній. Предложеніе лондонскаго Сити, подписанное 15,000 человекъ, требовало совершеннаго уничтоженія епископата (11 декаб. 1640). Почти въ то же время 7,000 духовныхъ лицъ требовали только ограниченія свѣтской власти епископовъ, ихъ самовластия въ дѣлахъ церкви, дурнаго управленія ея доходами. Вскорѣ послѣ этого изъ разныхъ графствъ получено было девятнадцать просьбъ, подписанныхъ, какъ говорятъ слишкомъ 100,000 человекъ, которые просили сохраненія епископальнаго правленія. Въ парламентѣ обнаружилось такое же разногласіе. Прошеніе сити было принято нижней палатой съ величайшимъ трудомъ, послѣ сильнѣйшихъ преній. Былъ предложенъ билль, который объявлялъ духовныхъ неспособными ни къ какой гражданской службѣ, и, такимъ образомъ, исключалъ епископовъ изъ палаты перовъ. Чтобы этотъ билль принять была нижней палатой (9 и 11 марта 1641), пресвитеріанская партія принуждена была дать обѣщаніе не простирать далѣе своихъ требованій. Гэмденъ только цѣною этого обѣщанія купилъ голосъ лорда Фокленда, но билль хотя и былъ допущенъ къ рассмотрѣнію палаты перовъ, тѣмъ не менѣе былъ отвергнутъ. Взбѣшенные этой неудачей, пресвитеріане потребовали вдругъ уничтоженія епархій, деканствъ, капитуловъ, но встрѣтили такую энергическую оппозицію, что рѣшились отложить свое требованіе. Только разъ обѣ палаты выказали вѣкоторое единодушіе, стараясь подавить безпорядки, какія повсюду замѣчались въ общественномъ богослуженіи, и удержать его въ законныхъ формахъ; но, два дня спустя, онѣ пришли въ прежнее несогласіе. Нижняя палата совершенно самовольно, не снесясь даже съ лордами, отправила своихъ комиссаровъ въ графства выносить изъ церквей образа, жертвенники, Распятія и всѣ слѣды „идолопоклонства“, какъ она выражалась. Ея агенты освятили своимъ присутствіемъ народныя страсти, взрывъ которыхъ упредилъ ихъ. Съ своей стороны, лорды, узнавъ, что секта индепендентовъ открыто возобновила свои собранія (18 янв. 1641), позвали ея представителей къ рѣшеткѣ и сдѣлали имъ замѣчаніе, хотя и робкое. Относительно вопроса религіознаго ни одного мнѣнія, ни одного направленія нельзя было назвать господствующимъ и національнымъ. Между приверженцами епископата, одни немногочисленные, но одушевленные силой вѣры и личными интересами, поддерживали его притязанія на божественное право; другіе, считая это учрежденіе человѣческимъ, признавали его необходимою принадлежностью монархіи, и думали, что тронъ будетъ въ опасности, если епископская власть понесетъ сильный ущербъ; иные (и число такихъ было велико) охотно отстранили бы епископовъ отъ общественныхъ дѣлъ, но съ тѣмъ, чтобы оставить ихъ во главѣ церкви, чего, по ихъ мнѣнію, требовали преданіе, законы и потребности государства. Въ противной партіи мнѣнія были не менѣе различны: иные стояли за епископство по привычкѣ, хотя образъ мыслей ихъ

былъ ему несовсѣмъ благопріятенъ; многіе и, притомъ, наиболѣе просвѣщенные люди, думали, что никакому земному устройству церкви не принадлежитъ божественность и абсолютная законность, что внѣшній видъ церквей можетъ измѣняться сообразно съ мѣстными и временными условіями, что парламентъ всегда воленъ измѣнить его и что только одинъ общественный интересъ долженъ рѣшить судьбу епископата, уничтоженіе или сохраненіе котораго не вытекаетъ ни изъ какого философскаго начала. Но пресвитеріане и ихъ священнослужители видѣли въ епископальномъ управленіи идолопоклонство, осужденное евангеліемъ, наслѣдіе и предтечу папизма. Осуждая епископату, они съ фанатическимъ негодованіемъ отвергали его литургію, формы его богослуженія, его послѣдствія самыя отдаленныя, и хотѣли возвратить республиканскому устройству церкви божественное право, похищенное епископами.

Послѣ первыхъ успѣховъ политической реформы, эти разногласія нѣсколько времени задерживали ходъ парламентскихъ дѣлъ. Какъ только начинались пренія о религіозныхъ вопросахъ, противники двора, до той минуты дѣйствовавшіе единодушно, раздѣлялись и даже вступали въ борьбу. Большинство часто мѣняло свои мнѣнія; не было партій, которая была бы одушевлена постоянно однимъ и тѣмъ же духомъ, предана однимъ и тѣмъ же стремленіямъ и способна подчинить себѣ все остальное. Пеймъ и Гэмденъ, главные вожди политической партіи, ухаживали за пресвитеріанами, поддерживали даже самыя смѣлыя ихъ требованія. Однако, всѣмъ было извѣстно, что они не раздѣляли фанатическаго увлеченія пресвитеріанъ, что они скорѣе имѣли въ виду ограничить гражданскую власть епископовъ, чѣмъ измѣнить церковное устройство, и что это устройство имѣло въ верхней палатѣ въ числѣ лордовъ, пользовавшихся наибольшою популярностью, много приверженцевъ. Нѣкоторые благоразумные люди совѣтовали королю воспользоваться этимъ тайнымъ раздоромъ и предупредить соединеніе реформаторовъ политическихъ съ религіозными, смѣло ввѣривъ первымъ дѣла короны и государства.

Переговоры начались. Маркизь Гамильтонъ, страшный охотникъ играть роль посредника между партіями, былъ самымъ дѣятельнымъ агентомъ въ этихъ переговорахъ. Графъ Бедфордъ, человекъ умѣренный, имѣвшій вліяніе въ верхней палатѣ и пользовавшійся большимъ уваженіемъ общества, съ достоинствомъ повелъ дѣло. Вожди обѣихъ палатъ часто собирались у него. Онъ пользовался ихъ довѣріемъ и, казалось, могъ дѣйствовать отъ ихъ имени. Король, который не имѣлъ своей воли, а больше соглашался, образовалъ сначала новый тайный совѣтъ. Его составили лорды Бедфордъ, Эссексъ, Уорвикъ, Сэй, Кимбольтонъ и другіе, которые всѣ пользовались популярностью и изъ которыхъ нѣкоторые считались жаркими членами оппозиціи; но они всѣ до одного были вельможи. Отъ гордости Карла, уже оскорбленнаго одною необходимостью преклониться передъ ними, нельзя было ожидать болѣе явнаго знака его безсилія. Между тѣмъ, новые совѣтники не хотѣли отдѣлиться отъ своихъ друзей. Съ каждымъ днемъ Карлъ убѣждался болѣе и болѣе въ важности тѣхъ вождей нижней палаты, на которыхъ онъ смотрѣлъ съ такимъ горькимъ презрѣніемъ. Они, съ своей стороны, не отвергали предложеній, но выказывали мало готовности и принимать ихъ не потому, чтобы это было для нихъ все равно, а потому, что они поставлены были ими въ затрудненіе. Принимая предложенія, они достигали главной цѣли всѣхъ своихъ стремленій:

вступали именованъ націи въ законное обладаніе властью, давали изъ своей среды королю министровъ и ставили его въ зависимость отъ парламента. Но отъ нихъ требовали, чтобъ они спасли Страффорда и церковь, то-есть дали волю самому опасному врагу своему и разсорились съ пресвитеріанами, самыми искренними своими друзьями. Та и другая сторона находилась въ страшномъ затрудненіи; а взаимное недовѣріе было такъ глубоко, что не могло тотчасъ уступить честолюбію или страху. Дѣло, однако, дошло до прямыхъ и опредѣленныхъ предложеній. Пеймъ долженъ былъ сдѣлаться канцлеромъ казначейства, Гэмденъ—воспитателемъ принца валлійскаго, Голлизъ—государственнымъ секретаремъ; даже Сентъ-Джонъ былъ тотчасъ же назначенъ генеральнымъ королевскимъ прокуроромъ. Во главѣ министерства долженъ былъ стать графъ Бедфордъ, съ титуломъ государственнаго казначея. Одни изъ лицъ, занимавшихъ прежде эти должности, вызвались подать, другіе дѣйствительно подали прошенія объ отставкѣ.

Но во время этихъ переговоровъ, на успѣхъ которыхъ обѣ стороны мало надѣялись—а можетъ быть, и не слишкомъ, желали его—король получилъ другія предложенія, гораздо болѣе для него пріятныя. Въ арміи распространилось нѣкоторое недовольство. Многіе офицеры, бывшіе въ то же время членами нижней палаты, даже стали громко высказывать его. „Если шотландцамъ“—сказалъ одинъ изъ нихъ въ палатѣ,—„стоитъ только попросить денегъ, чтобы ихъ получить, то и англійскіе солдаты сумѣютъ сдѣлать это“. Слухи объ этомъ недовольствѣ вскорѣ дошли до королевы. Фаворитъ ея, Генри Джерминъ, присоединился къ недовольнымъ. Благодаря его посредничеству, она приняла ихъ въ Уайт-Галлѣ, пожалѣла объ ихъ положеніи, которое походило на положеніе короля, но было все-таки не такъ печально и опасно. Она была съ ними ласкова, оживлена, возлагала единственно на нихъ всѣ свои надежды, и легко убѣдила ихъ, что судьба государства въ ихъ рукахъ. Возникли тайныя конференціи, гдѣ предлагались всевозможные планы. Одни хотѣли, чтобъ армія шла на Лондонъ и, не теряя минуты, вырвала короля изъ неволи; другіе, болѣе благоразумные, совѣтовали войску обратиться къ парламенту съ просьбой и, выразивъ въ ней свою преданность королю и церкви, объявить, что, по его мнѣнію, преобразование государства совершенно, и нужно положить конецъ нововведеніямъ. Была также рѣчь о чужеземной помощи, о наборѣ войска въ Португаліи и Франціи—предложенія пустыя и бесполезныя, но высказанныя отъ чистаго сердца людьми легкомысленными, можетъ быть, только что пообѣдавшими или желавшими выказать себя, а не содѣйствовать успѣху предпріятія. Въ одно время съ этими совѣщаніями завязывались въ самой арміи кой-какія интриги, болѣе дѣятельныя, нежели дѣйствительныя. Недовольные то и дѣло ѣздили изъ лагеря въ Лондонъ, изъ Лондона въ лагерь. Памфлеты ходили по рукамъ между солдатами. Самъ король имѣлъ наконецъ свиданіе съ Пэрси, братомъ графа Нортумберланда, принадлежавшимъ къ числу заговорщиковъ. По совѣту Пэрси, онъ отвергъ всякую насильственную мѣру, всякую попытку вести армію въ Лондонъ; но ему былъ представленъ проектъ петиціи съ такими же угрозами противъ парламента, какими были наполнены противъ короны и церкви представленія, ежедневно поступавшія въ нижнюю палату. Король одобрилъ этотъ проектъ и, чтобъ уполномочить главныхъ дѣятелей предпріятія, согласился на ихъ просьбу—собственноручно подписать подъ проектомъ, въ знакъ одобренія, начальныя буквы своего имени.

Заговоръ продолжался, хотя и не подвигался впередъ. Петиція не была представлена; но ничто не укрывается отъ народной подозрительности: она принимаетъ намѣренія за дѣла, слова—за намѣренія. Толпа добровольныхъ шпионовъ ловила на площадяхъ и въ тавернахъ неосторожныхъ рѣчи офицеровъ. О нихъ тотчасъ же давали знать Пейму, которому партія ввѣрила свою полицію. Вскорѣ онъ получилъ болѣе подробныя свѣдѣнія о заговорѣ: Горингъ, одинъ изъ заговорщиковъ, явился къ графу Bedfordу и рассказалъ ему все. Ничто не измѣнилось; но воображеніе рисовало королю всевозможные ужасы. Вожди нижней палаты молчали о сдѣланномъ имъ открытіи, желая воспользоваться имъ при какомъ-нибудь важномъ случаѣ. Они не остановили даже переговоровъ о своемъ вступленіи въ министерство, которые продолжались, какъ и прежде, отъ имени короля. Но съ этого времени всякая нерѣшительность исчезла изъ ихъ совѣщаній: они вступили въ тѣсный союзъ съ фанатиками-пресвитеріанами—единственной партіей, на поддержку и безконечную преданность которой можно было рассчитывать, потому что одна она имѣла твердые принципы, пылкую страсть, стремленіе къ революціи и массы народа для ея выполненія. Въ то же время гибель Страффорда была безповоротно рѣшена. Его процессъ начался (22 марта 1641).

Нижняя палата хотѣла присутствовать при этомъ процессѣ въ полномъ своемъ составѣ, чтобъ этимъ присутствіемъ поддержать обвиненіе. вмѣстѣ съ членами нижней палаты, засѣдали комиссары Шотландіи и Ирландіи, увеличивая собою число обвинителей. Восемьдесятъ перовъ присутствовало въ качествѣ судей. Епископы, по настоятельному желанію нижней палаты, были устранены, такъ какъ это былъ процессъ уголовный. Надъ перами, въ закрытой ложѣ, сидѣли король и королева, горѣвшіе желаніемъ все видѣть, но скрывавшіе одинъ—свою тоску, другая—свое любопытство. Въ галереяхъ и на верхнихъ ступеняхъ тѣснилась толпа зрителей, мужчинъ и женщинъ, почти вся составленная изъ лицъ высшаго класса, заранѣе взволнованная торжественностію зрѣлища, важностію обвиненія и интересомъ, какой возбуждалъ всѣмъ извѣстный характеръ подсудимаго.

Онъ прибылъ водою изъ Тоуэра въ Вестминстеръ. Толпа, собравшаяся у воротъ, пропустила его безъ шума и безъ оскорбленій: ненависть была сдержана почтеніемъ, какое внушали его прежнее величіе, его осанка и страхъ, еще такъ недавно соединенный съ его именемъ. По мѣрѣ того, какъ Страффордъ подвигался впередъ, преждевременно сгорбленный болѣзью, но съ глазами блестящими и гордыми, какъ у юноши, народъ раздавался по сторонамъ, снимая шляпы. Страффордъ вѣжливо кланялся, считая это уваженіе толпы хорошимъ предзнаменованіемъ. Его поддерживала надежда. Онъ презиралъ своихъ противниковъ, хорошо изучилъ всѣ улики, противъ него представленныя, и былъ увѣренъ, что смоетъ съ себя обвиненіе въ государственной измѣнѣ. Только присоединеніе ирландцевъ къ числу обвинителей на минуту удивило его: онъ не могъ понять, какимъ образомъ страна, до сихъ поръ показывавшая такую покорность, старавшаяся даже льстить и служить ему, вдругъ измѣнилась до такой степени.

На слѣдующій день одно обстоятельство показало Страффорду, какъ ошибался онъ насчетъ своего положенія и съ какими трудностями сопряжена будетъ его защита. „Надѣюсь“,—сказалъ онъ,—„безъ труда опровергнуть клеветы моихъ коварныхъ враговъ“. При этихъ словахъ Пеймъ, ко-

торый заправлялъ преслѣдованіемъ Страффорда, съ жаромъ воскликнулъ: „Это обида нижней палатѣ. Взводить на нее упрекъ въ коварной враждѣ—есть преступленіе“. Страффордъ въ смущеніи, палъ на колѣни, извинился и съ этой минуты, совершенно спокойно и владея собою, не обнаружилъ болѣе никакихъ признаковъ гнѣва, или даже нетерпѣнія, не произнесъ ни одного слова, которое можно было бы обратить противъ него.

Въ теченіе семнадцати дней онъ одинъ защищался противъ тринадцати обвинителей, которые вставали поочередно. Во многихъ поступкахъ, полныхъ несправедливости и тиранніи, онъ былъ уличенъ неопровержимо. Но другіе факты, до нелѣпости преувеличенные, или безъ разбора принятые ненавистью, было легко опровергнуть и, по правдѣ сказать, ни одинъ изъ этихъ фактовъ не подходилъ къ законному опредѣленію государственной измѣны. Страффордъ употреблялъ всѣ усилія лишить ихъ этого характера, говорилъ съ благородствомъ о своихъ недостаткахъ и слабостяхъ, противопоставлялъ насилію своихъ противниковъ скромное достоинство и обнаруживалъ, никого не оскорбляя, пристрастную незаконность ихъ дѣйствій. Его защита была затруднена всякаго рода притѣсненіями: адвокатамъ, которыхъ онъ получилъ съ величайшимъ трудомъ и противъ желанія нижней палаты, не дозволяли ни говорить о фактахъ, ни спрашивать свидѣтелей. Позволеніе имѣть свидѣтелей въ свою пользу было ему дано только за три дня до начала преній; а большая часть тѣхъ свидѣтелей, на которыхъ онъ могъ разсчитывать, была въ Ирландіи. При всякомъ удобномъ случаѣ Страффордъ ссылался на свои права, благодарилъ судей, если они соглашались признать ихъ, не жаловался, если отказывали. Своимъ врагамъ, ворчавшимъ на проволочку, производимую его ловкой защитой, онъ отвѣчалъ: „Надѣюсь, что я имѣю столько же права защищать свою жизнь, сколько другіе нападать на нее“.

Такая энергія затрудняла и унижала обвинителей. Два раза нижняя палата просила лордовъ ускорить процессъ, за которымъ они будто бы теряютъ драгоценное для государства время. Лорды отвергли ихъ просьбу. Успѣхъ подсудимаго возвратилъ имъ нѣкоторую энергію. Прежде, чѣмъ адвокаты Страффорда успѣли открыть ротъ, прежде, чѣмъ онъ самъ успѣлъ высказать свою защиту, преніе о фактѣ было кончено и обвинительный комитетъ созналъ себя побѣжденнымъ, по крайней мѣрѣ, относительно улики въ государственной измѣнѣ. Члены нижней палаты пришли въ величайшее волненіе. Благодаря буквѣ закона и своему роковому генію, важный преступникъ готовъ былъ ускользнуть изъ рукъ, и реформа, едва начатая, обрѣтала вновь своего опаснѣйшаго врага. Рѣшились на крайнія мѣры. Сэръ Артуръ Гэзльригъ, человекъ суровый, съ страстями грубыми, предложилъ обвинить и осудить Страффорда актомъ парламента. Къ этому способу, который слагалъ съ судей всякую зависимость отъ закона, прибѣгали не въ первый разъ; но онъ употреблялся только во времена тиранніи и потомъ постоянно признавался незаконнымъ. Нѣсколько замѣтокъ, найденныхъ въ бумагахъ государственнаго секретаря Вена и переданныхъ Пейму его сыномъ, было выставлено въ дополненіе къ уликамъ, какъ доказательство государственной измѣны. По этимъ бумагамъ на Страффорда взведено было обвиненіе, будто бы онъ въ полномъ собраніи министровъ подалъ королю совѣтъ употребить ирландскую армію для усмиренія Англіи. Хотя слова, приписанныя ему, были опровергаемы

свидѣтельствомъ многихъ государственныхъ совѣтниковъ и могли быть истолкованы въ смыслѣ менѣе неблагопріятномъ, но они до такой степени были согласны съ поведеніемъ подсудимаго и съ тѣми идеями, какія онъ часто высказывалъ, что не могли не произвести живѣйшаго впечатлѣнія на умы: билль тотчасъ же былъ допущенъ къ первому чтенію. Одни думали, что жертвуютъ закономъ для правосудія, другіе — правосудіемъ для необходимости.

Между тѣмъ, процессъ продолжался, потому что обвинители не хотѣли упустить ни одного шанса противъ Страффорда: гроза чрезвычайной мѣры не должна была избавлять его отъ грозы закона. Еще прежде, чѣмъ адвокаты Страффорда успѣли произнести хотя одно слово по вопросу о правѣ, онъ снова началъ свою защиту (13 апрѣля 1641) и говорилъ долго, съ изумительнымъ краснорѣчіемъ, постоянно стараясь доказать, что ни по какому закону ни одному изъ его поступковъ не можетъ быть приписанъ характеръ государственной измѣны. Судьи съ каждой минутой убѣждались болѣе и болѣе въ его невинности, а онъ ловко слѣдилъ за своимъ успѣхомъ, приравливая слова къ впечатлѣнію, какое они производили. Внутреннее волненіе не мѣшало ему дѣлать наблюденія и подмѣчать, что происходило вокругъ него. „Милорды!—“ сказалъ онъ въ заключеніе, — „эти господа увѣряютъ, что они стоятъ за благо общественное противъ моего самовластнаго произвола. Позвольте мнѣ сказать, что я стою за благо общественное противъ ихъ самовластной измѣны. Мы живемъ подъ сѣнью законовъ: неужели мы должны умирать по законамъ, которые не существуютъ? Ваши предки заботливо включили въ наши статуты страшныя наказанія за государственную измѣну: не увлекайтесь честолюбіемъ превзойти ихъ въ искусствѣ убивать. Не опирайтесь на нѣсколько кровавыхъ примѣровъ, не ройтесь въ старыхъ протоколахъ, изъѣденныхъ червями и забытыхъ въ архивахъ, и не будьте заснувшихъ львовъ, которые могутъ въ послѣдствіи точно также растерзать васъ и дѣтей вашихъ. Что касается меня, жалкаго созданія, то еслибъ не интересъ вашихъ свѣтлостей и не интересъ тѣхъ священныхъ залоговъ, которые оставила мнѣ святая, живущая теперь на небесахъ (при этихъ словахъ Страффордъ остановился, залился слезами, и, вдругъ поднявъ голову, продолжалъ), я не сталъ бы такъ хлопотать о защитѣ этого полуразрушеннаго тѣла, обремененнаго столькими болѣзнями, что мнѣ, право, мало удовольствія донашивать это бремя“. Онъ остановился опять, какъ бы собираясь съ мыслями. „Милорды!“— продолжалъ онъ, — „кажется, я хотѣлъ вамъ что то еще сказать, но мои силы и голосъ ослабѣваютъ. Почтительнѣйше вручаю вамъ судьбу свою. Каковъ бы ни былъ вашъ приговоръ — жизнь или смерть принесетъ онъ мнѣ—я заранѣе добровольно принимаю его. Те Deum laudamus“.

Слушатели были растроганы и удивлены. Пеймъ хотѣлъ отвѣчать. Страффордъ взглянулъ на него. Неподвижность графа полна была чего-то грознаго. Нижняя губа его, блѣдная, выдававшаяся впередъ, выражала величайшее презрѣніе. Пеймъ, въ смущеніи остановился; руки у него дрожали, и онъ не могъ найти бумаги, которая лежала у него передъ глазами: то былъ приготовленный имъ отвѣтъ. Никто не слушалъ, когда Пеймъ читалъ его, спѣша скорѣе кончить рѣчь, несогласную съ настроеніемъ собранія, и съ трудомъ произнося слова.

Смущеніе проходитъ, негодованіе остается. Это чувство у Пейма и его

друзей достигло высшей степени. Они спѣшили вторымъ чтеніемъ билля объ уличеніи въ государственной измѣнѣ (bill of attainder) (14 апр. 1641). Напрасно Сельденъ, старѣйшій и знаменитѣйшій защитникъ свободы, Гольборнъ, одинъ изъ адвокатовъ Гэмдена по дѣлу о корабельномъ налогѣ, и многіе другіе оспаривали этотъ билль: онъ сталъ теперь единственнымъ оружіемъ партіи, потому что она понимала, какъ нельзя лучше, что лорды не обвинятъ Страффорда въ качествѣ судей и именемъ закона. Ей хотѣлось даже тотчасъ же прекратить процессъ и устранить адвокатовъ Страффорда, и увлеченіе было таково, что нѣкоторые требовали отдачи подъ судъ „дерзкихъ адвокатовъ, осмѣлившихся защищать челоуѣка, котораго нижняя палата объявила государственнымъ измѣнникомъ“. Лорды отвергли эти безумныя предложенія. Адвокаты Страффорда были выслушаны, но члены палаты не отвѣчали имъ и даже не присутствовали въ это время, говоря, что считаютъ несовмѣстнымъ съ своимъ достоинствомъ спорить съ адвокатами. Черезъ четыре дня, несмотря на живое сопротивленіе лорда Дигби, который до этой минуты былъ однимъ изъ самыхъ ожесточенныхъ обвинителей Страффорда, bill of attainder былъ окончательно принятъ (21 апр. 1641).

При этомъ извѣстіи король пришелъ въ отчаяніе и рѣшился спасти графа во что бы то ни стало. „Даю вамъ честное слово короля“ — писалъ онъ ему, — „ни жизнь, ни состояніе, ни честь ваша не потерпятъ никакого ущерба“. Всѣ средства были испытаны съ слѣпою поспѣшностью страха и отчаянія. Пробовали смягчить главныхъ членовъ палаты уступками и обѣщаніями, составляли заговоры, чтобъ дать заключенному средства бѣжать; но заговоры мѣшали негоціаціямъ, негоціаціи — заговорамъ. Графъ Бедфордъ, который обнаружилъ нѣкоторую снисходительность, скоропостижно умеръ. Гайдю, который говорилъ о непреодолимомъ препятствіи, какое встрѣтитъ билль въ совѣсти короля, графъ Эссексъ отвѣчалъ: „Мысли и совѣсть короля должны сообразоваться съ мыслями и совѣстью парламента“. Сэру Уильяму Бельфору, губернатору Тоуэра, предложено было 20.000 фунтовъ стерлинговъ и дочь Страффорда въ невѣсты его сыну, если онъ согласится способствовать бѣгству графа: тотъ отказался. Ему велѣли принять, подъ видомъ тюремной стражи, сто челоуѣкъ солдатъ, подъ начальствомъ капитана Биллингслея, принадлежавшаго къ числу недовольныхъ. Онъ увѣдомилъ объ этомъ нижнюю палату. Каждый день придумывалось какое-нибудь новое средство къ спасенію графа и оканчивалось ничѣмъ. Наконецъ король, въ противность совѣту самого Страффорда, призвалъ обѣ палаты, призналъ его виновнымъ, обѣщалъ имъ не давать ему впредь никакой должности, хотя бы даже констэбля, но объявилъ, что никакіе доводы, никакія угрозы не заставятъ его подписать смертный приговоръ Страффорду.

Но ненависть нижней палаты была непреклонна и болѣе смѣла, нежели горестъ короля. Она предвидѣла его сопротивленіе и взяла противъ этого надлежащія мѣры. Съ той минуты, какъ билль of attainder переданъ былъ въ верхнюю палату, около Вестминстера каждый день собиралась толпа народа, вооруженная шпагами, ножами, палками, которая кричала: *правосудія! правосудія!* и грозила лордамъ, замедлявшимъ приговоръ. Лордъ Арундель принужденъ былъ выйти изъ кареты и, снявъ шляпу, просилъ народъ разойтись, обѣщая ускорить исполненіе его желанія. Пятьдесятъ девять членовъ нижней палаты подали голосъ противъ

билля. Ихъ имена были прибиты къ стѣнамъ домовъ съ словами: „Вотъ страффордисты, измѣнники отечеству!“ Въ церквахъ раздавались тѣ же угрозы; читали проповѣди и молились Богу о наказаніи великаго преступника. Лорды, по требованію короля, жаловались нижней палатѣ на эти безпорядки: палата не отвѣчала. Между тѣмъ, билль все еще не имѣлъ силы закона. Тогда прибѣгли къ рѣшительной мѣрѣ, которую до сихъ поръ приберегали на случай: Пеймъ, призвавъ страхъ на помощь мщенію, донесъ о заговорѣ двора и офицеровъ, имѣющемъ цѣлью вооружить армию на парламентъ. Нѣкоторые изъ указанныхъ имъ лицъ бѣжали: это подтвердило подозрѣнія. Ужасъ и бѣшенство овладѣли палатой и народомъ. Положили запереть городскія ворота и вскрывать всѣ письма, приходящія въ городъ. Разныя нелѣпыя слухи усилили волненіе умовъ. Въ Сити распространилась молва (5 мая 1641), что подъ залой нижней палаты сдѣланъ подкопъ и что онъ каждую минуту можетъ взлетѣть на воздухъ, Народъ вооружился. Огромная толпа бросилась къ Вестминстеру. Сэръ Вальтеръ Эрль прибѣжалъ объявить о томъ палатѣ. Пока онъ говорилъ, Миддлтонъ и Мойль, замѣчательный по своей толщинѣ, быстро вскочили на ноги, чтобъ вслушаться въ его слова. Поль затрепалъ. „Взрывъ! взрывъ!“—закричали нѣкоторые изъ членовъ, бросаясь вонъ изъ залы, которую тотчасъ же наполнили толпы народа. Сцены подобнаго рода возобновлялись два раза въ теченіе восьми дней. Среди такихъ волненій, умно придумавныя мѣры упрочивали власть нижней палаты и успѣхъ ея плановъ. Въ подражаніе шотландскому ковенанту, члены парламента составили союзъ для защиты протестантской религіи, гражданской свободы, подкрѣпивъ его присягою. Нижняя палата хотѣла даже, чтобъ всѣ граждане приняли въ немъ участіе; и когда лорды выразили свое несогласіе, она объявила, что всякій, кто откажется отъ союза, неспособенъ ни къ какой должности, ни къ церковной, ни гражданской. Наконецъ, чтобъ отвратить на будущее время всякую опасность, былъ предложенъ билль, по которому настоящій парламентъ не могъ быть распущенъ безъ собственнаго его согласія. Такая смѣлая мѣра не возбудила почти никакого удивленія: предлогомъ ей была выставлена необходимость обезпечить займы, которые сдѣлались, какъ говорили, болѣе затруднительными. Всеобщее распаденіе умовъ заглушало всякія возраженія. Лорды пытались измѣнить билль, но напрасно: верхняя палата проиграла битву. Судьи своею трусостью довершили ея пораженіе: они объявили, что, согласно съ буквой закона, преступленія Страффорда дѣйствительно составляютъ государственную измѣну. Билль of attainder былъ въ послѣдній разъ пущенъ на голоса. Тридцать четыре лорда, присутствовавшіе при процессѣ, удалились изъ палаты; изъ остальныхъ двадцать шесть подали голосъ въ пользу билля и девятнадцать противъ, недоставало только королевскаго согласія.

Карль еще противился, считая себя не въ силахъ вынести такое безчестіе. Онъ позвалъ Голлиза, родственника Страффорда, который, благодаря этому родству, не участвовалъ въ его обвиненіи. „Что намъ дѣлать, чтобъ спасти его?“—спросилъ король съ отчаяніемъ. По мнѣнію Голлиза, Страффордъ долженъ былъ просить у короля отсрочки исполненія приговора, а король долженъ былъ лично представить эту просьбу палатамъ, обратясь къ нимъ съ рѣчью, которую Голлизъ сочинилъ тутъ же; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ обѣщался употребить всѣ усилія,

чтобъ убѣдить своихъ друзей удовольствоваться однимъ изгнаніемъ графа. Условившись такимъ образомъ, они разстались. Говорятъ, попытки Голлиза уже достигли нѣкоторыхъ счастливыхъ результатовъ; но королева, и безъ того нелюбившая Страффорда, испугалась народныхъ возмущеній, со дня на день усиливавшихся, и, притомъ, боясь, вслѣдствіе предостереженія нѣкоторыхъ близкихъ къ ней людей, чтобъ Страффордъ, для спасенія своей жизни, не обязался открыть все, что зналъ о ея интригахъ, пристала къ мужу съ своими подозрѣніями и опасеніями. Испугъ ея былъ такъ великъ, что она хотѣла бѣжать, сѣсть на корабль, возвратиться во Францію, даже дѣлала приготовленія къ отъѣзду. Разстроенный слезами жены, не будучи въ силахъ рѣшиться на что-нибудь самъ, Карль созвалъ сперва тайный совѣтъ, а потомъ епископовъ. Только одинъ лондонскій епископъ, Джаксонъ, совѣтовалъ ему послѣдовать голосу совѣсти: всѣ остальные, и особенно епископъ линкольнскій, хитрый прелать, долгое время стоявшій въ оппозиціи ко двору—уговаривали его пожертвовать однимъ человѣкомъ для цѣлаго государства и свою человѣческую совѣсть принести въ жертву своей королевской совѣсти. Едва окончилось совѣшаніе, какъ королю подано было письмо отъ Страффорда (9 мая 1641). „Государь!“,—писалъ ему графъ,—„послѣ долгой и тяжелой борьбы, я принялъ единственное, приличное въ моихъ обстоятельствахъ рѣшеніе. Всякимъ частнымъ интересомъ должно жертвовать для счастья вашей священной особы и государства. Умоляю васъ принятіемъ этого билля устранить препятствіе къ благополучному миру между вами и вашими подданными. Мое согласіе, государь, оправдаетъ васъ предъ Богомъ лучше, нежели всякія человѣческія мѣры. Никакого дѣйствія нельзя назвать несправедливымъ, если оно относится къ тому, кто самъ хочетъ ему подвергнуться. Моя душа, готовая оставить тѣло, прощаетъ все и всѣмъ съ безконечною радостью. Прошу васъ объ одномъ: удостойте моего бѣднаго сына и его трехъ сестеръ такой же благосклонности (ни болѣе, ни менѣе), какой будетъ заслуживать ихъ несчастный отецъ, смотря по тому, будетъ онъ впослѣдствіи найденъ виновнымъ или невиннымъ“.

На слѣдующій день государственный секретарь, Карльтонъ, пришелъ къ Страффорду отъ имени короля объявить, что онъ согласенъ на роковой билль (10 мая 1641). Нѣкоторое удивленіе показалось въ глазахъ графа, и, вмѣсто всякаго отвѣта, онъ, поднявъ руки къ небу, произнесъ: *Nolite confidere principibus et filiis hominum, quia non est salus in illis!*

Вмѣсто того, чтобъ, по своему обѣщанію, самому явиться въ парламентъ, король ограничился письмомъ, которое послалъ туда (11 мая) съ принцемъ валлійскимъ. Письмо это оканчивалось слѣдующимъ *post-scriptum*: „Если онъ долженъ умереть, то парламентъ оказалъ бы ему великую милость, отложивъ казнь до субботы“. Парламентъ два раза перечиталъ это письмо и, не обративъ вниманія на холодную просьбу короля, назначилъ казнь на слѣдующій день.

Губернаторъ Тоуэра, которому поручено было сопровождать Страффорда (12 мая 1641), предлагалъ ему взять карету, чтобъ избѣгнуть оскорбленій со стороны народа. „Ненужно“,—отвѣчалъ графъ,—„я не боюсь смотрѣть въ глаза смерти и народу. Я не уйду—будьте покойны, а отъ руки ли палача умереть, или отъ ярости народа—для меня рѣшительно все равно. И онъ пошелъ пѣшкомъ впереди конвоя, поводя вокругъ себя глазами, какъ начальникъ, идущій впереди своихъ солдатъ. Проходя мимо

тюрьмы Лода, Страффордъ остановился; наканунѣ онъ просилъ архіепископа стоять у окна и благословить его въ минуту шествія. „Милордъ“, — сказалъ графъ, поднявъ голову, — „вашего благословенія и молитвъ!“ — Архіепископъ протянулъ къ нему руки, но, не столь твердымъ духомъ и обезсиленный лѣтами, упалъ безъ чувствъ. „Прощайте, милордъ“, — сказалъ Страффордъ, удаляясь — „да защититъ Господь вашу невинность!“ Достигнувъ эшафота, графъ тотчасъ взшелъ на его ступени въ сопровожденіи брата, священнослужителей и нѣсколькихъ друзей, опустился на минуту на колѣни, потомъ всталъ и обратился къ народу. „Желаю этому королевству“, — сказалъ онъ, — „всякихъ земныхъ благъ. Счастіе отечества было цѣлю моей жизни; оно остается единственнымъ моимъ желаніемъ передъ смертью. Но умоляю cadaго, кто слышитъ мои слова, подумать хорошенько, положи руку на сердце, должно ли писать начало государственной реформы кровавыми буквами — подумайте объ этомъ, воротясь домой. Дай Богъ, чтобы ни одна капля моей крови не пала ни на кого изъ васъ! Но я боюсь, что вы находитесь на худой дорогѣ“. Онъ снова сталъ на колѣни и съ четверть часа молился; потомъ, обратясь къ друзьямъ, прѣстился съ каждымъ изъ нихъ, пожалъ каждому руку и, давъ имъ нѣсколько совѣтовъ, провзнесъ: „Я почти все сказалъ; одинъ ударъ — и моя жена будетъ вдовой, мои бѣдныя дѣти — сиротами, мои бѣдныя слуги — безъ господина. Господь да будетъ съ вами и со всеми ими! Да будетъ онъ благословенъ!“ — прибавилъ графъ, раздѣваясь, — „скидаю платье съ такимъ же спокойствіемъ, какъ будто ложась спать“. Онъ позвалъ палача, простилъ его, помолился еще минуту, положилъ голову на плаху и самъ подаль знакъ. Голова графа упала; палачъ показалъ ее народу, закричавъ: „God save the King!“ Раздались страшные вопли; однѣ толпы разсѣялись по городу, дикими криками торжествуя свою побѣду; другія молчаливо удалились, съ сомнѣніемъ и безпокойствомъ размышляя о томъ, справедлива ли была казнь, совершившаяся передъ ихъ глазами.

Недовольная такимъ впечатлѣніемъ, нижняя палата употребила всѣ свои усилія, чтобы подавить его. Ничто такъ не раздражаетъ побѣдителей, какъ сознаніе, что врагъ, хотя и мертвый, все-таки опасенъ. М. Тэйлоръ, который въ одномъ частномъ разговорѣ сказалъ, что мечомъ правосудія было совершено душегубство, былъ сосланъ въ Тоуэръ и выключенъ изъ палаты съ тѣмъ, чтобы его впредь туда не принимать. Лордъ Дигби издалъ свою рѣчь противъ билля of attainder; палата запретила продажу этой рѣчи и велѣла сжечь ее рукою палача. Никогда власть нижней палаты не казалась такъ обширна и прочна; согласившись на смерть графа, король принялъ также, почти безъ всякаго разсмотрѣнія, билль, лишившій его права распускать парламентъ безъ собственнаго его согласія. Впрочемъ, нижней палатѣ недоставало полной увѣренности въ себѣ: и чѣмъ болѣе возрастала ея власть, тѣмъ болѣе стремилась она къ тиранніи. Король, выдавъ ей Страффорда, унижилъ себя въ ея глазахъ, но не пересталъ быть для нея опасенъ; и вражда ихъ, усилившись, удвоила, вмѣстѣ съ тѣмъ, и взаимное недовѣріе. Въ средѣ нижней палаты начала образовываться партія роялистовъ, отдѣльная отъ партіи двора. Пеймъ, Гэмденъ, Голлизъ принуждены были съ каждымъ днемъ тѣснѣе и тѣснѣе сближаться съ сектаторами, а этотъ союзъ не нравился даже самымъ жаркимъ друзьямъ свободы: „Къ чему“, — говорили они, — „затруднять политическую реформу сомнительными вопросами? Въ дѣлѣ богослуженія и

церковныхъ правилъ мнѣнія раздѣлены; противъ абсолютизма Англія ратуетъ единодушно: это единственный врагъ, котораго надо преслѣдовать безъ пощады“. Иногда эти совѣтники брали верхъ, и палата, принявшись за изслѣдованіе жалобъ народа, снова одушевлялась единствомъ. Уничтоженіе звѣздной палаты, сѣвернаго суда, церковной коммисіи и всѣхъ произвольныхъ судовъ было рѣшено окончательно, и король изъяснилъ на него свое согласіе послѣ двухдневнаго колебанія (5 іюля 1641). Политическая реформа, по крайней мѣрѣ, въ томъ видѣ, какъ она была задумана и желаемая, казалось, была окончена; но къ чему поведутъ письменные статуты этой реформы, если ихъ тотчасъ же отдать на охраненіе врагамъ ея? Нерѣшимость короля, слухи о заговорахъ, измѣны, замѣченныя или предугадываемыя въ арміи и въ парламентѣ, возбуждали сильныя опасенія; въ случаѣ потери власти, вожди нижней палаты боялись погибнуть вмѣстѣ съ дѣломъ, которое они защищали: чтобъ удержать ее, необходима была помощь народа, а народъ, преданный пресвитеріанамъ, также требовалъ своей доли въ торжествѣ. Тогда возобновились всякаго рода предложенія противъ церкви: шотландцы начали даже открыто требовать единства богослуженія въ обѣихъ націяхъ. Ихъ попытки не всегда удавались, а этотъ неуспѣхъ и затрудненія, возникавшія въ парламентѣ отъ разногласія страстей и стремленій, придавали его дѣйствіямъ видъ нѣкоторой нерѣшимости и усталости, отъ которой многіе обѣщали себѣ отдыха. Но религиозная борьба завязывалась все жарче, сектаторы становились смѣлѣе; церковь съ каждымъ днемъ колебалась болѣе и болѣе. Даже въ верхней палатѣ, которая была самой надежной ея опорой, чувствовалась ея шаткость: лорды-прелаты уже не были теперь упоминаемы, по старинному обычаю, отдѣльно, въ началѣ биллей; палатскій клеркъ, читая что-нибудь, становился спиной къ скамейкѣ епископовъ; въ публичныхъ церемоніяхъ свѣтскіе лорды присваивали себѣ первое мѣсто. Эти явленія не ускользнули отъ вниманія пресвитеріанской партіи, и она безпрестанно возобновляла свои нападенія, управляя политическими реформаторами, которыхъ власть она поддерживала, и, несмотря на видимыя неудачи, съ каждымъ днемъ подвигалась къ своей цѣли.

Вдругъ король вспомнилъ о своемъ намѣреніи ѣхать въ Шотландію, гдѣ исполненіе трактата о мирѣ, который вскорѣ долженствовалъ быть заключенъ, будто бы требовало его присутствія. Въ то же время узнали, что королева, подъ предлогомъ поправленія своего здоровья, собиралась отправиться на континентъ. На пути короля находилась недовольная армія, а сношенія королевы съ континентомъ давно уже были заподозрѣны. Это двойное путешествіе, внезапное и одновременное, доставило подозрительности желаемую пищу. Подозрѣнія были основательны. Лишенный въ Лондонѣ силы и вліянія, окруженный бесполезными царедворцами или совѣтниками, которые сами дрожали отъ страха, Карль обратилъ взоры къ королевству своихъ отцовъ и къ самовластнымъ королямъ Европы. Въ Шотландіи, относительно церкви и гражданскаго управленія, онъ предполагалъ сдѣлать всевозможныя уступки, приобрѣсти, такимъ образомъ, расположеніе народа и осыпать вельможъ милостями. Его путешествіе и разговоры не замедлили увеличить въ арміи число его приверженцевъ. Виды его на континентъ были менѣе опредѣленны; однако-жъ, не замышляя и даже не предвидя войны, онъ искалъ уже денегъ и союзниковъ. Члены нижней палаты не выказали своихъ подозрѣній, но потребовали, чтобъ

королева осталась въ Лондонѣ и чтобъ король благоволилъ отложить свое путешествіе на нѣсколько времени. Карль выразилъ нѣкоторое неудовольствіе, давъ замѣтить, что онъ находитъ это требованіе неосновательнымъ капризомъ. Чобъ показать, что онъ не придаетъ своему отвѣту никакой важности, онъ отослалъ членовъ палаты къ шотландскимъ комиссарамъ, которые, какъ онъ говорилъ, просили его послѣшить отъѣздомъ, и къ самой королевѣ. Шотландцы охотно согласились на отсрочку; королева благосклонно обѣщалась не оставлять Лондона. Успокоившись на минуту, члены нижней палаты стали дѣятельно требовать распущенія арміи, которое до этой минуты было умышленно замедляемо. Они письменными актами обезпечили войскамъ скорую уплату жалованья. Чобъ исполнить обѣщаніе, усердные граждане плавилъ свое серебро; были предписаны новые займы, установлены новые налоги. Между тѣмъ, распущеніе арміи подвигалось не быстро, за недостаткомъ денегъ, а также и потому, что оно не нравилось многимъ офицерамъ. Король втайнѣ радовался этому; нижняя палата снова впадала въ безпокойство. Условленная отсрочка путешествія истекла. Палата требовала новой, но безъ успѣха: король объявилъ, что непременно поѣдетъ. Думали просить назначенія регента, чтобы не остановилось теченіе дѣлъ въ государствѣ, но эта мысль осталась безъ всякихъ послѣдствій. Король ограничился тѣмъ, что назначилъ графа Эссекса главнокомандующимъ на югѣ отъ р. Трента, и отправился 10 августа съ тайными надеждами, которыя прорывались въ тонѣ его рѣчи, но причины которыхъ никто не могъ разгадать.

Нижняя палата вскорѣ замѣтила, что въ отсутствіе короля она понапрасну теряетъ время въ нерѣшительныхъ и праздныхъ засѣданіяхъ. Ей гораздо нужнѣе было наблюдать вблизи за своими противниками и подогрѣть въ провинціяхъ ревность своихъ приверженцевъ. Послѣ незначительныхъ двухнедѣльныхъ засѣданій, она рѣшилась отложить ихъ на нѣкоторое время. Многие изъ членовъ хотѣли заняться своими дѣлами и немного отдохнуть; но вожди не дремали. Въ Шотландію былъ отправленъ, подъ руководствомъ Гэмдена, комитетъ для наблюденія за королемъ и охраненія интересовъ парламента. Другой комитетъ, многочисленный и облеченный обширною властью, засѣдалъ въ Вестминстерѣ въ этотъ промежутокъ времени, свободный отъ засѣданій парламента; председателемъ въ этомъ комитетѣ былъ Пеймъ. Верхняя палата приняла такія же мѣры. Множество членовъ разсѣялось по графствамъ, пылая нетерпѣніемъ распространить между ними свои чувства и опасенія. Обѣ партіи, подъ видомъ перемирія, искали вдаль новыхъ силъ, замышляя новыя битвы.

Ни въ англійской арміи, которую распускали, ни въ шотландской, которая возвращалась въ свое отечество, король не осмѣлился пребыть долго. Впрочемъ, его попытки къ сближенію съ солдатами, и особенно съ офицерами, были довольно открыты, такъ что лордъ Голландъ, наблюдавшій за распущеніемъ арміи, послѣшилъ письменно выразить свое безпокойство графу Эссексу, прибавивъ, что, возвратясь въ Лондонъ, онъ объяснитъ ему все подробнѣе. Прибывъ въ Эдмбургъ, Карль сдѣлалъ парламенту и шотландской церкви всѣ уступки, какихъ они просили: трехгодичные парламенты, отмѣненіе древнихъ преимуществъ короны, преслѣдованіе главныхъ противниковъ ковенанта, даже участіе парламента въ составленіи тайнаго совѣта — все было принято королемъ. Съ важностью, которая вовсе не походила на угодливость, присутствовалъ онъ при бого-

служеніи пресвитеріанъ, постоянно посѣщаль ихъ частыя молебствія, внимательно слушалъ ихъ длинныя проповѣди; всѣ вожди ковенанта, кто бы они ни были — міряне или духовенство, горожане или дворяне пользовались особеннымъ его благоволеніемъ; онъ расточалъ имъ титулы, мѣста, обѣщанія, награды.

Вдругъ по городу распространился слухъ, что двое вельможъ, пользовавшихся наибольшимъ вліяніемъ въ парламентѣ, Гамильтонъ и Арджаль, вышли изъ него вмѣстѣ съ своими друзьями и удалились въ замокъ Киннелъ, жилище графа Ланерка, брата Гамильтона, спасаясь отъ ареста и даже отъ насильственной смерти. Всѣ были чрезвычайно удивлены, обращались другъ къ другу съ вопросами, на которые никто не умѣлъ отвѣчать: что устало до такой степени бѣглецовъ? Что побудило короля на такой поступокъ? Распространились нелѣпыя догадки. Карлъ жаловался на это съ гордостью, какъ на личную обиду, и требовалъ, чтобы Гамильтонъ былъ исключенъ изъ парламента, пока его честь не будетъ отомщена. Парламентъ, твердый, но осторожный въ своихъ дѣйствіяхъ, отказался отъ всякаго необдуманнаго рѣшенія и приказалъ нарядить слѣдствіе. Выслушавъ многочисленныхъ свидѣтелей, слѣдственный комитетъ голословно донесъ, что королю нѣтъ причинъ требовать удовлетворенія, и бѣглецамъ нечего бояться. Они возвратились въ парламентъ, не сказали ни слова о случившемся, точно такъ же, какъ и Карлъ, и публика ничего болѣе не узнала.

Ни та, ни другая партія не хотѣли ей ничего сообщать; но для нихъ самихъ все разъяснилось. Въ ту самую минуту, когда король, имѣя въ виду вооружить Шотландію противъ Англіи, дѣлалъ столько уступокъ, онъ замышлялъ погубить своихъ враговъ въ обоихъ королевствахъ. Будучи увѣренъ, что судьи не могли не признать измѣной переписку недовольныхъ англичанъ съ шотландскими ковенантерами, которая предшествовала нападенію шотландцевъ и, можетъ быть, даже вызвала его, король явился въ Шотландію, желая лично удостовѣриться въ этомъ и надеясь, по своемъ возвращеніи въ Лондонъ, обратить противъ вождей нижней палаты то обвиненіе, котораго Страффордъ, предупрежденный ими, не успѣлъ даже высказать. Молодой и храбрый дворянинъ, нѣкогда преданный ковенанту, потомъ заслужившій благосклонность короля, графъ Монтрозъ, вызвался доставить ему желаемые документы. Писавъ на его обѣщанія, Карлъ предпринялъ путешествіе; но, еще до прибытія его въ Эдимбургъ, шифрованное письмо, перехваченное Арджайлемъ, возбудило подозрѣнія шотландцевъ, и король засталъ Монтроза уже въ темницѣ. Воодушевленный опасностью и сгорая жаждой мщенія, графъ передалъ королю свое желаніе видѣться съ нимъ и указать ему настоящихъ его враговъ и ихъ прежнія козни. Черезъ посредство нѣсколькихъ довѣренныхъ лицъ, Монтрозъ выбрался изъ тюрьмы, явился ночью въ комнату короля, передалъ ему все, что звалъ, обвинилъ Гамильтона и Арджайля, что они содѣйствовали интригамъ недовольныхъ, увѣрилъ короля, что въ ихъ бумагахъ найдетъ онъ всему этому доказательства, совѣтовалъ, наконецъ, схватить этихъ господъ и, если они будутъ противиться, отдѣлаться отъ нихъ. Склонный на необдуманныя рѣшенія, Карлъ не позаботился о впечатлѣніи, какое произведетъ такой насильственный поступокъ на умъ народа, который онъ старался расположить въ свою пользу, и согласился на все. Планъ этотъ былъ прикрытъ упомянутыми уступками, и все уже

было готово, какъ вдругъ оба лорда, извѣщенные о немъ во время, разрушили его, съ шумомъ выѣхавъ изъ города.

По совѣту умныхъ людей, шотландскій парламентъ замялъ это дѣло; онъ не предвидѣлъ болѣе опасностей и бояся, доведя борьбу до крайности, потерять приобрѣтенныя имъ выгоды. Самъ король, чтобы скрыть свои намѣренія и ихъ неудачу, далъ Гамильтону титулъ герцога, Арджайлю—маркиза: Лесли былъ названъ левенскимъ графомъ. Но Гэмденъ и англійскій комитетъ, которымъ все было хорошо извѣстно, успѣли увѣдомить объ этомъ лондонскій парламентъ, вакантное время котораго подходило къ концу. Партія пришла въ ужасъ: несмотря на свою подозрительность, она не предвидѣла такихъ опасностей и считала свои прежнія сношенія съ шотландскими инсургентами и самое возмущеніе подлежащими полной амнистіи, вслѣдствіе послѣдняго мирнаго договора. При такомъ проявленіи упорной мстительности въ королѣ, даже умѣренные люди почувствовали себя въ такомъ положеніи, котораго уже нельзя было поправить. Гайдъ, встрѣтивъ лордовъ Эссекса и Голланда, которые съ серьезнымъ видомъ толковали о случившемся, сталъ смѣяться надъ ихъ опасеніями и напомнилъ имъ, что думали они сама, годъ назадъ, объ Арджайлѣ и Гамильтонѣ. „Съ тѣхъ поръ все очень измѣнилось“,—отвѣчали они,—„и дворъ и народъ“. Въ самый день собранія (20 окт. 1641) нижняя палата потребовала отъ графа Эссекса охранной стражи, говоря, что она становится необходима для безопасности парламента. Стража была дана. На совѣщаніяхъ, бывшихъ у лорда Голланда въ Кенсингтонѣ, вожди обѣихъ палатъ, сообщивъ другъ другу подозрѣнія и полученныя каждымъ изъ нихъ свѣдѣнія, совѣщались о томъ, что имъ слѣдуетъ дѣлать; всѣ они были встревожены, и эта тревога заставляла ихъ рѣшаться на все. „Если король“,—сказалъ лордъ Ньюпортъ,—„замышляетъ противъ насъ такіе заговоры, то жена и дѣти его въ нашихъ рукахъ“. И ихъ опасенія были тѣмъ болѣе сильны, что они не смѣли воспользоваться ими для возмущенія народа; въ Шотландіи ничего не вышло наружу, въ Лондонѣ, и подавно нельзя было ничего раскрыть.

Среди этого глухого волненія пришло (1 нояб. 1641) неожиданное извѣстіе, что въ Ирландіи повсемѣстно совершаются убійства, вслѣдствіе страшнаго всеобщаго возстанія, которое угрожаетъ протестантской религіи и парламенту величайшею опасностью. Ирландскіе католики, вожди и народъ мятежно требуютъ возвращенія свободы своей религіи и своего отечества; именемъ королевы и самого короля, отъ котораго, какъ говорили они, имѣютъ тайное порученіе, они явно высказываютъ свое намѣреніе освободить себя и престолъ отъ англійскихъ пуританъ, ихъ общихъ притѣснителей. Этотъ заговоръ, давно уже веденный тайно во всемъ королевствѣ, былъ случайно открытъ только въ Дублинѣ, наканунѣ (22 окт. 1641) дня, назначеннаго для приведенія его въ дѣйствіе. Едва успѣлъ спасти отъ него главный правительственный пунктъ. Во всѣхъ прочихъ мѣстахъ пламя мятежа разлилось безпрепятственно: вездѣ ирландскіе протестанты были захвачены врасплохъ; ихъ выгоняли изъ ихъ имѣній, преслѣдовали, рѣзали, подвергали всякимъ истязаніямъ, какія только могла изобрѣсть религіозная ненависть патріотовъ противъ еретиковъ, чужеземцевъ и тирановъ. Разказы о ихъ бѣдствіяхъ приводили въ ужасъ и жалость: говорили о безчисленныхъ убійствахъ, о неслыханныхъ мученіяхъ. Зло дѣйствительно было таково, что никакое преувеличеніе, сдѣланное

подъ вліяніемъ страха, или какихъ-нибудь личныхъ видовъ, не могло показаться невѣроятнымъ. Народъ полудикій, но страстно привязанный къ тому варварскому состоянію, которое ему ставили въ упрекъ его притѣснители, мѣшая, однако-жъ, ему выйти изъ него, съ жаромъ схватился за эту надежду къ освобожденію, которую ему подавали ихъ раздоры. Желая въ одинъ день отмстить за вѣковыя обиды и страданія, онъ съ радостью и гордостью отдавался тѣмъ неистовствамъ, которыя приводили въ ужасъ его давнихъ властителей. У англійскаго правительства не было никакихъ средствъ бороться съ нимъ: парламентъ, по чувству ненависти къ Страффорду и къ королевской власти, занятый исключительно мыслью утвердить въ Англіи свободу, забывалъ, что онъ въ то же время хотѣлъ поддержать тираннію въ Ирландіи. Казна была истощена; военное положеніе уничтожено; вся армія состояла изъ одного незначительнаго корпуса; власть королевская обезоружена; даже, въ противность волѣ короля, запрещено было распущеннымъ ирландцамъ переходить въ иностранную службу, и, распространившись по государству, они увеличили собою силы мятежниковъ: наконецъ, хотя графъ Лейстеръ назначенъ былъ на мѣсто Страффорда, однако-жъ въ Ирландіи еще не было на лицо новаго вице-короля и дѣла были поручены двумъ судьямъ, людямъ неспособнымъ, не пользовавшимся довѣріемъ и получившимъ эту трудную должность единственно вслѣдствіе своей пресвитеріанской ревности.

Крики ужаса и ярости противъ папизма поднялись по всей Англіи. Ни одинъ протестантъ не считалъ себя безопаснымъ. Когда эти вѣсти дошли до короля, находившагося въ Шотландіи, онъ поспѣшилъ увѣдомить палаты о тѣхъ мѣрахъ, какія онъ принялъ съ помощью шотландцевъ, къ подавленію мятежа, отдавая, впрочемъ, все это дѣло въ руки парламента. Карль не былъ причастенъ этому возмущенію, и мнимое порученіе, которое выставялъ на видъ сэръ Фелимъ О'Нель, была грубая ложь. Но всѣмъ извѣстная ненависть его къ пуританамъ, довѣріе, которое онъ не разъ показывалъ къ католикамъ, интриги, которыя онъ уже три мѣсяца поддерживалъ въ Ирландіи, чтобы обезпечить тамъ для себя, на случай нужды, укрѣпленные мѣста и войско, наконецъ, обѣщанія королевы—все это убѣждало ирландцевъ въ томъ, что они могутъ дѣйствовать именемъ короля, не опасаясь искренняго неодобренія съ его стороны. Лишь только вспыхнуло возстаніе въ Ирландіи, Карль уже льстилъ себя надеждою, что предстоящая опасность сдѣлаетъ парламентъ сговорчивѣе. Онъ не поддерживалъ бунтовщиковъ, не замышлялъ съ ними скорago союза, но и на возстаніе ихъ смотрѣлъ безъ негодованія и ужаса, какой они возбуждали въ его народѣ, не спѣшилъ усмирять ихъ. Онъ предоставилъ дѣло парламенту съ тѣмъ, чтобы на него свалить и всѣ послѣдствія, отклонить отъ себя подозрѣнія въ соучастіи, а, можетъ быть, также и для того, чтобы свять съ себя, въ глазахъ своихъ католическихъ подданныхъ, отвѣтственность за тѣ жестокости, которымъ они могутъ подвергнуться впоследствии.

Но никакой хитрости не совладать съ народными страстями, и кто не хочетъ служить имъ, не обманетъ ихъ. Вожди нижней палаты, болѣе искусные и поставленные въ болѣе выгодное положеніе, старались только употребить ихъ въ свою пользу. Безпокойство ихъ исчезло, ибо народъ англійскій думалъ, что онъ подвергается такой же опасности, какъ и они. Поспѣшно захвативъ власть, предложенную имъ королемъ, они мало забо-

тились о прекращеніи мятежа, несмотря на ихъ торжественныя объявленія и строгія угрозы; помощь войскомъ и деньгами, посылаемая въ Ирландію, была недостаточна, производилась медленно, недружно; всѣ ихъ рѣчи, всѣ ихъ акты обращались къ одной Англіи, и, наконецъ, они положили, мѣрою сколько же рѣшительною, сколько и неожиданною, безвозвратно запутать Англію въ свои интересы.

Вскорѣ по открытіи парламента, поручено было особому комитету приготовить генеральную ремонстрацію, въ которой были бы изложены всѣ государственныя злоупотребленія и средства поправить ихъ. Но реформа произошла такъ быстро, что не подумали даже придать этой жалобѣ достаточную торжественность; большая часть неудовольствій, по крайней мѣрѣ, политическихъ, исчезла; комитетъ не занимался болѣе своимъ назначеніемъ, казалось, всѣ уже забыли и думать объ этомъ.

Вдругъ комитетъ получилъ повелѣніе возобновить работу и представить ее немедленно. Въ нѣсколько дней ремонстрація была составлена и представлена палатѣ; но ужъ это было не то, что предполагалось прежде: не изложеніе дѣйствительныхъ, вопіющихъ злоупотребленій и единодушныхъ желаній народа, но мрачная картина прошедшихъ золъ, старыхъ злоупотребленій, всѣхъ несправедливостей короля, всѣхъ заслугъ парламента, препятствій, которыя онъ преодолѣлъ, опасностей, которымъ онъ подвергался, въ особенности же тѣхъ, которыя угрожали ему впереди и требовали отъ него отчаянныхъ усилій—родъ воззванія къ народу, особенно къ пресвитеріанскимъ фанатикамъ, которые, возжигая страсти народа, пробужденныя ирландскимъ бунтомъ, призывали его безусловно предаться нижней палатѣ, говоря, что только одна она можетъ спасти его отъ папизма, епископовъ и короля.

При первомъ чтеніи проекта поднялся сильный ропотъ: такой непріязненный актъ, неоправдываемый никакими общественными побужденіями, безъ всякой прямой и видимой цѣли, возбудилъ удивленіе и подозрѣніе во многихъ членахъ, которые до тѣхъ поръ были мало расположены къ двору. Они жаловались на горечь выраженій, на это бесполезное негодование противъ злоупотребленій, уже не существующихъ, на грубое обращеніе къ королю, на тѣ надежды, которыя подавались сектаторамъ. Какія же это скрытыя намѣренія, невѣдомыя опасности, требующія такихъ сильныхъ мѣръ? Если эта ремонстрація назначается только для короля, какого добра можно ожидать отъ нея? Если же она обращена къ народу, то по какому праву дѣлается подобная апелляція? Вожди партій отвѣчали немного, потому что не могли сказать всего, но усердно стараясь пріобрѣсть голоса, объявляя, что они хотѣли только пугать дворъ, разоблачить его интриги, и что ремонстрація не будетъ обнародована.

Такого рода рѣчь произвела свое дѣйствіе, ибо взаимное недовѣріе было такъ глубоко, что люди, во всякомъ другомъ случаѣ умѣренные, поддавались ему, какъ скоро оно выражалось осторожно и кротко. Слушавъ нѣсколько дней (21 нояб. 1641), въ ту самую минуту, когда палата, послѣ продолжительнаго засѣданія, уже готова была разойтись, вожди, потребовали, чтобы ремонстрація немедленно отдана была на голоса: они считали себя и были увѣрены въ успѣхѣ; но лордъ Фоклендъ, Гайдъ, Кольпепперъ, Пальмеръ воспротивились этому, предлагая настоятельно отложить дѣло до завтра, и палата охотно согласилась. „Почему же“, — спросилъ Кромвель Фокленда, — „вы такъ желаете этой отсрочки?“ — „По-

тому, что теперь уже поздно, а дѣло не обойдется безъ пренія“. — „Преніе будетъ не длинно“, — возразилъ Кромвель съ искреннею или притворною увѣренностью. На другой день засѣданіе открылось въ три часа пополудни: уже наступила ночь, а пренія, казалось, только что начинались. Здѣсь предсталъ уже не дворъ передъ лицомъ народа — здѣсь сошлись въ первый разъ двѣ партіи, если не одинаково народныя, по крайней мѣрѣ, вышедшія изъ среды одной націи; обѣ онѣ опирались на общественные интересы и чувства; та и другая могли выставить добрыхъ и независимыхъ гражданъ; ихъ соединяли общія надежды, ихъ раздѣляли противоположныя опасенія; каждая изъ нихъ хорошо предвидѣла будущность, соединенную съ торжествомъ противной партіи, но плохо сознавала, къ чему можетъ повести ея собственная побѣда; онѣ боролись съ безпримѣрнымъ ожесточеніемъ и были тѣмъ болѣе упорны, что еще должны были шадить другъ друга и не смѣли явно обвинять одна другую на основаніи своихъ подозрѣній. Время уходило; слабыхъ, равнодушныхъ и стариковъ усталость гнала уже вонъ; даже королевскій министръ, государственный секретарь, Никласъ, оставилъ палату, не дождавшись конца преній. „Это будетъ“, — сказалъ сэръ Бенджаминъ Рудьеръ, — „приговоръ проголодавшихся присяжныхъ“. Наконецъ, около полуночи, рѣшились собирать голоса. Ремонстрація была принята 159 голосами противъ 148. Гэмденъ тотчасъ же встаетъ и требуетъ ея напечатанія. „Мы знаемъ“, кричали ему, — „вы хотите возмутить народъ и освободиться отъ содѣйствія лордовъ“. — „Не въ обычаѣ палаты“, — сказалъ Гайдъ, — „обнародовать такимъ образомъ свои акты. По моему мнѣнію, это рѣшеніе незаконное и будетъ гибельно. Если оно будетъ принято, позвольте мнѣ протестовать“. — „Протестую!“ — кричалъ Пальмеръ. „Протестую, протестую!“ — кричали, вслѣдъ за нимъ, друзья его. На другой сторонѣ удивляются, негодуютъ: говорятъ, что такой образъ дѣйствій употребителенъ только у лордовъ, а вовсе несвойственъ нижней палатѣ. Пеймъ начинаетъ доказывать незаконность его и опасность — его прерываютъ бранью; онъ настаиваетъ — ему отвѣчаютъ угрозами. Вся палата поднялась; многіе члены, ухватясь за шпаги, казалось, готовы были начать междоусобную войну въ самомъ парламентѣ. Проходятъ два часа; смятеніе возрождается при каждой попыткѣ остановиться на какомъ-нибудь рѣшеніи. Наконецъ Гэмденъ кротко и съ достоинствомъ жалуется на этотъ унижительный беспорядокъ, предлагаетъ закрыть засѣданіе и отложить окончательное рѣшеніе до слѣдующаго дня. Расходятся. „Ну, что“, — сказалъ выходя, лордъ Фоклендъ Кромвелю, — „было ли преніе?“ — „Въ другой разъ я вамъ буду вѣрить“, — отвѣчалъ Кромвель и прибавилъ ему на ухо, — „еслибъ ремонстрація была отвергнута, я завтра же продалъ бы все свое имущество и навсегда оставилъ бы Англію; я знаю многихъ честныхъ людей, которые сдѣлали бы то же самое“.

Вечернее засѣданіе было довольно тихо: роялисты отчаялись въ побѣдѣ, а ихъ противники, видя, что она и для нихъ непрочно, не искали уже новой битвы; они объявили, что будутъ преслѣдовать виновниковъ протеста; но Гайдъ имѣлъ между ними друзей, которые отказались выдать его. Пальмеръ, заключенный въ Тоузъ, почти тотчасъ же былъ выпущенъ. Послѣ нѣкоторыхъ объясненій, ссора прекратилась. Большинствомъ двадцати трехъ голосовъ рѣшено было обнародовать ремонстрацію. Но надо было прежде представить ее королю, котораго ожидали со дня на день.

Онъ возвратился (25 нояб. 1641) гордый, самоувѣренный, несмотря на то, что испыталъ неудачу въ Шотландіи и зналъ уже о новомъ ожесточеніи парламента. По всей дорогѣ, особенно въ Йоркѣ, его привимали съ шумными изъявленіями любви и радости. Уступки его шотландцамъ во многихъ мѣстахъ приводили народъ въ восхищеніе; о его тайныхъ интригахъ не знали, или мало понимали ихъ. Притомъ, въ народѣ и въ палатахъ образовалась партія роялистовъ, которая громко высказывала свои чувства. Лондонское Сити также не осталось равнодушнымъ. Друзья короля настояли на избраніи новаго лорда-мэра, Ричарда Горни, человѣка дѣятельнаго, мужественнаго, преданнаго, который приготовилъ королю самый блистательный пріемъ. Толпа гражданъ, верхами, въ вооруженіи, съ распущенными знаменами цеховъ, вышла ему на встрѣчу и съ кликами провожала до дворца Уайт-Галль. Король, въ свою очередь, далъ имъ великолѣпный пиръ, почтилъ лорда-мэра и многихъ альдерменовъ званіемъ кавалеровъ и, на другой же день, послѣ своего пріѣзда, спѣша показать нижней палатѣ, что онъ считаетъ себя сильнымъ, отнялъ у нея охранительную стражу, учрежденную, въ его отсутствіе, графомъ Эссексомъ для ея безопасности (26 нояб. 1641).

Дѣла принимали другой видъ: единодушный порывъ всего королевства уступалъ мѣсто борьбѣ партій, реформа—революціи. Вожди партій поняли это, и поведеніе ихъ вдругъ измѣнило характеръ. Ремонстрація была представлена королю (1-го дек. 1641); онъ терпѣливо выслушалъ ее; потомъ сказалъ, обращаясь къ коматету: „Палата намѣрена обнаруживать эту ремонстрацію?“—„Мы не уполномочены отвѣчать на вопросы вашего величества“.—„Въ такомъ случаѣ, надѣюсь, и вы не будете ожидать отъ меня немедленнаго отвѣта; я его пришлю вамъ такъ скоро, какъ только мнѣ позволитъ важность этого дѣла“. Но вожди нижней палаты не поглядѣли на это; ничего не дожидаясь, они вдругъ обнаружили такія намѣренія, какихъ не предполагала даже и ремонстрація. До сего времени они исправляли злоупотребленія, взывали къ старымъ законамъ—теперь они стали провозглашать новые принципы и повелительно требовали нововведеній. Было преніе о биллѣ насчетъ набора войскъ, назначаемыхъ въ Ирландію; пренію они предпослали предварительную статью такого рода: „Ни въ какомъ случаѣ, кромѣ вторженія чужеземцевъ, король не можетъ предписывать *принудительнаго набора* своихъ подданныхъ въ военную службу, ибо это право несовмѣстно съ свободою гражданъ. Предложенъ былъ другой билль о томъ что образованіе милиціи и назначеніе ей начальниковъ должно на будущее время происходить только при содѣйствіи и согласіи парламента. За нѣсколько дней предъ возвращеніемъ короля, составленъ и принятъ былъ, подъ вліяніемъ пресвитеріанъ, билль, исключавшій духовныхъ изъ всѣхъ гражданскихъ должностей; но лорды медлили утверженіемъ его. Члены нижней палаты съ негодованіемъ жаловались на это. „Мы“,—говорили они,—„представители всего королевства; перы же не болѣе, какъ особы, облеченныя просто личнымъ правомъ. Если ваши свѣтлости откажете въ своемъ согласіи на акты, необходимые для блага народнаго, то представители общинъ, соединясь съ тѣми изъ лордовъ, которые болѣе показываютъ сочувствія къ положенію народа, обратятся одни къ его величеству“ (23 окт. 1641). И лорды, расположенные къ народной партіи: графы Нортумберлэндъ, Эссексъ, Уорвикъ, одобрили такой языкъ. Въ палатѣ, партія съ тѣмъ

же энтузіазмомъ собиралась вокругъ своихъ предводителей; демонстрація была обнародована. Сити объявило, что, принимая короля съ такою пышностью, граждане Лондона не думали этимъ измѣнять своимъ истиннымъ друзьямъ, что они хотятъ жить и умереть вмѣстѣ съ парламентомъ. Жалоба подмастерьевъ раскрыла страданія промышленнаго класса, вмѣняя ихъ въ вину папистамъ, епископамъ, дурнымъ совѣтникамъ. Въ графствахъ составлялись союзы на защиту свободы и вѣры. Со всѣхъ сторонъ стремились поддержать нижнюю палату. Дурные слухи вызывали на новыя доказательства расположенія въ ея пользу: то жизнь Пейма была въ опасности, то мятежники ирландскіе готовили вторженіе въ Англію. Основываясь на какомъ-нибудь таинственномъ посѣщеніи, на какомъ-нибудь словѣ, подслушанномъ на улицѣ, доносили о заговорахъ; давали явныя присяги въ преданности союзу, и, между тѣмъ, какъ палата ежедневно требовала себѣ охранной стражи, ей замѣняли стражу толпа народа, съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе сгущавшаяся около Вестминстера и громко кричавшая объ общей опасности.

Въ отпоръ этимъ столь смѣлымъ притязаніямъ, поддерживаемымъ такими бурными страстями, Карлъ сдѣлалъ, съ своей стороны, соединить всѣхъ своихъ приверженцевъ: и тѣхъ, которые находили свои выгоды въ поддержаніи неограниченной власти, и тѣхъ, которые просто были вѣрными защитниками короля, несмотря на то, право или неправо было его дѣло; и гражданъ, боровшихся нѣкогда противъ тиранніи, но, которые опять стали на сторонѣ короны, испугавшись нововведеній и крайностей. Эти граждане почти одни составляли въ нижней палатѣ возникшую партію роялистовъ. Во главѣ ихъ стояли лордъ Фоклендъ, Гайдъ и сэръ Джонъ Кольпепперъ; ихъ то рѣшился привязать къ себѣ Карлъ.

Еще до путешествія въ Шотландію, онъ имѣлъ съ Гайдомъ тайныя свиданія, и Гайдъ почтительнымъ благоразуміемъ своихъ совѣтовъ, своимъ отвращеніемъ ко всякимъ нововведеніямъ, особенно же преданностью церкви, приобрѣлъ его довѣріе. Лордъ Фоклендъ менѣе нравился ему: онъ презиралъ дворъ, мало уважалъ короля, не сближался съ нимъ даже послѣ разрыва съ нововводителями и ратовалъ противъ послѣднихъ скорѣе изъ чувства справедливости, нежели изъ желанія поддержать власть, которой грозила опасность. Карлъ боялся его и чувствовалъ себя какъ то неловко въ его присутствіи; но дѣлать было нечего. Гайдъ, ближайшій другъ Фокленда, взялся уговорить его. Фоклендъ сначала отговаривался; его мнительная добродѣтель удаляла его отъ виновниковъ революціи, но его правила, его желанія, порывы его нѣсколько-мечтательнаго воображенія постоянно возвращали его къ друзьямъ свободы. Онъ ставилъ на видъ свою антипатію ко двору, свою неспособность служить ему, свое твердое намѣреніе не употреблять никогда лжи, подкуповъ, шпіонства — „средствъ полезныхъ, быть можетъ необходимыхъ“, — говорилъ онъ, — „но которыми я никогда себя не замараю“. Карлъ настаивалъ, хотя эта необходимость заискивать въ своемъ подданномъ и возмущала его, затрагивала его самолюбіе. Гайдъ представлялъ Фокленду, какой огромный вредъ нанесетъ королю его отказъ. Фоклендъ уступилъ убѣжденіямъ, уже заранѣе падая духомъ, какъ жертва послушанія, не одушевляемого ни привязанностью, ни надеждой. Онъ былъ назначенъ государственнымъ секретаремъ. Кольпепперъ, пользовавшійся гораздо меньшимъ вліяніемъ, но отличавшійся смѣлостью и изобрѣтательностью ума во время превій,

сдѣланъ канцлеромъ казначейства. Только Гайдъ, несмотря на желаніе короля, упорно отказывался отъ всякой должности—не изъ страха, но изъ расчета: но онъ находилъ, что можетъ оказать королю больше услугъ, сохраняя внѣшнюю независимость своего положенія. Такимъ образомъ—три друга приняли на себя управление дѣлами короля въ палатѣ, и Карль обѣщаль ни на что не рѣшаться безъ ихъ совѣта.

Въ то же время со всѣхъ сторонъ королевства стекались къ нему и другіе слуги, не столько полезные, но болѣе ревностные, чтобъ защищать честь и жизнь короля, которымъ, по ихъ словамъ, угрожалъ парламентъ. Несмотря на упадокъ феодальнаго правленія, чувства, имъ порожденныя, еще одушевляли многихъ дворянъ. Живя безопасно въ своихъ замкахъ, не привыкши къ размышленію и спорамъ политическимъ, они презирали этихъ мѣщанъ, умниковъ и говорунцовъ, которымъ мрачная ихъ религія запрещала вино, игры, удовольствія „старой Англіи“, и которые мечтали управлять королемъ, между тѣмъ, какъ ихъ отцы не имѣли даже чести служить ему. Гордясь воспоминаніями о своей собственной независимости, они не думали о новыхъ потребностяхъ общественной свободы. Подобно народу, они роптали прежде на дворъ и на тираннію; но теперь, послѣ столькихъ уступокъ со стороны государя, дерзкое упорство нововводителей, казалось, возмутительнымъ для ихъ недалководности и вѣрноподданническаго чувства. Они прибывали въ Лондонъ вооруженные, гордо обходили таверны, улицы, и часто являлись въ Уайтъ-Галль предлагать королю свои услуги, добываясь въ то же время какой-нибудь милости и для себя. Тамъ къ нимъ присоединялись другіе люди, привлекаемые преданностью менѣе чистою и еще болѣе слѣпою, уволенные отъ службы офицеры, которыхъ распушеніе арміи оставило безъ жалованья и безъ должности, большею частью проходимцы, получившіе свое военное образованіе въ войнахъ континента, распутные, раболѣпные и дерзкіе, раздраженные противъ парламента, отнявшаго у нихъ мѣста, противъ народа, питавшаго отвращеніе къ ихъ нравамъ, и готовые на все для всякаго вождя, который бы захотѣлъ употребить ихъ—на какое дѣло—это было для нихъ все равно. Молодые юристы, Темплъскіе студенты пользовавшіеся отъ двора покровительствомъ, или алкавшіе принять участіе въ его удовольствіяхъ, или же думавшіе, что принимая его сторону они тѣмъ доказываютъ свое благородство и великосвѣтскость, увеличивая собой эту шумную и самонадѣянную толпу, ежедневно собиравшуюся вокругъ Уайтъ-Галля; они ораторствовали противъ нижней палаты, оскорбляли ея приверженцевъ, расточали хвастливыя угрозы, насмѣшки, и съ нетерпѣніемъ ждали отъ короля, или судьбы, случая подвинуть впередъ свою карьеру, доказавъ притомъ и свою вѣрность.

Народная партія съ неменьшимъ нетерпѣніемъ желала доставить имъ этотъ случай; ея сходбища становились каждый день многочисленнѣе и тревожнѣе. Толпы подмастерьевъ, рабочихъ, женщинъ, отправлялись по по утрамъ изъ Сити въ Вестминстеръ, и когда они проходили передъ Уайтъ-Галлемъ крики: *долой епископовъ! долой лордовъ-папистовъ!* раздавались съ удвоенною яростью. По временамъ они останавливались, и кто-нибудь изъ нихъ, ставъ на тумбу, читаль толпѣ имена *нечестивыхъ членовъ нижней палаты, или лордовъ-измѣнниковъ и подкупленныхъ*. Дерзость ихъ дошла до того, что они потребовали снятія карауловъ у воротъ дворца, потому что они желали видѣть короля всякій

разъ, какъ имъ вздумается. Скоро завязались жестокия распри; названія: *кавалеры* и *стриженныя головы* стали отличать одну партію отъ другой. Граждане сперва отвергли послѣднее прозвище, какъ оскорбительное, потомъ приняли его, какъ почетное. Кавалеры, въ свою очередь, отыскивали своихъ враговъ около Вестминстера, чтобъ выказывать имъ свое презрѣніе, или чтобъ защищать роялистовъ, которые подвергались угрозамъ при выходѣ изъ парламента. Народное раздраженіе, преимущественно направлено было противъ верхней палаты, ибо тамъ все еще не послѣдовало окончательнаго рѣшенія по биллю объ исключеніи епископовъ. Архіепископъ іоркскій, Уилльямсъ, идя однажды пѣшкомъ въ палату, хотѣлъ было собственноручно арестовать одного молодого человѣка, преслѣдовавшаго его оскорбленіями; толпа бросилась на епископа, и друзья съ большимъ трудомъ успѣли освободить его. Обѣ партіи попеременно брали и отнимали одна у другой плѣнниковъ. Кровь лилась; кавалеры на смѣшливо хвастались, что разогнали своихъ противниковъ; но противники возвращались на другой день болѣе смѣлые и лучше вооруженные. Однажды вечеромъ, когда лорды еще засѣдали въ палатѣ, шумъ на улицѣ усилился до того, что маркизь Гертфордъ, подойдя къ скамьѣ епископовъ, посоветовалъ имъ не выходить. „Эти люди“, — сказалъ онъ имъ, — „кричатъ, что они ждутъ васъ, что стануть осматривать каждую карету и не дадутъ вамъ ускользнуть“. — „Такъ неужели намъ“, — сказали епископы, — „придется здѣсь ночевать?“ — „Очень можетъ быть“, — отвѣчали съ усмѣшкой нѣкоторые изъ приверженцевъ выключенія. Епископы, однако-жъ, отправились, но одни — въ каретѣ какого-нибудь любимаго народомъ лорда, другіе — окольной дорогой; даже многіе изъ друзей ихъ начинали думать, что присутствіе ихъ въ палатѣ не выкупаетъ тѣхъ опасностей, которымъ оно подвергаетъ палату. Два раза верхняя палата требовала отъ нижней содѣйствія для пресѣченія этихъ оскорбленій; но нижняя — хранила молчаніе или отвѣчала жалобами на безпорядки, производимые кавалерами. „Намъ нужны всѣ наши друзья“, — говорили вожди партіи, — „Боже насъ сохрани мѣшать народу получить чрезъ это то, чего онъ имѣетъ право желать!“. Лорды обратились къ судьямъ, требуя, чтобъ они дѣйствовали противъ смуть по законамъ. По повелѣнію, скрѣпленному большой государственной печатью, мирные судьи приказали констэблямъ поставить около Вестминстера стражу для разогнанія сборищъ. Нижняя палата потребовала констэблей къ отвѣту, объявила данное повелѣніе посягательствомъ на ея привилегіи, и одинъ мирный судья былъ посаженъ въ Тоуэръ. Въ то же время палата постановила, такъ какъ король продолжаетъ отказывать ей въ охранной стражѣ, то каждый членъ имѣетъ право привести съ собой въ палату своего слугу, вооруженнаго чѣмъ ему заблагоразсудится, и поставить его у дверей.

Эти возмущенія, эти крики, этотъ непокорный и безцеремонный безпорядокъ вселяли въ короля гнѣвъ и страхъ. Никогда еще, даже среди самыхъ зловѣщихъ предчувствій, такія сцены не представлялись его мыслямъ; онъ изумлялся и приходилъ въ негодованіе, что величіе королевскаго сана могло подвергаться такимъ грубымъ оскорбленіямъ. Онъ начиналъ беспокоиться уже не за одну свою власть, но и за безопасность своей особы и жизни, или, по крайней мѣрѣ, за свое достоинство. Еще болѣе встревоженная королева не переставала осаждать его своими опасеніями, и гордость монарха и нѣжность супруга не могли снести мысли

объ опасности или объ оскорбленіи, угрожавшихъ предмету его любви, той, которая раздѣляла съ нимъ санъ его. Ища всюду какой-либо опоры противъ мятежниковъ, какого-либо средства предупредить или наказать ихъ неистовства, онъ рѣшился удалить губернатора Тоуэра, сэра Уилльяма Вэльфора, преданнаго нижней палатѣ, и замѣнить его человѣкомъ надежнымъ и смѣлымъ. Три тысячи фунтовъ стерлинговъ, вырученные продажею нѣкоторыхъ драгоценностей королевы, были даны сэру Уилльяму, чтобъ успокоить его. Сэръ Томасъ Лунсфордъ, одинъ изъ самыхъ смѣлыхъ вождей собравшихся въ Уайтъ-Галлѣ кавалеровъ, былъ назначенъ ему преемникомъ. Въ то же время король принялъ съ парламентомъ тонъ болѣе рѣшительный, пытаясь, въ свою очередь, запугать его. Гайдъ приготовилъ на ремонтрацію отвѣтъ искусный и твердый; Карлъ одобрилъ его и приказалъ обнародовать отъ своего имени. Билль о принудительномъ наборѣ составлялъ еще предметъ преній въ палатахъ; король прежде еще, чѣмъ представили ему этотъ билль, въ торжественномъ засѣданіи объявилъ, что приметъ его не иначе, какъ съ оговоркою противъ вступленія, гдѣ отнималось у него право назначать принудительные наборы. Ирландскія дѣла не подвигались впередъ; онъ потребовалъ отъ нижней палаты, чтобъ она занялась ими, и предложилъ набрать 10.000 волонтеровъ, если палата обѣщается платить имъ. Съ своей стороны и, можетъ быть, съ его согласія, епископы собрались для совѣщанія о своемъ положеніи; насиліе ожидало ихъ за дверьми верхней палаты; они положили не являться туда и изложить въ протестѣ причины своего удаленія, объявляя въ то же время ничтожными и неимѣющими законной силы всѣ билли, которые будутъ приняты безъ содѣйствія всѣхъ законныхъ и непремѣнныхъ членовъ парламента. Наскоро составленный и подписанный двѣнадцатью епископами, этотъ протестъ былъ немедленно представленъ королю, который поспѣшилъ принять его; Карлу открывалась надежда объявить современемъ ничтожными, подъ тѣмъ же предлогомъ, акты этого рокового парламента, котораго не могъ онъ обуздать. Въ ту же минуту, и не сказавъ о томъ ни слова своимъ новымъ совѣтникамъ, которыхъ мнѣній онъ опасался гораздо болѣе, чѣмъ уважалъ ихъ вліяніе, онъ повелѣлъ хранителю большой печати представить этотъ протестъ въ тотъ же день въ верхнюю палату, восхищаясь своимъ искусствомъ готовить лучшее будущее.

Изумленіе лордовъ было чрезмѣрно; они не могли допустить, чтобъ двѣнадцать епископовъ, которыхъ самое присутствованіе въ парламентѣ было подвергнуто сомнѣнію, изъявили притязаніе располагать такимъ образомъ судьбой самаго парламента, и удаленіемъ своимъ уничтожать его. Немедленно сообщенный нижней палатѣ, протестъ былъ принятъ тамъ съ тѣмъ притворнымъ гнѣвомъ и съ той тайною радостью, которые возбуждаются обыкновенно ошибками врага. Неожиданно было предложено и рѣшено обвинить епископовъ въ посягательствѣ на основные законы королевства и на существованіе парламента. Раздраженные ихъ неосторожностью, а можетъ быть, и пользуясь ею, чтобъ безъ стыда оставить проигранное дѣло, сами друзья ихъ молчали; лишь одинъ голосъ раздался въ ихъ пользу, объявившій, что ихъ слѣдовало бы отдать не подъ судъ, а въ бедлэмъ. Верхняя палата приняла обвиненіе и повелѣла заключить епископовъ въ Тоуэръ. Слѣша воспользоваться такимъ удобнымъ случаемъ, вожди нижней палаты значительно усилили всѣ свои нападенія. Тамъ уже жаловались на объявленіе короля по поводу билля о *принудительномъ*

наборъ, какъ на опасное для привилегій палаты, недопускавшихъ, чтобъ король узнавалъ о биллѣ въ продолженіе преній о немъ (14 дек. 1641); теперь стали настаивать на необходимость обезпечить прочіе эти привилегіи—единственный якорь спасенія среди столькихъ опасностей. Возстали противъ порученія Тоуэра сэру Томасу Лунсфорду, человѣку съ дурной репутаціей, безъ состоянія, нечестному и безнравственному, извѣстному единственно своими насильственными поступками съ народомъ и способному къ самымъ опаснымъ замысламъ. Говорятъ, что въ Сити тревога усилилась до того, что купцы и иностранцы перестали складывать въ Тоуэръ свои тюки. Стали требовать назначенія новаго губернатора. На лорда Дигби, ставшаго, между тѣмъ, самымъ близкимъ совѣтникомъ короля, было донесено, будто бы онъ сказалъ, что парламентъ не свободенъ. Наконецъ, шли даже толки о томъ, что королеву весьма можно бы обвинить въ государственной измѣнѣ.

Король, казалось, уступалъ: онъ ничего не предпринялъ въ пользу епископовъ, отвялъ у Лунсфорда начальство надъ Тоуэромъ и передалъ его сэру Джону Байрону, человѣку степенному и пользовавшемуся уваженіемъ, не говорилъ болѣе о возмущеніяхъ, не жаловался на послѣднія пренія. Между тѣмъ, тайныя донесенія, смутные слухи беспокоили палату. Королева, молчаливая и скрытная, казалось, оживлена была какой-то надеждой; лордъ Дигби, котораго самонадѣянная отвага была извѣстна всѣмъ, часто посѣщалъ ее и всякій день сближался съ нею болѣе и болѣе, равно какъ и съ королемъ. Стеченіе кавалеровъ въ Уайтъ-Галль удвоилось. Не объясняя своихъ опасностей, нижняя палата опять потребовала себѣ охранной стражи (31 дек. 1641). Король не далъ отвѣта, объявивъ, что желаетъ получить письменное прошеніе. По поводу этой стражи, нижняя палата велѣла принести въ залу своихъ засѣданій оружіе, какъ уже увѣренная въ близкой опасности. Спустя три дня, пришелъ отъ короля отвѣтъ. Это былъ отказъ, оканчивающійся такими словами. „Обязуюсь торжественно и ручаюсь честью короля охранять васъ, всѣхъ и каждого, отъ всякаго насилія, съ такимъ же тщаніемъ, какое я могъ бы употребить для моей собственной безопасности и для безопасности дѣтей моихъ“. Но палата, которой тревога усиливалась все болѣе и болѣе, приказала лорду-мэру, шерифамъ и муниципальному совѣту держать наготовѣ лондонскую милицію и поставить въ разныхъ мѣстахъ Сити сильныя караулы.

Дѣйствительно, въ тотъ самый день (3 янв. 1642) сэръ Эдуардъ Гербертъ, королевскій генеральный прокуроръ, явился въ верхнюю палату и именемъ короля обвинялъ въ государственной измѣнѣ лорда Кимбольтона и членовъ нижней палаты: Гэмдена, Пейма, Голлива, Строда и Гэзльрига, въ покушеніи: 1) испровергнуть основные законы королевства и исхитить у короля его законную власть; 2) возбудить въ народѣ гнусными клеветами неудовольствіе противъ короля; 3) возмутить противъ короля армію; 4) побудить чужеземное государство, Шотландію, къ вторженію въ королевство; 5) уничтожить права и самое существованіе парламентовъ; 6) образовать противъ короля и парламента мятежныя сходбища, дабы чрезъ насиліе успѣть въ своихъ преступныхъ замыслахъ; 7) наконецъ, возбудить войну противъ короля. Въ то же время, сэръ Эдуардъ требовалъ составленія комитета для разбора обвиненія и предлагалъ палатѣ арестовать обвиняемыхъ.

Лорды оставались неподвижными; никто из них не предвидѣлъ такого поступка и никто не рѣшался заговорить первый. Лордъ Кимбольтонъ всталъ: „Я готовъ“, — сказалъ онъ, — „повиноваться всѣмъ повелѣніямъ палаты; но какъ обвиненіе противъ меня публичное, то я требую, чтобъ таково же было и мое оправданіе“. И онъ сѣлъ среди прежняго молчанія. Лордъ Дигби, засѣдавшій подлѣ него, сказалъ ему на ухо: „Какіе жалкіе совѣты подаютъ королю! Я непременно разузнаю, отъ кого все это происходитъ, или я ужь очень несчастливъ!“. И онъ немедленно вышелъ какъ бы для того, чтобъ собрать свѣдѣнія. Увѣряютъ, что именно онъ, и онъ одинъ побудилъ короля къ этому поступку, обязавшись, при томъ, потребовать немедленно арестованія лорда Кимбольтона, какъ скоро генеральный прокуроръ обвинитъ его.

Немедленно посланіе лордовъ сообщило обо всемъ нижней палатѣ, которая передъ этимъ только что получила извѣстіе, что посланные отъ короля перебивали у каждаго изъ пяти членовъ и наложили у нихъ на все печати. Нижняя палата тотчасъ постановила, что такое дѣйствіе нарушаетъ всѣ ея привилегіи, что обвиняемые имѣютъ право, а всякій констабль — обязанность воспротивиться этому; что люди короля должны быть арестованы и преданы суду, какъ преступники. Сэръ Джонъ Готэмъ былъ отправленъ къ лордамъ съ требованіемъ безотлагательной конференціи; при этомъ онъ долженъ былъ объявить, что если верхняя палата опять откажется соединиться съ нижней для истребованія отъ короля охранной стражи, то послѣдняя удалится въ мѣсто болѣе безопасное. Ждали отвѣта отъ лордовъ; является герольдъ. „Именемъ короля, моего государя“, — говоритъ онъ, — „я пришелъ требовать, чтобъ г. президентъ выдалъ мнѣ пятерыхъ джентльменовъ, членовъ сей палаты, которыхъ его величество повелѣлъ мнѣ арестовать, какъ обвиняемыхъ въ государственной измѣнѣ“. И онъ поименовалъ ихъ. Обвиняемые были тамъ; никто не сходилъ съ мѣста; президентъ приказалъ герольду удалиться. Безъ шума, безъ спора, палата назначила комитетъ, который долженъ былъ въ продолженіе этого самаго засѣданія отправиться къ королю и сказать ему, что на такое важное посланіе она можетъ отвѣчать лишь по зрѣломъ обсужденіи дѣла. Два министра, лордъ Фоклендъ и сэръ Джонъ Кольпепперъ, участвовали въ этомъ комитетѣ; они ничего не знали о происшедшемъ. Открылось совѣщаніе съ лордами; менѣе чѣмъ черезъ часъ, оно имѣло слѣдствіемъ: повелѣніе снять печати и требованіе охранной стражи, предъявленное королю отъ имени обѣихъ палатъ герцогомъ Ричмондомъ, самымъ честнымъ изъ его любимцевъ. „Я дамъ отвѣтъ завтра“, — сказалъ король. И нижняя палата разошлась до часа слѣдующаго дня, приказавъ и обвиняемымъ явиться въ Вестминстеръ, подобно другимъ членамъ.

На другой день (4 янв. 1642), при открытіи засѣданія, безпокойство и гнѣвъ удвоились; предчувствіе какой-то новой опасности, неизвѣстной, но неизбежной, волновало всѣ умы. Роялисты сидѣли на своихъ мѣстахъ печальные и молчаливые; между ихъ противниками ходили тысячи слуховъ, собранныхъ наканунѣ, въ продолженіе ночи, даже утромъ, что кавалеры собрались и король велѣлъ имъ сказать, чтобъ они держались наготовѣ, что двѣ бочки пороха и оружіе доставлены изъ Тоуэра въ Уайтъ-Галль; особенно тѣснились вокругъ пяти членовъ; со всѣхъ сторонъ обращались къ нимъ съ догадками, съ вопросами, съ требованіемъ совѣтовъ. Они знали больше: французскій министръ въ Лондонѣ, давно бывший съ ними

въ тайныхъ сношеніяхъ, и графиня Карлейль, о которой говорили, что она имѣла связь съ М. Пеймомъ, сообщили имъ о приготовлявшейся государственной мѣрѣ; но они ничего не говорили. Вдругъ входитъ капитанъ Лэнгришъ, недавно возвратившійся изъ французской службы и которому связи его съ нѣкоторыми изъ отставленныхъ офицеровъ давали возможность все знать. Онъ объявляетъ, что король приближается, что онъ видѣлъ, какъ Карлъ выѣхалъ изъ Уайтъ-Галля въ сопровожденіи трехъ или четырехсотъ человекъ гвардіи, кавалеровъ, студентовъ, все вооруженныхъ, и что онъ хочетъ лично арестовать обвиняемыхъ. Поднимается беспорядокъ; но необходимость немедленно принять какое-нибудь рѣшеніе прекращаетъ его въ одну минуту. Палата приглашаетъ пятерыхъ членовъ удалиться, ибо многіе уже взяли за оружіе и готовились защищаться. Пеймъ, Гэмденъ, Голлизъ и Гэзльригъ тотчасъ выходятъ. Мистеръ Стродъ противится; его просятъ, убѣждаютъ; король уже на дворѣ; наконецъ сэръ Вальтеръ Эрль, другъ его, грубо выталкиваетъ его вонъ. Всѣ члены занимаютъ свои мѣста. Король прошелъ, среди двойной ограды своихъ служителей, большую вестминстерскую залу; одни только тѣлохранители его всходили съ нимъ на лѣстницу палаты. Онъ является, запрещаетъ сопровождающимъ его, подъ страхомъ смертной казни, слѣдовать за нимъ далѣе, и вступаетъ въ палату со шляпою въ рукѣ, имѣя при себѣ только своего племянника, пфальцграфа. Всѣ члены снимаютъ шляпы и встаютъ. Король бросаетъ, мимоходомъ, взглядъ на мѣсто, которое обыкновенно занималъ Пеймъ, и не видя его, подходитъ къ президенту. „Съ вашего позволенія, господинъ президентъ, а займу на минуту ваше кресло“. Онъ садится и, обводя взорами палату, говоритъ: „Господа, я огорченъ случаемъ, приведшимъ меня сюда. Вчера я отправилъ къ вамъ герольда съ порученіемъ арестовать нѣкоторыя лица, обвиненныя, по моему повелѣнію, въ государственной измѣнѣ. Я ожидалъ отъ васъ повиновенія, а не протеста. Ни одинъ король Англіи не заботился такъ, какъ я желаю заботиться о поддержаніи вашихъ привилегій; но вы должны знать, что, въ случаяхъ государственной измѣны, ни для кого не существуетъ привилегіи. Я прибылъ сюда, чтобъ видѣть, нѣтъ ли здѣсь кого изъ обвиняемыхъ; пока они будутъ засѣдать въ этой палатѣ, я не могу надѣяться, чтобъ она возвратилась на прямой путь, на которомъ я искренно желаю ее видѣть. Я прибылъ сказать вамъ, чтобъ мнѣ ихъ выдали, гдѣ бы они ни находились. Господинъ президентъ, гдѣ они?“ Президентъ, упавъ на колѣни, отвѣчалъ: „Съ соизволенія вашего величества, здѣсь у меня глаза, чтобъ видѣть, и языкъ, чтобъ говорить, существуютъ лишь въ той мѣрѣ, въ какой благоугодно будетъ приказать мнѣ это палатѣ, которой я служу; всеподаннѣйше прошу ваше величество простить мнѣ, что я не могу дать другого отвѣта на то, о чемъ вы изволите меня спрашивать“. — „Очень хорошо; я вижу ясно, что птицы улетѣли. Ожидаю, что вы мнѣ ихъ пришлете, какъ только онѣ возвратятся. Увѣряю васъ моимъ королевскимъ словомъ, что никогда не имѣлъ намѣренія употреблять силу и что буду дѣйствовать противъ нихъ законными средствами. Теперь, такъ какъ я не могу исполнить того, что меня привело сюда, я не буду болѣе мѣшать вамъ; но, повторяю, я надѣюсь, что какъ скоро они возвратятся въ залу, вы мнѣ ихъ пришлете; въ противномъ случаѣ, я приму мѣры для отысканія ихъ“. И онъ оставилъ кресло, держа по прежнему, шляпу въ

рукѣ. Палата осталась еще неподвижною; но въ минуту его выхода изъ многихъ мѣстъ залы раздался крикъ: *привилегію! привилегію!*

Какъ только онъ удалился, палата, ничего не сдѣлавъ и даже не предложивъ на будущее время никакого вопроса, отложила засѣданіе до слѣдующаго дня. Всѣ члены вышли, спѣша развѣдать, какъ далеко простирались намѣренія короля и какія чувства возбудили они въ публикѣ. Въ палаты, на лѣстницѣ, въ большой залѣ, у дверей Вестминстера, они замѣтили, что смятеніе ожидавшихъ ихъ слугъ и столпившагося народа было не менѣе сильно, чѣмъ ихъ собственное. Только и слуха было, что объ обидахъ и угрозахъ со стороны кавалеровъ. „Пусть укажутъ мнѣ цѣль“, — говорилъ одинъ, ходя съ пистолетомъ въ рукѣ, — „я не дамъ промаха“. — „Къ чорту нижнюю палату!“, — кричали другіе. „Зачѣмъ намъ этихъ людей? Пусть ихъ приведутъ и повѣсятъ!“ Нѣкоторые даже спрашивали: „Когда же придетъ приказъ?“ — какъ бы ожидая какой нибудь кровавой драмы, и эти выраженія, быстро распространялись, возбуждали вездѣ одинаковое негодованіе. Пятеро членовъ удалились въ Сити; граждане мгновенно вооружились; лордъ-мэръ тщетно пытался успокоить ихъ; сильные патрули составлялись добровольно для общей безопасности, и во весь вечеръ толпы мастеровыхъ бродили по улицамъ, крича у каждой двери, что кавалеры сейчасъ подожгутъ Сити; нѣкоторые даже прибавляли, что командовать ими будетъ король.

Неменьшее безпокойство было и въ Уайтъ-Галлѣ. Король и королева соединяли съ своей государственной мѣрой огромныя надежды; съ нѣкотораго времени эта мѣра занимала всѣ ихъ мысли, составляла предметъ ихъ разговоровъ въ тайныхъ домашнихъ совѣщаніяхъ съ самыми близкими довѣренными лицами. Въ то самое утро, въ минуту своего отъѣзда, Карлъ, прощаясь съ супругой, обѣщаль ей, что черезъ часъ онъ возвратится, наконецъ, властелиномъ своего королевства, и королева, съ часами въ рукахъ, считала минуты, ожидая его возвращенія. Но ничто не сбылось; и хотя король еще упорствовалъ въ своемъ намѣреніи, но уже ничего отъ него не ожидая, не зная даже, какъ исполнить его. Оскорбленные и огорченные, умѣйшіе изъ друзей его, Фоклэндъ, Гайдъ и Кольпенперъ, держались въ сторонѣ и не давали никакихъ совѣтовъ. Обнародована была прокламація: она повелѣвала запирать двери и запрещала всякому гражданину давать убѣжище обвиняемымъ; но никто, даже и при дворѣ, не обманывалъ себя на счетъ силы такихъ приказаній. Мѣстопребываніе пятерыхъ членовъ не было неизвѣстно; знали даже, какой домъ они занимали; но никто не думалъ, чтобъ можно было въ него проникнуть. Одинъ лордъ Дигби захотѣлъ искупить своею смѣлостью неблагоразуміе своихъ совѣтовъ и свою слабость въ верхней палатѣ въ минуту обвиненія. Онъ вывѣлся отправиться лично, съ Лунсфордомъ и нѣсколькими кавалерами, чтобъ силою взять обвиняемыхъ изъ ихъ убѣжища и представить королю живыми или мертвыми. Но Карлъ — потому ли, что еще въ немъ осталось нѣкоторое уваженіе къ законамъ, или по своему столько же робкому, сколько и неосторожному характеру — отвергъ это предложеніе, и рѣшился самъ отправиться на другой день въ Сити, чтобъ торжественно потребовать отъ муниципальнаго совѣта выдачи обвиняемыхъ, лаская себя надеждою, что присутствіемъ своимъ и милостивыми словами смягчить этотъ народъ, раздраженія котораго онъ не предусмотрѣлъ.

Дѣйствительно, 5 января 1642, около десяти часовъ утра, онъ выѣхалъ изъ Уайтъ-Галля безъ конвоя, показывая что вполне полагается на любовь своихъ подданныхъ. Толпа тѣснилась на улицахъ, по которымъ онъ проѣзжалъ, но холодная и мрачная, возвышавшая голосъ лишь для того, чтобъ умолять его жить въ мирѣ съ своимъ парламентомъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ слышались крики болѣе грозные; вокругъ него раздались слова: *привилегію! привилегію!* и нѣкто Уокеръ бросилъ ему въ карету памфлетъ, подъ заглавіемъ: *Въ ваши кущи, сыны Израиля!*—мятежный крикъ раздавшійся въ Іерусалимѣ, при отдѣленіи десяти колѣнъ отъ Ровоама. Прибывши въ Гильдъ-Галль, Карлъ потребовалъ выдачи пятерыхъ членовъ; слова его были ласковы и кротки; онъ увѣрялъ въ своей преданности протестантскому вѣроисповѣданію, въ искренности своихъ уступокъ и обѣщался во всемъ поступать сообразно съ законами. Ни одного рукоплесканія не раздалось въ отвѣтъ; подобно народу, муниципальный совѣтъ хранилъ важное молчаніе. Король обратился къ одному изъ шерифовъ, какъ говорятъ, ревностному просвитеріанину, и сказалъ ему, что будетъ у него обѣдать. Шерифъ поклонился и, по окончаніи засѣданія, принялъ у себя короля съ торжествомъ и почетомъ. Но, возвращаясь въ Уайтъ-Галль, Карлъ былъ такъ же принятъ толпой, какъ и поутру, и возвратился во дворецъ разстроеннымъ и гнѣвнымъ.

Собралась палата (5 янв. 1642); она рѣшила, что послѣ такого страшнаго нарушенія ея привилегій, засѣданія ея не могутъ происходить свободно, пока она не получитъ удовлетворенія и пока надежная стража не будетъ служить ей защитой отъ такихъ опасностей, и разошлась на шесть дней (11 янв. 1642); но и расходясь, она не переставала дѣйствовать. Комитетъ, облеченный большою властью, получилъ повелѣніе помѣститься въ Сити, произвести слѣдствіе о послѣднемъ оскорбленіи и разсмотрѣть общее положеніе королевства, особенно Ирландіи, при содѣйствіи гражданъ, вѣрныхъ друзей парламента. Открытіе комитета произошло въ Гильдъ-Галлѣ съ большимъ торжествомъ (6 янв.); многочисленная стража ожидала его тамъ; депутація отъ муниципального совѣта вышла ему на встрѣчу и отдала въ его распоряженіе всѣ силы, всѣ услуги жителей. Засѣданія его были такъ же дѣятельны, какъ и засѣданія палаты; каждый членъ палаты имѣлъ право на нихъ присутствовать. Домъ, служившій убѣжищемъ пятерымъ обвиняемымъ, находился по сосѣдству: въ комитетѣ ничего не происходило безъ ихъ вѣдома и безъ ихъ совѣтовъ. Нѣсколько разъ даже они лично являлись въ комитетъ, и народъ провожалъ ихъ рукоплесканіями, гордясь тѣмъ, что имѣетъ своихъ представителей и самъ охраняетъ ихъ. Среди его побѣднаго торжества были приняты искусныя мѣры, которыя поддерживали въ немъ страхъ для сильнѣйшаго возбужденія его ревности. Союзъ между палатой и Сити становился съ каждымъ днемъ тѣснѣе и служилъ ко взаимному ихъ ободренію. Наконецъ, единственно своею властью и какъ бы будучи самою палатою, комитетъ обнародовалъ объявленіе, гдѣ излагался результатъ произведеннаго имъ слѣдствія, а муниципальный совѣтъ подалъ королю (7 янв. 1642) прошеніе, въ которомъ жаловался на дурныхъ совѣтниковъ, на кавалеровъ, на папистовъ, на новаго губернатора Тоуэра, открыто принималъ сторону пяти членовъ и требовалъ всѣхъ преобразованій, на которыя указывала прежде нижняя палата.

Король былъ одинъ безвыходно въ Уайтъ-Галлѣ, оставленный наиболѣе

честными изъ своихъ приверженцевъ. Даже кавалеры, оробѣвъ, разѣзжались или хранили молчаніе. Онъ попробоваль отвѣтить на прошеніе муниципальнаго совѣта и приказаль было опять арестовать обвиняемыхъ; но его отвѣты не возбуждали довѣрія, а приказанія оставались безъ исполненія. Онъ узналь, что чрезъ два дня палата опять начнетъ свои засѣданія и что пятеро обвиняемыхъ членовъ будутъ торжественно препровождены въ Вестминстеръ милиціей, народомъ, даже судовщиками на Темзѣ, о которыхъ онъ до того времени думаль, что они къ нему расположены. „Какъ!“—воскликнулъ онъ съ неудовольствіемъ:—„даже и эти водяныя крысы оставляють меня!“ И эти слова, скоро распространившись между судовщиками, были приняты ими какъ обида, требующая отмщенія. Покинутый, униженный, раздражаемый этимъ всеобщимъ крикомъ, который встрѣчалъ его каждый день, между тѣмъ, какъ ни одинъ голосъ не раздавался въ его защиту, Карль не могъ рѣшиться видѣть передъ своимъ дворцомъ триумфальное шествіе враговъ своихъ. Королева, то бѣснующаяся то трепещущая, заклинала его удалиться. Роялисты и гонцы, отправленные въ разныя части королевства, обѣщали въ другихъ мѣстахъ силу и безопасность; кавалеры, побѣжденные въ Лондонѣ, хвастались вліяніемъ въ своихъ графствахъ. „Вдали отъ парламента, король“,—говорили они—„свободенъ, а парламентъ что можетъ сдѣлать безъ короля?“ Это мнѣніе было принято: положили отправиться сначала въ Гэмтонъ-Кортъ, а потомъ, если понадобится, и далѣе; тайныя приказанія были разсланы губернаторамъ нѣкоторыхъ крѣпостей, которыхъ преданность казалась надежною. Графъ Ньюкэстль поѣхаль на сѣверъ, гдѣ онъ пользовался почти неограниченнымъ вліяніемъ, и 10 января, наканунѣ возвращенія нижней палаты, Карль, въ сопровожденіи только супруги, дѣтей и нѣкоторыхъ служителей, оставилъ Лондонъ и этотъ уайтъ-галльскій дворець, черезъ который ему суждено было пройти еще разъ въ жизни, но пройти уже къ эшафоту.

На другой день послѣ его отъѣзда, около двухъ часовъ пополудни, Темза покрылась шлюпками, вооруженными по военному; на нихъ возвращались въ Вестминстеръ пять членовъ; за ними слѣдовало множество лодокъ, ярко разукрашенныхъ и наполненныхъ гражданами; вдоль берега шли параллельными рядами лондонскіе милиціонеры, неся на концахъ пикъ послѣднія объявленія парламента. Офицеръ, получившій свое военное образованіе въ походахъ Густава-Адольфа, капитанъ Скиппонъ, назначенъ былъ наканунѣ ихъ командиромъ; это былъ человѣкъ грубый и необразованный, но простой, смѣлый, строгихъ нравовъ и очень любимый въ Сити. Несмѣтныя толпы народа тѣснились вслѣдъ за этой процессіей; проходя передъ опустѣлымъ Уайтъ-Галлемъ, она остановилась, и изъ нея слышались крики: „Гдѣ теперь король и его кавалеры? Что съ ними случилось?“ Прибывъ въ Вестминстеръ, пять членовъ поспѣшили воздать хвалу Сити за усердіе къ общественному дѣлу, и шерифы, введенные въ залу, получили отъ оратора благодареніе. Лишь только они вышли, является другая процессія: четыре тысячи человѣкъ дворянъ, свободныхъ землевладѣльцевъ и проч., прибыли верхомъ изъ графства Буккингэмскаго, родины Гэмдена, чтобъ подать палатѣ жалобу на лордовъ-папистовъ, на дурныхъ совѣтниковъ, и въ защиту своего достойнаго представителя. У нихъ было прошеніе и въ верхнюю палату, и третье—королю; на шляпахъ ихъ была изображена клятва жить и умереть вмѣстѣ съ парла-

ментомъ, кто бы ни были враги его. Повсюду проявлялся тотъ гордый и радостный восторгъ, который позволяетъ и внушаетъ вождямъ народа принимать самыя смѣлыя рѣшенія. Нижняя палата предалась ему съ тѣмъ рассчитаннымъ увлеченіемъ, съ какимъ предается кормчій волѣ сильнаго, но попутнаго вѣтра; въ нѣсколько часовъ она постановила, что ни одинъ членъ ея ни подъ какимъ предлогомъ не можетъ быть арестованъ безъ ея согласія; приняла билль, предоставлявшій палатамъ право назначать свои засѣданія, въ случаѣ нужды, тамъ, гдѣ имъ заблагоразсудится; составила адресъ для испрошенія у короля соизволенія на отнятіе у сэра Джона Байрона начальства надъ Тоуэромъ, а въ ожиданіи его отвѣта, поручила Скипшону поставить вокругъ этой крѣпости стражу и тщательно наблюдать за ведущими къ ней путями; отправила Горингу, губернатору Портсмута, грамоту, въ которой воспрещалось ему безъ дозволенія парламента впускать въ состоящей подъ его начальствомъ городъ войска и военные запасы. Сэръ Джонъ Готэмъ, богатый владѣлецъ въ Йоркскомъ графствѣ, пользовавшійся тамъ большимъ вліяніемъ, получилъ приказаніе немедленно принять начальство надъ Гуллемъ, важною крѣпостью, служившею ключомъ къ сѣверной Англіи и содержавшею въ себѣ большіе арсеналы. Черезъ два дня палата подала мнѣніе (13 янв. 1642), что королевство, которому угрожаетъ опасность, безотлагательно должно быть приведено въ оборонительное положеніе. Лорды отказались подтвердить это объявленіе; но это не помѣшало ему достигъ цѣли: народъ вездѣ былъ извѣщенъ.

Палата не безъ основанія предвидѣла войну; король только и помышлялъ, что о приготовленіяхъ къ ней. Въ Лондонѣ онъ жилъ въ безсиліи и униженіи; едва оттуда, онъ могъ уже, окруженный приверженцами, не подвергая каждый день и каждый часъ испытанію свою слабость, свободно предаваться надеждѣ побѣдить оружіемъ того врага, отъ котораго онъ недавно бѣжалъ безъ боя. Въ кавалерахъ тоже появилась прежняя кичливость; они, казалось, уже считали войну объявленною и спѣшили начать ее. На другой день по ихъ отъѣздѣ, палата узнала, что двѣ сотни ихъ, подъ начальствомъ Лунсфорда, направились на Кингстонъ (складочное мѣсто военныхъ запасовъ графства, въ пяти миляхъ отъ Лондона) какъ бы для того, чтобъ овладѣть имъ и утвердиться въ немъ; узнали также, что лордъ Дигби являлся къ нимъ отъ имени короля благодарить ихъ за усердіе и сговориться съ ними, навѣрное, съ какимъ-нибудь недобрымъ умысломъ. Парламентъ немедленно принялъ свои мѣры, и эти покушенія остались безъ успѣха; лордъ Дигби, подвергшись важному доносу, спасся бѣгствомъ на материкъ. Считая свое мѣстопробываніе еще слишкомъ близкимъ къ Лондону, король оставилъ Гэмptonъ-Кортъ и отправился въ Виндзоръ (12 янв. 1642); Лунсфордъ и его кавалеры послѣдовали туда за нимъ. Тамъ, на тайномъ совѣщаніи, положено было, чтобъ королева, взявъ съ собою коронные брилліанты, отправились въ Голландію закупать военные запасы, оружіе и просить помощи государей континента. Предлогомъ къ этому путешествію хотѣли выставить необходимость препроводить къ принцу оранскому принцессу Генріэтту-Марію, бывшую еще ребенкомъ, съ которой онъ сочетался бракомъ шесть мѣсяцевъ назадъ. Съ своей стороны король, все продолжая переговоры съ палатами, долженъ былъ постепенно удалиться къ сѣвернымъ графствамъ, гдѣ его приверженцы были многочисленнѣе, утвердить свою резиденцію въ

Горкѣ и ждать тамъ случая и средствъ дѣйствовать. Когда, такимъ образомъ, обо всемъ условились, королева въ величайшей тайнѣ стала готовиться къ отъѣзду, а король пригласилъ палаты изложить ихъ жалобы вкратцѣ и представить ему ихъ всѣ вмѣстѣ, обѣщая разрѣшить ихъ въ одинъ день и, такимъ образомъ, положить конецъ взаимнымъ несогласіямъ.

Верхняя палата приняла это посланіе короля съ радостью: друзья короля были въ ней многочисленны; многіе другіе, утраченные и утомленные, помышляли лишь о прекращеніи борьбы, не заботясь о будущемъ. Но нижняя палата, болѣе дальновидная и болѣе рѣшительная, не могла повѣрить ни тому, чтобъ король согласился на ея требованія, ни тому, чтобъ онъ исполнилъ обѣщанное. Предложеніе его было въ ея глазахъ не болѣе, какъ хитрость, придуманная для того, чтобъ разомъ покончить съ палатой, распустить ее и опять захватить въ свои руки власть. Палата отказалась принять участіе въ усердныхъ благодареніяхъ лордовъ, если не будутъ просить короля напередъ поручить начальство надъ Тоуэромъ, надъ крѣпостями и надъ милиціей людямъ, пользующимся довѣріемъ парламента. Верхняя палата отвергла это условіе, но вызвала тѣмъ протестъ со стороны тридцати двухъ лордовъ, и нижняя палата, сильная поддержкой со стороны такого значительнаго меньшинства, одна подала королю прошеніе. Карль отвѣчать на него формальнымъ отказомъ насчетъ крѣпостей и Тоуэра, неопредѣленными выраженіями и отговорками насчетъ милиціи—очевидно, руководясь исключительно одною мыслію—ничего болѣе не уступать и выигрывать время. Нижняя палата тоже не намѣрена была терять времени. Имѣя вѣрныхъ слугъ въ Виндзорѣ, какъ и въ Лондонѣ, погому что вездѣ вѣрили въ ея силу, она имѣла вездѣ шпионовъ и друзей, и для нея вовсе не были тайной ни замыслы короля, ни путешествіе королевы, ни происки двора на сѣверѣ королевства и на материкѣ. Опасность была близка: могло случиться, что король будетъ готовъ къ войнѣ прежде, чѣмъ вопросъ о милиціи будетъ рѣшенъ; тогда какими средствами бороться съ нимъ? Народъ волновали опасенія болѣе смутныя и болѣе близкія; говорили о похищеніи военныхъ запасовъ изъ Тоуэра, о заговорахъ противъ жизни вождей партіи; досадовали, что безпрестанно побѣждаютъ, и все безъ пользы. Новое и сильное выраженіе народныхъ желаній могло одно, думали, одолѣть эти новыя препятствія, вооружить усердныхъ, увлечь равнодушныхъ, поразить бесиліемъ злонамѣренныхъ. Отовсюду полились просьбы; онѣ стали приходить изъ всѣхъ графствъ, отъ всѣхъ классовъ гражданъ; мастеровые, мелкіе торговцы, бѣдные работники, лондонскіе носильщики тяжестей, даже женщины толпились вокругъ Вестминстера для подачи просьбъ. При первомъ появленіи женщинъ, Скиппонъ, начальствовавшій надъ стражей, выразилъ свое изумленіе: „Пусть насъ выслушаютъ“,—кричали онѣ:—„гдѣ сегодня одна женщина, туда завтра явится ихъ пятьсотъ“. Онъ пошелъ доложить палатѣ и, возвратясь, кротко пригласилъ ихъ удалиться. Но онѣ возвратились черезъ два дня, взявъ себѣ въ ораторы Анну Стэггъ (жену богатаго пивовара) и неся прошеніе, въ концѣ котораго объясняли свои побудительныя причины. „Это дѣйствіе“,—говорили онѣ,—„отнюдь не неприлично нашему полу: Христосъ искупилъ насъ тою же цѣной, что и мужчинъ; какъ и они, мы терпимъ отъ общественныхъ бѣдствій; какъ и имъ, намъ дана жизнь, которую мы должны поддерживать, и душа, которую мы должны спасти. Мы дѣлаемъ это вовсе не изъ тщеславія или по

гордости сердца, и не для того, чтобъ равняться съ мужчинами вліяніемъ или мудростью, но для того, чтобъ исполнить, по мѣрѣ нашихъ силъ, обязанности наши къ Богу, къ его церкви, къ нашему отечеству“. Прошеніе было принято, и Пеймъ вышелъ съ отвѣтомъ; женщины стали вокругъ него, передъ дверьми. „Достойныя женщины!“—сказалъ онъ имъ:— „ваша просьба прочитана; палата благодаритъ васъ за нее. Возвратитесь домой, умоляемъ васъ о томъ, и да обратятся ваши просьбы въ молитвы объ успѣхѣ трудовъ нашихъ; мы всегда готовы, всегда были и будемъ готовы защищать васъ, мужей и дѣтей вашихъ“. Женщины удалились безъ шума—замѣчательный примѣръ скромности среди увлеченій энтузіазма и нравственнаго достоинства среди волненія партій.

Прошенія эти были одного и того же содержанія; всѣ они требовали преобразованія церкви, наказанія папистовъ, укрощенія злонамѣренныхъ. Нѣкоторыя изъ нихъ шли дальше и направлялись противъ современнаго зла: тамъ были явныя угрозы противъ верхней палаты. „Да попросятъ тѣхъ изъ числа благородныхъ лордовъ“, сказано въ одномъ изъ прошеній, поданныхъ нижней палатѣ, „которые пожелаютъ содѣйствовать вашимъ благодѣтельнымъ рѣшеніямъ, присоединиться къ этой достойной палатѣ, чтобъ засѣдать и подавать голоса въ одномъ съ нею составѣ: это разсѣетъ всѣ наши опасенія и предупредитъ тѣ мѣры, на которыя, наконецъ, могутъ быть вынуждены отчаяніемъ люди самые миролюбивые“.— „Мы никогда не сомнѣвались въ нижней палатѣ“,—кричалъ народъ у дверей Вестминстера,— „но говорятъ, что все задерживается въ палатѣ лордовъ. Пусть намъ объявятъ имена тѣхъ, кто препятствуетъ согласію между добрыми лордами и нижней палатой: мы съ ними расправимся“. Среди самой верхней палаты языкъ партіи обращался въ языкъ войны. „Всякій, кто отказывается присоединиться къ нижней палатѣ по дѣлу о милиціи“,—сказалъ графъ Нортумберландъ,— „есть врагъ государства“. Потребовали, чтобъ онъ объяснился. „Мы все такъ думаемъ“—закричали его друзья, до того времени составлявшіе меньшинство по этому вопросу. Толпа была за дверьми; лордами овладѣлъ страхъ; многіе вышли, другіе перемѣнили мнѣніе; самъ канцлеръ Литтлтонъ, съ нѣкоторыми ничтожными оговорками, принялъ мнѣніе нижней палаты, на которое согласилась, наконецъ, и верхняя, а спустя немного дней (5 февр. 1642), подобнымъ же образомъ былъ принятъ и билль объ исключеніи епископовъ, по которому три мѣсяца не дѣлалось окончательнаго рѣшенія.

Этотъ билль представленъ былъ королю одинъ (7 февраля 1642), такъ какъ постановленіе о милиціи еще не было изготовлено. Король былъ въ большомъ затрудненіи; онъ только что объявилъ палатамъ о предстоящемъ путешествіи королевы; чтобъ смягчить ихъ, онъ официально отказался отъ всякаго преслѣдованія противъ пяти членовъ, согласился даже назначить губернаторомъ Тоуэра сэра Джона Кошьерза, на котораго указала ему нижняя палата; но онъ рассчитывалъ ничего не дѣлать болѣе и уклониться отъ всякаго важнаго вопроса до того дня, когда будетъ совсѣмъ готовъ. Исключеніе епископовъ смущала его совѣсть; пожертвованіе милиціей выдавало его противникамъ всѣ военныя силы страны; между тѣмъ къ нему приступали; его собственные совѣтники не думали, чтобъ онъ могъ отказать во всемъ. Лордъ Фоклэндъ, всегда вѣрившій въ искренность другихъ, постоянно былъ склоненъ къ уступ-

камъ; Кольпепперъ, не очень набожный и любившій прибѣгать къ уверткамъ, сильно настаивалъ на принятіе билля объ епископахъ, говоря, что милиція имѣетъ совсѣмъ иную важность, что съ помощью меча можно все взять назадъ и что тогда легко будетъ объявить ничтожнымъ согласіе, исторгнутое силой. „Раздѣляетъ ли это мнѣніе Гайдъ?“ — сказалъ ему король. — „Нѣтъ, государь, я долженъ въ томъ сознаться; онъ полагаетъ, что не должно принимать ни того, ни другаго билля“. — „Онъ правъ; такъ я и поступлю“. Кольпепперъ отправился къ королевѣ, изобразилъ ей опасное положеніе короля, ея собственныя опасности и препятствія, которыя можетъ встрѣтить ея путешествіе — единственное средство дать королю возможность побѣдить современемъ враговъ. Его сильные жесты и слова легко взволновали и убѣдили королеву, столь же доступную страху, какъ и надеждѣ, и притомъ не слишкомъ расположенную къ англійскимъ епископамъ. Она побѣжала къ супругу, просила его, плакала, заклинала именемъ его безопасности, ихъ будущности, будущности дѣтей ихъ. Карлъ былъ неспособенъ отказать ей ни въ чемъ; онъ уступилъ съ горестью и раскаяніемъ, какъ въ процессѣ Страффорда, велѣлъ комиссарамъ подписать билль отъ его имени, ничего не сказалъ о милиціи, и тотчасъ поѣхалъ въ Дувръ, гдѣ королева должна была сѣсть на корабль.

Едва прибылъ онъ туда, какъ его встрѣтило посланіе отъ верхней палаты. Подобно Кольпепперу, палата придавала гораздо болѣе значенія милиціи, чѣмъ исключенію епископовъ, уже побѣжденных и находившихся въ тюрьмѣ. Она успѣшила изготавить постановленіе о милиціи, внесла въ него имена начальниковъ, долженствовавшихъ командовать въ каждомъ графствѣ, и испрашивала немедленнаго утвержденія. „На это нужно время“, — сказалъ король. — „Я буду отвѣчать, когда возвращусь“. Проводивъ королеву, на возвратномъ пути онъ встрѣченъ былъ на дорогѣ въ Кентербери (25 февр. 1642) новымъ посланнымъ, который еще болѣе настаивалъ на этомъ требованіи. Въ то же время онъ узналъ, что члены нижней палаты противятся отъѣзду сына его Карла, принца валлійскаго, котораго онъ призывалъ въ Гриничъ съ намѣреніемъ увести съ собою на сѣверъ; что они преслѣдуютъ генеральнаго прокурора Герберта за исполненіе его повелѣнія относительно обвиненія пяти членовъ; наконецъ, что они перехватили и распечатали письмо лорда Дигби къ королевѣ. Такое недовѣріе, послѣ столькихъ со стороны его уступокъ, оскорбило его, хотя эти уступки и были неискренни. Онъ очень рѣзко обошелся съ посланными, но не сказалъ ничего рѣшительнаго. Прибывъ въ Гриничъ (26 февр. 1642), онъ нашелъ тамъ принца, котораго увезъ туда гувернеръ его, маркизь Гертфордъ, несмотря на запрещеніе нижней палаты. Наконецъ, успокоившись насчетъ своей жены и дѣтей, король послалъ къ палатамъ (отъ 28 февр.) отвѣтъ, которымъ соглашался поручить милицію начальству лицъ, палатами назначенныхъ, но сохранялъ для себя право удалять ихъ отъ должности, и притомъ исключалъ изъ этой мѣры главные города королевства, гдѣ милиція должна была попрежнему подчиняться ихъ хартіямъ и стариннымъ законамъ; затѣмъ, не дожидаясь ничего болѣе, онъ отправился въ Іоркъ и ѣхалъ не спѣша. Въ Теобальдсѣ къ нему снова явились двѣнадцать палатскихъ комиссаровъ (1 марта 1642). Получивъ отвѣтъ короля, палаты рѣшили, что онъ заключаетъ въ себѣ положительный отказъ, что если король будетъ упорствовать, то онъ безъ его согласія станутъ распоряжаться милиціей, и что, наконецъ,

возвращеніе короля въ Лондонъ есть единственное средство предупредить бѣдствія, угрожающія королевству. Тонъ посланія былъ рѣзокъ: палаты какъ бы желали показать, что они сознаютъ свою силу и не побоятся къ ней прибѣгнуть. „Я такъ удивленъ“, — отвѣчалъ король, — „что не знаю, какъ отвѣчать вамъ. Вы говорите объ опасеніяхъ и недовѣріи; но, положи руку на сердце, спросите сами себя, не имѣю ли и я, съ своей стороны, также повода питать недовѣріе и опасеніе? Я много думалъ о дѣлѣ, касающемся милиціи; отвѣтъ мой правиленъ; я не измѣню въ немъ ничего. Что жъ касается пребыванія моего среди васъ, то я желалъ бы, чтобъ оно было безопасно и почетно и чтобъ мнѣ не было причины оставлять Уайтъ-Галль. „Какъ вы объ этомъ думаете? Клянусь честью, я желаю только мира и правосудія моему народу и сумѣю поддержать то и другое. Уповаю на благость Господа и надѣюсь защитить себя и права свои“. И онъ снова пустился въ дорогу. Черезъ восемь дней (9 марта 1642) въ Ньюмеркетѣ къ нему явились новые комиссары парламента съ деклараціей, въ которой, напоминая всѣ свои требованія, всѣ свои опасенія, парламентъ оправдывалъ свой образъ дѣйствій и все еще умолялъ короля возвратиться въ Лондонъ, уничтожить недоразумѣнія, возникшія между нимъ и народомъ, разсѣять, такимъ образомъ, мрачныя предчувствія, смущавшія всѣхъ. Сильное волненіе слышалось въ этой деклараціи, при всей твердости ея тона; оно проявилось и въ самомъ свиданіи короля съ депутатами. Разговоръ былъ продолжительный, настойчивый, безцеремонный, какой бываетъ между людьми, глубоко потрясенными неминуемо предстоящимъ имъ разрывомъ, но которые еще пытаются убѣдить другъ друга. Очевидно было, что обѣ стороны вступали въ борьбу съ твердою рѣшимостью довести ее до конца; они не видѣли никакой дороги къ сближенію, сознавали, что борьба неизбежна, однако-жъ отваживались на нее не безъ тяжелыхъ предчувствій, и чтобъ устранить ее, прибѣгали къ крайнимъ, хотя и безнадежнымъ усиліямъ. „Чего же вы хотите?“ — сказалъ король: — „развѣ я нарушалъ ваши законы? Отвергнулъ ли я хоть одинъ билль, клонившійся ко благу моихъ подданныхъ? Я не буду у васъ спрашивать о томъ, что вы для меня сдѣлали. Уже ли въ комъ-нибудь еще сохранились опасенія? Я предлагаю всеобщее, полное прощеніе, какое только вы можете сами придумать“. — „Но милиція, государь?“ — сказалъ лордъ Голлаудъ. — „Милиція? Я не отказывалъ“. — „По крайней мѣрѣ, ваше величество, возвратитесь въ парламентъ“. — „Вы ничего не сдѣлали такого, что меня побудило бы къ этому. Не думаете ли вы, что ваша декларація способна склонить меня къ тому? Такіе доводы вы нашли, конечно, не въ *Реторикѣ* Аристотеля“. — „Парламентъ“ — сказалъ лордъ Пемброкъ, — „уже почтительнѣйше просилъ объ этомъ ваше величество“. — „Декларация ваша доказываетъ, что слова ничего не значатъ“. — „Удостоите же, ваше величество, сказать намъ ясно, чего бы вы желали, чтобъ рѣшиться на это?“ — „Я велѣлъ бы высѣчь школьника, который изъ моего отвѣта не увидалъ бы, чего я желаю. Вы ошибаетесь, если заключаете изъ него, будто я отказываюсь возвратиться въ парламентъ“. — „Нѣтъ ли возможности предоставить въ распоряженіе парламента милицію, по крайней мѣрѣ хоть на опредѣленное время?“ — „Ни даже на одинъ часъ. Вы требуете отъ меня того, чего никто никогда не требовалъ отъ короля, чего я не довѣрилъ бы своей женѣ и дѣтямъ“. Затѣмъ, обратясь къ комиссарамъ нижней палаты, онъ сказалъ: „Ирландскія дѣла

никогда не подвинутся съ тѣми мѣрами, какія вы принимаете; собраніе изъ 400 человекъ никогда ничего не сдѣлаетъ; надобно, чтобъ это было ввѣрено попеченіямъ одного человека. Еслибъ это поручили мнѣ, я бы отвѣчалъ головою; въ настоящую минуту я не болѣе какъ нищій, а не смотря на это, я нашель бы денегъ, чтобъ дѣйствовать съ успѣхомъ“. Послѣднія слова возбудили прежнее недовѣріе; въ нихъ прочли существованіе невѣдомыхъ средствъ, намѣреніе сдѣлать ненавистнымъ парламентъ, вмѣнивъ ему въ вину бѣдствія Ирландіи, и, наконецъ, желаніе стать одному въ главѣ арміи, чтобъ располагать ею по произволу. Переговоры прекратились; комиссары уѣхали; король продолжалъ путь и прибылъ въ Іоркъ безъ дальнѣйшихъ приключеній.

Тогда началась у него съ парламентомъ борьба, до того времени безпримѣрная въ Европѣ—ясное и славное знаменіе начинавшагося тогда переворота общества, который окончательнo довершенъ въ наше время. Сношенія продолжались; но уже ни та, ни другая сторона не возлагали на нихъ никакихъ надеждъ и даже не брали на себя труда предлагать какія-либо условія. Въ своихъ посланіяхъ и деклараціяхъ обѣ стороны обращались уже не другъ къ другу, а къ цѣлой націи, къ общественному мнѣнію; отъ этой новой силы, казалось, обѣ онѣ ожидали для себя могущества и успѣховъ. Происхожденіе и объемъ королевской власти, привилегія палатъ, предѣлы обязанностей подданныхъ, милиція, прошенія, порядокъ должностей стали предметомъ официальнаго спора, въ которомъ главныя основанія общественнаго порядка, разнообразный характеръ правленій, первобытныя права свободы, исторія, законы, обычаи Англіи—все это приводилось, объяснялось, толковалось. Въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ наука и разумъ стояли, такъ сказать, на межѣ между преніями обѣихъ партій въ палатахъ, и вооруженнымъ столкновеніемъ ихъ на полѣ сраженія, сдерживали потокъ событій, употребляли всѣ усилія, чтобъ придать тому или другому дѣлу характеръ законности и, такимъ образомъ, пріобрѣсть свободное содѣйствіе народа. При открытіи парламента, Англія не вѣрила въ революцію и не покушалась на нее; одни диссиденты замышляли переворотъ въ духовныхъ дѣлахъ; возвращеніе къ законному порядку, возстановленіе старинныхъ льготъ, искорененіе существующихъ воинующихъ злоупотребленій—таковы были желанія и надежды народа, по крайней мѣрѣ такъ онъ думалъ. Сами вожди, болѣе смѣлые и просвѣщенные, не простирали далѣе своихъ видовъ, энергія ихъ воли превосходила обширность ихъ плановъ, и они со дня на день все болѣе и болѣе увлекались этимъ потокомъ безъ отдаленной цѣли, безъ системы, единственно вслѣдствіе постепеннаго развитія ихъ положенія и ради удовлетворенія самыхъ настоятельныхъ потребностей. Когда наступила минута обнажить мечъ, всѣ изумились и пришли въ смущеніе, не потому, чтобъ сердце ихъ чувствовало робость, или междоусобная война вообще въ глазахъ парламента и даже народа представляла что-либо странное или преступное: онъ съ гордостью читалъ о ней въ своей великой хартіи, въ своей исторіи; онъ не разъ выходилъ на борьбу противъ своихъ властителей, даже отнималъ у нихъ и давалъ имъ корону; и это было во времена уже столь отдаленныя, что онъ забылъ всѣ бѣдствія, которымъ тогда подвергался, и видѣлъ въ нихъ только славныя примѣры своей силы и власти. Но оппозиція всегда объявлялась во имя законовъ, во имя опредѣленныхъ и признанныхъ правъ; завоевывая свободу, Англія всегда

думала, что защищает свое наследственное право, и съ однимъ именемъ закона, законнаго порядка соединялось то всеобщее, свободное уваженіе, которое не допускаетъ спора и освящаетъ самая смѣлая предпріятія. Теперь же обѣ стороны обвиняли другъ друга въ незаконности и въ новаторствѣ, и притомъ обѣ съ одинаковою справедливостью, потому что одна нарушила древнія права народа и не хотѣла отказаться отъ принциповъ самовласти; другая требовала, въ силу неустановившихся еще началъ, дотолѣ неизвѣстныхъ льготъ и власти. Обѣ онѣ чувствовали необходимость облечь покровомъ законности свои притязанія и дѣйствія; обѣ вознамѣрились оправдать себя не только доводами разума, но и законами. Вслѣдъ за ними съ жаромъ устремилась на эту арену вся нація, волнуемая еще болѣе, чѣмъ вожди, чувствами, которыя, казалось, исключали другъ друга и, между тѣмъ, были равно искренни. Едва освободившись отъ ига, осуждаемаго, но непредупрежденнаго законами предковъ, нація усердно искала болѣе дѣйствительныхъ гарантій, но надежды ея все-таки были обращены къ тѣмъ же законамъ, которыхъ несостоятельность была еще недавно испытана. Юныя убѣжденія, новыя идеи кипѣли въ ея груди: она вѣровала въ нихъ живою, чистою вѣрою, предавалась даже, со всею энергіею и довѣрчивостью молодости, тому энтузіазму, который стремится доставить, во что бы ни стало, торжество истинѣ, но, въ то же время, она была скромна въ своихъ мысляхъ, вѣрна до нѣжности своимъ привычкамъ и глубоко уважала свои древнія учрежденія; поэтому ей вѣрилось, что она ничего не измѣняетъ въ нихъ, а только служить имъ и возвращаетъ имъ прежнюю силу. Отсюда странная смѣсь отваги и робости, искренности и притворства, которыя мы находимъ въ статьяхъ всякаго рода, официальныхъ и свободныхъ, наводнявшихъ тогда Англию. Умы были распалены до безконечности; движеніе было всеобщее, неслыханное, беспорядочное; въ Лондонѣ, Іоркѣ, во всѣхъ большихъ городахъ королевства памфлеты, изданія срочныя и несрочныя размножались и распространялись повсюду; вопросы политическіе, религіозные, историческіе, новости, проповѣди, проекты, совѣты, грубые нападки—все допускалось на ихъ страницахъ, все становилось въ нихъ предметомъ разсказа или разсужденія; добровольные гонцы разносили ихъ по селеніямъ; во время ассизныхъ судовъ, въ базарные дни, у церковныхъ дверей, эти листки покупались и читались наперерывъ; въ этомъ взрывѣ всѣхъ мыслей, въ этой столь новой передачѣ всякихъ вопросовъ на судъ общественнаго мнѣнія, когда во всѣхъ дѣйствіяхъ и сочиненіяхъ уже господствовалъ принципъ полновластности (sovereignty) народа въ борьбѣ съ божественнымъ правомъ королевской власти, статуты и законы, преданія и обычаи были безпрестанно приводимы, какъ единственные законные судьи въ спорѣ, и революція была вездѣ, хотя никто не смѣлъ этого сказать и даже, можетъ быть, признаться въ этомъ самому себѣ.

При такомъ состояніи умовъ парламентъ былъ нравственно въ ложномъ положеніи, потому что революція совершалась чрезъ него и въ его пользу; такъ какъ онъ вынужденъ былъ вести ее и, въ то же время, отречься отъ нея, то естественно, что дѣйствія и языкъ, которымъ онъ говорилъ, поочередно обличали другъ друга во лжи, и онъ колебался въ затруднительной срединѣ между смѣлостью и хитростью, между притворствомъ и употребленіемъ открытой силы. Какъ принципы и мѣры исключительныя, приложимыя во времена кризиса и существованіе которыхъ

должно было окончиться вмѣстѣ съ потребностью въ нихъ, принципы парламента были справедливы и рѣшенія его законны; но партіи не удовлетворяются такою временною законностью; народы не предають себя съ восторгомъ въ жертву ученію и интересамъ одного дня: даже въ ту минуту, когда одно настоящее властвуетъ ими и рѣшаетъ ихъ мнѣнія и дѣйствія, они вѣрятъ въ неизмѣнную прочность своихъ идей и дѣлъ, и воображаютъ, что устраиваютъ будущее во имя вѣчной истины. Недовольный присвоеніемъ верховной власти, парламентъ постановилъ за правило, какъ бы опредѣлявшее законный порядокъ въ государствѣ, что начальство надъ милиціей не принадлежитъ королю; что онъ не можетъ отказываться отъ утвержденія биллей, требуемыхъ народомъ; что палаты безъ его содѣйствія имѣютъ право объявлять, какой есть законъ; наконецъ, что справедливо и законно посредствомъ прошеній ходатайствовать объ измѣненіи дѣйствующихъ обычаевъ или статутовъ, но что всякое прошеніе о сохраненіи ихъ должно быть отвергнуто, какъ бесполезное. Несмотря на невѣрность и разнорѣчіе примѣровъ прежнихъ временъ, подобныя правила, возведенныя въ степень постоянного государственнаго права, очевидно были противны историческимъ основаніямъ, правильному положенію, наконецъ, даже самому существованію монархіи. Король поспѣшилъ воспользоваться этимъ. Въ свою очередь, онъ сталъ говорить во имя старой Англіи, ея законовъ, ея воспоминаній. Нашлись искусные и ученые защитники его дѣла. Эдуардъ Гайдъ, бывший тогда еще въ Лондонѣ, составлялъ то одинъ, то вмѣстѣ съ Фоклендомъ, отвѣты на всѣ объявленія парламента. Поспѣшно привозимые въ Йоркъ тайными гонцами, отвѣты эти были доставляемы въ собственныя руки королю, который ихъ самъ по ночамъ переписывалъ, чтобъ никто не узналъ ихъ автора, и потомъ обнародовалъ отъ имени своего совѣта. Написанные ясно и съ искусствомъ, иногда даже съ ѣдкой ироніей, они особенно стремились разоблачать всѣ уловки, всѣ хитрости парламента и незаконность его притязаній. Карлъ не управлялъ болѣе; ему уже не надо было защищать тираннію дѣйствующую; онъ могъ умалчивать свои тайные принципы, свои заднія мысли, свои деспотическія надежды и призывать законъ противъ своихъ враговъ, которые теперь, въ свою очередь, были правящими деспотами. Вліяніе королевскихъ публикацій было такъ велико, что парламентъ употреблялъ всѣ усилія, чтобъ заглушить ихъ, тогда какъ, съ своей стороны, король приказывалъ печатать парламентскія посланія вмѣстѣ съ своими отвѣтами. Партія роялистовъ видимо увеличивалась; вскорѣ она сдѣлалась еще смѣлѣе и обратила на своихъ противниковъ оружіе свободы. Джорджъ Беньйонъ, богатый купецъ изъ Сити, подалъ въ палаты прошеніе противъ ихъ постановленія о милиціи, и многіе значительные горожане подписали прошеніе вмѣстѣ съ нимъ. Дворяне графства Кентскаго собрались также для составленія прошенія въ пользу королевской прерогативы и епископата; нѣкоторые члены парламента, между прочими, сэръ Эдуардъ Деривгъ, первый виновникъ билля противъ епископовъ, открыто вызывали эти дѣйствія. Pamфлеты роялистовъ расходились съ большимъ успѣхомъ; они отличались ѣдкостью, высокоуміемъ, написаны были тономъ изящнаго и насмѣшливаго превосходства; даже среди народа нападки на вождей нижней палаты находили сочувствіе и вѣру; смѣялись надъ *королемъ Пеймомъ*, надъ *головами сахару*, полученными имъ когда-то въ подарокъ, надъ 10.000 фунтами стерлинговъ *королевскихъ денегъ*, будто

бы данными имъ въ приданое за дочь, надъ трусостью графа Уорвика, который носитъ сердце въ своихъ сапогахъ, и надъ множествомъ подобныхъ грубыхъ остротъ, которыхъ прежде никто не сталъ бы ни повторять, ни даже слушать. Наконецъ, въ палатахъ, друзья короля стали обнаруживать гордость и раздражительность; люди, дотолѣ молчаливые, сэръ Ральфъ Гоптонъ, лордъ Гербертъ, съ живостью стали отражать намеки, оскорбительные для его чести. Было ясно, что въ глазахъ многихъ людей дѣло его начинало выигрывать и что они, въ случаѣ нужды, поддержать его, потому что они не колебались уже явно становиться на его сторону. Парламентъ встревожился: самолюбіе вождей было задѣто; взросши въ любви народа, они не могли вынести обиды и презрѣнія; ихъ глубоко раздражало, что въ этой бумажной войнѣ перевѣсъ повидимому оставался на сторонѣ ихъ противниковъ. Противъ этой опасности они употребили тиранию; какъ по расчету, такъ и просто влѣдствіе раздраженія, всякая свобода была уничтожена въ преніяхъ; сэръ Ральфъ Гоптонъ былъ посаженъ въ Тоуэръ, лордъ Гербертъ подвергся строгому замѣчанію, Джорджъ Беньонъ и сэръ Эдуардъ Дерингъ были обвинены, прошеніе Графства Кентскаго оставлено безъ дѣйствія. Пронеслась молва, что оно появится вновь. Кромвель поспѣшилъ извѣстить объ этомъ нижнюю палату, и ему дано было порученіе предупредить опасность. Хотя онъ занималъ еще незамѣтное мѣсто въ палатѣ, но уже болѣе всякаго другого зналъ всѣ нити революціи и далѣе всѣхъ зашелъ на этомъ пути; его дѣятельность и вліяніе были устремлены пока на внѣшнія заботы; его дѣломъ было возбуждать народъ, подслушивать, доносить, разрушать планы роялистовъ.

Уже не было сомнѣнія въ близости войны: партіи не могли жить вмѣстѣ, не могли засѣдать въ однѣхъ и тѣхъ же стѣнахъ. Каждый день многіе члены парламента оставляли Лондонъ; одни, по неудовольствію или отъ страха, удалялись въ свои помѣстья, другія искали новаго оружія на враговъ, вдали отъ города, гдѣ чувствовали себя побѣжденными. Большая часть изъ нихъ отправлялась къ королю, къ которому явились уже всѣ почти его совѣтники. Неожиданное происшествіе ускорило это переселеніе и безвозвратно раздѣлило обѣ партіи. 23 апрѣля, король во главѣ 300 всадниковъ, поѣхалъ къ Гуллю и потребовалъ отъ тамошняго губернатора, сэра Джона Готэма, чтобъ онъ отдалъ городъ въ его руки. Слабый, нерѣшительный, не чувствуя неприязни къ королю и не имѣя инструкцій, которыя бы опредѣляли заранѣе его образъ дѣйствій, сэръ Джонъ былъ въ величайшемъ затрудненіи и умолялъ короля подождать, пока онъ извѣститъ парламентъ о его желаніи. Но Карлъ все наступалъ и въ 11 часовъ появился подъ стѣнами Гулля. У него были нѣкоторыя сношенія съ жителями города; даже наканунѣ этого дня сынъ его, Іаковъ, герцогъ іоркскій, племянникъ его, курфирстъ пфальцскій, и лордъ Ньюпортъ, вошли въ городъ подъ предлогомъ, что проведутъ тамъ одинъ день. Уже мэръ и нѣсколько гражданъ направились къ воротамъ, чтобъ отворить ихъ. Готэмъ велѣлъ имъ идти по домамъ, а самъ, въ сопровожденіи своихъ подчиненныхъ, взошелъ на валъ. Тамъ король лично потребовалъ, чтобъ его впустили. Сэръ Джонъ упалъ на колѣни и сталъ неловко извиняться, приводя въ оправданіе данную имъ присягу хранить ввѣренную ему крѣпость, согласно повелѣніямъ парламента. Сильный ропотъ поднялся между окружающими короля кавалерами: они грозили сэру Джону, называя его бунтовщикомъ и измѣнникомъ. „Убейте его!“ — кричали они офицерамъ

гарнизона:— „сбросьте его съ вала“. Но офицеры-то именно и заставили губернатора сопротивляться. Напрасно самъ Карль пытался застрашать ихъ или купить. Послѣ длинныхъ переговоровъ, онъ удалился, но остался невдалекѣ и чрезъ часъ потребовалъ, чтобъ сэръ Джонъ впустилъ его одного съ 20-ю всадниками. Сэръ Джонъ и въ этомъ отказалъ. „Еслибъ онъ вошелъ“,— писалъ онъ къ палатамъ,— „даже съ 10-ю человекѣми, то городъ не былъ бы уже въ моей власти“. Король воротился къ валу, велѣлъ объявить Готэма и его приверженцевъ измѣнниками и въ тотъ же день написалъ въ парламентъ посланіе съ требованіемъ правосудія за такое оскорбленіе.

Парламентъ оправдалъ своего губернатора во всемъ и отвѣчалъ королю, что укрѣпленныя мѣста и арсеналы, не составляютъ его личной собственности, на которую онъ имѣлъ бы законное право, какое, напримеръ, гражданинъ имѣетъ на свой домъ или на свое поле, что охраненіе ихъ ввѣрено ему для безопасности государства, и что эта же самая цѣль можетъ заставить парламентъ взять ихъ въ свои руки. Отвѣтъ былъ прямой и законный, но равнялся объявленію войны. Такъ и поняли его обѣ стороны. Тридцать два лорда и болѣе шестидесяти членовъ нижней палаты, между прочими Гайдъ, отправились въ Іоркъ. Графы Эссексъ и Голландъ, изъ которыхъ одинъ былъ гофмаршаломъ, другой камергеромъ, получили отъ короля приказаніе явиться къ нему; онъ хотѣлъ оставить ихъ при себѣ и лишить парламентъ ихъ поддержки. Съ согласія верхней палаты, къ которой они принадлежали, они отказались и потеряли свои мѣста. Канцлеръ Литтлтонъ, послѣ продолжительныхъ и малодушныхъ сомнѣній, переслалъ къ королю государственную печать и самъ на другой день скрылся. Слухъ объ этомъ произвелъ сильное впечатлѣніе въ Лондонѣ, потому что, съ обладаніемъ государственной печати, повидимому, соединилась законная власть. Верхняя палата видимо была смущена и замѣтно ослабѣвала; но энергія нижней палаты предупредила всѣ сомнѣнія. Отсутствующіе члены получили приказаніе возвратиться: вслѣдствіе формальнаго отказа девяти лордовъ, начались противъ нихъ судебныя преслѣдованія; гражданамъ запрещено было вооружаться по повелѣнію короля; посланы были во всѣ графства инструкціи, предписывавшія образованіе милиціи; во многихъ мѣстахъ она сама формировалась и обучалась. Арсеналы велѣно было перенести изъ Гулля въ Лондонъ, и все это было исполнено, несмотря на всѣ препятствія. Король приказалъ было перевести ассизы изъ Вестминстера въ Іоркъ, чтобъ соединить въ своей резиденціи все законное правительство—парламентъ воспротивился этому и не встрѣтилъ ослушанія. Наконецъ парламентъ назначилъ комитетъ, которому поручилъ сдѣлать въ Сити заемъ, не объясняя его цѣли, и отправилъ въ Іоркъ комиссаровъ, все изъ дворянъ богатыхъ и пользовавшихся уваженіемъ въ этой провинціи; имъ приказано было оставаться при особѣ короля, несмотря на всѣ его возраженія, и отдавать палатамъ отчетъ во всемъ, что будетъ происходить передъ ихъ глазами.

Твердость комиссаровъ не уступала опасности, сопряженной съ ихъ порученіемъ. „Господа!“—сказалъ имъ король, когда они пріѣхали— „я приказываю вамъ воротиться назадъ. Если вы меня не послушаетесь, если вы останетесь, то берегитесь. Чгобъ не было никакихъ происковъ, никакихъ интригъ; въ противномъ случаѣ, мы скоро разочтемся другъ съ

другомъ“. Они отвѣчали почтительно и остались; каждый день терпѣли они оскорбленія, часто угрозы; имъ рѣдко позволяли свободно выходить изъ дома, но они дѣйствовали тайно, все наблюдали и обо всемъ увѣдомляли парламента. И въ Лондонѣ, и въ Йоркѣ все было въ движеніи. Король началъ набирать гвардію; но, не смѣя повелительно требовать исполненія этой мѣры, созвалъ окрестныхъ дворянъ, ожидая его отъ ихъ усердія. Собраніе это (15 мая 1642) было многочисленно и шумно; слова короля были встрѣчены продолжительными восклицаніями радости; при появленіи парламентскихъ комиссаровъ раздались свистки и шиканье. Но въ тотъ же день въ Йоркѣ прибыло нѣсколько тысячъ владѣльцевъ свободныхъ земель и фермеровъ, которыхъ съ намѣреніемъ не призывали; они твердили, что имѣютъ такое же право, какъ и дворяне, разсуждать о дѣлахъ графства, и явились у дверей залы, гдѣ были собраны роялисты. Имъ не позволяли входить—они собрались въ другомъ мѣстѣ и протестовали противъ мѣръ, о которыхъ они слышали. Самое дворянство раздѣлилось въ своихъ мнѣніяхъ: на предложеніе о наборѣ гвардіи болѣе 50 дворянъ отвѣчали отказомъ и утвердили этотъ отказъ подписью своихъ именъ; прежде всѣхъ подписался сэръ Томасъ Ферфаксъ, человекъ еще молодой и неизвѣстный, но уже самый смѣлый и прямой изъ патриотовъ этой провинціи. Смущенный Карлъ назначилъ новое собраніе, куда должны были сойтись всѣ владѣльцы свободныхъ земель; парламентскимъ комиссарамъ запрещено было являться въ это собраніе; но оно происходило на равнинѣ, называемой Гейвортъ-Муръ (3 іюня 1642), близъ ихъ жилищъ, и безпрестанно къ нимъ приходили за совѣтами. Тамъ было болѣе 40,000 человекъ дворянъ, свободныхъ землевладѣльцевъ, фермеровъ, горожанъ, пѣшихъ и конныхъ; одни изъ нихъ образовали группу, другіе ходили по равнинѣ, отыскивая и собирая своихъ друзей. Вскорѣ кавалеры замѣтили, что ходитъ по рукамъ прошеніе, которымъ хотѣли убѣдить короля изгнать всякую мысль о войнѣ и вступить въ соглашеніе съ парламентомъ; они разразились оскорбительными словами и угрозами, яростно кидались на собиравшіеся кружки, вырывали изъ рукъ списки прошенія у тѣхъ, кто ихъ читалъ, и объявляли, что король не приметъ его. Явился Карлъ, смущенный, разгнѣванный, не зная, что говорить предъ этой толпой, которой присутствіе и шумное волненіе уже оскорбляли его важность, неумѣвшую поддержать себя. Онъ приказалъ прочесть двусмысленную декларацію и спѣшилъ удалиться, чтобъ избавиться отъ всякаго возраженія; но молодой Ферфаксъ, пробравшись сквозь толпу, внезапно упалъ передъ нимъ на колѣни и положилъ прошеніе на лукъ сѣдла его, издѣваясь такимъ образомъ у самыхъ ногъ короля надъ его гнѣвомъ; король пустилъ на него свою лошадь и сильно толкнулъ его, но не могъ заставить его удалиться.

Такая смѣлость въ присутствіи короля, врывавшаяся въ графствѣ, наиболѣе преданномъ его дѣлу, испугала роялистовъ, особенно тѣхъ, которые пріѣхали изъ Лондона, пораженные могуществомъ и энтузіазмомъ парламента. Уже и то много, думали они, что, прибывъ къ государю, они представили такое опасное свидѣтельство своего усердія; имъ не хотѣлось компрометировать себя еще болѣе, и, пріѣзжая въ Йоркъ, они охладѣвали и робѣли. Карлъ потребовалъ отъ нихъ объясненія причинъ, побудившихъ ихъ оставить Лондонъ: ему оно нужно было для того, чтобъ доказать, что парламентъ, послѣ столькихъ возмущеній и насилій уже не

свободный парламентъ, а слѣдовательно, пересталъ быть и законнымъ. Они подписали объясненіе: но на другой день многіе изъ нихъ пришли къ королю и сказали, что если онъ обнародуетъ этотъ актъ, то они вынуждены будутъ отпереться отъ него. „Что-жъ я стану съ нимъ дѣлать?“ — спросилъ король съ сердцемъ. Но они стояли на своемъ и объясненіе не было обнародовано. Несмотря на большое стеченіе кавалеровъ и на ихъ заносчивыя выходки, ничего не вышло. Въ Йоркѣ не было ни денегъ, ни оружія, ни военныхъ припасовъ, ни даже провизіи; у короля едва доставало на содержаніе стола и на обыкновенные домашніе расходы. Королева продала въ Голландіи нѣсколько коронныхъ брилліантовъ; но страхъ передъ грозой парламента былъ такъ силенъ, что долго королева не могла найти средствъ переслать королю полученную за брилліанты сумму. Онъ запретилъ всѣмъ своимъ подданнымъ повиноваться постановленію парламента о милиціи, а самъ далъ главнѣйшимъ изъ роялистовъ каждаго графства порученіе набирать и организовывать ее отъ его имени. Но, чтобъ смягчить впечатлѣніе, какое могла произвести эта мѣра, онъ тотчасъ же сталъ увѣрять, что вовсе не думаетъ о войнѣ, а лорды, бывшіе въ Йоркѣ, старательно распространяли офіціальныи актъ, въ которомъ объявили, что, сколько имъ извѣстно, нѣтъ никакихъ приготовленій, никакихъ дѣйствій, которыя бы доказывали подобное намѣреніе. Слабость не была единственной причиной такой нерѣшительности, такой лживости. Со времени прибытія членовъ, оставившихъ парламентъ, Карлъ находился подъ вліяніемъ самыхъ противоположныхъ совѣтовъ: убѣжденные, что самая надежная сила заключается въ уваженіи народа къ законному порядку, юрисконсульты, члены магистратуры и люди умѣренныя хотѣли, чтобъ впредь король строго соблюдалъ законы, и всю вину нарушенія ихъ оставилъ одному парламенту; а кавалеры кричали, что медленность все губить, что при всякомъ удобномъ случаѣ надо предупреждать своихъ враговъ. Карлъ былъ не въ состояніи лишиться себя поддержки той или другой партіи и поочередно старался удовлетворять обѣимъ.

Напротивъ, положеніе парламента сдѣлалось проще; удаленіе членовъ въ такомъ большомъ количествѣ предоставило безспорную власть вождямъ революціи; возвышалось еще нѣсколько голосовъ, но имъ осталась только печальная доля изъяслять сожалѣнія и дѣлать предостереженія: ихъ едва удостоивали отвѣта. Рѣшительное большинство, находя войну неизбежною, смѣло принимало ее, хотя съ весьма различными цѣлями и чувствами. Изъ уваженія къ приличію, назначенъ былъ комитетъ для изысканія средствъ предупредить войну; даже былъ составленъ проектъ мирнаго согласія, въ 19 статьяхъ, и торжественно отправленъ къ королю. Но, въ ожиданіи отъ него отвѣта, не давали хода предложеніямъ, клонившимся въ пользу мира; военныя приготовленія производились открыто и дѣятельно. Карлъ вызвался идти самъ въ Ирландію для подавленія мятежа, съ каждымъ днемъ усилившагося; его предложеніе было отвергнуто. Онъ отказался назначить требуемаго палатами лорда Уорвика начальникомъ флота (31 марта 1642), но Уорвикъ принялъ начальство, несмотря на этотъ отказъ. Лордъ-мэръ Горни дерзнулъ обнародовать въ Лондонѣ повелѣніе короля о наборѣ милиціи въ королевскую службу и отъ его имени; онъ былъ обвиненъ, посаженъ въ Тоуэръ и отставленъ отъ должности, которая ввѣрена была альдермену Пеннингтону, ревностному пуританину. Городъ далъ взаймы 100,000 фунтовъ стерлинговъ; другіе 100,000 были

взяты изъ фондовъ, назначенныхъ для вспоможенія Ирландіи; въ палатахъ открыта подписка (10 іюня 1612); каждого члена вызывали поочередно и требовали, чтобъ онъ немедленно объяснилъ свои намѣренія. Нѣкоторые отказались. Сэръ Генри Киллигрю сказалъ: „Если представится случай, я возьму добрую лошадь, хорошія латы изъ буйволовои кожи, добрую пару пистолетовъ, и не затруднюсь отыскать себѣ дѣло“. Но онъ тотчасъ уѣхалъ въ свое графство, ибо послѣ такихъ словъ ему нельзя было пройти по улицамъ Лондона, не подвергаясь оскорбленіямъ и опасности. Народъ былъ въ высшей степени разгоряченъ. Какъ въ Сити, такъ и въ Вестминстерѣ, удаленіе членовъ-роялистовъ уменьшило бодрость въ ихъ приверженцахъ. Парламентъ сдѣлалъ воззваніе къ патриотизму гражданъ: деньги, серебро, драгоценныя камни—все принималось, чтобъ сформировать сколько-нибудь эскадроновъ кавалеріи, съ общаніемъ восьми процентовъ. Съ каедръ раздавались увѣщанія проповѣдниковъ; дѣйствіе рѣчей ихъ превзошло совѣты самыхъ горячихъ патриотовъ и ожиданія самыхъ довѣрчивыхъ людей. Впродолженіе десяти дней несмѣтное количество серебра приносимо было въ Гильдгалль; не доставало людей, чтобъ принимать, мѣста—чтобъ помѣщать его; бѣдныя женщины отдавали обручальныя свои кольца, золотыя или серебряныя булавки, которыми онѣ прикалывали свои волосы, и многія очень долго дожидались, пока примутъ ихъ приношенія. Узнавъ о такомъ успѣхѣ нижней палаты, Карль хотѣлъ испытать то же средство: но энтузіазму подражать нельзя: только народное самоотверженіе въ состояніи поддержать дѣло. Оксфордскій университетъ отправилъ къ королю свое серебро; по его примѣру, кембриджскій приказалъ упаковать также свое; часть его была даже отправлена, какъ вдругъ явился Кромвель, всегда бдительный, и остановилъ дальнѣйшую пересылку. Коммисары короля ходили изъ замка въ замокъ, но съ большимъ трудомъ могли собрать весьма незначительныя пожертвованія, и насмѣшка, суетное и опасное удовольствіе побѣжденнаго двора, осталась единственнымъ утѣшеніемъ для кавалеровъ.

Проектъ мирнаго соглашенія былъ полученъ въ Іоркѣ и представленъ королю 17 іюня. Этотъ проектъ превосходилъ предсказанія самыхъ заносчивыхъ роялистовъ и отнималъ всякую надежду у самыхъ умѣренныхъ. Палата требовала полнаго уничтоженія королевской прерогативы и чтобъ вся власть принадлежала имъ. Возведеніе въ достоинство перовъ, назначеніе и удаленіе всякаго рода высшихъ сановниковъ, воспитаніе и бракосочетаніе дѣтей короля, дѣла военныя, гражданскія, духовныя—ничто не должно было рѣшаться безъ формальнаго согласія парламента. Такова была въ сущности настоящая цѣль революціи; таковъ былъ драгоценный результатъ, котораго она должна была впоследствии достигнуть; но не пришло еще то время, когда это рѣшительное участіе парламента въ правленіи государствомъ должно было совершиться вслѣдствіе естественнаго развитія учреждений и преобладающаго, хотя и косвеннаго вліянія нижней палаты на ежедневное отправленіе власти. Будучи не въ состояніи заставить короля признать ея вождей непремѣнными своими совѣтниками, національная партія чувствовала себя вынужденною официально подчинить короля своей власти, такъ какъ иначе она не могла безопасно существовать—средство обманчивое и не ведущее къ цѣли, способное только повергнуть государство въ состояніе анархіи, но единственное, какое тогда могли придумать самыя даворитыя политики. При чтеніи этихъ предложе-

ній, негодование ообразилось въ глазахъ короля, и яркая краска выступила на лицѣ его. „Если я соглашусь на то, чего вы отъ меня требуете, что-жъ тогда у меня останется?“—отвѣчалъ онъ.—„Пожалуй, вы будете представляться мнѣ съ открытой головой, будете цѣловать мнѣ руку и называть меня „ваше величество“; пожалуй, вы сохраните формулу: *воля короля, возвышаемая палатами*, и будете облекать въ нее ваше повелѣніе; пожалуй предо мной будутъ носить жезль, или шпагу, и позволять мнѣ забавляться скипетромъ или короной, этими бесплодными вѣтвями дерева, которыя недолго будутъ цвѣсти, когда стволъ засохнетъ; но что касается дѣйствительной и настоящей власти, то я буду тогда только тѣнью, внѣшнимъ знакомъ, пустымъ призракомъ короля“. И онъ прервалъ переговоры.

Парламентъ и не ожидалъ другого отвѣта. Какъ скоро онъ получилъ его, исчезла всякая нерѣшительность, даже наружная; междоусобная война гущена была на голоса (9 іюля 1642). Почти только одинъ голосъ возвысился противъ этой войны, и это былъ тотъ самый голосъ, который, при открытіи засѣданій, первый высказалъ всѣ жалобы народа. „Господинъ ораторъ“,—сказалъ сэръ Бенджаминъ Рудердъ:—„я до глубины души проникнуть и объять чувствомъ того, чего требуетъ честь палаты и успѣхъ этого парламента; но, чтобъ вѣрно судить о томъ положеніи, въ какомъ мы теперь находимся, перенесемъ за три года назадъ. Еслибъ тогда кто-нибудь сказалъ намъ, что чрезъ три года, по какой бы то ни было причинѣ, королева убѣжитъ изъ Англіи въ Голландію, что король удалится отъ насъ и изъ Лондона въ Іоркъ, говоря, что въ Лондонѣ онъ небезопасенъ, что общій мятежъ охватитъ Ирландію, что государство и церковь сдѣлаются добычею раздоровъ, которые теперь волнуютъ ихъ—навѣрное, мы затрепетали бы при одной мысли о такомъ положеніи. Поймемъ же всю его тяжесть теперь, когда мы въ немъ находимся. Если, съ другой стороны, намъ сказали бы, что чрезъ три года у насъ будетъ парламентъ, что карабельная пошлина будетъ уничтожена, что исчезнутъ монополіи, что упразднены будутъ церковныя судебныя комиссіи, звѣздная палата, подача епископами голосовъ, что кругъ дѣйствій государственнаго совѣта будетъ опредѣленъ и ограниченъ, что у насъ будутъ парламенты чрезъ каждые три года... что говорю я? постоянный парламентъ, котораго никто не можетъ распустить, кромѣ насъ самихъ—навѣрное, мы приняли бы все это не болѣе, какъ за пріятную мечту. И что же? мы дѣйствительно достигли всего этого, и не умѣемъ пользоваться: мы хотимъ новыхъ гарантій. Дѣйствительное обладаніе всѣми этими благами составляетъ лучшую ихъ гарантію; они сами себя обезпечиваютъ. Будемъ осторожны: домогаясь какой то полной безопасности среди всякаго рода случайностей, можно подвергнуть опасности то, что мы уже имѣемъ. Положимъ даже, что мы и достигли бы всего, чего желаемъ, все-таки мы не будемъ наслаждаться безопасностью математически вѣрною: всѣ человѣческія гарантіи подвержены порчѣ и могутъ оказаться несостоятельными. Божественный промыслъ не терпитъ цѣпей: онъ хочетъ, чтобъ успѣхъ былъ въ его рукахъ. Господинъ ораторъ, нынѣ намъ слѣдуетъ вооружиться всѣмъ благоразуміемъ, къ какому мы только способны, потому что пожаръ скоро вспыхнетъ, и повсюду водворится хаосъ. Стоитъ начаться кровопролитію—и мы впадемъ въ неминуемое бѣдствіе, въ ожиданіи невѣрнаго успѣха, котораго достигнемъ Богъ знаетъ когда, и Богъ знаетъ еще какого успѣха! Всякій человѣкъ

обязанъ испытать крайнія усилія, чтобъ помѣшать кровопролитію; кровь— это грѣхъ, воіющій объ отмщеніи; она пятнаеть всю страну. Станемъ спасать свои права, свои имущества, но, такимъ образомъ, чтобъ спасти вмѣстѣ съ тѣмъ и души наши. Я исполнилъ долгъ моей совѣсти; представляю каждому сообразоваться съ своею совѣстью“. Это было напрасное воззваніе честнаго человѣка, которому болѣе ничего не оставалось, какъ только удалиться съ поприща, становившагося слишкомъ бурнымъ для его непорочной и осмотрительной добродѣтели. Другія ожиданія, другія опасенія, также не лишеныя основаній, хотя къ нимъ присоединялись слѣпыя или не столь чистыя страсти, владѣли партіей національной. Насталъ день, когда добро и зло, спасеніе и гибель такъ смутно смѣшиваются и сливаются между собою, что самые твердые умы не могутъ уже различать ихъ и становятся только орудіями провидѣнія, которое караетъ королей въ народахъ и народы въ короляхъ. Только сорокъ пять членовъ раздѣляли въ нижней палатѣ мнительность Рудерда, а въ верхней палатѣ протестовалъ одинъ лордъ Портлендъ. Мѣры, которыхъ требовала война, были приняты немедленно. Палаты захватили въ свои руки всѣ государственные доходы, графства получили приказаніе запасать оружіе, порохъ, и быть наготовѣ при первомъ сигналѣ. *Комитету общественной безопасности*, составленному изъ пяти перовъ и десяти членовъ нижней палаты, было поручено пенсись о защитѣ государства и объ исполненіи повелѣній парламента. Наконецъ, опредѣлено было сформировать армію изъ двадцати полковъ пѣхоты, по 1000 человѣкъ въ каждомъ, и семидесяти пяти эскадроновъ конницы, по шестидесяти лошадей въ каждомъ. Командованіе полками получили: лорды Кимболтонъ и Брукъ, сэръ Джонъ Меррикъ, Гемденъ, Голлизъ, Кромвель, предводители народа, какъ въ полѣ, такъ и въ Вестминстерѣ. Графъ Эссексъ назначенъ былъ главнокомандующимъ.

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ.

Начало междоусобной войны.—Король распускаетъ свое знамя въ Ноттингэмѣ.—Битва при Эджиллѣ.—Ужасы въ Лондонѣ.—Сраженіе при Brentfordѣ.—Попытки переговоровъ.—Характеръ междоусобной войны.—Королева возвращается съ континента.—Переговоры въ Оксфордѣ.—Начало недовѣрчивости къ Эссексу.—Несогласія внутри парламента.—Заговоръ роялистовъ въ Лондонѣ.—Смерть Гэмдена.—Пораженіе парламента; его энергія.—Планы короля идти на Лондонъ; они не удаются.—Осада Глостера.—Эссексъ ведетъ осаду.—Битва при Ньюбери.—Смерть лорда Фокленда.—Союзъ парламента съ шотландцами.—Торжественное возвращеніе Эссекса въ Лондонъ.

1642—1643.

Узнавъ объ этихъ распоряженіяхъ, король также покинулъ свою нерѣшительность и, въ свою очередь, обнаружилъ болѣе энергіи. Королева прислала ему изъ Голландіи небольшое подкрѣпленіе и обѣщала еще больше. Маркизь Гергфордъ, графъ Нортэмтонъ, лордъ Стренджъ, сэръ Рольфъ

Гоптонъ Геяри Гэстингсъ, комиссары, которымъ король поручилъ вербовать солдатъ отъ его имени, дѣйствовали не безуспѣшно въ западныхъ и сѣверныхъ графствахъ. Горингъ, губернаторъ Портсмута, открыто перешелъ на его сторону. Повсюду поднимались кавалеры; одни грабили по деревнямъ, силою вламывались въ дома приверженцевъ парламента, брали деньги, лошадей, оружіе и пріѣзжали въ Йоркъ, гордясь уже своими побѣдами и легко добытыми сокровищами. Карль понялъ, что такіе беспорядки могутъ сильно повредить его дѣлу. Чтобъ положить имъ конецъ и, въ то же время, воспламенить усердіе роялистовъ, онъ лично объѣхалъ графства Йоркъ, Лейстеръ, Дерби, Ноттингэмъ, Линкольнъ, вездѣ созывалъ дворянъ, благодарилъ ихъ за преданность, убѣждалъ сохранять порядокъ, дѣйствовать осторожно. Онъ сдѣлался дѣятельнѣе, привѣтливѣе противъ своего обыкновенія, даже говорилъ рѣчи народу, увѣряя его въ своей непоколебимой преданности вѣрѣ и законамъ отечества. Эти собранія, рѣчи, эти дворяне, оставлявшіе свои замки, или укрѣплявшіе ихъ, эти граждане, поправлявшіе стѣны ихъ городовъ, несмѣтное множество вооруженныхъ путешественниковъ, толпившихся на дорогахъ, милиціонеры, каждый день занимавшіеся ученіемъ—все это было похоже на объявленную войну и повсемѣстно во всемъ королевствѣ каждую минуту возбуждали поводы къ ней и охоту. Уже кровь лилась не въ одной стычкѣ, хотя дѣло не доходило до сраженій, а ограничивалось только драками. Уже двѣ неудавшіяся попытки короля, въ Гуллѣ и Кевентри, дали парламенту предлогъ обвинить его, какъ зачинщика. Та и другая партія равно боялись этого обвиненія; готовыя жертвовать всѣмъ, лишь бы отстоять свои права, обѣ партіи страшились, однако, отвѣтственности за будущее. Наконецъ, 23 августа, король рѣшился распустить свое знамя въ Ноттингэмѣ, то есть официально призвать подданныхъ къ оружію. Въ шесть часовъ вечера выѣхалъ онъ въ сопровожденіи восьмисотъ всадниковъ и небольшого отряда милиціи и велѣлъ прежде всего прочесть прокламацію съ вершины холма, господствующаго надъ городомъ. Герольдъ начинаетъ чтеніе; но вдругъ какая то мысль возникаетъ въ умѣ короля; онъ беретъ бумагу изъ рукъ чтеца, кладетъ ее на колѣно, медленно поправляетъ въ ней нѣсколько мѣстъ и потомъ передаетъ герольду, который съ трудомъ разбираетъ его поправки. Зазвучали трубы; понесли знамя съ девизомъ: „воздадите кесарева кесареви“. Но бѣда въ томъ, что никто не знаетъ, гдѣ укрѣпить знамя; никто не знаетъ, какъ въ старину совершался обрядъ созыванія вассаловъ. День былъ сумрачный; вѣтеръ дулъ сильно. Наконецъ поставили знамя на вершинѣ башни, внутри стѣнъ замка, по примѣру Ричарда III; старѣе примѣра не сумѣли отыскать. На другое утро вѣтромъ снесло знамя. „И къ чему было поднимать знамя туда?“ сказалъ король. „Слѣдовало водрузить его на открытомъ мѣстѣ, такъ, чтобъ каждый могъ свободно подходить къ нему; а то поставили его въ тюрьмѣ!“ И король велѣлъ вынести знамя изъ замка въ паркъ. Герольды хотѣли было водрузить его въ землю, но почва оказалась каменистою. Они выкопали кинжалами ямку; но дѣло не ладилось, и нѣсколько часовъ сряду надобно было поддерживать знамя руками. Бывшіе при этомъ удалились, встревоженные зловѣщими предзнаменованіями. Король провель нѣсколько дней въ Ноттингэмѣ, тщетно ожидая, чтобъ королевство отозвалось на призывъ его. Нѣсколько лье оттуда, въ Портгэмптонѣ, сформировалось войско парламента; набралось уже нѣсколько полковъ.

„Если они рѣшатся напасть на насъ врасплохъ“ сказалъ сэръ Джемсъ Этли, генераль-майоръ королевскихъ войскъ, „то я не ручаюсь за безопасность короля: пожалуй, схватятъ его, пока онъ будетъ въ постели“. Нѣкоторые члены совѣта убѣждали Карла еще разъ попытать счастья въ переговорахъ. „Какъ! уже“?!“ сказалъ онъ: „даже прежде начала войны!“ Совѣтники стояли на своемъ, ссылаясь на слабыя средства короля. Четыре депутата отправились въ Лондонъ (25 авг. 1642) и возвратились ни съ чѣмъ; одинъ изъ нихъ, лордъ Саутэмptonъ, не могъ даже добиться позволенія лично передать палатѣ свои порученія. Король оставилъ Ноттингемъ, узнавъ, что западныя графства ревностнѣе прочихъ приняли его сторону, и перенесъ свою главную квартиру въ Шрьюзбери, хотя и жаль ему было удалиться отъ Лондона.

Прошла уже слишкомъ недѣля съ тѣхъ поръ, какъ главнокомандующій Эссексъ прибылъ къ арміи парламента. При отъѣздѣ его изъ Лондона, безчисленная толпа народа провожала его съ криками „vivat!“ и махала желтыми перевязями (цвѣтъ дома Эссексовъ—желтый); кто носилъ не этотъ цвѣтъ, того почитали лицомъ подозрительнымъ и преслѣдовали оскорбленіями. Въ Нортэмptonѣ Эссексъ нашелъ войско, состоявшее, приблизительно, изъ 20,000 человекъ. При главнокомандующемъ состоялъ комитетъ изъ депутатовъ обѣихъ палатъ; впрочемъ, права его не превышали власти главнокомандующаго, подъ предсѣдательствомъ котораго онъ долженъ былъ собираться. Комитету поручено было передать королю прошеніе, въ которомъ его заклинали вернуться въ Лондонъ; въ случаѣ отказа со стороны короля, комитетъ долженъ былъ слѣдовать за нимъ безотлучно и употребить все старанія, чтобъ „какимъ бы то ни было образомъ, битвою или иными средствами, вырвать изъ рукъ коварныхъ совѣтниковъ его величество, сыновей его: принца валлійскаго и герцога іоркскаго, привести ихъ въ Лондонъ и снова воротить ихъ парламенту“.

Прошеніе не было даже представлено королю, который объявилъ, что не приметъ его изъ рукъ людей, объявленныхъ имъ измѣнниками. Въ Шрьюзбери войско короля усилилось, и онъ получилъ большую увѣренность въ успѣхѣ своего дѣла. Наконецъ то къ нему стали подходить значительныя подкрѣпленія съ запада и сѣвера. Чобъ вооружить новоприбывшихъ рекрутъ, король, не безъ сопротивленія, отобралъ оружіе у милиціи нѣсколькихъ графствъ и перехватилъ войска, проходившія по западнымъ областямъ, чтобъ съѣсть на суда въ Честеръ и отправиться въ Ирландію. Католики графствъ Шропъ и Страфордъ ссудили его заимобразно пятью тысячами фунтовъ стерлинговъ; одинъ дворянинъ заплатилъ за титулъ барона 6000 ф. стер.; даже изъ Лондона приверженцы короля тайно препроводили къ нему деньги. Подъ знаменами его собралось около 12,000 человекъ. Племянникъ короля, принцъ Робертъ, недавно прибывшій изъ Германіи, опустошалъ окрестности съ козницею, надъ которою начальствовалъ, и уже успѣлъ грабежами и жестокостями навлечь на себя всеобщую ненависть и внушить жителямъ страхъ своей отвагой. Эссексъ, между тѣмъ, приближался медленно; казалось, онъ слѣдовалъ за своимъ противникомъ, не думая настигать его. Прибывъ 23 сентября въ Уорстеръ, въ недалекомъ разстояніи отъ короля, онъ провелъ тамъ три недѣли въ бездѣйствіи. Поощряемый этимъ обстоятельствомъ, а также нѣсколькими удачными стычками и благопріятнымъ оборотомъ дѣла, Карлъ рѣшился идти на Лондонъ, чтобъ кончить войну однимъ ударомъ. Уже три дня

находился онъ въ дорогѣ, какъ вдругъ Эссексъ погнался за нимъ съ тыла, чтобъ защитить парламентъ.

Сильно было смятеніе въ Лондонѣ: такой внезапной опасности никто не ожидалъ; приверженцы парламента были изумлены; роялисты начали волноваться; народъ испугался. Но народъ легко переходитъ отъ испуга къ ожесточенію, чѣмъ парламентъ и не преминулъ воспользоваться. Равно твердый и пылкій въ своихъ дѣйствіяхъ, какъ и въ рѣчахъ, онъ быстро взялъ мѣры защиты противъ короля, мѣры строгости противъ своихъ недоброжелателей. Тѣ, которые до того времени, подъ разными предлогами, уклонялись отъ пожертвованій, тотчасъ же были обложены извѣстною податью, которая взималась съ нихъ насильственно; явные ослушники были заключены въ темницу, люди подозрительные обезоружены; введены всякаго рода обыски; осмотрѣны конюшни въ городѣ и предмѣстьяхъ и отобраны всѣ лошади, годныя на службу. Поспѣшно возведены укрѣпленія; толпа мужчинъ, женщинъ и дѣтей работала усердно; улицы были оцѣплены и покрылись баррикадами; милиція была на ногахъ день и ночь и готова каждую минуту двинуться въ походъ.

Вдругъ, утромъ 24 октября, разнесся слухъ, что дано большое сраженіе, въ которомъ войско парламента разбито на голову и множество офицеровъ убито и взято въ плѣнъ. Эти слухи шли изъ Уксбриджа, лежащаго въ нѣсколькихъ лье отъ Лондона. Разказчики говорили, что слышали это отъ шотландца, сэра Джемса Рамзея, начальника одного изъ кавалерійскихъ полковъ, проѣхавшаго черезъ этотъ городъ. Почти въ то же самое время принесены новыя вѣсти, противоположныя первымъ, но столько же невѣрныя: будто графъ Эссексъ одержалъ рѣшительную побѣду и войско короля находится въ совершенномъ разстройствѣ. Вѣсти эти слышали также на уксбриджской дорогѣ отъ людей, которые во весь опоръ скакали въ Лондонъ, чтобъ объявить парламенту объ этомъ чудесномъ успѣхѣ.

Парламентъ, зная истину не лучше остальной массы народа, приказалъ закрыть лавки, велѣлъ милиціи занять назначенныя ей мѣста, гражданамъ ждать его распоряженій и потребовалъ отъ cadaго изъ своихъ членовъ личнаго выраженія преданности графу Эссексу и его дѣлу, несмотря на то, что случилось уже, или что могло бы случиться впредь. Лишь на другое утро (26 окт. 1642) лордъ Уортонъ и мистеръ Стродъ привезли изъ арміи официальное извѣстіе о битвѣ и ея результатахъ.

Сраженіе было дано 23 октября близъ города Кейптона, въ графство Уорвикъ, при подошвѣ холма Эджилль. Здѣсь только настигъ Эссексъ королевское войско послѣ десятидневнаго перехода, въ продолженіе котораго обѣ арміи, находясь другъ отъ друга на разстояніи нѣсколькихъ лье, не имѣли ни малѣйшихъ свѣдѣній о своихъ взаимныхъ движеніяхъ. Часть артиллеріи и нѣсколько полковъ, въ томъ числѣ полкъ Гэмдена, Эссексъ оставилъ назади и, несмотря на то, немедленно рѣшился на атаку; король, съ своей стороны, рѣшился на то же. И тотъ и другой желали битвы: Эссексу хотѣлось спасти Лондонъ, а королю нужно было уничтожить сопротивление, которое онъ встрѣчалъ въ этомъ графствѣ, гдѣ упорство жителей доходило до того, что кузнецы разбѣгались изъ деревень при его появленіи, лишь бы не ковать его лошадей. Битва началась въ исходѣ втораго часа пополудни и неослабно продолжалась до вечера. Весь полкъ сэра Фесфуль Фортескіу (Faithful Fortescue) перешелъ на сторону

непріятеля въ то самое мгновеніе, когда слѣдовало начать атаку, и тѣмъ самымъ ослабилъ кавалерію парламента, а принцъ Робертъ нанесъ ей совершенное пораженіе. Но, неосмотрительно пылкій, увлекаемый притомъ жаждою грабежа, онъ преслѣдовалъ ее на пространствѣ слишкомъ двухъ миль, ни мало не заботясь о томъ, что происходило у него въ тылу. Остановленный наконецъ полкомъ Гэмдена, который подоспѣлъ вмѣстѣ съ артиллеріей, онъ воротился назадъ. По прибытіи на мѣсто сраженія, онъ увидѣлъ, что королевская пѣхота разбита и разсѣяна, главнокомандующій Линдсей смертельно раненъ и взятъ въ плѣнъ, королевское знамя въ рукахъ войска парламентскаго. Была даже минута, когда король, всѣми оставленный, чуть было не попался въ плѣнъ. Резервы Эссекса одни занимали въ стройномъ порядкѣ поле сраженія. Король и племянникъ его, принцъ Робертъ, тщетно пытались уговорить свои эскадроны снова вступить въ битву: войска собирались въ безпорядкѣ; солдаты искали офицеровъ, офицеры—солдатъ; лошади падали отъ утомленія и оказывались негодными къ дѣлу. Обѣ арміи провели ночь на полѣ сраженія; ни та, ни другая не знали, что скажетъ слѣдующее утро, хотя каждая приписывала побѣду себѣ. Парламентъ потерялъ болѣе простыхъ солдатъ, король болѣе знати и офицеровъ. Съ разсвѣтомъ дня, Карлъ объѣхалъ свои полки; онъ не досчитался трети пѣхоты и множества кавалеристовъ; не всѣ они были убиты, но холодъ, недостатокъ въ сѣстныхъ припасахъ, непріятное впечатлѣніе, произведенное первымъ пораженіемъ, отбило у большей части волонтеровъ охоту; они разбѣжались. Король хотѣлъ было снова дать сраженіе и черезъ то получить возможность идти безпрепятственно на Лондонъ; но скоро убѣдился, что объ этомъ и думать нечего. Тотъ же вопросъ занималъ и лагерь парламента. Гэмденъ, Голлизъ, Стэплтонъ, большая часть начальниковъ милиціи и членовъ нижней палаты заклинали Эссекса тотчасъ же возобновить атаку. „Король“ говорили они „не въ силахъ выдержать нападеніе; къ намъ подоспѣли три свѣжіе полка; король попадется въ наши руки, или мы заставимъ его согласиться на наши условія; только быстрое окончаніе войны можетъ спасти государство отъ несчастій, парламентъ—отъ непредвидимыхъ случайностей“. Но воины по ремеслу, офицеры, образовавшіеся на материкѣ Европы, между прочими полковникъ Дальбьеръ (Dalbiers), не были согласны съ этими предложеніями. По ихъ мнѣнію, „много значило уже и то, что выиграно такое славное сраженіе войскомъ, которое почти все состояло изъ новобранцевъ. Лондонъ пока спасенъ. Успѣхъ, однако, обошелся дорого. Новички-солдаты въ восторгѣ отъ побѣды и въ то же время опечалены. Зная наши потери, не такъ то ловко вести ихъ опять въ битву, которой они вовсе не желаютъ. Парламентъ располагаетъ только одной арміей, которую прежде всего нужно приучить къ войнѣ, а не рисковать ею въ одинъ день.“ Слова эти подѣйствовали: Эссексъ согласился съ этимъ мнѣніемъ и перенесъ свою главную квартиру въ Уорвикъ, находившійся въ тылу королевской арміи, за движеніями которой онъ былъ въ состояніи слѣдить, сдѣлавъ это распоряженіе. Черезъ нѣсколько дней, король пошелъ на Лондонъ; но не думая торопиться, онъ остановился въ Оксфордѣ, который былъ расположенъ въ его пользу болѣе, нежели другіе значительные города королевства.

Какъ въ Лондонѣ, такъ и въ Оксфордѣ служили благодарственные молебны. Парламентъ, по словамъ его приверженцевъ, освободился отъ

великой опасности, хотя побѣда, имъ одержанная, въ сущности, была незначительна. Скоро парламентъ имѣлъ случай убѣдиться, что это освобожденіе было не совершенное. Армія короля была ближе къ Лондону, нежели войско парламента, и разсѣялась по окрестностямъ города; большая часть королевскихъ дезертировъ успѣла оправиться отъ страха, который еще такъ недавно овладѣлъ ими, и, въ надеждѣ на богатую добычу, снова присоединилась къ своимъ полкамъ. Банбери, Эбингдонъ, Генли—города, въ преданности которыхъ парламентъ не сомнѣвался, безъ боя сдались королю; гарнизонъ Ридинга, которымъ командовалъ циникъ-демагогъ Мартинъ, другъ Кромвеля, постыдно обратился въ бѣгство, едва завидѣвъ нѣсколько королевскихъ эскадроновъ. Король перенесъ въ этотъ городъ свою главную квартиру. Принцъ Робертъ, повсемѣстно грабя въ своихъ наѣздахъ, не разъ приближался къ деревнямъ, окружавшимъ Лондонъ. Городъ волновался; въ верхнюю палату было подано не одно прошеніе о заключеніи мира. Парламентъ отправилъ къ Эссексу приказаніе подойти ближе съ своимъ войскомъ, а, между тѣмъ, рѣшилъ просить у короля охранной грамоты для шести депутатовъ, которымъ поручилъ открыть съ королемъ переговоры. Карлъ требовалъ исключенія изъ числа ихъ сэра Джона Эвелина, котораго онъ, недалѣе какъ наканунѣ (2 ноября 1642), объявилъ измѣнникомъ. Но Эссексъ подоспѣлъ во время (7 ноября 1642), и парламентъ рѣшился прервать всѣ сношенія съ королемъ. Лордъ-мэръ созвалъ въ Гильдъ-Галлѣ генеральное собраніе гражданъ (8 ноября 1642). Туда отправились два члена парламента, лордъ Брукъ и сэръ Генри Венъ, съ тѣмъ, чтобъ воспламенить ихъ мужество, убѣдить ихъ стать подъ знамена Эссекса и вмѣстѣ съ нимъ выступить въ поле. „Эссексъ“, сказалъ Брукъ, „одержалъ неслыханную доселѣ побѣду: у непріятели убито 2000 человекъ, наши же потеряли не болѣе сотни... что я говорю? менѣе сотни, если не считать женщинъ, дѣтей, фурмановъ и собакъ, потому что королевскія войска убивали всѣхъ и все, не щадя даже собакъ; если такъ, то у насъ выбыла не сотня, а по крайней мѣрѣ двѣ. Господа! генераль завтра выступаетъ въ походъ; онъ рѣшается сдѣлать болѣе, нежели уже сдѣлалъ; идетъ же онъ въ походъ для васъ, не для себя: ему лично, для своей пользы, нѣтъ никакой надобности въ побѣдѣ; онъ человекъ свободный, джентльменъ, вельможа, который воленъ идти, куда ему вздумается. Помните же, для васъ однихъ идетъ графъ Эссексъ завтра въ битву. Итакъ, лишь только вы услышите завтра бой барабана—а услышите вы его непременно—умоляю васъ, не говорите тогда: „мнѣ что? я не служу въ милиціи“, и то, и другое, и третье—нѣтъ! выступайте и сами въ походъ, бейтесь храбро и помните, что отъ этого дня зависитъ ваше спасеніе“. Въ залѣ раздались оглушительные крики одобренія. Но страхъ овладѣвшій Лондономъ, не прошелъ еще. Король, знавшій чрезъ своихъ приверженцевъ обо всемъ происходившемъ въ столицѣ, ускореннымъ маршемъ шелъ на Лондонъ и уже находился отъ него въ пятнадцать миляхъ, въ Кольбрукѣ. Парламентъ, скрѣпя сердце, послалъ въ нему пятерыхъ депутатовъ, не настаивая на участіи Эвелина. Карлъ привіалъ ихъ хорошо (11 ноября 1642) и сказалъ, что, во всякомъ случаѣ, даже передъ воротами Лондона онъ готовъ будетъ вступить въ переговоры. По прочтеніи его отвѣта въ верхней палатѣ (12 ноября, утромъ). Эссексъ всталъ съ своего мѣста и спросилъ, что ему дѣлать: продолжать ли войну, или нѣтъ. Ему приказано было остановить непріязненные дѣйствія, и

сэръ Петеръ Киллигрью отправился въ лагерь короля для веденія переговоровъ о перемиріи. Прибывъ въ Brentfordъ, въ семи миляхъ отъ Лондона, онъ узналъ, что военныя дѣйствія возобновлены. Король, несмотря на переговоры, все подвигался впередъ и напалъ въ расплохъ, въ Brentfordъ, на полкъ Голлиза, надѣясь уничтожить его безъ труда и затѣмъ внезапно вступить въ Лондонъ; но это малочисленное войско держалось такъ храбро, что полки Гэмдена и лорда Брука, расположенные въ недалекомъ разстояніи, успѣли подойти къ нему на помощь и въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ сряду выдерживали нападеніе всей королевской арміи. Въ Лондонѣ слышна была пальба; никто не зналъ чему приписать ее. При первомъ извѣстіи о происшедшемъ, Эссексъ вышелъ изъ палаты, сѣлъ на коня, собралъ, второпяхъ, сколько можно было войска и отправился изъ Лондона на выручку своихъ полковъ. Когда онъ прибылъ на мѣсто сраженія, дѣло было уже покончено: послѣ страшнаго кровопролитія, солдаты Голлиза и Гэмдена должны были въ безпорядкѣ отступить; король занялъ Brentfordъ и остановился въ немъ, не думая, кажется, продолжать пути.

Негодование овладѣло Лондономъ; оно было тѣмъ живѣе, чѣмъ сильнѣе былъ всеобщій страхъ; только и было рѣчи, что о вѣроломствѣ, о жестокостяхъ короля; говорили, что онъ хочетъ ночью взять городъ приступомъ и отдать жителей, ихъ семейства и имущество на жертву жаднымъ и необузданнымъ кавалерамъ. Самые жаркіе приверженцы войны громко возроптали, когда королевскія войска пододвинули войну чуть не къ стѣнамъ Лондона, грозя страшною опасностью столькимъ тысячамъ мирныхъ гражданъ. Парламентъ не замедлилъ воспользоваться этимъ расположеніемъ народнаго духа. Онъ пригласилъ мастеровыхъ, находившихся въ ученьи, вступить въ службу, объявивъ, что время службы сочтется имъ за время ученья, городская община выставила изъ своей собственной милиціи 4000 человекъ подъ начальствомъ Скипсона. „Ну, ребята, храбрые ребята“, сказалъ онъ этому войску, принимая надъ нимъ начальство, „помолимся сперва Богу отъ всего сердца, а потомъ давайте драться отъ всего сердца; я буду раздѣлять съ вами всѣ опасности. Не забудьте, что вы защищаете дѣло Божье, защищаете своихъ женъ, дѣтей, себя самихъ. Итакъ, добрые и храбрые ребята, еще разъ: помолитесь Богу отъ всего сердца, деритесь храбро—и Богъ не оставитъ насъ. Эти новобранцы, милиція и охотники, въ продолженіе цѣлаго дня и ночи выступали изъ Лондона и становились въ ряды арміи; а на третій день послѣ битвы при Brentfordъ (14 ноября 1642). Эссексъ, въ присутствіи большей части членовъ обѣихъ палатъ и множества зрителей, сдѣлалъ смотръ двадцати четырехъ тысячной арміи, расположенной въ боевомъ порядкѣ въ Терягэмъ-Гринѣ, менѣе нежели въ милѣ отъ королевскихъ аванпостовъ.

Опять возобновились пренія, которыя возникли въ военномъ совѣтѣ послѣ дѣла при Эджиллѣ. Гэмденъ и его друзья настойчиво требовали немедленной атаки. „Никогда“, говорили они, „не найдете вы въ народѣ такой непоколебимой увѣренности въ побѣдѣ и, въ то же самое время, такого твердаго убѣжденія, что ему непременно нужно побѣдить“. Это мнѣніе восторжествовало; отданы были даже приказанія насчетъ нѣкоторыхъ движеній арміи. Но Эссексъ согласился лишь нехотя; старые офицеры не переставали противорѣчить, а одно случайное обстоятельство дало вѣсъ ихъ возраженіямъ. Разъ, когда армія была построена въ боевой

порядокъ въ виду королевскаго войска, случилось—оттого ли, что въ полкахъ короля замѣчено было какое-то движеніе въ родѣ приготовленія къ атакѣ, или отъ какой другой причины, но только 200 или 300 зрителей, которые верхами прибыли изъ Лондона, безъ оглядки пустились въ скачъ по дорогѣ къ городу. При видѣ этого войско парламента дрогнуло; въ рядахъ его стали распространяться зловѣщія замѣчанія, и многіе солдаты не прочь были покинуть знамена и также воротиться домой. Когда ошибка открылась, лица солдатъ прояснились и ряды перестали робѣть; женщины прислали изъ города своимъ дѣтямъ и мужьямъ обильные запасы вина, табаку и разной провизіи; самоувѣренность и веселое расположеніе духа возвратилось въ лагерь. Но Эссексъ рѣшительно отказался рисковать всѣмъ на основаніи одного народнаго энтузіазма; онъ приказалъ воротить отряды, двинутые впередъ, и сталъ вездѣ въ оборонительное положеніе; а король, который, за неимѣніемъ пуль и пороха, съ своей стороны сильно боялся атаки, безпрепятственно отступилъ сперва въ Ридингъ, а потомъ въ Оксфордъ, гдѣ и расположился на зимнія квартиры.

Напрасно вожди парламента старались противодѣйствовать этой медлительности: она происходила не отъ одной шаткости солдатъ, или осторожности генерала, но отъ болѣе важныхъ причинъ. Въ самомъ Лондонѣ господствовало разъединеніе и нерѣшительность: партія мира громко заговорила; она состояла преимущественно изъ высшей буржуазіи, изъ людей, которые, по большей части, согласились на войну только изъ страха, неохотно, лишь оттого, что не знали, какъ отъ нея отдѣлаться. Уже въ палаты было подано нѣсколько прошеній о заключеніи мира, наполненныхъ, впрочемъ, сильными выходками противъ пализма и неограниченной власти короля. Парламентъ отвергалъ эти просьбы, грозилъ даже ихъ составителямъ; но поступали новыя просьбы изъ графствъ, на имя лордовъ, въ которыхъ предполагалось болѣе расположенія къ принятію ихъ, нежели въ остальныхъ членахъ парламента. Противная партія также не замедлила подать нѣсколько прошеній въ парламентъ: съ одной стороны, магистратъ и совѣтъ городской общины, состоявшій изъ нововыбранныхъ членовъ, съ другой—мелкая буржуазія и народъ, были преданы самымъ смѣлымъ вождямъ нижней палаты и горячо хватались за каждый случай подстрекнуть ихъ усердіе или поддержать ихъ мужество. Одинъ купецъ, по имени Шьютъ, почти каждый день приходилъ въ парламентъ въ сопровожденіи многочисленной толпы народа и требовалъ отъ имени *благочестивой и дѣятельной партіи*, чтобъ энергически продолжали войну. Члены палаты принимали его съ распростертыми объятіями, благодарили его за усердіе; но когда онъ заговорилъ слишкомъ повелительно, когда началъ отзываться слишкомъ дерзко о лордахъ и офицерахъ арміи, они нашлись вынужденными остановить его; ибо ни одинъ членъ палаты не осмѣлился бы сказать, даже, можетъ быть, подумать о томъ, что парламентъ долженъ отдѣлиться отъ вельможъ, взявшихъ за его дѣло, или что онъ можетъ восторжествовать безъ ихъ содѣйствія. Чтобъ хоть для вида удовлетворить приверженцевъ мира, вздумали просить его официально черезъ муниципальный совѣтъ не у парламента, а у самаго короля, и, такимъ образомъ, возложить на него тяжесть отвѣта, который не могъ понравиться гражданамъ. Съ согласія палатъ, депутация отъ муниципальнаго совѣта отправилась въ Оксфордъ (2 янв. 1643). Король улыбнулся, когда она стала убѣждать его возвратиться въ Лондонъ, обѣщая пода-

вить мятежи. „Вы и для себя-то не можете поддержать тамъ мира“, отвѣчалъ онъ и послалъ съ депутатами отвѣтъ, приказавъ ѣхать съ ними дворянину, которому поручилъ отъ своего имени прочесть его въ генеральномъ собраніи города. Тамъ собралась огромная толпа (13 января 1643); въ собраніи присутствовали лордъ Манчестеръ и мистеръ Пеймъ, чтобъ отъ имени парламента возражать на обвиненія короля. При видѣ этой шумной толпы, комиссаръ короля испугался и хотѣлъ было отказаться отъ чтенія посланія, ссылаясь на свой слабый голосъ; но его заставили выполнить данное ему порученіе; комиссаръ повиновался и даже принужденъ былъ прочесть отвѣтъ короля дважды, въ двухъ различныхъ залахъ, чтобъ всѣ могли его выслушать. При вторичномъ чтеніи, нѣсколько роялистовъ, робко пріютившихся у дверей, попытались выразить свое сочувствіе королю одобрительными возгласами, но въ ту же минуту крики ихъ были заглушены страшнымъ ропотомъ собранія. Посланіе короля было длинно и наполнено жесткими упреками, въ которыхъ ничуть не было видно желанія мира. Пеймъ и лордъ Манчестеръ отвѣчали. Со всѣхъ сторонъ поднялся крикъ: „Будемъ жить и умремъ вмѣстѣ съ ними“ и, на нѣкоторое время, податели мирныхъ прошеній потеряли послѣднюю надежду на успѣхъ. Попытки роялистовъ оканчивались, впрочемъ, всегда, такимъ образомъ, несмотря на то, что онѣ безпрестанно возобновлялись и держали Вестминстеръ и Лондонъ въ непрерывномъ страхѣ. До сихъ поръ еще никто не думалъ подавлять ихъ крайними мѣрами тиранніи, упрочивающими лишь на нѣсколько дней партіямъ всемогущество, за которое онѣ потомъ долго расплачиваются. Парламентъ, безпрестанно занятый борьбою съ этимъ зломъ въ Лондонѣ, не могъ ни развить всей своей энергіи внѣ стѣнъ его, ни дѣйствовать свободно въ битвахъ съ другими противниками.

Не то было въ графствахъ: тамъ ничто не мѣшало партіямъ; ихъ поступки не подвергались никакой общей и опредѣлительной отвѣтственности; расчеты политическіе не имѣли вліянія на страсти, не умѣряли ихъ, не могли дѣйствовать на нихъ страхомъ. Между тѣмъ, какъ въ окрестностяхъ Лондона война между парламентомъ и королемъ повидимому затихала, въ другихъ мѣстахъ она вспыхивала сама-собою, велась съ увлеченіемъ, открыто, на собственный счетъ жителей, почти безъ всякаго вниманія къ тому, что происходило между Оксфордомъ и столицею. Едва прошло нѣсколько мѣсяцевъ съ начала войны, а уже во всемъ королевствѣ образовались вольныя военныя конфедераціи, составлявшіяся или внутри какого-нибудь одного графства изъ людей одного мѣстнаго, или въ пограничныхъ графствахъ, соединявшихся для того, чтобъ вмѣстѣ отстаивать общее имъ дѣло. На первый случай эти конфедераціи выпросили себѣ и получили, для управленія ими, комиссаровъ, назначавшихся королемъ или парламентомъ, смотря по тому, къ какой партіи онѣ принадлежали; а также выхлопотали себѣ право набирать солдатъ, назначать налоги и принимать всѣ мѣры, необходимыя, по ихъ мнѣнію, для успѣшнаго веденія дѣла. Потомъ онѣ стали дѣйствовать поодиночкѣ, почти независимо, отдавая только отъ времени до времени отчетъ въ Оксфордѣ или Лондонѣ о положеніи своихъ дѣлъ и, въ случаѣ нужды, прося помощи и совѣтовъ. За отсутствіемъ такихъ мѣстныхъ лигъ, часто какой-нибудь богатый и сильный человекъ самовольно набиралъ небольшой отрядъ партизановъ и съ ними воевалъ въ окрестностяхъ своего города

или помѣстья; иногда отвага, сила и необходимость увлекали такого партизана и далѣе. Если же случалось, что въ какомъ-нибудь мѣстѣ мирная партія одерживала верхъ, то и она дѣйствовала точно также независимо. Такъ въ графствахъ Юркъ и Честеръ обѣ партіи, считая себя почти равными и способными только вредить другъ другу, не одерживая рѣшительной побѣды, официально обязались соблюдать нейтралитетъ; почти въ то же самое время, на противоположной оконечности Англии, графства Девонъ и Корнваллисъ поклялись взаимно, черезъ комиссаровъ, сохранять миръ, предоставляя королю и парламенту рѣшать дѣло войною. Но парламентъ и король строго осуждали подобные договоры, да и тѣ самые люди, которые заключили ихъ, слишкомъ рассчитывали на мѣру обоюднаго терпѣнія. Вскорѣ и тамъ взялись за оружіе, какъ и въ другихъ мѣстахъ. Парламентъ имѣлъ перевѣсъ въ западныхъ, югозападныхъ и центральныхъ графствахъ, король — въ сѣверныхъ, восточныхъ и югозападныхъ, гдѣ поземельная собственность была менѣе раздроблена, промышленность не столь дѣятельна, высшее дворянство имѣло болѣе силы и гдѣ преобладало католическое вѣроисповѣданіе. Но какъ въ той, такъ и въ другой изъ этихъ частей королевства, особенно же въ областяхъ, гдѣ перевѣсъ принадлежалъ королю, слабѣйшая партія имѣла столько силы, что могла держать въ границахъ своихъ непріятелей. Парламентъ имѣлъ еще ту выгоду, что графства, преданныя ему, были почти всѣ пограничныя и страшною сплошною массою, такъ сказать, опоясывали Лондонъ. Между тѣмъ, роялистскія графства, простираясь узкою и длинною полосою отъ югозапада на сѣверовостокъ (отъ оконечности Корнваллиса до крайнихъ предѣловъ Дергэма), перемежались во многихъ мѣстахъ округами, которые населены были ихъ противниками. Оттого между ними было меньше связи, сообщенія труднѣе; они рѣдко могли дѣйствовать сообща и только съ тылу защищали главную квартиру Карла, расположенную въ Оксфордѣ, городѣ вполнѣ преданномъ королю, но стоявшемъ слишкомъ одиноко среди непріятельскихъ земель.

При такихъ обстоятельствахъ и почти совершенномъ бездѣйствіи двухъ главныхъ армій, война, вѣдѣнная среди зимы, не могла привести къ быстрымъ, рѣшительнымъ послѣдствіямъ. Дѣло ограничивалось тѣмъ, что вездѣ и каждый день внезапно предпринимались небольшія экспедиціи; то та, то другая сторона овладѣвала мѣстечками или теряла ихъ; происходили неожиданныя ошибки, въ которыхъ успѣхъ и потеря обѣихъ партій почти всегда уравнивались. Жители привыкли къ войнѣ, хотя и не успѣли еще сдѣлаться настоящими солдатами. Нѣкоторые предводители отличались уже храбростью, искусствомъ или счастьемъ, но ни одинъ изъ нихъ не получилъ еще всеобщей извѣстности, и вліяніе имѣли они только мѣстное, какъ и славою пользовались только мѣстною же. Притомъ, несмотря на всеобщее увлеченіе, всѣ отличались благородствомъ и мягкостью нравовъ. Хотя высшая аристократія сильно клонилась къ упадку, а новая власть общинъ была настоящей причиной національнаго движенія, однако народъ возставалъ только противъ тиранніи короля; различные классы общества не были вооружены одинъ противъ другого, не чувствовали необходимости защищать свои права и угнетать другъ друга. Почти повсемѣстно во главѣ обѣихъ партій стояли люди, равные по происхожденію и привычкамъ, способные понимать другъ друга и, несмотря на борьбу, питать взаимное другъ къ другу уваженіе. При всей необузданности,

легкомыслии и жадности къ добычѣ, въ кавалерахъ не было, однако, звѣрства, а пресвитеріане, несмотря на свой суровый фанатизмъ, сохраняли такое уваженіе къ законамъ и человѣчеству, что рѣдко можно встрѣтить подобныя примѣры въ исторіи междоусобныхъ раздоровъ. Родственники сосѣди, друзья служили подъ враждебными знаменами, но не прерывали сношеній вовсе и помогали другъ другу въ нуждѣ; вѣжливо встрѣчались съ оружіемъ въ рукахъ, помня, что нѣкогда жили согласно и не навсегда же разошлись. Плѣнные обыкновенно отпускались съ однимъ условіемъ: не служить болѣе. Если же случалось, что ихъ подвергали большимъ лишеніямъ, или король принималъ холодный, равнодушный видъ, когда они проходили мимо его, то и это возбуждало всеобщее негодованіе, какъ бы величайшая несправедливость. Принцъ Робертъ такъ поражалъ всѣхъ своей жестокостью и изувѣрствомъ, что даже простой народъ говорилъ о немъ не иначе, какъ съ отвращеніемъ, называя его грубымъ чужеземцемъ. Такимъ образомъ, хотя повсемѣстно воевали, и притомъ съ пылкимъ увлеченіемъ, однако нигдѣ не совершалось тѣхъ ужасовъ, которые влекутъ за собою насильственную развязку войны. Казалось, обѣ партіи, бросившись отъ всей души въ пылъ войны, страшились наносить другъ другу слишкомъ тяжелые удары. Бились каждый день во всемъ королевствѣ и, несмотря на то, дѣло не подвигалось быстрѣе; король и парламентъ не переставали губить время въ незначительныхъ стычкахъ и ни къ чему не ведущихъ переговорахъ.

Но около середины февраля прибытіе королевы оживило и нѣсколько подвинуло дѣло. Съ годъ провела она въ Голландіи и выказала необыкновенную ловкость и дѣятельность въ отыскиваніи помощи. Въ то время въ Нидерландахъ господствовала аристократическая партія; штатгальтеръ, зять королевы, старался помочь ей по мѣрѣ силъ. Довѣрчивая и легкомысленная, когда не было крайней опасности, обольстительно-любезная съ людьми нужными, она умѣла возбудить сочувствіе къ своей судьбѣ въ голландцахъ, этомъ хладнокровномъ республиканскомъ народѣ. Тщетно парламентъ отправлялъ въ Гаагу (въ сентяб. 1642) посланника М. Стрикленда, чтобъ напомнить штатамъ объ услугахъ, которыя англійскій народъ оказалъ имъ во время борьбы ихъ за независимость, и выхлопотать у нихъ, по крайней мѣрѣ, строгій нейтралитетъ. Стриклендъ, долго дожидавшійся ауденціи, добился съ большимъ трудомъ кое какихъ двусмысленныхъ объясненій; народъ явно выражалъ свое нерасположеніе къ нему, и королева безпрепятственно готовилась къ отъѣзду. Вслѣдъ за ней отправились четыре корабля съ оружіемъ, военными припасами, офицерами и даже солдатами. Адмиралъ Баттенъ, которому парламентъ приказалъ перехватить конвой, настигъ его лишь въ то время, когда онъ уже высадился въ Бурлингтонѣ (22 февр. 1643), Баттенъ началъ обстрѣливать городъ. Королева занимала квартиру на набережной; ядра падали на ея домъ и проникали даже въ спальню; она поспѣшно встала и убѣжала за городъ, гдѣ провела нѣсколько часовъ, спрятавшись, какъ говорятъ, подъ скамейкой. Вскорѣ всѣ заговорили о ея смѣлости и опасностяхъ, которымъ она подвергалась. Лордъ Ньюкестль пріѣхалъ за ней съ отрядомъ войска, чтобъ проводить ее въ Іоркъ. Дворяне съ восторгомъ толпились вокругъ нея, съ негодованіемъ отзываясь объ измѣнникѣ Баттенѣ, который, по ихъ словамъ, нарочно направлялъ выстрѣлы на домъ, занимаемый королевой, Толпа католиковъ стеклась подъ ея знамена. Напрасно доносили королю

и парламенту объ этомъ нарушеніи государственныхъ законовъ; напрасно хотѣли пристыдить или напугать лорда Ньюкестля и прозвали его армію *арміей папистовъ и королевы*: получивъ давно формальное согласіе отъ самого короля на командованіе этимъ войскамъ, онъ съ презрѣніемъ слушалъ эти жалобы и не распускалъ солдатъ. Вскорѣ армія его значительно усилилась. Королева оставалась въ Іоркѣ: она не торопилась къ супругу: ей очень нравилось повелѣвать одной и свободно распоряжаться планами, которые уже затѣвались при дворѣ ея. Гамильтонъ и Монтрозъ прибыли изъ Шотландіи, чтобъ посовѣтоваться съ ней о томъ, какъ бы склонить это королевство на сторону короля. Гамильтонъ, всегда осторожный, любившій мирить другихъ, утверждалъ, что можно рассчитывать на шотландскій парламентъ, несмотря на нерасположеніе сильнаго маркиза Арджайля. Монтрозъ, высокомерный и отважный, предлагалъ, чтобъ графъ Антримъ (сильный вельможа на сѣверо-востокѣ Ирландіи, прибывшій также въ Іоркъ съ предложеніемъ своихъ услугъ) сдѣлалъ высадку въ Шотландію съ отрядомъ ирландцевъ, чтобъ взволновалъ горцевъ и перерѣзалъ вождей пресвитеріанъ; Монтрозъ предлагалъ свое собственное содѣйствіе для исполненія этого замысла. Королева соглашалась на всѣ эти предложенія и хотя втайнѣ предпочитала крайнія мѣры, однако старалась понравиться всѣмъ, кто только предлагалъ ей свои услуги. Между тѣмъ, она вошла въ болѣе важныя сношенія съ нѣкоторыми парламентскими вождями, которымъ успѣла опротивѣть ихъ партія, или вѣрность которыхъ колебалась отъ сосѣдства съ дворомъ королевы: сэръ Гугъ Чолмондли, губернаторъ Скарборо, который, съ мѣсяць назадъ, разбилъ корпусъ роялистовъ, обѣщалъ ей сдать; даже сэръ Джонъ Готэмъ, который до начала войны такъ грубо заперъ ворота Гулля передъ королемъ, теперь, казалось, готовъ былъ отворить ихъ передъ нею. Наконецъ, на всемъ сѣверѣ роялисты исполнились новаго жара и надежды; приверженцы парламента, безпокойные и унылые, писали въ Лондонъ письмо за письмомъ, прося совѣтовъ и помощи.

Даже и парламентомъ овладѣло безпокойство. Въ началѣ войны онъ льстился быстрымъ успѣхомъ; затѣмъ увеличеніе налоговъ возбудило ропотъ; въ городѣ пронесли слухи о заговорахъ. Хотя многіе приверженцы мира были въ отсутствіи, однако, лишь только заговариваютъ о мирѣ, всегда находилось много охотниковъ до него, даже между членами нижней палаты. Такъ какъ переговоры не были прерваны совершенно, то было предложено возобновить ихъ и, въ знакъ искренности, распустить войско съ той и другой стороны передъ самымъ открытіемъ переговоровъ. Сэръ Бенджаменъ Рудьеръ поддерживалъ это предложеніе. „Долго страшился я“ сказалъ онъ, „что чаша ужасовъ, которая обошла на нашихъ глазахъ всѣ европейскіе народы, не минуетъ и насъ; вотъ она наконецъ между нами, и, можетъ быть, намъ суждено испить ее до дна, испить самую страшную горечь. Да сохранить насъ Богъ отъ этого! Остается намъ одна надежда именно, что несчастія наши не могутъ быть продолжительны, потому что мы не можемъ сражаться здѣсь такъ, какъ это дѣлается въ Германіи, гдѣ, на обширномъ пространствѣ, война ведется на многихъ пунктахъ и все-таки нѣтъ недостатка въ мирныхъ поляхъ, которыя засѣваются и даютъ жатву, достаточную для пропитанія. Напротивъ, земля наша, сжатая со всѣхъ сторонъ моремъ, похожа, по своему пространству, на мѣсто, въ которомъ происходитъ пѣтушій бой; намъ нечѣмъ

огородиться отъ нашихъ враговъ, кромѣ нашихъ череповъ и реберъ. Въ этой палатѣ было сказано, что совѣсть обязываетъ насъ не оставлять безъ наказанія невинно пролитой крови; но кто дастъ отвѣтъ за всю ту невинную кровь, которая потечетъ, если мы не добудемъ мира, безотлагательно приступивъ къ переговорамъ? Говорили о надеждѣ на Бога; но, право, на Бога можно полагаться при заключеніи мира точно такъ же, какъ и въ войнѣ: онъ даруетъ мудрость въ переговорахъ, равно какъ и мужество въ битвахъ. И въ томъ и въ другомъ случаѣ успѣхъ посылаетъ онъ тому, кто ему благоденъ. Кровопролитіе есть грѣхъ, вопіющій о возмездіи; онъ пятнаетъ всю страну: послѣднимъ положить ему конецъ“. Предложеніе было отвергнуто, но только большинствомъ трехъ голосовъ, а слова Рудьера повторялись многими благомыслящими людьми. Вожди нижней палаты втихомолку роптали при мысли, что ихъ заставляютъ просить мира, если не невозможнаго, то соединеннаго съ такими условіями, которыя должны сдѣлать его гибельнымъ. Однако, они согласились, потому что даже между ихъ приверженцами было мало людей, до того ослѣпленныхъ страстью, чтобъ почитать зло неизбѣжнымъ слѣдствіемъ мира и, 20 марта, послѣ нѣсколькихъ предварительныхъ переговоровъ, пять комиссаровъ отправились въ Оксфордъ, съ порученіемъ въ продолженіи двадцати дней разсуждать сначала о перемиріи, а потомъ о мирѣ.

Король принялъ ихъ хорошо. Въ сношеніяхъ съ дворомъ держали они себя благородно и вѣжливо. Графъ Нортумберлэндъ, президентъ комитета, намѣренно велъ чрезвычайно пышный образъ жизни: онъ привезъ съ собой всю прислугу, серебро, вина, а съѣстные припасы возили ему изъ Лондона; роялисты посѣщали его и обѣдали у него; даже король удостоилъ принять отъ него нѣсколько подарковъ для своего стола. Изъ числа товарищей графа, простыхъ членовъ нижней палаты, нѣкоторые находили удовольствіе являться въ Оксфордъ въ такомъ блескѣ; но когда дѣло дошло до переговоровъ, оказалось, что всѣ эти блестящія демонстраціи ни къ чему не повели: ни парламентъ, ни король не могли согласиться на обоюдныя условія, которыя ни на волосъ не отличались отъ прежнихъ, рѣшительно отвергнутыхъ еще до начала войны: принимая ихъ, та или другая партія должна была беззащитно отдать себя на жертву своимъ противникамъ. Разъ, вечеромъ, комиссары парламента льстили себя надеждою, что вынудили наконецъ у короля важную уступку, вѣроятно, относительно милиціи: послѣ продолжительнаго совѣщанія, король повидимому, сдался и обѣщаль на другое утро дать письменный отвѣтъ. Къ великому изумленію комиссаровъ, отвѣтъ вовсе не былъ похожъ на ожидаемый: они узнали, что во время вечерней аудіенціи, въ отсутствіе министровъ короля, его придворные, преданные королевѣ, убѣдили его измѣнить свое рѣшеніе. „Еслибъ король“, сказалъ его совѣтникамъ М. Пирпойнтъ, одинъ изъ комиссаровъ „по крайней мѣрѣ, показаль благосклонность нѣкоторымъ вельможамъ, принадлежащимъ къ парламенту, то ихъ вліяніе могло бы ему быть полезно“. Но Карлъ, равно злопамятный и надменный со своими придворными, какъ и съ народомъ, едва не вышелъ изъ себя, когда ему разъ заговорили о томъ, чтобъ возвратить графу Нортумберлэнду санъ генераль-адмирала—и интриги личныхъ интересовъ остались такъ же безуспѣшными, какъ, вѣроятно, мало пользы было бы и отъ того, еслибъ онѣ удались. Король точно такъ же не желаль мира, какъ и вожди нижней палаты. Онъ обѣщаль королевѣ не

заключатъ безъ ея согласія; а она изъ Йорка писала ему, чтобъ онъ не соглашался. Королева негодовала уже на то, что переговоры открыты не при ней, и объявила своему супругу, что уѣдетъ изъ Англїи, если ей офиціально не дадутъ гвардіи для охраны ея особы. Офицеры стоявшіе гарнизономъ въ Оксфордѣ, тайно вызванные на то самимъ Карломъ, подали королю протестъ противъ перемирія. Тщетно нѣкоторые комиссары парламента старались въ тайныхъ совѣщаніяхъ подѣйствовать на короля, пугая его будущимъ; тщетно другіе комиссары, прибывшіе изъ Шотландіи съ цѣлью испросить у него позволеніе созвать тамъ парламентъ, предлагали свое посредничество. Карль отвергъ его, какъ оскорбленіе, запретилъ имъ мѣшаться въ дѣла Англїи и объявилъ, наконецъ, комиссарамъ свою готовность возвратиться къ парламенту, если только онъ согласится перенести свои засѣданія, по крайней мѣрѣ, на двадцать миль отъ Лондона. Получивъ такой отвѣтъ, палаты тотчасъ же отозвали своихъ комиссаровъ и притомъ такъ настоятельно потребовали ихъ возвращенія, что комиссары должны были отправиться въ тотъ тотъ же самый день (15 апр. 1643), хотя было уже поздно и дорожные экипажи ихъ не были еще готовы.

Ихъ поведеніе въ Оксфордѣ, особенно ихъ обращеніе съ королемъ и придворными, возбудили подозрѣніе въ партіи, желавшей войны. Лордъ Нортумберлэндъ узналъ, по прибытіи своемъ въ Лондонъ, что одно изъ его писемъ къ женѣ было вскрыто Генри Мартиномъ, членомъ комитета общественной безопасности, извѣстнымъ единственно своимъ бѣгствомъ изъ Ридинга при видѣ приближавшихся королевскихъ войскъ и грубостью своихъ выраженій. Графъ больше всякаго другого вельможи заботился о сохраненіи собственнаго достоинства и постоянно пользовался уваженіемъ согражданъ. Встрѣтивъ Мартина въ Вестминстерѣ, онъ потребовалъ у него отчета въ такомъ оскорбленіи; а когда Мартинъ съ насмѣшливымъ видомъ сталъ утверждать, что онъ поступилъ хорошо, то графъ, при множествѣ свидѣтелей, ударилъ его палкой. Жалоба на эту ссору поступила въ палаты. Нижняя палата затруднилась, не зная, что ей дѣлать, верхняя приняла ее надменно, и дѣло было почти тотчасъ же замято. Вездѣ крылись несогласія, но всѣ старались подавить ихъ. Приближалась весна. Желали ли мира, боялись ли его, во всякомъ случаѣ, нужно было думать о войнѣ. Въ самый день возвращенія комиссаровъ въ Лондонъ, Эссексъ выступилъ въ поле. Гэмденъ совѣтовалъ опять прямо идти на Оксфордъ, осадить короля и овладѣть его особой. Въ Оксфордѣ боялись этого и поговаривали уже о движеніи къ сѣверу и о соединеніи съ королевой и лордомъ Ньюкестлэмъ. Но Эссексъ, не полагаясь на свои силы, или почитая усиѣхъ сомнительнымъ, снова отвергъ это смѣлое предложеніе и, расположившись лагеремъ между Оксфордомъ и Лондономъ, удовольствовался осадой Ридинга, которымъ, по его мнѣнію, необходимо нужно было овладѣть для безопасности парламента.

Ридингъ сдался чрезъ десять дней (27 апр. 1643). Гэмденъ опять сталъ требовать осады Оксфорда. Эссексъ остался непоколебимъ. Ни на что не былъ онъ такъ мало способенъ, какъ на измѣну или трусость; но онъ уныло велъ войну, не пользуясь уже удовольствіями популярности, которыя бы заглушали въ немъ голосъ печальныхъ предчувствій. Даже до начала кампаніи, въ нижней палатѣ нѣкоторые члены выражали противъ него свое неудовольствіе, которое особенно было сильно въ коми-

тетѣ общественной безопасности, настоящемъ центрѣ партіи. Люди крайностей доходили до того, что спрашивали, ужели невозможно замѣнить Эссекса? и, говорятъ, имя Гэмдена было произнесено. Но Гэмденъ былъ слишкомъ уменъ; ему и въ голову не приходила мысль о власти, на которую онъ не имѣлъ никакого права. Упособенъ онъ быть главнокомандующимъ или нѣтъ—это другой вопросъ, но онъ былъ простой полковникъ въ арміи Эссекса. Съ самаго начала войны, особенно впродолженіе зимы, другіе пріобрѣли болѣе независимую, болѣе обширную славу. На сѣверѣ, Ферфаксъ и отецъ его каждый день и на всѣхъ пунктахъ съ блистательною отвагою оспаривали господство у лорда Ньюкестля, несмотря на превосходство его силъ. Лорду Манчестеру, начальнику конфедераціи восточныхъ графствъ, не приходилось, правда, имѣть дѣла ни съ однимъ значительнымъ вождемъ роялистовъ, но онъ часто оказывалъ важную помощь сѣвернымъ и центральнымъ приверженцамъ парламента; хорошо организованная милиція ждала только его приказаній, чтобъ послѣдовать за нимъ, и жители полюбили его за откровенность, щедрость и кроткій нравъ. Въ тѣхъ же самыхъ графствахъ, полковникъ Кромвель, уже прославившійся удачными нападеніями врасплохъ пріобрѣлъ надъ умами людей смѣлыхъ, восторженно-религіозныхъ, достаточныхъ и, въ то же время, неизвѣстныхъ, такое сильное вліяніе, которое обличало уже великую геніальность и могущество. Наконецъ, на югѣ и западѣ сэръ Уильямъ Уоллеръ въ три мѣсяца разбилъ нѣсколько роялистскихъ отрядовъ, взялъ семь укрѣпленныхъ мѣстъ и заслужилъ прозваніе Вильгельма-Завоевателя. Итакъ, у парламента, говорили, нѣтъ недостатка ни въ генералахъ, ни въ арміи, и если лордъ Эссексъ не хочетъ побѣждать, то ему найдутъ преемника.

Но публично не было произнесено ни одного оскорбительнаго предложенія, даже ни одного намека. Эссексъ не былъ простой генералъ недовольной партіи: къ нему примыкали и вельможи, замѣшанные въ войну, и люди умѣренные, желавшіе мира, и самые проникательные изъ пресвитеріанъ, которые уже начинали беспокоиться при видѣ новыхъ, болѣе смѣлыхъ сектъ. Даже Гэмденъ и вожди политической партіи, понуждая Эссекса дѣйствовать рѣшительнѣе, не имѣли, однако, ни малѣйшаго намѣренія отдѣляться отъ него. Итакъ, раздоръ не обнаружился; но хотя онъ и былъ затаенъ, однако имѣлъ уже такую силу, что Эссексъ, въ скоромъ времени, почувствовалъ его дѣйствіе. Кого принуждали щадить Эссекса, тѣ изъ всѣхъ силъ начали стараться вредить ему; а защитники его, думая, что исполнили уже свой долгъ относительно его уже тѣмъ, что поддерживали его, не заботились оказать ему помощь. Черезъ мѣсяць армія графа была въ жалкомъ положеніи: въ жалованьѣ, въ сѣстныхъ припасахъ, въ одеждѣ—во всемъ былъ недостатокъ; лишенія и болѣзни похищали его солдатъ, которыхъ недавно городъ такъ прекрасно содержалъ. Эссексъ извѣщалъ о нуждахъ своей арміи комитеты, которымъ поручено было завѣдываніе этой частью; но противники его имѣли тамъ болѣе вліянія, нежели его друзья, которыхъ они превосходили и дѣятельностью и постоянствомъ; поэтому естественно, что имъ поручено было, по большей части, исполненіе дѣлъ, и субальтерновъ вездѣ избирали они же. Жалобы генерала не произвели никакого дѣйствія. Вторая кампанія едва началась; перемѣнъ никакихъ не произошло, а уже власть ускользала изъ рукъ партіи, которая вырвала ее у короля; уже новая партія, принуж-

денная пока молчать, окрѣпла, однако, до того, что могла довести войско парламента до безсилія и увлеченная страстями, готова была рисковать всѣмъ, хотя отъ этого выигрывалъ ихъ общій врагъ.

Подъ вліяніемъ тѣхъ же страстей, втихомолку зараждалась новая армія. Въ небольшихъ стычкахъ, которыя возобновлялись каждый день, несмотря на переговоры и проволочки между Оксфордомъ и Лондономъ, войска парламента, послѣ дѣла при Brentfordѣ, часто претерпѣвали поражение. Особенно королевская кавалерія наводила ужасъ на парламентскую; а кавалерія была, какъ во времена феодальныя, самую значительную частью войска, и отъ нея зависѣло рѣшеніе дѣла. Гэмденъ и Кромвель разговаривали однажды объ этомъ преимуществѣ противной партіи. „Чего ждать“, сказалъ Кромвель, „отъ вашихъ кавалеристовъ? Большая часть изъ нихъ старики—лакеи или мальчики, служившіе въ гостиницахъ, и тому подобныя; у нихъ же дѣти дворянъ, люди знатныя. Ужели вы думаете, вашъ сбродъ изъ низшаго класса одушевленъ какимъ-нибудь чувствомъ, которое можетъ равняться съ честью и рѣшительностью дворянина? Не перетолкуйте въ дурную сторону моихъ словъ; да я знаю, что вы и не сдѣлаете этого: вамъ необходимо имѣть людей, проникнутыхъ такимъ духомъ, который увлекалъ бы ихъ не менѣе дворянъ: въ противномъ случаѣ, васъ всегда будутъ бить—я убѣжденъ въ этомъ“.

„Вы правы“, сказалъ Гэмденъ; „но это вещь невозможная“.—„Я тутъ могу сдѣлать кое что“, возразилъ Кромвель, „и сдѣлаю. Я наберу людей, у которыхъ страхъ божій не будетъ выходить изъ ума, которые будутъ дѣйствовать не безсознательно и, ручаюсь, ихъ не разобьютъ“.

Кромвель, въ самомъ дѣлѣ, объѣхалъ восточныя графства, набирая молодыхъ людей, которыхъ онъ, по большей части, уже зналъ и которые знали его. Все это были владѣльцы свободныхъ земель, или ихъ сыновья, шедшіе на службу не изъ жалованья—въ немъ они не нуждались—неискавшіе также и наслажденія въ бездѣйствіи; напротивъ, все это были гордые и суровые фанатики, вступавшіе въ службу по голосу совѣсти, а подъ начальство Кромвеля потому, что имѣли къ нему довѣренность. „Я не хочу васъ обманывать“ сказалъ имъ Кромвель: „не стану васъ убѣждать, какъ мнѣ это приказано въ инструкціи, будто вы идете сражаться за короля и парламентъ. Какой бы врагъ ни стоялъ лицомъ къ лицу передо мною, кто бы онъ ни былъ, я выстрѣлю въ него изъ пистолета, какъ во всякаго другого врага; если совѣсть запрещаетъ вамъ сдѣлать то же самое, идите служить другому“.

Большая часть изъ нихъ немедленно вступила въ службу, и съ той же минуты имъ равно была воспрещена изнѣженность городской жизни и свобода сельской. Начальникъ требовалъ отъ нихъ самой строгой дисциплины; они обязаны были исправно ходить за своими лошадьми, тщательно чистить оружіе, часто спать подъ открытымъ небомъ. Почти безъ отдыха переходили они отъ обязанностей службы къ упражненіямъ благочестія, должны были посвящать себя беззавѣтно своему ремеслу и своему святому дѣлу, и съ свободной энергіей фанатизма соединить строжайшую точность и твердость солдата. Когда опять открылась кампанія, подъ начальствомъ Кромвеля находилось четырнадцать эскадроновъ охотниковъ, которые составляли корпусъ почти изъ тысячи чело-
вѣкъ.

Почти мѣсяцъ прошелъ безъ всякаго дѣла. Взятіе Ридинга, такъ мало цѣнимое въ Лондонѣ, смутило Оксфордъ, и король не только что не дѣй-

ствоваль, но уже думаль о побѣгѣ. Парламентъ занимался болѣе своими внутренними раздорами, нежели непріателемъ. То пытался онъ удовлетворить какъ-нибудь всѣхъ своихъ приверженцевъ, крайнихъ и умѣренныхъ, политическихъ и религіозныхъ; то рѣшительныя мѣры, которыя съ большимъ трудомъ успѣвала провести какая-нибудь партія, оставались безъ дѣйствія и забывались какъ-бы съ общаго согласія. Пресвитеріане давно требовали собранія богослововъ для реформы церкви; имъ обѣщали и, наконецъ, созвали это собраніе; но парламентъ самъ назначилъ его членовъ въ числѣ ста двадцати одного человѣка; тридцать свѣтскихъ (десять лордовъ и двадцать членовъ нижней палаты) были присоединены къ нимъ, съ правомъ предсѣдательства; приглашены духовные разныхъ сектъ. Лишенное всякой власти, даже независимости, это собраніе имѣло только право подавать свое мнѣніе насчетъ вопросовъ, которые палаты совокупно, или одна изъ нихъ отдѣльно, заблагоразсудятъ представить на ихъ рѣшеніе. Королеву хотѣли обвинить въ государственной измѣнѣ, и ни одинъ голосъ не раздался въ защиту ея; но Пеймъ довель дѣло до свѣдѣнія верхней палаты, и о дѣлѣ этомъ перестали даже говорить. За неимѣніемъ государственной печати, оказались затрудненія въ судопроизводствѣ и многихъ другихъ публичныхъ и частныхъ дѣлахъ. Чтобъ прекратить это неудобство, а, въ особенности, чтобъ присвоить себѣ внѣшнія атрибуты законной власти, нижняя палата велѣла изготovitъ новую государственную печать (около половины мая 1643); но лорды противились этому, болѣе боясь присвоить себѣ внѣшніе знаки верховной власти, нежели пользоваться ею безъ этихъ знаковъ; нижняя палата признала за лучшее отложить свои требованія. Иногда оказывалось, что партіи, подавъ голоса съ противоположными намѣреніями, безволезно и фальшиво соглашались; еще чаще случалось, что онѣ, равносильныя, доводили другъ друга до безсилія и, казалось, ждали, чтобъ какое-нибудь внѣшнее событіе заставило ихъ или соединиться, или разъединиться безвозвратно.

31-го мая (это былъ день поста) обѣ палаты слушали обѣдню въ церкви св. Маргариты, въ Вестминстерѣ. Вдругъ М. Пейму подають записку; онъ немедленно встаетъ; около него разговариваютъ тихомолкомъ, но съ большою живостью. Не дождавшись конца службы, онъ поспѣшно выходитъ съ главнѣйшими изъ своихъ товарищей, оставивъ присутствовавшихъ въ смущеніи, равнявшемся ихъ незнанію и любопытству.

Послѣ проповѣди, палаты собрались, и публика узнала, что открытъ большой заговоръ: говорили, что много лордовъ, много членовъ нижней палаты, много гражданъ замѣшано въ немъ; будто заговорщики рѣшились вооружить роялистовъ, овладѣть Тоуэромъ, магазинами, важнѣйшими постами, арестовать главныхъ вождей палатъ и отворить, наконецъ, войску короля ворота Лондона. Днемъ исполненія назначено было именно 31-го мая. Впрочемъ, все должно было вскорѣ объясниться, потому что наряжена слѣдственная коммиссія и говорили, что, по ея приказанію, уже задержано нѣсколько лицъ.

Въ самомъ дѣлѣ, ночью и на другое утро были арестованы и допрошены: Эдмондъ Уоллеръ, членъ нижней палаты и извѣстный поэтъ. М. Томкинсъ, его зять, прежде преданный королевѣ, М. Чаллонеръ, богатый гражданинъ и многіе другіе. Всѣ сознались, съ большими или меньшими подробностями, что дѣйствительно существуетъ заговоръ, хотя не

всѣ участвовали въ немъ въ равной мѣрѣ и съ одинаковыми намѣреніями: одни хотѣли только отказаться отъ платежа налоговъ, чтобъ тѣмъ принудить парламентъ къ миру; другіе сговорились представить парламенту прошенія о мирѣ: иные просто присутствовали въ нѣкоторыхъ собраніяхъ или же участвовали въ составленіи какихъ-то списковъ всѣхъ извѣстныхъ гражданъ, раздѣляя ихъ на три класса: *благомыслящихъ, умѣренныхъ и враговъ*. Но, несмотря, на различіе въ важности дѣйствій и въ побудительныхъ причинахъ, этотъ заговоръ, давно уже начавшійся, съ каждымъ днемъ становился важнѣе. Теперь вспомнили, что, болѣе, чѣмъ за три мѣсяца назадъ, Уоллеръ былъ въ числѣ комиссаровъ, посланныхъ въ Оксфордъ по случаю переговоровъ, которые такъ часто начинались и прерывались, и что, когда посланные представились королю, онъ обошелся особенно милостиво съ Уоллеромъ и, замѣтивъ его въ послѣднемъ ряду, сказалъ ему: „М. Уоллеръ, хотя вы послѣдній, но милость моя къ вамъ не хуже и не меньше, нежели къ другимъ“. Съ этой минуты велась непрерывная переписка съ Оксфордомъ, главнымъ образомъ, чрезъ негоціантовъ-роялистовъ, бѣжавшихъ изъ Лондона, чтобъ избавиться отъ преслѣдованій палаты. Нѣкто Галль тайно проживалъ въ Биконсфилдѣ, занимаясь передачею извѣстій; лэди Обиньи, получившая отъ парламента позволеніе отправиться, по своимъ дѣламъ, въ Оксфордъ, привезла оттуда въ шкатулкѣ довѣренность короля нѣкоторымъ роялистамъ на наборъ солдатъ и денегъ его именемъ; наконецъ, очень недавно велѣно было сказать Галлю, что „большой корабль присталъ къ дюнамъ“, то есть, что все готово, а онъ извѣстилъ объ этомъ лорда Фокленда, который отвѣчалъ: „такъ надо торопиться, потому что, чѣмъ дальше, тѣмъ труднѣе будетъ остановить войну“.

Этого было слишкомъ достаточно для правосудія партій, и парламентъ, еслибъ захотѣлъ, могъ бы повѣрить еще и другимъ обвиненіямъ. Постыдно боясь за свою жизнь, Уоллеръ предлагалъ за спасеніе ея какую-бы то ни было цѣну; онъ обѣщалъ все: деньги, признанія, доносы: обращался какъ къ самымъ незначительнымъ, такъ и къ самымъ сильнымъ покровителямъ, умолялъ всѣхъ могущественныхъ фанатиковъ выслушать искреннѣйшую его исповѣдь и раскаяніе; готовъ былъ преувеличить важность заговора, какъ еще недавно онъ, быть можетъ, преувеличивалъ число и силу заговорщиковъ въ Оксфордѣ. По прибытіи въ Лондонъ, онъ открылъ кое-что лордамъ Портленду и Коввэю; теперь онъ ихъ выдалъ и отвѣтами своими компрометировалъ графа Нортумберленда и многихъ другихъ. Хотя немногіе позволили себѣ противозаконные поступки, однако многіе знали и одобряли то, что готовилось. Но парламентъ съ благоразумнымъ мужествомъ не хотѣлъ пользоваться ни неосторожностью своихъ враговъ, ни низостью ихъ соумышленниковъ, и былъ увѣренъ, что одной справедливости достаточно для его безопасности. Только семерыхъ предала военному суду, обвинены только пятеро, а наказаны лишь Чаллонеръ и Томпкинсъ. Они умерли съ твердостью (5 іюля 1643), но не считая себя и не прикидываясь мучениками; даже съ трогательнымъ чистосердечіемъ выразили они сомнѣніе насчетъ правоты своего дѣла. „Я молилъ Бога“, сказалъ Чаллонеръ, всходя на эшафотъ, „чтобъ онъ вразумилъ насъ, если этотъ замыселъ не долженъ послужить къ его славѣ; Богъ услышалъ мою молитву“. А Томпкинсъ сказалъ: „Очень радъ, что заговоръ открытъ; онъ могъ бы кончиться недобромъ“. Что касается Уоллера, тоже осужденнаго, ему даровали жизнь, въ награду

за его сознание и по ходатайству некоторых его родственников, между прочим, Кромвеля, его двоюродного брата, или, может быть, по остатку уважения к его даровитости, хотя она прославила только его низость.

Нѣсколько дней сряду вожди нижней палаты льстили себя мыслью, что открытіе этого заговора и наказаніе виновныхъ, смутить Оксфордъ, запугаетъ лондонскихъ роялистовъ, прекратитъ несогласія въ палатахъ и, наконецъ, освободитъ ихъ партію отъ затрудненій, на которыя она бесполезно тратила свою энергію. Но вскорѣ надежды эти рушились; едва отслужили въ церквахъ благодарственные молебны, едва произнесена была новая присяга въ единодушіи, установленная въ минуту опасности, какъ уже новыя бѣды обрушились на парламентъ: внѣ Лондона значительныя неудачи, внутри самыя ожесточенныя пренія.

Король безъ особеннаго огорченія узналъ о неуспѣхѣ лондонскаго заговора; въ то же время онъ получилъ извѣстіе, что на югѣ, на западѣ и на сѣверѣ генералы его одержали важныя побѣды, а онъ охотнѣе желалъ торжества отъ кавалеровъ и отъ войны, нежели отъ тайной сдѣлки съ гражданами, которые еще такъ недавно сопротивлялись всѣмъ его мѣрамъ. 19 го іюня неожиданный случай опять обратилъ его вниманіе на Лондонъ и парламентъ. Распространился слухъ, что, наканунѣ, въ нѣсколькихъ льѣ отъ Оксфорда, на равнинѣ Чальгревъ, во время кавалерійской стычки, въ которой принцъ Робертъ разбилъ парламентскія войска, былъ раненъ Гэмденъ. „Я видѣлъ“—разсказывалъ одинъ плѣнникъ,—„какъ онъ, противъ своего обыкновенія, удалялся съ поля битвы до окончанія дѣла; опустивъ голову, опирался онъ руками о шею лошади: навѣрное, онъ раненъ“. Извѣстіе это произвело сильное впечатлѣніе въ Оксфордѣ, но возбудило не столько радости, сколько любопытства: едва вѣрилось, что такой человѣкъ падетъ отъ подобнаго неожиданнаго удара; почти боялись предаваться радости. Даже король въ первую минуту думалъ только воспользоваться этимъ случаемъ для заключенія мирной сдѣлки съ этимъ сильнымъ противникомъ, который надѣлалъ ему столько вреда, но который, по мнѣнію его, способенъ былъ все поправить. Докторъ Джильсъ, сосѣдъ Гэмдена по деревнѣ, непрекращавшій съ нимъ дружескихъ сношеній, находился въ то время въ Оксфордѣ. „Пошлите узнать“—сказалъ ему король,—„какъ будто отъ себя, о здоровьѣ раненаго; если при немъ нѣтъ хирурга, то онъ можетъ располагать моимъ“. „Государь“,—сказалъ докторъ—„я не гожусь на это дѣло: каждый разъ, когда я просилъ чего-нибудь у М. Гэмдена, я былъ для него зловѣщей птицей. Разъ попросилъ я его, чтобъ онъ приказалъ преслѣдовать разбойниковъ, которые обокрали меня; и какъ только мой слуга вошелъ къ нему, Гэмденъ получилъ извѣстіе о смерти своего старшаго сына; другой разъ я также обратился къ нему съ какой-то просьбой, и въ то же мгновеніе ему доложили о смерти его любимой дочери, мистрисъ Нейтли. Наши сношенія всегда оканчивались несчастливо для Гэмдена“. Однако докторъ исполнилъ порученіе короля. Но 24-го іюня, посланный отъ чего засталъ Гэмдена при смерти: у него плечо было раздроблено двумя пулями, и впродолженіе шести дней онъ страдалъ невыносимо. Ему сказали, кто и съ какою цѣлью прислалъ провѣдать о его здоровьѣ. Сильное волненіе овладѣло имъ; казалось, онъ хотѣлъ говорить, но не могъ, и чрезъ нѣсколько минутъ умеръ. Узнавъ объ этомъ положительно, Карль

обрадовался смерти Гэмдена болѣе, нежели обрадовался бы, узнавъ о его готовности сблизиться съ нимъ, и съ тѣхъ поръ при дворѣ говорили только о Гэмденѣ, припоминали его преступленія, или замѣчали съ торжествующимъ видомъ, что онъ убить въ томъ самомъ графствѣ подлѣ того самаго мѣста, гдѣ онъ первый привелъ въ исполненіе приказъ парламента насчетъ милиціи и набралъ солдатъ противъ короля.

Напротивъ, въ Лондонѣ и почти во всемъ королевствѣ, глубока была печаль о смерти Гэмдена. Никто не пользовался въ народѣ такимъ довѣріемъ, какъ онъ. Всѣ державшіеся народной партіи, несмотря на разные стѣнки, единодушно ожидали отъ Гэмдена исполненія своихъ желаній; самые умѣренные вѣрили въ его мудрость; крайніе—въ его патріотическое самоотверженіе, люди честные—въ его прямоту, проницательные—въ его ловкость. Дальновидный и осторожный, равно готовый бороться со всѣми опасностями, онъ ни разу не подалъ повода къ неудовольствію, пользовался всеобщою любовью, и неожиданная смерть его внезапно разрушила надежды всѣхъ партій. Дивная судьба сберегла навсегда его имя на недосыгаемой высотѣ, на которую вознесли его ожиданія современниковъ, и спасла, можетъ быть, какъ добродѣтель, такъ и славу его отъ подводныхъ камней, о которые разбиваются самые благородные любимцы революцій.

Смерть Гэмдена была какъ бы сигналомъ несчастій для парламента: бѣда слѣдовала за бѣдой въ продолженіе слишкомъ двухъ мѣсяцевъ, съ каждымъ днемъ усиливая недугъ, еще тайный, который порождалъ эти бѣды. Враги Эссекса, заставляя его армию терпѣть во всемъ недостатокъ, рассчитывали на успѣхи его соперниковъ, но ошиблись въ расчетѣ. Между тѣмъ, какъ главнокомандующій, и съ нимъ военный совѣтъ, бесполезно посылали курьера за курьеромъ, требуя денегъ, одежды, военныхъ припасовъ, оружія, пришло извѣстіе, что на сѣверѣ, въ Азертон-Мурѣ (Atherton-Moor), разбитъ Ферфаксъ, что сэръ Джонъ Готэмъ готовъ сдать королевѣ Гулль, что лордъ Уиллоби не можетъ болѣе защищать графства Линкольнъ противъ лорда Ньюжестля, и что, такимъ образомъ, конфедерация восточныхъ графствъ—этотъ оплотъ парламента, останется безъ прикрытія отъ непріятелей. Еще хуже шли дѣла на юго-западѣ: въ одну недѣлю сэръ Уильямъ Уоллеръ проигралъ два сраженія; въ Корнваллисѣ крестьяне, потомки древнихъ бриттовъ, разгоняли при всякой встрѣчѣ парламентскихъ рекрутовъ; въ Лансдоунѣ, испросивъ скромно позволеніе, они бѣгомъ бросились на батарею и взяли ее, хотя она почиталась неприступною, а черезъ двѣ недѣли съ такою же отвагою пошли на приступъ къ стѣнамъ Бристоля. Въ этомъ графствѣ земли не мѣняли хозяевъ, оставаясь въ продолженіе вѣсколькихъ вѣковъ во владѣніи однихъ и тѣхъ же дворянскихъ родовъ, окруженныхъ фермерами изъ однихъ и тѣхъ же семействъ, и народъ, отличаясь набожностью и простотою нравовъ, чуждый новыхъ идей, повинуюсь безъ страха и раболѣпства дворянству, съ такимъ же энтузіазмомъ былъ преданъ своимъ патронамъ и стариннымъ обычаямъ, съ какимъ самые ревностные приверженцы парламента отстаивали свои мнѣнія и права. Сверхъ того, тамъ, равно какъ и въ сосѣднихъ графствахъ, у короля было нѣсколько изъ умнѣйшихъ его слугъ: маркизъ Гертфордъ, зять Эссекса, который долго жилъ уединенно, потому что придворная жизнь опротивѣла ему; сэръ Бевиль Гринвиль, пользовавшійся самою большою популярностью въ Корнваллисѣ, гдѣ всѣ дво-

ряне были любимы народомъ; въ особенности же сэръ Ральфъ Гоптонъ, благородный человекъ, храбрый офицеръ, который не искалъ никакихъ милостей въ Оксфордѣ, строго наказывалъ за грабежи, вездѣ защищалъ обывателей и, думая исполнять долгъ вѣрноподданнаго, вносилъ во всѣ свои дѣйствія сердце добраго гражданина. Достоинства этихъ вождей, храбрость ихъ солдатъ, навели ужасъ на Уоллера и его армію: онъ не могъ поддержать въ своемъ войскѣ никакой дисциплины, и солдаты дезертировали толпами. Тѣ самые люди, которые были присланы парламентомъ, чтобъ возбудить усердіе народа, испытывали тотъ же самый ужасъ и распространяли его вокругъ себя. Разъ, когда начальство Дорчестера показывало мистеру Строду укрѣпленія своего города и спросило его мнѣнія на этотъ счетъ, онъ отвѣчалъ: „Все это не устоитъ и полчаса противъ кавалеровъ; для этихъ людей пустая шутка взобраться на укрѣпленія въ двадцать футовъ вышиною“. Дорчестеръ сдался при первомъ требованіи (въ августѣ 1643); Вексмуть, Портлендъ, Бэрнстэплъ, Бедифордъ послѣдовали его примѣру (въ концѣ августа 1643), что уже прежде сдѣлали Таунтонъ, Бриджуатеръ, Батъ (въ концѣ іюля 1643); Бристоль, второй городъ королевства, сдался при первомъ приступѣ, вслѣдствіе трусости своего губернатора, Натанъеля Фейннза, который, однако, былъ однимъ изъ вождей самой горячей партіи. Каждый день приходили въ Лондонъ вѣсти о какой-нибудь неудачѣ; въ Оксфордѣ, напротивъ, войско усиливалось вмѣстѣ съ возрастаніемъ довѣренности. Наконецъ, королева соединилась съ королемъ и привела съ собою три тысячи человекъ и артиллерію. Въ первый разъ свидѣлись они на Кейнтонской равнинѣ, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ годъ назадъ, обѣ партіи впервые вступили въ бой, и въ тотъ же самый день (13 іюля 1643), въ тотъ же самый часъ Уильмотъ и Гоптонъ одержали при Раундуэй-Даунѣ (Roundway-Down) блистательную побѣду надъ войскомъ парламента. Карлъ и его супруга съ триумфомъ въѣхали въ Оксфордъ; а Уоллеръ, который, отправляясь къ своей арміи, приказывалъ на дорогѣ всѣмъ констэблямъ дѣлать приготовленія для принятія его плѣнныхъ, воротился въ Лондонъ безъ солдатъ.

Эссексъ, недвигавшійся съ мѣста, обвинявшій въ своей недѣятельности тѣхъ, кто его упрекалъ въ ней, смотрѣлъ на всѣ эти пораженія, не принимая въ нихъ участія и не думая предотвращать ихъ. Наконецъ, онъ написалъ въ верхнюю палату (9 іюля 1643): „Я думаю, что лорды поступятъ не худо, если заблагоразсудятъ просить у короля мира съ обезпеченіемъ религіи, законовъ, правъ гражданъ, а также заслуженнаго наказанія главныхъ виновниковъ столькихъ государственныхъ бѣдствій. Если же эта попытка не приведетъ къ мирному соглашенію, то, по моему мнѣнію, слѣдуетъ умолять его величество, чтобъ онъ удалился съ театра кровопролитія, и тогда двѣ арміи въ одинъ день рѣшатъ всѣ раздоры“. Нѣсколько дней ранее, это письмо, можетъ быть, было бы принято хорошо. При первой вѣсти о пораженіяхъ, лорды торжественно засвидѣтельствовали свою вѣрность королю и приготовили новыя мирныя предложенія; нижняя палата, напротивъ, раздраженная, но непадавшая духомъ, требовала отъ верхней окончательнаго рѣшенія насчетъ государственной печати и, получивъ отказъ, собственною властью велѣла изготовить новую, съ изображеніемъ, на одной сторонѣ, гербовъ Англій и Ирландіи, а на другой засѣданія нижней палаты въ Вестминстерѣ, безъ всякихъ знаковъ,

которые напоминали бы о лордахъ верхней палаты. При такомъ разномыслии, лорды верхней палаты, конечно, согласились бы на мирныя предложенія генерала. Но въ то же время (20 іюня 1643) король, возгордившись своими успѣхами, объявилъ офиціально, что лица, собравшіяся въ Вестминстерѣ, не составляютъ настоящихъ палатъ; что отсутствіе столькихъ членовъ и стѣсненіе свободы лишили ихъ всякой законности, что съ этихъ поръ онъ не будетъ называть ихъ собранія парламентомъ, наконецъ, что онъ запрещаетъ всѣмъ своимъ подданнымъ повиноваться этому скопищу измѣнниковъ и бунтовщиковъ. Такое общее и сильное порицаніе не замедлило соединить снова обѣ палаты. 5-го іюля онѣ рѣшили, съ общаго согласія, отправить къ своимъ братьямъ шотландцамъ комиссію, чтобъ просить ихъ о присылкѣ вспомогательной арміи для защиты англійскихъ протестантовъ отъ ига папистовъ, и когда письмо Эссекса пришло къ лордамъ, то они положили до тѣхъ поръ не обращаться къ королю ни съ прошеніемъ, ни съ мирными предложеніями, пока онъ не отречется отъ своей прокламаціи, въ которой объявилъ, что палаты не составляютъ свободнаго и законнаго парламента.

Эссексъ не настаивалъ. Благородный и прямодушный, онъ думалъ, что исполнилъ долгъ, подавъ совѣтъ примириться съ королемъ; впрочемъ, онъ чтить палаты, и подавъ свое мнѣніе, нисколько не думалъ, чтобъ его приняли непременно какъ законъ; напротивъ, самъ готовъ былъ повиноваться приказаніямъ парламента. Нѣсколько дней между партіями въ Лондонѣ господствовало, повидимому, совершенное согласіе: всѣ единодушно старались выразить Эссексу свое уваженіе; онъ немедленно получилъ военные припасы и подкрѣпленія; въ то же самое время и Уоллеру, несмотря на его неудачи, выражена благодарность и оказанъ почетъ, какъ человѣку, который еще можетъ быть полезенъ на службѣ. Приказано формировать новую армію въ восточныхъ графствахъ, и начальство надъ ней поручено лорду Манчестеру, а въ помощники данъ ему Кромвель. Готэмъ, котораго нижняя палата, заранѣе предупрежденная (въ началѣ іюня 1643) велѣла арестовать въ Гуллѣ прежде, нежели онъ успѣлъ сдать городъ королю, ждалъ въ Тоуэрѣ своей казни; лордъ Ферфаксъ назначенъ на его мѣсто. Выбраны были комиссары, которые должны были отправиться въ Шотландію—двое отъ верхней, четверо—отъ нижней палаты; имъ поставлено на видъ торопиться отъѣздомъ. Члены собранія богослововъ также, большею частью, оставили Лондонъ; каждый изъ нихъ отправлялся въ свой приходъ, чтобъ успокоивать и одушевлять народъ къ новымъ усиліямъ. Каждый день въ которой-нибудь изъ церквей города, въ присутствіи матерей, дѣтей, сестеръ, служили молебны, призывая помощь Божию на всѣхъ тѣхъ, которые посвятили себя защитѣ отечества и и его законовъ; каждое утро, при барабанномъ боѣ, толпы гражданъ, мужчинъ и женщинъ, богатыхъ и бѣдныхъ, выходили работать въ укрѣпленія. Никогда еще въ палатахъ и среди народа не было видно такой энергіи и въ то же время такого единодушія и благоразумія.

Но опасность увеличивалась съ каждымъ днемъ; вездѣ король одерживалъ верхъ. Несмотря на всеобщее увлеченіе, нѣкоторые люди отказались жертвовать собою въ пользу парламента. Лордъ Грей, выбранный верхней палатой въ число комиссаровъ, отправлявшихся въ Шотландію, уклонился отъ посольства; лорды заключили его въ Тоуэръ. Графъ Рутлэндъ, который долженъ былъ сопровождать его, также отказался, ссы-

лаясь на слабое здоровье. Коммиссары нижней палаты принуждены были ѣхать одни, и притомъ моремъ, потому что на сѣверѣ дороги были небезопасны, а Ферфаксъ не могъ дать имъ конвоя. Они ѣхали три недѣли. Въ этотъ промежутокъ времени король послушался болѣе благоразумныхъ совѣтниковъ и издалъ болѣе мягкую прокламацію. вмѣстѣ съ надеждой на миръ воротилось и желаніе мира. 4-го августа лорды, по предложенію графа Нортумберленда, согласились сдѣлать королю предложенія, которыя превосходили всѣ прежнія своею умѣренностью; они предлагали немедленно распустить войска, призвать въ палаты лордовъ, имена которыхъ были вычеркнуты изъ списковъ за то, что они перешли къ королю; рѣшеніе же вопроса о милиціи предоставить впредь парламентамъ, вопросъ о церкви—синоду. На слѣдующее утро лорды передали эти предложенія нижней палатѣ, объявивъ довольно надменнымъ тономъ, что пора положить конецъ бѣдствіямъ отечества. Пораженная неожиданностью этихъ требованій, партія войны тщетно настаивала на опасности, сопряженной съ потерей столькихъ выгодъ, купленныхъ дорогою цѣною, великими страданіями, тогда какъ выигрышъ будетъ состоять лишь въ нѣсколькихъ мѣсяцахъ перемирія: тщетно просила она, чтобъ дождались по крайней мѣрѣ отвѣта изъ Шотландіи. „Дѣла пошли худо“—отвѣчали лорды—„съ тѣхъ поръ, какъ прекращены переговоры съ Оксфордомъ; въ Лондонѣ низшій классъ, правда, кажется, готовъ вести войну, но ясно, что богатые и знатные граждане не расположены къ ней, потому что они отказываются отъ новыхъ налоговъ для веденія войны. Впрочемъ, какая бѣда предложить королю разумныя условія? Если онъ ихъ приметъ—будетъ миръ; если же отвергнетъ, то его отказъ доставитъ вамъ болѣе солдатъ и денегъ, нежели въ состояніи дать всѣ ваши предписанія“. Рѣшено было, большинствомъ девяносто четырехъ голосовъ противъ шестидесяти пяти, принять во вниманіе предложенія лордовъ.

Страшное волненіе овладѣло партіей войны. Добиваться такимъ образомъ мира среди неудачъ значило не заключать договоръ, а признаваться публично въ своемъ пораженіи. Всѣ общественные и частные интересы страдали отъ такого мира, который, сверхъ того, разрушалъ надежды патріотовъ, желавшихъ болѣе широкой реформы, и честолюбцевъ, хотѣвшихъ революціи. Рѣшились, во что бы ни стало, отвергнуть миръ. Вечеромъ, 6-го августа, лордъ-мэръ Пеннингтонъ, котораго король исключилъ въ своей прокламаціи изъ амнистіи, собралъ муниципальный совѣтъ, несмотря на то, что было воскресенье; а на другое утро въ нижнюю палату поступила грозная петиція, которая требовала, чтобъ палата отвергла предложенія лордовъ и, вмѣсто того, приняла рѣшеніе, образецъ котораго въ то же время представлялъ податель прошенія альдерменъ Аткинсъ. Толпа народа, предупрежденная наканунѣ памфлетами, разбросанными по всѣмъ частямъ города, поддерживала эти требованія своими криками. Прибывъ въ Вестминстеръ, лорды тотчасъ же подали въ нижнюю палату жалобу на эти мятежныя сборища, объявивъ, что отложить свои засѣданія до слѣдующаго дня и даже далѣе, если подобныя поступки не будутъ наказаны. Но въ нижней палатѣ уже собирались голоса о мирныхъ предложеніяхъ; послѣ продолжительныхъ преній, восемьдесятъ одинъ голосъ оказался въ пользу мира и лишь семьдесятъ девять противъ него. Волненіе достигло предѣловъ; за стѣнами парламента народъ кричалъ, что не разойдется до тѣхъ поръ, пока не дадутъ ему удовлетворительнаго

отвѣта; внутри, противники мира требовали повѣрки голосовъ, утверждая, что произошла ошибка и что они такъ легко не дадутся въ обманъ. Имъ уступили. Палата снова раздѣлилась: въ пользу мира опять оказался восемьдесятъ одинъ голосъ; но тѣ, которые считали противные голоса, провозгласили восемьдесятъ восемь. Президентъ тотчасъ же объявилъ этотъ результатъ, и приверженцы мира удалились въ изумленіи и отчаяніи.

На третій день, 9-го августа, они, въ свою очередь, захотѣли вознаградить себя за это. Съ самаго утра, вокругъ Вестминстера собралась толпа изъ двухъ или трехъ тысячъ женщинъ, съ бѣлыми лентами на головѣ, символомъ мира, котораго дѣйствительно и просили у палаты. Сэръ Джонъ Гипписли вышелъ къ нимъ и сказалъ, что „палата желаетъ также мира, и въ скоромъ времени надѣется заключить его, а, между тѣмъ, приглашаетъ ихъ разойтись по домамъ“. Но женщины остались; къ полудню ихъ набралось слишкомъ пять тысячъ; въ ряды ихъ виѣшалось нѣсколько мужчинъ въ женскомъ платьѣ; толпа женщинъ, подстрекаемая ими, бросилась къ дверямъ нижней палаты, съ криками: „мира! мира!“ Часовые, изъ простыхъ милиціонеровъ, упрашивали ихъ удалиться; но неистовые крики усиливались: „Подайте сюда измѣнниковъ, которые не хотятъ мира! Въ клочки ихъ! Давайте сюда подлеца Пейма!“ Ихъ прогнали съ дѣйствицы; сдѣлали нѣсколько выстрѣловъ на воздухъ, чтобъ испугать ихъ. „Заряды холостые!“ — кричали женщины, бросая въ часовыхъ камнями. Тогда часовые стали стрѣлять не въ шутку; въ то же время прибылъ эскадронъ кавалеріи и бросился на толпу съ обнаженными саблями; съ минуту женщины держались еще; онѣ пятились во всѣ стороны отъ кавалеристовъ, продолжая ихъ ругать и наносить имъ удары. Наконецъ, надо было бѣжать, и послѣ страшной сумятицы, продолжавшейся нѣсколько минутъ, около Вестминстера осталось только семь или восемь раненыхъ женщинъ и двѣ убитыхъ. Одна изъ нихъ была хорошо извѣстна народу: она съ дѣтства распѣвала по улицамъ Лондона старинныя народныя баллады.

Побѣда была полная, но стоила слишкомъ дорого; нужно было прибѣгнуть къ обману и насилію—средствомъ, которыя вызываютъ ропотъ на самый успѣхъ, особенно же, когда реформа дѣлается во имя законовъ, или съ цѣлью возстановить ихъ. Уже сдѣлалось самую обыкновенною поговоркою, что парламентъ, въ свою очередь, дѣлаетъ то же самое, въ чемъ упрекали короля. Верхняя палата возмутилась: кровь народа была пролита; междоусобная вражда начинала брать верхъ надъ всякимъ другимъ чувствомъ. Нижняя палата узнала, что нѣкоторое число членовъ парламента хочетъ оставить Лондонъ, подъ предводительствомъ важнѣйшихъ лордовъ, бѣжать въ лагерь Эссекса, объявить тамъ, посредствомъ прокламаціи, что они оставили парламентъ, который находится въ рукахъ черни, и готовы вступить въ переговоры съ Оксфордомъ. Намѣреніе это не состоялось оттого, что честный Эссексъ твердо и рѣшительно отказался ему содѣйствовать. Для партіи было очень утѣшительно узнать, что ея генераль такъ непоколебимо ей вѣренъ. Но лорды Портлендъ, Ловлэсъ, Коунъ, Клеръ, Бедфордъ, Голландъ, несмотря на это, оставили Лондонъ и бѣжали къ королю; графъ Нортумберландъ удалился въ свой замокъ Петвортъ—все имена знаменитыя, которыя, не составляя главной опоры парламента, тѣмъ не менѣе служили ему щитомъ и придавали ему блескъ. Увидя себя оставленными, нѣкоторые изъ вождей гражданъ едва не стру-

силы; даже Пейма обвиняли въ перепискѣ съ непріателемъ. Съ другой стороны, самые отчаянные демагоги, самые пылкіе сектаторы начинали обнаруживать свои тайные замыслы. Джонъ Сальтмаршъ, который впослѣдствіи былъ капелланомъ въ войскѣ Ферфакса, утверждалъ, что „во что бы ни стало нужно помѣшать сближенію короля съ народомъ“. Памфлетъ этотъ былъ доведенъ до свѣдѣнія нижней палаты; но Генри Мартинъ вызвался защищать его, что, однако-жъ, ему не удалось. Наконецъ, изъ Шотландіи не было ровно никакихъ вѣстей; неизвѣстно было даже, доѣхали ли комиссары; и каждый день боялись вдругъ услышать, что король идетъ на Лондонъ, или что онъ осаждаетъ Глостеръ, послѣднюю крѣпость, остававшуюся во власти парламента на западѣ, единственный городъ, который еще мѣшалъ сообщеніямъ роялистскихъ войскъ, расположенныхъ на юго-западѣ и на сѣверо-востокѣ, препятствуя имъ дѣйствовать сообща на всѣхъ пунктахъ.

Страсти смолкли предъ опасностями; партіи здраво разсудили о своемъ положеніи. Ни та, ни другая изъ нихъ не имѣла достаточныхъ силъ для уничтоженія своего противника съ тѣмъ, чтобъ послѣ съ выгодой продолжать войну или заключить миръ. Не ища спасенія въ слабости, умѣренная партія поняла, что прежде переговоровъ необходимо одержать побѣду; фанатики убѣдились, что мало будетъ пользы отъ безумнаго увлеченія и что побѣда возможна только при одномъ условіи: чтобъ они повиновались, а ихъ соперники повелѣвали. Недовѣрчивость исчезла, честолюбіе замолкло на время. Комитетъ, въ которомъ засѣдали нѣкоторые изъ самыхъ жаркихъ приверженцевъ войны, отправился къ Эссексу, объявилъ ему о мѣрахъ, принятыхъ для укомплектованія его арміи и доставки ей всего нужнаго; спрашивалъ, въ чемъ онъ еще нуждается; наконецъ, поручилъ ему судьбу отечества и торжественно выразилъ ему совершенную довѣренность парламента. Съ своей стороны, графъ и его друзья принялись за военныя дѣйствія съ такою живостью, какъ будто никогда и не имѣли иного желанія. Голлизъ, который выпросилъ себѣ паспортъ на отъѣздъ съ своимъ семействомъ изъ Англіи, возвратилъ его и остался. Повсюду люди, которыхъ еще недавно обвиняли въ малодушіи или измѣнѣ, подавали первый примѣръ приготовленій къ войнѣ, усилій, пожертвованій; а ихъ заносчивые противники смиренно и покорно помогали имъ съ усердіемъ, но безъ шума. Они даже безъ сопротивленія согласились на исключеніе изъ парламента Генри Мартина и на заключеніе его въ Тоуэръ за его послѣднюю выходку противъ короля—такъ твердо рѣшились они жертвовать всѣмъ этому минутному согласію, единственному средству спасенія. Такое благоразумное поведеніе не замедлило принести свои плоды. Уоллеръ и Манчестеръ, каждый особо, формировали резервы; между тѣмъ, наборъ людей, денегъ, приготовленіе запасовъ всякаго рода для арміи Эссекса, которая одна была въ состояніи скоро выйти въ поле—все это шло съ неслыханною быстротою; четыре полка лондонской милиціи вызвались служить въ арміи Эссекса, и 24 августа, послѣ торжественнаго смотра въ Гоунсло-Гитъ, сдѣланнаго въ присутствіи большей части членовъ обѣихъ палатъ, графъ повелѣлъ четырнадцать тысячъ человекъ усиленными переходами на выручку Глостера, уже двѣ недѣли находившагося въ осадѣ, которой такъ боялись.

Послѣ своей побѣды, Карлъ не безъ сожалѣнія отказался отъ намѣренія предпринять что-нибудь болѣе рѣшительное противъ самого Лондона.

У него уже был составлен план и, казалось, обещал успех: король должен был двинуться с запада на восток, а лорд Ньюкэстль, одержавший также победы в графствах Йорк, идти в то же время с севера на юг. Таким образом, обе большие королевские армии соединились бы под стенами столицы. По взятии Бристоля, Карл тотчас же послал к лорду Ньюкэстлю одного из самых преданных слуг своих, сэра Филиппа Уорвика, чтобы сообщить ему об этом плане и, приказав двинуться в поход. Но вельможами королевской партии нельзя было командовать, как простыми генералами: они получали от короля свои назначения, но не от него получили свою силу. Готовые поддерживать его дело там, где они уже пользовались влиянием, они вовсе не хотели менять мест и, таким образом, терять и независимость свою, и средства к успеху. Ньюкэстль, гордый, великодушный, любивший пышность и досуг, боявшийся трудов и скучных противоречий, окруженный самым маленьким двором, к которому блестящий ум его и образ жизни привлекали охотников до веселого общества, не хотел затеряться в Оксфорд среди придворных, ни в армии короля подчиниться какому-нибудь грубому чужеземцу, в род принца Роберта. Выслушав хладнокровно предложение, привезенное Уорвиком, он сказал: „Мне приходится в голову ирландский бунтовщик Тайрон, взятый в плен вице-королем Монтжойем и привезенный к королеве Елизавете. В апартаментах Уайт-Галля, увидев вице-короля едва заметным и наравне с другими ожидавшим выхода королевы, он сказал, обратившись к одному из своих соотечественников: „как мне стыдно, что отдаюсь в плен человеку, которого почитал сильным, тогда как теперь он совершенно затерянный в толпе человек! Что до меня, то я не могу оставить Йорка до тех пор, пока не будет взят Гуль“. Уорвик передал этот ответ королю, который не посмел выразить своего неудовольствия. Некоторые лица все еще советовали ему идти на Лондон; мнение этого держалась сама королева; но король был не охотник до отчаянных предприятий, не столько потому, чтобы боялся опасностей, сколько из страха уронить собственное достоинство. Уже с год назад, после битвы при Эджилл и Брентфорд, гордость его пострадала, когда он нашелся вынужденным отступить из-под самых стен Лондона. Многие офицеры полагали, что должно осадить Глостер: одни без всяких корыстных видов, другие в надежде на богатую добычу; полковник Уильям Легг хвалился даже, что находится в тайных сношениях с губернатором Эдвардом Массей. Наконец, король решился, и 10-го августа его армия, которой он лично командовал, заняла возвышенности, господствовавшие над городом, защищаемым только полуторатысячным гарнизоном и обывателями.

Тотчас по прибытии, король потребовал, чтобы город сдался, и дал жителям два часа времени на размышление. До истечения срока, два депутата от города Глостера, подполковник Падсей и один гражданин, явились в королевский лагерь, оба исхудалые, бледные, с обстриженными волосами, в черных одеждах, и сказали: „Мы пришли к его величеству с ответом от благочестивого города Глостера“. Когда их ввели к королю, они прочли послание следующего содержания: „Мы, обыватели, магистрат, офицеры и солдаты Глостера, отбываем всепокорнейше на всемогущественнейшее послание его величества; в силу

нашей присяги, мы охраняемъ вышереченный городъ къ услугамъ его величества и его потомства; считаемъ себя обязанными повиноваться указамъ его величества въ той мѣрѣ, какъ они переданы намъ обѣими палатами парламента, и, слѣдовательно, съ Божіей помощью, будемъ защищать вышереченный городъ по мѣрѣ силъ своихъ“. Это кратко посланіе, прочтенное твердымъ голосомъ, сухо и явственно, странный видъ депутатовъ, неподвижно-ждавшихъ отвѣта короля—все это возбудило въ присутствовавшихъ удивленіе, насмѣшки и гнѣвъ, который готовъ былъ уже разразиться; но Карль, храня такую же важность, какъ его противники, далъ знакъ молчанія и отпустилъ депутатовъ, сказавъ имъ только: „Если вы ожидаете помощи, то ошибаетесь въ расчетѣ. Уоллеръ уничтоженъ, а Эссексъ не можетъ придти“. Едва депутаты воротились въ городъ, какъ обыватели разомъ подожгли всѣ предмѣстья и, такимъ образомъ, имъ ничего не осталось охранять внѣ стѣнъ города.

Впродолженіе двадцати-шести дней (отъ 10 авг. до 5 сент.), они съ неусыпной дѣятельностью сопротивлялись всѣмъ усиліямъ осаждавшихъ. Исключая ста-пятидесяти человѣкъ, составлявшихъ резервы, весь гарнизонъ былъ постоянно на ногахъ; во всѣхъ работахъ, во всѣхъ опасностяхъ, граждане, присоединялись къ солдатамъ, жены помогали мужьямъ, дѣти—матерямъ. Массей дѣлалъ частыя вылазки, и лишь трое воспользовались ими, чтобъ дезертировать. Наскучивъ долгимъ ожиданіемъ, неприносившимъ ни славы, ни покоя, королевская армія, въ отмщеніе за это, вольничала и грабила въ окрестностяхъ; сами офицеры часто заставляли своихъ солдатъ хватать какого-нибудь богатаго фермера, какого-нибудь мирнаго землевладѣльца, какъ „злоумышленника“, и отпускали ихъ на волю за богатые выкупы. Съ каждымъ днемъ слабѣла дисциплина въ королевскомъ лагерѣ и усиливалась всеобщая ненависть обывателей къ арміи. Можно было бы рѣшиться на приступъ, но никто не смѣлъ предложить его, помня, какъ дорого обошлось дѣло подъ Бристолемъ. Король ждалъ успѣха только отъ истощенія силъ, въ которое, рано или поздно, городъ долженъ былъ впасть въслѣдствіе осады, какъ вдругъ, къ крайнему изумленію, онъ узналъ о приближеніи Эссекса. Принцъ Робертъ, отдѣлившись отъ арміи съ отрядомъ кавалеріи, тщетно старался остановить его: графъ шелъ впередъ, не сворачивая съ дороги и гоня передъ собою непріятеля. Уже онъ находился въ нѣсколькихъ миляхъ отъ лагеря; уже кавалеристы короля отступили до самыхъ аванпостовъ своей инфантеріи, въ надеждѣ задержать графа хоть на день. Карль отправилъ къ нему гонца съ мирными предложеніями. Эссексъ отвѣчалъ: „Парламентъ не далъ мнѣ полномочія на веденіе переговоровъ, но приказалъ освободить Глостеръ; это я сдѣлаю, или умру подъ его стѣнами“. — „Неужно предложеній! не нужно предложеній!“ кричали солдаты, узнавъ, что непріятель прислалъ трубача. Эссексъ продолжалъ путь, и на другой день (5-го сентября), когда ряды его войска строились на холмахъ Пресбери, въ двухъ лье отъ Глостера, пламя обнявшее королевскій лагерь, возвѣстило ему, что осада Глостера снята.

Эссексъ немедленно вступилъ въ городъ, снабдилъ его продовольствіемъ, осыпалъ похвалами губернатора, его солдатъ и гражданъ, постоянство которыхъ спасло парламентъ и дало ему возможность спасти ихъ самихъ. Въ свою очередь Эссексъ, въ церкви, подъ окнами своей квартиры, на улицахъ, слышалъ восторженные выраженія народной при-

знательности. Черезъ два дня (10 сент.) онъ двинулся обратно въ Лондонъ: порученіе свое онъ кончилъ и торопился привести на защиту палаты единственную армію, которая оставалась у нихъ.

По всему казалось, что отступленіе свое Эссексъ долженъ былъ совершить такъ же счастливо, какъ и походъ. Нѣсколько дней сряду держалъ онъ втайнѣ маршрутъ свой, овладѣлъ Чиренчестеромъ и его богатыми магазинами; кавалерія его, въ нѣсколькихъ сшибкахъ, блистательно отразила нападенія принца Роберта, который съ своей кавалеріей наводилъ всеобщій ужасъ: но, приближаясь къ Ньюбери, 19-го сентября, Эссексъ узвалъ, что непріятель опередилъ его, занялъ городъ и окрестныя возвышенности, что дорога въ Лондонъ отрѣзана и что лишь силою можно пробиться въ столицу. Король командовалъ лично; положеніе его было выгодное: гарнизонъ Оксфорда и Уаллингфорда могъ подать ему помощь въ случаѣ надобности. Жители, нерасположенные къ парламенту, прятали съѣстные припасы. Во что бы то ни стало, надобно было дать генеральное сраженіе, чтобъ пробиться въ столицу и не умереть съ голоду.

Эссексъ не сталъ долго думать. На разсвѣтѣ слѣдующаго дня (20 сент.) онъ явился лично къ авангардѣ, атаковалъ главную возвышенность и очистилъ ее отъ полковъ, ее занимавшихъ. Въ битвѣ участвовали, одинъ за другимъ, всѣ корпуса; дрались до вечера во всѣхъ позиціяхъ, которыя защищались такъ упорно, что обѣ партіи, по окончаніи дѣла, сочли для себя славнымъ, въ реляціяхъ начальству, воздать похвалу своимъ непріятелямъ. Этимъ дѣломъ роялисты надѣялись поправить слѣдствія пораженія, прервавшаго рядъ ихъ успѣховъ, а приверженцы парламента были одушевлены желаніемъ не потерять, будучи такъ близко къ цѣли, плодовъ торжества, положившаго конецъ столькимъ пораженіямъ. Въ особенности лондонская милиція оказала чудеса храбрости. Два раза, прорвавъ парламентскую кавалерію, бросался на нее принцъ Робертъ, но не могъ поколебать ея рядовъ, дружно встрѣчавшихъ его пиками. Генералы Эссексъ, Скиппонъ, Стэпльтонъ, Меррикъ подвергались опасностямъ, какъ простые солдаты; съ другой стороны, прислуга: работники, деньщики, бывшіе при арміи, прибѣжали на поле битвы и дрались подобно храбрымъ офицерамъ. Наступила ночь: каждый удержался на своей позиціи. Эссексъ значительно подвинулся впередъ; но роялисты все еще заграждали ему дорогу, и онъ ожидалъ, что на другое утро ему придется дать новое сраженіе; однако-жь, къ величайшему удивленію, на самомъ разсвѣтѣ онъ увидѣлъ, что непріятель отступаетъ и дорога открыта. Эссексъ не замѣтилъ воспользоваться этимъ обстоятельствомъ и продолжалъ движеніе на Лондонъ; онъ шелъ безъ всякихъ препятствій, если не считать незначительныхъ нападеній со стороны кавалеріи принца Роберта и спустя два дня послѣ битвы, ночевалъ съ своимъ войскомъ въ Ридингѣ, внѣ всякой опасности.

Этотъ жестокій ударъ испугалъ роялистовъ, храбрыхъ не менѣе своихъ противниковъ, но менѣе ихъ настойчивыхъ и такъ же быстро предававшихся отчаянію, какъ и надеждѣ. Впрочемъ, потери ихъ были дѣйствительно велики и тѣмъ сильнѣе дѣйствовали на воображеніе, что состояли въ людяхъ, приближенныхъ къ королю. Пало слишкомъ двадцать лучшихъ офицеровъ, и въ числѣ ихъ были люди знаменитые заслугами и саномъ: лордъ Зундерландъ, двадцатитрехлѣтній юноша, который только

что женился и успѣлъ пріобрѣсти громкимъ выраженіемъ своихъ мнѣній уваженіе всѣхъ благоразумныхъ людей, всѣхъ добрыхъ протестантовъ своей партіи; лордъ Каэрнарвонъ, отличный офицеръ, котораго король любилъ за строгость дисциплины, солдаты—за справедливость: онъ такъ свято держалъ данное слово, что ни за что не хотѣлъ остаться въ западной арміи послѣ того, какъ главнокомандующій ея, принцъ Морицъ, нарушилъ условія договора, заключеннаго съ городами Веймутомъ и Дорчестеромъ; наконецъ лордъ Фоклэндъ—честь и слава роялистовъ, оставшійся патриотомъ, хотя его и осудили въ Лондонѣ, неутратившій народнаго уваженія, хотя и былъ министромъ въ Оксфордѣ. Ничто не требовало его присутствія на полѣ битвы, и не разъ друзья упрекали его въ ненужной отвагѣ. „Моя должность“, отвѣчалъ онъ, улыбаясь, „не можетъ отнять тѣхъ преимуществъ, которыя мнѣ даютъ лѣта мои, а военный министръ долженъ быть посвященъ въ тайны величайшихъ опасностей“. Нѣсколько мѣсяцевъ сряду онъ отыскивалъ эти опасности съ страстнымъ увлеченіемъ; страданія народа—еще худшее зло, которое онъ предвидѣлъ въ будущемъ, разрушенныя надежды, неловкое положеніе среди партіи, которой торжества и неудачи онъ равно боялся—все это сильно его тревожило; веселость его пропала; воображеніе, отъ природы блестящее и живое, стало рисовать ему лишь мрачныя картины, останавливаться лишь на одномъ предметѣ. Прежде онъ любилъ изысканность, щегольство; теперь пересталъ заниматься своей одеждой, своей наружностью; ему опротивѣли дружескія бесѣды и всѣ занятія; часто, сидя въ кругу друзей, опустивъ голову, онъ прерывалъ долгое молчаніе, жалобно повторяя: „миръ! миръ!“ и оживлялся только тогда, когда представлялась надежда на переговоры. Утромъ, передъ битвою, приближенные его удивились, найдя, что онъ повеселѣлъ: онъ такъ тщательно занялся своимъ туалетомъ; какъ давно этого не дѣлалъ. „Если я буду убитъ сегодня“, сказалъ онъ, „то не хочу, чтобъ мое тѣло нашли въ грязномъ бѣльѣ“. Его уговаривали остаться; лицо его снова омрачилось печалью. „Нѣтъ“, сказалъ онъ: „давно ужъ все это терзаетъ мое сердце; къ ночи надѣюсь избавиться отъ мученій“, и онъ присоединился волонтеромъ къ полку лорда Байрона. Только завязалось дѣло, какъ онъ былъ раненъ пулею въ животъ, упалъ съ лошади и, никѣмъ незамѣченный, умеръ жертвою эпохи, слишкомъ грубой для его чистой и нѣжной добродѣтели. Тѣло его было найдено лишь на другое утро. Друзья его, особенно Гайдъ, навсегда сохранили о немъ безутѣшное воспоминаніе; придворные безъ особеннаго чувства узнали о смерти человѣка, имъ чужаго; Карлъ выразилъ сожалѣніе, насколько того требовало приличіе, и пересталъ чувствовать прежнюю неловкость въ совѣтѣ.

Тотчасъ же по прибытіи Эссекса въ Ридингъ, депутація отъ обѣихъ палатъ явилась къ нему съ выраженіемъ благодарности, а также и съ тѣмъ, чтобъ удовлетворить всѣ нужды его арміи и узнать его собственные желанія. Парламентъ былъ спасенъ; этого мало: онъ могъ надѣяться, что впредь ужъ не подвергнется такимъ опасностямъ; равнымъ успѣхомъ увѣнчались его дипломатическіе переговоры и его военныя дѣйствія. Въ то самое время, какъ Эсексъ заставилъ своихъ противниковъ снять осаду Глостера. Венъ заключилъ въ Эдимбургѣ тѣсный союзъ съ Шотландіей. Съ общаго согласія государственныхъ чиновъ и собора шотландской церкви, въ одно засѣданіе (17 авг. 1643) положено заключить политическій

и религиозный договоръ, подъ именемъ *торжественной лиги и конвенанта*: Англія и Шотландія обязались соединить свои силы, чтобъ отстаивать общее дѣло. На другой же день шотландскіе комиссары отравились въ Лондонъ. Обѣ палаты, посовѣтовавшись съ собраніемъ богослововъ, съ своей стороны, подтвердили договоръ во всей его силѣ (18 сент.); а спустя недѣлю (25 сент. 1643), въ церкви св. Маргариты, въ Вестминстерѣ, всѣ члены парламента, стоя съ обнаженными головами и поднявъ руки къ небу, клятвенно подтвердили принятіе этого договора. Эта присяга была сперва произнесена устно, потомъ подтверждена рукоприкладствомъ. Лондонъ съ восторгомъ принялъ извѣстіе о конвенантѣ, который обѣщалъ реформу церкви и, сверхъ того, подкрѣпленіе, состоящее изъ двадцати-одной тысячи шотландцевъ. Этотъ договоръ разсѣялъ страхъ пресвитеріанъ и осуществилъ ихъ надежды. На другой день (26 сент. 1643) Эссексъ вступилъ въ Лондонъ; вся нижняя палата подъ предводительствомъ своего президента, отправилась въ Эссексъ-Гоузъ, встрѣчать его. Явились лордъ-мэръ и альдермены, въ пурпуровыхъ платьяхъ, чтобъ выразить благодарность „спасителю и покровителю ихъ жизни и имущества, ихъ женъ и дѣтей“. Публично были выставлены знамена, отбитыя у королевской арміи въ дѣлѣ подъ Ньюбери; изъ нихъ особенно бросалось въ глаза знамя, на которомъ былъ изображенъ наружный фасадъ палаты депутатовъ, надъ которымъ виднѣлись двѣ головы преступниковъ: на фасадѣ красовалась надпись: „*Ut extra, sic intra*“. Народъ толпился вокругъ этихъ трофеевъ; милиціонеры, участвовавшіе въ дѣлѣ при Ньюбери, рассказывали всѣ его подробности; въ домашнихъ бесѣдахъ, въ проповѣдяхъ, на уличныхъ сходкахъ—повсюду восторженно произносилось имя Эссекса, или набожно было благословляемо. Графъ и друзья его рѣшились воспользоваться этимъ торжествомъ. Эссексъ явился въ верхнюю палату, подалъ прошеніе объ отставкѣ и о позволеніи удалиться изъ Англіи. „Нѣтъ болѣе настоящей опасности, которая требовала бы его присутствія, говорилъ онъ; въ званіи главнокомандующаго онъ испыталъ слишкомъ много непріятностей, которыя, навѣрное, скоро повторятся, ибо сэръ Уилльямъ Уоллеръ остается въ должности, независимой отъ главнокомандующаго, на котораго сваливается вся отвѣтственность, тогда какъ другому предоставляется право не слушаться его; давно уже мучить его это положеніе, котораго онъ не можетъ болѣе выносить“. Выслушавъ это объясненіе, верхняя палата пришла въ изумленіе, или притворилась что изумлена, и положила потребовать совѣщанія съ нижней палатой; но въ эту самую минуту доставлено было отъ нижней палаты посланіе, вслѣдствіе котораго совѣщаніе дѣлалось бесполезнымъ. Узнавъ, въ чемъ дѣло, она спѣшила извѣстить лордовъ, что Уоллеръ отказывается отъ своей должности, соглашается получить впредь инструкціи отъ главнокомандующаго, а не отъ самого парламента, и настоятельно просить, чтобъ составленъ былъ комитетъ, который бы рѣшилъ это непріятное дѣло къ удовольствію графа. Комитетъ былъ тотчасъ составленъ, и дѣло покончено въ одно засѣданіе. Уоллеръ и его друзья покорились безъ ропота; Эссексъ и его партія торжествовали, не хвастаясь побѣдой. Казалось, враждебныя партіи примирились окончательно. Но въ эту самую минуту онѣ вступали въ новую борьбу...

КНИГА ПЯТАЯ.

Состояніе партій и происхожденіе индепендентовъ.—Расположеніе оксфордскаго двора.—Король заключаетъ перемиріе съ ирландцами.—Оксфордскій парламентъ.—Смерть Пейма.—Походъ 1644 года.—Сраженіе при Марстон-Мурѣ.—Неудачи Эссекса въ Графствѣ Корнваллійскомъ.—Несогласія возникаютъ между вождями пресвитеріанъ и Кромвелемъ.—Начинаются переговоры.—Билль о добровольномъ отреченіи отъ должностей.—Судъ и казнь Лода.—Переговоры въ Уксбриджѣ.—Преобразование парламентскаго войска.—Ферфаксъ назначенъ генераломъ.—Эссексъ подаетъ въ отставку.

1643 — 1645.

Радость пресвитеріанъ достигла высшей степени: парламентъ былъ спасенъ ихъ вождемъ; враги ихъ молчали; шотландское войско, готовое прибыть, обѣщало крѣпкую опору ихъ дѣлу; отнынѣ они надѣялись одни располагать всѣми преобразованіями, такъ же, какъ и войною, и по своему желанію продолжать или прекращать то и другое.

Припадокъ религіозной ревности и тиранніи вскорѣ обнаружилъ ихъ владычество въ палатахъ и внѣ ихъ, въ Лондонѣ и въ комитетахъ. Собранію богослововъ предписано было приготовить планъ церковнаго управленія (12 окт. 1643); въ этотъ совѣтъ призвали четырехъ шотландскихъ богослововъ, чтобъ содѣйствовать важному намѣренію партіи—установить единство въ богослуженіи у обоихъ народовъ. Комитеты, которымъ поручено было въ каждой области разсматривать поведеніе и ученіе священнослужителей, удвоили дѣятельность и строгость; болѣе двухъ тысячъ священниковъ было отрѣшено отъ должностей; многихъ преслѣдовали, какъ анабаптистовъ, броунистовъ, индепендентовъ и т. п.; ихъ ввергали въ темницу тѣ же самые люди, которые недавно еще проклинали въ ней, вмѣстѣ съ ними, своихъ общихъ преслѣдователей. Кто отказывался подписать ковенантъ, лишался права засѣдать въ общественномъ совѣтѣ и даже участвовать въ выборѣ его членовъ. Съ самаго начала войны парламентъ приказалъ закрыть всѣ театры, не налагая на нихъ, однако, церковнаго проклятія, на томъ основаніи, что времена всеобщихъ бѣдствій должны быть посвящаемы покаянію и молитвѣ, а не удовольствіямъ (2 сент. 1642). Такое же запрещеніе распространено было на всѣ увеселенія, на всѣ обычныя народныя игры, воскресныя и праздничныя, какъ бы не были онѣ древни, или невинны; повсюду были срублены майскія деревья, которыя поколовъ вѣтка сажались въ знакъ радости при возвращеніи весны; запрещено было также воздвигать новыя; и если дѣти забывали эти законы, то родители ихъ наказывались денежною пеней за всякій порывъ ихъ веселости. Архіепископъ Лодъ, уже три года забытый въ темницѣ, вдругъ былъ вызванъ въ верхнюю палату къ отвѣту на обвиненіе нижней палаты

(13 нояб. 1643). Фанатизмъ считаетъ ненависть и мщеніе въ числѣ обязанностей.

Подобное же рвеніе вспыхнуло и къ войнѣ. Гордясь своимъ участіемъ въ послѣднихъ побѣдахъ, лондонскіе пресвитеріане уже не говорили болѣе о мирѣ; многіе богатые граждане на свой счетъ одѣвали и вооружали солдатъ и даже вызывались служить сами. Одинъ изъ нихъ, Роландъ Удильсонъ, имѣвшій въ виду получить отъ своего отца въ наслѣдство огромныя коммерческія дѣла и 2000 ф. стерл. ежегоднаго дохода въ земельныхъ фондахъ, присоединился къ арміи Эссекса во главѣ полка, вооруженнаго на его собственное иждивеніе. Даже нѣкоторые изъ вождей, до сего времени склонныхъ къ переговорамъ—Голлизъ, Глиннъ, Мейнардъ, рѣчами своими одушевляли муниципальный совѣтъ къ самымъ отчаяннымъ усиліямъ. Никогда еще пресвитеріанская партія не обнаруживала такой энергіи и не имѣла въ своихъ рукахъ такой прочной власти.

И, несмотря на все это, она приближалась къ своему паденію. Взявшись съ самаго начала за двойную реформу, церковную и гражданскую, она вела эти реформы не на однихъ и тѣхъ же основаніяхъ, не по одному и тому же плану. Въ дѣлахъ религіозныхъ вѣра ея была горяча, ученіе просто, твердо, система скрѣплена строгими выводами. Система пресвитеріанская—то есть управленіе церкви посредствомъ священнослужителей равныхъ между собою и рѣшающихъ дѣла съ общаго согласія—по мнѣнію этой партіи, не была учрежденіемъ человѣческимъ, которое бы, по времени и обстоятельствамъ, можно было измѣнять какъ вздумается; напротивъ, она была въ ея глазахъ единственною законною системою, установленіемъ божественнымъ, закономъ самого Христа. Партія хотѣла, чтобъ эта система торжествовала вполнѣ, во что бы то ни стало, почитая ее переворотомъ святымъ и рѣшительно необходимымъ. Совсѣмъ не то было въ политикѣ: не смотря на грубость дѣйствій и рѣчей, идеи партіи были шатки, виды умѣренны; въ ней не преобладало ни одного систематическаго убѣжденія, ни одной страсти истинно-рволюціонной; она любила монархію, сражаясь противъ короля; уважала права короны, стараясь поработить корону; вѣрила только нижней палатѣ и въ то же время не питала къ лордамъ ни ненависти, ни презрѣнія; наконецъ она подчинялась древнимъ привычкамъ столько же, сколько и новымъ потребностямъ; не отдавала себѣ точнаго отчета ни въ основныхъ началахъ, ни въ послѣдствіяхъ своего поведенія; увѣрена была, что дѣйствуетъ единственно въ видахъ законной реформы, и не желала ничего болѣе, кромѣ такой реформы.

Такимъ образомъ, пресвитеріанская партія, находясь постоянно въ различномъ положеніи, то властолюбивая, то верѣшительная, то фанатическая, то умѣренная, не имѣла даже вождей, которые бы вышли изъ собственныхъ ея рядовъ и всегда были одушевлены одинакими съ нею чувствами. Она шла вслѣдъ за политическими преобразователями, первыми толкователями и истинными представителями народнаго движенія. Союзъ съ ними былъ для нея союзъ естественный и необходимый—естественный потому, что и тѣ и другая хотѣли преобразовать правленіе, но не уничтожить его: необходимый потому, что они обладали властью и сохраняли ее по преимуществамъ своего званія, богатства и просвѣщенія; этихъ преимуществъ даже самые горячіе пресвитеріане не хотѣли оспаривать. Но, принимая, а, въ крайнемъ случаѣ, даже покупая, посредствомъ

важныхъ уступокъ, помощь сектаторовъ, большинство политическихъ реформаторовъ не раздѣляло ни ихъ мнѣній, ни видовъ относительно церкви; они желали умѣреннаго епископата, ограничивающагося законной администраціей духовныхъ дѣлъ; они служили системѣ пресвитеріанъ противъ воли, стараясь втайнѣ замедлить ея успѣхи. Такимъ образомъ энергія партіи въ религіозной революціи была уничтожаема вождями, отъ которыхъ, однакожь, она не могла и не хотѣла отстать; ихъ единомысліе было полно и искренно только въ дѣлѣ политическаго преобразованія, т. е. въ томъ дѣлѣ, въ которомъ начальники и партія не были одушевлены какими-нибудь непримиримыми страстями, не стремились проводить абсолютныхъ убѣжденій.

Къ концу 1643 года политическое преобразование, по крайней мѣрѣ законное, было окончено; злоупотребленія не существовали болѣе; всѣ законы, признанные необходимыми, были составлены; всѣ государственныя учрежденія, по крайнему разумѣнію, измѣнены; все было улажено въ дѣлѣ, котораго равно желали защитники древнихъ правъ и сектаторы пресвитеріанскіе, и которае они могли исполнить общими силами. Но религіозная революція только что начиналась, а политическое преобразование, еще шаткое и неупроченное, угрожало превратиться въ революцію. Приближалась минута, когда неизбѣжно должны были обнаружиться внутренніе недуги партіи, до сихъ поръ господствовавшей: несвязность ея состава, принциповъ, плановъ. Она вынуждена была ежедневно мѣнять направленіе, дѣлать противорѣчащія усилія. Чего она домогалась въ церкви, то отвергала въ государствѣ; она принуждена была непрерывно измѣнять свое положеніе и образъ выраженія, попеременно обращать то убѣжденія и страсти демократическія противъ епископовъ, то правила и вліянія монархическія и аристократическія противъ возникающихъ республиканцевъ. Странное зрѣлище представляли эти люди, разрушавшіе одной рукой и поддерживавшіе другой; то проповѣдывавшіе нововведенія, то проклинавшіе нововводителей; попеременно то дерзкіе, то робкіе; возмутители, и въ то же время деспоты; преслѣдовавшіе приверженцевъ епископата во имя правъ свободы, а индепендентовъ во имя правъ власти; присвоивавшіе себѣ, наконецъ, привилегію на возмущеніе и тиранію—и ежедневно громившіе въ своихъ рѣчахъ то и другое.

Въ то же время многіе изъ вождей покидали партію, отрекались отъ нея или выдавали ее. Нѣкоторые изъ нихъ, какъ Рудердъ, заботившіеся всего болѣе о своей репутаціи и добродѣтели, удалялись со сцены, или появлялись только издали и то больше для того, чтобъ излагать свои возраженія, а не для того, чтобъ дѣйствовать. Другіе же, менѣе честные, какъ, напримѣръ, Сентъ-Джонъ, или болѣе настойчивые и смѣлые, какъ Пеймъ, или занятые преимущественно своею личною безопасностью, старались сблизиться съ новою партіею, или, по крайней мѣрѣ, щадили ее, предчувствуя скорое ея возвышеніе. Многіе, уже разочарованные и нравственно испорченные, отказались отъ всякихъ патріотическихъ надеждъ, заботились только о собственномъ благосостояніи и, составивъ въ комитетахъ, учрежденныхъ для управленія дѣлами, коалицію, раздѣляли между собою должности, конфискованныя имущества и товары. Между знатнымъ дворянствомъ, до сихъ поръ принимавшимъ участіе въ дѣлѣ народномъ, многіе, какъ уже было сказано, покинули это дѣло и пошли вымалывать миръ въ Оксфордѣ; другіе рѣшительно отказались отъ дѣлъ обществен-

ныхъ, удалились въ свои помѣстья и, чтобъ защититься, съ одной стороны, отъ разграбленія, съ другой—отъ секвестра, дѣлали сдѣлки то съ дворомъ, то съ парламентомъ. 22 сентября, только десять лордовъ засѣдало въ верхней палатѣ; 5 октября ихъ было только пять. Поименная переключка, установленная при открытіи каждаго засѣданія, и боязнь, что ихъ отсутствіе чрезъ это будетъ законнымъ образомъ заявлено, снова привлекли нѣкоторыхъ изъ нихъ въ Вестминстеръ; но высшая аристократія, становившаяся съ каждымъ днемъ болѣе подозрительною или болѣе чуждою народу, не менѣе того становилась тягостною и для пресвитеріанъ, вмѣсто того, чтобъ служить имъ опорой: религіозный ихъ фанатизмъ удалялъ отъ нихъ искусныхъ защитниковъ народной свободы, а политическая ихъ умѣренность мѣшала имъ отстранить отъ себя надежныхъ и недобросовѣстныхъ союзниковъ.

Какъ бы то ни было, партія господствовала уже три года; исполнились ли ея намѣренія въ церкви и государствѣ, или нѣтъ, во всякомъ случаѣ всѣ дѣла, въ теченіе этихъ трехъ лѣтъ, производились при ея содѣйствіи и съ ея согласія. Уже по одному этому она была для многихъ неприятна; ей приписывали всѣ перенесенныя бѣдствія, всѣ разрушившіяся надежды; находили, что она притѣсняетъ народъ не менѣе епископовъ, что она дѣйствуетъ такъ же самовластно, какъ король; съ горечью выставляли ея противорѣчія и слабости; наконецъ, даже люди, немѣвшіе революціонныхъ намѣреній или корыстолюбивыхъ видовъ, по одному ходу событій и общему настроенію умовъ, чувствовали тайную необходимость въ новыхъ принципахъ, въ новыхъ властелинахъ.

И то и другое было уже готово; выжидали только случая, чтобъ завладѣть правленіемъ. Еще задолго до этого смутнаго времени, когда пресвитеріане только что задумывали подчинить народную церковь республиканскому устройству, сохранить въ ней подъ этой формой единство власти и вѣры, и такимъ образомъ отнять у епископата наслѣдіе папства—индепенденты, броунисты, анабаптисты уже во всеуслышаніе предлагали вопросъ: должна ли существовать національная церковь и на какомъ основаніи церковная власть—какая бы она ни была, папская, епископская или пресвитеріанская—присвоиваетъ себѣ право подводить христіанскую совѣсть подъ иго ложнаго единства? Всякое собраніе вѣрующихъ, живущихъ въ одномъ мѣстѣ или по сосѣдству, говорили они, и соединяющихся добровольно въ силу своей общей вѣры для общаго богослуженія—есть истинная церковь, надъ которой никакая другая церковь не въ правѣ властвовать, и эта церковь имѣетъ право сама избирать своихъ священнослужителей, устанавливать правила своего богослуженія и наконецъ управляться собственными своими законами.

Сначала на этихъ неизвѣстныхъ сектаторовъ, провозглашавшихъ такимъ образомъ принципъ свободы совѣсти, среди заблужденій слѣпотаго фанатизма, смотрѣли какъ на преступниковъ и безумцевъ. Они сами, повидимому, поддерживали принципъ, не понимая его, и поддерживали не столько по убѣжденію, сколько по необходимости. Приверженцы епископальной церкви и пресвитеріане, проповѣдники и должностныя лица осуждали его въ равной степени; всѣ спорили почти исключительно объ одномъ вопросѣ: какимъ образомъ и кѣмъ должна быть управляема церковь Христова? Полагали, что нѣтъ другого выбора, какъ только между неограниченною властью папы, аристократіей епископовъ и демократіей

пресвитеріанскаго духовенства, и вовсе не думали разбирать, законны ли въ основаніяхъ своихъ такія управленія, какова бы ни была ихъ форма и названіе.

Сильное движеніе замѣтно было во всѣхъ отношеніяхъ, даже и между тѣми, до которыхъ, повидимому, не касалась реформа. Каждый день приводилъ съ собой новые опыты, отъ которыхъ ни одна система не могла уклониться, новые споры, которые тщетно старалась подавить господствующая партія. Призываемые каждый день къ разсмотрѣнію дѣлъ человѣческихъ съ новыхъ сторонъ, къ обсужденію мнѣній, къ опроверженію притязаній, дотолѣ неизвѣстныхъ, умы развязывались, пріобрѣтали болѣе широкій взглядъ на человѣка и общество, освобождались отъ всѣхъ предразсудковъ и смѣло сбрасывали съ себя всякіе узы. Въ то же время на дѣлѣ господствовала почти абсолютная свобода вѣры и богослуженія; никакая судебная или запретительная власть еще не замѣнила епископата, а парламентъ, занятый борьбою съ своими врагами, мало заботился о релігіозныхъ заблужденіяхъ своихъ приверженцевъ. Пресвитеріане добились иногда отъ парламента грозныхъ выходовъ противъ новыхъ сектаторовъ; иногда робость и ненависть политическихъ реформаторовъ совпадали съ такими же чувствами ихъ набожныхъ союзниковъ, и тогда они, съ общаго согласія, принимали строгія принудительныя мѣры противъ своихъ противниковъ. Однимъ постановленіемъ, въ предварительныхъ статьяхъ котораго сказано было, что оно имѣетъ цѣлью „остановить клеветы и дерзости, обращающіяся съ нѣкотораго времени противъ религіи и правительства“, уничтожена была свобода книгопечатанія, до сихъ поръ терпимая, и всякія сочиненія подчинены предварительной цензурѣ (11 іюня 1643) Но власть не можетъ остановить тѣхъ, кто опережаетъ ее въ движеніи, которымъ она сама увлечена. Спустя нѣсколько недѣль, вся тягость этихъ запрещеній пала на однихъ роялистовъ и приверженцевъ епископальной церкви; новыя секты обходили ихъ или явно презирали и съ каждымъ днемъ становились многочисленнѣе, разнообразнѣе, жарче; со всѣхъ сторонъ выростали индепенденты, броунисты, анебаптисты, антипедобптисты, квакеры, антиномиты, люди пятой монархіи. Даже въ собственной своей средѣ пресвитеріанская партія нашла себѣ враговъ, подготовленныхъ революціей: энтузіастовъ, философовъ, вольнодумцевъ.

Съ этого времени всё вопросы приняли другой оборотъ; броженіе общества измѣнило характеръ. Значительные и уважительные факты до сихъ поръ направляли и сдерживали мысли политическихъ и даже релігіозныхъ реформаторовъ: для однихъ законодательство старой Англій, по крайней мѣрѣ въ томъ видѣ, какъ они его понимали, для другихъ устройство церкви, какимъ уже пользовалась Шотландія, Голландія, Женева, служили образцомъ и въ то же время обуздывающей силой. Какъ ни смѣлы были ихъ предпріятія, но ни тѣ, ни другіе не увлекались безцѣльными желаніями, неограниченными требованіями; они не имѣли въ виду всеобщихъ нововведеній; ихъ надежды не основывались на однихъ предположеніяхъ; и если они ошибались въ своихъ расчетахъ, то могли по крайней мѣрѣ указать цѣль своихъ дѣйствій. Напротивъ, соперники ихъ не руководились въ своихъ дѣйствіяхъ никакими опредѣленными цѣлями: никакой историческій или юридическій фактъ не удерживалъ ихъ мысли въ извѣстныхъ предѣлахъ; увѣренные въ силѣ этой мысли, гордясь ея возвышенностью, святостью или смѣлостью, они присваивали ей право обо

всемъ судить, все рѣшать, и, руководясь только собственнымъ умомъ, философы искали истины, энтузіасты— Бога, вольнодумцы— успѣха во что бы то ни стало. Учрежденія, законы, обычаи, событія— словомъ, все должно было подчиниться разуму или волѣ человѣка; все сдѣлалось матеріаломъ для новыхъ соображеній, для разумнаго созиданія, и въ этой смѣлой работѣ казалось законнымъ все, все что можно было основать на принципѣ, экстазѣ, или необходимости. Пресвитеріане отвергли въ церкви королевскую власть и аристократію: зачѣмъ же сохранять ихъ въ государствѣ? Политическіе реформаторы намекнули, что если король или лорды будутъ настоятельно отказывать въ своемъ согласіи, то воля нижней палаты всетаки должна быть принята за законъ: почему же не сказать этого прямо? Зачѣмъ обращаться къ верховной власти народа (Sovereignty of the people) только въ отчаянныхъ случаяхъ и единственно для того, чтобъ придавать законность сопротивленію, тогда какъ на этой власти должно всегда основываться правительство и отъ нея предварительно получать свою законность? Свергнувъ иго римскаго и епископальнаго духовенства, хотятъ подчиниться игу духовенства пресвитеріанскаго: на что духовенство? По какому праву служители Бога составляютъ корпорацію постоянную, богатую, независимую и властную и требуютъ отъ правительства, чтобъ оно поддерживало ее? У нихъ надобно отнять всякую судебную власть, даже право отлученія отъ церкви, и предоставить имъ только средства убѣжденія, проповѣди, обученіе дѣтей, молитвы: тогда тотчасъ же прекратятся всѣ злоупотребленія духовной власти и само собою уничтожится затрудненіе соглашать ее съ гражданской властью. Въ самихъ вѣрующихъ, а не въ священникахъ, заключается законная власть въ дѣлахъ вѣры. Право избирать и поставлять священниковъ принадлежитъ исключительно вѣрующимъ, а сами священники не въ правѣ поставлять себя взаимно и, такимъ образомъ, какъ бы навязывать себя вѣрующимъ. Наконецъ, каждый вѣрующій не есть ли уже самъ по себѣ священникъ для самого себя, для своего семейства, для всѣхъ христіанъ, которые, будучи увлечены его рѣчью, признаютъ его вдохновеннымъ свыше и захотятъ присоединиться къ его молитвамъ? кто дерзнетъ оспаривать у Бога власть надѣлять своими дарами кого и какъ Ему угодно? Для проповѣди, какъ и для битвы, одинъ Господь назначаетъ и посвящаетъ своихъ избранниковъ; а когда Онъ ихъ избралъ, то и поручаетъ имъ свое дѣло и только имъ однимъ заповѣдуетъ средства, чрезъ которыя оно должно достигнуть успѣха. Вольнодумцамъ нравились такія рѣчи; имъ только хотѣлось довести революцію до крайнихъ предѣловъ; не разбирая средствъ, они немного обращали вниманія и на побужденія.

Такъ образовалась партія индепендентовъ, гораздо менѣе многочисленная и менѣе пользовавшаяся довѣріемъ народа, чѣмъ партія пресвитеріанъ, но уже пріобрѣтшая ту вліятельность, которая дается убѣжденіями систематическими, полными, всегда готовыми дать отчетъ въ своихъ основаніяхъ и отвѣчать за всѣ послѣдствія. Англія тогда находилась въ одномъ изъ тѣхъ кризисовъ, славныхъ и опасныхъ, когда человѣкъ, забывая о своихъ слабостяхъ и помня только о своемъ значеніи, одушевляется тѣмъ высокимъ честолюбіемъ, которое заставляетъ его подчиняться только чистой истинѣ, той безумной гордостью, которая присваиваетъ собственному мнѣнію человѣка всѣ права истины. Ни политики, ни сектаторы, ни пресвитеріане, ни индепенденты, ни одна партія не

смѣла считать себя свободною отъ обязанности доказать свое право. Но пресвитеріане не выдержали этого испытанія, ибо ихъ мудрость основывалась на авторитетѣ фактовъ и законовъ, а не на принципахъ, и они не знали, какъ однимъ разумомъ опровергнуть доводы своихъ соперниковъ. Только индепенденты исповѣдовали ученіе простое, строгое на видъ, которое освящало всѣ ихъ дѣйствія, удовлетворяло всѣмъ потребностямъ ихъ положенія; это ученіе избавляло твердый умъ отъ противорѣчій, набожное сердце—отъ притворства. Они первые начали произносить нѣкоторыя изъ тѣхъ сильныхъ выраженій, которыя, въ какомъ бы смыслѣ ихъ ни принимали, возбуждаютъ, именовъ благороднѣйшихъ надеждъ, самыя энергическія страсти челоуѣчества: равенство правъ, справедливое распредѣленіе общественныхъ благъ, уничтоженіе всѣхъ злоупотребленій. У нихъ не было разногласія между религіозною и политическою системою, не было тайной борьбы между вождями и ратниками, не было исключительныхъ постановленій и строгихъ разграниченій, которыя бы затрудняли доступъ въ ихъ партію; подобно сектѣ, которой имя они приняли, они признавали за основное правило свободу совѣсти, а необъятность преобразованій, ими замышляемыхъ, и безпредѣльная неизвѣстность ихъ намѣреній дозволяли самымъ разнороднымъ личностямъ становиться подъ ихъ знамена. Къ нимъ присоединялись юристы, въ надеждѣ отнять у своихъ соперниковъ, духовныхъ, всю судебную власть и все господство; народные публицисты ожидали отъ нихъ новаго законодательства, яснаго, простаго, которое бы лишило юрисконсультовъ ихъ огромныхъ доходовъ и силы. Гаррингтонъ, присоединяясь къ этой партіи, могъ мечтать о республикѣ мудрецовъ, Сидней—о свободѣ Спарты и Рима Лильборнъ—о возстановленіи древнихъ саксонскихъ законовъ, Гаррисонъ—о пришествіи Христа; даже самый цинизмъ Генри Мартина и Петра Уэнтворта былъ въ ней терпимъ изъ уваженія къ его смѣлости. Республиканцы и уравнители, мыслители и мечтатели, фанатики и честолюбцы—всѣ были допускаемы; каждый могъ приносить сюда свое негодование, свои теоріи, свои вдохновенія, свои интриги; достаточно было, чтобъ всѣ одушевлены были равною ненавистью къ кавалерамъ и пресвитеріанамъ и стремились съ равною горячностью къ этому неизвѣстному будущему, которое обѣщало удовлетворить столькимъ желаніямъ.

Никакія побѣды Эссекса и его друзей на полѣ битвы, или въ Вестминстерѣ, не могли заглушить, ни даже сдержать надолго подобныхъ расколовъ: они были всѣмъ извѣстны какъ въ Оксфордѣ, такъ и въ Лондонѣ, и всѣ благоразумные люди, какъ роялисты, такъ и члены парламента, уже принимали ихъ во вниманіе при своихъ соображеніяхъ. О нихъ со всѣхъ сторонъ увѣдомляли короля и понуждали его воспользоваться этимъ обстоятельствомъ: придворные и министры, интриганы и просто вѣрные слуги—всѣ представляли ему на этотъ счетъ каждый свои собственныя свѣдѣнія, свои предположенія, свои средства. Одни хотѣли, чтобъ продолжалась война безъ остановки, будучи увѣрены, что соперничающія партіи скорѣе будутъ слушаться голоса своей взаимной вражды, нежели общей имъ опасности; другіе требовали, напротивъ, чтобъ, чрезъ посредничество лордовъ, укрывающихся въ Оксфордѣ, особенно же графовъ Голландъ и Бедфордъ, дворъ сблизился съ Эссексомъ и его партіей, которые въ сущности не переставали желать мира; нѣкоторые совѣтовали обратиться съ предложеніями къ извѣстнымъ уже вождямъ

индепендентовъ, предполагая, что съ ними будетъ легче уладить дѣло; а лордъ Ловлэсъ, съ согласія короля, поддерживалъ постоянную переписку съ сэромъ Генри Веномъ, вовсе не подозрѣвая того, что Вень писалъ къ нему тоже съ вѣдома своей партіи, чтобъ имѣть свѣдѣнія о состояніи двора. Но ни одинъ изъ этихъ совѣтовъ не былъ принятъ и приведенъ въ исполненіе. Лорды, бѣжавшіе изъ парламента, были допущены въ Оксфордъ съ величайшимъ трудомъ. При первомъ извѣстіи о скоромъ ихъ прибытіи, тамъ обнаружилось всеобщее противъ нихъ возстаніе; тайный совѣтъ въ торжественномъ собраніи долго разсуждалъ о томъ, какой слѣдуетъ имъ сдѣлать пріемъ, и, несмотря на разумныя представленія Гайда, только что произведеннаго въ канцлеры казначейства, Карль, соглашаясь принять ихъ, положилъ въ то же время, чтобъ пріемъ былъ имъ сдѣланъ самый холодный. Ни къ чему не повело и то, что лордъ Голланъ, самый изящный и ловкій изъ придворныхъ, добился, съ помощію М. Джермина, прежнихъ милостей у королевы. Тщетно онъ истощалъ все свое искусство, чтобъ возобновить свою прежнюю фамиллярность съ королемъ, то показывая видъ, будто шепчетъ ему на ухо, то увлекая его подъ какимъ-нибудь предлогомъ въ амбразуру окна, чтобъ имѣть случай говорить съ нимъ наединѣ, или по крайней мѣрѣ показать, будто онъ съ нимъ бесѣдуетъ по секрету, тщетно даже онъ сражался храбро, въ качествѣ волонтера, при Ньюбѣри и предлагалъ кровь свою въ залогъ новой вѣрности: ничто не могло побѣдить горделивую сухость короля, ни утишить криковъ придворныхъ; и лорды, искавшіе въ Оксфордѣ убѣжища, видя, что ихъ услугъ не принимаютъ, стали помышлять только о томъ, какъ бы избавиться отъ этого непріятнаго положенія. Приверженцевъ энергическаго продолженія войны выслушивали хотя милостивѣе, но также безъ послѣдствій; безуспѣшная осада Глостера повергла Оксфордъ въ бессильную, но задорную анархію. Всѣ обвиняли другъ друга въ этомъ несчастномъ предпріятіи; министры жаловались на безпорядки въ арміи; армія глумилась надъ упреками министровъ; принцъ Робертъ, хотя и необязанный, даже въ дни сраженій, никому повиноваться, кромѣ самого короля, съ завистью смотрѣлъ на главнокомандующаго; главнокомандующій и всѣ вельможи громко роптали на независимость и грубость принца Роберта. Король, поддерживавшій въ лицѣ своихъ племянниковъ достоинство своего дома, не могъ рѣшиться признать противъ нихъ справедливость подданнаго и жертвовалъ этой смѣшной гордости правами и даже заслугами самыхъ полезныхъ друзей своихъ. Одинъ только Гайдъ откровенно возставалъ противъ такихъ ошибокъ, и ему иногда удавалось отклонить отъ нихъ короля; но самъ Гайдъ былъ чуждъ двору, и не имѣя другого значенія и власти, кромѣ присвоенныхъ его должностямъ, самъ нуждался въ томъ, чтобъ воля короля поддерживала его то противъ своенравія королевы, то противъ происковъ завистливыхъ придворныхъ; онъ удерживалъ за собою репутацію дѣльнаго совѣтника и умнаго человѣка, но не пользовался настоящей силой и не достигалъ никакихъ важныхъ результатовъ. Короче: внутренній раздоръ въ Оксфордѣ былъ такъ же великъ, какъ и въ Лондонѣ, но только гораздо опаснѣе, ибо въ Лондонѣ онъ ускорялъ движеніе, а въ Оксфордѣ, напротивъ, задерживалъ его.

Посреди всѣхъ этихъ затрудненій и, можетъ быть, въ душѣ своей уже недовольный какъ своею партіею, такъ и всѣмъ народомъ вообще,

Карль узналъ о новомъ союзѣ Шотландіи съ парламентомъ: такимъ образомъ еще одно изъ его королевствъ готовилось начать съ нимъ войну. Онъ тотчасъ же предписалъ герцогу Гамильтону, снова пользовавшемуся его довѣренностью и занимавшему должность его комиссара въ Эдмбургѣ, во что бы то ни стало, предупредить это соединеніе. Предложили, какъ говорятъ, шотландцамъ предоставить имъ на будущія времена треть придворныхъ должностей, снова присоединить къ Шотландіи графства Нортумберлэндъ, Уестморлэндъ и Кемберлэндъ, прежде къ ней принадлежавшія, назначить Ньюкестль резиденціей короля и, наконецъ, поселить среди ихъ принца валлійскаго съ дворомъ его. Такія обѣщанія, если только они были сдѣланы, не могли быть искренни, и шотландскій парламентъ не могъ обмануться насчетъ ихъ: противъ нихъ говорили свѣжіе факты. Графъ Антримъ въ Ирландіи былъ захваченъ шотландскими войсками, расположенными въ Ульстерѣ, чрезъ нѣсколько часовъ послѣ его прибытія туда, и при немъ нашли доказательства плана, составленнаго въ Йоркѣ Монтрозомъ и имъ во время ихъ пребыванія при королевѣ; по этому плану предполагалось перевезти въ Шотландію значительный корпусъ ирландскихъ католиковъ, возмутить сѣверныхъ горцевъ и произвести такимъ образомъ сильную диверсію въ пользу короля. Очевидно, что это предпріятіе уже готовилось къ исполненію, ибо Монтрозъ присоединился къ королю во время осады Глостера, а Антримъ ѣхалъ изъ Оксфорда. Итакъ король, точно такъ же, какъ во время своего послѣдняго путешествія въ Шотландію, питалъ противъ своихъ подданныхъ самыя губельныя замыслы въ то самое время, когда имъ дѣлались отъ его имени великолѣпнѣйшія предложенія. Эдмбургскій парламентъ поспѣшилъ заключить союзъ съ вестминстерскимъ и увѣдомилъ его обо всѣхъ этихъ обстоятельствахъ.

Онъ сдѣлалъ и сообщилъ вестминстерскому парламенту въ то же время гораздо важнѣйшее открытіе: по бумагамъ Антрима видно было, что король находился съ ирландскими инсургентами въ частыхъ сношеніяхъ, что онъ неоднократно принималъ отъ нихъ просьбы и предложенія, что онъ даже готовъ былъ заключить съ ними перемиріе и надѣялся чрезъ это приобрести большія выгоды для предстоящаго похода. Эти показанія не были ложны: давно уже Карль, не переставая проклинать Ирландію, когда онъ говорилъ съ Англіею, щадилъ эту возмущившуюся страну и даже находился съ нею въ переговорахъ. Война, возгорѣвшаяся вслѣдствіе возмущенія, безостановочно продолжалась въ этой несчастной странѣ, но не вела ни къ чему. Отъ десяти до двѣнадцати тысячъ солдатъ, которымъ дурно платили жалованье, которыхъ рѣдко подкрѣпляли новыми наборами, оказывались слишкомъ безсильными, чтобъ покорить Ирландію, хотя ихъ и было достаточно, чтобъ не давать ей освободиться. Въ февралѣ 1642 года, прежде чѣмъ вспыхнула междоусобная война, палаты хотѣли рѣшиться на усиленную мѣру: открыть заемъ для расходовъ на рѣшительную экспедицію. Земли инсургентовъ, которыя неминуемо должны были по конфискаціи перейти въ коронное владѣніе, уже заранѣе назначены были для вознагражденія подписчиковъ государственнаго долга. Такимъ образомъ собраны были большія суммы и отправлены нѣкоторыя подкрѣпленія въ Деблинъ: но междоусобная война вспыхнула. Озабоченный своими собственными дѣлами, парламентъ сталъ заниматься Ирландіею только изрѣдка, и то слабо, непослѣдовательно, только чтобъ заглушить жалобы

тамошнихъ протестантовъ, когда онѣ становились уже слишкомъ громкими, въ особенности же, чтобъ въ глазахъ Англіи сдѣлать короля отвѣтственнымъ за ихъ бѣдствія. Карлъ тоже не болѣе заботился объ интересахъ ирландцевъ, не оказывалъ имъ значительной помощи и, упрекая парламентъ въ томъ, что онъ присвоилъ себѣ часть суммъ, собранныхъ для ирландцевъ, самъ перехватывалъ транспорты съ продовольствіемъ, назначеннымъ для нихъ, и отбиралъ у нихъ, даже въ Дублинѣ, ружья и порохъ, въ которомъ они имѣли крайнюю нужду. Но главнѣйшіе протестанты Ирландіи, аристократы по своему положенію, были преданы епископальной церкви и королю; въ числѣ офицеровъ арміи было множество такихъ людей, которыхъ парламентъ удалилъ, какъ кавалеровъ; генераломъ у нихъ былъ графъ Ормондъ, богатый, храбрый, великодушный, любимый народомъ, выигравшій два сраженія противъ мятежниковъ и покрывшій короля славою своихъ успѣховъ. Парламентская партія въ Ирландіи быстро пала; чиновники, преданные ей, были замѣнены роялистами. Осенью 1642 года парламентъ послалъ двухъ комиссаровъ, членовъ нижней палаты, чтобъ снѣва завладѣть нѣкоторою властью; но Ормондъ воспретилъ имъ входить въ государственный совѣтъ, а черезъ четыре мѣсяца имѣлъ довольно силы, чтобъ заставить ихъ возвратиться ни съ чѣмъ въ Англію (въ февр. 1643). Съ этого времени вся власть гражданская и военная перешла въ руки короля, который, избавившись отъ скучнаго, хотя и безсильнаго надзора, не колеблясь приступилъ къ исполненію тѣхъ намѣреній, къ которымъ побуждали его затруднительное положеніе дѣлъ и собственныя его склонности. Королева постоянно поддерживала переписку съ ирландскими католиками. Эта переписка, безъ сомнѣнія, была известна королю. Возмущеніе не представляло уже, какъ въ первые дни, отвратительныхъ неистовствъ буйной черни. Съ 14 ноября 1642 года въ Килькенни засѣдалъ верховный совѣтъ, состоявшій изъ двадцати четырехъ членовъ, благоразумно и регулярно управляя возстаніемъ; неоднократно уже онъ обращался къ королю съ дружелюбными посланіями и умолялъ его прекратить преслѣдованіе своихъ вѣрныхъ подданныхъ, которые всегда готовы ему служить и которыхъ онъ тѣснитъ изъ желанія угодить врагамъ своимъ. Карлъ еще не видѣлъ для себя ни особенно большой опасности, ни надобности презирать совершенно мнѣніе своего народа, чтобъ вступить открыто въ такой союзъ, но полагалъ, что можетъ, по крайней мѣрѣ, показать ирландцамъ нѣкоторое снисхожденіе и вызвать въ Англію войска, которая отъ его имени сражалась съ ними, чтобъ употребить ихъ противъ бунтовщиковъ болѣе ненавистныхъ и опасныхъ. Ормонду приказано было (11 янв. 1643) въ этомъ духѣ вступить въ переговоры съ совѣтомъ въ Килькенни, между тѣмъ, въ ожиданіи исхода переговоровъ, чтобъ выставить уважительную причину и показать необходимость этого, распушенъ былъ слухъ о бѣдственномъ положеніи дѣлъ протестантовъ въ Ирландіи и ихъ защитниковъ, что въ сущности было и справедливо. Въ длинномъ и патетическомъ представленіи деблинскому совѣту армія выставила на видъ всѣ свои недостатки и свое намѣреніе покинуть службу, которой она не въ состояніи долѣе нести. Доклады, посланные въ Оксфордъ и Лондонъ, изъясняли то же самое королю и палатамъ и выражали тѣ же самыя жалобы. Между тѣмъ переговоры подвигались впередъ; въ минуту арестованія Антрима они почти уже оканчивались, а около половины сентября, за нѣсколько дней до того, какъ палаты торжественно приехали

въ Вестминстерѣ договоръ, заключенный съ Шотландіею, Англія узнала, что король подписалъ съ ирландскими мятежниками перемиріе на одинъ годъ, что англійскія войска, сражавшіяся съ бунтовщиками, вызваны обратно, и что десять полковъ скоро высадятся: пять въ Честерѣ и пять въ Бристолѣ.

Со всѣхъ сторонъ поднялись страшные крики. Ирландцы возбуждали въ Англіи всеобщее презрѣніе, отвращеніе и ужасъ. Даже между роялистами и въ стѣнахъ Оксфорда обнаружилось явное неудовольствіе. Многіе офицеры оставили службу лорда Ньюкестля и передались парламенту. Лордъ Голландъ возвратился въ Лондонъ, говоря, что паписты рѣшительно первенствуютъ въ Оксфордѣ и что совѣсть не дозволяетъ ему долѣе тамъ оставаться. Лорды Бедфордъ, Клеръ, Пэджетъ, сэръ Эдуардъ Дерингъ и многіе другіе послѣдовали его примѣру, прикрывая тѣмъ же предлогомъ свое непостоянство, или свою трусость. Парламентъ не показлъ особенной взыскательности къ побудительнымъ причинамъ ихъ раскаянія. Поведеніе короля сдѣлалось предметомъ поруганія и сарказмовъ въ народѣ; припоминали его недавнія увѣренія и горделивый тонъ его оправданій, когда противъ него обращены были жалобы на сношенія двора съ инсургентами; всѣ поздравляли себя, что такъ вѣрно угадали его тайные происки; оскорблялись, что король могъ льстить себя надеждою провести свой народъ и рассчитывать на успѣхъ такого грубаго обмана. Негодованіе увеличилось, когда узнали, что значительное число ирландскихъ папистовъ примѣшалось къ возвращающимся войскамъ, что даже женщины, вооруженныя длинными ножами, въ дикихъ нарядахъ, были замѣчены въ рядахъ ихъ. „Не довольно того, что король оставилъ безъ отмщенія избіеніе протестантовъ въ Ирландіи: онъ еще принимаетъ ихъ свирѣпыхъ убійць въ свою службу противъ протестантовъ Англіи“. Многіе, даже люди высшаго сословія, чуждые пристрастному увлеченію толпы, почувствовали съ этого времени глубокую ненависть къ королю—одни, за его двуличность, другіе, за его расположеніе къ ненавистнымъ папистамъ, и часто стало произноситься съ оскорбительными упреками его имя, которое до сихъ поръ щадили.

Король скоро узналъ объ этомъ ожесточеніи народа, а равно и о томъ, что парламентъ всевозможными мѣрами старается поддерживать въ немъ это негодованіе. Обиженный тѣмъ, что подданные осмѣливаются судить о его намѣреніяхъ по его дѣйствіямъ, а не по рѣчамъ, Карль, въ припадкѣ страшнаго гнѣва, позвалъ къ себѣ Гайда. „Слишкомъ много чести“,—сказалъ онъ ему,—„для этихъ вестминстерскихъ бунтовщиковъ обращаться съ ними, какъ съ частью парламента; пока они будутъ заседать въ этомъ мѣстѣ, они не перестанутъ употреблять во зло своей власти. Актъ, которымъ я обѣщалъ не распускать ихъ иначе, какъ только съ ихъ собственнаго согласія, по закону недѣйствителенъ, какъ меня увѣряютъ. Въ самомъ дѣлѣ, не могу же я такимъ образомъ уничтожать преимущества короны; я самъ хочу ими пользоваться наконецъ. Изготовить сейчасъ же прокламацію съ объявленіемъ, что палаты распускаются сію же минуту, что имъ формально запрещается собираться, и никому не дозволяется признавать ихъ или повиноваться имъ!“ Гайдъ слушалъ съ удивленіемъ и безпокойствомъ, ибо даже мысль о такой мѣрѣ казалась ему безумною. „Вижу“,—сказалъ онъ,—„что ваше величество зрѣло обдумали это дѣло; для меня оно совершенно ново и требуетъ самаго

серьезнаго размышленія. Скажу только, что я никакъ не могу понять, какимъ образомъ запрещеніе вашего величества собираться въ Вестминстеръ можетъ кому-либо воспрепятствовать придти туда. Но нѣтъ сомнѣнія, что оно произведетъ въ государствѣ сильное неудовольствіе. Можетъ статься, что актъ, о которомъ ваше величество говорите, дѣйствительно не имѣетъ никакой силы; я самъ готовъ такъ думать; но пока парламентъ не оставилъ своего заблужденія, пока возстаніе его не подавлено, пока онъ самъ не объявилъ акта ничтожнымъ, до того времени ни одинъ судья, ни одинъ простой гражданинъ не осмѣлится поддерживать подобнаго мнѣнія. Не разъ говорили, что такова въ сущности мысль вашего величества, что во имя того же самаго права вы питаете надежду когда-нибудь точно такимъ же образомъ отмѣнить всѣ другіе акты этого парламента; уже одна эта молва, хотя вы всегда горячо доказывали ея несправедливость, часто вредила вашей службѣ. Что же будетъ, когда всѣ подозрѣнія оправдаются этою, впрочемъ, бессильною, прокламаціею? Умоляю ваше величество принять это въ соображеніе, прежде чѣмъ приведете задуманную вами мѣру въ исполненіе“.

Когда узнали, что Гайдъ такъ откровенно говорилъ съ королемъ, то почти всѣ другіе члены совѣта стали на сторону его мнѣнія. Несмотря на свое упрямство, Карлъ обнаружилъ при этомъ неувѣренность и робость; его смущали возраженія, и онъ обыкновенно уступалъ имъ, не зная, что отвѣчать, или желая прекратить эти споры, которыхъ онъ не любилъ даже съ близкими къ нему людьми. Нѣсколько дней провелъ король въ сомнѣніяхъ, скорѣе наружныхъ, чѣмъ дѣйствительныхъ, и наконецъ оставилъ свое намѣреніе. Тѣмъ не менѣе казалось необходимымъ принять какую-нибудь важную мѣру, хотя бы только съ цѣлью поддержать возбужденное состояніе роялистской партіи и не дать парламенту исключительно занимать нетерпѣливую дѣятельность умовъ въ промежуткѣ военныхъ дѣйствій. Такъ какъ слово „парламентъ“ имѣло такое сильное вліяніе на народъ, то кто то предложилъ созвать въ Оксфордѣ всѣхъ тѣхъ членовъ обѣихъ палатъ, которые удалились изъ Вестминстера, и такимъ образомъ парламенту, мятежному и разрозненному, противопоставить законный и настоящій парламентъ, ибо въ немъ участвовалъ бы король. Предложеніе это не понравилось Карлу: для него всякій парламентъ былъ подозрителенъ и непріятенъ, хотя бы онъ состоялъ изъ роялистовъ: все же надо было выслушивать совѣты этого парламента, подчиняться его вліянію можетъ быть, даже снизойти къ такимъ миролюбивымъ стремленіямъ, которыя могли бы оскорбить честь престола. Еще сильнѣе противилась этому королева: всякое англійское собраніе, какова бы ни была его преданность дѣлу короля, не могло не быть враждебнымъ для католиковъ и для любимцевъ. Но трудно было отвергнуть это предложеніе, какъ скоро оно сдѣлалось извѣстнымъ: партія роялистовъ приняла его съ восторгомъ; даже совѣтъ министровъ горячо защищалъ его, указывая на субсидіи, которыя назначить королю новый парламентъ, и на неизбѣжный упадокъ довѣрія къ вестминстерскимъ палатамъ, когда ихъ оставитъ столько членовъ. Несмотря на все свое нежеланіе, Карлъ уступилъ. Таково было общее настроеніе умовъ, что намѣреніе распустить мятежный парламентъ имѣло единственнымъ послѣдствіемъ своимъ образованіе другого парламента.

Извѣстіе объ этомъ произвело въ Лондонѣ сначала нѣкоторое безпокойство: тамъ знали, что въ тоже время партія роялистовъ возобновила

свои попытки къ приобрѣтенію вліянія въ Сити; что между королемъ и гражданами готовы были открыться переговоры о мирѣ безъ посредства парламента; что даже опредѣлены были основанія этихъ переговоровъ и что однимъ изъ нихъ было признаніе займовъ, сдѣланныхъ въ Сити, по которымъ палаты плохо уплачивали проценты, и которыя король поспѣшилъ обезпечить. Въ Лондонѣ былъ открытъ другой заговоръ, составленный, какъ говорятъ, партіею умѣренныхъ и нѣсколькими неизвѣстными индепендентами, съ цѣлью помѣшать вступленію шотландцевъ въ Англію и свергнуть, во что бы то ни стало, иго пресвитеріанъ. Наконецъ нижняя палата оплакивала потерю старѣйшаго и, можетъ быть, полезнѣйшаго изъ своихъ вождей: Пеймъ умеръ (8 дек. 1643) отъ болѣзни, продолжавшейся нѣсколько дней. Человѣкъ этотъ пользовался репутаціею не столь блестящею, какъ Гэмденъ, но онъ оказалъ не менѣе важныя услуги какъ въ тайныхъ совѣщаніяхъ, такъ и въ публичной дѣятельности палаты; онъ былъ твердъ, терпѣливъ, изворотливъ, умѣлъ преслѣдовать врага, направить пренія, или интригу, подстрекнуть народное негодованіе, привлечь новыхъ, или удержать прежнихъ сторонниковъ своего дѣла изъ нерѣшительныхъ вельможъ; неутомимый членъ большей части комитетовъ, обычный зачинщикъ рѣшительныхъ мѣръ, всегда готовый принять на себя затруднительное и опасное порученіе, онъ презиралъ труды, непріятности, богатство, славу, и ставилъ успѣхъ своей партіи единственною цѣлью своего честолюбія. Незадолго до своей болѣзни, онъ издалъ въ свѣтъ аполлогію своего образа дѣйствій, посвященную въ особенности друзьямъ порядка и мира, какъ будто чувствуя нѣкоторое сожалѣніе о прошедшемъ и тайный страхъ, что его обвинять за будущее. Но смерть избавила его, также какъ и Гэмдена, отъ затрудненія отказываться отъ своихъ мнѣній, или противорѣчить своей прежней жизни. Не выставляя съ досадою напоказъ тѣхъ легкихъ признаковъ соматнія, которые обнаружилъ этотъ ветеранъ національной реформы въ послѣдніе дни своей жизни, люди, готовившіеся превратить эту реформу въ революцію, Кромвель, Венъ, Гэзлригъ, первые поспѣшили оказать его памяти всевозможныя почести: тѣло Пейма нѣсколько дней выставлено было непогребеннымъ—какъ для того, чтобъ удовлетворить желанію народа, стекавшагося толпами поклониться его праху, такъ и для опроверженія распространенной роялистами молвы, будто онъ умеръ отъ вшивости. Назначенъ былъ комитетъ для разсмотрѣнія состоянія его имущества и для постановки ему памятника въ вестминстерскомъ аббатствѣ; вся палата слѣдовала за его гробомъ, а черезъ нѣсколько дней она приняла на себя уплату его долговъ, которые, говорятъ, были всѣ сдѣланы на пользу отечества и простирались до 10.000 ф. стерлинговъ.

Въ то время, какъ нижняя палата принимала эти рѣшенія, къ лордамъ явилась депутація отъ муниципальнаго совѣта Сити, благодарила обѣ палаты за ихъ энергію, а лорда-генерала за его мужество, повторила передъ ними клятвенное обѣщаніе жить и умереть за святое дѣло и пригласила ихъ на торжественный обѣдъ въ засвидѣтельствованіе союза (13 янв. 1644).

Парламентъ ободрился. Въ тотъ самый день, когда должно было происходить собраніе палатъ въ Оксфордѣ (22 янв. 1644), въ Вестминстерѣ сдѣлана была поименная переключка: въ верхней палатѣ засѣдало только 22 лорда, но за то въ нижней 200 человѣкъ отвѣчали на вызовъ; осталь-

ные 100 членовъ были въ отсутствіи по дѣламъ и приказаніямъ парламента. Рѣшено было не допускать ни малѣйшаго сомнѣнія въ правахъ парламента и съ презрѣніемъ отвергать всякія сношенія съ оксфордскими соперниками. Случай не замедлилъ представиться. Едва прошло восемь дней, какъ Эссексъ представилъ верхней палатѣ нераспечатанный пакетъ, присланный ему графомъ Фортомъ, главнокомандующимъ королевской арміей. Для разсмотрѣнія этого пакета также былъ назначенъ комитетъ, отъ котораго послѣдовало немедленно краткое донесеніе: пакетъ, по его словамъ, не заключалъ въ себѣ ничего, что бы относилось къ обѣимъ палатамъ, и генералу остается только отослать его обратно. Эссексъ тотчасъ повиновался.

Въ самомъ дѣлѣ, депеша была адресована на имя одного Эссекса. 45 лордовъ и 118 членовъ нижней палаты, собравшихся въ Оксфордѣ, увѣдомляли его объ открытіи своихъ засѣданій, о миролюбивыхъ своихъ стремленіяхъ, о добромъ расположеніи короля, и просили его употребить свое вліяніе: склонить къ миру и „тѣхъ, чьимъ довѣріемъ онъ пользуется“. Эти слова обозначали вестминстерскія палаты, которыхъ Карль не хотѣлъ болѣе признавать за парламентъ.

18 февраля Эссексъ получилъ другое письмо. Графъ Фортъ требовалъ у него пропуска для двухъ дворянъ, которыхъ, по его словамъ, король хочетъ отправить въ Лондонъ съ инструкціями касательно мира. „Милордъ“,—отвѣчалъ ему Эссексъ,—„если вы потребуете отъ меня пропуска для этихъ господъ, чтобъ они могли отъ имени короля явиться къ обѣимъ палатамъ парламента, то я отъ всего сердца сдѣлаю все, что отъ меня будетъ зависѣть для содѣйствія такому дѣлу, котораго желаютъ всѣ благомыслящіе люди,—то есть для возобновленія согласія между его величествомъ и парламентомъ, вѣрнымъ и единственнымъ его совѣтникомъ“.

Карль обрадовался такой неуступчивости своихъ противниковъ, полагая, что послѣ этого партія его поневолѣ должна возложить всѣ свои надежды на войну. Но оксфордское собраніе не отличалось высокоуміемъ: оно чувствовало себя слишкомъ слабымъ, сомнѣвалось въ своихъ правахъ, не осмѣлилось даже принять имени парламента и въ сущности жалѣло, что король, отказывая въ этомъ имени вестминстерскимъ палатамъ, кладетъ такую преграду возобновленію мира. Оно настаивало на томъ, чтобъ Карль сдѣлалъ еще какой-нибудь шагъ, еще какую-нибудь уступку, которая могла бы успокоить умы. Карль согласился написать къ палатамъ письмо съ предложеніемъ вступить съ ними въ переговоры, и адресовалъ его такимъ образомъ: „Лордамъ и депутатамъ парламента, собраннымъ въ Вестминстерѣ“, но въ томъ же письмѣ упоминалъ онъ о лордахъ и депутатахъ парламента, собранныхъ въ Оксфордѣ, какъ о лицахъ, равныхъ первымъ (3 марта). Трубачъ, посланный Эссексомъ, отвезъ слѣдующій отвѣтъ палатѣ: „Письмо вашего величества внушаетъ намъ, относительно мира, самыя печальныя мысли. Лица, собравшіяся нынѣ въ Оксфордѣ и, вопреки своему долгу, удалившіяся изъ вашего парламента, поставлены вами наравнѣ съ нимъ; даже этотъ парламентъ, созванный согласно извѣстнымъ основнымъ законамъ королевства, сверхъ того, уполномоченный засѣданіямъ особымъ закономъ, утвержденнымъ вашимъ величествомъ, вдругъ видитъ, что ему отказываютъ даже въ имени парламента. Мы не можемъ такимъ образомъ измѣнять чести ввѣренной нашей защитѣ страны, и обязаны поставить вашему величеству на видъ,

что мы твердо рѣшились, не щадя ни имущества, ни жизни своей, защищать и охранять законныя права и полномочіе парламента“.

Оксфордское собраніе потеряло всякую надежду на примиреніе и съ тѣхъ поръ стало считать свое существованіе бесполезнымъ. Оно продолжало засѣдать до 16 апрѣля, издавая длинныя, печальныя деклараціи, назначая кой-какіе налоги или займы, дѣлая горькіе упреки вестминстерскимъ палатамъ и оказывая королю многочисленныя знаки своей преданности; но оно отличалось робостью, бездѣятельностью, неловкимъ сознаниемъ собственнаго безсилія, и чтобъ сохранить по крайней мѣрѣ хоть какое-нибудь достоинство, въ глазахъ двора, всегда старалось обнаруживать живое стремленіе къ законному порядку и къ миру. Король, боявшійся господства такихъ совѣтниковъ, вскорѣ нашелъ ихъ и неприятными, и бесполезными. Имъ самимъ надобно торжественно засѣдать безъ цѣли и результатовъ. Послѣ громкихъ увѣреній, что ихъ желанія будутъ руководить его дѣйствіями, Карль отсрочилъ ихъ собранія (16 апр.), и какъ только зала засѣданій затворилась, онъ выразилъ королевѣ свою радость, что избавился, наконецъ, отъ „этого парламента-ублюдка, этого гвѣздища предательскихъ и возмутительныхъ предложеній“.

Походъ открылся при неблагопріятныхъ предзнаменованіяхъ: несмотря на бездѣйствіе обѣихъ главныхъ армій, въ остальной части королевства въ теченіе зимы продолжалась война, которая была выгодна для парламента. На сѣверо-западѣ полки, отозванные изъ Ирландіи и въ продолженіе шести недѣль дѣйствовавшіе удачно, были потомъ разбиты и почти окончательно уничтожены Ферфаксомъ, въ Честерскомъ Графствѣ, подъ стѣнами Нантвича (25 янв. 1644). На сѣверѣ шотландцы, подъ предводительствомъ графа Ливена, начали наступательное движеніе (19 янв.). Лордъ Ньюкэстль пошелъ къ нимъ на встрѣчу, но въ его отсутствіе Ферфаксъ разбилъ при Сельби (11 апр.) многочисленный отрядъ роялистовъ, чтобъ защитить такой важный пунктъ, какъ Йоркъ, отъ всякаго нападенія, Ньюкэстль былъ вынужденъ запереться въ немъ (19 апр.). На востокѣ составлялась новая армія изъ 14.000 человекъ, подъ начальствомъ лорда Манчестера и Кромвеля, готовая двинуться всюду, гдѣ присутствіе ея будетъ необходимо для партій. На югѣ, близъ Адресфорда, въ Гампшейрѣ, сэръ Уильямъ Уоллеръ одержалъ неожиданную побѣду надъ сэромъ Ральфомъ Гоптономъ (29 марта). Нѣкоторые успѣхи принца Роберта въ графствахъ Ноттингэмскомъ и Ланкастерскомъ не вознаграждали такихъ многочисленныхъ неудачъ. Отсутствіе дисциплины и безпорядки все болѣе и болѣе усиливались въ лагеряхъ роялистовъ; честные люди впадали въ уныніе и скуку, другіе хотѣли необузданной воли въ награду за свою безнравственную храбрость: вліяніе короля на начальниковъ и начальниковъ на солдатъ съ каждымъ днемъ ослабѣвало. Напротивъ, всѣ мѣры, выходившія изъ Лондона, принимали болѣе правильный и въ то же время болѣе энергичный характеръ. Прежде часто жаловались, что дѣйствию палаты не доставало быстроты, что ни одно совѣщаніе не могло остаться втайнѣ и что король тотчасъ узнавалъ обо всемъ: теперь совѣтъ изъ семи лордовъ, четырнадцати членовъ нижней палаты и четырехъ шотландскихъ коммиссаровъ, подъ именемъ комитета обоимъ королевствамъ, былъ облеченъ (16 февр. 1644) почти неограниченною властью въ войнѣ, въ сношеніяхъ между обоими народами, въ корреспонденціи съ иностранными государствами, и проч. Въ порывѣ патриотическаго

энтузіазма, нѣсколько семействъ рѣшились лишить себя одного обѣда въ недѣлю и предложили парламенту оставшуюся отъ этого сумму. Определеніемъ парламента пожертвованіе это было превращено въ обязательную повинность для всѣхъ жителей Лондона и его окрестностей (26 марта). Наложены были до того времени несуществовавшія пошлыны на вино, сидръ, пиво, табакъ и другіе колоніальные товары (16 мая 1643 и 8 іюля 1644). Комитетъ осеквестрованій удвоилъ свою строгость. При открытіи похода, парламентъ содержалъ пять армій: шотландскую, армію Эссекса и Ферфакса, на счетъ государственнаго казначейства, армію Манчестера и Уоллера на счетъ мѣстныхъ контрибуцій, взимаемыхъ еженедѣльно въ нѣкоторыхъ графствахъ, обязанныхъ также выставять для нихъ рекрутъ. Силы эти простирались слишкомъ на 50.000 человекъ, и комитетъ обоихъ королевствъ располагалъ ими по своему произволу.

Несмотря на самоувѣренность, господствовавшую въ Оксфордѣ, тамъ скоро обнаружилось сильное безпокойство. Удивлялись, что изъ Лондона перестали получаться точныя извѣстія, и что намѣренія парламента сохраняются такъ хорошо втайнѣ; знали только, что парламентъ повсюду дѣлаетъ большія приготовленія, что власть сосредоточивается въ рукахъ смѣлѣйшихъ вождей партій, что они замышляютъ рѣшительныя мѣры, наконецъ, что все принимаетъ грозный видъ. Вдругъ разнесся слухъ, что Эссексъ и Уоллеръ двинули свои войска и идутъ осаждать Оксфордъ. Королева, бывшая тогда въ седьмомъ мѣсяцѣ беременности, тотчасъ объявила, что она уѣдетъ. Напрасно нѣкоторые члены совѣта представляли ей печальныя послѣдствія такого намѣренія, напрасно самъ Карль изъявлялъ желаніе, чтобъ она осталась: она говорила, что одна мысль быть запертою въ осажденномъ городѣ для нея невыносима, что она умретъ, если ей не позволятъ удалиться куда-нибудь на западъ, гдѣ бы она могла разрѣшиться отъ бремени вдали отъ театра войны, а въ случаѣ крайней опасности, даже уѣхать во Францію. Она выходила изъ себя при малѣйшемъ возраженіи, горячилась, умоляла, плакала. Ее перестали уговаривать. Мѣстомъ ея пребыванія избранъ былъ Экзетеръ, главный городъ Девонскаго Графства, и въ концѣ апрѣля она оставила своего мужа, который уже не видался съ ней болѣе.

Извѣстіе, поразившее ее такимъ ужасомъ, оказалось основательнымъ: Эссексъ и Уоллеръ дѣйствительно шли обложить Оксфордъ; съ другой стороны Ферфаксъ, Манчестеръ и шотландцы должны были соединиться подъ стѣнами Йорка и начать осаду общими силами. Такимъ образомъ, два самые большіе города и двѣ большія арміи роялистовъ, король и лордъ Ньюкэстль, подвергались одновременному нападенію всѣхъ силъ парламента. Таковъ былъ простой и смѣлый планъ, принятый комитетомъ обоихъ королевствъ.

Къ концу мая Оксфордъ былъ обложенъ почти со всѣхъ сторонъ; войска королевскія, постепенно вытѣсняемая изъ тѣхъ позицій, которыя они занимали въ окрестностяхъ, были принуждены отступать частью въ городъ, частью на единственный пунктъ внѣ стѣнъ города, на сѣверной сторонѣ. Ни одно подкрѣпленіе не могло подоспѣть во время. Принцъ Робертъ углубился въ Графство Ланкастерское; принцъ Морицъ осаждалъ гавань Лимъ, въ графствѣ Дорсетъ; лордъ Гоптонъ находился въ Бристолѣ и занятъ былъ охраненіемъ этого важнаго пункта отъ сношеній, которыя поддерживалъ въ немъ непріятель. Восемь тысячъ лондонскихъ

милиціонеровъ, присланныхъ въ подкрѣпленіе Эссексу, доставили ему возможность усилить блокаду города. Опасность, повидимому, была крайняя, такъ что одинъ изъ самыхъ вѣрныхъ совѣтниковъ короля предложилъ ему лично предаться во власть графа. „Можетъ случиться“, — сказалъ Карль съ негодованіемъ, — „что я попадусь въ руки графа Эссекса, но не иначе, какъ мертвымъ“. Однако въ Лондонѣ распространился слухъ, что король, не видя никакого средства къ избавленію, намѣревается или внезапно пріѣхать въ городъ, или отдаться подъ покровительство генерала. Шумъ, надѣланный этимъ слухомъ въ нижней палатѣ, былъ такъ силенъ, какъ могло быть сильно только негодованіе короля. Палата тотчасъ написала Эссексу слѣдующее: „Милордъ, здѣсь носится молва, что его величество хочетъ прибыть въ Лондонъ. Мы желаемъ, чтобъ вы употребили всѣ средства открыть источникъ этой молвы; и если вы имѣете основаніе думать, что его величество дѣйствительно предполагаетъ пріѣхать сюда, или въ вашу армію, то вы, безъ сомнѣнія, тотчасъ доведете объ этомъ до свѣдѣнія палаты и ничего не предпримите безъ ихъ согласія“. Эссексъ понялъ, какое недовѣріе скрывается въ этихъ словахъ. „Мнѣ рѣшительно неизвѣстно“, — отвѣчалъ онъ, — „откуда вышелъ слухъ, что его величество хочетъ ѣхать въ Лондонъ. Я сдѣлаю все, чтобъ открыть происхожденіе этой молвы; но въ Лондонѣ всего лучше можно узнать объ этомъ дѣлѣ, а у меня, въ арміи, о немъ никто не говорилъ ни слова. Если я узнаю, что король имѣетъ намѣреніе прибыть въ армію или въ парламентъ, то васъ немедленно о томъ увѣдомлю; но я не вижу ни малѣйшаго основанія вѣрить этому и, во всякомъ случаѣ, полагаю, что услышу объ этомъ послѣ всѣхъ“.

Вскорѣ совсѣмъ иная и болѣе справедливая молва поразила парламентъ и армію: король бѣжалъ 3 іюня, въ 9 час. вечера. Онъ вышелъ изъ Оксфорда, въ сопровожденіи принца валлійскаго, оставивъ герцога іоркскаго со всѣмъ дворомъ въ крѣпости, прошелъ между двумя непріятельскими лагерями и, нагнавъ отрядъ легкихъ войскъ, который ожидалъ его на сѣверной сторонѣ, быстро ускользнулъ отъ всякихъ преслѣдованій.

Велико было изумленіе и очевидна была необходимость быстрыхъ мѣръ. Осада Оксфорда становилась бесполезною; уже нечего было предпринимать сообща обѣимъ арміямъ. Король, освободившись, вскорѣ могъ сдѣлаться опаснымъ; въ особенности же важно было помѣшатель его соединенію съ принцемъ Робертомъ. Эссексъ созвалъ большой военный совѣтъ и предложилъ, чтобъ въ погоню за королемъ отправился Уоллеръ, менѣе обремененный тяжелою артиллеріею и багажемъ, между тѣмъ, какъ самъ онъ двинется на западъ освободить Лимъ отъ осады и подчинить страну власти парламента. Уоллеръ отвергалъ этотъ планъ: по его словамъ, не таково было назначеніе двухъ армій, опредѣленное комитетомъ обоихъ королевствъ на тотъ случай, когда онѣ отдѣлятся другъ отъ друга; командованіе на западѣ должно принадлежать ему. Военный совѣтъ раздѣлялъ мнѣніе лорда-генерала; Эссексъ надменно требовалъ подчиненія. Уоллеръ повиновался и даже немедленно двинулся въ походъ, но предварительно обратился въ комитетъ съ горькими жалобами на презрѣніе графа къ инструкціямъ комитета.

Комитетъ, сильно оскорбленный, тотчасъ перенесъ вопросъ въ нижнюю палату. Послѣ преній, отъ которыхъ не сохранилось никакихъ слѣдовъ, къ Эссексу былъ отправленъ приказъ воротиться, продолжать преслѣдо-

ваніе короля и оставить Уоллера одного идти къ западу, какъ онъ долженъ былъ бы поступить и прежде.

Графъ уже съ самаго начала этой кампаніи былъ не въ духѣ. Враги его, на минуту испуганные своими опасностями и его побѣдами, въ теченіе зимы снова стали осаждать его подозрѣніями и дѣлать ему тысячи непріятностей. Незадолго до его отъѣзда, поступило въ парламентъ народное прошеніе объ уменьшеніи его арміи, и нижняя палата не изъявила на это никакого неудовольствія; армія Уоллера всегда была лучше продовольствуема и жалованье получала съ большею акуратностью. Очевидно было, что лордъ Манчестеръ формировалъ новую армію во вредъ Эссексу, чтобъ замѣнить его въ случаѣ надобности; и въ Лондонѣ и въ лагерѣ Эссекса, друзья его негодовали на то, что люди, чуждые войнѣ, хотѣли изъ глубины вестминстерской залы управлять военными операціями и давать предписанія генераламъ. Онъ отвѣчалъ комитету: „Ваши приказанія противны военной дисциплинѣ и разсудку. Еслибъ я возвратился, это во всѣхъ отношеніяхъ было бы большимъ ободреніемъ для непріятелей. Невинный, хотя и заподозрѣнный слуга вашъ, Эссексъ“. И онъ продолжалъ свой походъ.

Изумленный комитетъ отложилъ на время споръ и гнѣвъ. Враги Эссекса не чувствовали себя достаточно сильными, чтобъ погубить его, ни даже, чтобъ обойтись безъ него; они удовольствовались только тѣмъ, что въ отвѣтъ Эссексу помѣстили нѣсколько фразъ, порицающихъ тонъ его письма, и онъ получилъ приказаніе продолжать экспедицію, которую предыдущимъ посланіемъ велѣно было ему оставить.

Извѣстія, полученныя изъ арміи Уоллера, были не безъ вліянія на такое благоразуміе. Тотъ любимецъ комитета, нѣсколько времени напрасно преслѣдовавшій короля, въ свою очередь попался въ опасное положеніе. Какъ скоро Карль узналъ, что парламентскіе генералы отдѣлились другъ отъ друга и что ему остается имѣть дѣло только съ однимъ изъ нихъ, онъ остановился, написалъ къ принцу Роберту, чтобъ тотъ, не теряя ни минуты, шелъ на помощь къ осажденному Йорку, а самъ съ смѣлой рѣшимостью бросился на ту дорогу, по которой бѣжалъ изъ Оксфорда, и вступилъ въ городъ чрезъ семнадцать дней послѣ того, какъ оставилъ его, снова сталъ во главѣ своихъ войскъ и принялъ наступательную систему въ то время, какъ Уоллеръ все еще отыскивалъ его въ Графствѣ Уорстера. При первомъ слухѣ объ этихъ движеніяхъ короля, Уоллеръ со всей поспѣшностью воротился назадъ, ибо, кромѣ его, некому было прикрывать Лондонъ, вскорѣ подкрѣпленный нѣсколькими вспомогательными отрядами; онъ съ обычною своею увѣренностью двинулся впередъ, чтобъ дать или, по крайней мѣрѣ, принять сраженіе. Этого еще сильнѣе желали Карль и его приверженцы, одушевленные тѣмъ рвеніемъ, которое рождается при неожиданномъ успѣхѣ послѣ большихъ опасностей. Дѣло завязалось 29 іюля, при Кропредибриджѣ, въ Графствѣ Буккингэмскомъ; несмотря на блестящее сопротивленіе, Уоллеръ потерпѣлъ пораженіе, даже болѣе сильное, чѣмъ сначала показалось его побѣдителямъ.

Казалось, счастье придало Карлу смѣлость и искусство, дотолѣ ему незнакомыя. Успокоенный насчетъ Уоллера, онъ вдругъ рѣшился идти на западъ, преслѣдовать Эссекса до послѣдней крайности, и такимъ образомъ одну за другою уничтожить обѣ арміи, которыя еще недавно держали его чуть не въ плѣну. Къ тому же Эссексъ появился подъ стѣнами Эк-

зетера, и королева, которая тамъ жила и только за нѣсколько дней передъ тѣмъ (16 іюня 1644) разрѣшилась отъ бремени, еще не знала объ успѣхахъ своего мужа и могла вновь придти въ прежній ужасъ. Черезъ два дня послѣ побѣды, Карль двинулся въ путь, и въ то же время (4 іюля)—скорѣе для того, чтобъ сдѣлать эту побѣду пріятною въ глазахъ народа, чѣмъ изъ искренняго желанія мира—отправилъ изъ Ивсгэма къ палатамъ посланіе, въ которомъ, не называя ихъ парламентомъ, рассыпался въ миролюбивыхъ увѣреніяхъ и предлагалъ снова открыть переговоры.

Но въ то время, какъ онъ удалялся и посланіе его еще не успѣло дойти до Лондона, тамъ уже разсѣялись всѣ опасенія: положеніе дѣлъ измѣнилось; поражение Уоллера было не болѣе, какъ несчастный случай, неимѣвшій никакой важности; до парламента дошло извѣстіе, что генералы одержали близъ Йорка самую блистательную побѣду, что городъ не замедлитъ сдаться, наконецъ, что на сѣверѣ роялистскую партію можно считать совсѣмъ уничтоженною.

Въ самомъ дѣлѣ, таковы были важные результаты, къ которымъ привела битва, происшедшая при Марстон-Мурѣ, 2 іюля, между 7 и 10 часами вечера—битва самая рѣшительная изъ всѣхъ, какія только были до того времени. За три дня до нея, при приближеніи принца Роберта, который шелъ къ Йорку съ 20.000 человекъ, парламентскіе генералы рѣшились снять осаду, надѣясь по крайней мѣрѣ помѣшать принцу ввести въ городъ подкрѣпленія; но Робертъ уничтожилъ ихъ планы и вошелъ въ Йоркъ безъ боя. Ньюкэстль сильно убѣждалъ его удовольствоваться этимъ успѣхомъ. Онъ говорилъ: раздоры поселились въ непріятельскомъ лагерѣ, шотландцы не ладятъ съ англичанами, индепенденты—съ пресвитеріанами, генераль-лейтенантъ Кромвель—съ генераль-майоромъ Кравфордомъ. Онъ просилъ Роберта по крайней мѣрѣ, если ужъ онъ непремѣнно хочетъ сразиться, подождать трехтысячнаго подкрѣпленія, которое должно было прибыть черезъ несколько дней. Робертъ не безъ труда выслушалъ его, сказалъ, что имѣетъ повелѣнія отъ короля и велѣлъ войскамъ идти на отступавшаго непріятели. Они быстро настягли его аррьергардъ; оба войска остановились; всѣ отряды были стянуты и приготовились къ бою. Почти на разстояніи мушкетнаго выстрѣла другъ отъ друга, отдѣленные только нѣсколькими рвами, обѣ арміи стояли, однако, въ теченіе двухъ часовъ неподвижно и въ глубокомъ молчаніи; каждая ожидала нападенія отъ другой. „Какой постъ назначаетъ для меня ваша свѣтлость?“ спросилъ принца Ньюкэстль. „Я не думаю начинать дѣла раньше завтрашняго утра“, сказалъ ему Робертъ: „до того времени вы можете отдыхать“. Ньюкэстль заперся въ своей каретѣ. Едва успѣлъ онъ тамъ усѣсться, какъ мушкетные выстрѣлы дали ему знать, что началось сраженіе; онъ выскочилъ и быстро кинулся въ бой, безъ команды, во главѣ нѣсколькихъ дворянъ-волонтеровъ, обиженныхъ такъ же, какъ онъ самъ. Черезъ нѣсколько минутъ, на равнинѣ воцарился страшный беспорядокъ: обѣ арміи ринулись другъ на друга, прорвали свои ряды и перемѣшались, почти какъ попало. Парламентское войско и роялисты, конные и пѣшіе, офицеры и солдаты блуждали на полѣ битвы, отдѣльно, или группами, требуя приказаній, отыскивая свои полки, сражаясь при встрѣчѣ съ непріятеlemъ, но безъ результата, безъ общаго плана. Вдругъ на правомъ крылѣ парламентскаго войска обнаружили признаки пораженія; сильный натискъ

роялистовъ прорвалъ ряды шотландской конницы, и она въ ужасѣ разсѣялась. Напрасно старался ее удержать Ферфаксъ: шотландцы бѣжали во всѣхъ направленіяхъ, съ криками: „бѣда намъ! мы погибли!“ И они такъ быстро разнесли по всей странѣ вѣсть о своемъ пораженіи, что одинъ курьеръ привезъ это извѣстіе изъ НьюЙорка въ Оксфордъ, гдѣ въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ горѣла иллюминація. Но, возвращаясь съ преслѣдованія непріятели, роялисты, къ величайшему своему изумленію, увидѣли, что мѣсто, которое они прежде занимали, было въ рукахъ побѣдоноснаго врага. Въ то время, какъ шотландская конница бѣжала отъ нихъ, у нихъ самихъ правое крыло подверглось такой же участи, участи, несмотря на то, что оно было подъ начальствомъ самого Роберта; послѣ жестокой битвы, оно уступило непобѣдимому упорству Кромвеля и его эскадроновъ; пѣхота Манчестера довершила его пораженіе, а Кромвель, довольный тѣмъ, что разсѣялъ кавалерію принца, ловко соединилъ своихъ и тотчасъ возвратился на поле битвы, чтобъ прежде обезпечить себѣ побѣду, а потомъ ужъ наслаждаться ею. Помедливъ немного, оба побѣдоносные отряда возобновили битву, и въ 10 часовъ на равнинѣ уже не оставалось ни одного роялиста, кромѣ 3000 труповъ и 1600 плѣнныхъ.

Робертъ и Ньюкэстль возвратились въ Йоркъ среди ночи, не сказавъ другъ другу ни слова, не видавъ другъ друга въ глаза, и немедленно обмѣнялись взаимными посланіями. „Я рѣшился“, извѣщаль принцъ графа, „завтра же утромъ отправиться съ своей конницей и всей оставшейся пѣхотой“. — „Я сію же минуту отправляюсь“, увѣдомлялъ Ньюкэстль: „перевѣжаю за море и удаляюсь на континентъ“.

И тотъ и другой сдержали слово: Ньюкэстль сѣлъ на корабль въ Скарборо; Робертъ двинулся къ Честеру съ остатками своей арміи, и Йоркъ черезъ двѣ недѣли сдался на капитуляцію (16 іюля 1644).

Партія индепендентовъ пришла въ восторгъ и исполнилась надежды. Этотъ блестящій успѣхъ былъ дѣломъ ея вождей, ея солдатъ, и искусство Кромвеля рѣшило судьбу битвы. Въ первый разъ парламентскіе эскадроны смяли эскадроны роялистовъ, и это сдѣлали „святые люди“ арміи — кромвелевскіе кавалеры. Еще на мѣстѣ битвы они получили, вмѣстѣ съ своимъ вождемъ, прозваніе *железныхъ реберъ*. Торжество ихъ возвѣщало знамя самага принца Роберта, публично выставленное въ Вестминстерѣ; они могли бы прислать въ парламентъ болѣе сотни непріятельскихъ знаменъ, еслибъ, въ энтузіазмѣ, не изорвали ихъ въ клочки, чтобъ украсить ими шапки и рукава. Эссексъ оставался два раза побѣдителемъ, но какъ-будто по принужденію, чтобъ спасти парламентъ отъ близкой гибели и безъ всякихъ другихъ послѣдствій: „святые“ же искали битвы и не боялись побѣды. Неужели шотландцы, показавшіе себя въ этотъ великій день такими слабыми, осмѣлятся дѣлать новыя попытки, чтобъ подчинить ихъ своей пресвитеріанской тиранніи? Неужели послѣ этого еще станутъ считать миръ необходимымъ? Необходимы только побѣда и свобода, ихъ слѣдовало достигнуть во что бы ни стало, и довести до конца эту благословенную реформу, которой такъ часто вредили люди корыстные или робкіе, которую такъ часто спасала рука Всевышняго. Такія рѣчи раздавались повсюду; индепенденты, вольнодумцы и фанатики, граждане, проповѣдники и солдаты давали волю своимъ страстямъ и желаніямъ; вездѣ примѣшивалось имя Кромвеля, который въ своихъ рѣчахъ выказывалъ болѣе всѣхъ горячности и въ то же время слылъ за человека искуснѣй-

шаго въ составленіи глубоко обдуманнѣхъ плановъ. „Милордъ“, сказалъ онъ однажды Манчестеру, которому партія его еще оказывала довѣріе: „станьте рѣшительно на нашу сторону. Не говорите, что надо быть умѣреннымъ ради достиженія мира, что надо щадить палату лордовъ, бояться отказовъ парламента: какое намъ дѣло до мира и до дворянства? Дѣла до тѣхъ поръ не будутъ идти какъ слѣдуетъ, пока васъ не будутъ звать просто мистеръ Монтэгъ. Если вы сблизитесь съ честными людьми, то скоро станете во главѣ арміи, которая будетъ предписывать законы и королю и парламенту“.

Какъ ни дерзокъ былъ Кромвель въ своихъ надеждахъ, но онъ самъ не зналъ, какъ близка была побѣда его партіи, не зналъ, какая печальная участь готовится противнику, котораго онъ болѣе всѣхъ боялся.

Эссексъ все болѣе и болѣе углублялся на западъ, не вѣдая, какія опасности собирались позади его и увлекаясь своими успѣхами, достававшимися ему безъ труда. Въ три недѣли онъ освободилъ отъ осады Леймъ, занялъ Веймутъ, Барнстэплъ, Тивертонъ, Таунтонъ и почти безъ битвы разсѣялъ отряды роялистовъ, которые хотѣли его остановить. Когда онъ подходилъ къ Экзетеру, королева просила у него охранной грамоты, чтобы ѣхать въ Бадъ и имѣть возможность оправиться отъ родовъ. Онъ отвѣчалъ: „Если вашему величеству угодно ѣхать въ Лондонъ, я не только дамъ вамъ охранную грамоту, но даже самъ поѣду провожать васъ: тамъ вы получите самыя лучшія медицинскія совѣты; тамъ для вашего выздоровленія будутъ приняты самыя дѣйствительныя мѣры. Что касается другого мѣста, то я не могу исполнить вашего желанія, не донеся о томъ парламенту“. Пораженная ужасомъ, королева бѣжала въ Фальмутъ и оттуда во Францію (14 іюля 1644), а Эссексъ продолжалъ свой путь. Онъ былъ еще въ виду Экзетера, когда узналъ, что король, побѣдивъ Уоллера, быстро идетъ противъ него, собирая по дорогѣ всѣ силы, какими могъ располагать. Тотчасъ созванъ былъ военный совѣтъ: надо было рѣшить, слѣдовать ли по прежнему пути и углубляться въ Корнваллисъ, или идти на встрѣчу королю и дать ему сраженіе. Эссексъ держался послѣдняго мнѣнія; но многіе офицеры, въ томъ числѣ Робертсъ, другъ Генри Вена, имѣли въ Корнваллисѣ большія помѣстья, съ которыхъ уже давно не получали доходовъ; они рассчитывали на этотъ походъ, надѣясь принудить фермеровъ къ уплатѣ, а потому отвергали всякую мысль объ отступленіи, утверждая, что народъ Корнваллиса, угнетаемый роялистами, возстанетъ, какъ скоро приблизится армія, и что такимъ образомъ Эссексу доставится честь отнять у короля это графство, составлявшее до того времени самую твердую его опору. Эссексъ согласился и пустился по ущельямъ корнваллискимъ, а между тѣмъ потребовалъ изъ Лондона подкрѣпленій. Но народъ не возсталъ въ его пользу, въ сѣстныхъ припасахъ оказался недостатокъ, а король уже сильно тѣснилъ его. Онъ снова написалъ въ Лондонъ, что положеніе его становится опаснымъ, что Уоллеру, или кому-нибудь другому, слѣдуетъ необходимо сдѣлать диверсію въ тылъ королевской арміи, чтобъ освободить его. Комитетъ обоихъ королевствъ поднялъ большой шумъ по поводу его бѣдственнаго положенія и повидимому одушевленъ былъ сильнымъ рвеніемъ помочь ему. Предписано было общественное молебствіе, отданы приказы Уоллеру, Миддльтону, даже Манчестеру, который воротился съ сѣвера съ частью своей арміи. Эти люди въ свою очередь, выказали живѣйшую готовность. „Пусть мнѣ пришлютъ

денегъ и людей“—писалъ Уоллеръ.—„Богъ свидѣтель, не моя вина, если я не могу двинуться скорѣе. Да падетъ стыдъ и кровь убитыхъ на голову тѣхъ, кто меня задерживаетъ! Если мнѣ не пришлютъ денегъ, я пойду безъ денегъ“. И однакожь онъ не пошелъ. Миддлтонъ говорилъ въ томъ же тонѣ, выступилъ въ походъ и остановился при первомъ препятствіи. Изъ арміи Манчестера не было отряжено ни одного корпуса. Успокоенные побѣдой при Марстон-Мурѣ, предводители индепендентовъ, Венъ, Сент-Джонъ, Эйртонъ и Кромвель радовались несчастію своего врага, надѣясь, что оно поведетъ за собой его паденіе.

Они не воображали, что въ эту самую минуту Эссексъ, несмотря на свое бѣдственное положеніе, держалъ, можетъ быть, ихъ судьбу въ своихъ рукахъ. 6 августа, въ главной своей квартирѣ, въ Лесгитилѣ, получилъ онъ отъ короля письмо со всѣми знаками уваженія къ нему, исполненное обѣщаній и убѣжденій возвратить миръ отечеству. Письмо это привезъ лордъ Бошанъ (Beauchamp), племянникъ графа. Многіе полковники его арміи высказали себя въ пользу посланія.—„Я не буду отвѣчать,“—сказалъ Эссексъ.—„Я могу дать королю только одинъ совѣтъ: возвратиться къ своему парламенту“.—Карлъ оставилъ его въ покоѣ; можетъ быть, несмотря на свое пораженіе при Марстон-Мурѣ, онъ и неслишкомъ желалъ вмѣшательства такого посредника. Но его окружали болѣе упорные приверженцы мира; роялистами сталъ овладѣвать духъ независимости и анализа: имя короля уже не имѣло для нихъ прежняго обаянія, и въ собраніяхъ ихъ многіе офицеры свободно обсуживали общественныя дѣла и его волю. Они были увѣрены, что Эссексъ отвергъ предложенія короля оттого, что его обѣщанія казались ему необезпеченными, рѣшились предложить ему свое ручательство и пригласить его войти съ ними въ словесные переговоры. Виновниками этого плана были лорды Уильмотъ и Пирси (Piercy), командовавшіе кавалерією и артиллерією: первый изъ нихъ былъ человекъ отважный, умница, неутомимый гуляка, любимый армією за свое простое обращеніе и веселый нравъ; другой былъ холоденъ и высокомеренъ, но смѣлъ въ рѣчахъ и угощалъ офицеровъ хорошимъ столомъ. Узнавъ о ихъ замыслахъ и о проектѣ письма, которое они отъ своего имени хотѣли послать графу, Карлъ пришелъ въ сильное негодованіе. Но цѣль ихъ нравилась даже тѣмъ, кто порицалъ средство. Король, не смѣя запретить этого письма, счелъ за лучшее одобрить его: письмо сдѣлалось официальнымъ актомъ, имъ самимъ признаннымъ; подъ нимъ подписались принцъ Морицъ и графъ Brentfordъ, главнокомандующій армією, также какъ и первые его составители; трубачъ отнесъ его въ непріятельскій лагерь (9 авг. 1644).—„Милорды“,—отвѣчалъ Эссексъ,—„въ самыхъ первыхъ строкахъ вашего письма вы позаботились объяснить, кто уполномочилъ васъ послать его ко мнѣ, но отъ парламента, которому я служу, не получалъ я никакого полномочія для переговоровъ и не могу приступить къ нимъ, не измѣнивъ своей присягѣ. Остаюсь, милорды, вашъ покорнѣйшій слуга. Эссексъ“. Этотъ сухой отказъ задѣлъ роялистовъ за живое; они оставили всякія попытки къ переговорамъ. Уильмотъ и Пирси были уволены отъ своихъ должностей, и непріязненные дѣйствія опять возобновились.

Вскорѣ Эссексъ увидѣлъ себя въ отчаянномъ положеніи; онъ каждый день сражался и каждый день впадалъ въ большую опасность. Солдаты его утомились, въ рядахъ ихъ начали составляться заговоры; король все

тѣснѣй и тѣснѣй стягивалъ свои линіи и повсюду возводилъ редуты. Уже конницѣ графа недоставало мѣста для фуражировки; у него едва оставалось нѣсколько пунктовъ для сообщенія съ моремъ—единственнымъ путемъ, которымъ онъ могъ добывать себѣ жизненные припасы; наконецъ, въ послѣднихъ числахъ августа, его такъ стѣснили королевскія войска, что съ окрестныхъ высотъ роялисты могли видѣть все происходящее въ его лагерѣ. Въ этой крайности, онъ отдалъ приказъ конницѣ, находившейся подъ начальствомъ сэра Уильяма Бельфора, пробиться какимъ бы то ни было образомъ чрезъ непріятельскіе посты, а самъ съ пѣхотой двинулся въ путь, пробираясь къ порту Фой (Foy). Подъ прикрытіемъ ночи и тумана, конницѣ удалось пройти между двумя отрядами роялистовъ; но пѣхота, пробиравшаяся по узкимъ и грязнымъ дорогамъ, преслѣдуемая всею королевскою арміею, вынужденная на каждомъ шагѣ бросать пушки и багажъ, потеряла наконецъ всякую надежду на спасеніе. Начали громко говорить о капитуляціи. Упавшій духомъ, разстроенный, Эссексъ заботился только о томъ, чтобъ избавиться отъ такого униженія и, не посоветовавшись ни съ кѣмъ, вдругъ уѣхалъ, въ сопровожденіи только двухъ офицеровъ, добрался до берега и бросился въ лодку, отправляющуюся въ Плеймутъ (Plymouth), оставивъ армію подъ начальствомъ генераль-майора Скипсона.

Когда отъѣздъ его сдѣлался извѣстнымъ, Скипсонъ созвалъ военный совѣтъ. „Господа“—сказалъ онъ—„вы видите, что генераль и нѣкоторые изъ главныхъ нашихъ начальниковъ покинули насъ; кавалерія тоже ушла, и мы должны защищаться одни. Вотъ что я вамъ предложу: мы не уступаемъ въ храбрости нашимъ кавалеристамъ; мы призываемъ на помощь одного съ ними Бога: попытаемъ же и мы счастья, откроемъ себѣ, подобно имъ, путь черезъ непріятельскій лагерь. Лучше умереть съ честью, нежели постыдно бѣжать“. Но героизмъ Скипсона не встрѣтилъ сочувствія въ совѣтѣ; многіе офицеры этой арміи, храбрые и вѣрные, но пресвитеріане или умѣренные, по примѣру самого Эссекса, были, какъ и онъ, печальны и унылы. Король предложилъ имъ неожиданно-выгодную капитуляцію: онъ требовалъ только выдачи артиллеріи, военныхъ припасовъ и оружія; всѣмъ людямъ, офицерамъ и солдатамъ, обѣщана была свобода и даже возможность достигнуть квартиръ парламентской арміи въ совершенной безопасности. Условія эти были приняты (1 сент. 1644), и, подъ конвоемъ королевскихъ всадниковъ, парламентскіе батальоны, безъ вожда, безъ оружія, пошли черезъ три графства, по которымъ еще такъ недавно они проходили побѣдителями.

Между тѣмъ Эссексъ, высадившись у Плеймута, отдалъ парламенту отчетъ о своемъ несчастіи. „Это“—писалъ онъ—„самый жестокой ударъ, какой когда-либо нанесенъ былъ нашей партіи. Ничего я стелько не желаю, какъ того, чтобъ меня подвергли сулу. Такіе уроны не должны оставаться безъ ислѣдованія“. Чрезъ восемь дней онъ получилъ изъ Лондона слѣдующій отвѣтъ: „Милордъ, комитетъ обоихъ королевствъ сообщилъ палатамъ письмо ваше, посланное изъ Плеймута, и палаты предписали намъ извѣстить васъ, что хотя онѣ проникнуты важностью этого несчастія, но, предаваясь волѣ Божіей, они нисколько не измѣнили своихъ чувствъ въ отношеніи къ вамъ, и довѣріе ихъ къ высокимъ вашимъ качествамъ и вѣрности осталось непоколебимымъ. Онѣ рѣшились употребить самыя энергическія усилія для исправленія этой потери и снова ввѣрить вашему на-

чальству армію, которая, съ помощью Божіею, можетъ привести дѣла наши въ лучшее состояніе. Графъ Манчестеръ и сэръ Уильямъ Уоллеръ получили приказаніе двинуться со всѣми своими войсками къ Дорчестеру. Палаты сдѣлали также распоряженіе, чтобъ 6000 мускетоновъ, 6000 мундировъ, 500 паръ пистолетовъ и проч., были доставлены вамъ въ Портсмуть, для снабженія ими войскъ и оживленія мужества въ вашихъ солдатахъ. Палаты увѣрены, что пребываніе ваше въ этомъ графствѣ, съ цѣлью вновь организовать и привести въ движеніе различные отряды, будетъ имѣть самыя благотворныя послѣдствія“.

Графъ былъ чрезвычайно удивленъ: онъ ожидалъ судебныхъ преслѣдованій, по крайней мѣрѣ, горькихъ упрековъ; но его вѣрность, столь недавно-испытанная, самая важность бѣдствія, необходимость поддержать свое достоинство передъ непріателемъ—все это поставило людей нерѣшительныхъ въ ряды его приверженцевъ, а враговъ удержало отъ борьбы. Эссексъ, поставленный въ затруднительное положеніе своимъ несчастіемъ и ошибкой, не казался имъ болѣе опаснымъ: они его знали и предвидѣли, что, для отвращенія столь жестокихъ ударовъ, наносимыхъ его самолюбію, онъ вскорѣ самъ удалится отъ дѣлъ. А пока это сбудется, оказывать ему уваженіе значило обнаруживать энергію. Тайныя причины событія остались безъ изслѣдованія, ибо оно могло бы быть несовсѣмъ пріятно; наконецъ, самыя поборники мира были вовлечены въ новыя усилія въ пользу войны. Столько же искусные, сколько увлекаемые страстями, вожди индепендентовъ хранили молчаніе, и парламентъ, казалось, единодушно рѣшился съ достоинствомъ перенести это великое несчастіе.

Дѣятельность парламента и твердость въ принятомъ имъ положеніи замедлили сначала движенія короля; онъ обратился къ палатамъ съ мирнымъ посланіемъ; потомъ въ теченіе трехъ недѣль ограничивался тѣмъ, что появлялся подъ стѣнами нѣсколькихъ городовъ: Плеймута, Лейма, Портсмута, которые, однакожь, не сдавались. Но въ концѣ сентября онъ узналъ, что Монтрозъ, уже давно обѣщавшій ему возжечь междоусобную войну въ Шотландіи, достигъ наконецъ своей цѣли; дѣйствія его сопровождались постояннымъ успѣхомъ. Послѣ битвы при Марстон-Мурѣ, перодѣтый въ платье слуги, въ сопровожденіи только двухъ спутниковъ, Монтрозъ перешелъ пѣшкомъ границу Шотландіи и прибылъ въ Стратгернъ къ своему двоюродному брату Патрику Грэму Инчбрэки (Patrick Graham of Inchbrackie), гдѣ ожидалъ высадки ирландцевъ, которыхъ Антримъ долженъ былъ выслать къ нему на помощь. Днемъ онъ скрывался, а ночью блуждалъ по окрестнымъ горамъ и назначалъ свиданія своимъ соумышленникамъ, которые доставляли ему нужныя свѣдѣнія. Вскорѣ онъ узналъ, что толпы ирландцевъ дѣйствительно высадились (8 іюля 1644), что онѣ открываютъ себѣ путь грабежомъ, опустошеніемъ, не зная куда направиться и, въ свою очередь, отыскивая вожда, имъ обѣщаннаго. Они приближались къ Графству Этоль (Athol). Монтрозъ внезапно явился въ ихъ лагерь въ костюмѣ горца, въ сопровожденіи одного только человѣка, и былъ тотчасъ же признанъ ими предводителемъ. При извѣстии о его прибытіи, къ нему сбѣжалось нѣсколько клановъ; не теряя ни минуты, онъ повелъ ихъ въ бой, требуя отъ нихъ мужества и обѣщая имъ въ награду все, что только могло возбудить ихъ алчность. Черезъ пятнадцать дней онъ одержалъ двѣ побѣды, занялъ Пертъ, взялъ

Эбердинъ приступомъ, возмутивъ большую часть сѣверныхъ клановъ, и распространилъ ужасъ до самыхъ воротъ Эдимбурга.

Получивъ эти извѣстія, Карль льстилъ себя надеждою, что марстон-мурская неудача поправлена, что парламентъ скоро опять найдетъ на сѣверѣ могущественнаго противника, а что самъ онъ на югѣ можетъ безбоязненно продолжать рядъ своихъ успѣховъ. Онъ рѣшился идти на Лондонъ, чтобъ придать этой экспедиціи характеръ народнаго и рѣшительнаго движенія. Въ минуту его отъѣзда была издана повсемѣстная прокламація, которая приглашала всѣхъ его восточныхъ и южныхъ подданныхъ вооружиться, избрать себѣ начальниковъ и, присоединившись къ нему на пути, вмѣстѣ съ нимъ принудить наконецъ палаты къ миру.

Но палаты приняли свои мѣры: уже соединенныя войска Манчестера, Уоллера и Эссекса прикрывали Лондонъ съ западной стороны. Никогда парламентъ не имѣлъ на одномъ пунктѣ такой большой арміи; а при первомъ слухѣ о приближеніи короля, къ ней присоединилось пять полковъ лондонской милиціи, подъ начальствомъ сэра Джемса Гаррингтона. Въ то же время установлены были новые налоги: нижняя палата опредѣлила, чтобъ все королевское серебро, до того времени хранившееся въ Тоуэрѣ, было расплавлено и употреблено на общественныя нужды. Наконецъ, по прибытіи непріятельскаго войска на мѣсто, въ городѣ закрылись лавки, народъ бросился въ церкви и наложено было торжественное молебствіе съ постомъ для испрошенія благословенія Господа на предстоящую битву.

Какъ въ лагерѣ, такъ и въ городѣ, ожидали этой битвы со дня на день. Одинъ Эссексъ оставался, печальный и больной, неподвижно въ Лондонѣ, хотя все еще былъ облеченъ властью военачальника. Получивъ свѣдѣніе, что онъ не ѣдетъ къ войску, палаты поручили комитету отправиться къ нему и повторить ему увѣреніе въ неизмѣнномъ къ нему довѣріи парламента. Эссексъ благодарилъ комиссаровъ, но не поѣхалъ къ войску. Битва произошла безъ него, 27 октября, въ Ньюбери, почти на тѣхъ же самыхъ позиціяхъ, гдѣ въ прошедшемъ году, по возвращеніи своемъ изъ Глостера, онъ одержалъ такую славную побѣду. Въ отсутствіе его войсками командовалъ лордъ Манчестеръ. Битва была продолжительна и кровопролитна; въ особенности солдаты Эссекса показали чудеса храбрости; при видѣ пушекъ, которыхъ они недавно лишились въ Корнваллійскомъ Графствѣ, они бросились на королевскія батареи, овладѣли своими орудіями и съ восторгомъ обвиняя ихъ привезли назадъ. Зато нѣсколько полковъ Манчестера потерпѣло довольно сильную потерю. Нѣсколько минутъ обѣ стороны приписывали себѣ побѣду; но на другой день король отказался отъ видовъ своихъ на Лондонъ и началъ отступательное движеніе къ Оксфорду, съ намѣреніемъ стать тамъ на зимнія квартиры.

Однако парламентъ не дѣлалъ шума изъ своей побѣды; не было совершено даже благодарственнаго молебствія, а на другой день, по полученіи въ Лондонѣ извѣстія о битвѣ, не отмѣнили даже обычнаго ежемѣсячнаго поста для членовъ парламента (30 окт. 1644), какъ будто не было никакого повода къ радости. Публика дивилась такой холодности. Вскорѣ распространились неблагопріятные слухи: говорили, что побѣда могла быть гораздо болѣе рѣшительною, но между начальниками господствовало несогласіе; они допустили короля отступить безирепятственно почти въ виду всего войска, стоявшаго неподвижно, при великолѣпномъ лунномъ свѣтѣ, тогда какъ малѣйшаго движенія съ ихъ стороны достаточно было бы,

чтобъ помѣшать этому. Еще хуже было, когда узнали, что король появился въ окрестностяхъ Ньюбери, свободно вывелъ свою артиллерію изъ замка Доннингтонъ, и даже вызывался на вторичную битву, но армія не выходила изъ своей неподвижности. Ропотъ сдѣлался всеобщимъ; нижняя палата назначила слѣдствіе. Кромвель только и ждалъ этого случая, чтобъ излить свою злобу: „Во всемъ“ — говорилъ онъ — „виноватъ графъ Манчестеръ; со времени побѣды при Марстон-Мурѣ онъ боится побѣждать, боится послѣдняго и рѣшительнаго успѣха; нынѣ, при появленіи короля близъ Ньюбери, не было ничего легче, какъ окончательно уничтожить его армію. Я ходилъ къ генералу, показывалъ ему, какъ это можно было сдѣлать, и просилъ позволенія пойти въ атаку съ одной моей бригадой; другіе офицеры настаивали вмѣстѣ со мной на томъ же; онъ рѣшительно отказался и прибавилъ даже, что если намъ и удастся уничтожить армію короля, то король все-таки останется королемъ и скоро найдетъ себѣ другую армію, а мы, послѣ перваго пораженія, будемъ считаться не больше какъ мятежниками и измѣнниками, безвозвратно осужденными силою закона“. Эти послѣднія слова привели палату въ сильное волненіе: она не могла допустить, чтобъ кто-нибудь сомнѣвался въ законности ея сопротивленія. На другой день, въ верхней палатѣ, Манчестеръ опровергъ эти обвиненія, объяснилъ свои поступки и слова и, въ свою очередь, обвинялъ Кромвеля въ несоблюденіи дисциплины, во лжи, даже въ измѣнѣ или коварствѣ, ибо въ день битвы, говорилъ онъ, ни Кромвель, ни полкъ его не явились къ назначенному имъ посту. Кромвель не отвѣчалъ на это ничего и возобновилъ свои обвиненія еще съ большею силою.

Сильное волненіе обнаружилось въ рядахъ пресвитеріанъ; давно уже Кромвель не давалъ имъ покоя. Сначала этотъ человѣкъ изгибался передъ Манчестеромъ и льстилъ ему, постоянно восхвалялъ его въ ущербъ Эссексу и мало-по-малу пріобрѣлъ надъ его арміей еще большую власть, чѣмъ самъ Манчестеръ. Кромвель сдѣлалъ ее убѣжищемъ индипендентовъ, всякаго рода сектаторовъ, столько же враждебныхъ ковенанту, сколько и королю. Фанатическое своеволие господствовало тамъ, подъ его покровительствомъ; всякій говорилъ, молился, даже произносилъ проповѣди, какъ кому вздумается. Напрасно назначили генералъ-майоромъ полковника Скельдона Крафорда (Skeldon Crawford), шотландца и строгаго пресвитеріанца, чтобъ перевѣсить вліяніе Кромвеля: Крафордъ сумѣлъ только безразсудно обвинять его въ трусости, а Кромвель, безпрестанно наблюдая за ошибками своего противника, черня его въ глазахъ солдатъ, обличая передъ парламентомъ и народомъ, скоро поставилъ его въ невозможность вредить ему. Ободренный этою удачей и явными успѣхами своей партіи, Кромвель открыто объявилъ себя покровителемъ свободы совѣсти, и даже добился, съ помощью вольнодумцевъ и философовъ, что палаты назначили (13 сент. 1644) комитетъ для отысканія средствъ удовлетворить диссидентовъ, или оставить ихъ въ покоѣ. Теперь онъ самъ нападалъ на Манчестера, говорилъ о шотландцахъ не иначе, какъ съ презрѣніемъ, хвалился, что и безъ нихъ одержитъ побѣду, что даже выгонитъ ихъ изъ Англіи, если они вздумаютъ, въ свою очередь, затруднять его, наконецъ простеръ свою смѣлость до того, что сталъ нападать на права короля, на лордовъ, на весь старинный законный порядокъ государства. Встревоженные этии и раздраженные вожди пресвитеріанъ и умѣренныхъ политиковъ, а также шотландскіе комиссары, Голлизъ, Стэпльтонъ, Меррикъ,

Глиннъ и другіе, собрались въ домѣ Эссекса, чтобъ подумать, какъ бы избавиться отъ такого опаснаго врага. Послѣ продолжительныхъ совѣщаній, они рѣшились обратиться за совѣтомъ къ Уайтлоку (Whitelocke) и Бейнарду (Maynard); это были ученые юрисконсульты, пользовавшіеся уваженіемъ въ палатѣ и которыхъ они имѣли основаніе считать расположенными въ пользу ихъ дѣла. За ними отправили посланныхъ отъ имени лорда генерала почти въ полночь, но не говоря имъ, въ чемъ дѣло. Они явились, нѣсколько смущенные какъ предметомъ, такъ и позднею временемъ и самою формою этого приглашенія. Послѣ нѣсколькихъ учтивостей, лордъ Лоуденъ, канцлеръ Шотландіи, сказалъ имъ: „Господа, вы знаете, что генераль-лейтенантъ Кромвель не принадлежитъ къ числу нашихъ друзей, и что, со времени вступленія нашихъ войскъ въ Англію, онъ употреблялъ всѣ усилія, чтобъ очернить насъ и повредить намъ; вы знаете также, что онъ на столько же нерасположенъ къ его свѣтлости лорду генералу, котораго и мы и вы имѣемъ столько причинъ уважать; наконецъ, вамъ не безызвѣстно, что по правиламъ нашего торжественнаго ковенанта, всякаго, кто будетъ играть роль *поджигателя* (incendiary) между двумя королевствами, должно немедленно преслѣдовать судомъ: по законамъ Шотландіи, подъ именемъ incendiary разумѣется тотъ, кто сѣетъ раздоры и старается произвести пагубныя смуты. Мы желаемъ узнать отъ васъ, имѣетъ ли слово это такое же значеніе и въ англійскомъ законѣ и заслуживаетъ ли по мнѣнію вашему генераль-лейтенантъ Кромвель названія *поджигателя*; если же дѣйствительно заслуживаетъ, то какъ должно поступить съ нимъ?“

Юрисконсульты переглянулись; отъ нихъ ожидали отвѣта. Послѣ нѣсколькихъ минутъ молчанія, Уайтлокъ сказалъ: „Такъ какъ никто не начинаетъ говорить, то я, въ изъявленіе преданности моею его свѣтлости, попытаюсь почтительно и свободно выразить свое мнѣніе о вопросахъ, такъ ясно поставленныхъ намъ милордомъ канцлеромъ. Слово incendiary (*поджигатель*) имѣетъ у насъ тотъ же смыслъ, какъ и въ законахъ Шотландіи; но заслуживаетъ ли генераль-лейтенантъ Кромвель такое имя—это можно узнать только тогда, когда будетъ доказано, что онъ дѣйствительно говорилъ или дѣлалъ что либо клонившее къ возбужденію раздоровъ между двумя королевствами, или смуть посреди насъ. Навѣрное, ни вы, милордъ генераль, ни вы, милорды киммиссары Шотландіи, облеченные такимъ высокимъ саномъ и властью, не рѣшитесь заводить дѣло и еще менѣе произносить обвиненіе, не будучи заранѣе увѣрены въ успѣхѣ. А генераль-лейтенантъ Кромвель человекъ съ умомъ смѣлымъ, гибкимъ, изобрѣтательнымъ; онъ пріобрѣлъ, особенно въ послѣднее время, большое вліяніе въ нижней палатѣ; и въ верхней палатѣ у него не будетъ недостатка ни въ друзьяхъ, ни въ людяхъ довольно искусныхъ, чтобъ поддержать его. Я не слыхалъ отъ его свѣтлости, ни отъ милорда канцлера и ни отъ кого другаго, да и самъ я не знаю ни одного факта, который могъ бы доказать палатѣ, что Кромвель дѣйствительно поджигатель. А потому я очень сомнѣваюсь, благоразумно ли будетъ обвинить его въ такомъ смыслѣ. Мнѣ кажется, предварительно слѣдуетъ собрать о немъ всевозможныя свѣдѣнія—тогда, если вы почтете нужнымъ, пригласите насъ вторично: мы скажемъ свое мнѣніе, а вы рѣшите дѣло, какъ вамъ заблагоразсудится“.

Мейнардъ говорилъ такъ же, какъ Уайтлокъ, прибавивъ даже, что

слово „поджигатель“ рѣдко употребляется въ законахъ англійскихъ и можетъ подать поводъ къ недоразумѣніямъ. Голлизъ, Стэпльтонъ, Меррикъ сильно защищали свое предложеніе, говоря, что Кромвель вовсе не имѣетъ въ палатѣ такого вліянія, что они охотно возьмутъ на себя обвинить его передъ ней и привести такіе факты и слова, которые, какъ они говорили, ясно обличаютъ его намѣренія. Но шотландскіе комиссары отказались отъ этой борьбы. Въ два часа утра, Уайтлокъ и Мейнардъ удалились, и засѣданіе не имѣло никакихъ послѣдствій, кромѣ того только, что побудило Кромвеля дѣйствовать рѣшительнѣе, ибо—„какой-то предатель,“—какъ говоритъ Уайтлокъ (вѣроятно, самъ Уайтлокъ)—„извѣстилъ его обо всемъ случившемся“.

Тогда Эссексъ и друзья его стали искать другого средства противъ своей болѣзни; всѣ мысли ихъ устремились къ достиженію мира. Палаты никогда не оставляли совершенно безъ вниманія этого вопроса: то какое-нибудь формальное предложеніе вызывало пренія, въ которыхъ судьбу государства рѣшало весьма небольшое число голосовъ, иногда даже только одинъ голосъ президента; то посланники, французскій или голландскій, безпрестанно переѣзжавшіе изъ Лондона въ Оксфордъ и изъ Оксфорда въ Лондонъ, предлагали свое посредничество, рѣдко искреннее и всегда отвергаемое, хотя и не безъ затрудненій. Мира желали такъ многіе, что никто не осмѣлился бы открыто выказать себя его противникомъ, и уже болѣе шести мѣсяцевъ надъ составленіемъ мирныхъ предложеній трудился комитетъ, составленный изъ членовъ обѣихъ палатъ и шотландскихъ комиссаровъ. Вдругъ пресвитеріанская партія начала сильно торопить эту работу; въ теченіе нѣсколькихъ дней предложенія были представлены палатамъ, обсуждены и приняты (8 ноября), а 20 ноября девять комиссаровъ отправились съ ними къ королю. Полагая, что онъ находится въ Уоллингфордѣ, они подъѣхали къ этой крѣпости; ихъ заставили прождать цѣлые два часа, передъ воротами, насмѣхаясь надъ ихъ порученіемъ, надъ ихъ конвоемъ и свитой; наконецъ комендантъ, полковникъ Блекъ, впустилъ ихъ и сказалъ, что король уѣхалъ и находится, вѣроятно, въ Оксфордѣ. Они хотѣли было ночевать въ Уоллингфордѣ, но вскорѣ между Блекомъ и лордомъ Денби (Denbigh), президентомъ комитета, завязался такой горячій споръ, Блекъ говорилъ такъ грубо, а гарнизонъ стоялъ въ такомъ грозномъ положеніи, что они сочли благоразумнымъ немедленно удалиться. На другой день, прибывъ къ Оксфорду, остановились они на небольшомъ холмѣ въ 500 шагахъ отъ города и чрезъ трубача возвѣстили о себѣ губернатору. Прошло нѣсколько часовъ—отвѣта не было. Король, прогуливаясь въ саду, замѣтилъ на холмѣ группу комиссаровъ съ ихъ свитой, спросилъ, что это за люди, и узнавъ, кто они, тотчасъ отправилъ мистера Киллигрю (Killigrew) съ приказаніемъ проводить ихъ въ городъ, отвести имъ помѣщеніе и изъявить его сожалѣніе, что ихъ такъ долго заставили ждать. Когда они проходили по улицамъ Оксфорда подъ прикрытіемъ нѣсколькихъ кавалеровъ, около нихъ толипилась чернь, осыпала ихъ оскорбленіями и даже бросала въ нихъ камнями и грязью. Ихъ привели въ гостиницу, оказавшуюся весьма плохую. Едва успѣли они помѣститься въ ней, какъ услышали неподалеку отъ своей комнаты сильный шумъ. Голлизъ и Уайтлокъ тотчасъ вышли. Въ большой залѣ собралось нѣсколько королевскихъ офицеровъ, которые завели ссору съ слугами комиссаровъ, называя ихъ и господъ ихъ *негодьями*, *измѣн-*

никами, бунтовщиками, и не допуская ихъ къ камину. Голлизъ схватилъ одного офицера за воротъ и вытолкалъ изъ залы, укоряя за неприличное поведеніе. Уайтлокъ сдѣлалъ то же; двери гостиницы заперли; губернаторъ приставилъ къ нимъ стражу. Вечеромъ къ комиссарамъ явились многіе члены совѣта, между прочими, Гайдъ, извинялись въ происшедшихъ беспорядкахъ и изъявили живѣйшее желаніе содѣйствовать, вмѣстѣ съ ними, заключенію мира, а король приказалъ имъ сказать, что онъ приметъ ихъ на слѣдующій день (24 ноября).

Аудіенція была непродолжительна. Лордъ Денби въ присутствіи министровъ и двора прочелъ вслухъ предложенія парламента; они были такого рода, что король въ настоящемъ своемъ положеніи еще не могъ считать необходимымъ согласиться на нихъ; отъ него требовали передачи власти его въ распоряженіе палатъ и предоставленія ихъ мщенію всей его партіи; между присутствовавшими не разъ поднимался гнѣвный ропоть. Особенно въ ту минуту, когда лордъ Денди назвалъ находившихся тамъ же принцевъ Роберта и Морица, какъ исключаемыхъ изъ всякой амнистіи, слушатели готовы были разразиться шумнымъ хохотомъ; но строгій видъ короля принудилъ всѣхъ къ молчанію, и онъ терпѣливо и важно прослушалъ чтеніе до конца. Когда оно кончилось, король обратился къ лорду Денби съ вопросомъ: „Уполномочены ли вы вести переговоры?“ — „Нѣтъ, государь, намъ поручено только представить вашему величеству предложенія и просить письменнаго на нихъ отвѣта“. — „Хорошо, я вамъ доставлю отвѣтъ, какъ только мнѣ будетъ можно“. Послѣ этого комиссары возвратились къ себѣ.

Въ тотъ же вечеръ, съ согласія товарищей, Голлизъ и Уайтлокъ посѣтили лорда Линдсея, королевскаго камергера и прежняго ихъ друга, который не могъ быть у нихъ, потому что страдалъ отъ ранъ. Не прошло четверти часа послѣ ихъ прибытія, какъ въ комнату, гдѣ они сидѣли, вошелъ король; обратившись къ комиссарамъ съ благосклоннымъ видомъ, онъ сказалъ:

— Весьма сожалѣю, господа, что вы не привезли съ собою предложеній болѣе благоразумныхъ.

— Государь, — отвѣчала Голлизъ: — это тѣ предложенія, какія парламентъ счелъ должнымъ признать, и я надѣюсь, что изъ нихъ можно будетъ извлечь хорошіе результаты.

Король. — Я очень хорошо знаю, что вы могли передать мнѣ только то, что вамъ поручено; но, признаюсь, нѣкоторыя изъ этихъ предложеній меня чрезвычайно удивляютъ: я увѣренъ, что вы сами не думаете, чтобъ разсудокъ, или честь моя дозволили мнѣ принять ихъ.

Голлизъ. — Это правда, государь; я желалъ бы, чтобъ эти предложенія были не совсѣмъ то, что они есть; но вашему величеству извѣстно — эти дѣла рѣшаются большинствомъ голосовъ.

Король. — Знаю и очень увѣренъ, что вы и друзья ваши (не хочу сказать — ваша партія) употребили въ палатѣ всѣ усилія, чтобъ дать дѣлу иной оборотъ, потому что вы, какъ мнѣ извѣстно, желаете мира.

Уайтлокъ. — Съ этою цѣлью я нѣсколько разъ имѣлъ честь являться къ вашему величеству и глубоко сожалѣю, что до сихъ поръ не имѣлъ успѣха.

Король. — Я бы желалъ, м. Уайтлокъ и м. Голлизъ, чтобъ и другіе были одинаковаго мнѣнія съ вами: тогда, вѣроятно, наши разногласія

не замедлили бы придти къ счастливой развязкѣ. Вѣдь и я желаю мира, и, въ доказательство искренности этого желанія, а также довѣрія къ обоимъ вамъ, прошу васъ, дайте мнѣ совѣтъ: въ какомъ смыслѣ нужно написать мнѣ отвѣтъ на эти предложенія такъ, чтобъ они повели къ миру.

Голлизъ.—Извините, ваше величество; мы думаемъ, что въ настоящемъ нашемъ положеніи мы не можемъ давать вамъ совѣтовъ.

Уайтлокъ.—Это случай, что мы имѣемъ честь находиться здѣсь, въ присутствіи вашего величества, и возложенныя на насъ порученія не дозволяютъ намъ давать вамъ совѣты въ этомъ дѣлѣ, хотя бы, впрочемъ, мы и были на это способны.

Король.—Что касается вашихъ способностей, я хорошо могу о нихъ судить; но обращаюсь къ вамъ теперь вовсе не какъ къ членамъ парламента, а прошу у васъ мнѣнія, какъ у друзей, какъ у частныхъ людей, вѣрныхъ моихъ подданныхъ.

Голлизъ.—Какъ частные люди, мы очень свободно дѣйствовали въ отношеніи къ вашему величеству. Что касается отвѣта, скажу вамъ, государь — лучшимъ отвѣтомъ было бы личное возвращеніе ваше къ намъ.

Король.—Но какъ я могу возвратиться въ Лондонъ, не подвергая себя опасности?

Голлизъ.—Я увѣренъ, что для вашего величества не было бы въ этомъ ни малѣйшей опасности.

Король.—Это еще вопросъ; а я думаю, что господа, которые васъ прислали, хотятъ немедленнаго отвѣта на свое посланіе.

Уайтлокъ.—Самымъ короткимъ, самымъ лучшимъ отвѣтомъ, безъ сомнѣнія, было бы появленіе вашего величества въ своемъ парламентѣ.

Король.—Не будемъ говорить объ этомъ. Позвольте, мистеръ Голлизъ и мистеръ Уайтлокъ, попросить васъ войти въ сосѣднюю комнату: тамъ вы нѣсколько минутъ поговорите между собою и письменно изложите, что, по вашему мнѣнію, мнѣ слѣдуетъ отвѣчать на посланіе. Это всего вѣрнѣе подвинетъ впередъ благое дѣло мира.

Голлизъ.—Исполняемъ приказаніе вашего величества.

Они ушли въ указанную имъ комнату и, послѣ нѣсколькихъ минутъ размышленія, Уайтлокъ написалъ требуемый королемъ отзывъ, но не своимъ почеркомъ; потомъ, оставивъ бумагу на столѣ, друзья возвратились назадъ. Король одинъ вошелъ въ комнату, въ которой они были, взялъ бумагу, вышелъ къ нимъ снова и, поговоривъ очень любезно съ комиссарами, удалился. Они немедленно ушли къ себѣ въ гостиницу, не сказавъ своимъ товарищамъ ни слова о происшедшемъ.

Черезъ три дня (27 ноября) король потребовалъ къ себѣ комитетъ и, вручая лорду Денби запечатанный пакетъ безъ адреса, сказалъ:— „Вотъ мой отвѣтъ; отнесите его тѣмъ, кто прислалъ васъ“. Изумленный этою необыкновенною формою и упорнымъ нежеланіемъ короля назвать палаты именемъ парламента, графъ просилъ позволенія удалиться на нѣсколько минутъ съ своими товарищами и подумать о томъ, что имъ слѣдуетъ дѣлать. „Зачѣмъ думать?“, сказалъ король.— „вы не уполномочены вести переговоры: вы мнѣ это сказали сами; а съ того времени, я знаю, къ вамъ не было никакого курьера“. Лордъ Денби настаивалъ на своемъ, говоря, что комитетъ найдетъ, быть можетъ, нужнымъ, представить его

величеству нѣкоторыя замѣчанія. „Господа!“ — съ живостью сказалъ король: — „я приму все, что вы имѣете мнѣ сказать отъ Лондона, но не намѣренъ выслушивать фантазій и химеръ, которыя вы станете придумывать здѣсь, въ Оксфордѣ. Позвольте вамъ замѣтить, что вы меня не поймаете“. — „Государь“ — отвѣчалъ графъ — „мы не такіе люди, чтобъ ловить кого-нибудь, а тѣмъ менѣе ваше величество“. — „Я говорю это не про васъ“. — „По крайней мѣрѣ, позвольте спросить ваше величество, кому адресована эта бумага“. — „Это отвѣтъ мой. Я вручаю его вамъ: вы обязаны его принять, даже еслибъ это была пѣсня про Робинъ Гуда“. — „Дѣло, которое привело насъ сюда, государь, немного поважнѣе пѣсни“. — „Знаю; но, повторяю, вы мнѣ сказали, что не уполномочены вести переговоры. У меня память не хуже вашей: вамъ поручено только передать мнѣ предложенія; всякій почтальонъ исполнилъ бы это не хуже васъ“. — „Надѣюсь, ваше величество не принимаете насъ за почтальоновъ“. — „Я этого не говорю; но еще разъ повторяю: это мой отвѣтъ; вы должны его взять. Съ моей стороны болѣе ничего не требуется“. Съ каждою минутою разговоръ становился болѣе и болѣе рѣзокъ. Голлизъ и Пирпойнтъ (Pierpoint) напрасно хотѣли заставить короля сказать, что посланіе его адресовано къ палатамъ парламента. Наконецъ комиссары рѣшились принять его въ той формѣ, какъ оно было имъ вручено, и вышли. Вечеромъ къ нимъ явился м. Эшборнэмъ (Ashburnham), камердинеръ короля. „Его величество вспомнилъ“ — сказалъ онъ — „что, въ минуту горячности, у него вырвалось нѣсколько словъ, которыя могли показаться оскорбительными; онъ приказалъ мнѣ увѣрить васъ, что у него не было намѣренія оскорблять васъ, и онъ желаетъ, чтобъ вы вполне убѣдились въ этомъ“. Комиссары выразили почтительную вѣру къ словамъ короля и отправились въ Лондонъ, въ сопровожденіи трубача, которому поручено было принять отвѣтъ парламента на запечатанный пакетъ, отправленный съ ними.

Въ пакетѣ не было ничего, кромѣ требованія охранной грамоты для герцога Ричмонда и графа Соутэмптона, съ которыми король обѣщалъ въ непродолжительномъ времени доставить отвѣтъ опредѣленный и подробный. Охранный листъ немедленно былъ данъ, и оба лорда, почти тотчасъ по прибытіи (14 дек. 1644), имѣли аудіенцію (16 дек.) Но и они все еще не приносили никакого отвѣта. Офиціальное порученіе ихъ состояло только въ томъ, чтобъ потребовать открытія конференцій и назначенія съ той и съ другой стороны уполномоченныхъ для переговоровъ о мирѣ. Но, исполнивъ это порученіе, они оставались въ Лондонѣ. Пронесся слухъ, что туда стекается множество подозрительныхъ людей; многіе члены палатъ имѣли частыя свиданія съ обоими лордами. Муниципальный совѣтъ, въ которомъ преобладали независимцы, изъявилъ сильныя опасенія. Тогда лордамъ предложили выѣхать, но они все оставались, подъ ничтожными предлогами. Волненіе возрастало; народныя страсти могли разразиться прежде, чѣмъ интриги партій достигли бы своей цѣли. Побуждаемые даже приверженцами мира, оба лорда возвратились наконецъ въ Оксфордъ (24 дек.), и чрезъ три недѣли послѣ ихъ отъѣзда рѣшено было собраться въ Уксбриджѣ (Uxbridge) 40 комиссарамъ: изъ нихъ 23 со стороны парламента обоихъ королевствъ и 17 со стороны короля. Эти комиссары должны были вести правильные переговоры объ условіяхъ мирнаго трактата.

Но въ то время, когда пресвитеріане готовили миръ, индепенденты овладѣвали войною. 9-го декабря собрались члены нижней палаты для обсуждения мѣръ къ облегченію страданій государства. Никто не требовалъ слова; казалось, всѣ ждали какой то рѣшительной мѣры, но никто не хотѣлъ принять на себя отвѣтственности за эту мѣру. Послѣ долгаго молчанія, Кромвель всталъ и сказалъ: „Теперь настало время говорить, или замолчать навсегда. Дѣло идетъ ни болѣе, ни менѣе, какъ о спасеніи народа, покрытаго ранами, почти умирающаго подъ гнетомъ того жалкаго положенія, до котораго довела его продолжительная война. Если мы не будемъ вести войну съ большею энергіею и быстротою, если будемъ дѣйствовать какъ наемники, которые хлопчуть только о томъ, какъ бы протянуть войну, то будемъ въ тягость государству, которое возненавидитъ имя парламента. Что говорятъ наши враги? Скажу болѣе: что говорятъ многіе изъ тѣхъ, которые были нашими друзьями во время открытія этого парламента? Они говорятъ, что члены обѣихъ палатъ захватили высшія должности, военныя и гражданскія, что у нихъ въ рукахъ мечъ, что, съ помощью своего вліянія въ парламентъ и въ армію, они хотятъ навсегда упрочить за собою власть и не допустить прекращенія войны изъ опасенія, чтобъ съ нею не прекратилась и власть ихъ. То, что я здѣсь говорю о насъ передъ лицомъ всѣхъ насъ другіе вездѣ шепчуть у насъ за спиною. Я далекъ отъ личныхъ намековъ; знаю и цѣню достоинства генераловъ, членовъ палатъ, которымъ ввѣрено начальство надъ войсками; но, чтобъ выразить все, что у меня лежитъ на совѣсти, скажу вамъ, что если управленіе арміею не измѣнится, если война не будетъ поведена съ большею энергіею, народъ не вынесетъ ея долѣе и вынудитъ васъ заключить постыдный миръ. Совѣтую вамъ благоразумно воздержаться отъ обвиненія военныхъ начальниковъ, отъ жалобъ на нихъ по какому бы то ни было поводу. Я самъ признаю себя виновнымъ во многихъ ошибкахъ и знаю, какъ трудно на войнѣ избѣжать ихъ. Удалимъ всякую мысль о судебномъ дознаніи причинъ недуга, а постараемся отыскать лекарство. Надѣюсь, всякій изъ насъ на столько англичанинъ въ душѣ, что, не колеблясь, рѣшится принести личныя свои выгоды въ жертву общему благу и не оскорбится никакимъ рѣшеніемъ парламента“.— „Правда“—заговорилъ тутъ же другой членъ: „какая бы ни была тому причина, но вотъ совершенно уже два похода, а мы не спасены. Наши побѣды, купленные неогнѣнной кровью, одержанныя такъ блистательно, а, главное, такъ милосердо дарованныя намъ Господомъ, какъ будто канули въ воду. Чего достигаемъ мы сегодня, того лишаемся завтра: успѣхи лѣта служатъ только предметомъ для разговоровъ зимой; игра кончается вмѣстѣ съ осенью, а весной надо ее начинать снова, какъ будто пролитая кровь назначена только для удобренія поля войны, чтобъ возрастить еще болѣе обильную жатву сраженій. Я ничего не хочу рѣшать; но раздробленіе нашихъ войскъ на части, подъ начальствомъ разныхъ предводителей, и отсутствіе между ними согласія сильно повредили общему дѣлу“.— „Есть одно средство положить конецъ всему злу“—сказалъ Заучъ Тэтъ (Zouch Tate), неизвѣстный фанатикъ, которому предложеніе его, несмотря на всю свою важность, не могло доставить извѣстности, „именно: каждый изъ насъ долженъ искренно отречься отъ самого себя. Я предлагаю, чтобъ ни одинъ членъ обѣихъ палатъ въ продолженіи этой войны не могъ исправлять никакой должности, не могъ быть облеченъ ни-

какою гражданскою или военною властью, и чтобъ сдѣлано было парламентское постановленіе въ этомъ смыслѣ“.

Предложеніе было неново: еще въ прошедшемъ году (12 декабря 1643) была высказана подобная мысль въ верхней палатѣ, хотя мимоходомъ и безъ послѣдствій; даже недавно еще (14 нояб. 1644), конечно, изъ уваженія къ народному крику, нижняя палата назначила слѣдствіе о числѣ и важности всякаго рода должностей, занимаемыхъ членами парламента. Отъ смущенія ли, или съ намѣреніемъ, но пресвитеріане не рѣшились отвергнуть сразу предложеніе Тэта, и оно прошло почти безъ возраженій. Но на третій день, когда оно явилось въ формѣ опредѣлительнаго постановленія, возникли жаркія и продолжительныя пренія, возобновлявшіяся четыре раза въ теченіе восьми дней (11, 14, 17 и 19 декабря). Дѣло, очевидно, клонилось къ тому, чтобъ умѣренныхъ политиковъ, пресвитеріанъ, первыхъ вождей революціи, лишить исполнительной власти, ограничить кругъ дѣйствія ихъ стѣнами вестминстерскихъ залъ и создать армію, чуждую парламенту. Съ каждымъ засѣданіемъ сопротивленіе становилось все сильнѣе и сильнѣе. Даже нѣкоторыя лица, обыкновенно щадившія партію индепендентовъ, выказали себя противниками этой мѣры. „Вы знаете“—сказалъ, между прочимъ, Уайтлокъ, „что у грековъ и римлянъ самыя важныя должности, военныя и гражданскія, были ввѣряемы сенаторамъ: тогда думали, что эти люди, имѣя съ сенатомъ общіе интересы, будучи свидѣтелями его преній, лучше могутъ понимать общественныя дѣла и не столько подвержены искушеніямъ къ измѣнѣ. Такъ поступали и наши предки: всегда смотрѣли они на членовъ парламента, какъ на людей наиболѣе способныхъ отправлять важнѣйшія должности. Умоляю васъ, слѣдуйте ихъ примѣру и не лишайте себя добровольно самыхъ вѣрныхъ, самыхъ полезныхъ своихъ слугъ“. Другіе пошли еще далѣе и явно обличали своихъ противниковъ въ тайномъ честолюбіи. Они сказали; „Говорятъ о самоотреченіи: это будетъ торжество зависти и личнаго интереса“. Но публика мало вѣрила этимъ предсказаніямъ; партія пресвитеріанъ была уже несовременна и утратила свой кредитъ; всякій, кто не принадлежалъ къ ней, безъ сожалѣнія видѣлъ ея паденіе. Хотя индепенденты далеко не составляли большинства палаты, но предложеніе ихъ побѣдоносно вышло изъ всѣхъ испытаній. Напрасно друзья Эссекса, дѣлая послѣднюю попытку, требовали для него исключенія: измѣненіе, которое они предлагали, было отвергнуто. Предложеніе, окончательно принятое, 21 декабря было передано въ палату лордовъ.

Въ этомъ заключалась послѣдняя надежда пресвитеріанъ: собственный интересъ палаты требовалъ, чтобъ она отвергла эту мѣру, которая касалась почти всѣхъ ея членовъ; съ нею теряла палата всю власть, какая у ней оставалась; но это же было, въ общественномъ мнѣніи, причиной недовѣрія и слабости. Чтобъ нѣсколько уменьшить дѣйствіе этого мнѣнія, чтобъ отклонить отъ себя подозрѣніе въ единомысліи съ оксфордскимъ дворомъ и предупредить заговоры роялистовъ, всегда готовые повториться, а главное, чтобъ польстить страстямъ пресвитеріанъ, вожди партіи, въ ту самую минуту какъ они дѣлали попытки остановить революцію, предложили ей разныя уступки и жертвы. Четыре процесса, давно уже начатыя, но остановленные безъ движенія, были возобновлены и пущены въ ходъ; процессъ лорда Мэквира (Macquire), какъ соучастника въ ирландскомъ возстаніи; процессъ обоихъ Готэмовъ (Hotham), отца и сына, хотѣвшихъ

сдать королю Гулль; сэра Александра Кэрю (Cagew), пытавшагося сдѣлать то же на Островѣ Св. Николая, гдѣ онъ былъ губернаторомъ; наконецъ процессъ Лода, уже начатый, оставленный и нѣсколько разъ возобновлявшійся. Мэргиръ, Гетэмы и Кэрю были виновны въ поступкахъ, совершенныхъ недавно, законнымъ образомъ доказанныхъ и могущихъ найти подражателей. Но Лодъ, уже четыре года томившійся въ тюрьмѣ, дряхлый, больной, былъ обвиняемъ только въ содѣйствіи деспотизму, уже четыре года назадъ побѣжденному. Точно такъ же, какъ въ процессѣ Страффорда, Лода невозможно было по закону обвинить въ государственной измѣнѣ; для осужденія его, какъ и Страффорда, *биллемъ уличенія въ измѣнѣ* (bill of attainder), необходимо было согласіе короля; но ненависть богослововъ такъ же изобрѣтательна, какъ и непримирима. Во главѣ обвинителей былъ тотъ самый Преинъ, надъ которымъ Лодъ произнесъ нѣкогда столь безчеловѣчный приговоръ, и который теперь, въ свою очередь, жаждалъ унизить и раздавить своего врага. Послѣ долгихъ преній, въ которыхъ архіепископъ выказалъ болѣе искусства и благоразумія, чѣмъ отъ него можно было ожидать, простое постановленіе, обѣихъ палатъ, составленное на основаніи предложенія только семи лордовъ и незаконное даже по преданіямъ парламентской тиранніи, было для него смертнымъ приговоромъ. Онъ умеръ съ мужествомъ праведника; презрѣніе къ своимъ врагамъ и страхъ за будущность короля были единственными чувствами, нарушившими спокойствіе его послѣднихъ минутъ. Другіе процессы имѣли такой же исходъ. Въ теченіе шести недѣль на Тоуэръ-Гиллѣ пять разъ воздвигали эшафотъ, чего еще не было съ самаго начала революціи. Такой же характеръ имѣли мѣры, принятыя для охраненія общественнаго порядка. За недѣлю до казни Лода (3 янв. 1645), была окончательно уничтожена англиканская литургія, до того времени терпимая; вмѣсто нея, по предложенію собранія богослововъ, парламентъ далъ санкцію книгѣ, подъ названіемъ „Наставленія для общественнаго богослуженія“. Вожди партіи знали, что это нововведеніе встрѣтитъ сильное сопротивленіе, и мало заботились о его успѣхѣ; но, чтобъ удержать за собою власть, готовую ускользнуть у нихъ изъ рукъ, имъ необходима была опора фанатиковъ-пресвитеріанъ, и они ни въ чемъ имъ болѣе не отказывали. Съ своей стороны, индепенденты употребили всѣ усилія, чтобъ окончательное постановленіе принято было въ верхней палатѣ. Вновь появились прошенія, изъ которыхъ нѣкоторыя даже были исполнены угрозъ и требовали, чтобъ лорды и члены нижней палаты засѣдали въ одномъ собраніи. Назначено было торжественное молебствіе съ постомъ (на 18-ое дек.), чтобъ свѣтъ Господень освѣнилъ умы для разрѣшенія этого важнаго дѣла. Въ этотъ день въ Вестминстерѣ проповѣди слушали только члены палатъ, конечно, съ тою цѣлю, чтобъ предоставить болѣе свободы проповѣдникамъ, о выборѣ которыхъ позаботились заранѣе Венъ и Кромвель. Наконецъ, послѣ нѣсколькихъ конференцій и неоднократнаго обмѣна взаимныхъ посланій, нижняя палата, въ полномъ своемъ составѣ, явилась въ верхнюю и потребовала принятія предложенія (13 янв. 1645); но рѣшеніе лордовъ было уже готово, и билль былъ отвергнутъ въ тотъ самый день, въ который послѣдовала эта рѣзкая манифестація.

Велика была, повидимому, побѣда, и самое время казалось благопріятнымъ, чтобъ воспользоваться ею. Приближались дни, назначенные для переговоровъ въ Уксбриджѣ. По настоянію удалившихся изъ Лондона

членовъ, открывшихъ въ Оксфордѣ второй періодъ своихъ засѣданій, Карль согласился наконецъ (къ концу декабря 1644) называть вестминстерскія палаты именемъ парламента. „Еслибъ въ моемъ совѣтѣ“, писалъ онъ къ королевѣ, „было хоть два человѣка одного со мною мнѣнія, я никогда бы не уступилъ“. Въ то же время онъ назначилъ своихъ комиссаровъ, которые почти всѣ желали мира. Изъ парламентскихъ только Вень, Придо (Prideoaux) и Сентъ Джонъ имѣли другіе виды. 29 января комиссары прибыли въ Уксбриджъ, исполненные надеждъ и доброй воли.

Обѣ стороны встрѣтили другъ друга привѣтливо. Всѣ они давно знали другъ друга; многіе изъ нихъ были даже въ тѣсной дружбѣ прежде этихъ несчастныхъ раздоровъ. Въ самый день своего прибытія, вечеромъ, Гайдъ, Кольпепперъ, Пальмеръ, Уайтлокъ, Голлизъ, Пирпойнтъ запросто обмѣнялись визитами, поздравляя другъ друга съ тѣмъ, что будутъ вмѣстѣ трудиться на пользу мира. Однако въ вестминстерскихъ комиссарахъ замѣтно было болѣе смущенія и скрытности, ибо надъ ними тяготѣло иго болѣе суроваго и болѣе подозрительнаго властелина. Переговоры должны были продолжаться двадцать дней; главнымъ предметомъ ихъ должны были служить религія, милиція и Ирландія. Каждый изъ этихъ предметовъ условились обсуживать въ теченіе трехъ дней, а потомъ, поочередно, подвергать вторичному обсужденію. Пока занимались этими приготовленіями, все было легко; съ обѣихъ сторонъ обнаруживалось полное довѣріе, изысканная вѣжливость. Но когда, наконецъ, уполномоченные сѣли вокругъ четырехугольнаго стола, за которымъ началось (30 янв. 1645) официальное преніе, тогда явились снова всякія затрудненія. У каждой изъ парламентскихъ партій былъ свой главный интересъ, которымъ она нисколько не была расположена жертвовать. Пресвитеріане хотѣли исключительнаго господства своей церкви, политики—начальства надъ милиціей, индипенденты—свободы совѣсти. Что же касается короля, то онъ принужденъ былъ уступать всѣмъ, а между тѣмъ каждая партія дѣлала для него только такія пожертвованія, на которыя другія рѣшительно не соглашались. Кромѣ того, та и другая партія рассчитывали, при заключеніи мира, захватить власть въ свои руки, ибо только въ этомъ расчетѣ согласились на переговоры. Прежде всего открыто было совѣщаніе о религіи, но оно скоро приняло характеръ богословскаго пренія; вмѣсто переговоровъ, началась полемика; хлопотали не столько о томъ, чтобъ заключить миръ, сколько о томъ, чтобъ переспорить другъ друга. Мало-по-малу чувство непріязни поселилось въ отношеніяхъ, еще недавно столь благосклонныхъ, и это чувство начало проглядывать даже тогда, когда нѣкоторые уполномоченные пытались дружескимъ разговоромъ устранить возникавшія затрудненія. Изъ числа оксфордскихъ комиссаровъ, Гайду, какъ человѣку умному и пользовавшемуся довѣріемъ короля, вестминстерскіе комиссары оказывали особенное уваженіе. Лордъ Лоуденъ, канцлеръ Шотландіи, и графы Пемброкъ и Денби долго и откровенно разговаривали съ нимъ о предстоящихъ опасностяхъ, о пагубныхъ замыслахъ, кипѣвшихъ въ парламентѣ, о необходимости со стороны короля большихъ уступокъ для спасенія государства. Гайдъ охотно выслушивалъ эти представленія; но щекотливое его самолюбіе, суровый и гордый умъ, сухой и насмѣшливый тонъ, надменная честность—все это почти всегда оскорбляло и отталкивало тѣхъ, кто хотѣлъ съ нимъ сблизиться. Малѣйшее обстоятельство вдругъ обнаруживало всю затруднительность положенія и безсиліе

миролюбивыхъ стремленій обѣихъ переговаривавшихся сторонъ. Однажды, въ торговый день, въ уксбриджской церкви, въ присутствіи множества народа, нѣкто Лавъ (Love), фанатическій проповѣдникъ, недавно прѣхавшій изъ Лондона, порицалъ оскорбительнѣйшимъ образомъ роялистовъ и самые переговоры. „Отъ нихъ“—говорилъ онъ—„ничего нельзя ожидать хорошаго; эти люди пришли изъ Оксфорда съ сердцемъ, жаждущимъ крови; они хотятъ только занять умы народа, чтобъ выиграть время и сдѣлать ему какое-нибудь ужасное зло; отъ этихъ переговоровъ до мира такъ же далеко, какъ отъ неба до ада“.—Королевскіе комиссары потребовали наказанія этого человѣка, но вестминстерскіе не рѣшились на это и ограничили только удаленіемъ его изъ Уксбриджа. Дурные слухи носились объ истинныхъ намѣреніяхъ короля. Правда, говорилъ народъ, онъ уступаетъ желаніямъ своихъ совѣтниковъ, но не хочетъ мира; онъ обѣщаетъ королевѣ ничего не предпринимать безъ ея согласія, и скорѣе старается поддержать въ палатахъ внутренніе раздоры, чѣмъ вступить съ ними въ искреннее соглашеніе. Подозрѣвали даже, что онъ ведетъ тайные переговоры съ ирландскими папистами и хочетъ сдѣлать ихъ своимъ орудіемъ; самыя торжественныя протестаціи его комиссаровъ не могли разсѣять на этотъ счетъ подозрѣній Сити.

Однако срокъ переговоровъ приближался: парламентъ оказывалъ мало расположенія продлить ихъ долѣе. Съ огорченіемъ видя, что наступаетъ минута, когда всѣ разойдутся безъ всякаго результата, друзья мира рѣшились сдѣлать послѣднее усиліе (въ половинѣ февраля 1645). Имъ казалось, что какая-либо уступка со стороны короля въ отношеніи милиціи, какъ, на примѣръ, предложеніе поручить начальство надъ нею въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ такимъ лицамъ, изъ которыхъ половина была бы выбрана палатами, не останется безъ благотворнаго дѣйствія. Лордъ Соутэмптонъ послѣшно отправился въ Оксфордъ къ королю для исходатайствованія этой уступки. Сначала Карль отказалъ; графъ настаивалъ; къ нему присоединились другіе и на колѣняхъ умоляли его, именемъ его престола и народа, не отвергать этого послѣдняго средства къ продолженію переговоровъ. Наконецъ Карль согласился; совѣтники его такъ сильно желали мира, что, на радости, имъ показалось, будто уже всѣ препятствія устранены. Ферфаксъ и Кромвель были изъ числа тѣхъ комиссаровъ, которымъ король самъ долженъ былъ предложить начальство надъ милиціей. Величайшая веселость царствовала въ этотъ вечеръ за королевскимъ ужиномъ. Король жаловался, что его вино нехорошо. Одинъ изъ присутствовавшихъ сказалъ, смѣясь: „надѣюсь, черезъ нѣсколько дней ваше величество будете пить лучшее вино въ Гильдгаллѣ, вмѣстѣ съ лордомъ-мэромъ“. На другое утро лордъ Соутэмптонъ представился королю, чтобъ получить отъ него условленныя письменныя инструкціи; но, къ величайшему его удивленію, Карль взялъ назадъ свое слово и рѣшительно отказался отъ предложенной уступки.

Причина этой быстрой перемѣны заключалась въ письмѣ Монтроза, пришедшемъ ночью изъ Шотландіи, съ быстротою почти безпримѣрною. Двѣ недѣли назадъ (2 февр. 1645), Монтрозъ одержалъ при Инверлочи (Inverlochy), въ Графствѣ Арджайль, блистательную побѣду надъ шотландскими войсками, предводимыми самимъ Арджайлемъ. Отдавъ королю отчетъ въ этомъ дѣлѣ, онъ прибавлялъ слѣдующее: „Государь, позвольте мнѣ теперь никакъ не выразить вашему величеству свое мнѣніе о томъ,

что пишутъ ко мнѣ мои южные друзья, то есть, чтобы ваше величество вступили въ переговоры съ своимъ мятежнымъ парламентомъ. Сколько успѣхи вашего оружія въ Шотландіи радовали мое сердце, столько же это извѣстіе, пришедшее изъ Англіи, поразило его. Въ послѣдній разъ, какъ я имѣлъ честь видѣться съ вашимъ величествомъ, я подробно изложилъ вамъ все, что мнѣ такъ хорошо извѣстно о намѣреніяхъ мятежныхъ вашихъ подданныхъ въ обоихъ королевствахъ. Ваше величество, быть можетъ, не забыли, на сколько вы тогда были убѣждены въ истинѣ словъ моихъ. Я увѣренъ, что съ того времени не случилось ничего такого, что могло бы измѣнить мнѣніе вашего величества объ этомъ предметѣ. Чѣмъ болѣе вы будете дѣлать уступокъ, тѣмъ болѣе будутъ отъ васъ требовать. Я имѣю слишкомъ много причинъ быть увѣреннымъ, что они удовольствуются только тогда, когда у вашего величества не останется ничего, кромѣ одного имени короля. Простите мнѣ, августѣйшій монархъ, если осмѣлюсь сказать вашему величеству, что въ глазахъ моихъ не подобаетъ королю вступать въ переговоры съ мятежными подданными, пока у нихъ въ рукахъ оружіе. Сохрани Богъ, чтобы я имѣлъ намѣреніе сдерживать милосердіе вашего величества; но я ужасаюсь мысли, что дѣло идетъ о мирномъ договорѣ въ то время, когда ваше величество и эти люди вышли другъ противъ друга съ вооруженными силами. Позвольте мнѣ выразить вашему величеству всеподданнѣйшее увѣреніе, что, съ помощью Божіею, у меня найдется средство заставить это королевство снова признать вашу власть; и если мѣры, придуманныя мною вмѣстѣ съ другими вѣрными вамъ подданными, увѣнчаются успѣхомъ—въ чемъ, кажется, нельзя сомнѣваться,—то въ концѣ настоящаго лѣта я буду въ состояніи прибыть къ вашему величеству на помощь съ храброю арміею; поддерживаемая убѣжденіемъ въ правотѣ вашего дѣла, она, какъ и въ Англіи, такъ и въ Шотландіи, подвергнетъ мятежниковъ заслуженному наказанію за ихъ возмущеніе. Когда же подчиню я вашей власти эту страну и покорю все отъ Дэна до Бирзеба, тогда позвольте, государь, повторить вашему величеству слова, сказанныя намѣстникомъ царя Давида своему повелителю: „приди самъ, если не хочешь, чтобы страна эта звалась моимъ именемъ“. Всѣми моими дѣйствіями руководить единственно искреннее желаніе славы и добра вашему величеству“.

Письмо это пробудило въ душѣ короля самыя лучшія его надежды. Менѣе его довѣрчивый, лордъ Соутэмptonъ пересталъ, однако, настаивать на своемъ и привезъ въ Уксбриджъ отказъ короля, не объяснивъ причинъ его. Конференціи были прерваны (22 февр. 1645), и вожди пресвитеріанъ возвратились въ Вестминстеръ, глубоко разстроенные неудачей, подвергавшей ихъ снова всѣмъ опасностямъ ихъ положенія.

Во время ихъ отсутствія положеніе это сдѣлалось еще хуже. Вынужденные, по крайней мѣрѣ на это время, оставить билль о самоотреченіи, индепенденты вдругъ со всѣмъ жаромъ ухватились за мѣру, которая должна была сопровождать этотъ билль, т. е. за преобразование арміи. Въ нѣскольکو дней все было приготовлено, все придумано, все рѣшено; планъ, форма, издержки, средства къ ихъ покрытію. Съ этихъ поръ должна была существовать тотъко одна армія, числомъ въ 21,000 человекъ, подъ предводительствомъ одного генерала, которому предоставлялось даже право назначать всѣхъ офицеровъ, подъ условіемъ утвержденія ихъ парламентомъ. Былъ и человекъ на это мѣсто—Ферфаксъ. Блестящая

храбрость, открытый характеръ, удачные походы, воинственный энтузіазмъ, который онъ умѣлъ вдохнуть въ солдатъ—все это уже давно обратило на него всеобщее вниманіе, и Кромвель одобрилъ этотъ выборъ публично въ палатѣ и тайно передъ своей партіей. Эссексъ сохранялъ свой титулъ, Уоллеръ и Манчестеръ—свои должности; но у нихъ не оставалось и тѣни власти. 28 января представленъ былъ лордамъ на утверженіе билль о способахъ исполненія этой мѣры. Они старались замедлить по крайней мѣрѣ принятіе его, то предлагая въ немъ разныя измѣненія, то съ намѣреніемъ затягивая пренія. Но сопротивляться было трудно: за него стояло общественое мнѣніе, убѣжденное, что настоящею причиною продолжительности и неудачнаго веденія войны была многочисленность армій и ихъ начальниковъ. Сильные этой поддержкой, члены нижней палаты неотступно требовали принятія своего предложенія; лорды принуждены были наконецъ уступить, и билль былъ принятъ 15 февр. 1645, а 19 февраля, за два дня до прекращенія переговоровъ въ Уксбриджѣ, Ферфаксъ былъ введенъ въ патату и, стоя возлѣ приготовленнаго для него мѣста, просто и скромно принялъ официальные поздравленія президента.

Возвратясь въ Вестминстеръ, вожди пресвитеріанъ стали придумывать, какъ бы имъ поправить свое пораженіе. Верхняя палата горько жаловалась на оскорбительныя, даже угрожавшія рѣчи, недавно противъ нея раздававшіяся, и упоминала также о распространившемся повсюду слухѣ, что нижняя палата замышляетъ уничтоженіе достоинства перовъ. Члены нижней палаты отвѣчали торжественнымъ изъявленіемъ глубокаго уваженія своего къ правамъ лордовъ и твердой рѣшимости поддерживать ихъ. Шотландскіе комиссары выпустили (3 марта), отъ имени ковенанта, желчное, но въ то же время робкое порицаніе палатамъ. Не стѣсняясь этимъ, члены нижней палаты передали лордамъ новый билль, еще болѣе расширявшій власть Ферфакса, и исключили изъ числа его обязанностей одну, о которой до того времени постоянно упоминалось во всѣхъ подобныхъ актахъ, а именно: обязанность „охранять особу короля“. Лорды потребовали включенія этихъ словъ (29 марта 1645), но члены нижней палаты не соглашались. „Слова эти“,—говорили они,—„только затрудняютъ солдатъ, дозволяя королю становиться во главѣ арміи, никогда не подвергаясь никакой опасности“. Лорды не уступали. Три раза возобновлялись пренія и, несмотря на самыя усердныя старанія нижней палаты, голоса раздѣлились въ верхней поровну. Видя дѣло въ такомъ нерѣшительномъ положеніи, члены нижней палаты объявили, что они сдѣлали все отъ нихъ зависѣвшее, и что если медленность повлечетъ за собою какое-нибудь бѣдствіе, одни лорды будутъ за это отвѣчать предъ государствомъ. Лорды утомились, наконецъ, борьбою; они не только понимали всю бесполезность этой борьбы, но и предвидѣли близкій конецъ ея. Между тѣмъ маркизъ Арджайль прибылъ изъ Шотландіи; хотя онъ принадлежалъ къ пресвитеріанамъ по религіознымъ своимъ убѣжденіямъ, но, въ отношеніи къ политикѣ, склонялся къ болѣе смѣлымъ намѣреніямъ; индепенденты, особенно Венъ и Кромвель, скоро вошли съ нимъ въ тѣсныя сношенія; сверхъ того, онъ не забылъ недавно нанесенныхъ ему оскорбленій, которыя требовали мести. Человѣкъ съ гибкимъ и глубокимъ умомъ, съ страшною жаждою дѣятельности, онъ обнаруживалъ, однако, болѣе твердости духа въ совѣтѣ, чѣмъ на полѣ брани; недавно онъ смотрѣлъ на битву шот-

ландцевъ и Монтроза съ лодки, находившейся посреди озера Инверлочи, и какъ только увидѣлъ, что его солдаты бѣгутъ по берегу, тотчасъ обратился въ бѣгство. Съ тѣхъ поръ и въ Шотландіи, и въ Англіи кавалеры отзывались о немъ не иначе, какъ съ презрѣніемъ: такой позоръ могъ быть смѣть только совершеннымъ униженіемъ ихъ. Онъ употребилъ все свое вліяніе для отклоненія шотландскихъ комиссаровъ и нѣкоторыхъ пресвитеріанскихъ вождей отъ дальнѣйшей оппозиціи не только противъ преобразованія арміи, но противъ билля о самоотреченіи. „Эта оппозиція“, — говорилъ онъ, — „болѣзненно отражается на всѣхъ я, рано или поздно, должна будетъ уступить необходимости“. Эссексъ видѣлъ, какъ съ каждымъ днемъ колебалась твердость его друзей. Рѣшившись самъ предупредить ихъ слабость, онъ объявилъ, что хочетъ подать въ отставку, и 1 апрѣля въ засѣданіи верхней палаты, вставъ съ мѣста, съ бумагой въ рукѣ, такъ какъ не имѣлъ дара импровизаціи, сказалъ: „Милорды, я принялъ на себя эту важную должность, повинуюсь повелѣніямъ обѣихъ палатъ; я принялъ на себя защиту ихъ правъ оружіемъ. Смѣю сказать, въ теченіе трехъ лѣтъ служилъ вамъ вѣрно и, надѣюсь, ничѣмъ не запятналъ своей чести и не нанесъ вреда обществу... Появленіе всѣхъ этихъ постановленій показываетъ мнѣ, что нижняя палата желаетъ уволить меня отъ исполненія возложенныхъ на меня обязанностей. Если до сихъ поръ я медлил самъ оставить службу, то это было вовсе не изъ личныхъ видовъ, какіе бы вы распускали объ этомъ слухи. Многіе могутъ удостовѣрять, что я хотѣлъ это сдѣлать послѣ освобожденія Глостера, и что только убѣжденія, основанныя, какъ мнѣ говорили, на общемъ благоѣ, побудили меня отказаться отъ такого намѣренія. Теперь я исполняю его; должность свою вручаю тѣмъ, изъ чьихъ рукъ ее принялъ, и искренно желаю, чтобъ удаленіе мое дѣйствительно послужило, какъ нѣкоторые ожидаютъ, добрымъ средствомъ противъ тѣхъ золъ, отъ которыхъ мы страдаемъ. Не думаю, что палаты сочтутъ неумѣстною съ моей стороны гордостью, если я обращусь къ нимъ съ просьбою, чтобъ тѣ изъ моихъ офицеровъ, которые будутъ уволены, получили часть слѣдующихъ имъ недоданныхъ денегъ на содержаніе; остальное пусть будетъ для нихъ обезпечено общественнымъ довѣріемъ... Я знаю, милорды, что при печальномъ положеніи нашихъ дѣлъ, нельзя избѣжать нѣкотораго взаимнаго недовѣрія, но полагаю, что какъ благоразуміе, такъ и христіанское челоуѣколюбіе требуютъ, чтобъ этому недовѣрію поставлены были какія-нибудь границы, по крайней мѣрѣ на столько, чтобъ оно не довело насъ до гибели. Надѣюсь, совѣтъ этотъ съ моей стороны не покажется неприличнымъ: онъ внушенъ мнѣ единственно преданностью парламенту, которому всегда отъ всего сердца буду желать благоденствія, въ какихъ бы обстоятельствахъ я ни находился. Я не единственный примѣръ участи, которой теперь подвергаюсь“.

Эта рѣчь, столь печальная и исполненная такого достоинства, какъ будто свѣла бремя, тяготѣвшее надъ верхней палатой. Она успѣшила увѣдомить нижнюю палату, что принимаетъ новое постановленіе о преобразованіи арміи безъ измѣненія. Въ ту же минуту графы Денби и Манчестеръ подали въ отставку, по примѣру Эссекса. На такое патриотическое самопожертвованіе обѣ палаты отвѣчали имъ изъявленіемъ благодарности и разными обѣщаніями. На другой день (3 апр. 1645) безпрепятственно прошелъ въ верхней палатѣ другой билль, о самоотреченіи, который хотя

и отличался нѣсколько отъ перваго, но имѣлъ тѣ же результаты, и многіе радовались, что, наконецъ, эта борьба, надѣлавшая имъ столько страха, кончилась.

ИСТОРИЯ Карла - Перваго,

съ восшествія его на престоль до смерти.

КНИГА ШЕСТАЯ.

Образованіе арміи индепендентовъ.—Кромвель остается начальникомъ.—Кампанія 1645 г.—Опасенія парламента.—Битва при Нэзби.—Парламентъ захватываетъ и обнародываетъ частную переписку короля.—Паденіе партіи роялистовъ на западѣ.—Бѣгство и тревоги короля.—Побѣды Монтроза въ Шотландіи.—Король старается соединиться съ Монтрозомъ, но не успѣваетъ въ этомъ.—Пораженіе Монтроза.—Пребываніе короля въ Ньюаркѣ.—Возвращеніе его въ Оксфордъ и попытка возобновить переговоры съ парламентомъ.—Отказъ парламента.—Новые выборы.—Переговоры короля съ ирландскими инсургентами; эти переговоры открыты.—Пораженіе послѣднихъ роялистскихъ отрядовъ.—Король бѣжитъ изъ Оксфорда и укрывается въ лагерь шотландцевъ.

1645—1646.

Едва Эссексъ и Манчестеръ успѣли подать въ отставку, какъ Ферфаксъ оставилъ Лондонъ (3 апрѣля) и, основавъ въ Виндзорѣ главную свою квартиру, немедленно приступилъ къ соединенію ихъ армій въ одно цѣлое подъ своимъ начальствомъ. Говорили, что эта важная операція встрѣтитъ сильное противодѣйствіе; Кромвель, котораго касался наравнѣ съ Манчестеромъ и Эссексомъ билль о самоотреченіи, отвергалъ эти опасенія, увѣряя, что „его солдаты привыкли быть въ походѣ или стоять на мѣстѣ, сражаться или класть оружіе—какъ прикажетъ парламентъ“. Не обошлось, однако, безъ возстаній, особенно въ Ридингѣ, гдѣ стояло пять пѣхотныхъ полковъ Эссекса, и въ Графствѣ Гертфордскомъ, гдѣ были расположены восемь эскадроновъ его же кавалеріи, подъ начальствомъ полковника Дальбьера (Dalbier). Присутствіе Скиппона, назначеннаго генераль-майоромъ новой арміи, его суровое, но симпатичное краснорѣчіе, успокоило волненіе въ Ридингѣ (6 апрѣля). Но не такъ легко было усмирить солдатъ Дальбьера; въ Лондонѣ даже прошелъ слухъ, что они хотятъ идти къ Оксфорду, по поводу чего желчный и вспыльчивый Сентъ-Джонъ писалъ къ вождямъ партій Гертфордскаго Графства, что на мятежниковъ слѣдуетъ внезапно напасть вооруженною силою. Наконецъ, уступивъ убѣжденіямъ нѣкоторыхъ офицеровъ, уже получившихъ отставку, и самого Эссекса, Дальбьеръ покорился и прибылъ въ главную квартиру.

Но, говоря вообще, солдаты мало обнаруживали недовольства своимъ новымъ положеніемъ, и безъ труда подчинялись новымъ начальникамъ. Парламентъ выдалъ имъ жалованье за двѣ недѣли и назначилъ въ продажу секвестрованныхъ имѣнія нѣсколькихъ преступниковъ для удовлетворенія самымъ настоятельнымъ требованіямъ. Солдаты Кромвеля также возмущались, несмотря на его обѣщанія, и объявили, что хотятъ служить только подъ его начальствомъ; одинъ Кромвель могъ возвратитъ ихъ къ своему долгу. При первомъ извѣстїи объ этомъ возмущенїи, онъ отправился на мѣсто, чтобъ оказать, какъ говорилъ онъ, палатамъ послѣднюю услугу передъ сложеніемъ своего званія. 20 апрѣля главная операція была почти окончена; всѣ новые отряды организовались безъ затрудненій; волненіе продолжалось только въ Лондонѣ, куда стекались всѣ уволенные офицеры частью въ видахъ исходатайствованія себѣ недоплаченныхъ денегъ, частью въ ожиданїи послѣдующихъ событій.

Въ Оксфордѣ король и дворъ были исполнены надеждъ. Послѣ разрыва переговоровъ въ Уксбриджѣ, несмотря на блестящія извѣстїя изъ Шотландїи, король чувствовалъ нѣкоторое безпокойство. Мало заботясь о мирѣ, онъ желалъ, однако, чтобъ миролюбивая партія преобладала въ Вестминстерѣ; пораженіе ея заставило его на минуту призадуматься. Тогда онъ рѣшился разстаться съ сыномъ своимъ Карломъ, принцемъ валлійскимъ, пятнадцатилѣтнимъ юношей, и отправить его, съ титуломъ генералиссимуса, въ западныя графства—для того ли, чтобъ дать этимъ столь преданнымъ ему графствамъ вождя способнаго еще болѣе оживитъ ихъ привязанность, или чтобъ разрознить опасности, угрожавшія королевской власти. Гайдъ и лорды Кэпль (Capel) и Кольпепперъ должны были, по порученію короля, сопровождать принца и дѣйствовать его именемъ. Мысли короля были въ это время до того печальны, что онъ часто разговаривалъ съ Гайдомъ о томъ, что будетъ, если онъ самъ попадетъ въ руки мятежниковъ, и поручилъ лорду Дигби вывѣдать отъ него косвеннымъ образомъ, рѣшится ли онъ, въ случаѣ нужды, безъ приказаній и даже въ противность явнымъ приказаніямъ, увезти принца изъ Англіи и провести его на континентъ. „Подобные вопросы“—отвѣчала Гайдъ—„рѣшаются только въ минуту необходимости“. 4 марта принцъ и его совѣтники простились съ королемъ, съ которымъ уже не суждено было имъ свидѣться. Но чрезъ мѣсяць, когда въ Оксфордѣ узнали о препятствіяхъ, встрѣтившихся при преобразованїи парламентской арміи, о возстанїи въ полкахъ, объ отставкѣ лучшихъ офицеровъ, увѣренность и веселость снова появились между роялистами. Вскорѣ они стали отзываться не иначе, какъ съ язвительнымъ презрѣніемъ объ этомъ сбродѣ проповѣдующихъ поселянъ и ремесленниковъ, до того одурѣвшихъ, что они прогнали генераловъ, которыхъ имя и искусство служили вѣрнымъ ручательствомъ ихъ силы, и остаются теперь при вождяхъ, столь же неизвѣстныхъ и неопытныхъ въ войнѣ, какъ и они сами. Каждое утро слышались пѣсни, шутки, каламбуры, направленные противъ парламента и его защитниковъ. Король, несмотря на свою степенность, увлекался этими легкими доводами; сверхъ того, онъ питалъ тайныя надежды, произведенныя интригами, о которыхъ ничего не знали самые близкіе къ нему люди.

Въ концѣ апрѣля Ферфаксъ объявилъ, что чрезъ нѣсколько дней онъ откроетъ кампанію. Кромвель прибылъ въ Виндзоръ поцѣловать, какъ говорилъ онъ, руку генерала и податъ ему свою отставку. Когда онъ

вошелъ въ кабинетъ, Ферфаксъ сказалъ ему: „Я только-что получилъ отъ комитета двухъ королевствъ приказъ, касающійся до васъ. Немедля ни минуты, возьмите нѣсколько эскадроновъ и станьте на дорогѣ изъ Оксфорда въ Уорчестеръ, чтобъ разорвать сообщенія принца Роберта съ королемъ“. Въ тотъ же вечеръ Кромвель отправился въ путь и, въ теченіе пяти сутокъ, прежде чѣмъ успѣлъ выступить какой-либо другой корпусъ новой арміи, разбилъ роялистовъ въ трехъ сраженіяхъ, занялъ мѣстечко Блечингтонъ (24 апр.) и увѣдомилъ палаты о своихъ успѣхахъ. „Кто доставитъ мнѣ этого Кромвеля, живаго или мертваго?“ — вскричалъ король, между-тѣмъ, какъ въ Лондонѣ поздравляли другъ друга съ тѣмъ, что Кромвель еще не подалъ въ отставку,

Не прошло недѣли, какъ парламентъ уже рѣшилъ не давать ему отставки. Кампанія началась (30 апрѣля). Карль выступилъ изъ Оксфорда (7 мая), соединился съ принцемъ Робертомъ и быстро подвигался къ сѣверу, съ цѣлю заставить снять осаду Честера, или чтобъ вступить въ сраженіе съ шотландской арміей и на этой сторонѣ возратить свои прежнія выгоды. Въ случаѣ удачи, онъ могъ, по усмотрѣнію, грозить восточнымъ или южнымъ областямъ, и Ферфаксъ, ушедшій на западъ, для освобожденія важнаго пункта Таунтона, тѣсно-обложеннаго принцемъ валлійскимъ, не могъ остановить его движенія впередъ. Ферфаксъ былъ отозванъ (6 мая), и въ это время одинъ Кромвель былъ въ состояніи слѣдить за движеніями короля. Онъ получилъ повелѣніе продолжать службу, несмотря на билль, еще въ теченіе сорока дней (10 мая). Сэръ Уильямъ Брертонъ, сэръ Томасъ Мидльтонъ и сэръ Джонъ Прейсъ (Price), люди извѣстные своими военными заслугами и члены нижней палаты, получили подобное же повелѣніе, можетъ-быть, по той же причинѣ, или чтобъ показать, что исключеніе дѣлается не для одного Кромвеля.

Ферфаксъ поспѣшно воротился; король продолжалъ свой походъ къ сѣверу. Въ Лондонѣ, неизвѣстно почему, опасенія нѣсколько утихли. Армія роялистовъ не прикрывала уже Оксфорда, бывшаго постояннымъ театромъ войны въ центрѣ королевства. Парламенту казалось, что у него есть надежныя связи въ этомъ городѣ, и Ферфаксу приказано было обложить его. Еслибъ онъ имъ завладѣлъ, успѣхъ былъ бы громадный. Въ случаѣ продолжительной осады, онъ имѣлъ полную возможность подавать оттуда немедленную помощь всѣмъ мѣстамъ, которымъ могъ угрожать король. Кромвель соединился съ нимъ передъ Оксфордомъ.

Едва послѣдовало это соединеніе, какъ въ Лондонѣ снова начались тревоги, и гораздо съ большею силою, чѣмъ прежде. Ежедневно приходили дурныя вѣсти съ сѣвера; шотландская армія, вмѣсто того, чтобъ идти навстрѣчу королю и удержать его, или сразиться съ нимъ, отступила къ границамъ Шотландіи. Одни говорили, что это сдѣлано ею по необходимости и съ цѣлю поставить себя въ возможность противодѣйствовать быстрымъ успѣхамъ Монтроза въ этомъ королевствѣ; другіе же приписывали это недовольству, происходившему оттого, что палаты не соглашались нести на себѣ иго пресвитеріанъ и иноземцевъ. Какъ бы то ни было, но, по милости этого отступленія, королю не было надобности даже подходить къ стѣнамъ Честера, чтобъ освободить его отъ блокады. Успокоившись насчетъ этого мѣста, которое обезпечивало ему сношенія съ Ирландією, онъ двинулся на востокъ къ соединеннымъ графствамъ, служившимъ доселѣ оградой и опорнымъ пунктомъ для парламента. На-

добно было спасти ихъ, во что бы ни стало, отъ этого вторженія короля. Никто не могъ успѣть въ этомъ случаѣ лучше Кромвеля, потому что вліяніе его тамъ было сильно: тамъ возникла его армія, тамъ начались его подвиги. Онъ получилъ повелѣніе немедленно двинуться къ Кембриджу и взять на себя защиту конфедерации.

Скоро болѣе вопіющія опасности заставили отозвать его. Черезъ восемь дней послѣ его выступленія, узнали, что король взялъ штурмомъ богатый городъ Лейчестеръ (1 іюня), а на западѣ Таунтонъ, освобожденный отрядомъ ферфаксовой арміи, снова находится въ тѣсной осадѣ. Это поразило всѣхъ; пресвитеріане торжествовали. „Вотъ“—говорили они— „плоды этого преобразования, о которомъ такъ много кричали. Съ тѣхъ поръ, какъ оно сдѣлано, что мы видимъ?—одни промахи да неудачи. Король въ одинъ день отнимаетъ у насъ самыя лучшія крѣпости, а вашъ генералъ стоитъ передъ Оксфордомъ, вѣроятно, въ ожиданіи, что придворныя дамы испугаются и отворятъ ему ворота. Въмѣсто отвѣта, верхней палатѣ было представлено прошеніе муниципальнаго совѣта (5 іюня); все зло приписывалось бездѣйствію шотландцевъ, промедленію въ наборѣ арміи и притязанію палатъ распорядиться издали военными дѣйствіями; въ заключеніе, требовалось: предоставить генералу болѣе свободы, шотландцамъ сдѣлать болѣе серьезныя внушенія, Кромвелю вручить прежнюю команду въ арміи. Въ то же время (5 іюня) Ферфаксъ получилъ приказаніе снять осаду Оксфорда, отыскать короля и сразиться съ нимъ, во что бы ни стало. Выступая въ походъ, онъ писалъ палатамъ, прося также, съ своей стороны, чтобъ ему прислали Кромвеля, необходимаго, по словамъ его, для командованія кавалеріею; шестнадцать полковниковъ подписали письмо. Лорды медлили отвѣтомъ; но нижняя палата не заставила ждать себя ни минуты, и данное ею согласіе было сочтено достаточнымъ. Ферфаксъ тотчасъ же увѣдомилъ Кромвеля (11 іюня). Всѣ отряды войска шли усиленнымъ маршемъ и 12 іюня нѣсколько парламентскихъ рейтаровъ, высланныхъ для рекогносцировки, нѣсколько на западѣ отъ Нортгэмптона, столкнулись съ отрядомъ королевской арміи.

Король былъ далекъ отъ мысли о близости непріятелей. Узнавъ объ осадѣ Оксфорда и уступая просьбамъ испугавшагося двора, умолявшаго его возвратиться, онъ отказался отъ экспедиціи въ сѣверныя и восточныя графства, и пошелъ освобождать отъ осады свою главную квартиру. Увѣренность его была еще крѣпка: новая побѣда, одержанная Монтрозомъ, еще болѣе ободрила его. „Съ самаго начала мятежа“—писалъ онъ королевѣ 9 іюня—„дѣла мои никогда еще не шли такъ хорошо, какъ теперь“. Поэтому онъ вовсе не думалъ торопиться, во время похода останавливался въ тѣхъ мѣстностяхъ, которыя ему нравились, проводилъ по цѣлымъ днямъ на охотѣ и предоставлялъ почти такую же свободу и своимъ кавалерамъ, еще болѣе безпечнымъ, чѣмъ онъ. При первомъ слухѣ о появленіи парламентскихъ войскъ, онъ отступилъ къ Лейчестеру, чтобъ тамъ собрать свои войска и обождать тѣ полки, которые должны были подойти или изъ Валлиса, или изъ западныхъ графствъ. На другой день (13 іюня 1645), въ часъ ужина, онъ былъ беззаботенъ попрежнему и не думалъ о сраженіи. Вдругъ доносятъ ему, что парламентскіе эскадроны тревожатъ арьергардъ его. Уже нѣсколько часовъ Кромвель находился при арміи. Созвали военный совѣтъ и около полуночи, несмотря на представленія многихъ офицеровъ, которые настаивали на необходи-

мости выждать подкрѣпленія, принцъ Робертъ поставилъ на своемъ, и рѣшено было тотчасъ же воротиться назадъ и идти на встрѣчу непріятелю.

Войска встрѣтились на слѣдующее утро (14 іюня 1645) на равнинѣ Нэзби (Naseby), на сѣверо-западъ отъ Нортэмптона. Съ разсвѣтомъ королевская армія расположилась въ боевомъ порядкѣ на небольшомъ возвышеніи, представлявшемъ выгодную позицію. Лазутчики, посланные для собранія свѣдѣній о парламентскихъ войскахъ, возвратились чрезъ два часа съ извѣстіемъ, что непріятельской арміи не видать. Нетерпѣливый Робертъ съ нѣсколькими эскадронами отправился на поиски. Условлено было, что королевская армія будетъ оставаться неподвижною до его возвращенія. Не успѣлъ онъ сдѣлать полмили, какъ показался непріятельскій авангардъ, шедшій на встрѣчу кавалерамъ. Въ пылу горячности, принцу показалось, что непріятель ретируется, и онъ продолжалъ наступать, извѣстивъ короля, чтобъ тотъ, какъ можно скорѣе, поспѣшилъ соединиться съ нимъ, чтобъ не дать уйти непріятелю. Въ десятомъ часу прибыли роялисты, нѣсколько утомленные усиленнымъ переходомъ, и Робертъ, командуя кавалеріей праваго фланга, стремительно напалъ на лѣвое крыло парламентской арміи, бывшее подъ предводительствомъ Эйртона, впоследствии зятя Кромвелева (15 янв. 1647). Почти въ то же время Кромвель, эскадронъ котораго стоялъ на правомъ крылѣ, напалъ на лѣвое крыло королевской арміи, составленное изъ кавалеровъ сѣверныхъ графствъ, подъ начальствомъ Мармадіука Лангдэля (Marmaduke Langdale). Спустя нѣсколько минутъ, введены были въ дѣло обѣ пѣхоты, составлявшія центръ, изъ которыхъ одною предводительствовали Ферфаксъ и Скипшонъ, а другою самъ король. Еще не было дѣла, которое бы такъ быстро сдѣлалось общимъ и гдѣ бы сражались съ такимъ ожесточеніемъ. Силы противниковъ были почти равны; военнымъ кликомъ кавалеровъ, упоенныхъ самоувѣренностью, было: „королева Марія“; парламентскіе солдаты, крѣпкіе въ вѣрѣ, шли, возглашая: „съ нами Богъ!“ Первый натискъ принца Роберта былъ, по обыкновенію, удаченъ. Послѣ жаркой свалки, эскадроны Эйртона были разорваны и самъ Эйртонъ, раненый въ ногу копьемъ, съ разбитымъ плечомъ попалъ было въ руки кавалеровъ. Но между тѣмъ, какъ Робертъ, болѣе и болѣе увлекаясь, преслѣдовалъ непріятеля до самыхъ обозовъ, хорошо защищенныхъ артиллеристами, и, подстрекаемый надеждою добычи, терялъ время въ нападеніяхъ на эти обозы, Кромвель, владѣя самимъ собою и другими, какъ при Марстонѣ-Мурѣ, прорвалъ эскадроны Лангдэля и, предоставивъ двоимъ изъ своихъ офицеровъ препятствовать ихъ соединенію, поспѣшилъ возвратиться на поле сраженія, гдѣ дрались обѣ пѣхоты. Здѣсь происходила самая жаркая и кровопролитная битва. Парламентскія войска, атакованныя лично королемъ, сначала не выдержали натиска и пришли въ величайшее разстройство. Скипшонъ былъ опасно раненъ; Ферфаксъ убѣждалъ его удалиться. „Нѣтъ“—сказалъ онъ,—„пока хоть одинъ человекъ держится, я останусь здѣсь“, и отдалъ приказаніе своему резерву выступить впередъ. Сабельнымъ ударомъ сшибло каску съ Ферфакса. Чарльзъ Дойли (Charles Doyley), полковникъ его гвардіи, видя, что онъ носитя по полю сраженія съ открытою головою, предложилъ ему свою каску. „Неужно, Чарльзъ, я и безъ нея обойдусь“—сказалъ Ферфаксъ и, указывая на отрядъ королевской пѣхоты, котораго никакими усиліями не

могли одолѣть, спросилъ: „Такъ эти молодцы неприступны? вы пробовали ихъ?“ — „Два раза, генераль, но все безуспѣшно“ — „Хорошо! Бейте же ихъ въ голову, а я въ хвостъ, и мы сойдемся на серединѣ“. И они дѣйствительно сошлись, разорвавъ непріятельскіе ряды. Ферфаксъ собственноручно убилъ знаменосца и передалъ знамя одному изъ своихъ; этотъ сталъ хвастаться этимъ, какъ подвигомъ своей личной храбрости. Дойли, замѣтивъ это, разсердился. „Оставьте его“ — сказалъ Ферфаксъ, проходя мимо „у меня довольно славы, и я охотно дарю ему эту честь“. Въ свою очередь, роялисты уже отступали на всѣхъ пунктахъ, когда явился Кромвель съ своими побѣдоносными эскадронами. Тогда король, съ отчаяніемъ въ душѣ, сталъ во главѣ полка гвардіи, единственнаго резерва, который у него оставался, и готовился атаковать этого новаго врага. Уже былъ отданъ приказъ и полкъ двинулся, какъ графъ Кэрн-вартъ (Carnewarth), шотландецъ, скакавшій подлѣ короля, схватилъ лошадь его подъ удцы, закричалъ съ проклятіемъ: „вы хотите, чтобъ васъ убили!“ и быстро повернулъ ее вправо. Ближайшіе къ королю кавалеры безотчетно сдѣлали то же, за ними прочіе, и въ одно мгновение весь полкъ обратилъ тылъ къ непріятелю. Изумленіе смѣнилось ужасомъ; все разсѣялось по равнинѣ; одни обратились въ бѣгство, другіе бросились вслѣдъ, чтобъ удерживать бѣгущихъ. Напрасно Карлъ, находившійся въ толпѣ офицеровъ, кричалъ имъ: — „стой! стой!“ Смятеніе уменьшилось только при видѣ принца Роберта, возвращавшагося, наконецъ, на поле битвы съ своими эскадронами. Тогда образовался около короля довольно значительный корпусъ, но это былъ корпусъ нестройный, состоявшій изъ кавалеровъ измученныхъ, смущенныхъ, упавшихъ духомъ. Со шпагою въ рукахъ, съ сверкающимъ взоромъ, съ отчаяніемъ, выразившимся во всѣхъ чертахъ лица, Карлъ дважды кидался впередъ, крича изо всѣхъ силъ: „Господа! еще одинъ ударъ — и день нашъ!“ Никто не трогался съ мѣста: пѣхота, тѣснямая со всѣхъ сторонъ, была совершенно разбита и большая часть ея была въ плѣну. Надо было спастись бѣгствомъ, и король, съ двумя тысячами всадниковъ, бросился по направленію къ Лейчестеру, оставивъ въ рукахъ парламента артиллерію, военные припасы, болѣе ста знаменъ, свое собственное знамя, пять тысячъ плѣнныхъ и всѣ свои кабинетныя бумаги.

Побѣда превзошла самыя смѣлыя ожиданія. Ферфаксъ спѣшилъ уведомить обо всемъ палаты, сохраняя въ письмѣ спокойный и простой тонъ, безъ всякихъ политическихъ намековъ и совѣтовъ. Кромвель тоже писалъ, но къ одной нижней палатѣ, такъ какъ онъ отъ нея одной получилъ свое назначеніе. Письмо его оканчивалось такими словами: „Во всемъ этомъ видѣнъ перстъ Божій; ему одному нераздѣльно принадлежитъ побѣда. Генераль служилъ вамъ вѣрно и честно. Все относить онъ къ волѣ Божіей, и скорѣе умереть, чѣмъ приписать что-нибудь лично себѣ — вотъ высшая похвала, которую я могу воздать ему! Но что касается до храбрости, то ему можно приписать въ этомъ дѣлѣ все, что только возможно для человѣка. Добрые люди (онъ разумѣлъ подъ этимъ энтузіастовъ-индепендентовъ) служили вамъ вѣрно: они исполнены довѣрія. Богомъ умоляю васъ не ронять ихъ духъ. Желаю, чтобъ эта битва породила смѣреніе и благодарность въ сердцахъ всѣхъ, кто имѣетъ въ ней какую-нибудь долю. Желаю, чтобъ тотъ, кто жертвуетъ своей жизнью для спасенія родины, могъ положиться на Бога относительно свободы своей

совѣсти, и на васъ, относительно той свободы, во имя которой онъ сражается“.

Нѣкоторые обидѣлись, что подчиненный генерала, слуга парламента, какъ они говорили, беретъ на себя раздавать имъ такимъ тономъ похвалы и совѣты; но ихъ неудовольствіе было заглушено всеобщимъ восторгомъ, и въ день полученія его письма въ Лондонѣ сами лорды подали мнѣніе продолжить его командованіе еще на три мѣсяца (16 іюня).

Въ то же время они единогласно рѣшили, что должно воспользо-ваться побѣдою и сдѣлать королю благоразумныя предложенія; шотландскіе комиссары высказали то же желаніе; но побѣдители были далеко не такихъ мыслей. вмѣсто отвѣта, нижняя палата потребовала (30 іюня) созванія всѣхъ гражданъ въ Гильдгаллѣ, чтобъ выслушать чтеніе бумагъ, найденныхъ въ королевскомъ обозѣ, особенно его писемъ къ королевѣ, и лично убѣдиться, на сколько можно впредь имѣть довѣрія къ переговорамъ. Ферфаксъ не рѣшался вскрыть бумагъ, но Кромвель и Эйртонъ поспѣшили разсѣять его сомнѣнія, а палата и не думала раздѣлять ихъ. Онѣ были прочитаны (3 іюля) при огромномъ стеченіи народа и произвели на всѣхъ страшное впечатлѣніе. Очевидно было, что король никогда не хотѣлъ мира; что ни одна уступка не была въ его глазахъ рѣшительною, ни одно обѣщаніе обязательнымъ; что, въ сущности, онъ считывалъ только на силу и никогда не оставлялъ притязаній на неограниченную власть; наконецъ, что, несмотря на вѣсь свои торжественныя, тысячу разъ повторяемыя увѣренія, онъ обращался къ королю французскому, къ герцогу лотарингскому, ко всѣмъ государямъ европейскимъ, не задумываясь ввести въ королевство чужихъ солдатъ. Самое названіе „парламента“, которое онъ недавно далъ палатамъ, чтобъ сдѣлать возможными уксбриджскія конференціи, было, съ его стороны, чистымъ обманомъ, потому что, давши его, онъ секретно протестовалъ противъ своего официальнаго дѣйствія и приказалъ занести свой протестъ въ протоколы государственнаго совѣта въ Оксфордѣ. Всѣхъ гражданъ допускали убѣждаться собственными глазами, что письма были писаны рукою короля, и парламентъ, послѣ собранія въ Гильдгаллѣ, велѣлъ ихъ напечатать и издать.

Негодованіе было повсюду одинаковое, и поборники мира должны были замолчать. Напрасно нѣкоторые пытались возстать противъ обнародованія писемъ, которое они называли наглымъ нарушеніемъ семейныхъ тайнъ. Они спрашивали: можно ли еще вѣрить въ добросовѣстность этого изданія? развѣ нельзя предположить, что многія письма искажены, другія исключены вовсе? Они намекали, что и въ палатахъ „иные“ дѣйствовали не съ большею искренностью, и также не хотѣли мира; но никакія объясненія, никакія оправданія не принимаются народомъ, когда онъ узнаетъ, что его хотѣли обмануть. Притомъ, хотя бы все это и было справедливо, все же вѣроломство короля было очевидно; а для заключенія мира необходимо было имѣть возможность положиться на него. Съ тѣхъ поръ уже ни о чемъ не говорили, какъ только о войнѣ; спѣшили наборомъ войска, взносомъ налоговъ, продажей имущества осужденныхъ; всѣ корпуса получили жалованье, всѣ значительныя крѣпости снабжены были военными припасами. Шотландцы согласились наконецъ двинуться внутрь королевства, и Ферфаксъ, которому такимъ образомъ не оставалось даже преслѣдовать никакихъ бѣглецовъ, не замедлил выступить въ

походъ (20 іюня 1645), чтобъ возобновить экспедицію въ западныя графства, отъ которой его отвлекла осада Оксфорда.

Все измѣнилось въ этихъ графствахъ, бывшихъ доселѣ оплотомъ королевскаго дѣла, не потому, чтобъ народное мнѣніе склонилось на сторону парламента, но оно уже перестало держаться и на сторонѣ короля. У него еще было тамъ нѣсколько корпусовъ и почти всѣ крѣпости; но войну вели уже не прежніе люди, разсудительные, пользовавшіеся уваженіемъ, популярностью, какъ, напримѣръ, маркизь Гертфордъ, сэръ Бевиль Гринвиль (Bevil Greenville), Гопгонъ, Тривэнньюнъ (Trevannion), Слэннингъ (Slanning), безкорыстные приверженцы короны: одни умерли, другіе бросили службу, или были удалены по проискамъ двора и принесены въ жертву малодушіемъ короля. Ихъ мѣсто заступили два интригана: лордъ Горингъ и сэръ Ричардъ Гринвиль: одинъ самый развратный, другой самый алчный изъ кавалеровъ. Никакое убѣжденіе, никакое чувство не привязывало ихъ къ королевскому дѣлу. Сражаясь за него, они имѣли въ виду удовлетвореніе своимъ алчнымъ страстямъ, уничтоженіе своихъ враговъ, личную месть удовольствія, обогащеніе. Горингъ былъ храбръ, любимъ своими солдатами; на полѣ битвы въ немъ не было недостатка въ способностяхъ и энергіи, но ничто не могло сравниться съ его безпечностью, съ возмутительною наглостью его поведенія и рѣчей. Даже опасно было положиться на его честь: разъ, онъ уже измѣнилъ королю, потомъ парламенту, и казался всегда готовымъ на новую измѣну. Сэръ Ричардъ Гринвиль, хотя не столь безнравственный и болѣе вліятельный на мѣстное дворянство, былъ человекъ жестокій, жадный, и если не сомнительной храбрости, то по крайней мѣрѣ и не очень отважный. Все время проводилъ онъ въ сборѣ контрибуцій для войскъ, которыхъ не формировалъ, или для предпріятій, которыхъ даже и не начиналъ. Вмѣстѣ съ начальниками измѣнилась и армія: ее уже не составляли люди, ратовавшіе за свои привязанности и интересы: это не была партія—легкомысленная, но, по крайней мѣрѣ, прямодушная—вольнлюбивая, но преданная; это былъ сбродъ негодяевъ, совершенно равнодушныхъ даже къ своему дѣлу, которые день и ночь предавались самымъ воиющимъ беспорядкамъ и своими пороками приводили въ негодование страну, разоренную ихъ грабительствомъ. Принцъ валлійскій или, вѣрнѣе, его со-вѣтъ, поставленный въ необходимость употреблять подобныхъ людей, истощался въ напрасныхъ усиліяхъ удовлетворить или обуздать ихъ, то защищая отъ нихъ народъ, то призывая его подъ ихъ знамена.

Но народъ уже не отвѣчалъ на эти призывы; вскорѣ онъ пошелъ дальше. Поселяне тысячами стали соединяться между собою, подъ именемъ *клубменовъ* (clubmen), и ходить съ оружіемъ по всей мѣстности. Они не имѣли намѣренія пристать къ той или другой партіи и не объявляли себя сторонниками парламента; имъ хотѣлось только отклонить отъ своихъ селъ и полей опустошеніе войны, и они нападали на всякаго, кто подавалъ имъ поводъ бояться себя, не заботясь о томъ, кто онъ. Уже въ предшествовавшемъ году въ графствахъ Уорчестеръ и Дорсетъ образовалось нѣсколько такихъ шаякъ, возбужденныхъ неистовствами принца Роберта. Въ мартѣ 1645, эти *клубмены* въ западныхъ графствахъ представляли постоянный, правильно организованный союзъ, поддерживаемый и даже руководимый дворянами, изъ которыхъ нѣкоторые служили въ королевской арміи. Этотъ союзъ неусыпно заботился объ охра-

неніи имущества, личной безопасности, о возстановленіи порядка и мира. *Клобмены* вступали въ переговоры съ войсками и гарнизонами обѣихъ партій, брали на себя доставленіе имъ съѣсныхъ припасовъ, съ условіемъ, чтобъ они ничего не отнимали вооруженной рукой; иногда даже не давали имъ драться, и на своихъ деревенскихъ знаменахъ написали слова:

If you offer to plunder our cattle,
Be assur'd we will give you battle.

Коль нашу грабить станете скотинку,
То знайте, что и мы возьмемъ за дубинку.

Пока роялисты преобладали на западѣ, *клобмены* возставали противъ нихъ вмѣстѣ съ парламентскими войсками, къ которымъ, казалось, они не прочь были пристать. То они грозили пожаромъ всякому, кто откажется отъ союза съ ними для истребленія кавалеровъ, то приглашали Мэсси (Massey), командовавшаго именемъ парламента въ графствѣ Уорстеръ, идти съ ними осаждать Гирфордъ, откуда кавалеры беспокоили страну. 2 іюня въ Уэлльзѣ (Wells) шесть тысячъ клобменовъ подали жалобу принцу валлійскому на грабительства Горинга и, несмотря на приказаніе принца, не хотѣли разойтись. Въ началѣ іюля Ферфаксъ побѣдителемъ прибылъ на западъ, и устрашенные кавалеры перестали безнаказанно опустошать села; *клобмены* тотчасъ же обратились противъ Ферфакса и его солдатъ. Но у Ферфакса было хорошее войско, достаточно обезпеченное относительно жалованья и продовольствія, войско, въ которомъ энтузіазмъ и дисциплина взаимно поддерживали другъ друга. Онъ обошелся съ *клобменами* кротко, вступилъ въ переговоры съ ними, нѣсколько разъ лично присутствовалъ на ихъ сходкахъ, обѣщалъ имъ миръ и дѣятельно продолжалъ вести войну. Въ нѣсколько дней кампанія была рѣшена. Горингъ, настигнутый врасплохъ, былъ разбитъ (10 іюля 1645) при Лэнгпортѣ, въ графствѣ Сомерсетъ. Остатки войска его разбѣлись, куда попало. Сэръ Ричардъ Гринвиль отослалъ принцу валлійскому свой фельдмаршальскій патентъ, нагло жалуясь, что его заставили вести войну на свой счетъ. Черезъ три недѣли по прибытіи Ферфакса, роялисты, которые недавно еще, какъ властелины, обходили западъ, были теперь почти всѣ заперты въ крѣпостяхъ, которыя Ферфаксъ намѣревался осаждать.

Между тѣмъ всѣ спрашивали, что-жъ дѣлаетъ король? гдѣ онъ? Многіе ничего не знали объ этомъ. Послѣ пораженія при Нэзби онъ перебѣгалъ изъ города въ городъ, останавливаясь только на нѣсколько часовъ для отдыха и, направляясь то къ сѣверу, то къ западу, для соединенія съ Монтрозомъ, или Горингомъ, смотря по тому, что ему подсказывалъ страхъ или надежда. Прибывъ въ Гирфордъ, онъ, наконецъ, рѣшился идти въ Валлисъ, гдѣ надѣялся набрать сколько-нибудь пѣхоты, послалъ принца Роберта въ Бристоль, самъ же отправился въ замокъ Раглэндъ, къ маркизу Уорстеру, главѣ католической партіи, одному изъ богатѣйшихъ вельможъ Англій. Тайныя намѣренія, осуществленію которыхъ могли содѣйствовать одни католики, объясняли это предпочтеніе. Впродолженіе трехъ лѣтъ маркизь доказывалъ королю постоянную преданность: онъ ссудилъ его 100,100 фунтами стерлинговъ, сформировалъ на свой счетъ два корпуса, подъ предводительствомъ сына своего, лорда Герберта, графа Глеморганскаго, и, не взирая на свои преклонныя лѣта

и недуги, самъ командовалъ въ своемъ замкѣ сильнымъ гарнизономъ. Онъ принялъ короля съ почтительною пышностью, созвалъ окрестное дворянство, забавлялъ его охотою, празднествами, почетомъ и удовольствіями, напоминавшими дворъ. Король - бѣглець вздохнулъ на минуту, какъ бы возвращенный въ свое естественное положеніе, и, забывъ о своихъ несчастіяхъ, о своихъ опасностяхъ, о своемъ государствѣ, болѣе пятнадцати дней безпечно предавался наслажденіямъ, соединеннымъ съ королевскимъ саномъ.

Наконецъ слухи о неудачахъ на западѣ пробудили его изъ этого апатическаго самообольщенія. Въ то же время онъ узналъ, что на сѣверѣ шотландцы взяли Карлейль (28 іюня) и идутъ на югъ, чтобъ осадить Гирфордъ. Онъ оставилъ Раглэндъ и пошелъ на помощь Горингу; но едва достигъ береговъ Саверны, какъ его уже смутило плохое состояніе новонабраннаго войска, раздоры между офицерами и тысячи другихъ непредвидѣнныхъ затрудненій, и онъ снова возвратился въ Валлисъ. Находясь въ Кардиффѣ и не зная на что рѣшиться, онъ получаетъ письмо, писанное Робертомъ къ графу Ричмонду съ тѣмъ, чтобъ тотъ показалъ его королю. Принцъ считалъ все потеряннымъ и совѣтовалъ, во что бы то ни стало, заключить миръ. Но когда угрожала опасность чести Карла, онъ находилъ въ себѣ ту энергію, которой у него не доставало въ другихъ случаяхъ. Онъ тотчасъ же отвѣчалъ своему племяннику (отъ 3 авг.): „Еслибъ я велъ войну не въ защиту своей религіи, короны и друзей своихъ, вы были бы вполне правы. Какъ государственный человѣкъ, какъ солдатъ, я согласенъ, что одна погибель моя вѣроятна; но, какъ христіанинъ, я долженъ сказать вамъ, что Богъ не попуститъ торжествовать мятежникамъ и погубить его святое дѣло. Какимъ бы наказаніемъ Ему не благоугодно было испытать меня, ничто не заставитъ меня раскаяться, а тѣмъ болѣе отступить отъ этой борьбы. Безъ всякихъ обиняковъ предупреждаю друзей моихъ: кто теперь остается со мною, тотъ долженъ имѣть въ виду и рѣшиться или умереть за правое дѣло, или, что еще хуже, поддерживая его, жить хотя въ самомъ жалкомъ положеніи, въ какое только могутъ поставить его дерзкіе мятежники. Ради Бога, не будемъ обольщаться пустыми химерами. Вѣрьте мнѣ: одна мысль, что вы желаете вступить въ переговоры, ускоритъ мою погибель“. Чтобъ ободрить свою упавшую духомъ партію, онъ призвалъ на помощь все свое мужество и немедленно оставилъ Валлисъ. Незамѣченный шотландскою арміею, стоявшею лагеремъ уже подъ стѣнами Гирфорда, онъ быстро прошелъ графства Шропъ, Стаффордъ, Дерби, Ноттингэмъ и, прибывъ въ графство Іоркъ, созвалъ въ Донкэстерѣ всѣхъ вѣрныхъ ему кавалеровъ сѣверной части, дабы убѣдить ихъ идти съ нимъ на соединеніе съ Монтрозомъ, вѣрнымъ, какъ они, и до сихъ поръ все еще побѣдоноснымъ.

Кавалеры поспѣшно стали собираться на этотъ призывъ. Присутствіе короля, такъ долго гостившаго у нихъ, возбудило въ графствѣ живой энтузіазмъ. Стали говорить о сформированіи цѣлаго корпуса инфантерій; незадолго передъ тѣмъ принуждены были сдать, за недостаткомъ провіанта, двѣ крѣпости, Понтефрактъ и Скарборо (Scarborough); солдаты гарнизоновъ были свободны; въ теченіе трехъ дней около трехъ тысячъ человѣкъ явилось къ королю съ предложеніемъ услугъ, обѣщаясь въ двадцать четыре часа быть готовыми къ походу, по первому приказанію. Оставалось только дожидаться письма отъ Монтроза, чтобъ знать, оты-

скивать ли его въ Шотландіи, или назначить ему сборный пунктъ въ Англіи. Вдругъ получаютъ извѣстіе, что Давидъ Лесли (Lesley) съ шотландскою кавалеріей оставилъ осаду Гирфорда и находится уже въ Ротергамѣ (Rotherham), въ четырехъ лье отъ Донкэстера, повсюду отыскивая короля. Пораженіе при Нэзби безвозвратно разстроило воображеніе роялистовъ; ихъ мужество уже не могло устоять противъ приближенія опасности. Многіе оставили Донкэстеръ; вновь туда никто не шель. По мнѣнію людей самыхъ отважныхъ, попытка соединиться съ Монтрозомъ была теперь уже невозможна, надо было думать только о спасеніи короля. Онъ удалился въ сопровожденіи 1500 всадниковъ, безпрепятственно проѣхалъ черезъ центральную часть королевства, даже разбилъ дорогою нѣсколько парламентскихъ отрядовъ и снова вступилъ въ Оксфордъ, 29 августа, не зная, что ему дѣлать съ этимъ малымъ остаткомъ силъ,

Онъ находился тамъ два дня, когда къ нему пришло извѣстіе о новыхъ блистательныхъ успѣхахъ Монтроза въ Шотландіи. Уже дѣло короля торжествовало не въ однѣхъ сѣверныхъ областяхъ и между горцами: Монтрозъ зашелъ на югъ, въ низменныя области, и 15 августа, при Кильситѣ (Kilsyth), невдалекѣ отъ развалинъ большой римской стѣны, одержалъ седьмую и самую блистательную изъ своихъ побѣдъ надъ ковенантерами, подъ начальствомъ Вэлли (Baillie). Непріятельская армія была уничтожена; всѣ сосѣдственные города: Босуэль (Bothwell), Гласго (Glasgow) и даже Эдимбургъ отворили ворота побѣдителю; всѣ роялисты, заключенные въ темницы шотландскимъ парламентомъ, были освобождены. Люди робкіе, какъ маркизь Дугласъ, графы Аннендэль и Линлитто (Linthgow), лорды Ситонъ (Seaton), Друммондъ (Drummond), Эрскайнъ (Erskine), Керниджи (Carnegie) и проч., выжидавшіе успѣха, чтобъ явно пристать къ той или другой сторонѣ, спѣшили теперь опередить другъ друга, боясь опоздать. Парламентскіе вожди бѣжали со всѣхъ сторонъ одни въ Англію, другіе въ Ирландію. Наконецъ, кавалерія шотландской арміи, осаждавшая Гирфордъ, была поспѣшно отозвана, подъ начальствомъ Давида Лесли, на помощь отечеству. Нѣкоторые даже говорили, что когда Лесли показался недавно въ окрестностяхъ Донкэстера, онъ вовсе не думалъ сражаться съ королемъ, а шель въ Шотландію, и страхъ былъ совершенно напрасный.

Оживленный этими славными вѣстями, Карлъ тотчасъ же выступилъ изъ Оксфорда (31 авг.) противъ шотландской арміи съ тѣмъ, чтобъ, пользуясь ея ослабленіемъ, принудить ее, по крайней мѣрѣ, снять осаду съ Гирфорда. Проходя мимо Рагланда, онъ былъ извѣщенъ, что Ферфаксъ обложилъ Бристоль, самое важное изъ всѣхъ его владѣній на западѣ; но этотъ пунктъ былъ хорошо укрѣпленъ, принцъ Робертъ защищалъ его съ сильнымъ гарнизономъ и обѣщалъ держаться въ немъ четыре мѣсяца; поэтому король не безпокоился на этотъ счетъ. Еще за день пути до Гирфорда, онъ узналъ, что шотландцы, услышавъ о его приближеніи, сняли осаду и быстро отступили къ сѣверу. Его убѣждали преслѣдовать ихъ: усталые, испуганные, они въ безпорядкѣ проходили страну вмѣ непріязненную; можетъ быть, стоило только сдѣлать на нихъ малѣйшее нападеніе, чтобъ уничтожить ихъ совершенно. Но Карлъ самъ былъ утомленъ чрезвычайною дѣятельностью, превосходившею его силы. „Надобно“,—говорилъ онъ,—„идти выручать Бристоль“, и, въ ожиданіи нѣсколькихъ полковъ, которые съ этою цѣлью вызывались изъ западной части,

онъ воротился въ замокъ Раглэндъ: влекло ли его туда очарованіе тамошней жизни, или онъ считалъ необходимымъ заняться съ маркизомъ Уорстеромъ тѣмъ важнымъ и таинственнымъ дѣломъ, которое они вели сообща.

Лишь только онъ пріѣхалъ туда, какъ получилъ самое неожиданное извѣстіе: принцъ Робертъ сдалъ Бристоль (11 сент. 1645), при первомъ приступѣ, почти безъ сопротивленія, не имѣя недостатка ни въ чемъ: ни въ оружіи, ни въ припасахъ, ни въ войскѣ. Карлъ былъ потрясенъ: это было рѣшительнымъ ударомъ его дѣлу на западѣ, самую горькою ошибкой въ расчетѣ. Онъ написалъ принцу (14 сент. 1645, изъ Гирфорда): „Племянникъ! Потеря Бристоля для меня—жестокій ударъ; но, сдавая эту крѣпость, вы сдѣлали это такъ, что я не знаю, что и сказать. Что надобно дѣлать, когда человѣкъ, столь близкій по крови и дружбѣ, рѣшается на такой низкій поступокъ? (я употребляю самое мягкое выраженіе) поступокъ такой... Я долженъ бы сказать о немъ тамъ много, что я молчу. Помните, 12 августа вы мнѣ писали, что если не будетъ въ Бристолѣ возмущенія, вы удержитесь въ немъ четыре мѣсяца. Продержались ли вы хоть четыре дня? была ли тамъ хоть тѣнь возмущенія? Спѣшу кончить. Я желаю, чтобъ вы отправились искать средствъ существованія гдѣ-нибудь за моремъ, пока Богу не угодно будетъ рѣшить мою участь. При семъ препровождаю вамъ и паспортъ. Молю Бога, чтобъ онъ далъ вамъ почувствовать ваше положеніе и внушилъ средства возвратить то, что вы потеряли. Побѣда, клянусь вамъ, не могла бы принести мнѣ такого удовольствія, какъ хорошее основаніе не краснѣть, увѣряя васъ, что я остаюсь вашимъ любящимъ дядей и вѣрнымъ другомъ.

Король Карлъ.

Въ этотъ же день онъ писалъ въ Оксфордъ, куда удалился принцъ, приказъ лордамъ министрамъ потребовать отъ него назадъ его патентъ, наблюдать за его поступками, отрѣшить полковника Уильяма Легга, оксфордскаго губернатора, съ которымъ Робертъ былъ особенно друженъ; наконецъ приказывалъ арестовать полковника, и даже самого принца, если произойдетъ какое-нибудь волненіе въ городѣ. Письмо его оканчивалось слѣдующимъ *post-scriptum*: „Скажите моему сыну, что самая погибель его не причинила бы мнѣ такого огорченія, какъ низкій поступокъ, подобный сдачѣ брестольскихъ укрѣпленій“.

У короля было еще одно средство, но на которое онъ уже пытался безъ успѣха—соединеніе съ Монтрозомъ. Притомъ же ему нужно было идти къ сѣверу для освобожденія Честера, находившагося опять въ осадѣ. Со времени потери Бристоля, это былъ единственный портъ, куда могли высадиться подкрѣпленія изъ Ирландіи, которыя теперь исключительно занимали его мысли. По прошествіи восьми дней, проведенныхъ въ Гирфордѣ въ мрачномъ уныніи, онъ выступилъ въ походъ черезъ горы Валлійскія, единственной дорогой, на которой онъ могъ избѣжать встрѣчи съ парламентскимъ корпусомъ, который, подъ начальствомъ генераль-маіора Пойнтза (Poynz) наблюдалъ за его движеніями. Съ нимъ еще было около пяти тысячъ человѣкъ валлійской пѣхоты и конницы изъ сѣверныхъ графствъ. Онъ былъ уже въ виду Честера, когда арьергардъ его былъ настигнутъ парламентскими войсками, которыя выступили позже, но прошли болѣе прямой и удобной дорогой. Сэръ Мармадіукъ Лангдэль, командо-

вавший имъ, ударилъ на непріятелей съ такою силою, что заставилъ ихъ отступить въ безпорядкѣ. Но полковникъ Джонсъ, который велъ осаду Честера, отдѣлилъ одинъ корпусъ и неожиданно явился въ тылу роялистовъ. Пойнтъзъ стянулъ своихъ. Король, поставленный между двухъ огней, видѣлъ, какъ вокругъ него падали его лучшіе офицеры, и скоро самъ обратился въ бѣгство. Съ отчаяніемъ въ душѣ вступилъ онъ опять въ Валлисъ, еще разъ отбитый, будто между нимъ и лагеремъ Монтроза, его послѣдней надеждой, стояла какая-то неодолимая преграда.

Но и эта надежда была не болѣе какъ заблужденіе. Уже десять дней, подобно королю, Монтрозъ бѣжалъ, укрываясь отъ непріятеля, отыскивая пристанища и набирая солдатъ. 13 сентября, при Филипп-Гафѣ (Philip-Naugh), въ Эттрикскомъ Лѣсу, недалеко отъ границы обоихъ королевствъ, Лесли напалъ на него врасплохъ въ то время, когда онъ и не думалъ о его приближеніи. Несмотря на всѣ усилія Монтроза удержать горцевъ, они покинули его, спѣша спрятать добычу въ своихъ жилищахъ. Нѣкоторые сильные вельможи, между прочими, графъ Абойнъ (Aboyne), завидовавшіе его славу, также удалились съ своими вассалами: другіе же, недовѣрившіе его счастію, какъ лорды Тракуэръ (Traquair), Юмъ (Hume), Роксборо (Roxburgh), не соединились съ нимъ, вопреки своему обѣщанію. Отважная храбрость и блестящія качества Монтроза въ людяхъ низкихъ возбуждали зависть, робкимъ не внушали спокойнаго довѣрія. При всей своей геніальности, онъ былъ не чуждъ хвастовства, которое вредило его вліянію. Друзья служили ему съ горячимъ усердіемъ, солдаты — съ энтузіазмомъ; но равнымъ себѣ онъ не внушалъ уваженія. Власть его опиралась на однѣ побѣды. Люди осторожные, число которыхъ возрастало съ каждымъ днемъ, съ удивленіемъ смотрѣли на него, какъ на метеоръ, ничѣмъ не удержимый, но скоро проходящій. Одной неудачи довольно было чтобъ разрушить всѣ его успѣхи, и на другой день послѣ своего пораженія завоеватель Шотландіи былъ въ глазахъ ихъ не болѣе, какъ смѣлый преступникъ.

При этомъ ударѣ Карлъ съ ужасомъ оглянулся вокругъ себя, не зная, на чемъ остановить свои надежды. У него не было даже совѣтниковъ. Лучшихъ изъ нихъ, каковы были лордъ Кэиль, Кольпепперъ, Гайдъ, онъ помѣстилъ при сынѣ; оставался почти одинъ лордъ Дисби, всегда отважный и самоувѣренный, имѣвшій всегда наготовѣ новые проекты въ отпоръ каждой неудачѣ, но, несмотря на свое непритворное усердіе, заботившійся болѣе всего о сохраненіи своего вліянія. Король задумалъ удалиться въ Валлисъ, на островъ Англизи (Anglesey), лежащій недалеко отъ Ирландіи и удобный для защиты, и провести тамъ зиму. Но его легко убѣдили не покидать своего королевства, гдѣ онъ обладалъ еще отличными крѣпостями, какъ: Уорстеръ, Гарфордъ, Честеръ, Оксфордъ, Ньюаркъ. Выборъ всѣхъ палъ на Уорстеръ, но былъ не по сердцу лорду Дигби. Открытый врагъ принца Роберта, онъ, какъ говорили, поджигалъ гнѣвъ короля послѣ потери Бристоля и былъ виновникомъ строгости короля къ своему племяннику. Робертъ былъ взбѣшенъ и хотѣлъ, во что бы то ни стало, увидѣть короля, оправдаться и отмстить за себя. Это было бы легко сдѣлать въ Уорстерѣ, гдѣ его братъ, принцъ Морицъ, былъ губернаторомъ. Изъ всѣхъ мѣстъ, куда могъ удалиться король, Ньюаркъ представлялъ болѣе всего трудностей для свиданія Роберта съ королемъ.

Къ великому удивленію своихъ приближенныхъ, король объявилъ, что онъ избираетъ Ньюаркъ.

Принцъ скоро былъ извѣщенъ объ этомъ и, несмотря на запрещеніе, пустился въ дорогу отыскивать короля. Король объявилъ еще разъ, что не приметъ его, но лордъ Дигби не успокоился. Вдругъ пронеслась вѣсть, не то случайная, не то намѣренная, что Монтрозъ поправилъ свои дѣла, разбилъ Лесли и приближается къ границѣ двухъ королевствъ. Не наводя дальнѣйшихъ справокъ, король, въ сопровожденіи лорда Дигби и двухъ тысячъ всадниковъ, выступилъ въ походъ, пытаясь, уже въ третій разъ, соединиться съ Монтрозомъ. Но его заблужденіе вскорѣ разсѣялось: послѣ двухдневнаго перехода, узнали несомнѣнно, что Монтрозъ, безъ войска, все еще блуждаетъ въ горахъ сѣвера. Королю не оставалось болѣе ничего, какъ возвратиться въ Ньюаркъ, съ чѣмъ согласился и Дигби. Но, рѣшившись не вступать туда, чтобъ избѣжать возможной тамъ встрѣчи лицомъ къ лицу съ принцемъ Робертомъ, онъ убѣдилъ короля, что Монтрозу непременно надобно послать помощь, и вызвался самъ вести вспомогательное войско. Они разстались. Дигби, предводительствуя 1500 всадниками, составлявшими теперь почти всѣ силы короля, продолжалъ путь къ сѣверу, а Карль вступилъ въ Ньюаркъ, имѣя при себѣ всей арміи не болѣе 300 или 400 человекъ конницы, а изъ всѣхъ совѣтниковъ одного камердинера Ашборнэма.

Вступивъ въ Ньюаркъ, онъ узналъ, что Робертъ съ братомъ своимъ Морицомъ, въ сопровожденіи ста двадцати офицеровъ, находится въ замкѣ Бельвуаръ, въ трехъ лье отъ крѣпости. Король, оскорбленный тѣмъ, что онъ безъ его согласія подошелъ такъ близко, велѣлъ ему сказать, чтобъ онъ оставался тамъ и ожидалъ дальнѣйшихъ приказаній. Но принцъ все подвигался впередъ; многіе офицеры ньюаркскаго гарнизона и самъ губернаторъ сэръ Ричардъ Уиллизъ, вышли ему на встрѣчу. Безъ доклада, со всею свитою явился онъ къ королю. — „Государь“ — сказалъ онъ — „я пришелъ отдать отчетъ въ потерѣ Бристоля и опровергнуть обвиненія, взведенныя на меня“. — Смущенный и вмѣстѣ разгнѣванный Карль едва удостоилъ его отвѣтомъ. Былъ часъ ужина; свита принцевъ удалилась; сѣли за столъ; король разговаривалъ только съ Морицомъ, ни разу не обратившись къ Роберту, и послѣ ужина тотчасъ ушелъ въ свою комнату. Робертъ ночевалъ у губернатора. Однако, на другой день, король согласился созвать военный совѣтъ, и результатомъ засѣданія, продолжившагося нѣсколько часовъ, было объявленіе такого содержанія, что принцъ не оказалъ недостатка ни въ мужествѣ, ни въ вѣрности. Больше ничего не могли добиться отъ короля никакими просьбами.

Но для принца и его приверженцевъ этого было слишкомъ мало. Они остались въ Ньюаркѣ и свободно высказывали свое неудовольствіе. Съ своей стороны, король рѣшился положить конецъ постоянно возрастающимъ беспорядкамъ въ гарнизонѣ. На двѣ тысячи человекъ войска считалось двадцать четыре генерала, которыхъ жалованье поглощало почти всѣ поборы съ графства. Окрестные дворяне, даже самые преданные, горько жаловались на губернатора. Карль рѣшился смѣнить его, однако, съ честью: онъ оставилъ его при своей особѣ, объявивъ ему, что отдаетъ подъ его начальство своихъ конногвардейцевъ. Сэръ Ричардъ отказывался, говоря, что подобное повышение сочтутъ немилостью, что онъ слишкомъ бѣденъ для придворной службы. „Я дамъ средства“, сказалъ

король, удаляясь. Въ тотъ же день, въ часъ обѣда, когда король сидѣлъ за столомъ, вдругъ входятъ сэръ Ричардъ Уиллизъ, оба принца, лордъ Джеррардъ и двадцать офицеровъ гарнизона. „Государь“, сказалъ Уиллизъ, „то, что ваше величество объявили мнѣ утромъ по секрету, теперь извѣстно всему городу и безславить меня“. — „Безъ всякой вины“, продолжалъ Робертъ, „сэръ Ричардъ теряетъ мѣсто губернатора, и потому только, что онъ мнѣ другъ“. — „Все это“ — сказалъ лордъ Джеррардъ „козни лорда Дигби. Онъ самъ измѣнникъ, и я докажу это“. Карль, въ изумленіи, всталъ изъ за стола и, сдѣлавъ нѣсколько шаговъ къ своей комнатѣ, приказалъ Уиллизу слѣдовать за собою. „Нѣтъ, государь“, сказалъ Уиллизъ, „мнѣ нанесли публичную обиду и я жду публичнаго удовлетворенія“. При этомъ послушаніи Карль вышелъ изъ себя; кинулся къ нему, поблѣднѣвъ отъ гнѣва, и закричалъ съ угрозою: „Подите вонъ и не кажитесь мнѣ на глаза!“ Смущенные, въ свою очередь, они всѣ поспѣшно вышли, возвратились въ домъ губернатора, приказали сдѣлать коней и выѣхали изъ города въ числѣ двухсотъ человекъ.

Весь гарнизонъ, всѣ жители наперерывъ спѣшили изъяснить королю свою преданность и уваженіе. Вечеромъ, недовольные просили его выдать имъ паспорта и не считать ихъ мятежниками. „Нынче я не стану крестить ихъ“, сказалъ король; „что же касается паспортовъ, пусть имъ дадутъ ихъ, сколько имъ угодно“. Еще въ немъ не утихло волненіе, вызванное этой сценой, какъ пришло извѣстіе, что лордъ Дигби, на походѣ въ Шотландію, былъ настигнутъ и разбитъ корпусомъ парламентскихъ войскъ при Шербернѣ (Sherburne), что его всадники разсѣялись, а о немъ самомъ нѣтъ никакого слуха. Итакъ на сѣверѣ не осталось ни войска, ни надеждъ; даже Ньюаркъ пересталъ быть мѣстомъ безопаснымъ: войска Пойнтза приближались, постепенно занимали близлежащія крѣпости и съ каждымъ днемъ стягивали свои квартиры: королю уже почти не было возможности проѣхать. 3 ноября, въ одиннадцать часовъ вечера, собрано было на торговой площади отъ четырехъ до пятисотъ всадниковъ — остатки нѣсколькихъ полковъ. Явился король, принялъ начальство надъ однимъ эскадрономъ и выѣхалъ изъ Ньюарка по дорогѣ въ Оксфордъ. Онъ сбрилъ бороду. Два небольшіе королевскіе гарнизона, расположенные на проѣздѣ его, были предупреждены. Онъ ѣхалъ день и ночь, съ трудомъ избѣгая то какого-нибудь непріятельскаго отряда, то какой-нибудь непріятельской крѣпости, и считалъ себя спасеннымъ только тогда, когда вступилъ въ Оксфордъ (6 нояб.); тамъ онъ опять нашелъ свой совѣтъ, свой дворъ, прежнюю жизнь и нѣкоторый покой.

Но тамъ же скоро онъ нашелъ и горе. Между тѣмъ, какъ онъ блуждалъ изъ графства въ графство, изъ города въ городъ, Ферфаксъ и Кромвель, ничего не боясь съ его стороны и увѣренные, что корпусъ Пойнтза въ состояніи держать его въ тревогѣ, продолжали свои успѣхи на западѣ. Менѣе чѣмъ въ пять мѣсяцевъ, пятнадцать значительныхъ крѣпостей: Бриджуотеръ (Bridgewater), Батъ, (Bath), Шербёрнъ (Sherburne), Дивайзисъ (Devizes), Уинчестеръ, Бэзинг-гаусъ (Basinghouse), Тивертонъ (Tiverton), Монмутъ (Monmouth) и пр., были въ ихъ власти. Гарнизонамъ, которые изъясляли готовность вступить съ ними въ переговоры, они охотно предлагали выгодныя условія; въ противномъ случаѣ, тотчасъ начинали атаку. Нѣкоторое время ихъ беспокоили *клубмены*. Кромвель уже нѣсколько разъ хотѣлъ подѣйствовать на нихъ силою убѣжденія, но,

наконецъ, увидѣлъ себя вынужденнымъ сдѣлать на нихъ рѣшительное нападеніе. Онъ совершилъ это быстро и круто: онъ былъ способенъ, смотря по надобности, вдругъ переходить отъ кротости къ строгости, и наоборотъ. По его представленію, парламентъ заклеилъ именемъ государственной измѣны всякія общества подобнаго рода (23 авг.). Нѣкоторые изъ коноводовъ были арестованы; строгая дисциплина въ арміи успокоила народъ; *клубмены* скоро исчезли, и когда король возвратился въ Оксфордъ, положеніе его партіи на западѣ было до того безнадежно, что онъ на другой же день (7 нояб.) отправилъ къ принцу валлійскому приказаніе быть наготовѣ къ переѣзду на материкъ.

Что же касается до него самого, въ головѣ его не было ни плана, ни мысли: то онъ отдавался мучительному безпокойству, то пытался бездѣйствіемъ избавиться отъ чувства своего безсилія. Однако-жъ онъ пригласилъ совѣтъ указать ему какое-нибудь средство, какую-нибудь мѣру, отъ которой можно было бы ожидать какого-нибудь результата. Нечего было выбирать, совѣтъ предложилъ отправить посланіе къ палатамъ и требовать охранной грамматы для четырехъ комиссаровъ со стороны короля, уполномоченныхъ вести переговоры. Карлъ согласился безъ малѣйшихъ возраженій.

Никогда парламентъ не былъ такъ мало расположенъ къ миру. Сто тридцать новыхъ членовъ вступили въ палату депутатовъ на мѣсто тѣхъ, которые оставили ее, чтобъ слѣдовать за королемъ. Эта мѣра, которую долго отсрочивали—прежде по нерѣшительности, потомъ за трудностью привести ее въ исполненіе, а впоследствии намѣренно—наконецъ была принята по желанію индепендентовъ, горячо-желавшихъ воспользоваться своимъ успѣхомъ на поляхъ сраженій, чтобъ усилить свою партію въ Вестминстерѣ. Хитрые и дерзкіе, какъ всякое меньшинство, одерживающее верхъ, они все пустили въ ходъ, чтобъ господствовать при выборахъ: допускали ихъ только отдѣльно, одинъ за другимъ; задерживали или ускоряли ихъ, смотря по тому, обѣщали-ли они имъ успѣхъ, или нѣтъ. Много членовъ, сдѣлавшихся вскорѣ знаменитыми въ этой партіи, вступило тогда въ палату: Ферфаксъ, Лудло (Ludlow), Эйртонъ (Ireton), Блэкъ (Blake), Сидней, Гатчинсонъ (Hutchinson), Флитвудъ (Fleetwood). Конечно, выборы не вездѣ имѣли одинакій результатъ. Многія графства присылали въ Вестминстеръ такихъ людей, которые, хотя и стояли въ оппозиціи съ дворомъ, но чуждались всякихъ партій, и были просто друзья законнаго порядка и мира. Но, при вступленіи въ парламентъ, у нихъ не было ни опытности, ни единства, ни руководителей, не было въ то же время и расположенія примкнуть къ старымъ пресвитеріанскимъ вождямъ, утратившимъ большею частію репутацію людей честныхъ, энергическихъ и способныхъ. Они не надѣлали большого шума, приобрѣли мало вліянія, и пополненіе палаты такого рода людьми имѣло первымъ слѣдствіемъ—увеличеніе смѣлости и силы индепендентовъ. Съ тѣхъ поръ парламентскіе акты приняли болѣе грубый характеръ. Замѣчено было, что во время пребыванія своего въ Лондонѣ королевскіе комиссары старались устраивать заговоры и возмущать народъ; рѣшено было (11 авг. 1645) не принимать болѣе комиссаровъ, не вести переговоровъ. Палаты будутъ представлять свои мирныя предложенія въ формѣ биллей, и король долженъ будетъ принимать или отвергать ихъ просто, точно такъ, какъ если-бъ онъ жилъ въ Уайтгаллѣ и всѣ дѣла шли обыкновеннымъ поряд-

комъ. Принцъ валлійскій предложилъ себя въ посредники между королемъ и народомъ, и Ферфаксъ передалъ палатамъ его письмо: „Поставляя себѣ долгомъ“, какъ говорилъ онъ, „не душить благодатную надежду юнаго миротворца въ ея зародышѣ;“ ему даже не отвѣчали. Срокъ начальствованію Кромвеля приближался къ концу; его продолжили еще на четыре мѣсяца, не объясняя причины (12 авг.). Строгости противъ роялистовъ удвоились: постановленіе, въ силу котораго жены и дѣти государственныхъ преступниковъ получали пятую часть дохода съ секвестрованныхъ имѣній, было отмѣнено (8 сент.). Другой билль, которому долго противилась верхняя палата, предписалъ продажу значительной части имущества епископовъ и государственныхъ преступниковъ (13 сент.). Въ лагеряхъ и въ войнѣ совершился такой же переворотъ. Запрещена была (24 окт.) всякая пощада ирландцамъ, захваченнымъ въ Англіи съ оружіемъ въ рукахъ; ихъ разстрѣливали сотнями, кидали въ море, связавъ спиной другъ къ другу. Даже между англичанами уже не видно было кротости и вѣжливости, столь обыкновенныхъ во времена прежнихъ кампаній и обнаруживавшихъ въ обѣихъ партіяхъ равенство состояній, сходство воспитанія, сходство нравовъ, и даже среди самыхъ битвъ, одинакую склонность къ миру. Въ рядахъ парламентскихъ почти одинъ Ферфаксъ сохранялъ эту изящную гуманность; солдаты и офицеры, окружавшіе его—выходцы храбрые и ловкіе въ дѣлѣ, но люди съ грубыми нравами и мрачные фанатики—думали только о побѣдѣ и видѣли въ кавалерахъ не что иное, какъ враговъ. Послѣдніе, раздраженные обиднымъ пораженіемъ, понесеннымъ отъ подобныхъ противниковъ, пытались утѣшиться или отомстить за это насмѣшками, эпиграммами, пѣснями, съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе оскорбительными. Такимъ образомъ, война принимала характеръ грубой, даже иногда жестокой вражды, какъ между людьми, которые познакомились для того только, чтобъ презирать или ненавидѣть другъ друга. Въ то же время непріязнь, до сихъ поръ сдерживаемая, разразилась между шотландцами и палатами: первые жаловались на то, что ихъ войску не платятъ жалованья; послѣднія — что союзное войско, подобно непріятельской арміи, грабитъ и опустошаетъ занимаемая имъ графства. Наконецъ, повсюду это броженіе усиливалось, вражда возрастала, мѣры дѣлались суровѣе, рѣшительнѣе: все это не подавало надежды на миръ, который могъ бы остановить, или хоть на перемиріе, которое могло бы придержать уже столь быстрый ходъ событій.

Предложенія короля были отвергнуты; въ охранной грамматѣ его повѣренными было отказано. Онъ повторялъ свое требованіе въ двухъ новыхъ посланіяхъ—и все напрасно: ему отвѣчали, что интриги его придворныхъ въ Сити не позволяютъ впустить ихъ туда. Онъ предложилъ явиться въ Вестминстеръ, чтобъ лично переговорить съ парламентомъ: не смотря на представленія шотландцевъ, и это предложеніе не было принято. Онъ возобновилъ свои требованія, не столько въ надеждѣ на успѣхъ, сколько для того, чтобъ сдѣлать палаты ненавистными въ глазахъ народа, который желалъ мира; но враги его нашли болѣе вѣрное средство сдѣлать его самого ненавистнымъ народу: онѣ торжественно объявили, что у нихъ есть, наконецъ, въ рукахъ доказательство лживости его словъ; что онъ недавно заключилъ съ ирландцами не договоръ о прекращеніи непріязненныхъ дѣйствій, а союзъ; что десять тысячъ этихъ мятежниковъ, подъ предводительствомъ графа Глеморгана, должны скоро высадиться въ

Честерѣ; что эта гнусная помощь куплена цѣною совершеннаго уничтоженія всякихъ наказующихъ законовъ для католиковъ, возстановленіемъ свободы ихъ богослуженія, признаніемъ ихъ права на церкви и на земли, которыми они завладѣли—словомъ, цѣною торжества папизма въ Ирландіи и гибели протестантовъ. Копія съ договора и многія письма, къ нему относящіяся, были найдены въ каретѣ архіепископа тьюамскаго, одного изъ начальниковъ инсургентовъ, убитаго (17 окт. 1645) случайно въ схваткѣ подъ стѣнами Слейго (Sligo). Комитетъ обоихъ королевствъ, уже болѣе трехъ мѣсяцевъ хранившій ихъ въ запасѣ на какой-нибудь важный случай, представилъ ихъ палатамъ; онѣ тотчасъ приказали ихъ публиковать.

Сильно смутился король: факты были вѣрны; парламентъ даже еще не все зналъ. Почти уже два года Карлъ лично велъ эти переговоры безъ вѣдома своей партіи и своего совѣта, скрывая многое даже отъ маркиза Ормонда, своего намѣстника въ Ирландіи, хотя онъ и не сомнѣвался въ его ревности и не могъ обойтись безъ его содѣйствія. Только одинъ католикъ, лордъ Гербертъ, старшій сынъ маркиза Уорстера, незадолго до того сдѣланный графомъ глеморганскимъ, пользовался полнымъ довѣріемъ короля въ этомъ дѣлѣ. Человѣкъ храбрый, великодушный, легкомысленный, горячо преданный своему королю и своей угнетенной религіи, Глеморганъ безпрестанно разъѣзжалъ изъ Англіи въ Ирландію, изъ Дублина въ Килькенни, принимая на себя дѣла, отъ исполненія которыхъ отказывался Ормондъ: онъ одинъ зналъ, далеко ли могли простираться уступки короля. Черезъ него шла переписка Карла съ папскимъ нунціемъ Ривуччини, недавно прибывшимъ въ Ирландію (22 окт.), и съ самимъ папою. Наконецъ король формальною довѣренностью, собственноручно имъ подписанною (12 марта 1645) и хранимую втайнѣ, уполномочилъ его дать ирландцамъ все, что найдетъ нужнымъ для полученія отъ нихъ дѣятельной помощи, обязываясь все одобрить, все утвердить, какъ бы ни были незаконны уступки, и желалъ только, чтобъ тайна не открылась прежде того дня, когда ему можно будетъ все это объявить гласно. Договоръ заключенъ былъ 20 августа, и Глеморганъ, постоянно находившійся въ Ирландіи, изо всѣхъ силъ настаивалъ на скорѣйшемъ его исполненіи—вотъ тайна частыхъ поѣздокъ и продолжительнаго пребыванія короля въ замкѣ Раглэндъ, резиденціи маркиза Уорстера; вотъ объясненіе тѣхъ загадочныхъ надеждъ, которыя проглядывали въ немъ иногда среди самыхъ неудачъ.

Въ Оксфордѣ и Дублинѣ почти въ одно время узнали, что договоръ извѣстенъ въ Лондонѣ. Ормондъ легко понялъ, какой ударъ наносится этимъ дѣлу короля въ глазахъ его собственной партіи. Точно ли онъ не зналъ, что Карлъ уполномочилъ на такія уступки, или, вѣроятноже, желалъ доставить ему возможность отречься отъ нихъ, онъ тотчасъ же велѣлъ арестовать Глеморгана (4 янв. 1646), какъ виновнаго въ томъ, что преступилъ границы своего полномочія и жестоко компрометировалъ короля, предоставивъ мятежникамъ то, въ чемъ имъ отказывали всѣ законы. Непоколебимый въ своей преданности, Глеморганъ умолчалъ о тайныхъ актахъ, подписанныхъ Карломъ, и даже сказалъ, что король не обязанъ ратифицировать того, что онъ считалъ возможнымъ обѣщать отъ его имени. Карлъ, съ своей стороны, поспѣшилъ отречься отъ Глеморгана въ прокламаціи къ палатамъ (отъ 29 янв.) и въ официальныхъ

письмахъ къ дублинскому совѣту (отъ 31 янв.). По его словамъ, Глеморгану не было ничего другого поручено, кромѣ набора солдатъ и содѣйствія лорду-намѣстнику. Но, какъ въ той, такъ и другой партіи ложь сдѣлалась уже не болѣе какъ устарѣлой и бесполезной привычкой. Этимъ средствомъ уже никого нельзя было обмануть, даже народъ. Спустя нѣсколько дней, Глеморганъ былъ выпущенъ (1 февр.) изъ темницы и снова началъ дѣйствовать попрежнему, чтобъ привести ирландскую армію въ Англію, на прежнихъ условіяхъ. Парламентъ объявилъ, что оправданіе со стороны короля недостаточно; Кромвель еще разъ былъ оставленъ при своей должности, и Карлъ нашелъ себя вынужденнымъ снова искать спасенія въ войнѣ, какъ будто онъ могъ ее выдержать.

У него осталось только два корпуса: одинъ въ Графствѣ Корнваллійскомъ, подъ начальствомъ лорда Гоптона, другой, на границахъ Валлиса, подъ начальствомъ лорда Астлея (Astley). Около половины января, принцъ валлійскій, бывший еще правителемъ на западѣ, но уже покинутый своими генералами Горингомъ и Гринвилемъ, призвалъ къ себѣ лорда Гоптона, долго командовавшаго въ этихъ графствахъ, и заклиналъ его опять принять на себя командованіе остатками арміи, удѣлѣнными около него. „Принцъ“, сказалъ ему Гоптонъ, „у людей, которые не хотятъ повиноваться приказаніямъ, есть обыкновеніе говорить, что это противно ихъ чести, что ихъ честь не позволяетъ имъ дѣлать того или другого. Я же теперь дѣйствительно не могу исполнить вашей воли иначе, какъ рѣшившись пожертвовать своею честью, потому что съ такимъ войскомъ, какое вы мнѣ даете, какимъ образомъ я сохраню ее? Его боятся только одни друзья; враги смѣются надъ нимъ; оно страшно только въ день грабежа и рѣшительно только на побѣгъ. Но если ваше высочество сочли необходимымъ призвать меня, я готовъ слѣдовать за вами, даже съ опасностью погубить въ этомъ дѣлѣ свою честь“. И онъ принялъ начальство надъ семью или восьмью тысячами человекъ. Но скоро сдѣлался онъ имъ столь же ненавистенъ, сколько и ему была ненавистна ихъ безпорядочность. Даже хорошіе люди изъ числа ихъ не могли вынести его дисциплины, его бдительности, привычки, подъ начальствомъ Горинга, къ войнѣ болѣе вольной и болѣе прибыльной. Ферфаксъ, постоянно занятый мыслью покорить западныя графства, не замедлилъ двинуться противъ этого войска, и 16 февраля Гоптонъ понесъ при Торрингтонѣ, на границѣ Графства Корнваллійскаго, пораженіе, не столько кровопролитное, сколько несчастное. Напрасно пытался онъ, отступая изъ города въ городъ, сформировать гдѣ-нибудь свою армію: ни офицеры, ни солдаты не слушались. „Во все это время“, говорилъ онъ, „гдѣ бы я ни назначалъ какому-нибудь полку сборное мѣсто, я ни разу не видалъ, чтобъ онъ явился въ полномъ комплектѣ, или не опоздалъ часа два“. Ферфаксъ съ каждымъ днемъ тѣснилъ его болѣе и болѣе. Съ слабымъ отрядомъ, который еще оставался ему вѣренъ, Гоптонъ скоро увидѣлъ себя оттѣсненнымъ на самый конецъ Корнваллиса. Въ Труро (Truro) онъ узналъ, что туземные жители, утомленные войною и желая поскорѣе кончить ее, намѣреваются схватить принца и выдать парламенту. Роковой часъ пробилъ: принцъ сѣлъ на корабль, въ сопровожденіи своего совѣта, но отѣхалъ только до острова Силли (Scilly), еще составляющаго часть англійскихъ владѣній и лежащаго почти въ виду береговъ. Освободясь отъ этой заботы, Гоптонъ хотѣлъ еще попытать счастья въ битвѣ; но

войско его съ громкимъ крикомъ требовало капитуляціи. Ферфаксъ предлагалъ ему выгодныя условія; Гоптонъ отыгрывался отъ нихъ. Его офицеры объявили, что если онъ не хочетъ мира, они договорятся и безъ него. „Договаривайтесь“, сказалъ онъ, „только не за меня“. Ни онъ, ни лордъ Кэплъ не хотѣли, чтобъ ихъ имя значилось въ капитуляціи. Какъ-только статьи были подписаны и армія распущена, они сѣли на корабль, чтобъ послѣдовать за принцемъ въ Силли, и у короля осталось на юго-западѣ только нѣсколько незначительныхъ гарнизоновъ.

Лордъ Астлей подвергся такой же участи. Онъ стоялъ въ Уорстерѣ съ тремя тысячами человѣкъ. Король приказалъ ему двинуться, для соединенія съ нимъ, въ Оксфордъ, и во главѣ полуторы тысячи всадниковъ выступилъ самъ къ нему на встрѣчу. Онъ хотѣлъ имѣть вблизи достаточную массу силъ, дабы выждать подкрѣпленія изъ Ирландіи, на которыя онъ не переставалъ рассчитывать. Но имъ не суждено было соединиться: сэръ Уильямъ Брертонъ и полковникъ Морганъ, цѣлый мѣсяцъ наблюдавшіе за движеніями Астлея, настигли его съ отрядомъ парламентскихъ войскъ при Стоу (Stow), въ Графствѣ Глостеръ (22 марта). Кавалеры потерпѣли совершенное пораженіе; до тысячи-восьмисотъ человѣкъ насчитано было убитыми и плѣнными, остальные разсѣялись. Самъ Астлей, послѣ упорнаго сопротивленія, попался въ руки непріятеля. Онъ былъ дряхль, утомленъ битвою и едва передвигалъ ноги. Солдаты, тронутые его сѣдинами и храбростью, принесли барабанъ; окъ сѣлъ на него и обращаясь къ офицерамъ Брертонъ, сказалъ: „Господа, вы кончили свое дѣло, теперь вы можете идти играть, если не предпочитаете начать ссору между собой“.

Въ самомъ дѣлѣ, это была единственная надежда, которая оставалась у Карла; онъ горячо ухватился за нее. Осыпая нѣкоторыхъ вождей-пресвитеріанъ вредившими имъ знаками благосклонности, онъ уже давно поддерживалъ съ индепендентами, и особливо съ Веномъ, тайныя сношенія. Этотъ Венъ былъ дѣятельный интриганъ и страстный энтузіастъ. Еще недавно (2 марта) государственный секретарь Никольсъ (Nicholas) писалъ къ нему, убѣждая его устроить дѣла такимъ образомъ, чтобъ король могъ пріѣхать въ Лондонъ для личныхъ переговоровъ съ палатами, и обѣщая ему, что если парламентъ пожелаетъ сдѣлать пресвитеріанскую церковь господствующею, то роялисты пристанутъ къ его друзьямъ „чтобъ искоренить въ королевствѣ эту тиранническую власть и взаимно гарантировать свою свободу“. Неизвѣстно, что отвѣчалъ Венъ на это письмо, но послѣ пораженія Астлея, самъ король писалъ ему: „Будьте увѣрены, что все пойдетъ такъ, какъ я обѣщала. Заклинаю васъ всѣмъ, что есть драгоценнаго для человѣка, ускорить вашими добрыми услугами; въ противномъ случаѣ будетъ поздно и я погибну, не пожавъ отъ нихъ плода. Я не въ состояніи описать вамъ всю крайность моего положенія, но увѣренъ, что еслибъ я сдѣлалъ это, вы оставили бы всякія другія соображенія и поспѣшили бы исполнить мое желаніе. Больше я ничего не скажу. Положитесь на меня, ваши услуги будутъ награждены щедро. Я все сказалъ. Если я чрезъ четыре дня не получу отвѣта, то буду поставленъ въ необходимость искать другого средства. Господь да вразумитъ васъ! Я исполнилъ свой долгъ“. Въ то же время онъ отправилъ посланіе къ палатамъ, предлагая распустить свои войска, сдать всѣ крѣпости и перенести свою резиденцію снова въ Уайтгалль.

Это предложеніе, равно какъ и слухи, что король, не дожидаясь болѣе, легко можетъ явиться самъ въ Лондонѣ, произвели большую тревогу въ Вестминстерѣ. Политики и фанатики, индепенденты и пресвитериане—всѣ партіи были увѣрены въ неминуемомъ возстаніи города, какъ только король поселится въ Уайтгаллѣ, и это возстаніе будетъ уже не противъ короля. Во всѣхъ была одинаковая рѣшимость—не поддаваться Карлу. Въ отвращеніе такой опасности, они приняли самыя сильныя мѣры: запрещено было принимать короля, или представляться ему, если онъ прибудетъ въ Лондонъ, или доставлять кому бы то ни было случай приближаться къ нему. Комитетъ, которому ввѣрена была милиція, получилъ полномочіе препятствовать всякой сходкѣ, задерживать всякаго, кто придетъ съ королемъ, предупреждать всякое сближеніе съ нимъ и, въ случаѣ нужды, даже поставить его собственную особу внѣ всякой опасности. Паписты, осужденные, уволенные офицеры, выслужившіеся солдаты—словомъ, всѣ, кто становился въ ряды противниковъ парламента, получили приказаніе оставить Лондонъ въ теченіе трехъ сутокъ. Наконецъ учрежденъ былъ военный судъ; присуждена была смертная казнь всякому, кто, прямо или косвенно, будетъ находиться въ сношеніяхъ съ королемъ, кто придетъ безъ паспорта изъ какого-либо лагеря или крѣпости, находящихся во власти короля, кто будетъ принимать или укрывать людей, сражавшихся противъ парламента, или кто добровольно упуститъ военнопленнаго, и проч. и проч. Доселѣ еще ни одинъ актъ парламента не носилъ на себѣ отпечатка такого ужаса.

Венъ, съ своей стороны, оставилъ письмо короля безъ отвѣта, или, по крайней мѣрѣ, безъ дѣйствія.

А между тѣмъ войска Ферфакса быстро подходили къ Оксфорду, съ цѣлью обложить этотъ городъ. Уже корпусъ полковника Ренсборо и два другіе полка разбили свои палатки въ виду укрѣпленій. Король послалъ сказать Ренсборо, что готовъ сдать, если тотъ обяжется честнымъ словомъ тотчасъ же проводить его къ парламенту. Ренсборо отказалъ. Черезъ нѣсколько дней блокада стала повсемѣстной, и какъ бы долго она ни продолжалась, результатъ ея былъ несомнѣнный: король долженъ былъ попасть военнопленнымъ въ руки своихъ непріятелей.

Ему оставалось одно убѣжище—шотландскій лагерь. Французскій посланникъ Монтрель (Moutreuil), болѣе подвигнутый жалостью къ несчастному положенію короля, нежели инструкціями Мазарини, въ продолженіе двухъ мѣсяцевъ старался устроить ему это убѣжище своимъ посредничествомъ. Получивъ отказъ отъ шотландскихъ комиссаровъ, проживавшихъ въ Лондонѣ, убѣжденный самою поѣздкою въ Эдмбургъ, что отъ парламента шотландскаго ждать нечего, онъ обратился наконецъ къ нѣкоторымъ начальникамъ арміи, осаждавшей Ньюаркъ. Настроеніе ихъ показалось ему столь благопріятнымъ, что онъ вздумалъ обѣщать королю (1 апр. 1646), именемъ и ручательствомъ короля французскаго, что шотландцы примутъ его какъ своего законнаго государя, защитятъ его и его приближенныхъ отъ всякой опасности и даже будутъ съ нимъ заодно всѣми силами стараться о возстановленіи мира. Нерѣшительность и колебаніе шотландскихъ офицеровъ, которымъ очень хотѣлось спасти короля, но не хотѣлось ссориться съ парламентомъ, вскорѣ доказали Монтрелю, что онъ зашелъ слишкомъ далеко, и онъ поспѣшилъ послать объ этомъ увѣдомленіе въ Оксфордъ. Между тѣмъ опасность, возраставшая

съ каждымъ днемъ, дѣлала короля и самого Монترеля все менѣе и менѣе взыскательными. Королева, пребывавшая въ Парижѣ, имѣла также сношенія и агентовъ въ арміи шотландцевъ; она убѣждала своего мужа довѣриться имъ. На слѣдующихъ конференціяхъ офицеры сдѣлали Монтрелю нѣсколько обѣщаній. Онъ увѣдомилъ объ этомъ короля, напоминая ему, однако-жъ, что это дѣло рискованное, что всякое другое убѣжище было бы лучше, но что если ему уже не предвидится никакого другого, то онъ найдетъ у шотландцевъ, по крайней мѣрѣ, полную личную безопасность.

Какъ бы то ни было, Карль не могъ болѣе ждать. Уже Ферфаксъ подступилъ къ Ньюбери, и чрезъ три дня блокада была полная. 27 апрѣля, въ полдень, въ сопровожденіи одного Ашборнэма и одного духовнаго лица, доктора Гудсона (Hudson), превосходно знавшаго всѣ дороги, король выѣхалъ изъ Оксфорда, верхомъ, переодѣтый будто служителемъ Ашборнэма, съ чемоданомъ позади. Для отвращенія подозрѣній, устроили такъ, что въ то же самое время въ каждыя изъ воротъ города выѣхало по три человѣка. Король пустился по дорогѣ къ Лондону. Прибывъ на высоты Гарро, въ виду своей столицы, онъ остановился въ тяжеломъ раздумьи; теперь онъ могъ сойти съ лошади, вступить въ Уайтгалль и внезапно явиться среди Сити, которая приметъ его сторону. Но всякое необыкновенное или отважное дѣйствіе было не въ его натурѣ. Ему недоставало присутствія духа; особенно же боялся онъ случаевъ, которые могли бы уронить его достоинство. Нѣсколько часовъ прошло въ нерѣшительности. Потомъ онъ повернулъ въ сторону отъ Лондона и поѣхалъ къ сѣверу, но тихо, почти не управляя конемъ, какъ человѣкъ, все еще нерѣшившійся, что ему дѣлать. Монтрель обѣщадся встрѣтить его не доѣзжая до Гарборо (Harboughe), въ Графствѣ Лейстеръ, и не сдержалъ слова. Король, встревоженный этимъ, послалъ Гудсона отыскивать его, а самъ пустился странствовать по восточнымъ графствамъ, переѣзжая отъ города къ городу, отъ замка къ замку, преимущественно держась береговъ и безпрестанно мѣняя свой костюмъ; всюду освѣдомлялся о Монтрозѣ, нетерпѣливо желая соединиться съ нимъ. Но это предпріятіе требовало много времени и было слишкомъ трудно. Гудсонъ возвратился; все было по прежнему. Монтрель все еще обнадеживалъ короля, обѣщая ему убѣжище въ шотландскомъ лагерѣ, хотя и не радостное, но по крайней мѣрѣ безопасное. Побуждаемый не столько желаніемъ, сколько усталостью, Карль рѣшился наконецъ, и 5 мая, чрезъ девять дней со времени его выѣзда изъ Оксфорда, рано утромъ Монтрель ввелъ его въ Кельгэмъ, главную квартиру шотландцевъ.

При видѣ короля, графъ Ливнъ (Leven) и его офицеры притворились вкрайне удивленными. Тотчасъ даво было знать о его прибытіи комиссарамъ парламента. Курьеры поскакали съ такой же вѣстью въ Эдимбургъ и Лондонъ. Хотя офицеры и солдаты оказывали королю глубокое почтеніе, однако-жъ вечеромъ, подъ предлогомъ подобающаго ему почетнаго караула, сильная стража была приставлена къ дверямъ королевскихъ покоевъ. Желая испытать свое положеніе, Карль попробовалъ назначить лозунгъ. „Извините, государь“, сказалъ Ливнъ, „я здѣсь старшій солдатъ, и потому ваше величество позволите мнѣ взять эту заботу на себя“.

КНИГА СЕДЬМАЯ.

Опасенія и интриги индепендентовъ.—Король въ Ньюкестлѣ.—Карль отвергаетъ предложенія парламента.—Переговоры парламента съ Шотландіей о выдачѣ короля и выступленіи шотландской арміи изъ Англии.—Шотландцы соглашаются на это требованіе.—Короля отвозятъ въ Гольмби.—Несогласіе между парламентомъ и арміей.—Кромвель.—Похищеніе короля, по совѣту Кромвеля.—Движеніе арміи на Лондонъ и обвиненіе одиннадцати вождей пресвитеріанской партіи.—Они выбываютъ изъ парламента.—Карль въ Гэмптонкортѣ.—Переговоры арміи съ королемъ.—Волненіе въ Лондонѣ въ пользу мира.—Многіе члены обѣихъ палатъ удаляются въ армію.—Армія приводитъ ихъ назадъ въ Лондонъ.—Пораженіе пресвитеріанъ.—Республиканцы и уравнители.—Солдаты начинаютъ подозрѣвать Кромвеля.—Возмущеніе солдатъ противъ офицеровъ.—Ловкость Кромвеля.—Ужасъ короля.—Бѣгство Карла на островъ Уайтъ.

1646 — 1647.

Въ Лондонѣ скоро узнали (2 мая 1646), что король уѣхалъ изъ Оксфорда, но оставалось совершенно неизвѣстнымъ, гдѣ онъ, или куда намѣренъ отправиться. Распространился слухъ, что онъ скрывается въ Сити, и снова запрещено было, подѣ страхомъ нещадной смертной казни, принимать его. Ферфаксъ извѣщалъ, что король отправился въ восточныя графства, и два офицера испытанной преданности, полковники Рессель (Russel) и Уартонъ (Wharton), немедленно были отправлены туда съ приказаніемъ сыскать его, во что бы ни стало. Партія парламента и партія короля, обѣ равно мучились неизвѣстностью: первой не давали покоя ея опасенія, второй—ея надежды.

Наконецъ, 6-го мая, вечеромъ, пришло извѣстіе, что король находится въ шотландскомъ лагерѣ. На другое утро нижняя палата подала мнѣніе, что только парламентъ имѣетъ право располагать особою короля, и что онъ безъ отлагательства будетъ отвезенъ въ замокъ Уорвикъ. Лорды не соглашались съ этимъ мнѣніемъ; но они одобрили предложеніе приказать Пойнтзу, который стоялъ близъ Ньюарка, наблюдать за малѣйшими движеніями шотландской арміи, и самъ Ферфаксъ получилъ приказаніе быть, въ случаѣ надобности, на готовѣ къ походу.

Шотландцы, съ своей стороны, спѣшившіе уйти, уговорили короля, въ самый день его прибытія, приказать лорду Белласису, губернатору Ньюарка, отворить имъ ворота, сдали городъ войскамъ Пойнтза и, спустя нѣсколько часовъ, двинулись къ Ньюкестлю, границѣ ихъ отечества. Король находился у нихъ въ авангардѣ.

Партіей индепендентовъ овладѣлъ страхъ и гнѣвъ. Цѣлый годъ все благопріятствовало ей; армія была въ ея рукахъ; вездѣ она одерживала верхъ и побѣды ея сильно дѣйствовали на умы народа; подѣ знамена ея стекались все люди предприимчивые, увлекаемые энергическимъ честолюбіемъ, или восторженными надеждами; всѣ искатели счастья, всѣ тѣ, которые питали какіе-нибудь великіе замыслы. Самый гений находилъ убѣжище и могъ развернуться съ полной свободой только въ ихъ рядахъ: Мильтонъ (род. въ Лондонѣ 9 декабря 1608 года), еще молодой,

но уже замѣченный по своимъ обширнымъ и утонченнымъ познаніямъ, требовалъ, въ выраженіяхъ, дотолѣ неслыханныхъ по своему благородству, свободы совѣсти, свободы книгопечатанія, права развода. Пресвитеріанское духовенство, возмущенное его смѣлостью, безъ успѣха доносило на него палатамъ, ставя имъ въ грѣхъ терпимость къ подобнымъ сочиненіямъ. Другой человекъ, Джонъ Лильборнъ (Lilburne), уже извѣстный восторженнымъ сопротивленіемъ деспотизму, начиналъ неустойчивую войну противъ лордовъ, судей, юрисконсультовъ, и уже пользовался громкою извѣстностью. Число и довѣренность общинъ диссидентовъ, примкнувшихъ къ индепендентамъ, возрастало съ каждымъ днемъ. Наконецъ, пресвитеріане добились отъ палатъ, чтобъ ихъ церковь исключительно и официально была признана господствующею; но мало было имъ отъ того пользы; при помощи юрисконсультовъ и вольнодумцевъ, равнодушныхъ къ вѣрѣ, индепенденты успѣли сохранить за парламентомъ верховную власть въ дѣлахъ религіозныхъ, и, такимъ образомъ, эта мѣра была ослаблена и лишь медленно приводилась въ исполненіе. Въ то же самое время видимо росло личное значеніе вождей партіи, особенно же Кромвеля. Пріѣзжали ли они изъ арміи въ Вестминстеръ—палаты принимали ихъ съ торжественными почестями; отправлялись ли они въ армію—парламентъ выражалъ имъ свою признательность денежными подарками или помѣстями, а также раздачей наградъ и мѣстъ ихъ клеветамъ, и тѣмъ самымъ свидѣтельствовалъ и увеличивалъ ихъ вліяніе. Словомъ, въ Лондонѣ, равно какъ и въ графствахъ, въ дѣлахъ политическихъ и религіозныхъ—шла ли рѣчь о матеріальныхъ выгодахъ или о торжествѣ идей—вездѣ общественное движеніе болѣе и болѣе высказывалось въ пользу индепендентовъ. И среди такихъ то успѣховъ, въ то время, какъ эта партія уже готовилась забрать въ свои руки всю власть, ей начала грозить опасность потерять все, ибо, дѣйствительно, она теряла все, какъ скоро король и пресвитеріане соединялись противъ нея.

Она употребила въ дѣло всѣ средства, чтобъ отклонить этотъ ударъ. Если бъ она могла дѣйствовать съ полною свободою, то, можетъ быть, немедленно послала бы войско противъ шотландцевъ и насильственно овладѣла бы королемъ; но, несмотря на успѣхи при новыхъ выборахъ, она была вынуждена поступать осторожно: въ верхней палатѣ ей принадлежало меньшинство голосовъ, да и въ нижней ея большинство было незначительно, и то лишь благодаря скорѣе неопытности нововыбранныхъ членовъ, нежели ихъ дѣйствительной преданности. Партія индепендентовъ прибѣгала къ кривымъ путямъ: всѣми возможными средствами, смѣлыми и хитрыми, тайными и явными, пыталась она оскорбить шотландцевъ или раздражить противъ нихъ народъ, въ надеждѣ произвести разрывъ: то останавливали шотландскихъ курьеровъ и перехватывали ихъ депеши у самыхъ воротъ Лондона посредствомъ нижнихъ чиновниковъ—и жалобы на нихъ оставались безъ всякаго дѣйствія; то изъ сѣверныхъ графствъ поступали безчисленныя жалобы на насильственные поборы шотландцевъ, на производимые ими безпорядки, на ущербъ, наносимый государству ихъ постоемъ. Альджерманъ Футъ (Foot) представилъ прошеніе отъ имени Сити, написанное въ благопріятномъ для шотландцевъ духѣ, и требовалъ, на противъ, преслѣдованія новыхъ сектъ, какъ виновницъ всѣхъ смутъ въ церкви и государствѣ—лорды изъявили за это благодарность муниципальному совѣту, но отъ нижней палаты онъ насилу добился отвѣта, ко-

роткаго и сухого. Лишь въ немногихъ полкахъ, послѣднихъ обломкахъ арміи Эссекса, имѣла перевѣсъ пресвитеріанская партія—между прочимъ, въ бригадѣ, которая стояла въ Уильтшейрѣ (Wiltshire), подъ начальствомъ генераль-майора Масси, храбраго защитника Глостера: индепенденты распорядились такъ, чтобъ на нее поступило нѣсколько жалобъ и добились таки, что она была распущена. Въ палатахъ, въ журналахъ, во всѣхъ публичныхъ мѣстахъ, особенно въ арміи, индепенденты отзывались о шотландцахъ не иначе, какъ съ презрѣніемъ: то возмущались они ихъ алчностью, то насмѣхались надъ ихъ бережливостью, и прибѣгали къ грубой, но тѣмъ не менѣе дѣйствительной хитрости, обращаясь къ національнымъ предразсудкамъ, къ народной подозрительности, и ловко пользуясь каждымъ случаемъ возбудить противъ своихъ непріятелей ненависть и гнѣвъ народа. Наконецъ, нижняя палата рѣшила, что шотландская армія болѣе ненужна: что, заплативъ ей 100,000 ф. стер. и взявъ отъ нея счеты въ остальномъ, слѣдуетъ попросить ее воротиться домой.

Эти продѣлки не произвели ожидаемаго дѣйствія: шотландцы не обнаружили ни неудовольствія, ни гнѣва, но они стали дѣйствовать недовко и нерѣшительно; а это было еще выгоднѣе для ихъ непріятелей. Вожди, которые были не прочь послужить королю, находились въ крайнемъ затрудненіи. Карль, закоснѣлый въ своей двуличности, убѣжденный, что, относительно мятежныхъ поданныхъ, онъ ни къ чему не обязанъ, замышлялъ ихъ погубель въ то самое время, когда просилъ у нихъ помощи. „Я не теряю надежды“, писалъ онъ къ Дигби за нѣсколько дней до отъѣзда своего изъ Оксфорда, „склонить на свою сторону пресвитеріанъ или индепендентовъ, уничтожить однихъ посредствомъ другихъ, и тогда стану опять истиннымъ королемъ“. Масса пресвитеріанъ, шотландскихъ и англійскихъ, руководимая попрежнему своими священниками, восторженно преданная ковенанту и торжеству своей церкви, съ своей стороны и слышать не хотѣла ни о какомъ соглашеніи съ королемъ, ни о какомъ вспомошествованіи ему, если онъ не согласится на ихъ условія: такимъ образомъ, самые умѣренныя люди и тѣ, которые болѣе прочихъ тревожились насчетъ будущаго, не могли ни положиться на короля, ни уменьшить своихъ требованій. При такой запутанности дѣла, люди эти, осаждаемые въ одно и то же время обвиненіями противной партіи и требованіями собственной, противорѣчили себѣ самимъ и на словахъ и на дѣлѣ. Они желали мира, обѣщали его королю, безпрестанно говорили его друзьямъ объ ужасѣ, который внушаютъ имъ индепенденты, и въ то же время выражали свое усердіе къ ковенанту, непоколебимую преданность палатамъ, неразрывное единеніе съ своими братьями-англичанами. Никогда не повторяли они такъ часто и такъ громко подобныхъ выраженій, не были такъ подозрительны и суровы въ отношеніи къ королю и кавалерамъ. Шестерыхъ, самыхъ знаменитыхъ товарищей Монтроза, взятыхъ въ плѣнъ въ битвѣ при Филипп-Гафѣ, осудили и казнили—строгость, немѣвшая никакого основанія, исключая развѣ мщенія, и рѣшительно непримѣрная въ лѣтописяхъ междоусобныхъ войнъ въ Англій. До отъѣзда изъ Оксфорда, Карль писалъ маркизу Ормонду, * что онъ отправляется въ лагерь шотландцевъ лишь по обѣщанію ихъ въ случаѣ надобности, поддерживать его и справедливыя права его; и хотя ихъ слова, вѣроятно, были не такъ положительно ясны, какъ выраженія короля, однако нельзя сомнѣваться, что они дѣйствительно подали ему поводъ

надѣяться на ихъ помощь. Ормондъ опубликовалъ письмо короля (21 мая); шотландцы тотчасъ же отреклись, называя это письмо „грѣховною ложью“. Съ каждымъ днемъ увеличивалась строгость относительно особы короля, запрещено было приближаться къ нему тѣмъ, кто поднималъ оружіе на его защиту; почти всѣ его письма были перехватываемы. Наконецъ, чтобъ представить рѣшительное доказательство своей преданности ковенанту, шотландскіе вожди потребовали отъ короля согласія на посвященіе его въ истинное ученіе Христа; и самый знаменитый проповѣдникъ ихъ партіи, Гендерсонъ, прибылъ въ Ньюкестль, чтобъ официально приступить къ обращенію плѣннаго короля. (Споры ихъ продолжались отъ 29 мая до 16 іюля).

Карль держался ловко и съ достоинствомъ въ этомъ преніи, выказалъ непоколебимую преданность англиканской церкви, но безъ желчи возражалъ своему противнику, который, съ своей стороны, кратко и почтительно спорилъ съ королемъ. Между тѣмъ, въ теченіе этихъ преній, Карль написалъ къ губернаторамъ-роялистамъ, которые еще держались, чтобъ они сдали свои крѣпости; письменно погребовалъ отъ палатъ, чтобъ онѣ послѣшили сообщить ему свои условія; тайно приказалъ Ормонду продолжать переговоры съ ирландцами, хотя официально въ то же самое время приказывалъ ему прекратить ихъ; наконецъ Глеморгану, единственному повѣренному его тайныхъ намѣреній, онъ написалъ слѣдующее: „Я былъ бы чрезвычайно доволенъ, еслибъ вы могли достать мнѣ большую сумму денегъ, подѣ залогъ моихъ королевствъ; я съ процентами заплачу этотъ долгъ, какъ только опять вступлю во владѣніе ими. Скажите папскому нунцію, что я не премину, конечно, воспользоваться первымъ случаемъ отдаться въ его и ваши руки: я вижу ясно, что всѣ другіе презираютъ меня“.

Наконецъ палаты представили королю свои условія (23 іюля 1646) чрезъ графовъ пемброкскаго и соффольскаго и четырехъ членовъ нижней палаты. Когда одинъ изъ послѣднихъ, Гудвинъ (Goodwin) готовился начать чтеніе, король перебилъ его словами: „Извините, господа, есть у васъ полномочіе на заключеніе трактата?“ — „Нѣтъ, государь“. — „Я не трогаю чести посольства, но въ такомъ случаѣ васъ могъ бы замѣнить порядочный трубачъ“. Когда Гудвинъ кончилъ чтеніе, король сказалъ: „Надѣюсь, господа, вы не рассчитываете немедленно получить отвѣтъ“. — „Дѣло слишкомъ важно, государь“, — отвѣчалъ лордъ Пемброкъ — „намъ запрещено оставаться здѣсь болѣе десяти дней“. — „Хорошо“ — возразилъ Карль, — „я отпущу васъ въ надлежащее время; теперь можете идти“.

Прошло нѣсколько дней, а комиссары не получали никакого отвѣта. Король печально читалъ и перечитывалъ предложенія, еще болѣе унизительныя и жесткія въ сравненіи со всѣми предыдущими, которыя онъ постоянно отвергалъ. Отъ него требовалось, чтобъ онъ призналъ ковенантъ, совершенно уничтожилъ епископальную церковь, уступилъ парламенту на двадцать лѣтъ начальство надъ сухопутной и морской арміей и надъ милиціей; наконецъ исключилъ изъ амнистіи семьдесятъ одного изъ самыхъ вѣрныхъ приверженцевъ своихъ и отрѣшилъ отъ общественныхъ должностей всѣхъ, кто только поднималъ за него оружіе, на такой срокъ, какой заблагоразсудится назначить парламенту. Со всѣхъ сторонъ старались убѣдить его принять эти условія: де-Белльевръ, французскій посланникъ, пріѣхавшій въ Ньюкестль въ одинъ день съ повѣренными пар-

ламенты, совѣтоваль ему, отъ имени своего двора, согласиться на нихъ. Монтрель привезъ ему письма, въ которыхъ королева неотступно требовала того же самаго; по совѣту Белльевра, она даже отправила немедленно изъ Парижа одного изъ своихъ придворныхъ, сэра Уильяма Давенанта, съ приказаніемъ передать королю, что его друзья вовсе не одобряютъ его упорства. „Какіе друзья?“—спросилъ Карлъ съ неудовольствіемъ. „Лордъ Джерминъ, государь“.—„Джерминъ ничего не смыслитъ въ дѣлахъ церкви“.—„Лордъ Кольпепперъ раздѣляетъ его мнѣніе“.—„Кольпепперъ человекъ невѣрующій. Что думаетъ Гайдъ?“—„Не знаемъ, государь. Канцлера казначейства нѣтъ въ Парижѣ; онъ не послѣдовалъ за принцемъ и остался въ Джерзи, вмѣсто того, чтобъ ѣхать съ нимъ къ королевѣ, чѣмъ она очень оскорблена“.—„Напрасно; канцлеръ честный человекъ; онъ никогда не измѣнитъ ни мнѣ, ни принцу, ни церкви. Я сожалею о томъ, что его нѣтъ при моемъ сынѣ“. Давенантъ стоялъ на своемъ съ увлеченіемъ поэта и легкомысліемъ человека, не признающаго никакихъ правилъ; король вышелъ изъ себя и прогналъ его очень невѣжливо. Не менѣе настойчивыя требованія дѣлали пресвитеріане. Многие шотландскіе города, между прочимъ Единбургъ, подали королю прошенія въ примирительномъ духѣ; городская община Лондона хотѣла послѣдовать ихъ примѣру, но нижняя палата формально воспротивилась этому намѣренію. Наконецъ, къ просьбамъ стали присоединяться угрозы: соборъ шотландской церкви требовалъ, чтобъ королю ни подъ какимъ видомъ не позволялось вѣзжать въ Шотландію, если онъ не согласится признать ковенантъ; а канцлеръ Шотландіи, лордъ Лоуденъ, объявилъ ему въ торжественной аудіенціи, въ присутствіи шотландскихъ комиссаровъ, что если онъ будетъ упорствовать въ отказѣ, то дѣйствительно ему будетъ воспрещенъ вѣздъ въ Шотландію, а что Англіи немудрено его свергнуть съ престола и учредить другое правленіе.

Но всему помѣшала гордость короля, его религіозная щекотливость и нѣкоторыя тайныя надежды, которыя продолжали питать въ немъ его слишкомъ довѣрчивые или проницательные друзья. Отлагая отвѣтъ свой со дня на день, Карлъ, наконецъ, 1 августа, велѣлъ потребовать къ себѣ комиссаровъ парламента и вручилъ имъ письменное посланіе, въ которомъ, хотя и не отвергалъ рѣшительно сдѣланныхъ ему предложеній, однако снова требовалъ, чтобъ его приняли въ Лондонѣ и дали ему лично переговоры съ парламентомъ.

Индепенденты не могли скрыть своей радости. Когда комиссары воротились въ Лондонъ, то, по обыкновенію, было предложено изъявить имъ благодарность. „Короля должно благодарить“,—вскричалъ одинъ членъ. Какъ намъ быть теперь, послѣ того, какъ онъ отвергъ наши предложенія?“—спросилъ со страхомъ одинъ пресвитеріанинъ. „А что бы случилось съ нами, еслибъ онъ ихъ принялъ?“—возразилъ одинъ индепендентъ. Пришло посланіе отъ шотландскихъ комиссаровъ съ предложеніемъ сдать всѣ занятыя ими крѣпости и вывести шотландскія войска изъ Англіи. Лорды подали мнѣніе, что ихъ братья-шотландцы оказали важныя услуги Англіи. Нижняя палата не присоединилась къ этому мнѣнію, но приняла рѣшеніе, которымъ запрещалось худо отзываться о шотландцахъ и печатать что бы то ни было противъ нихъ. Отказъ короля навелъ уныніе на одну партію и успокоилъ другую, и нѣкоторое время обѣ онѣ, казалось думали только о томъ, какъ бы согласить свои интересы и разногласія.

Но, при столкновении враждебных страстей, непродолжительно бывает согласие, отчего бы оно ни происходило. Предложение шотландцев оставить Англию влекло за собою два вопроса: во 1-хъ, какъ удовлетворить ихъ жалованьемъ, которое имъ не было заплачено и котораго они давно ужъ требовали; во 2-хъ, кому предоставить право располагать особой короля? Какъ только были подняты эти вопросы, опять началась борьба партій.

По первому пункту, пресвитериане легко одержали верхъ. Правда, требованія шотландцевъ были непомерны: за вычетомъ полученныхъ денегъ, они просили еще около 700,000 фун. стерл., „не говоря уже, по ихъ словамъ, объ огромныхъ убыткахъ, понесенныхъ Шотландіей вслѣдствіе союза съ Англіей; оцѣнку этихъ убытковъ они предоставляли добросовѣстности палатъ“. Индепенденты съ горькой ироніей вооружились противъ тягостнаго братства и, въ свою очередь, представили шотландцамъ подробный счетъ суммъ, ими полученныхъ, и насильственныхъ ихъ поборовъ въ сѣверной части королевства; по этому счету оказывалось, что Шотландія должна Англіи болѣе 400,000 ф. стер. Но люди разсудительные не только не могли допустить такихъ требованій, даже и разсуждать о нихъ серьезно не хотѣли: ясно было, что шотландцы непременно должны выйти изъ Англіи; сѣверныя графства громко требовали этого; а чтобъ они вышли, необходимо слѣдовало заплатить шотландцамъ деньги, ибо война обошлась бы гораздо дороже и еще болѣе повредила бы парламенту. Въ упрямствѣ и сварливости индепендентовъ увидѣли не болѣе какъ ослѣпленіе, или фальшивый маневръ партіи; пресвитериане же, напротивъ, брались убѣдить шотландцевъ согласиться на болѣе умеренныя условія. Люди, о которыхъ неизвѣстно было, къ какой партіи они принадлежатъ, а также всѣ мнительные или осторожные, которые не приставали ни къ какой партіи и часто доставляли большинство голосовъ индепендентамъ лишь изъ отвращенія къ деспотизму пресвитерианъ, приняли въ этомъ случаѣ сторону своихъ противниковъ: было рѣшено выдать шотландцамъ 400,000 ф. стерл., какъ maximum уступокъ, на которые они могли разсчитывать, съ уплатою половины при самомъ ихъ выступленіи, а другой половины въ двухгодичный срокъ. Шотландцы согласились на эту сдѣлку и тотчасъ же, для выполненія этихъ условій, открытъ былъ въ Сити заемъ подъ залогъ церковныхъ имѣній.

Но когда вопросъ коснулся особы короля, то пресвитериане были поставлены въ затруднительное положеніе: хотя бъ они и желали оставить его въ рукахъ шотландцевъ, но не могли даже высказать подобную мысль, ибо народная гордость безусловно отвергала ее. Всѣ говорили: „права и честь англійскаго народа требуютъ, чтобъ онъ одинъ располагалъ особой своего государя. Какое право суда могутъ имѣть шотландцы въ англійской землѣ, гдѣ они составляютъ не что иное, какъ вспомогательное войско, да еще наемное, которое доказало на дѣлѣ, что хлопочетъ только о своемъ жалованьи? Такъ пусть они возьмутъ свои деньги и отправляются восвояси: ни кому нѣтъ въ нихъ надобности, никто ихъ не боится“. Шотландцы, съ своей стороны, не смотря на свое желаніе отклонить разрывъ, не могли безъ отпора слышать такіе презрительные отзвывы. Карль, говорили они, ихъ король точно такъ же, какъ и англійскій: шотландцы подобно англичанамъ, имѣютъ право пещись о его особѣ и судьбѣ; это даже обязанность ихъ, предписываемая имъ ковенантомъ. Споръ между двумя народами чрезвычайно разгорѣлся; съ каждымъ днемъ уве-

личивалось число совѣщаній, памфлетовъ, декларацій; разгорались взаимныя обвиненія; съ каждымъ днемъ народъ, безъ различія партій, сильнѣе и сильнѣе выражалъ свое негодованіе на притязанія шотландцевъ, которые совершенно упали въ народномъ мнѣніи; опять появились на свѣтъ народныя предубѣжденія, народныя антипатіи. Жадность, узкая расчетливость, богословскій педантизмъ шотландцевъ съ каждымъ днемъ становились противнѣе ихъ союзникамъ, отличавшимся умомъ болѣе обширнымъ и свободнымъ, фанатизмомъ болѣе глубокимъ и смѣлымъ. Политическіе вожди пресвитеріанской партіи, Голлизъ, Степльтонъ, Глиннъ, утомленные борьбою, которую имъ приходилось вести съ связанными руками и въ качествѣ подчиненныхъ, нетерпѣливо искали средствъ положить ей конецъ. Они убѣдились, что если шотландцы отдадутъ короля палатамъ, то легко будетъ распустить наконецъ эту „проклятую“ армію, которая составляетъ единственную силу индипендентовъ, въ которой заключается настоящій врагъ короля и парламента. И потому они присовѣтовали шотландцамъ уступить, въ видахъ даже ихъ собственной пользы; въ то же самое время лорды, вѣроятно, подъ вліяніемъ этихъ же лицъ, согласились наконецъ (24 сент.) съ мнѣніемъ нижней палаты, котораго въ продолженіе пяти мѣсяцевъ они не принимали: „что право располагать особой короля принадлежитъ лишь палатамъ“.

Этотъ совѣтъ былъ по сердцу шотландскимъ пресвитеріанамъ, по крайней мѣрѣ, большинству ихъ, которое готово было вѣрить и слѣдовать ему: ихъ собственное сопротивленіе поставило ихъ въ затруднительное положеніе; они не знали, ни какъ отказаться отъ него, ни какъ его поддержать. Но, незадолго передъ тѣмъ, приверженцы короля стали нѣсколько смѣлѣе, приобрѣли болѣе вліянія въ кругу этой партіи. Во главѣ ихъ былъ герцогъ Гамильтонъ. Три года содержался онъ въ замкѣ Горы Св. Михаила въ Корнваллисѣ, вслѣдствіе подозрѣній, которыя онъ навлекъ на себя въ Оксфордѣ со стороны придворныхъ и самого короля своимъ двусмысленнымъ поведеніемъ. Когда парламентъ овладѣлъ крѣпостью гдѣ онъ былъ заключенъ, онъ получилъ свободу, провелъ нѣсколько дней въ Лондонѣ, дѣлалъ усердные визиты всѣмъ членамъ обѣихъ палатъ, потомъ пріѣхалъ въ Ньюкестль, вскорѣ послѣ прибытія туда Карла съ шотландской арміей; успѣлъ въ непродолжительномъ времени опять войти въ милость короля и, по возвращеніи въ Единбургъ, сталъ изо всѣхъ силъ хлопотать въ его пользу. Почти все высшее дворянство Шотландіи тотчасъ же присоединилось къ нему; изъ гражданъ послѣдовали ихъ примѣру умѣренные пресвитеріане, люди разсудительные, которымъ надоѣлъ слѣпой фанатизмъ толпы и нахальное самоуправство ихъ духовенства, люди благонамѣренные и боязливые, готовые жертвовать всѣмъ, чтобъ хоть нѣсколько отдохнуть отъ тревоженій. Они добились наконецъ того, что отправлена была новая торжественная депутація въ Ньюкестль, которая униженно умоляла короля согласиться наконецъ на предложеніе парламента. Депутаты же—все соотечественники Карла, почти всѣ товарищи его юности—такъ настойчиво, съ такимъ чувствомъ упрасивали короля, что рѣшимость его поколебалась, и онъ сказалъ:—„Клянусь честью, меня не столько смущаютъ мои личныя опасности, которыя вы мнѣ изобразили, сколько грустная невозможность скоро и вполнѣ удовлетворить желаніямъ моей родины, вами выраженнымъ. Такъ какъ я не хочу, чтобъ обманывались насчетъ моихъ видовъ, то скажу вамъ: я не

отвергаю вашихъ предложеній—нѣтъ; увѣряю васъ, я не отвергаю ихъ. Но, разсудите, я требую одного: я требую только того, чтобъ меня выслушали, выслушали бы меня жители Лондона. Вѣдь если бъ въ подобномъ требованіи какой-нибудь король отказалъ послѣдному изъ своихъ подданныхъ, то справедливо заслужилъ бы имя тирана“. На другое же утро, конечно, послѣ новыхъ просьбъ, король предложилъ ограничить сохраненіе епископальной церкви пятью епархіями, предоставляя пресвитеріанамъ господство въ остальной части королевства, и требовалъ для себя и своихъ приверженцевъ единственно свободы совѣсти и богослуженія до тѣхъ поръ, пока вмѣстѣ съ палатами онъ положитъ конецъ всѣмъ несогласіямъ. Но такая неполная уступка не могла удовлетворить массу пресвитеріанъ; и чѣмъ больше уступалъ король, тѣмъ болѣе сомнѣвались въ его искренности. Предложеніе его едва было выслушано. Гамильтонъ, упавъ духомъ, говорилъ, что удалится на материкъ; въ то же самое время разнесся слухъ, что шотландская армія скоро уйдетъ въ свою землю. Король тотчасъ же написалъ къ герцогу (26 сент.): „Гамильтонъ! мнѣ такъ много надобно вамъ сказать, а между тѣмъ свободного времени у меня такъ мало, что въ письмѣ этомъ, подобно какъ въ нынѣшнихъ временахъ, не будетъ ни порядка, ни смысла... Жители Лондона надѣются овладѣть мною, увѣряя нашихъ соотечественниковъ, что и не думаютъ сдѣлать изъ меня плѣнника. Боже мой! ничуть не бывало; они хотятъ только дать мнѣ почетную стражу, которая, для безопасности моей особы, ни на шагъ не будетъ оставлять меня. И потому я долженъ вамъ сказать—вовсе не за тайну, напротивъ, желаю, чтобъ всѣ объ этомъ знали—я останусь въ Англіи, по выходѣ изъ нея этой арміи, только съ такимъ условіемъ, и притомъ выраженнымъ ясно и съ соблюденіемъ старинныхъ законныхъ формъ, что мнѣ предоставится въ ней полная свобода и ни подъ какимъ предлогомъ не станутъ навязывать мнѣ слугъ, которыхъ я не желаю имѣть. Прошу васъ, не уѣзжайте“. Письмо оканчивалось слѣдующими словами:—„Вашъ вѣрный, истинный, неизмѣнный, непоколебимый другъ“. Гамильтонъ остался. Шотландскій парламентъ собрался (въ ноябрѣ 1646); первыя засѣданія его, казалось, были благопріятны королю, въ пользу котораго шотландцы рѣшились дѣйствовать энергически. Парламентъ объявилъ (16 дек.), что онъ будетъ поддерживать монархическое правленіе въ пользу короля и его потомковъ, равно какъ и его законное право на англійскую корону; что отправить въ Лондонъ инструкціи шотландскимъ комиссарамъ, съ цѣлью хлопотать королю позволеніе возвратиться въ столицу съ почестями, въ полной свободѣ и безопасности. Но на другой же день постоянная коммиссія генеральнаго собранія пресвитеріанской церкви представила парламенту публичную ремонстрацію, обвиняя его въ томъ, что онъ слушаетъ коварныхъ совѣтниковъ, и жалуясь на опасность, которой онъ подвергаетъ союзъ обоихъ королевствъ—единственную надежду вѣрныхъ, и все лишь въ угоду короля, упорно отвергающаго Христовъ ковенантъ. Противъ такого обвиненія безсильны были Гамильтонъ и его приверженцы. Парламентъ уступилъ, взялъ назадъ рѣшеніе, принятое наканунѣ, и умѣренные получили только позволеніе на новую попытку къ убѣжденію короля принять предложенія. Карлъ, въ свою очередь, отвѣчалъ лишь новымъ посланіемъ, въ которомъ требовалъ личныхъ переговоровъ съ парламентомъ (20 дек.).

Въ то самое время, когда король уже въ пятый разъ изъявлялъ свое бесполезное желаніе, палаты подписали договоръ о выступленіи шотландской арміи и объ условіяхъ уплаты ей денегъ. Заемъ, открытый на этотъ предметъ въ Сити, былъ тотчасъ же покрытъ. 16 декабря 200,000 фун. ст., которые должны были быть выданы шотландцамъ передъ самымъ выступленіемъ ихъ въ походъ, были отправлены, по назначенію, изъ Лондона подъ прикрытіемъ отряда пѣхоты, въ двухстахъ ящикахъ, за печатями обѣихъ націй, на 36 телѣгахъ. Скиптонъ, начальникъ прикрытія, отдалъ приказъ, въ которомъ объявлялъ, что каждый офицеръ, или солдатъ, который дѣломъ, словомъ или какимъ бы то ни было образомъ оскорбитъ шотландскаго офицера, или солдата, тотчасъ же будетъ подверженъ строгому наказанію. Конвой прибылъ въ Йоркъ 1 января 1647 года и былъ торжественно встрѣченъ пушечною пальбою со стѣнъ города; спустя три недѣли, шотландцы въ Норт-Аллертонѣ получили первую уплату. Въ документахъ этого договора не упоминалось о королѣ, но, спустя недѣлю послѣ того, какъ онъ былъ подписанъ, обѣ палаты положили отправить короля въ замокъ Гольмби, въ Графствѣ Нортэмптонъ, и личность короля была до такой степени непремѣннымъ условіемъ договора, что въ нижней палатѣ поднятъ былъ вопросъ: что лучше: отправить ли комиссаровъ въ Ньюкестль для торжественнаго принятія его съ рукъ на руки отъ шотландцевъ, или требовать, чтобъ Скиппону безъ всякой торжественности сдали его вмѣстѣ съ ключами Йорка и квитанціей въ полученіи денегъ? Индепенденты, которымъ сильно хотѣлось бы унизить за одинъ разъ и короля и своихъ соперниковъ, съ жаромъ настаивали на послѣднемъ способѣ; но пресвитеріанамъ удалось заставить парламентъ отвергнуть его, и, вслѣдствіе того, 12 января девять комиссаровъ, въ числѣ трехъ лордовъ и шести членовъ нижней палаты, отправились изъ Лондона въ сопровожденіи многочисленной свиты, чтобъ почтительно принять особу своего государя.

Карль игралъ въ шахматы, когда ему объявили въ первый разъ о рѣшеніи палатъ перевести его въ скоромъ времени въ замокъ Гольмби; онъ спокойно докончилъ партію и сказалъ только, что, по прибытіи комиссаровъ, объявить имъ свою волю. Между тѣмъ усиливалось безпокойство окружавшихъ его: приверженцы и слуги короля изыскивали средства найти ему помощь или убѣжище; обдумывали новые планы побѣга; старались возбудить гдѣ-нибудь новое возстаніе въ мользу короля. Даже въ народѣ стали замѣчать участіе къ его судьбѣ. Одинъ шотландскій священникъ, совершая въ его присутствіи богослуженіе въ Ньюкестлѣ, назначилъ для пѣнія псаломъ 51, начинающійся словами: „Что хвалишися, во злобѣ сильне; беззаконіе весь день“. Вдругъ король, вмѣсто этого стиха, запѣлъ громогласно псаломъ 56-й: „Помилуй мя, Боже, попраша мя врази мои весь день, яко мнози борющіи мя съ высоты“. и всѣ, бывшіе въ церкви, увлеченные однимъ чувствомъ, единодушно послѣдовали его примѣру. Но поздно обнаруживается въ народѣ состраданіе, и много пройдетъ времени, пока оно не произведетъ своего дѣйствія.

Когда комиссары прибыли въ Ньюкестль (23 янв.), шотландскій парламентъ успѣлъ уже выразить официально свое согласіе на выдачу короля (16 янв.). „Я проданъ и купленъ“, сказалъ Карль, узнавъ объ этомъ рѣшеніи. Несмотря на то, онъ хорошо принялъ комиссаровъ, весело разговаривалъ съ ними, выразилъ лорду Пемброку свое удоволь-

ствіе, что онъ, несмотря на свои лѣта и суровую погоду, безъ утомленія совершилъ такой долгій путь; освѣдомлялся о состояніи дорогъ; наконецъ, казалось, хотѣлъ убѣдить комиссаровъ, что онъ очень радъ сблизиться съ парламентомъ. Наканунѣ отъѣзда, шотландскіе комиссары, преимущественно же дальновидный лордъ Лодердэль (Lauderdale), въ послѣдній разъ пытались склонить его на сторону ковенанта. „Если король признаетъ ковенантъ“, говорили они, „мы не выдадимъ его англичанамъ; напротивъ, повеземъ его въ Бервикъ и выхлопочемъ ему выгодныя условія“. Мон-трелю, который всегда служилъ посредникомъ между ними и королемъ, они предлагали даже значительную сумму денегъ, если онъ успѣетъ добиться отъ короля хоть обѣщанія. Карлъ не переставалъ отказывать въ своемъ согласіи на это предложеніе, но не жаловался на поведеніе шотландцевъ, обходился равно хорошо какъ съ комиссарами Англій, такъ и Шотландціи, и явно старался въ обращеніи съ ними удерживаться отъ всего, что бы могло показать съ его стороны недовѣрчивость или неудовольствіе. Шотландцы, видя, что ихъ старанія ни къ чему не ведутъ, наконецъ, уѣхали; Ньюкестль былъ сданъ англійскимъ войскамъ (30 янв. 1647 г.) и король, подъ прикрытіемъ кавалерійскаго полка, выѣхалъ изъ него 9 февраля. Медленно подвигались путешественники; около нихъ постоянно толпился на дорогѣ народъ, сбѣгавшійся со всѣхъ сторонъ; къ королю приводили больныхъ, одержимыхъ золотухой, ставили ихъ вокругъ его кареты или близъ дверей занимаемаго имъ дома, съ тѣмъ, чтобъ онъ, проходя мимо, могъ коснуться ихъ. Комиссары, въ испугѣ, запретили было это стеченіе народа, но не имѣли успѣха, потому что въ это время народъ не привыкъ еще къ притѣсненіямъ, не зналъ еще страха, и самые солдаты не осмѣливались отгонять гражданъ, употребляя въ дѣло слишкомъ грубыя мѣры. Недалеко отъ Ноттингэма, Ферфаксъ, главная квартира котораго была расположена въ этомъ мѣстѣ, вышелъ на встрѣчу королю, и какъ только завидѣлъ его, сошелъ съ лошади, поцаловалъ руку у Карла и, сѣвъ снова верхомъ, проѣхалъ весь городъ, почтительно разговаривая съ королемъ. Разставшись съ Ферфаксомъ, король отозвался о немъ такъ: „Генераль благородный человекъ; онъ сдержалъ свое слово“. Спустя два дня (16 февраля), онъ прибылъ въ Гольмби; сюда стеклось изъ окрестностей множество дворянъ и гражданъ, которые встрѣтили Карла съ такимъ торжествомъ, что онъ громко выразилъ полное удовольствіе, которое доставилъ ему этотъ пріемъ со стороны подданныхъ.

Все это произвело нѣкоторое безпокойство даже въ пресвитеріанахъ Вестминстера; но страхъ этотъ вскорѣ уступилъ мѣсто радости, возбужденной въ нихъ мыслию, что король теперь въ ихъ рукахъ и что, наконецъ, они получили полную возможность открыто и смѣло нападать на своихъ враговъ. Карлъ прибылъ въ Гольмби 16 февраля, а уже 19-го нижняя палата положила распустить армію, исключая только тѣхъ полковъ, которые были необходимы для войны съ Ирландіей, для гарнизоновъ и для охраненія общественнаго спокойствія въ королевствѣ. Ферфаксъ чуть было не лишился званія главнокомандующаго надъ тою частью арміи, которую положено было оставить; званіе это сохранили за нимъ, но въ то же время опредѣлили, что ни одинъ членъ палаты не имѣетъ права служить съ нимъ; что подъ его начальствомъ могутъ быть лишь офицеры чиномъ не выше полковника, и что всѣ они обязаны

принадлежать къ пресвитеріанской церкви и признавать ковенантъ Лорды, съ своей стороны, потребовали, подъ предлогомъ доставить облегченіе ближайшимъ къ Лондону графствамъ, болѣе прочихъ преданныхъ общественному дѣлу, чтобъ армія, въ ожиданіи своего роспуска, заняла квартиры какъ можно далѣе отъ столицы. Въ Сити былъ открытъ заемъ въ 200,000 ф. стерл., чтобъ уплатить распускаемымъ войскамъ часть неуплаченного имъ жалованья. Никонецъ, особому комитету, въ которомъ засѣдали почти всѣ вожди пресвитеріанской партіи, именно Голлизъ, Степльтонъ, Глиннъ, Мейнардъ (Maunard), Уоллеръ, приказано было наблюдать за исполненіемъ этихъ мѣръ, особенно же озаботиться наискорѣйшимъ отправленіемъ вспомогательнаго войска въ Ирландію, котораго такъ долго ожидали тамошніе несчастные протестанты.

Это нападеніе не застало врасплохъ индепендентовъ: они предвидѣли его; уже два мѣсяца сряду убѣждались они въ томъ, что ихъ значеніе въ палатѣ падаетъ: противъ нихъ было большинство вновь избранныхъ членовъ, хотя на первыхъ порахъ они и выказывали нерасположеніе къ пресвитеріанскому деспотизму. Разъ Кромвель сказалъ Лудло: „Просто, бѣда служить парламенту! Будь вѣренъ, сколько хочешь, но стойть только подвернуться какому-нибудь законнику и оклеветать тебя—ты пропалъ; во всю жизнь не оправдаешься; между тѣмъ, какъ въ арміи, служа подъ начальствомъ какого-нибудь генерала, можешь не менѣе приносить пользы да, сверхъ того, не боишься ни выговоровъ, ни зависти. Покойный отецъ твой, еслибъ былъ живъ, много могъ бы поразсказать о продѣлкахъ этихъ господъ“. Лудло, истый республиканецъ, раздѣлявшій страсти своей партіи, но непосвященный еще въ ея интриги, рѣшительно не понялъ смысла словъ Кромвеля и ничего не отвѣчалъ ему; но другихъ легче было ввести въ обманъ, или соблазнить. Въ арміи уже было у Кромвеля нѣсколько соучастниковъ, которые искусно работали для его тайныхъ цѣлей и которыми онъ управлялъ какъ слѣпымъ орудіемъ. Таковы были: Эйртонъ, который вскорѣ сдѣлался его зятемъ; прежде онъ былъ юрисконсультъ, теперь же служилъ генераль-коммиссаромъ кавалеріи; это былъ человѣкъ твердаго характера, упрямый и тонкій, способный стремиться къ самымъ отважнымъ цѣлямъ безъ шума, необыкновенно хитро, и въ то же время прикрывать самые смѣлые замыслы открытымъ и грубымъ обращеніемъ; далѣе, Ламбертъ, одинъ изъ самыхъ блестящихъ офицеровъ арміи, честолюбивый и суетный, готовившійся, подобно Эйртону, къ юрисконсультству; онъ вынесъ изъ своей школы искусство говорить вкрадчиво и краснорѣчиво, и ловко пользовался имъ, когда нужно бывало склонить на его сторону солдатъ; затѣмъ Гаррисонъ, Гаммондъ, Прайль, Ричъ, Ренборо, полковники испытанной храбрости, пользовавшіеся популярностью. Всѣ они были преданы Кромвелю: Гаррисонъ, въ благочестивыхъ собраніяхъ, вмѣстѣ съ нимъ „искалъ Господа“, Гаммондъ, благодаря Кромвелю, женился на дочери Гэмдена; остальные или чувствовали на себѣ обаяніе его гевія, или связывали свою карьеру съ его успѣхами, или просто подчинялись ему какъ солдаты. Черезъ этихъ-то людей Кромвель, хотя и занявшій, по окончаніи войны, свое прежнее мѣсто въ Вестминстерѣ, сохранилъ вполнѣ вліяніе надъ арміей, на которую издали не переставалъ дѣйствовать неутомимо. Какъ только заговорили о распущеніи войскъ, эти приверженцы Кромвеля подняли страшный ропотъ; они получали изъ Лондона вѣсти, внушенія, совѣты и тотчасъ же распускали ихъ между

солдатами, подъ рукою подговаривая ихъ требовать уплаты жалованья сполна и отказываться отъ похода въ Ирландію, болѣе же всего убѣждая ихъ избѣгать всякаго разъединенія. Между тѣмъ Кромвель, чтобъ отклонить отъ себя малѣйшее подозрѣніе, оставался спокойно въ Лондонѣ, выражалъ въ палатѣ сожалѣніе о недовольствѣ арміи и рассыпался въ увѣренія въ своей преданности.

Сначала изъ арміи поступило въ палаты прошеніе за подписью лишь четырнадцати офицеровъ (25 марта); написано оно было въ духѣ покорности, выражавшей совершенную преданность палатамъ. Подписавшіеся давали обѣщаніе отправиться въ Ирландію по первому приказу, и лишь мимоходомъ, смиренно, давали совѣты насчетъ уплаты слѣдуемаго арміи жалованья и насчетъ обезпеченій, на который она имѣла право. Палаты выразили имъ благодарность, но высказали и свое неудовольствіе оговоркою, что никто не имѣетъ права давать наставленія парламенту. Только что этотъ отвѣтъ былъ доставленъ въ армію, какъ тамъ было изготовлено новое прошеніе: оно было уже гораздо рѣшительнѣе перваго; войско требовало полной уплаты всего недоданнаго жалованья; требовало, — чтобъ никто не былъ обязанъ идти въ ирландскій походъ безъ собственнаго желанія; чтобъ раненымъ солдатамъ, а также вдовамъ и дѣтямъ убитыхъ назначена была пенсія; чтобъ немедленно выданы были деньги въ счетъ жалованья арміи, которая не хочетъ быть въ тягость жителямъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ она располагаетъ свои квартиры. Это прошеніе было составлено уже не нѣсколькими офицерами, а именемъ всѣхъ офицеровъ и солдатъ; было адресовано не къ палатамъ, а къ Ферфаксу, законному представителю арміи и охранителю ея правъ. Проектъ прошенія былъ читанъ въ полкахъ; офицеровъ, которые отказывались подписать его, пугали угрозами.

Какъ только дошелъ до палатъ слухъ объ этихъ приготовленіяхъ, онѣ приказали Ферфаксу запретить ихъ строжайшимъ образомъ, и объявили, что всякій, кто будетъ продолжать подобныя безпорядки, будетъ сочтенъ врагомъ государства и нарушителемъ общественнаго спокойствія; сверхъ того, онѣ вызвали нѣсколько офицеровъ въ Лондонъ для объясненій.

Ферфаксъ отвѣчалъ, что онъ исполнитъ приказаніе. Гаммондъ, Прайдъ, Лильборнъ и Греймъзъ отправились въ Вестминстеръ (1 апр. 1647). Они дерзко отрицали факты, въ которыхъ ихъ обвиняли. Прайдъ сказалъ: „Не правда, проектъ прошенія не былъ читанъ передъ полкомъ“. Читанъ онъ былъ, точно, не передъ полкомъ, а передъ каждой ротой отдѣльно. Но палата не настаивала болѣе на этомъ дѣлѣ, довольствуясь тѣмъ, что проектъ оставленъ и участники отреклись отъ него.

За тѣмъ обратились снова къ приготовительнымъ мѣрамъ для распушенія арміи. Заемъ, открытый на этотъ конецъ въ Сити, тянулся медленно и не могъ покрыть всѣхъ потребностей; чтобъ восполнить недостававшія суммы, былъ назначенъ всеобщій налогъ въ 60,000 фунтовъ стерлинговъ ежемѣсячно. Но болѣе всего палаты хлопотали о сформированіи корпусовъ, которые должны были идти въ Ирландію; обѣщаны были большія выгоды тѣмъ, кто обяжется участвовать въ этомъ походѣ. Начальниками экспедиціи назначены Скипсонъ и Масси. Пять комиссаровъ, всѣ до одного пресвитеріане, явились въ главную квартиру, чтобъ объявить объ этихъ распоряженіяхъ.

Въ день прибытія комиссаровъ (15 апр. 1647), двѣсти офицеровъ,

собравшихся у Ферфакса, вступили съ ними въ совѣщаніе. „Кто будетъ командовать нами въ Ирландіи?“ спросилъ Ламбертъ. „Палаты назначили генераловъ Скиппона и Масси“. — „Армія“, возразилъ Гаммондъ „готова признать своимъ начальникомъ генерала Скиппона; она умѣетъ цѣнить его великія воинскія заслуги; но вмѣстѣ съ нимъ, мы требуемъ, чтобъ нами командовали тѣ генералы, въ способностяхъ которыхъ мы не разъ имѣли случай убѣдиться на дѣлѣ“. — „Да, давай намъ всѣхъ ихъ, всѣхъ!“ закричали офицеры. „Давайте намъ Ферфакса и Кромвеля, и мы всѣ пойдемъ охотно“. Коммиссары смѣшались и, выходя изъ залы, пригласили желающихъ изъ офицеровъ придти къ нимъ на домъ. Только двѣнадцать, много пятнадцать человекъ отвѣчали на это приглашеніе.

Спустя нѣсколько дней, офицеры, въ числѣ ста сорока одного, адресовали къ палатамъ торжественное оправданіе своего поведенія. „Вступивъ въ военную службу“, писали они, „мы не перестали быть гражданами; защищая права, ограждающія свободу нашего отечества, мы не можемъ идти сами подъ иго рабства; а между тѣмъ намъ запрещаютъ сочинять прошенія, въ которыхъ мы выражаемъ наши требованія; нашихъ прошеній не принимаютъ, а жалобы на насъ, поступающія отъ разныхъ графствъ не только принимаютъ, но даже ободряютъ; съ нами обошлись какъ съ врагами отечества. Надѣмся, что снимутъ съ насъ это обвиненіе, и что до распушенія арміи дадутъ ей нужныя гарантіи для нашей личной безопасности и для уплаты слѣдуемаго жалованья“.

Еще въ палатѣ не было кончено чтеніе этого прошенія (30 апр.), какъ всталъ Скиппонъ и представилъ другое письмо, поданное ему накануне тремя рядовыми солдатами: восемь кавалерійскихъ полковъ рѣшительно отказывались отъ похода въ Ирландію; они говорили: „Намъ коварно разставляютъ сѣти; ищутъ только предлога, чтобъ удалить отъ солдатъ любимыхъ ими офицеровъ; хотятъ только потворствовать нѣсколькимъ честолюбивымъ людямъ, которые долго были рабами, а теперь вкусили власти и готовы сдѣлаться тиранами, чтобъ остаться повелителями“. Вожди пресвитеріанской партіи, возмущенные этой явной нападкой на нихъ лично, потребовали, чтобъ палата, отложивъ въ сторону всѣ другія дѣла, велѣла призвать и сама допросила бы трехъ солдатъ, подавшихъ прошеніе. Они явились; твердость, самоувѣренность выражалась въ ихъ взглядѣ и осанкѣ. „Гдѣ сочиняли это письмо?“ спросилъ ихъ президентъ. „Въ собраніи полковъ“. „Кто его писалъ?“ — „Выборные отъ каждаго полка“. — „Офицеры ваши одобрили его?“ — „Немногіе и знаютъ о немъ“. — „Знаете ли вы, что только роялисты могли сдѣлать подобную выходку? Не принадлежали ли вы сами когда-либо къ кавалерамъ?“ — „Мы поступили на службу въ парламентское войско до битвы при Эджиллѣ и съ тѣхъ поръ не оставляли его“. Одинъ изъ солдатъ выступилъ впередъ и сказалъ: „Разъ въ битвѣ я получилъ пять ранъ; я упалъ; генераль Скиппонъ, увидя меня, подошелъ ко мнѣ и далъ мнѣ пять шиллинговъ, чтобъ я могъ найти себѣ скорую помощь. Пусть генераль скажетъ, лгу ли я“. — „Онъ говоритъ правду“, сказалъ Скиппонъ, съ участіемъ взглянувъ на солдата. — „Но что же значитъ то мѣсто, въ которомъ вы говорите о какихъ-то тиранахъ?“ — „Мы не что иное, какъ депутаты нашихъ полковъ; если палатѣ угодно будетъ дать письменные запросы, то мы доставимъ ихъ въ наши полки и принесемъ отъ нихъ отвѣтъ“.

Страшный шумъ поднялся въ палатѣ при этихъ словахъ; пресвите-

ріане разразились угрозами. Кромвель, наклонившись на ухо къ Лудло, сидѣвшему подлѣ него, сказалъ: — „Этотъ народъ не уймется до тѣхъ поръ, пока армія не схватитъ ихъ за уши и не выброситъ вонъ изъ палаты“.

Но вскорѣ открылись весьма непріятныя вещи, и гнѣвъ палаты уступилъ мѣсто безпокойству. Дѣло шло уже не объ усмиреніи недовольныхъ войскъ: вся армія дѣйствовала тѣснымъ союзомъ, имѣла уже собственное свое правительство и составляла независимую силу, которая могла быть соперницей парламента. Два совѣта—одинъ, составленный изъ офицеровъ, другой—изъ *агентовъ* или *агитаторовъ*, выбранныхъ солдатами, управляли всѣми дѣйствіями арміи и готовились отъ нея имени вступить въ переговоры. Приняты были всѣ мѣры, необходимыя для поддержанія этого новаго учрежденія: каждый эскадронъ, каждая рота, выбирали изъ среды своей по два агитатора: каждый разъ, когда имъ необходимо было собираться вмѣстѣ, всѣ солдаты платили на издержки собранія по четыре пенса; оба совѣта должны были всегда дѣйствовать не иначе, какъ сообща. Въ то же время распространился слухъ, и не безъ основанія, что изъ арміи сдѣланы королю предложенія; говорили, что она вызывалась возвратити ему его права, если онъ согласится стать во главѣ арміи и отдаться подъ ея защиту. Видя появленіе этой новой власти и страшась не столько торжества, сколько могущества ея, многіе члены парламента, особенно люди разсчетливые, оробѣли; нѣкоторые удалились изъ Лондона, другіе, какъ, напримѣръ, Уайтлокъ, сблизились съ генералами; особенно же съ Кромвелемъ, который принялъ ихъ съ распростертыми объятіями. Парламентъ пытался подѣйствовать на армію уступчивостью, и выбралъ въ посредники ея же собственныхъ начальниковъ. Вмѣсто жалованья за шесть недѣль, какое первоначально опредѣлено было выдать тѣмъ войскамъ, которыя будутъ распущены, теперь обѣщано выдать за два мѣсяца; изготвили приказъ о всепрощеніи за беспорядки и противозаконныя поступки, учиненныя во время войны; назначенъ былъ фондъ на вспомошествованіе вдовамъ и дѣтямъ солдатъ. Наконецъ, Кромвелю, Эйртону, Скиппону, Флитвуду и всѣмъ генераламъ, засѣдавшимъ въ нижней палатѣ и пользовавшимся расположеніемъ арміи, поручено было возстановити согласіе между нею и парламентомъ.

Прошло уже двѣ недѣли съ тѣхъ поръ, какъ эти генералы находились въ главной квартирѣ, а между тѣмъ ихъ присутствіе ни на шагъ не подвигало дѣла впередъ. Они часто писали въ палату, но въ письмахъ ихъ не содержалось ничего важнаго: то совѣтъ офицеровъ отказывался дать имъ отвѣтъ безъ содѣйствія агитаторовъ; то эти послѣдніе требовали отсрочки, чтобы посоветоваться съ солдатами. Съ каждымъ днемъ подъ глазами комиссаровъ самого парламента крѣпла и росла сила этого враждебнаго ему правительства. Между тѣмъ Кромвель писалъ письмо за письмомъ въ палату, увѣряя, что истощилъ всѣ средства для усмиренія арміи и не получилъ успѣха; что отъ того сильно страдаетъ его авторитетъ и что скоро онъ самъ сдѣлается въ глазахъ солдатъ лицомъ подозрительнымъ и ненавистнымъ. Нѣкоторые изъ комиссаровъ возвратились наконецъ въ Лондонъ съ тѣми же предложеніями и съ тѣми же отказами, какіе армія дѣлала прежде.

Вожди пресвитеріанской партіи ожидали именно такого отвѣта и, пользуясь впечатлѣніемъ, которое онъ произвелъ на палату, надѣявшуюся го-

раздо большаго, въ нѣсколько часовъ убѣдили ее принять довольно рѣшительныя мѣры. По предложенію Голлиза, рѣшено тотчасъ же распустить тѣ войска, которыя не поступать въ составъ ирландской арміи; съ точностью опредѣлены всѣ подробности этой мѣры; назначены день, мѣсто, средства. Положено распускать корпуса неожиданно, каждый отдѣльно въ его собственныхъ квартирахъ и почти въ одно и то же время, или какъ можно съ меньшими промежутками, чтобъ оно не могли сговориться, или соединиться. На различные пункты королевства отправлены деньги, необходимыя для приведенія въ исполненіе первыхъ мѣръ этого распоряженія; а для наблюденія отправились комиссары, выбранные изъ партіи пресвитеріанъ.

Въ арміи они нашли ужаснѣйшую неурядицу въ большей части полковъ, до которыхъ дошло извѣстіе о грозившей имъ опасности. Вспыхнулъ мятежь; одни, прогнавъ офицеровъ, возбудившихъ къ себѣ недовѣріе, самовольно съ распущенными знаменами, отправлялись на соединеніе съ своими товарищами; другіе дѣлали себѣ крѣпости изъ церквей и объявляли, что они неразлучно останутся вмѣстѣ; иные овладѣли деньгами, предназначенными на распушеніе войска; всѣ громко требовали общаго собранія, въ которомъ все войско могло бы высказаться. Тотчасъ же было отправлено (29 мая) къ Ферфаксу отъ имени солдатъ письмо, въ которомъ они объявляли, что если офицеры откажутся вести ихъ, то они и безъ офицеровъ сумѣютъ соединиться и защищать свои права. Ферфаксъ смутился, растерялся; уговаривалъ офицеровъ, выслушивалъ солдатъ, писалъ въ парламентъ, откровенно обращался ко всѣмъ партіямъ и высказывалъ только свое безсиліе, будучи равно неспособенъ пожертвовать своей популярностью, какъ и заставить уважать свою власть. Наконецъ онъ созвалъ военный совѣтъ, на которомъ всѣ офицеры, исключая шестерыхъ, подали мнѣніе, что рѣшенія палатъ неудовлетворительны, что армія не можетъ разойтись, пока не получитъ болѣе надежныхъ обезпеченій; что она стянеть свои лагери; что будетъ назначено общее собраніе всего войска, чтобъ расѣять опасенія солдатъ, и что обо всемъ этомъ совѣтъ почти тельнѣйше доведетъ до свѣдѣнія парламента.

Палаты не могли болѣе обманываться: авторитетъ ихъ былъ подорванъ, и собственною силою онѣ не могли уже держаться противъ врага, подобнаго арміи; ихъ имя было безсильно; нужна была другая сила; недостаточными оказывались законы: потребна была другая защита. Только король, съ одной стороны, съ другой Сити, все еще преданная пресвитеріанамъ и уже готовая пристать къ роялизму, въ силахъ были поддержать парламентъ. Уже съ этой цѣлью имъ приняты были нѣкоторыя мѣры: съ согласія муниципальнаго совѣта, лишили партію индепендентовъ начальства надъ милиціей, которое вручено комитету, составленному исключительно изъ пресвитеріанъ (4 мая 1647); двери палатъ охранялись болѣе многочисленною противъ прежняго стражею; на содержаніе ея прибавлено 12,000 ф. стерл. (4 мая 1647); уволенные офицеры—вѣрный остатокъ эссексовой арміи, безъ всякаго стѣсненія жили въ городѣ и притомъ въ большомъ числѣ. Къ великому прискорбію партіи, самого Эссекса не было уже въ живыхъ; онъ почти скоропостижно умеръ въ концѣ предшествовавшаго года (14 сент.), воротившись съ охоты, и притомъ въ такое время, когда онъ, какъ говорили, готовился рѣшительно заступиться за миръ. Смерть его была такимъ ударомъ для пресвитеріанъ, что ходили

слухи, будто онъ отравленъ ихъ противниками. Зато Уоллеръ, Пойнтзъ, Масси были одушевлены горячимъ рвеніемъ и не скрывали своей готовности стать на сторонѣ пресвитеріанъ. Что касается короля, то палаты имѣли основаніе сомнѣваться въ его расположеніи къ нимъ: два раза (19 февр. и 8 марта 1647) онъ сухо, съ фанатическою жестокостью отказали ему въ просьбѣ позволить его капелланамъ служить для него обѣдню; въ замѣнъ того два пресвитеріанскіе священника, Маршалъ и Керпаль, служили въ Гольмби по своимъ обрядамъ, хотя Карлъ постоянно отказывался присутствовать при этомъ богослуженіи; самые преданнѣйшіе изъ слугъ были удалены отъ его особы; у него отнята была всякая возможность переписки съ женой, съ дѣтьми, съ друзьями, находившимися за границей; свиданія съ нимъ добился съ большимъ трудомъ даже лордъ Демферлейнъ (Dumferline), одинъ изъ комиссаровъ шотландскаго парламента (13 мая); наконецъ, недавно (12 мая) доставилъ онъ палатамъ очень обстоятельный отвѣтъ на предложенія, полученныя имъ въ Ньюкестлѣ, а прошло слишкомъ двѣ недѣли, и палаты все еще не удосужились разсмотрѣть его. Послѣ столькихъ непріятностей, мудрено было надѣяться на сближеніе. Но нужда неумолима. Если король и имѣлъ причины быть недовольнымъ пресвитеріанами, то онъ зналъ, однако, что они не желаютъ его гибели. Даже въ Гольмби, несмотря на этотъ строгій надзоръ, доходившій до мелочности, Карлу воздавали обычныя почести; блистательно содержался домъ его, строго соблюдался придворный церемониаль; комиссары-пресвитеріане, которые состояли при немъ, никогда не нарушали приличій, всегда оказывали королю подобающее уваженіе. Они жили съ нимъ въ полномъ согласіи: король то приглашалъ ихъ сопровождать его въ прогулкахъ, то игралъ съ кѣмъ-нибудь изъ нихъ въ шахматы или въ мячъ—словомъ, всегда оказывалъ имъ вниманіе, искалъ ихъ бесѣды.— „Быть не можетъ“, — думали пресвитеріане, — „чтобъ король не видѣлъ ясно, что враги палатъ въ то же время и его враги, и не можетъ же онъ отказаться отъ единственнаго средства къ спасенію, которое у него остается“. — Лорды предложили (20 мая) пригласить короля поселиться въ своемъ замкѣ Отлендсѣ (Oatlands), ближе къ Лондону; нижняя палата не выразила явно своего согласія на это предложеніе, но намеками дала понять, что и она раздѣляетъ желаніе лордовъ, и завязала дѣятельную тайную переписку съ комиссарами, охранявшими особу короля, особенно же съ комендантомъ гарнизона, полковникомъ Гривзомъ (Greaves). Въ Вестминстерѣ и Сити уже поговаривали, что есть надежда, что въ скоромъ времени король соединится съ своимъ парламентомъ, какъ вдругъ, 4-го іюня, пришло совершенно неожиданное извѣстіе, что наканунѣ отрядъ изъ 700 человекъ похитилъ изъ Гольмби Карла, и что теперь онъ находится во власти арміи. Такъ дѣйствительно и было.

Послѣ обѣда, 2 іюня, король игралъ въ мячъ на альторпскомъ лугу, въ двухъ миляхъ отъ Гольмби; вдругъ комиссары, бывшіе съ нимъ, замѣтили въ числѣ зрителей неизвѣстнаго человека, въ мундирѣ гвардейскаго полка Ферфакса. Полковникъ Гривзъ спросилъ его, кто онъ такой, откуда и что говорятъ въ арміи. Неизвѣстный отвѣчалъ нѣсколько грубо, гордо, какъ-бы съ сознаниемъ собственнаго достоинства, впрочемъ, безъ хвастливой заносчивости. Вслѣдъ затѣмъ, окружавшіе короля, начали говорить, что значительный отрядъ кавалеріи приближается къ Гольмби. „Вы объ этомъ слышали?“ спросилъ Гривзъ неизвѣстнаго. — „Мало того, что

слышалъ, я самъ ихъ видѣлъ вчера недалеко отсюда“. Всѣ встревожились: тотчасъ же воротились въ Гольмби, сдѣлали распоряженіе на случай атаки; гарнизонъ далъ обѣтъ не измѣнять парламенту. И точно, около полуночи подъ стѣнами замка показался отрядъ кавалеріи и требовалъ, чтобъ его впустили. „Кто тутъ главный?“ велѣли спросить комиссары прибывшихъ.—„Всѣ главные“, отвѣчали имъ. Между тѣмъ кто-то отдѣлился отъ отряда и вышелъ впередъ: это былъ тотъ самый человѣкъ, котораго, за нѣсколько часовъ передъ тѣмъ, видѣли на альторпскомъ лугу. „Меня зовутъ Джойсомъ“, сказалъ онъ: „я корнетъ гвардіи генерала; мнѣ нужно переговорить съ королемъ“.—„Отъ кого?—„Отъ себя“. Комиссары захохотали. „Нечего смѣяться: не за тѣмъ я пришелъ, чтобъ съ вами разговаривать; мнѣ сейчасъ же нужно видѣться съ королемъ“. Гривзъ и генералъ Броунъ, одинъ изъ комиссаровъ, скомандовали гарнизону стрѣлять; но солдаты уже успѣли переговорить съ прибывшими; мосты были опущены, ворота отворены; кавалеристы Джойса вѣхали на дверь замка, соскочили съ коней и начали здороваться съ своими товарищами, солдатами гарнизона, говоря имъ, что армія прислала ихъ за тѣмъ, чтобъ спасти короля, потому-что есть заговоръ, имѣющій цѣлью похитить его, увезти въ Лондонъ, набрать новое войско и опять затѣять междоусобную войну; а полковникъ Гривзъ, комендантъ этой крѣпости (прибавляли они) уже приготовился приводить въ исполненіе этотъ предательскій замыселъ. Гарнизонъ, услышавъ эти слова, громогласно объявилъ, что онъ не отстанетъ отъ арміи. Гривзъ успѣшилъ скрыться. Нѣсколько часовъ сряду продолжались переговоры, и комиссары убѣдились, что нѣтъ болѣе надежды на успѣхъ сопротивленія. Въ полдень Джойсъ вступилъ во владѣніе замкомъ, вездѣ разставилъ часовыхъ и удалился, чтобъ дать своему отряду отдохнуть до вечера.

Вечеромъ въ десять часовъ онъ потребовалъ, чтобъ наконецъ допустили его къ королю. „Король спитъ“, отвѣчали ему.—„Мнѣ что за дѣло?“ сказалъ онъ, „я ждалъ довольно долго; мнѣ непременно нужно видѣть его“ и, съ пистолетомъ въ рукѣ, онъ заставилъ вести себя во внутренніе покои короля. „Очень жаль“, сказалъ онъ дежурнымъ, „что я нарушаю сонъ его величества; но что же дѣлать! я долженъ говорить съ нимъ, и притомъ сейчасъ же“. Его спросили, есть ли у него разрѣшеніе комиссаровъ.—„Нѣтъ; я приставилъ часовыхъ къ дверямъ ихъ квартиръ; инструкціи свои я получилъ отъ людей, которые ихъ не боятся“.—Его попросили снять оружіе: онъ рѣшительно отказался это сдѣлать. Такъ какъ медлили отворить ему дверь, то онъ началъ горячиться. Сдѣлался шумъ; Карлъ проснулся, позвонилъ и велѣлъ впустить его. Джойсъ вошелъ, съ открытой головой, съ пистолетомъ въ рукѣ, съ видомъ рѣшительнымъ, но довольно прилично. Король долго разговаривалъ съ нимъ въ присутствіи комиссаровъ, которыхъ велѣлъ призвать, и отпустилъ его, сказавъ: „До завтра, мистеръ Джойсъ; я охотно поѣду съ вами, если ваши солдаты подтвердятъ все то, что вы мнѣ обѣщали“.

На слѣдующее утро, въ шесть часовъ, отрядъ Джойса стоялъ на дворѣ замка на лошадяхъ, въ боевомъ порядкѣ. Король, въ сопровожденіи комиссаровъ и своихъ служителей, показался на лѣстницѣ; Джойсъ подѣхалъ къ крыльцу. „Мистеръ Джойсъ“,—сказалъ король „скажите, кто вамъ далъ полномочіе овладѣть мною и увезти меня отсюда?“— „Государь! меня уполномочила армія, которая хочетъ предупредить сво-

ихъ враговъ и помѣшать имъ произвести новое кровопролитіе въ нашемъ отечествѣ“.— „Но армія не есть законная власть; я признаю законною лишь свою власть, а послѣ моей, власть парламента. По крайней мѣрѣ, есть ли у васъ письменный приказъ сэра Томаса Ферфакса?“— „Я имѣю приказанія отъ арміи, а генераль входитъ въ составъ арміи“.— „Это не отвѣтъ; генераль начальникъ арміи. Есть ли у васъ письменное приказаніе?“— „Государь, прошу васъ, избавьте меня отъ вопросовъ; я уже достаточно отвѣчалъ вамъ“.— „Послушайте, мистеръ Джойсъ, будьте со мной откровенны, скажите, какое у васъ есть полномочіе?“— „Вотъ оно, государь!“— „Гдѣ?“— „Тамъ“.— „Да гдѣ же?“— „Тамъ, позади меня“ и онъ указалъ на своихъ солдатъ.— „Ну, признаться“,—сказалъ король, улыбаясь, „никогда еще не случалось мнѣ видѣть такого полномочія. Правда, я долженъ согласиться, оно написано четкими буквами и очень красиво: господа эти вооружены на-диво и всѣ съ виду молодцы. Но знайте, что лишь силою удастся вамъ увезти меня, если вы не дадите обѣщанія обходиться со мной почтительно и не требовать отъ меня ничего такого, что можетъ быть противно моей совѣсти, или чести“.— „Никогда, никогда!“ громко закричали солдаты.— „Не въ нашемъ духѣ“, сказалъ Джойсъ, „стѣснять чью бы то ни было совѣсть, тѣмъ менѣе совѣсть нашего короля“.— „Куда же, господа, повезете вы меня теперь?“— „Въ Оксфордъ, если позволите, ваше величество“.— „Нѣтъ, тамъ воздухъ не хорошъ“.— „Такъ въ Кембриджъ“.— „Нѣтъ, по моему, лучше въ Ньюмаркетъ: мнѣ всегда нравился тамошній воздухъ“.— „Какъ вамъ угодно, государь“. Король воротился въ свои покои; комиссары приблизились на нѣсколько шаговъ къ солдатамъ: „Господа“, сказалъ имъ лордъ Монтэгъ, „мы здѣсь довѣренныя палаты; намъ желательно было бы знать, одобряете ли вы то, что сказалъ мистеръ Джойсъ?“— „Всѣ одобряемъ, всѣ!“— „Пусть тѣ“, сказалъ генераль Броунъ, „кто желаетъ, чтобъ король остался здѣсь съ нами, комиссарами парламента, громко выразятъ свое мнѣніе“.— „Никто! никто!“ Убѣдившись послѣ этого въ своемъ безсиліи, комиссары покорились своей участи: трое изъ нихъ вошли въ карету вмѣстѣ съ королемъ; остальные сѣли на лошадей; Джойсъ командовалъ и всѣ отправились въ путь.

Въ ту же самую минуту Джойсъ послалъ нарочнаго въ Лондонъ съ письмомъ, въ которомъ извѣщалъ Кромвеля объ успѣшномъ окончаніи дѣла. Если онъ не застанетъ Кромвеля въ Лондонѣ, то долженъ былъ отдать письмо сэру Артуру Гэзльригу, а въ случаѣ и его отсутствія, полковнику Флитвуду. Письмо принялъ Флитвудъ. Кромвель находился въ главной квартирѣ Ферфакса, который страшно смутился, узнавъ о случившемся. „Это мнѣ не нравится“, сказалъ онъ Эйртону, „Кто давалъ такія приказанія?“— „Я приказывалъ“, отвѣчалъ Эйртонъ „овладѣть королемъ въ Гольмби, но не приказывалъ увозить его оттуда“.— „Иначе нельзя было поступить“,—сказалъ Кромвель, только что пріѣхавшій изъ Лондона: „парламентъ овладѣлъ бы королемъ, еслибъ мы его не предупредили“. Ферфаксъ послалъ на встрѣчу королю два кавалерійскіе полка подъ начальствомъ полковника Уаллеа (Whalley), которому приказалъ отвезти Карла обратно въ Гольмби. Карлъ не согласился на это; хотя онъ постоянно протестовалъ противъ насилія, которому его подвергли, но въ сущности съ удовольствіемъ мѣнялъ мѣсто своего заключенія и очень былъ радъ раздору, происшедшему между его непріате-

лями. На другой день самъ Ферфаксъ, со всѣмъ своимъ штабомъ, Кромвель, Эйртонъ, Скипсонъ, Гаммондъ, Ламбертъ, Ричъ, представились ему въ Чайльдерслеѣ, недалеко отъ Кембриджа (7 іюня). Большая часть изъ нихъ, прежде всѣхъ Ферфаксъ, почтительно цаловали у него руку; только Кромвель и Эйртонъ держались въ сторонѣ. Ферфаксъ разсыпался передъ королемъ въ увѣреніяхъ, что онъ неповиненъ въ его похищеніи. „До тѣхъ поръ не повѣрю вамъ“,—сказалъ Карлъ, „пока вы не прикажете повѣсить Джойса“. Позвали Джойса. Онъ сказалъ: „Я говорилъ королю, что у меня нѣтъ никакой инструкціи отъ генерала; я дѣйствовалъ по приказанію арміи. Велите ее собрать: и если три четверти голосовъ не будутъ въ мою пользу, то пусть повѣсятъ меня передъ полкомъ“. Ферфаксъ предлагалъ предать Джойса военному суду, но не имѣлъ успѣха.“ „Милостивый государь“,—сказалъ король Ферфаксу, разставаясь съ нимъ, „вы имѣете въ арміи столько же власти, столько и я“. Послѣ этого онъ опять потребовалъ, чтобъ его везли въ Ньюмэркетъ. Полковнику Уаллей поручено было охраненіе короля въ этомъ городѣ. Ферфаксъ возвратился въ главную квартиру, а Кромвель въ Вестминстеръ, гдѣ четырехдневное отсутствіе его производило всеобщее недоумѣніе.

Въ странномъ положеніи нашель онъ палаты: то предавались онѣ гнѣву, то чувствовали страхъ, то выказывали твердость, то слабость. При первомъ извѣстіи о похищеніи короля, ими овладѣлъ всеобщій ужасъ. Скипсонъ, котораго пресвитеріане все еще причисляли къ своей партіи, плачевнымъ голосомъ требовалъ, чтобъ назначенъ былъ всеобщій постъ, дабы вымолить у Господа возстановленіе согласія между парламентомъ и арміей, а въ ожиданіи этого, предложено было, съ одной стороны, выплатить значительную сумму въ зачетъ недоданнаго жалованья, съ другой стороны, взять назадъ и вычеркнуть изъ протоколовъ рѣшеніе, въ силу котораго первый проектъ прошенія офицеровъ объявленъ возмутительнымъ. Новыя извѣстія возбудили всеобщее негодованіе и отчасти ободрили палаты: комиссары прислали подробный отчетъ о сменахъ, происходившихъ въ Гольмби. Палаты узнали о письмѣ Джойса къ Кромвелю; нѣкоторые даже называли день, въ который, по наущенію Кромвеля, нѣсколько офицеровъ и главнѣйшихъ агитаторовъ задумали и положили привести въ исполненіе этотъ дерзкій замыселъ. Когда Кромвель занялъ опять свое мѣсто въ нижней палатѣ, то многіе члены стали громко высказывать свои подозрѣнія относительно его. Онъ съ жаромъ защищался, призывалъ въ свидѣтели Бога, ангеловъ и людей, утверждая, что до того дня онъ также мало зналъ о существованіи Джойса, какъ младенецъ въ утробѣ матери о солнечномъ свѣтѣ. Между-тѣмъ Голлизъ, Глиннъ, Гримстонъ, будучи твердо убѣждены въ виновности Кромвеля, неутомимо отыскивали противъ него улики и рѣшились воспользоваться первымъ удобнымъ случаемъ, чтобъ потребовать его арестованія. Однажды утромъ, незадолго до открытія засѣданій, два офицера пришли къ Гримстону и сказали: „Недавно было собраніе офицеровъ, въ которомъ разсуждали о томъ, не полезно ли было бы очистить армію и оставить въ ней только людей благонадежныхъ. Генералъ-лейтенантъ Кромвель сказалъ: „За армію я отвѣчаю; а вотъ есть другое общество, такъ то дѣйствительно необходимо очистить: это—нижняя палата; и можетъ произвести такое очищеніе только армія“.—„Согласны ли вы повторить эти слова передъ палатой?“, спросилъ ихъ Гримстонъ.— „Мы готовы“, отвѣчали они и отправились вслѣдъ за нимъ въ Вестмин-

стеръ. Засѣданіе было открыто и пренія начались. „Господинъ президентъ“ сказалъ Гримстонъ, вошедши, „я прошу палату приказать остановить пренія; я имѣю предложить ей вопросъ чрезвычайно важный, нетерпящій отлагательства, отъ котораго зависитъ ея свобода, ея существованіе“ и, вслѣдъ за тѣмъ, онъ обвинилъ Кромвеля, который тутъ былъ на лицо, въ замыслѣ употребить противъ палаты военную силу. „Свидѣтели мои здѣсь“, сказалъ онъ, „я требую, чтобъ ихъ впустили“. Ввели двухъ офицеровъ; они повторили свои прежнія показанія. Какъ только они вышли, Кромвель всталъ съ мѣста, упалъ на колѣчи, залился слезами и въ страстной рѣчи, прерываемой рыданіями и отчаянными жестами, которая поразила всѣхъ присутствовавшихъ, тронула однихъ, озадачила другихъ, призывалъ Бога въ свидѣтели и пламенными молитвами обрекалъ себя проклятію, если во всемъ королевствѣ найдется человѣкъ, болѣе его преданный палатѣ. Потомъ онъ всталъ и слишкомъ два часа говорилъ о парламентѣ, о королѣ, объ арміи, о своихъ врагахъ, о своихъ друзьяхъ, о себѣ самомъ; касался всевозможныхъ предметовъ, впутывалъ въ свою рѣчь все, что только можно было, выказывалъ смиреніе и дерзость; то пускался въ многословіе, то являлся страстно-увлеченнымъ; а главное: повторялъ, что палату беспокоятъ безъ всякой нужды и вредятъ ей въ глазахъ общества безъ малѣйшей побудительной причины; что, исключая немногихъ людей, обратившихъ свои взоры къ египетскимъ мясамъ, всѣ, и офицеры и солдаты, душою преданы палатѣ и охотно подчинятся законамъ. Рѣчь Кромвеля имѣла такой успѣхъ, что, по окончаніи ея, друзья его могли поздравить себя съ побѣдой. „Еслибъ захотѣли“, говорилъ Гримстонъ, спустя тридцать лѣтъ послѣ этого, „палата отправила бы въ Тоуэръ и меня и моихъ офицеровъ, какъ клеветниковъ“.

Но Кромвель былъ слишкомъ уменъ и не погнался за местию; онъ былъ слишкомъ-дальновиденъ и одержанный имъ успѣхъ не ослѣплялъ его. Онъ тотчасъ же понялъ, что подобнымъ сценамъ не дано повторяться, и вечеромъ того же дня, который ознаменовался для него такимъ блистательнымъ торжествомъ, тайкомъ оставилъ Лондонъ, отправился въ армію, которая была собрана на Трипло Гитъ (Triplloe-Heath), недалеко отъ Кембриджа, и, отложивъ всякую осторожность въ отношеніи къ пресвитеріанамъ и палатамъ, съ которыми теперь уже невозможно было ему ладить при всемъ его лицемѣрїи, открыто сталъ во главѣ индепендентовъ и солдатъ.

Черезъ нѣсколько дней послѣ его прибытія, армія пошла на Лондонъ. Всѣ полки подписали торжественное обязательство: до конца отстаивать свои права. Подъ именемъ *нижайшаго представленія*, предложили они палатамъ (14 іюня) уже не только перечень своихъ собственныхъ неудовольствій, но надменное выраженіе своихъ требованій насчетъ веденія общественныхъ дѣлъ, состава парламента, выборовъ, права подавать прошенія, всеобщей рефѣрмы государства. Къ довершенію всего, къ этимъ неслыханнымъ дотолѣ требованіямъ присоединено было обвиненіе въ государственной измѣнѣ одиннадцати членовъ нижней палаты; то были: Дензиль Голлизъ, Филиппъ Стэпльтонъ, Джонъ Мейнардъ, Уильямъ Льюизъ (Lewes), Джонъ Клотуэрты (Clotworthy); Уильямъ Уоллеръ, Глиннъ, Антони Никольсъ, генераль-майоръ Масси и полковники Вальтеръ Лонгъ и Гарлей. „Это главные враги арміи“, говорили они, „единственные виновники всѣхъ гибельныхъ недоразумѣній, въ какія введенъ былъ парламентъ на ея счетъ“.

Пресвитеріане предвидѣли этотъ ударъ и заранѣе старались отразить его. Цѣлыя двѣ недѣли они употребляли всевозможныя средства, чтобъ расположить въ свою пользу народонаселеніе Сити. Народъ ропталъ по поводу налоговъ на соль и говядину — нижняя палата отмѣнила этотъ налогъ (11 и 25 іюня); мастеравые выражали свое недовольство на отмѣну праздниковъ, въ особенности же Рождества, которое было дотолѣ въ Англіи днемъ всеобщаго веселья—и въ замѣну праздниковъ палата назначила дни отдохновенія для всего народа (8 іюня). Не умолкалъ всеобщій вопль противъ алчности многихъ членовъ парламента, которые въ одно и то же время занимали по нѣскольку должностей, пользовались разными льготами, доходами съ конфискованныхъ имѣній—нижняя палата приняла рѣшеніе, что впредь ни одинъ изъ ея членовъ не будетъ принимать ни доходной должности, ни награды, ни доли съ имущества осужденныхъ за преступленіе; что они даже возвратятъ казнѣ полученныя ими деньги и на помѣстья ихъ будетъ распространенъ, наравнѣ съ другими владѣльцами, законъ относительно взысканія долговъ (10 іюня). Наконецъ, возстановленъ въ прежней силѣ комитетъ для принятія жалобъ гражданъ на членовъ палаты, который потерялъ—было свое значеніе (3 іюня).

Но все было напрасно; настало время, когда уступки доказываютъ лишь безсиліе, когда партіямъ приходится не только сознаваться въ своихъ ошибкахъ, но и платиться за нихъ. Правда, Сити ненавидѣла индепендентовъ, но за то боялась ихъ, тогда какъ вождямъ пресвитеріанской партіи она хотя и была предана, однако, не питала къ нимъ ни уваженія, ни довѣренности, видя въ нихъ покровителей опозоренныхъ и побѣжденныхъ. На нѣкоторое время мѣры, ими принятыя, казалось, произвели въ народѣ благопріятное впечатлѣніе: общинный совѣтъ выразилъ твердое намѣреніе поддерживать парламентъ; сформировано нѣсколько эскадроновъ милиціонной кавалеріи; вербовали въ милицію; уволенные офицеры толпами записывались у Масси, Уоллера, Голлиза; вокругъ Лондона дѣлались приготовленія къ оборонѣ. Послѣ всего этого палаты рѣшили (11 іюня) требовать отъ арміи, чтобъ она отступила отъ столицы, передала короля комиссарамъ парламента, а его величество пригласить въ Ричмондъ, чтобъ онъ тамъ имѣлъ свою резиденцію, подъ охраненіемъ одного парламента. Но между тѣмъ, армія все подвигалась впередъ. Отъ имени ея, Ферфаксъ письменно жаловался общинному совѣту на то, что онъ допустилъ набирать войска противъ арміи. Совѣтъ далъ ему пошлый отвѣтъ: просилъ извиненія за свои опасенія; увѣрялъ, что если армія отступить и согласится стоять лагеремъ въ сорока миляхъ отъ Лондона, то все уладится и прекратятся всѣ несогласія. Ферфаксъ отвѣчалъ, что письмо это запоздало, что главная квартира его уже недалеко отъ Сент-Альбанса, и что ему непремѣнно нужно мѣсячное жалованье солдатамъ. Жалованье палаты утвердили; но настаивали въ то же время на отступленіи арміи. Армія, съ своей стороны, требовала, чтобъ прежде всего были исключены изъ парламента одиннадцать непріязненныхъ ей членовъ. Нижняя палата не могла рѣшиться нанести самой себѣ такой роковой ударъ собственными руками. Не разъ обсуждалось это дѣло, и всегда большинство находило, что такое неясное, бездоказательное обвиненіе, неподкрѣпленное никакими фактами, слишкомъ недостаточно для того, чтобъ отнять права у членовъ парламента. На это армія отвѣчала: —

„Первое обвиненіе лорда Страффорда было также неясно, выражалось также въ общихъ чертахъ; доказательства свои, какъ это было сдѣлано и тогда, мы представимъ послѣ“ — И между тѣмъ, она все подвигалась впередъ. 26 іюня, ея главная квартира была въ Уксбриджѣ. Коммиссары, посланные въ армію отъ Сити, возвратились ни съ чѣмъ. Ужасъ жителей Лондона возрасталъ съ каждымъ днемъ; купцы начали закрывать свои лавки; всѣ съ ожесточеніемъ порицали одиннадцать членовъ, которые своимъ упрямствомъ вредили парламенту и Сити. Они поняли смыслъ этихъ рѣчей и добровольно вызвались выбыть изъ парламента. Съ живою благодарностью было принято ихъ самопожертвованіе (26 іюня), и въ самый день ихъ увольненія нижняя палата рѣшила, что она во всемъ соглашается съ арміей; что она будетъ пещись о ея содержаніи; что она назначитъ коммиссаровъ для приведенія въ порядокъ государственныхъ дѣлъ при содѣйствіи коммиссаровъ отъ арміи; наконецъ, она отмѣнила свое прежнее рѣшеніе, въ силу котораго положено было пригласить короля на житье въ Ричмондъ, и постановила, что онъ ни въ какомъ случаѣ не будетъ жить въ ближайшемъ разстояніи отъ Лондона, нежели главная квартира арміи. На этихъ условіяхъ Ферфаксъ отступилъ отъ Лондона на нѣсколько миль и назначилъ десять коммиссаровъ для переговоровъ съ коммиссарами парламента.

Король узналъ объ этихъ рѣшеніяхъ въ то самое время, когда онъ готовился, согласно желанію палатъ, отправиться въ Ричмондъ, или, вѣрнѣе сказать, пытался привести въ исполненіе это намѣреніе, потому что съ тѣхъ поръ, какъ это желаніе парламента сдѣлалось извѣстнымъ, армія усилила свой надзоръ за особою короля, брала его съ собою при переходахъ изъ города въ городъ и, по прибытіи на мѣсто, окружала сильной стражей его квартиру. Король громко выражалъ свое неудовольствіе. — „Палаты мои“, — говорилъ онъ — „приглашаютъ меня въ Ричмондъ; удержать отъ этой поѣздки можно меня лишь насильственно, взявъ подъ уздцы мою лошадь; и если найдется такой смѣльчакъ, то я увѣрю, что это будетъ послѣднимъ подвигомъ въ его жизни. Когда король узналъ, что даже палаты противятся его отъѣзду, что онѣ сдѣлали всѣ возможные уступки арміи, съ которой переговаривались, какъ побѣжденный съ своимъ побѣдителемъ, онъ презрительно улыбнулся униженію своихъ прежнихъ противниковъ и поторопился измѣнить тактику своихъ интригъ. На армію имѣлъ онъ причины жаловаться только за мѣры, принятые ею для предупрежденія побѣга; офицеры оказывали ему такое же почтеніе, какъ и коммиссары парламента, и даже превосходили ихъ въ любезности. Армія позволяла двумъ изъ его капеллановъ, докторамъ Шельдону и Гаммонду, находиться при особѣ короля и свободно служить обѣдню по обрядамъ епископальной церкви; оставляла при немъ его старинныхъ слугъ, даже кавалеровъ, которые еще такъ недавно сражались съ арміей, и не удаляла ихъ отъ него безъ разбора; герцогу Ричмонду, графу Саутѣмтону, маркизу Гертфорду позволено было видѣться съ королемъ; вожди арміи охотно показывали великодушіе въ отношеніи къ вельможамъ роялистамъ, въ доказательство своего могущества, и даже въ низшихъ чинахъ арміи военный духъ не допускалъ тѣхъ мелочныхъ предосторожностей, той придирчивой строгости, отъ которыхъ королю не разъ приходилось терпѣть въ Ньюкестлѣ и Гольмби. Со времени сдачи Оксфорда, младшія дѣти его: герцогъ іоркскій, принцесса Елизавета и герцогъ глостерскій жили

то въ Сент-Джемсъ, то въ *Сіон-Гоузъ*, близъ Лондона, подъ надзоромъ графа Нортумберленда, которому ввѣрилъ ихъ парламентъ. Карлъ изъявилъ желаніе видѣться съ ними, и Ферфаксъ не приминулъ офиціально ходатайствовать у палатъ о соглашеніи на эту просьбу.—“Кто не пожалѣлъ бы”,—сказалъ онъ,—„если изъ за такого маловажнаго обстоятельства отказали бы его величеству въ удовлетвореніи столь естественнаго чувства—любви къ дѣтямъ?“ Свиданіе состоялось (15 іюля) въ Мэдэнгидѣ (*Maidenhead*), при стеченіи огромной толпы народа; вся дорога, по которой должна была проѣзжать королевская фамилія, была усыпана зеленью и цвѣтами; офицеры и солдаты смотрѣли на это изъявленіе сочувствія безъ подозрѣнія, безъ досады; напротивъ, они, подобно народу, были тронуты при видѣ отцовской радости Карла, и охотно позволили ему взять съ собой дѣтей въ Кэвершэмъ (*Caversham*), тогдашнюю его резиденцію, и оставить ихъ при себѣ впродолженіе двухъ дней. Впрочемъ, нѣкоторые изъ индепендентовъ, въ особенности же Кромвель и Эйртонъ, которые были слишкомъ дальновидны и потому далеко не обольщали себя надеждою, что борьба ихъ съ пресвитеріанами кончена и побѣда надъ ними упрочена, безпокоились насчетъ будущаго, соображали всѣ случайности и, изыскивая всевозможныя средства къ окончательному рѣшенію борьбы, приходили къ слѣдующему вопросу: такъ какъ ихъ стараніямъ король обязанъ своимъ возстановленіемъ, то не будетъ ли его благоволеніе самымъ лучшимъ обезпеченіемъ для ихъ партіи и самымъ надежнымъ средствомъ для нихъ самихъ къ составленію карьеры и достиженію власти?

Въ скоромъ времени разнесся по всему королевству слухъ объ угодливости, которую армія оказываетъ королю, о попыткахъ сблизиться съ нимъ, которыя дѣлаются нѣкоторыми вождями ея. Иные доходили до того, что называли даже условія, которыя будто бы были предложены королю индепендентами, и по этому поводу явились памфлеты, изъ которыхъ одни были наполнены похвалами этой партіи, другіе же порицали ее. Индепенденты нашлись вынужденными офиціально опровергнуть эти слухи и гнѣвно требовали наказанія ихъ виновниковъ (1 іюля 1647). Но тѣмъ не менѣ переговоры съ королемъ не прекращались; множество офицеровъ окружало его, заискивая его благосклонности; между ними и кавалерами установились близкія, почти дружескія отношенія, какъ между людьми, которые благородно бились на полѣ битвы, а теперь желаютъ жить въ мирѣ и согласіи. Даже король изъявилъ надежду на сбыточность этого желанія, въ письмѣ къ королевѣ. Прошло немного времени, какъ объ этой новой надеждѣ уже заговорили и тѣ эмигранты, которые, не въ большомъ числѣ, послѣдовали за королевой въ Парижъ, или бѣжали въ Нормандію, въ Руанъ, Канъ (*Caen*), Дьэппъ. Въ особенности два чело-вѣка старались распространять эту новость, давая понять слушателямъ, что извѣстно имъ болѣе, нежели сколько они сообщаютъ, и что никто не въ состояніи въ этомъ случаѣ оказать королю такихъ важныхъ услугъ, какъ они. То были сэръ Джонъ Берклей (*Berkley*), храбрый защитникъ Экзетера, сдавшій этотъ городъ лишь черезъ три недѣли послѣ бѣгства короля въ шотландскій лагерь, и Ашборнэмъ, который оставилъ Карла лишь въ Ньюкестлѣ, вслѣдствіе крайней необходимости, спасаясь отъ ненависти парламента; оба они были интриганы, люди тщеславные и хвастливые съ тою только разницею, что Берклей отличался храбростью, тогда какъ Ашборнэмъ былъ хитрѣе и пользовался большею довѣренностью

короля. Оба они находились въ сношеніяхъ съ нѣкоторыми изъ главнѣйшихъ офицеровъ арміи: Берклей случайно, Ашборнэмъ по приказанію самого Карла, и на этомъ основаніи они считали себя въ правѣ по-важничать и извлечь пользу изъ своихъ сношеній. Королева безпрекословно повѣрила всему, что они рассказывали, и около начала іюля, по ея приказанію, оба отправились, одинъ за другимъ, въ Англію, чтобъ, въ качествѣ посредниковъ, предложить свои услуги королю и арміи.

Едва Берклей высадился на берегъ, какъ его встрѣтилъ одинъ изъ офицеровъ, пріятель его, сэръ Алленъ Апслей (Apsley). Онъ былъ посланъ Кромвелемъ, Ламбертомъ, и нѣкоторыми другими съ порученіемъ увѣрить Берклея, что они не забыли ни разговора съ нимъ послѣ взятія Экзетера, ни его превосходныхъ совѣтовъ, которыми они непременно воспользуются; въ заключеніе, они просили не отлагать своего прибытія въ главную квартиру арміи. Берклей съ гордостью убѣдился изъ этого предложенія, что его особѣ придають даже большую важность, нежели онъ самъ осмѣливался мечтать; остановился лишь на минуту въ Лондонѣ и поспѣшилъ въ Ридингъ, гдѣ тогда расположена была главная квартира. Не прошло трехъ часовъ послѣ его пріѣзда, какъ Кромвель уже извинялся передъ нимъ, что не можетъ тотчасъ же сдѣлать ему визита, и въ тотъ же день, въ десять часовъ вечера, явился къ нему съ Ренсборо и сэромъ Гардресъ Уоллеромъ. Всѣ трое увѣряли его въ готовности служить королю, Ренсборо—сухо, Кромвель—съ умиленіемъ. „Недавно“, сказалъ онъ, „былъ я свидѣтелемъ трогательнаго зрѣлища—свиданія короля съ своими дѣтьми. Нѣтъ, я больше всѣхъ ошибался насчетъ короля; теперь я убѣжденъ, что нѣтъ человѣка лучше его во всѣхъ трехъ королевствахъ. Мы безконечно обязаны ему. Прими онъ въ Ньюкестлѣ предложенія шотландцевъ—мы погибли бы, погибли бы безвозвратно. Да не оставитъ Господь меня своими милостями въ той мѣрѣ, въ какой сердце мое искренно предано его величеству!“ Мало этого: если вѣрить Кромвелю, такъ всѣ офицеры раздѣляли убѣжденіе, что если королю не будутъ возвращены его законныя права, то не найдется ни одного человѣка во всей Англіи, который могъ бы быть увѣренъ въ безопасности своей жизни и имущества; что въ скоромъ времени они поступятъ такъ рѣшительно, что его величеству нельзя будетъ болѣе сомнѣваться въ ихъ преданности. Берклей, въ восторгѣ отъ этихъ объясненій, на другое же утро представился королю, которому и далъ отчетъ въ этомъ свиданіи. Карль принялъ его холодно, какъ человѣкъ, для котораго подобныя предложенія не новость и который мало давалъ имъ вѣры; а, можетъ быть, онъ нарочно притворился равнодушнымъ, чтобъ дороже продать изъявленіе своего удовольствія. Берклей ушелъ отъ короля въ недоумѣніи и досадовалъ при мысли, что король, не зная его коротко, можетъ быть, предубѣжденъ противъ него, и что Ашборнэму, который скоро долженъ пріѣхать, удастся лучше убѣдить Карла. Между тѣмъ, онъ не оставлялъ своихъ интригъ въ арміи; толпами стекались къ нему офицеры, даже простые агитаторы, частью друзья и орудія Кромвеля, частью люди, недовѣрившіе ему и совѣтовавшіе Берклею быть осторожнымъ. „Кромвель“, говорили они, „человѣкъ, на котораго никому нельзя полагаться: каждый день онъ, смотря по тому, съ кѣмъ имѣетъ дѣло, измѣняетъ свой образъ дѣйствія, свой языкъ, и думаетъ единственно о томъ, чтобъ, во всякомъ случаѣ, стать во главѣ побѣдителей“. Впрочемъ, Эйртонъ, самаго близкаго друга Кром-

веля, Берклею нашель искреннимъ въ ихъ взаимныхъ переговорахъ. Эйртонъ сообщилъ ему, какія предложенія приготовлялись въ общемъ собраніи офицеровъ, и согласился даже на нѣкоторыя измѣненія въ нихъ, предложенныя Берклеемъ. Такихъ умѣренныхъ предложеній еще ни разу не представляли королю: отъ него требовали, чтобъ онъ на десять лѣтъ отказался отъ права начальства надъ милиціею и назначенія въ высшія государственныя должности; чтобъ семеро изъ его главныхъ совѣтниковъ были изгнаны изъ королевства; чтобъ духовенство—будутъ ли то епископы, или пресвитеріанскіе проповѣдники—было лишено всякой гражданской и запретительной власти; чтобъ ни одинъ человекъ, возведенный въ званіе пера со времени начала войны, не имѣлъ права засѣдать въ парламентѣ; чтобъ при будущихъ выборахъ не было допущено въ парламентъ ни одного кавалера. „Что же дѣлать“? сказалъ Эйртонъ Берклею, „нужно же показать, что есть разница между побѣдителями и побѣжденными“. Эти условія уже сами по себѣ были легче условій, предложенныхъ палатами, да сверхъ того, не было въ нихъ рѣчи ни объ обязательствѣ уничтожить епископальную церковь и разорить большую часть роялистовъ огромными денежными пенями, ни о законномъ запрещеніи—если можно такъ выразиться—партіи короля и самого короля на все время, на какое парламенту заблагоразсудится признать это нужнымъ. Правда, армія, въ возмездіе, требовала новыхъ реформъ и, въ сущности, требованія ея были важнѣе парламентскихъ: она требовала болѣе равенства въ распредѣленіи избирательныхъ правъ и государственныхъ податей, измѣненія въ гражданскомъ судопроизводствѣ, уничтоженія множества политическихъ, судебныхъ, торговыхъ привилегій, наконецъ, введенія въ общественный порядокъ и въ законы нѣкоторыхъ началъ равенства, дотолѣ неизвѣстныхъ. Но даже тѣмъ, которые дѣлали эти предложенія, и въ голову не приходило, чтобъ эти требованія были направлены противъ короля, или противъ его сана, или противъ его власти, и никто не думалъ, чтобъ для короны было выгодно поддерживать гнилыя мѣстечки, незаконные доходы юрисконсультовъ или обманы нѣкоторыхъ должниковъ. Поэтому и Берклею находилъ, что эти условія превосходятъ своею умѣренностью всякія ожиданія; по его мнѣнію, никогда еще ни одинъ король не покупалъ такъ дешево короны, которая уже ускользала у него изъ рукъ. Ему удалось выхлопотать позволеніе секретно сообщить ихъ королю (около 25 іюля) прежде, нежели армія предложитъ ихъ ему официально. Но изумленіе его было еще сильнѣе, нежели при первомъ свиданіи съ королемъ: Карль нашель условія слишкомъ тяжелыми и отозвался о нихъ съ великимъ неудовольствіемъ. „Еслибъ армія не шутя хотѣла заключить со мной договоръ, то она предложила бы мнѣ такія условія, на которыя была бы возможность согласиться“. Берклею рѣшился сдѣлать нѣсколько возраженій и указалъ даже на опасность, которую вызоветъ отказъ короля. „Нѣтъ“, сказалъ король, рѣзко прерывая разговоръ, „безъ меня эти люди не могутъ обойтись. Вы увидите, скоро они сами рады будутъ принять условія, болѣе выгодныя для меня“.

Напрасно Берклею старался объяснить себѣ, на чемъ основывалась такая умѣренность короля, какъ вдругъ недоумѣнія его разрѣшились. Въ главную квартиру пришло извѣстіе, что въ столицѣ обнаружилось сильнѣйшее возстаніе, что толпы гражданъ и ремесленниковъ безпрестанно осаждаютъ Вестминстеръ, что съ часа на часъ парламентъ можетъ быть

вынужденъ подать голосъ въ пользу возвращенія короля, принятія одиннадцати выключенныхъ членовъ, словомъ—въ пользу мѣръ, въ высшей степени гибельныхъ для арміи и ея партіи. Въ послѣднія двѣ недѣли, особенно же съ тѣхъ поръ, какъ одиннадцати членамъ былъ данъ шестимѣсячный отпускъ (20 іюля), разрушавшій всѣ надежды ихъ приверженцевъ на скорую переменъ, грозные симптомы возстанія умножились и народныя сборища, прошенія, подаваемые въ палаты, мятежные крики—все предвѣщало бурю, наконецъ она разразилась вслѣдствіе принятія мѣръ, которую обѣ враждовавшія партіи считали рѣшительною. Комитетъ, составленный изъ пресвитеріанъ, уже два мѣсяца управлялъ лондонскою милиціею; вдругъ онъ былъ распущенъ, и эту важную властью овладѣли снова индепенденты (23 іюля). Сити не могла оставаться равнодушною при мысли, что ея враги сдѣлались ея представителями и повелителями. Въ нѣсколько часовъ волненіе сдѣлалось всеобщимъ. Въ Скиннерсгаллѣ (Skinners' hall) была прибита бумага, заключающая въ себѣ обязательство употребить всевозможныя усилія въ пользу почетнаго и свободнаго возвращенія короля въ Лондонъ. Тотчасъ же на этой бумагѣ явилось несчетное число подписей. Въ одно время съ отправленіемъ курьера въ главную квартиру, копіи съ этой бумаги были разсланы по всему королевству; готовилось прошеніе въ парламентъ съ цѣлью получить одобреніе этой бумаги; повсюду уволенные офицеры присоединялись къ народу: все предвѣщало бурный и широкій разливъ народнаго движенія.

Армія тотчасъ же пошла въ Лондонъ (23 іюля). Ферфаксъ отъ имени ея, писалъ грозныя письма; опираясь на него, индепенденты въ палатахъ заставили объявить измѣнникомъ всякаго, кто подпишетъ обязательство, данное Сити (24 іюля). Но угроза эта слишкомъ опоздала и не въ силахъ была подавить всеобщаго энтузіазма. На третій день послѣ этого объявленія, рано утромъ, многочисленныя толпы ремесленниковъ, уволенныхъ офицеровъ, матросовъ, съ шумными угрозами тѣснились вокругъ Вестминстера: очевидно было, что они пришли съ какимъ-нибудь дерзкимъ умысломъ. Испуганная палата велѣла передъ открытіемъ засѣданія (26 іюля) запереть двери и запретила членамъ своимъ выходить безъ позволенія. Отъ общиннаго совѣта доставлено прошеніе: въ умѣренныхъ и почтительныхъ выраженіяхъ совѣтъ просить возвратить начальство надъ милиціею недавно удаленнымъ вождямъ и, не раздражая палаты, извѣщалъ ихъ о нетерпѣнн, съ какимъ народъ ожидаетъ этой мѣры. Во время преній по поводу этого прошенія, президента извѣстили, что толпа, собравшаяся вокругъ Вестминстера, желаетъ подать, съ своей стороны, также прошеніе. Палата отправила двухъ членовъ для принятія его и тотчасъ же приступила къ чтенію этого прошенія. Въ немъ выражены были тѣ же желанія, какія высказалъ и общинный совѣтъ, и притомъ съ такою умѣренностью, которая превзошла ожиданія палаты. Но пренія затянулись: отвѣта на прошеніе не получалось; начинало уже смеркаться; скука ожиданія не утомила толпы, но раздражила ее. Толпа хлынула въ корридоры, и гулъ шаговъ и голосовъ раздавался уже въ залѣ присутствія. Послышались крики:—„Войдемъ, войдемъ!“—и отъ страшныхъ ударовъ потряслись двери палаты. Нѣсколько членовъ схватились за шпаги и на минуту отразили осаждавшихъ. Верхняя палата подверглась такимъ же угрозамъ; нѣсколько мастеровыхъ взобрались на окна и бросали оттуда камни въ палату, готовясь употребить болѣе дѣйствительныя средства

въ случаѣ, если ихъ не захотятъ выслушать. Парламентъ продолжалъ сопротивляться; наконецъ толпа силою вломилась въ нижнюю палату; самые отчаянные, къ числу сорока, или пятидесяти человекъ, вошли въ залу въ шляпахъ и, опираясь на толпу народа, который бушевалъ позади ихъ, грозно кричали, обращаясь къ членамъ:— „Подавайте, подавайте голоса.“— Палаты уступили: взяли назадъ рѣшеніе, принятое два дня назадъ, и снова отдали пресвитеріанскому комитету начальство надъ милиціей. Этимъ, казалось, должны бы кончиться безпорядки. Члены поднялись уже съ своихъ мѣстъ; президентъ оставилъ свое кресло, какъ вдругъ толпа изступленныхъ бросилась на него и силою воротила его назадъ.— „Чего же вы хотите?“—спросилъ онъ.— „Возвращенія короля. Подавайте мнѣніе о возвращеніи короля!“—Предложеніе это тотчасъ же было объявлено и принято всѣми членами, исключая одного Лудло, который громко произнесъ:— „*Не согласенъ!*“

Узнавъ о происшедшемъ, армія почти такъ же сильно взволновалась, особенно низшіе чины, солдаты и агитаторы; всѣ обвиняли короля въ соумышленности и въ вѣроломствѣ. Лордъ Лодердэль, пріѣхавшій изъ Лондона, чтобъ переговорить съ Карломъ, по порученію шотландскихъ комиссаровъ, возбудилъ противъ себя такіа подозрѣнія, что однажды утромъ, когда онъ еще былъ въ постели, неожиданно вошли въ его комнату солдаты и принудили его отправиться въ обратный путь, не позволивъ ему даже увидѣться еще разъ съ королемъ. Ашборнэмъ въ три дня своего пребыванія въ арміи своимъ презрительнымъ и наглымъ обращеніемъ усилилъ негодованіе и подозрѣнія арміи; онъ отказывался отъ всякихъ сношеній съ агитаторами.— „Я до этихъ поръ жилъ только въ хорошемъ обществѣ“—сказалъ онъ Берклею;— „между мною и этими животными не можетъ быть ничего общаго; другое дѣло офицеры: ихъ непременно нужно склонить на нашу сторону, тогда и вся армія будетъ въ нашихъ рукахъ.“—И точно, онъ сходилъ почти только съ генералами. Но и между офицерами, сблизившимися съ королемъ, нѣкоторые почемногу стали удаляться отъ Карла, а Эйртонъ прямо сказалъ ему:— „Государь, вы берете на себя роль судьи между парламентомъ и нами; но вы ошибаетесь: напротивъ, мы намѣрены быть судьями между вами и парламентомъ.“—Между тѣмъ, лондонскія происшествія тревожили генераловъ, и они рѣшились официально представить королю свои условія (1 авг.). На этой конференціи присутствовали Ашборнэмъ и Берклея. Карль сухо и надменно, съ иронической улыбкой, слушалъ чтеніе предложеній, отвергалъ всѣ пункты отрывисто и въ обидныхъ выраженіяхъ, какъ-бы увѣренный въ своей силѣ, и съ торжествомъ высказывалъ свое неудовольствіе. Эйртонъ грубо защищалъ эти условія и говорилъ, что армія не намѣрена болѣе дѣлать ни малѣйшихъ уступокъ. Въ нетерпѣніи, Карль перебилъ его словами.— „Вы не можете обойтись безъ меня; безъ моей помощи вы погибля.“—Въ недоумѣніи, взглянули офицеры на Ашборнэма и Берклея, какъ-бы спрашивая у нихъ причины такого пріема; въ свою очередь Берклея старался взглядами дать почувствовать королю его неосторожность, но напрасно. Наконецъ онъ подошелъ къ нему и сказалъ на ухо:— „Ваше величество говорите такимъ тономъ, какъ будто у васъ есть какія-нибудь средства. Я о нихъ ничего не знаю; такъ какъ вы скрыли ихъ отъ меня, то я желалъ бы, чтобъ вы скрыли ихъ также и отъ присутствующихъ здѣсь.“—Карль спохватился и перемѣнилъ тонъ;

но офицеры, по крайней мѣрѣ большинство, уже твердо рѣшились. Самъ Ренсборо, болѣе всѣхъ прочихъ противившійся мирному соглашенію, безъ шума вышелъ и распространилъ по арміи, что нѣтъ возможности полагаться на короля. Совѣщаніе кончилось сухо и вяло, какъ это бываетъ между людьми, которые не могутъ уже ни согласиться между собою, ни обоюдно обмануть другъ друга.

Едва только офицеры успѣли вернуться въ главную квартиру, какъ туда прибыло изъ Лондона нѣсколько каретъ; изъ нихъ, къ великому удивленію толпы, вышло слишкомъ шестьдесятъ членовъ обѣихъ палатъ, подъ предводительствомъ своихъ президентовъ, лорда Манчестера и Лентгалля (Lenthall); они говорили, что имъ удалось спастись отъ ярости черни и что они прибыли въ главную квартиру искать защиты у арміи. Радость заступила мѣсто изумленія, которое овладѣло было арміей при видѣ вновь прибывшихъ: она боялась насильственного разрыва съ парламентомъ, а теперь самъ парламентъ, въ лицѣ своихъ законныхъ вождей, своихъ вѣрныхъ членовъ, проситъ ея покровительства. Офицеры и солдаты окружили бѣглецовъ и, съ негодованіемъ слушая рассказъ объ опасностяхъ и оскорбленіяхъ, какимъ они подверглись, осыпая ихъ похвалами и изъявленіями признательности, славили Бога за ихъ патриотическій поступокъ. Что касается Кромвеля и его друзей, то они только притворялись изумленными: уже пять дней, какъ они работали въ Лондонѣ при посредствѣ своихъ связей, особенно же чрезъ Сент-Джона, Вена, Гэзльрига и Лудло, чтобъ произвести въ палатахъ этотъ расколъ.

Берклей послѣшно отправился къ королю съ этимъ печальнымъ извѣстіемъ, заклиналъ его немедленно написать къ вождямъ арміи посланіе, съ обѣщаніемъ сдѣлать лучшій пріемъ ихъ предложеніямъ, или, по крайней мѣрѣ, разсѣять ихъ подозрѣнія и изгладить непріятное впечатлѣніе, оставленное въ офицерахъ послѣдней аудіенціей. Это, говорилъ онъ, содѣлаютъ Кромвель и Эйртонъ, которые, на этомъ условіи, еще отвѣчаютъ за расположеніе арміи. Но Карлъ, съ своей стороны, также получилъ вѣсти изъ Лондона: мятежъ произведенъ былъ съ его согласія; ему дали знать, что въ самый день отъѣзда членовъ оставшіеся члены, далеко превосходившіе бѣглецовъ своимъ числомъ, выбрали себѣ новыхъ президентовъ: нижняя палата Пельгэма, верхняя—лорда Уиллоби Паргэма; что одиннадцать изгнанныхъ членовъ вновь заняли свои мѣста; что палаты, возстановленныя такимъ образомъ въ законной силѣ, тотчасъ же отдали приказаніе арміи остановиться, Лондону—приготовить всѣ средства къ защитѣ, Броуну, Масси, Уоллеру и Пойнтзу—поспѣшно формировать полки. Говорили, что народный энтузіазмъ достигъ крайней степени. Разъ, въ засѣданіе общиннаго совѣта явилось нѣсколько тысячъ мастеровыхъ, которые клялись защищать его дѣло до послѣдней капли крови, несмотря ни на какія опасности, ни на какихъ враговъ. Только жители предмѣстья Саутуоркъ (Southwark) выразили противоположныя мнѣнія; но на пути въ Гильдгалль, куда они шли съ своимъ прошеніемъ, Пойнтзъ, въ сопровожденіи нѣсколькихъ офицеровъ, напалъ на нихъ и разогналъ ихъ такъ жестоко, что, по всему вѣроятію, отбилъ у нихъ охоту возобновлять свою попытку. Между тѣмъ, деньги собираются и пушки разставляются на укрѣпленіяхъ. Наконецъ, положено формально пригласить короля въ Лондонъ, и рѣшеніе это, возвѣщенное при звукѣ

трубы по всѣмъ улицамъ Лондона, должно быть доставлено къ Карлу чрезъ нѣсколько часовъ, никакъ не позже слѣдующаго утра.

„Я подожду“, — сказалъ король Берклею; „написать это письмо я всегда успѣю“. Между тѣмъ прибылъ вѣстникъ изъ главной квартиры; изъ Вестминстера новые бѣглецы присоединились къ своимъ товарищамъ; другіе писали, что они удаляются въ свои графства, и ни признавали законности мнимаго парламента. Въ самомъ Лондонѣ партія индепендентовъ, малочисленная, но упрямая, не теряла ни времени, ни присутствія духа; она находила средства ослаблять, замедлять, парализовать всѣ мѣры, которыхъ не въ силахъ была отворотить. Собранныя деньги медленно употреблялись въ дѣло; у новобранцевъ Масси не было оружія; нѣкоторые пресвитеріанскіе проповѣдники, подкупленные арміею, между прочими, Маршалль (Marshall), своими рѣчами разносили повсюду робость и готовность къ мировой сдѣлкѣ; ихъ уже слушали благосклонно честные члены палаты и общиннаго совѣта, которымъ льстила честь возстановить миръ. Наконецъ Кромвель велѣлъ сказать Ашборнѣму, что чрезъ два дня Сити будетъ у нихъ въ рукахъ.

Карлъ все еще медлилъ; онъ созвалъ на совѣтъ самыхъ вѣрныхъ изъ своихъ служителей. Сочиняли письмо, спорили о немъ, находили его неудовлетворительнымъ, потомъ одобрили и наконецъ (4 авг.) король подписалъ письмо. Ашборнѣмъ и Берклею отправились съ нимъ въ главную квартиру; на дорогѣ они встрѣтились съ новымъ гонцомъ, отправленнымъ къ нимъ двумя преданными имъ офицерами, торопившими ихъ доставкою письма. Они пріѣзжаютъ. Но сдача Лондона предупредила ихъ. Бѣгавшіе члены парламента сдѣлали смотръ войскамъ на Гонсло-Гитѣ (Hounslow-Heath), среди самыхъ шумныхъ восклицаній радости (3 авг.) и вмѣстѣ съ ними шли уже на Лондонъ, увѣренные, что безпрепятственно войдутъ въ городъ. Письмо короля и союзъ съ нимъ не имѣли уже цѣны въ глазахъ побѣдителей.

Спустя два дня, 6-го августа, блистательная и грозная процессія тянулась изъ Кенсингтона въ Вестминстеръ; три полка составляли авангардъ, четвертый арьергардъ; въ серединѣ ѣхалъ верхомъ Ферфаксъ съ своимъ главнымъ штабомъ и бѣглецы члены парламента въ каретахъ; а за ними шли толпы ихъ приверженцевъ, которые поспѣшили присоединиться къ торжеству своей партіи. По обѣимъ сторонамъ дороги были выстроены солдаты; у каждаго на шляпѣ была лавровая вѣтвь. Они кричали: „Да здравствуетъ парламентъ! свободный парламентъ!“ Въ Гайд-Паркѣ шествіе было встрѣчено лордомъ-мэромъ и альдерменами; они поздравляли генерала съ миромъ, возстановленнымъ наконецъ между арміею и городомъ. Ферфаксъ отвѣчалъ имъ нехотя и не останавливаясь. Далѣе, при Черинг-Кроссѣ (Charing-Cross), представился муниципальный совѣтъ въ полномъ составѣ и удостоился не болѣе внимательнаго пріема. Процессія достигла Вестминстера; вожди пресвитеріанской партіи частію разбѣжались, частію спрятались. Ферфаксъ возвратилъ мѣста покровителямъ арміи, съ скромнымъ видомъ выслушалъ высокопарное выраженіе ихъ благодарности, и послѣ того, какъ парламентъ назначилъ мѣсячное жалованье его войскамъ, онъ вышелъ и вступилъ во владѣніе Тоуэромъ, губернаторомъ котораго онъ тотчасъ же былъ назначенъ.

Чрезъ два дня вся армія—Скиптонъ составлялъ центръ, Кромвель—арьергардъ, проходила по Лондону съ важнымъ видомъ, тихо, въ самомъ

строгомъ порядкѣ, который ни разу не былъ нарушенъ; ни малѣйшаго оскорбленія не было нанесено ни одному гражданину: вожди хотѣли успокоить Сити и въ то же время внушить ей уваженіе къ арміи. Цѣль ихъ была достигнута: при видѣ этихъ стройныхъ и гордыхъ въ то же время рядовъ, послушныхъ и грозныхъ, пресвитеріане заперлись въ домахъ, индепенденты овладѣли повсюду властью, трусы доврчиво толпились около побѣдителей. Общинный совѣтъ предложилъ Ферфаксу и его офицерамъ публичный обѣдъ. Ферфаксъ отказался. Велѣно было какъ можно скорѣе вырѣзать, для поднесенія ему, золотую кружку. Нашлось даже нѣсколько подмастерьевъ, которые явились съ поздравленіями къ Ферфаксу и онъ принялъ ихъ въ торжественной аудіенціи, радуясь случаю убѣдить своихъ враговъ въ мысли, что и эта страшная молодежь принадлежитъ къ партіи арміи. Палаты, съ своей стороны, особенно же лорды, разсыпались въ раболѣпныхъ выраженіяхъ признательности; они подали мнѣніе, что все, слѣданное въ отсутствіе членовъ, бѣжавшихъ въ главную квартиру, должно считаться незаконнымъ, нетребующимъ даже отмѣненія. Это мнѣніе беспокоило нижнюю палату; она согласилась взять назадъ всѣ послѣднія предложенія, преслѣдовать всѣхъ зачинщиковъ мятежа, который окончился расколомъ въ парламентѣ; но большая часть изъ ея членовъ, оставшихся въ Вестминстерѣ, подала голосъ въ пользу тѣхъ распоряженій, отъ которыхъ у нихъ требовали теперь безусловнаго отреченія; три раза сряду отказывались они отъ такого униженія. На другой день (20 авг.), рано утромъ, часть кавалеріи расположилась въ Гайд-Паркѣ; у всѣхъ выходовъ нижней палаты были разставлены часовые, а въ самой палатѣ Кромвель и Эйртонъ съ угрозами поддерживали мнѣніе лордовъ; наконецъ оно было принято; торжество арміи было полное, потому что законность его была признана самою побѣжденною партіею.

Послѣ этого великаго успѣха, доставшагося такъ легко, революціонное движеніе, дотолѣ обуздываемое, или, вслѣдствіе потребностей борьбы, сохранявшее извѣстный порядокъ даже между индепендентами, приняло совершенно свободный ходъ: всѣ страсти, всѣ надежды, всѣ мечты смѣло начали обнаруживаться и развиваться. Въ высшихъ слояхъ этой партіи, на скамьяхъ нижней палаты, въ генеральномъ совѣтѣ офицеровъ ясно и положительно высказывались республиканскіе планы: уже съ давняго времени, Венъ, Лудло, Гэзльригъ, Мартинъ, Скоттъ, Гатчинсонъ едва удостоивали отвѣтомъ тѣхъ, кто обвинялъ ихъ въ намѣреніи испровергнуть монархію, о которой они отзывались не иначе, какъ съ презрѣніемъ. По поступкамъ, по рѣчамъ ихъ можно было заключать, что они признаютъ принципъ верховности народной власти и единой, народомъ избранной палаты, представляющей собою эту власть; въ бесѣдахъ между собою они называли измѣною всякую мысль о соглашеніи съ королемъ, на какихъ бы то ни было условіяхъ. Въ нижнихъ слояхъ, въ народѣ и арміи обнаруживалось кипучее волненіе умовъ; по всѣмъ предметамъ стали требовать неслыханныхъ дотолѣ реформъ; со всѣхъ сторонъ поднялись реформаторы; въ своемъ страстномъ увлеченіи, они не останавливались ни передъ какимъ закономъ, ни передъ какимъ фактомъ; ихъ самоувѣренный и поведительный языкъ равнялся ихъ невѣжеству и незначительности. Каждый день подавали они прошенія, печатали памфлеты, наполненные угрозами противъ всѣхъ и всего. Потребованные къ отвѣту передъ судьями,

они говорили, что не вѣрятъ въ законность самихъ судей и требовали отъ нихъ, чтобъ они оставили несправедливо занимаемые ими мѣста. Когда въ церквахъ пресвитеріанскіе проповѣдники нападали на ихъ поведеніе, они бросались къ кафедрѣ, прогоняли съ нея проповѣдника и вмѣсто него сами говорили проповѣди, искренніе въ своемъ изступленіи и въ то же время умѣвшіе ловко употреблять его въ пользу своихъ страстей. Это народное движеніе не опиралось ни на какое твердое, систематическое ученіе, не имѣло никакой положительной и общей цѣли: всѣ эти республиканцы, поборники народа, не ограничивались реформою образа правленія; они стремились къ преобразованію самаго общества къ преобразованію отношеній, нравовъ, взаимныхъ чувствъ между гражданами. Но взгляды ихъ были близоруки и сбивчивы; одни изъ нихъ истощали свою отвагу, съ шумомъ преслѣдуя какое-нибудь нововведеніе, хотя важное, но одностороннее, какъ, напримѣръ, уничтоженіе привилегій лордовъ или юрисконсультовъ; другіе ограничивались какою-нибудь благочестивою мечтою, въ родѣ ожиданія близкаго пришествія Господа и водворенія его царства; иные же, называя себя *раціоналистами*, требовали абсолютнаго господства личнаго разума; еще другіе толковали о введеніи строгаго равенства правъ и имущества между людьми; этимъ воспользовались противники ихъ, чтобъ заклеить всѣхъ ихъ именемъ *уравнителей* (Nivellers). Но ни этого ненавистнаго имени, противъ котораго они постоянно вооружались, ни какого-либо другаго прозвища нельзя было имъ дать, потому что они не составляли ни секты, которая признавала бы какое-нибудь систематическое ученіе, ни партіи, которая бы стремилась къ достиженію опредѣленной цѣли. Всѣ реформаторы—граждане и солдаты, мечтатели и демагоги—отличались болѣе страстною, нежели широкою потребностью новаго порядка вещей, смутнымъ влеченіемъ къ равенству и въ особенности самымъ грубымъ духомъ независимости—вотъ въ чемъ состоялъ ихъ общій характеръ. Увлекаемые слѣпымъ, но чистымъ честолюбіемъ, беспощадные ко всѣмъ, въ комъ они замѣчали слабость или своекорыстіе, они попеременно составляли силу и ужасъ различныхъ партій, изъ которыхъ всякая въ свою очередь принуждена была употреблять ихъ въ свою пользу и обманывать ихъ.

Въ томъ и другомъ никто не успѣвалъ такъ хорошо, какъ Кромвель; съ этими темными, но тѣмъ не менѣе могущественными энтузіастами онъ умѣлъ жить въ самыхъ близкихъ и откровенныхъ отношеніяхъ. Сначала все имъ явилось въ немъ: необузданные порывы его воображенія, его старанія сблизиться и стать на одну доску съ самыми грубыми людьми изъ ихъ партій; мистицизмъ и фамиллярность его рѣчей, его обращеніе, то грубое, то восторженное, вслѣдствіе котораго онъ являлся то вдохновеннымъ, то добродушнымъ, даже его свободный и гибкій геній, который, казалось, умѣлъ пустить въ ходъ всѣ пружины свѣтской ловкости, чтобъ доставить торжество святому дѣлу. Поэтому не удивительно, что между ними онъ искалъ и находилъ самыхъ полезныхъ агентовъ: Эйреса (Ayres), Ивенсона (Evanston), Берри (Berry), Сексби (Sexby), Шеппарда (Sheppard), Уайльдмэна (Wildman)—все это были главные члены совѣта агитаторовъ, во всякое время готовые по первому слову генераль-лейтенанта возмутить армію противъ короля или парламента, смотря по надобности. Даже Лильборнъ, одинъ изъ самыхъ неукротимыхъ людей этого разряда и въ то же время менѣе своихъ товарищей легковѣрный, который вышелъ изъ

своего полка, потому что неспособенъ былъ повиноваться, даже этотъ питалъ глубочайшую довѣренность къ Кромвелю: „Вы въ моихъ глазахъ“, — писалъ онъ къ Кромвелю, — „изъ числа самыхъ сильныхъ людей Англіи: вы отличались больше всѣхъ чистотою сердца, больше всѣхъ пренебрегали личными выгодами“, — и Кромвель не разъ пользовался храбростью Лильборна, когда ему доводилось имѣть дѣло съ пресвитеріанами. Но когда пресвитеріане были, повидимому, поражены окончательно, когда въ рукахъ индепендентовъ были палаты, король и Сити, когда, наконецъ, выступили наружу всѣ ненасытныя, слѣпя, безпорядочныя страсти и притязанія революціонеровъ, то едва не пошатнулись вожди этой партіи, особенно же Кромвель, на котораго уже начинали обращать взоры всѣхъ. И они, въ свою очередь, узнали, что значить недовѣріе, испытали страхъ. Многіе изъ вышеназванныхъ людей, неблагоприятно смотрѣли на переговоры, веденные вождями арміи съ королемъ; одна необходимость, одно опасеніе подпасть власти пресвитеріанъ, пересилило ихъ ненависть и подозрѣнія. Всякая опасность миновала. Господь предалъ въ руки своихъ служителей всѣхъ сопротивныхъ ему. Между тѣмъ, вмѣсто того, чтобъ упрочить за собою побѣду и уничтожить своихъ противниковъ, ихъ враги продолжали жить съ ними въ мирѣ и согласіи. Первый, тотъ, на главу котораго уже два года нѣсколько голосовъ вѣрныхъ призывали общественное мщеніе, и который, въ гордости, отвергъ недавно предложенія, какихъ, можетъ быть, не слѣдовало бы ему дѣлать — словомъ, король, не только не терялъ ничего отъ послѣднихъ событій, напротивъ, сила и блескъ его еще выигрывали отъ нихъ. Съ согласія генераловъ, Карлъ возвратился въ свой замокъ Гэмтон-Кортъ (24 авг.) и жилъ тамъ съ пышностью полубога, окруженный дворомъ, болѣе надменнымъ, чѣмъ когда-либо. Старинные совѣтники его, Ричмондъ, Гертфордъ, Кэплъ, Саутэмтонъ, поторопились пріѣхать къ нему, точно какъ будто ему предстояло снова взять въ свои руки верховную власть. Даже Ормондъ, опаснѣйшій изъ вождей ирландскихъ роялистовъ, тотъ самый Ормондъ, который еще недавно боролся въ Ирландіи противъ парламента и лишь съ трудомъ рѣшился сдать Дублинъ, этотъ Ормондъ, возвратившись въ Англію, былъ принятъ генераломъ, генераль-лейтенантомъ, почти всѣми высшими чинами арміи, чрезвычайно вѣжливо, и могъ свободно видѣться съ королемъ, который, безъ сомнѣнія, замышлялъ съ нимъ новое возстаніе въ Ирландіи. Въ то же время самые дѣятельные друзья короля, Берклей и Ашборнэмъ, Фордъ, Апслей, безпрестанно ѣздили съ порученіями отъ Карла въ главную квартиру, изъ главной квартиры къ Карлу; двери Кромвеля и Эйртонъ, въ которыя трудно было проникнуть многимъ благонамѣреннымъ людямъ, постоянно были открыты для этихъ приверженцевъ короля. Въ свою очередь, Эйртонъ и Кромвель находились въ постоянныхъ сношеніяхъ съ королемъ, частью лично, частью чрезъ посредниковъ; они прогуливались съ нимъ съ глазу на глазъ по парку, или же запирались съ нимъ въ его кабинетѣ. Даже жены Кромвеля, Эйртонъ и Уаллея представлялись въ Гэмтон-Кортъ; и король принималъ ихъ съ большимъ почетомъ. Эти дружественныя связи надѣлали шуму и во всѣхъ этихъ переговорахъ стали подозрѣвать пригостовленія къ какой-нибудь измѣнѣ. Такія мнѣнія повторялись каждый день въ собраніяхъ республиканцевъ и энтузіастовъ, особенно же въ сходбищахъ солдатъ. Даже Лильборнъ, котораго верхняя палата приказала заключить въ Тоуэръ,

надѣясь помѣшать распространенію его рѣчей и памфлетовъ, отправилъ изъ своей темницы къ Кромвелю письмо, наполненное самыхъ сильныхъ упрековъ. Оно оканчивалось словами: „Если вы и теперь оставите безъ вниманія слова мои, какъ это дѣлали доселѣ, то знайте: я пушу въ ходъ противъ васъ все мое вліяніе, всѣ средства, и произведу въ вашемъ положеніи такую переменъ, которая врядъ-ли вамъ будетъ по сердцу“. (13 авг. 1647).

Обыкновенно Кромвель оставлялъ безъ вниманія совѣты и угрозы Лильборна; но теперь было не то: теперь этимъ угрозамъ придавали страшный вѣсъ столько людей раздраженныхъ, которые нѣкогда были такъ преданы Кромвелю. Кромвель, который такъ часто пускался, даже съ отчаянной отвагой, въ невѣрныя интриги, всегда, однако, чутьемъ угадывалъ безошибочно, гдѣ скрывается истинная опасность, или препятствія; и къ какой бы цѣли онъ ни стремился, какую бы страсть ни увлекался, онъ всегда умѣлъ соображать всѣ обстоятельства, прислушиваться ко всѣмъ слухамъ, и поступать такъ, какъ этого требовало положеніе дѣлъ Берклея и Ашборнэма, онъ попросилъ навѣщать его порѣже, короля — извинить его, если онъ сдѣлается осторожнѣе въ своихъ съ нимъ сношеніяхъ. — „Если я точно благомыслящій человѣкъ“ — говорилъ Кромвель, — „то я достаточно доказалъ его величеству искренность мою; если же я лувавилъ, то всѣ мои дальнѣйшія доказательства будутъ казаться недостаточными“. — Въ то же самое время онъ навѣстилъ Лильборна въ Тоуэрѣ, долго пробылъ у него, съ жаромъ говорилъ ему о своемъ усердіи къ ихъ общему дѣлу, съ увлеченіемъ распространялся о вредѣ, который нанесетъ ихъ партіи малѣйшее несогласіе; спрашивалъ его, что онъ намѣренъ дѣлать, когда выйдетъ изъ темницы, и наконецъ, на разставаніи, обѣщавая изъ всѣхъ силъ хлопотать о его освобожденіи въ комитетѣ, которому было поручено разобрать его жалобу.

Лильборнъ не былъ освобожденъ, напротивъ, комитетъ, въ которомъ предсѣдателемъ былъ Генри Мартинъ, отсрочилъ даже слушаніе его дѣла, а между тѣмъ Кромвель попрежнему продолжалъ сношенія съ королемъ, наблюдая только большую осторожность. Онъ далеко не былъ ослѣпленъ самонадѣянностью своей партіи; но, мучимый честолюбіемъ и неизвѣстностью, самыми противоположными планами и расчетами, онъ ни отъ одного изъ нихъ не хотѣлъ отказаться, ни однимъ изъ нихъ безвозвратно себя связать. Въ успѣхѣ республиканцевъ онъ сомнѣвался; желанія энтузіастовъ находилъ несбыточными; своеволие солдатъ, этихъ необузданныхъ резонеровъ, грозило подорвать его власть; беспорядки онъ ненавидѣлъ даже тогда, когда самъ поддерживалъ ихъ; еще имя короля имѣло силу: союзъ съ нимъ могъ доставить выгоды; возстановленіе его на престолъ было вѣроятно. Поэтому Кромвель не пренебрегалъ союзомъ короля, равно какъ и другими связями, готовый во всякомъ случаѣ промѣнять ихъ на болѣе выгодныя, приставалъ то къ той, то къ другой сторонѣ, смотря по тому, на которой вѣрнѣе былъ успѣхъ. Король, съ своей стороны, зная очень хорошо расположеніе умовъ въ палатахъ и въ арміи, перемѣнилъ тактику: онъ сталъ мнѣе обращаться къ самой партіи, нежели къ ея вождямъ; не столько говорилъ объ общественныхъ уступкахъ, сколько о милостяхъ, предназначенныхъ отдѣльнымъ лицамъ. Эйртону предложено было мѣсто правителя Ирландіи, Кромвелю — начальство надъ войскомъ и надъ королевскою гвардіею, титулъ графа эссекскаго, орденъ

подвязки. Подобныя же выгоды обѣщаны для ихъ главнѣйшихъ друзей. Между тѣмъ два роялиста, судья Дженкинсъ и кавалеръ сэръ Льюизъ Дайвзъ (Lewis Dives), заключенные въ Тоуэрѣ вмѣстѣ съ Лильборномъ, безпрестанно толковали ему о договорѣ, который, по ихъ словамъ, уже окончательно заключенъ между генералами и дворомъ, рассказывали ему объ условіяхъ, возбуждали въ немъ подозрѣнія и подстрекали его распространять ихъ. Если это одни слухи, то они должны были взволновать партію: если же этотъ договоръ дѣйствительно принятъ, то онъ обезпечивалъ королю поддержку вождей, или же оставлялъ самихъ вождей безъ поддержки.

Кромвель и Эйртонъ разгадали эти интриги очень легко, тѣмъ болѣе, что они приставили къ королю своихъ шпионовъ; полковникъ Уаллей, охранявшій съ своимъ полкомъ особу короля, доводился племянникомъ Кромвелю, который вывелъ его въ люди. Малѣйшіе случаи изъ жизни короля, его прогулки, лица, съ которыми онъ разговаривалъ, всѣ посѣтители, каждый шагъ его совѣтниковъ, неосторожныя рѣчи его служителей—обо всемъ этомъ со всѣми подробностями доносили обоимъ генераламъ, которые не разъ жаловались на то, что изъ Гэмптон-Корта какъ бы намѣренно распространяются слухи, лишающіе ихъ возможности отстаивать передъ арміею интересы короля и вредящіе ихъ собственному авторитету въ ней. Эйртонъ, человѣкъ твердаго характера, неспособный къ притворству, какъ Кромвель, не оставался равнодушнымъ къ этимъ интригамъ и готовъ былъ прервать переговоры; а между тѣмъ, они не прерывались, и открытые поступки генераловъ, повидимому, должны были подтвердить подозрѣнія солдатъ. Палаты, по настоятельному требованію Шотландіи, а также съ цѣлью удовлетворить хоть нѣсколько мирную партію, рѣшили (27 авг.) опять представить на благоусмотрѣніе короля ньюкэстльскія предложенія. Графы Лодердэль и Ланеркъ (Lanerk), незадолго передъ тѣмъ прибывшіе въ Гэмптон-Кортъ, снова заклинали его принять ихъ и соединиться наконецъ съ пресвитеріанами, которые одни искренно желаютъ спасти короля. Это навело страхъ на Кромвеля и Эйртонъ; они снова начали разсыпаться передъ королемъ въ увѣреніяхъ и обѣщаніяхъ, совѣтовали ему отвергнуть предложенія парламента, требовать, чтобъ въ основаніе новаго договора были приняты предложенія арміи, отличающіяся гораздо болѣею умѣренностью, и брались изъ всѣхъ силъ поддерживать его требованія. Эйртонъ велѣлъ сказать королю:—„Мы рѣшились очищать и очищать, безъ устали очищать палату, пока она будетъ расположена въ пользу вашего величества. Что касается меня, я не измѣню обѣщаніямъ, которыя я далъ королю, и скорѣе предамся французамъ, испанцамъ, кавалерамъ, кому бы то ни было, кто захочетъ мнѣ помочь сдержать ихъ“.— Карлъ послушался генераловъ и, вслѣдствіе его отвѣта (отъ 9 сент.), сильныя пренія возникли въ нижней палатѣ; раздраженные пресвитеріане не хотѣли отказаться отъ своихъ предложеній; энтузіасты требовали, чтобъ палаты не принимали отъ короля и сами не дѣлали ему болѣе никакихъ предложеній. Кромвель и Эйртонъ сдержали свое обѣщаніе: они настаивали на томъ, чтобъ желаніе короля было принято и чтобъ парламентъ открылъ съ нимъ переговоры на условіяхъ, предложенныхъ арміею. Эта попытка надѣлала много шума, но осталась безъ результата, потому что пресвитеріане и энтузіасты разрушили ее общими силами.

Съ этихъ поръ солдаты, выражавшіе дотолѣ только свое подозрѣніе и

неудовольствіе, стали прибѣгать къ угрозамъ; во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ только стояла армія, начинали образовываться сходки, отчасти открытыя и шумныя, отчасти тайныя, и какъ только заходила рѣчь о Кромвелѣ, всегда раздавались слова: *честолюбецъ, измѣнникъ, обманщикъ*. Неосторожныя выраженія Кромвеля, которыя срывались у него съ языка въ минуты увлеченія, теперь припоминались и съ ожесточеніемъ толковались къ дурную сторону. Онъ говорилъ о необходимости ограничить строгости противъ кавалеровъ; онъ сказалъ когда-то:— „Съ тѣхъ поръ, какъ король въ моихъ рукахъ, парламентъ у меня въ карманѣ“;— а въ другой разъ:— „Была же у Голлиза и Стэпльтона такая сильная власть; такъ почему бы и мнѣ не править королевствомъ, подобно имъ?“— Наконецъ, въ комитетѣ, которому поручено было разсмотрѣніе дѣла Лильборна, опять таки не кто иной, какъ Кромвель, поднялъ множество мелочныхъ затрудненій, чтобъ продержатъ его долѣе въ тюрьмѣ. Лильборнъ отправилъ на него формальный доносъ агитаторамъ и исчислялъ всѣ должности, которыми овладѣлъ Кромвель съ своими друзьями. Агитаторы, съ своей стороны, потребовали у палаты освобожденія Лильборна, у Ферфакса освобожденія четырехъ солдатъ, арестованныхъ единственно, какъ они выражались, за то, что позволили себѣ нѣсколько оскорбительныхъ фразъ въ отношеніи къ особѣ короля. Лильборнъ, Уайльдмэнъ и нѣкоторые другіе толковали даже объ умерщвленіи Кромвеля. Попытки никакой не послѣдовало; и по этому ли поводу, или по другой причинѣ, только даже совѣтъ агитаторовъ сдѣлался подозрительнымъ въ глазахъ солдатъ, которые заговорили, что въ совѣтѣ у генераль-лейтенанта есть шпионы, которые обо всемъ доносятъ ему. Чтобъ избѣгнуть этой опасности, нѣсколько полковъ выбрало, подъ именемъ *новыхъ агентовъ*, болѣе надежныхъ агитаторовъ, и поручило имъ наблюдать за измѣнниками и защищать правое дѣло, во что бы ни стало. Во главѣ возстанія стало нѣсколько генераловъ, нѣсколько членовъ нижней палаты, именно: Ренсборо, Эверсъ (Ewers), Гаррисонъ, Робертъ Лильборнъ (братъ Джона Лильборна и инфатеріи полковникъ), Скоттъ. Такимъ образомъ, самая неукротимая партія, отдѣлившись отъ генеральнаго совѣта офицеровъ и палаты, начала громко провозглашать свое ученіе, свои планы.

Кромвелемъ овладѣло безпокойство: въ арміи царствовалъ раздоръ; роялисты и пресвитеріане выжидали случая воспользоваться этимъ раздоромъ; люди съ сильной волей напали на самого Кромвеля, тѣ самые люди, которые нѣкогда были такъ непоколебимо преданы ему и служили полезнѣйшимъ орудіемъ для его цѣлей. Къ тому же, день ото дня намѣренія короля становились подозрительнѣе. Эйртонъ настоятельно требовалъ отъ короля, чтобъ онъ открыто присталъ къ ихъ партіи. Карль отвѣчалъ ему: „У меня свои виды“. Лордъ Лодердэль и лордъ Ланеркъ не переставали предлагать Карлу свои услуги и обѣщать ему помощь шотландской арміи, если онъ заключитъ наконецъ союзъ съ ними. Обѣ стороны, какъ говорили, согласились уже насчетъ основаній договора, и войска Шотландіи, въ которой Гамилтонъ восторжествовалъ надъ Арджайлемъ, направлялись къ границѣ; англійскіе кавалеры, Кэплъ, Лангдэль, Масгрэвъ (Musgrave), съ своей стороны, также подъ рукой готовили возстаніе. „Повѣрьте мнѣ“, сказалъ Карль Кэплю, „пройдетъ немного времени и обѣ націи объявятъ одна другой войну. Шотландцы надѣются на содѣйствіе всѣхъ пресвитеріанъ въ Англіи. Пусть же наши приверженцы будутъ

готовы взяться за оружіе; въ противномъ случаѣ, мы ничего не выиграемъ, какая бы партія ни восторжествовала“. Въ то же время сомнительнымъ становилось положеніе арміи, стоявшей въ окрестностяхъ Лондона: Сити рѣшительно ничего не дѣлала, чтобъ удовлетворить ея требованіямъ насчетъ уплаты жалованья; офицеры, за неимѣніемъ денегъ, не знали, какъ справиться съ войсками. Всюду ходили по рукамъ памфлеты, которыхъ содержаніе составляли умыслы солдатъ противъ короля, или переговоры короля съ генералами. Ферфаксъ требовалъ учрежденія самой строгой цензуры и безъ труда получилъ согласіе палатъ, но это ни къ чему не повело; ни къ чему не повело и то, что Кромвель вызвался быть ходатаемъ нуждавшейся арміи передъ Сити; ни къ чему не повела его изворотливость и хитрость, съ какою онъ пытался убѣдить фанатиковъ, что они должны умѣрить свои порывы для того, чтобъ заставить умѣренныхъ платить деньги, умѣренныхъ, что они должны платить деньги фанатикамъ для того, чтобъ обуздать ихъ, ни къ чему не повело даже и то, что удалось ему заставить выбрать въ число „новыхъ агентовъ“ такихъ людей, которые вполне были ему преданы. Всѣ его усилія оказались бесполезными, даже расчетливость его обратилась ему же во вредъ: во всѣхъ партіяхъ у него, на всякій случай, были заготовлены преданные люди и средства, которыя онъ при случаѣ могъ бы пустить въ ходъ—и беспорядочное, неукротимое броженіе грозило повсюду разрушить его расчеты, повсюду подорвать его вліяніе. Результатомъ всей его изворотливости было то, что положеніе его запуталось еще болѣе и едѣлалось крайне опаснымъ.

Въ то время, какъ Кромвель находился въ такомъ критическомъ положеніи, одинъ изъ шпионовъ, которыхъ онъ держалъ въ Гэмптонъ-Кортѣ, извѣстилъ его, что Карлъ отправляетъ сегодня къ королевѣ письмо, въ которомъ излагаетъ ей свои истинныя намѣренія относительно арміи и ея предводителей. Письмо это, извѣщаль Кромвеля его шпионъ, зашито въ сѣдлѣ, которое понесетъ на головѣ чловѣкъ, непосвященный въ тайну; онъ долженъ прибыть къ десяти часамъ вечера въ гостинницу *Синяго венря* въ Гольборнѣ, гдѣ для него приготовлена лошадь; на ней чловѣкъ этотъ поѣдетъ въ Дувръ, откуда отправятъ пакетъ въ Лондонъ. Кромвель и Эйртонъ тотчасъ рѣшились дѣйствовать: переодѣлись простыми всадниками и, въ сопровожденіи лишь одного солдата, отправились изъ Виндзора въ указанное мѣсто. Прибывъ туда, они велѣли солдату караулить у дверей; вошли въ гостинницу и, въ ожиданіи извѣстія, стали пить пиво въ особенной комнатѣ. Въ самомъ дѣлѣ, къ десяти часамъ подошелъ къ гостинницѣ чловѣкъ съ сѣдломъ на головѣ. Солдатъ, стоявшій на сторожѣ, тотчасъ же далъ знать Кромвелю и Эйртону; они, со шпагами въ рукахъ, выходятъ, говорятъ, что имъ поручено осматривать всѣ вещи, берутъ сѣдло, уносятъ его въ свою комнату, распарываютъ швы, вынимаютъ письмо, тщательно зашиваютъ сѣдло, отдаютъ его перепугавшемуся слугѣ и говорятъ ему съ веселымъ видомъ, что онъ честный малый и можетъ продолжать свой путь.

Шпионъ донесъ Кромвелю правду. Точно, Карлъ писалъ королевѣ, что обѣ партіи домогаются его союза; что онъ предпочтетъ ту, которая представитъ ему болѣе выгодныя условія, и что, вѣроятно же вступить въ договоръ съ шотландскими пресвитеріанами, нежели съ арміей. „Впрочемъ“, прибавлялъ онъ, „одинъ я понимаю свое положеніе. Не безпокойся обѣ

уступкахъ, которыя я сдѣлаю: въ свое время я сумѣю сдѣлаться съ этими чудаками, и вмѣсто шелковой повязки, украшу ихъ пеньковой веревкой“. Оба генерала посмотрѣли другъ на друга и, убѣдившись окончательно въ справедливости всѣхъ своихъ подозрѣній, тотчасъ же отправились въ Виндзоръ. Съ этихъ поръ у нихъ не оставалось ни малѣйшаго сомнѣнія насчетъ того, что имъ дѣлать съ королемъ и его приверженцами.

Настало время, когда генераламъ необходимо было дѣйствовать рѣшительно и смѣло: энтузіасты не скрывали болѣе своего гнѣва и страшно волновали армію. 9 октября, новые агитаторы отъ имени пяти кавалерійскихъ полковъ, въ числѣ ихъ и полка самого Кромвеля, составили, подъ заглавіемъ: *Положеніе арміи* (Case of the army), длинное письменное объясненіе, въ которомъ изложили свои подозрѣнія, свои убѣжденія, свои требованія. 18 числа ови официально представили эту бумагу генералу, а 1 ноября отъ имени шестнадцати полковъ былъ адресованъ ко всей націи другой памфлетъ, подъ заглавіемъ: *Договоръ народный*. Въ обоихъ памфлетахъ солдаты обвиняли офицеровъ въ измѣнѣ, парламентъ—въ нерѣшительности, приглашали своихъ товарищей пристать къ нимъ и требовали скорого распущенія парламента; требовали, чтобъ впредь нижняя палата не раздѣляла верховной власти ни съ какимъ лицомъ, ни съ какой корпораціей, чтобъ выборы въ нижнюю палату возобновлялись черезъ каждые два года; чтобъ право выбора было распространено на все королевство сообразно съ народонаселеніемъ и податями; чтобъ ни одинъ изъ бывшихъ членовъ не могъ быть избираемъ тотчасъ же снова; чтобъ никого изъ гражданъ не смѣли заключать въ темницу за долги, принуждать къ военной службѣ, отрѣшять отъ должности только на основаніи его вѣроисповѣданія; чтобъ въ графствахъ самъ народъ выбиралъ всѣхъ своихъ начальниковъ; чтобъ гражданскіе законы были равны для всѣхъ, и съ этой цѣлью пересмотрѣны и слиты въ одинъ кодексъ; наконецъ, чтобъ нѣкоторыя права, особенно же свобода совѣсти, были объявлены неприкосновенными и превышающими всякую человѣческую власть.

Выраженіе этихъ идей и надеждъ народа въ высшей степени смутило вождей. Многіе изъ нихъ, и притомъ самые разсудительные, несмотря на свою вражду съ дворомъ и пресвитеріанами, знали, однако, всю силу королевской власти и верхней палаты, понимали, что онѣ пустили глубокіе корни во всю народную жизнь, въ законы, въ нравы, и республика, которую теперь они увидали вблизи, казалась имъ не болѣе какъ опасной химерой. Даже большая часть республиканцевъ, несмотря на искренность своихъ убѣжденій, несмотря на смѣлость, далеко не раздѣляла всѣхъ желаній солдатъ. Одни изъ нихъ, имѣя вѣсь на выборахъ своего города, или графства, боялись, что новая система лишитъ ихъ прежняго значенія; другіе, купившіе церковныя помѣстья, съ ужасомъ видѣли, какъ народъ ропщетъ на то, что эти покупки сдѣланы были по такой дешевой цѣнѣ, и требуетъ, чтобъ онѣ были признаны недѣйствительными; юрисконсультамъ не хотѣлось пожертвовать своимъ вліяніемъ, своими доходами; наконецъ всѣ съ негодованіемъ отвергали требованіе немедленнаго распущенія парламента, который такимъ образомъ долженъ былъ предоставить свое дѣло случайностямъ новыхъ выборовъ. Кромѣ того, здравый смыслъ всѣхъ этихъ недовольныхъ возмущался незначительностью общественнаго

положенія солдатъ-реформаторовъ, ихъ мистическими бреднями и заносчивостью, которая не хотѣла знать дисциплины. Какъ на глазахъ у роялистовъ и пресвитеріанъ основать правленіе съ этой необузданной партіей, до того безразсудной, что она каждый день грозила подорвать согласіе арміи, единственную свою опору? Какъ, во имя мечтаній неизвѣстныхъ сектаторовъ, вооружиться противъ всего существующаго, противъ столькихъ старинныхъ, уважаемыхъ правъ? А между тѣмъ, отъ этихъ мечтаній слышанное дотолѣ броженіе овладѣло умами простаго народа во всемъ королевствѣ; со всѣхъ сторонъ съ слѣпою вѣрой повторяли эти звучныя и смутныя мысли о безусловной справедливости, о равенствѣ благосостоянія, мысли, часто подавляемыя въ сердцахъ людей, но которыхъ совершенно заглушить нѣтъ возможности. Даже вожди партій, которые не хотѣли слушать этихъ требованій, не знали, что отвѣчать на нихъ, ибо сами раздѣляли тѣ начала, на которыхъ основывались эти желанія.

Не удивительно послѣ этого, что вожди партій дѣйствовали сначала нерѣшительно и вяло. Палаты подали мнѣніе, что оба памфлета, нападающа на правительство, преступны по содержанію, и потому авторы ихъ будутъ преслѣдуемы судомъ; но въ то же самое время, чтобъ угодить республиканцамъ, онѣ объявили, что король обязуется принять всѣ предложенія парламента (6 нояб.). Генеральный совѣтъ офицеровъ, собравшійся (22 окт.) въ Потни, пригласилъ главнѣйшихъ агитаторовъ на совѣщанія; многіе изъ нихъ были выбраны для засѣданія въ комитетѣ, которому поручено было представить немедленно рапортъ о ихъ требованіяхъ. Вскорѣ дѣйствительно комитетъ этотъ представилъ парламенту проектъ предложеній; въ проектъ вошла большая часть требованій агитаторовъ, но и имя и существенныя права короля равно нашли въ немъ мѣсто (2 нояб.). Агитаторы возстали противъ послѣдняго обстоятельства: имъ было обѣщано, что въ слѣдующее засѣданіе вопросъ о томъ, быть ли впередъ королевской власти или нѣтъ, будетъ сдѣланъ предметомъ свободныхъ преній. Но когда насталъ этотъ день, Эйртонъ неожиданно вышелъ изъ совѣта съ угрозой, что нога его не будетъ тамъ, гдѣ можетъ быть поднятъ даже вопросъ о подобномъ предметѣ. Пренія были отложены до слѣдующаго понедѣльника, который приходился 6 ноября; и потому ли, что хотѣли еще разъ уклониться отъ этого пренія, или же потому, что надѣялись на большую сговорчивость солдатъ, если они будутъ тутъ всѣ вмѣстѣ, какъ бы то ни было, принято рѣшеніе созвать общее собраніе арміи и дать ей возможность вполнѣ высказаться.

Но Кромвель, сдѣлавшій это предложеніе, самъ же угадалъ, сколько опасности связано съ этимъ средствомъ. Съ каждымъ новымъ преніемъ возрастало разъединеніе въ арміи; чѣмъ болѣе вожди совѣщались съ ней, тѣмъ болѣе она отдѣлялась отъ нихъ, тѣмъ болѣе въ ней распространялась анархія. Для того, чтобъ Кромвелю можно было пользоваться арміей для своихъ цѣлей, и даже для ея собственнаго спасенія, онъ непременно долженъ былъ, и пригомъ не медля, возстановить въ ней дисциплину и взять снова власть въ свои руки. Но успѣхъ этого зависѣлъ отъ нѣкоторыхъ условій, которыхъ никакъ нельзя было обойти, именно: не оставалось никакого сомнѣнія, что солдаты, по-крайней-мѣрѣ, самые рѣшительные изъ нихъ, агитаторы и фанатики, и слышать не хотѣли о королѣ; что они покинутъ, даже будутъ преслѣдовать всякаго, въ комъ замѣтятъ расположеніе къ королю; что лишь тому готовы они повиноваться и слу-

жить, кто въ этомъ дѣлѣ безусловно будетъ раздѣлять ихъ мнѣніе и рѣшится привести его въ исполненіе. Кромвель рѣшился. Когда насталь день, назначенный для совѣта, всякія пренія о спорномъ вопросѣ были воспрещены; высшіе офицеры объявили, что, для возстановленія согласія въ арміи, всѣ офицеры и агитаторы должны возвратиться къ своимъ полкамъ; что, вмѣсто общей сходки, назначаются три частныя въ мѣстахъ, гдѣ стоятъ главные корпуса; что до дѣхъ поръ совѣтъ прекратить свои засѣданія и предоставить полную волю дѣйствовать генералу и парламенту. Между тѣмъ въ Гэмптон-Кортѣ произошла быстрая переменна въ положеніи короля. Совѣтникамъ его: Ричмонду, Саутэмптону, Ормонду приказано удалиться; преданнѣйшіе слуги его, Берклей и Ашборнэмъ, были удалены; удвоенъ караулъ, приставленный къ нему, и на прогулкахъ онъ пересталъ пользоваться прежней свободой. Со всѣхъ сторонъ доходили до него тревожные слухи: говорили, что солдаты рѣшились овладѣть его особой, похитить его у офицеровъ, точно такъ, какъ офицеры похитили его у парламента. Самъ Кромвель выразилъ на этотъ счетъ безпокойство въ письмѣ къ полковнику Уаллею; можетъ-быть, онъ въ самомъ дѣлѣ боялся какой-нибудь попытки въ этомъ родѣ, можетъ быть, хотѣлъ только испугать короля, а, можетъ-быть, желалъ обмануть его насчетъ своихъ истинныхъ намѣреній и прикинуться его вѣрнымъ слугою, такъ-какъ онъ всегда старался удержать за собою всевозможныя шансы.

Эти переменны, эти вѣсти, эти новыя непріятности, слухи объ измѣнѣ, о неслыханныхъ умыслахъ, даже объ убійствѣ—все это съ каждымъ днемъ увеличивало безпокойство и страхъ несчастнаго Карла и сильно дѣйствовало на его впечатлительное воображеніе. Не смотря на свой серьезный характеръ, Карлъ началъ видѣть дурныя примѣты въ самыхъ обыкновенныхъ вещахъ: охота ли не удастся, увидитъ ли онъ тяжелый сонъ, погаснетъ ли его ночная лампа—все его тревожило; враговъ своихъ онъ считалъ способными на все, хотя гордость его не позволяла ему вѣрить, чтобъ дѣйствительно они осмѣлились рѣшиться на крайнія мѣры въ отношеніи къ нему. Ему совѣтовали бѣжать: онъ и не прочь былъ отъ этого, но вопросъ: куда? какъ? кто будетъ ему помощникомъ въ этомъ дѣлѣ? Шотландскіе комиссары вызвались помочь ему; даже разъ, на охотѣ, Лодердэль велѣлъ ему сказать, что эти комиссары готовы, и при нихъ находятся пятьдесятъ лошадей; что если онъ намѣренъ послѣдовать за ними, то они быстро уѣдутъ на сѣверъ. Но внезапныя мѣры пугали короля; притомъ же, что за убѣжище ожидало его въ Шотландіи, которая разъ уже выдала его и гдѣ у него уже не будетъ болѣе средства избавиться отъ ига пресвитеріанъ и ковенанта! Карлъ отказался. Съ другой стороны, ему совѣтывали сѣсть на корабль и удалиться на островъ Джерсей, откуда ему легко будетъ, когда угодно, уѣхать на материкъ и потому самому всѣ партіи сдѣлаются сговорчивѣе. Но Карлъ помнилъ тайныя обѣщанія офицеровъ, все еще рассчитывалъ на ихъ расположеніе. Онъ льстилъ себя мыслию, что холодное обращеніе ихъ съ нимъ было притворно и только вынуждено необходимостью; что на первой же сходкѣ арміи генералы укротятъ агитаторовъ, возстановятъ дисциплину въ прежней силѣ и возобновятъ съ нимъ переговоры. Онъ не намѣренъ былъ выѣзжать изъ Англіи, не сдѣлавъ этого послѣдняго опыта. Несмотря на то, король все болѣе и болѣе свыкался съ мыслью о необходимости бѣг-

ства, особенно, съ тѣхъ поръ, какъ ему рассказали, что какой-то пророкъ, прибывшій изъ Германіи, явился въ совѣтъ агитаторовъ, выдавая себя за провозвѣстника воли небесъ; что какъ только этотъ пророкъ запнулся о примиреніи съ королемъ, то агитаторы рѣшительно отказались слушать его далѣе. Кромвель всѣми путями внушалъ королю, что ему непременно должно бѣжать. Кто-то (неизвѣстно, кто именно) сказалъ королю, что самое приличное и безопасное убѣжище найдетъ онъ на островѣ Уайтѣ: островъ этотъ лежитъ по близости отъ материка; всѣ жители его роялисты, а губернаторомъ его недавно былъ назначенъ полковникъ Гаммондъ, племянникъ преданнаго королю капеллана. Это предложеніе понравилось королю; онъ собралъ свѣдѣнія, сдѣлалъ даже кое-какія приготовленія къ бѣгству. А между тѣмъ онъ все не переставалъ медлить, все изыскивалъ поводы, которые заставили бы его дѣйствовать рѣшительно. Былъ въ то время астрологъ, который пользовался громкой славой въ Лондонѣ, по имени Уильямъ Лилли: принадлежалъ онъ къ народной партіи, но не отказывался гадать и давать совѣты всѣмъ и каждому. Король поручилъ мистриссъ Уорвудъ (Whogewood) посоветоваться отъ его имени съ астрологомъ насчетъ того, куда ему лучше бѣжать; изъ тысячи фунтовъ стерлинговъ, которые прислалъ королю преданный роялистъ, алдерманъ Адамсъ, Карлъ велѣлъ выдать мистриссъ Уорвудъ пятьсотъ въ награду. Лилли, посоветовавшись торжественно со звѣздами, сказалъ, что король долженъ удалиться на востокъ, въ графство Эссексъ, на двадцать миль отъ Лондона. Мистриссъ Уорвудъ поспѣшила съ этимъ отвѣтомъ въ Гэмптон-Кортъ. Но Карлъ не дождался ея: 9 ноября онъ получилъ безыменное письмо, вѣроятно, отъ кокого-нибудь преданнаго чловека, который извѣщалъ короля о грозившей ему опасности: наканунѣ, въ ночномъ засѣданіи агитаторовъ, рѣшено избавиться отъ короля, и потому писавшій совѣтовалъ Карлу какъ можно скорѣе скрыться. Получилъ онъ и другое предостереженіе, именно: не довѣрять караулу, который послѣзавтра будетъ приставленъ къ нему въ замкѣ. Сильно встревоженный этими вѣстями, Карлъ немедленно рѣшился: 11 ноября, въ девять часовъ вечера, онъ, оставивъ на своемъ столѣ множество писемъ, въ сопровожденіи одного своего камердинера Уильяма Легга, вышелъ потаенной лѣстницей къ калиткѣ, которая вела изъ парка въ лѣсъ; здѣсь Ашборнэмъ и Берклей, предувѣдомленные о намѣреніи короля, ждали его съ лошадьми. Бѣглецы пустились на юго-западъ. Ночь была темная и бурная: король одинъ зналъ дороги въ этомъ лѣсу и служилъ проводникомъ для своихъ спутниковъ; долго блуждали они и лишь на разсвѣтѣ прибыли въ городокъ Саттонъ (Sutton), въ графствѣ Гэмпшейръ, гдѣ, по печеніямъ Ашборнэма, были для нихъ приготовлены свѣжія лошади. Въ гостиницѣ, гдѣ онъ ихъ дождался, засѣдалъ уже комитетъ отъ парламента, совѣщавшійся о дѣлахъ графства. Бѣглецы немедленно отправились далѣе, по дорогѣ въ Соутмэптонъ, къ берегу, насупротивъ котораго лежитъ островъ Уайтъ, хотя, впрочемъ, Карлъ не объявлялъ прямо и положительно, куда именно онъ хочетъ ѣхать. Когда они достигли склона одного холма, не въ дальнемъ разстояніи отъ города, Карлъ сказалъ: „Остановимся здѣсь, сойдемъ съ лошадей и посоветуемся о томъ, на что намъ рѣшиться“.—Говорятъ, у нихъ рѣчь шла сначала о кораблѣ, который долженъ былъ заготовить Ашборнэмъ и о которомъ не получалось никакихъ извѣстій; потомъ Берклей совѣтовалъ отправиться въ западныя

графства, обѣщая тамъ содѣйствіе многочисленныхъ друзей; наконецъ совѣщавшіеся остановили свое вниманіе на островѣ Уайтѣ, представлявшемъ болѣе удобствъ, нежели всякое другое мѣсто: здѣсь они могли, наконецъ, не быть въ затруднительномъ положеніи; притомъ же, судя по дорогѣ, которую избралъ король, когда бѣглецы оставили Саттонъ, ясно было, что онъ съ самаго начала имѣлъ въ виду именно этотъ островъ. Но вотъ вопросъ: такъ какъ губернаторъ еще не былъ предупрежденъ, то можно-ли положиться на него безусловно? Рѣшили: Ашборнѣму и Берклею отправиться на островъ, вывѣдать образъ мыслей Гаммонда, сказать ему, какой знакъ довѣренности ожидаетъ его со стороны короля; а Карлу, между тѣмъ, ждать ихъ возвращенія въ нѣсколькихъ миляхъ оттуда, въ замкѣ близъ Тичфильда, у матери лорда Соутѣмптона. Они разстались. На слѣдующее утро Ашборнѣмъ и Берклею пристали къ берегу Уайта и явились въ замокъ Кэрисбрукъ (Carisbrooke) къ губернатору острова. Они не застали Гаммонда; въ настоящую минуту онъ находился въ Ньюпортѣ, главномъ городѣ Уайта, но его ждали назадъ въ тотъ же день. Ашборнѣмъ и Берклею тотчасъ же отправились на встрѣчу Гаммонду; и въ самомъ дѣлѣ, проѣхавъ немного, они встрѣтились съ нимъ и, безъ дальнихъ околичностей, объявили ему, съ чѣмъ они къ нему пріѣхали. Гаммондъ поблѣднѣлъ, выронилъ поводья и, дрожа всѣмъ тѣломъ, сказалъ:— „Господа! господа! вы погубили меня, привезши короля на этотъ островъ. Если его еще нѣтъ здѣсь, то умоляю васъ, не возите его сюда. Какъ мнѣ помирить мои обязанности къ королю, который оказываетъ мнѣ столько довѣрія, и обязанности къ арміи, отъ которой я назначенъ на это мѣсто?“—Они старались успокоить Гаммонда, то выставя ему на видъ важность услуги, которую онъ окажетъ королю, а равно и обязательства, принятыя самой арміей въ отношеніи къ его величеству; то увѣряя его, что если онъ смотритъ на это дѣло иначе, то король вовсе не намѣренъ принуждать его. Гаммондъ не переставалъ беспокоиться. Но когда оба кавалера, съ своей стороны, высказывали недовѣріе и готовность отказаться отъ своего предложенія, Гаммондъ дѣлался рѣшительнѣе, спрашивалъ: гдѣ король? не грозитъ ли ему какая опасность? Отчасти даже сожалѣлъ о томъ, что король не ввѣрился ему прямо, безъ всякихъ предувѣдомленій. Долго разговаривали обѣ стороны въ такомъ духѣ, пуская въ ходъ хитрость и безпокоясь насчетъ исхода переговоровъ, равно боясь и согласія и отказа. Наконецъ Гаммондъ уступилъ. Онъ сказалъ:— „Я не подамъ королю повода жаловаться на меня; никто не скажетъ обо мнѣ, что я обманулъ его ожиданія; я поступлю какъ благородный человѣкъ. Вѣдѣте вмѣстѣ къ королю, чтобъ объявить ему объ этомъ“.—Берклею испугался и хотѣлъ было отклонить это предложеніе Гаммонда, но Ашборнѣмъ принялъ его, и всѣ они отправились къ королю. Гаммондъ взялъ съ собою только одного изъ своихъ капитановъ, по имени Баскета. Черезъ нѣсколько часовъ они пріѣхали на баркѣ въ Тичфильдъ; Ашборнѣмъ тотчасъ же пошелъ одинъ къ королю, оставивъ Берклею, Гаммонда и Баскета дожидаться на дворѣ замка. Выслушавъ его, Карлъ вскричалъ:— „Ахъ! Джонъ! Джонъ! ты погубилъ меня, привезши сюда этого губернатора. Развѣ ты не видишь, что я теперь связанъ по рукамъ и по ногамъ?“ Напрасно Ашборнѣмъ ссылался на обѣщанія Гаммонда, на его привязанность къ королю, даже на его нерѣшительность, доказательство его искренности. Карлъ скорыми шагами ходилъ по комнатѣ, то

скрепявая руки на груди, то подымая ихъ къ небесамъ съ выраженіемъ отчаяннаго страха. Ашборнэмъ, смутившись, въ свою очередь, сказалъ:— „Государь! полковникъ Гаммондъ одинъ; при немъ всего одинъ человѣкъ; нѣтъ ничего легче, какъ заставить его молчать“. — „Какъ!“ — возразилъ король— „вы хотите убить его? Вы хотите, чтобъ про меня сказали, что полковникъ рисковалъ для меня жизнью, а я подлымъ образомъ лишилъ его жизни? Нѣтъ, нѣтъ! теперь слишкомъ поздно придумывать что-нибудь новое. Покоримся волѣ Божіей“. Тѣмъ временемъ Гаммондъ и Баскетъ соскучились ждать; Берклеи доложилъ о нихъ королю; ихъ впустили. Карлъ принялъ ихъ съ видомъ радушнымъ и довѣрчивымъ. Гаммондъ повторилъ свои обѣщанія, обѣщавъ даже болѣе прежняго, хотя выражался неопредѣленно и неловко. Начинало смеркаться; король со своими спутниками поѣхалъ на островъ, гдѣ уже распространился слухъ, что онъ туда скоро будетъ. Жители толпами вышли на встрѣчу Карлу. Въ Нью-портѣ, на улицѣ, какая-то молодая женщина подошла къ нему, поднесла ему красную розу, распустившуюся несмотря на суровое время года, и громко молила небо за короля. Карла увѣряли въ совершенной преданности всѣхъ жителей острова; говорили, что въ самомъ замкѣ Кэрисбрукъ весь гарнизонъ состоитъ изъ двѣнадцати старыхъ солдатъ, которые расположены въ его пользу; что возможность уйти открыта для короля во всякое время. Опасенія Карла мало-по-малу разсѣялись; а на другое утро, послѣ того, какъ онъ, вставши, полюбовался изъ оконъ замка восхитительнымъ видомъ на окрестности и море, послѣ того, какъ онъ подышалъ утреннимъ воздухомъ, и Гаммондъ сталъ разсыпаться въ увѣреніяхъ своего уваженія къ его особѣ, и обѣщавъ ему полную свободу прогуливаться верхомъ по острову, держать при себѣ своихъ служителей, принимать кого заблагоразсудится— послѣ всего этого Карлъ успокоился окончательно и сказалъ Ашборнэму:— „Какъ бы то ни было, а этотъ губернаторъ хорошій человѣкъ; здѣсь мнѣ нечего бояться агитаторовъ, и я, кажется, не буду имѣть причинъ раскаяваться въ томъ, что пріѣхалъ сюда“.

КНИГА ВОСЬМАЯ.

Собрание войскъ при Уэрѣ. — Кромвель укрощаетъ агитаторовъ и потомъ примиряется съ ними. — Парламентъ предлагаетъ королю четыре билля о предварительныхъ условіяхъ мира. — Король отвергаетъ ихъ и вступаетъ въ тайные переговоры съ шотландцами. — Парламентъ опредѣляетъ не имѣть болѣе сношеній съ королемъ. — Общее неудовольствіе въ королевствѣ и реакція въ пользу короля. — Затруднительное положеніе индепендентовъ и Кромвеля. — Начало второй междоусобной войны. — Дѣйствія Ферфакса въ восточныхъ областяхъ и въ окрестностяхъ Лондона, Кромвеля — въ западныхъ, Ламберга — въ сѣверныхъ областяхъ. — Осада Кольчестера. — Шотландцы вступаютъ въ Англію. — Кромвель идетъ противъ нихъ. — Сраженія при Престонѣ, Уиганѣ и Уаррингтонѣ. — Кромвель въ Шотландіи. — Пресвитеріане снова усиливаются въ Лондонѣ. — Парламентъ вступаетъ въ новые переговоры съ королемъ. — Переговоры въ Ньюпортѣ. — Положеніе партій колеблется. — Армія повелѣваетъ взять короля съ острова Уайта. — Его переводятъ сперва въ замокъ Горстъ, потомъ, въ Уайндзоръ. — Послѣднія усилія пресвитеріанъ въ его пользу. — Походъ арміи на Лондонъ. — Очищеніе нижней палаты. — Процессъ и смерть короля. — Уничтоженіе королевской власти.

1647 — 1649.

Коммиссары парламента и офицеры гэмтон-кортскаго гарнизона въ обыкновенное время ожидали появленія короля за ужиномъ; послѣ долгаго ожиданія, возбудившаго ихъ удивленіе, они вошли наконецъ въ его комнату и увидѣли въ ней три письма, писанныя его рукой, изъ которыхъ одно было адресовано къ лорду Монтегу, президенту комитета, другое къ полковнику Уаллею, третье къ президенту верхней палаты. Въ послѣднемъ король писалъ, что побужденъ къ бѣгству заговорами агитаторовъ и правомъ жить на свободѣ и въ безопасности, предоставленнымъ всякому гражданину. Въ послѣднихъ двухъ онъ выражалъ Монтегу и Уаллею свое удовольствіе за оказанное ему вниманіе, и дѣлалъ нѣкоторыя распоряженія насчетъ своихъ лошадей, собакъ и картинъ, оставшихся въ его покояхъ. Однакожь они не нашли ни малѣйшаго указанія ни на дорогу, избранную королемъ, ни на убѣжище, которое онъ имѣлъ въ виду.

Извѣстіе, полученное изъ Гэмтон-Корта, тѣмъ болѣе смутило всѣхъ въ Вестминстерѣ, что въ одно время съ нимъ было получено изъ главной квартиры въ Уайндзорѣ письмо, написанное въ полночь Кромвелемъ, который спѣшилъ сообщить то же извѣстіе: слѣдовательно, онъ зналъ объ этомъ событіи прежде палатъ; можетъ быть, оно было ему извѣстно даже до отъѣзда короля. Распространился слухъ, что дѣйствительно 11-го ноября бдительность гэмтон-кортскаго гарнизона была ослаблена противъ обыкновеннаго; что даже многіе караулы были сняты съ мѣстъ, на которыхъ обыкновенно были располагаемы. Скоро были получены письма отъ Гаммонда (отъ 13 нояб.), который извѣщая палаты о прибытіи короля, увѣрялъ ихъ въ своей преданности къ нимъ и просилъ отъ нихъ предписаній, какъ ему дѣйствовать. Однакожь не всѣ опасенія были разсѣяны. Кромвель тоже получилъ письмо отъ Гаммонда; всѣ слуги парламентскіе

считали какъ-бы за обязанность извѣщать его обо всякомъ событіи, или испрашивать его мнѣнія. Кромвель сообщилъ объ этомъ парламенту съ такою веселостью, что даже люди, менѣе всѣхъ склонные къ подозрительности, должны были удивиться; можно было въ такой радости видѣть опасный признакъ какого то успѣха, или какой-то надежды, которыхъ никто не могъ разгадать.

По прошествіи двухъ дней, онъ далъ своимъ врагамъ поводъ къ новымъ и гораздо сильнѣйшимъ опасеніямъ. 15-го ноября должно было произойти въ Уэрѣ, въ Гертфордскомъ Графствѣ, первое изъ трехъ собраній арміи, назначенныхъ съ цѣлью положить конецъ раздорамъ. Кромвель отправился туда съ Ферфаксомъ и самыми вѣрными офицерами. Въ этотъ день получили приказаніе собраться только семь полковъ, которые обнаружили менѣе другихъ фанатизма и въ которыхъ, поэтому, легче можно было возстановить дисциплину. Разсчитывали на ихъ послушаніе, или на ихъ примѣръ, чтобъ запугать или смирить непокойныхъ. Но, пріѣхавъ на уэрскую равнину, генералы нашли девять полковъ вмѣсто семи: два полка, конный Гаррисона и пѣхотный Роберта Лильборна, пришли безъ приказанія; въ рядахъ ихъ было замѣтно сильнѣйшее волненіе. Послѣдній прогналъ даже всѣхъ офицеровъ, имѣвшихъ чины выше поручика, за исключеніемъ капитана Брея (Брай), который имъ начальствовалъ. Всѣ солдаты прикрѣпили къ шапкамъ по экземпляру *народнаго договора*, съ надписью: „Свобода Англій, права солдатъ“. Отъ времени до времени раздавались по равнинѣ крики ихъ, вызванные какъ бы единодушнымъ энтузіазмомъ. Ренборо, Эверсъ, Скоттъ, самъ Джонъ Лильборнъ, получившій отъ палаты позволеніе выходить, для здоровья, каждое утро изъ Тоуэра, ѣздили верхомъ отъ отряда къ отряду, поощряли наиболѣе одушевленныхъ, называли умѣренныхъ трусами, повторяли вездѣ, что, имѣя шпагу въ рукахъ, они по совѣсти обязаны употребить ее на то, чтобъ вполне и навсегда обезпечить свободу своего отечества. Среди этого шумнаго безпорядка, Кромвель, Ферфаксъ и главный штабъ ихъ подѣхали къ полкамъ, которые были мирны, и тутъ, отъ имени генеральнаго совѣта офицеровъ, было прочитано спокойное, но твердое увѣщаніе, въ которомъ порицали новыхъ агитаторовъ за ихъ возмутительные поступки, упрекали ихъ въ опасностяхъ, которымъ они подвергали этимъ армію, напоминали имъ вѣрность и преданность войску, оказанныя ихъ начальниками, побѣды, одержанныя ими подъ ихъ предводительствомъ; обѣщали поддерживать въ парламентѣ справедливыя требованія солдатъ какъ для нихъ самихъ, такъ и для ихъ отчества, если они подпишутъ обязательство подчиняться впредь правиламъ дисциплины и повиноваться приказаніямъ своихъ начальниковъ. Семь полковъ приняли это увѣщаніе съ радостными криками. Ферфаксъ приблизился къ полку Гаррисона. Едва всадники услышали его голосъ и его обѣщанія, они сорвали съ шапокъ „народный договоръ“, закричали, что ихъ обманули, что они хотятъ жить и умереть съ своимъ генераломъ. Оставался одинъ полкъ Лильборна, все еще упорствовашій и сильно волновавшійся; онъ уже начиналъ отвѣчать Ферфаксу возмутительными криками. Кромвель приблизился:—„Сорвать съ шапокъ эту бумагу!“—закричалъ онъ солдатамъ. Они не слушались; вдругъ онъ бросился въ ряды ихъ, указалъ на четырнадцать самыхъ упрямыхъ солдатъ и велѣлъ арестовать ихъ; тутъ же былъ составленъ военный совѣтъ: трое изъ солдатъ были приговорены къ смертной казни. Совѣтъ приказалъ

бросить жребій и тотчасъ же разстрѣлять того, на кого онъ падеть. Жребій палъ на Ричарда Арвелля, одного изъ самыхъ пылкихъ бунтовщиковъ. Казнь совершилась тутъ же, передъ фронтомъ; остальные два осужденные и одиннадцать товарищей ихъ были отведены въ тюрьму. Майоръ Скоттъ и капитанъ Брей были также арестованы. Глубокое молчаніе распространилось по всему полю и полки разошлись по квартирамъ. Оба слѣдующія собранія прошли безъ малѣйшаго ропота и, повидимому, все войско снова покорилося своимъ вождямъ.

Но Кромвель не могъ не понимать, что такое торжество не только ненадежно, но даже опасно. Когда онъ объявилъ о немъ нижней палатѣ, то, несмотря на благодарность, которую ему выразило большинство, обрадованное поражениемъ бунтовщиковъ, пресвитеріане не скрыли своей холодности, республиканцы—своего неудовольствія. Первые считали всякій успѣхъ Кромвеля подозрительнымъ, каковы бы ни были видимыя послѣдствія его; послѣдніе находили новое доказательство его измѣны въ поведеніи его при уэрскихъ переговорахъ. Лудло воспротивился въ палатѣ, чтобъ Кромвелю объявлена была признательность Проповѣдникъ Сальтмаршъ поспѣшно пріѣхалъ изъ своего графства: по особому повелѣнію Божиему, какъ онъ говорилъ, чтобъ возвѣститъ генераламъ, что Господь оставляетъ ихъ за то, что они заключили его святыхъ въ темницу. Наконецъ, послѣ нѣсколькихъ минутъ всеобщаго изумленія, толпа офицеровъ, унтеръ-офицеровъ и солдатъ и почти всѣ главные революціонеры въ полкахъ объявили Кромвелю и Эйрону, что ни строгость, ни неудача не отелоняютъ ихъ отъ ихъ намѣренія; что они рѣшились отдѣлиться отъ короля и учредить республику; что несмотря на возможность потерять все, они разъединятъ армію, увлекутъ за собою по крайней мѣрѣ двѣ трети ея и будутъ продолжать начатое, но не покорятся. Кромвель вовсе не хотѣлъ доводить ихъ до этой крайности; онъ желалъ только одного: уничтожить разомъ возраставшее неповиновеніе въ войскѣ; кромѣ того, онъ слишкомъ хорошо зналъ силу фанатиковъ и думалъ уже единственно о томъ, какъ бы помириться съ ними. Не становясь явно на сторонѣ республики, онъ всѣмъ, посѣщавшимъ его, говорилъ о королѣ очень дурно; соглашался, что отъ него нечего ожидать; сознавался, что самъ увлекся на минуту славою міра сего и не могъ понять, что все это есть дѣло Господа, и довѣрится однимъ святымъ его. Онъ раскаявался передъ ними и просилъ ихъ молиться вмѣстѣ съ нимъ, чтобъ получить прощеніе отъ Бога. Проповѣдники, болѣе другихъ любимые народомъ, въ томъ числѣ Гугъ Петерсъ (Hugh), жаркій ревнитель, но интриганъ и болтунъ, вездѣ распространяли эти признанія Кромвеля и его отреченіе отъ прежняго образа дѣйствій. Кромвель успокаивалъ даже солдатъ, заключенныхъ въ темницу, своими обѣщаніями. Съ величайшею твердостью настаивалъ онъ только на томъ, что необходимо поддержать въ войскѣ согласіе и дисциплину, единственные средства для успѣха и даже для спасенія. Многіе повѣрили его страстнымъ и всегда сильно дѣйствовавшимъ словамъ: другіе, не столь ослѣпленные, чувствовали, что его геній имъ необходимъ, и хотя не вѣрили его раскаянію, однакожь не хотѣли явно обнаруживать и недовѣрія. Большинство соглашалось въ одномъ: что агитаторы увлеклись слишкомъ быстро и зашли слишкомъ далеко; что солдаты обязаны больше повиноваться своимъ вождямъ и больше уважать ихъ. Ренсборо, Скоттъ, Эверсъ сами сознались въ своихъ ошибкахъ и обѣщались быть впредь

благоразумны. Наконецъ, было назначено общее собраніе въ главной квартирѣ (22 дек.). Начальники, агитаторы и проповѣдники провели девять часовъ въ разговорахъ и молитвахъ. Хотя старая вражда и взаимная недобѣрчивость не могли быть уничтожены, однакожь общія выгоды заглушили ихъ. Рѣшили дать заключеннымъ свободу, капитана Брея возвратить въ полкъ, просить палаты, чтобъ Ренсборо снова получилъ отнятую у него должность вице-адмирала, и торжественный обѣдъ (9 янв. 1648) ознаменовалъ это примиреніе, купленное цѣною гибели короля.

Пока все это происходило, прибылъ (къ концѣ ноября 1647) въ главную квартиру сэръ Джонъ Берклей. Узнавъ объ исходѣ уэрскихъ переговоровъ, Карль поспѣшилъ отправить его, чтобъ поздравить генераловъ съ побѣдою и напомнить ихъ обѣщаніе. Везя не только отъ короля, но и отъ Гаммонда, письма къ Ферфаксу, Эйртону и Кромвелю, Берклей не былъ спокоенъ: онъ встрѣтилъ на дорогѣ корнета Джойса, который удивленъ былъ его увѣренностью и сообщилъ ему, что агитаторы не только ничего не боятся, но даже успѣли увлечь генераловъ и готовятся судить короля. Когда онъ прибылъ въ Уайндзоръ, генералы уже были въ совѣтѣ; онъ явился туда и передалъ Ферфаксу письмо. Ему было тотчасъ велѣно оставить залу; чрезъ полчаса его позвали и Ферфаксъ сказалъ ему сурово: „Мы войско парламента; намъ нечего отвѣчать на предложенія его величества; одинъ парламентъ можетъ обсуживать ихъ“. Берклей поглядѣлъ на Кромвеля, потомъ на Эйртонъ; они едва поклонились ему съ презрительной улыбкой. Берклей удалился въ величайшемъ недоумѣніи; цѣлый день онъ не могъ получить ни объясненій, ни извѣстій; наконецъ, къ вечеру, комендантъ Уатсонъ, съ которымъ онъ имѣлъ прежде самыя близкія сношенія, далъ ему знать, чтобъ онъ пришелъ въ полночь въ такое-то мѣсто, находящееся за гостиницею подъ вывѣскою „Подвязки“, и что онъ самъ будетъ тамъ же. Тутъ Берклей узналъ о послѣднихъ событіяхъ и о духѣ, распространившемся въ арміи. „Ея раздраженіе такъ велико“, сказалъ Уатсонъ, „что я рискую жизнью, пришедши сюда, потому что еще сегодня послѣ обѣда Эйртонъ сдѣлалъ два предложенія; одно—отправить васъ подъ арестомъ въ Лондонъ, другое—запретить, кому бы то ни было, сношенія съ вами подъ опасеніемъ смертной казни. Если королю не надоѣло жить, пусть онъ немедленно спасается бѣгствомъ, когда имѣетъ на то средства“. — „Присовѣтуете ли вы мнѣ“, спросилъ Берклей, „передать Эйртону и Кромвелю письма, данныя мнѣ королемъ для нихъ?“ — „Непремѣнно; а то полагаютъ, что я открылъ вамъ ихъ планы“.

Уатсонъ предвидѣлъ, что Берклей не добьется ни свиданія, ни отвѣта отъ генераловъ. „Я постараюсь послужить еще королю по возможности“, велѣлъ сказать ему Кромвель; „но онъ не долженъ ожидать, чтобъ я сталъ губить себя изъ любви къ нему“. Сэръ Джонъ поспѣшно сообщилъ королю эти печальныя вѣсти и молилъ его, ни минуты не медля, искать спасенія въ бѣгствѣ. Это и удалось бы, можетъ быть, Карлу: корабль, посланный королевою, плавалъ, какъ говорили, уже нѣсколько дней около острова. Но надежды короля оживились новою интригою: послѣ жаркаго пренія въ нижней палатѣ большинствомъ голосовъ принято было, что ему будетъ объявлено, въ видѣ биллей, четыре предложенія, и что если онъ ихъ приметъ, то можно будетъ ему приступить къ прямымъ переговорамъ съ парламентомъ, какъ онъ уже нѣсколько разъ того желалъ. Со-

держаніе ихъ было слѣдующее: 1) главное начальство надъ морскими и сухопутными войсками будетъ передано палатамъ на двадцать лѣтъ, съ условіемъ, что онѣ могутъ и послѣ этого присвоить его, коль скоро безопасность государства того потребуетъ; 2) король уничтожить всѣ объявленія, прокламаціи и прочіе акты, обнародованные противъ палатъ и обвиняющіе ихъ въ противозаконныхъ дѣйствіяхъ и возмущеніи; 3) онъ уничтожить всѣ грамоты на перство, пожалованныя послѣ его отъѣзда изъ Лондона; 4) наконецъ, король предоставитъ палатамъ право собираться, когда и гдѣ имъ заблагоразсудится. Несмотря на бѣдственное положеніе свое, Карль не могъ рѣшиться принять эти билли и такимъ образомъ признать законность войны, доведшей его до этого; но онъ зналъ, что шотландскіе комиссары сильно оспаривали эти предложенія, и что они обнаружили даже сильное негодованіе за презрѣніе, съ которымъ палаты встрѣтили ихъ замѣчанія. Въ одно время съ письмами Берклея онъ получилъ отъ нихъ тайное приглашеніе, отвергнуть столь обидныя предложенія; они обѣщались прибыть лично на островъ Уайтъ, чтобъ именемъ Шотландіи предложить ему болѣе выгодныя условія. „Нужно подождать ихъ“, сказалъ онъ возвратившемуся Берклею, „я хочу кончить съ шотландцами прежде нежели оставлю королевство. Еслибъ они видѣли меня не во власти арміи, они были бы гораздо требовательнѣе“.

Дѣйствительно, лорды Лодердэль, Лоуденъ и Ланеркъ прибыли къ Керисбрукскій Замокъ почти одновременно съ лордомъ Денби и его пятью товарищами, комиссарами вестминстерскими (23 дек. 1647). Переговоры, начавшіеся еще въ Гэмтон Кортѣ, возобновились тотчасъ между ними и королемъ, но съ великою тайною. Они говорили, что прибыли единственно для того, чтобъ протестовать передъ королемъ противъ предложеній парламента. Въ два дня договоръ былъ заключенъ, сочиненъ, подписанъ (26 дек.) и зарытъ въ одномъ саду, на островѣ, до тѣхъ поръ, пока можно будетъ вынуть его безъ опасности. Договоромъ этимъ обѣщалось королю, что шотландская армія вступитъ въ Англію, чтобъ возвратить ему его законныя права, съ условіемъ, что онъ на три года утвердитъ пресвитеріанское церковное правленіе въ Англіи, причемъ будетъ воленъ не подчиняться ему самъ съ своимъ семействомъ; что, по прошествіи этого срока, онъ вмѣстѣ съ обѣими палатами окончательно устроить церковь, посовѣтовавшись съ собраніемъ богослововъ. За эту главную статью слѣдовали многочисленныя уступки въ пользу Шотландіи, которыя могли оскорбить національную гордость англичанъ. Сверхъ того, было условлено, что, для подкрѣпленія шотландской арміи, поднимутъ оружіе всѣ кавалеры во всемъ королевствѣ; что Ормондъ приметъ начальство надъ королевскою партіею въ Ирландіи; что король, отвергнувъ четыре предложенія парламента, убѣжитъ съ острова, отправится на границу Шотландіи, въ Бервикъ, или какое-либо другое мѣсто, и будетъ на свободѣ выжидать времени, когда можно будетъ дѣйствовать.

Какъ скоро эти условія были заключены, король велѣлъ сказать комиссарамъ парламента, что онъ готовъ отвѣчать имъ (27 дек.). Онъ рѣшился на то же, что сдѣлалъ, три года назадъ, во время оксфордскихъ переговоровъ: хотѣлъ передать имъ запечатанный отвѣтъ, чтобъ они, узнавъ о его отказѣ, или даже и о его планахъ, не приняли противъ него какихъ-нибудь мѣръ, которыя могли бы разрушить всѣ его

надежды. Но лордъ Денби рѣшительно отказался принять въ такомъ видѣ отвѣтъ короля. „Парламентъ поручилъ намъ принести ему не то, что вздумается его величеству вручить намъ, а положительный отвѣтъ: принимаетъ онъ четыре предложенія, или нѣтъ“, сказалъ онъ. Надо было уступить и прочитать вслухъ отвѣтъ. Король рѣшительно отвергалъ билли и требовалъ, чтобъ ему предоставлено было вести лично переговоры съ парламентомъ, не обязываясь предварительно соглашаться на какія бы то ни было условія. Коммиссары удалились и, послѣ короткаго совѣщанія съ Гаммондомъ, отправились назадъ въ Вестминстеръ. Черезъ нѣсколько часовъ по ихъ отъѣздѣ, въ то самое время, когда король говорилъ съ Берклеемъ и Ашборнэмомъ о средствахъ къ побѣгу, назначенному на слѣдующую ночь, ворота замка были заперты, вѣзмъ чужимъ запрещенъ входъ въ него, вездѣ удвоены караулы и почти всѣ служители короля, а прежде всѣхъ Ашборнэмъ и Берклея, получили приказаніе немедленно оставить островъ.

Карль былъ сильно огорченъ и разгнѣванъ; онъ велѣлъ позвать Гаммонда. „Зачѣмъ обращаетесь вы такъ со мною? Гдѣ ваши приказанія? Или это внушено вамъ святымъ духомъ?“ Гаммондъ, неимѣвшій формальныхъ приказаній, молчалъ, запинался; наконецъ онъ упомянулъ о послѣднемъ отвѣтѣ его величества на предложенія парламента. „Развѣ вы не дали честнаго слова“, продолжалъ король, „что ни въ какомъ случаѣ не воспользуетесь выгодами своего положенія противъ меня?“

Гаммондъ. — Я не давалъ никакого слова.

Король. — Вы постоянно или молчите, или даете двусмысленные отвѣты. Оставьте ли вы мнѣ кого-нибудь изъ моихъ капеллановъ? Вы стоите, говорите вы, за свободу совѣсти: уже-ли одинъ я буду лишенъ ея?

Гаммондъ. — Я не могу оставить вамъ капеллана.

Король. — Вы обращаетесь со мною, не какъ дворянинъ и не какъ христіанинъ.

Гаммондъ. — Я поговорю съ вами, когда вы будете въ лучшемъ расположеніи духа.

Король. — Я хорошо спалъ прошлую ночь.

Гаммондъ. — Я обращался очень вѣжливо съ вами.

Король. — Зачѣмъ же вы теперь перестали обращаться такъ же?

Гаммондъ. — Государь, вы слишкомъ высоки.

Король. — Въ этомъ могъ бы быть виноватъ мой башмачникъ, но я не вижу, чтобъ онъ сдѣлалъ каблуки башмаковъ моихъ выше.

Онъ повторилъ послѣднія слова два раза, прохаживаясь по комватѣ; потомъ подошелъ къ Гаммонду и спросилъ: можно ли мнѣ гулять?

Гаммондъ. — Нѣтъ, я не могу дозволить этого.

Король. — Вы не можете дозволить? стало-быть, я въ тюрьмѣ? Гдѣ же вѣрность, которою вы обязаны ко мнѣ? Гдѣ же ваши клятвы? Отвѣчайте!

Гаммондъ былъ сильно тронутъ; слезы выступили у него на глазахъ и онъ вышелъ; но ничего не измѣнилъ въ своихъ распоряженіяхъ.

Между тѣмъ коммиссары парламента возвратились въ Вестминстеръ. Едва успѣли они отдать отчетъ въ своемъ путешествіи и въ его результатахъ, какъ вдругъ одинъ членъ парламента, дотолѣ неизвѣстный, сэръ Томасъ Ротъ (Wroth), всталъ въ нижней палатѣ (3 янв. 1648) и сказалъ: „Господинъ ораторъ, для сумасшедшихъ уготованъ Бедламъ, а для

королей Тофетъ. Нашъ король въ послѣднее время велъ себя такъ, какъ бы Бедламъ былъ единственнымъ мѣстомъ, приличнымъ для него. Я прошу покорнѣйше палаты не обращаться болѣе къ нему и распоряжаться общественными дѣлами безъ его содѣйствія. Мнѣ все-равно, какой образъ правленія онѣ введутъ, только бы не было ни чертей, ни королей“. Эйртонъ тотчасъ же поддержалъ это предложеніе. „Король“, сказалъ онъ, „отказалъ народу своему въ защитѣ и покровительствѣ, отвергнувъ эти четыре билля: мы обязаны повиноваться ему за оказываемое намъ покровительство. Онъ отказываетъ намъ въ покровительствѣ, слѣдственно, и мы не обязаны повиноваться ему и должны управлять государствомъ безъ него“. Пресвитеріане, удивленные такими рѣзкими нападками—хотя они и сами досадовали на отказъ короля—смутились и испугались; нѣкоторые члены возстали противъ этой мѣры. „Принять ее“, говорилъ Мейнардъ, „значить, уничтожить парламентъ, на сколько это отъ насъ зависитъ. Когда короли отказывались принимать его прошенія, выслушивать его адреса, то такія дѣйствія всегда считались за самое сильное нарушеніе его правъ, потому-что однимъ этимъ онъ распускалъ парламентъ *de facto*, хотя бы распушеніе его и не было объявлено; а мы, рѣшаясь теперь не принимать никакихъ посланій отъ короля, не сносить болѣе съ нимъ, не объявляемъ ли этимъ сами, что мы болѣе не парламентъ?“ Споръ затягивался и становился жарче. Пресвитеріане успокоились; палата, худо расположенная къ нимъ сначала, поколебалась. Кромвель всталъ: „Господинъ президентъ“, сказалъ онъ, „король обладаетъ большимъ умомъ, большими способностями, но онъ такъ лицемѣренъ, такъ неправдивъ, что нѣтъ средствъ довѣрять ему. Увѣряя насъ въ своей любви къ миру, онъ тайно ведетъ переговоры съ шотландскими комиссарами, чтобъ подвергнуть народъ опасностямъ новой войны. Насталъ часъ, когда парламенту приходится одному управлять государствомъ и спасти его. Тѣ же люди, которые защищали васъ цѣною своей крови отъ столькихъ опасностей, снова защитятъ васъ съ тѣмъ же мужествомъ, съ тою же вѣрностью. Не пренебрегайте же вашею безопасностью и безопасностью государства, которая составляетъ единственную цѣль ихъ желаній; не давайте имъ повода думать, что вы измѣнили имъ и предали ихъ злобѣ врага, котораго они для васъ побѣдили; иначе, отчаяніе можетъ побудить ихъ оставить васъ, такъ какъ вы сами хотите оставить себя. Я содрогаюсь при одной мысли объ этомъ и предоставляю вамъ самимъ судить, сколь губительно будетъ для васъ такое рѣшеніе“. И онъ сѣлъ, ухватясь за шпагу. Никто не говорилъ послѣ него. Предложеніе было принято безъ дальнѣйшихъ споровъ и на слѣдующій же день (4 янв. 1648) передано верхней палатѣ. Лорды колебались; пренія продолжались; были получены два адреса отъ арміи: одинъ къ нижней палатѣ, содержащій выраженіе благодарности и угрозы противъ ея враговъ; другой къ лордамъ, скромный, ласковый, опровергающій слухи, будто перы въ опасности, и обѣщающій поддерживать всѣ ихъ права. Робкіе могли, сколько имъ угодно, пугаться или успокоиваться; пренія шли быстро, и при окончательной подачѣ голосовъ (15 янв. 1648) только лорды Уорвикъ и Манчестеръ протестовали противъ принятія билля.

За то во всемъ королевствѣ обнаружались сильные и опасные протесты. „Оправдались“, кричали кавалеры, „тѣ обвиненія и предсказанія, которыя такъ часто называли мечтами и клеветой!“ Множество голосовъ,

еще недавно нерѣшительныхъ, присоединилось къ нимъ, проклиная эту гнусную измѣну. Король не успѣлъ еще отвѣтить на билль палатѣ, какъ явилось множество отвѣтовъ, вызванныхъ добровольнымъ усердіемъ простыхъ гражданъ. Никогда еще не распространялось столько слуховъ о заговорахъ въ пользу короля, никогда Вестминстеръ не былъ осаждаемъ такимъ множествомъ самыхъ сильныхъ памфлетовъ. На самомъ островѣ Уайтѣ, отставной морской капитанъ Бурлей ударилъ тревогу на улицахъ Нью-порта, собралъ толпу работниковъ, женщинъ и дѣтей, принялъ начальство надъ ними и хотѣлъ идти освобождать короля изъ темницы. Попытка эта была тотчасъ же подавлена, и Бурлей повѣшенъ. Его обвиняли въ томъ, что онъ хотѣлъ вести войну противъ короля въ лицѣ его парламента. Такія же чувства и желанія обнаружались и въ тѣхъ графствахъ, которыя до сихъ поръ оказывали больше всѣхъ вражды къ королю. У самыхъ дверей нижней палаты толпились въ безпорядкѣ уволенные солдаты эссексовой арміи съ крикомъ: „Да здравствуетъ король!“ и останавливали проѣзжихъ, заставляя ихъ пить съ ними за его здоровье. Республиканцы негодовали, видя, что подобныя явленія нарушаютъ торжество ихъ побѣды. Напрасно получали они поздравительные адреса отъ нѣкоторыхъ графствъ; напрасно нижняя палата объявляла о своемъ намѣреніи преобразовать законы гражданскіе и уменьшить издержки судопроизводства; напрасно отказывалась она на время даже отъ собственныхъ своихъ привилегій въ отношеніи къ долгамъ и судебнымъ преслѣдованіямъ: только сама партія да немногіе просвѣщенные люди желали этихъ важныхъ улучшеній и цѣнили ихъ; инья изъ нихъ затрогивали предразсудки народа, другія были непонятны для его невѣжества; а корыстное намѣреніе, повидимому вызвавшее ихъ, уничтожало все хорошее впечатлѣніе, которое бы могло быть ими произведено. Не успѣвъ въ своемъ желаніи пріобрѣсть любовь народа, палата прибѣгла къ жестокости. Преслѣдованія, уже начатыя противъ тѣхъ членовъ парламента и чиновниковъ лондонской Сити, которыхъ подозрѣвали какъ зачинщиковъ или виновниковъ пресвитеріанскихъ или роялистскихъ возмущеній, были усилены; всѣ, поднимавшіе когда-либо оружіе противъ парламента, получили приказаніе оставить Лондонъ и не смѣли жить отъ него менѣе какъ въ двадцати миляхъ. Велѣно было изслѣдовать поведеніе всѣхъ мирныхъ судей въ королевствѣ, чтобъ удалить подозрительныхъ; постановлено было, что никто изъ обвиненныхъ, принимавшихъ участіе въ какомъ-либо заговорѣ противъ парламента, или подозрѣваемыхъ въ этомъ, не могъ быть изоранъ ни въ званіе лорда мера, ни альдермена, не могъ быть членомъ общиннаго совѣта, ни даже участвовать при выборахъ этихъ лицъ; скоро было имъ запрещено быть присяжными, и даже членами нижняго парламента. Комитетъ, обязанный слѣдить за книгопечатаніемъ и останавливать въ выраженіи мыслей излишнюю вольность, былъ обязанъ собираться ежедневно, и получилъ въ распоряженіе свое денежную сумму, чтобъ награждать доносчиковъ, открывавшихъ печатные станки злоумышленниковъ (6 янв. 1648). Наконецъ, армія прошла еще разъ черезъ Лондонъ въ полномъ вооруженіи, и три тысячи человекъ заняли квартиры въ самомъ городѣ, близъ Уайтгалля и Тоуэра.

Всѣ фанатики, всѣ недаленовидные и жестокіе — словомъ, чернь партіи радовалась этимъ мѣрамъ, свидѣтельствовавшимъ о ихъ силѣ и увеличивавшимъ ихъ ревность. Содѣйствуя имъ, Кромвель тѣмъ не

менѣе беспокоился — не потому, чтобъ совѣсть укоряла его, или чтобъ онъ когда-нибудь задумался сдѣлать всевозможное для достиженія своей цѣли; онъ уже рѣшился дѣйствовать противъ короля: но надежды и притязанія республиканцевъ и фанатиковъ казались ему безразсудными. Онъ видѣлъ, что главные землевладѣльцы, богатые граждане, почти всѣ именитые люди въ графствахъ удалились отъ общественныхъ дѣлъ, не участвовали болѣе въ административныхъ судахъ; что власть переходила въ руки людей низшаго сословія, жадно хватавшихся за нее, способныхъ дѣйствовать энергически, но неумѣющихъ удерживать ее въ рукахъ. Онъ не могъ думать, чтобы Англія согласилась долго терпѣть такой образъ правленія; чтобъ легальное угнетеніе такого множества значительныхъ гражданъ могло положить основаніе чему-нибудь прочному. Онъ долженъ былъ опасаться, что постоянно увеличивающіеся раздоры и безначаліе сдѣлаются, наконецъ, гибельными для самихъ побѣдителей. Неумолимое воображеніе его искало средствъ прекратить такой порядокъ дѣлъ, или, покрайней-мѣрѣ, отыскать въ этомъ мрачномъ хаосѣ быстрѣйшій и вѣрѣйшій путь къ собственному возвышенію. Онъ собралъ у себя однажды на обѣдъ главныхъ индепендентовъ и пресвитеріанъ, какъ духовныхъ, такъ и свѣтскихъ, и жарко говорилъ о необходимости примириться, позабыть хоть на время свои ссоры, чтобъ общими силами возстать противъ новыхъ опасностей, которыя легко было предвидѣть. Гордость пресвитеріанъ и ихъ богословскія притязанія были такъ велики, что на нихъ не могли подѣйствовать подобныя соображенія. Разговоръ не имѣлъ никакихъ послѣдствій. Кромвель устроилъ еще разъ конференцію между нѣкоторыми главными политическими агитаторами (изъ которыхъ большая часть были генералы, какъ и онъ самъ) и республиканцами. Имъ необходимо было, какъ онъ говорилъ, вмѣстѣ изслѣдовать: какой образъ правленія болѣе всего приличенъ для Англіи? потому-что отъ нихъ зависѣло учредить его. Но въ сущности онъ собралъ ихъ для того, чтобъ узнать, кто изъ нихъ сговорчивъ и кто нѣтъ, и чего должно ему ожидать или опасаться отъ нихъ. Лудло, Венъ, Гатчинсонъ, Сидней, Гэзльригъ прямо отвергли всякую мысль о монархіи, осуждаемую, какъ они говорили, разумомъ и опытомъ. Генералы выразились не такъ рѣзко; по ихъ мнѣнію, должно было желать республики, но продолжительность ея существованія была сомнительна; лучше было не произносить окончательнаго приговора, наблюдать за ходомъ дѣлъ, за требованіями времени и повиноваться ежедневно внушеніямъ провидѣнія. Республиканцы требовали объясненія яснаго, а не увертокъ. Заспорили сильнѣе. Лудло и другіе приставали къ Кромвелю, чтобъ онъ сказалъ свое мнѣніе, потому что они хотѣли знать, кто на ихъ сторонѣ. Кромвель уклонялся, отшучивался, но, болѣе и болѣе тѣснымъ ими, вздумалъ, наконецъ, отдѣлаться фарсомъ: бросился къ дверямъ комнаты и швырнулъ подушкою въ Лудло, который съ сердцемъ бросилъ ее назадъ въ него.

Между тѣмъ опасность приближалась; число и смѣлость недовольныхъ увеличивались съ каждымъ днемъ: не только на западѣ и на сѣверѣ, но и въ самыхъ окрестностяхъ Лондона, въ Графствахъ Миддльсексъ, Эссексъ, Соррей, Кентъ, составлялись возмущенія, заговоры и прошенія въ пользу короля; вездѣ говорили о нихъ открыто: за обѣдами у богатыхъ дворянъ, въ ассизныхъ судахъ, на торговыхъ площадяхъ—вездѣ, гдѣ кавалеры могли говорить между собою, или сходиться съ народомъ. Когда, въ день

Рождества Христова, кентербѣрійскій меръ хотѣлъ привести въ исполненіе предписаніе, запрещавшее праздновать этотъ день, народъ началъ волноваться при крикахъ: „Богъ, король Карль и Кентъ!“ Ворота городского арсенала были сломаны, нѣсколько домовъ, принадлежавшихъ приверженцамъ парламента разрушено, городскіе чиновники сильно избиты. Еслибъ вскорости не подоспѣло нѣсколько войска, то окрестные крестьяне присоединились бы къ возстанію и усилили бы его. Въ Лондонѣ, въ воскресенье (9 апр. 1648), во время обѣдни, нѣсколько подмастерьевъ играло въ кегли въ Мур-Фильдсѣ; караулъ хотѣлъ прогнать ихъ; они не послушались и разогнали милиціонеровъ; когда же они были разсѣяны сами отрядомъ конницы, то разбѣжались по городу и начали звать на помощь своихъ товарищей и судовщиковъ съ Темзы; образовались многочисленные толпы во всѣхъ частяхъ города; ночью они собрались, овладѣли двоими изъ городскихъ воротъ, загородили улицы цѣпями, нанали съ барабаннымъ боемъ и съ криками: „Богъ и король Карль!“ на домъ лорда мэра, овладѣли одной пушкой, потомъ оружейнымъ магазиномъ, и къ разсвѣту оказалось, что Сити въ ихъ рукахъ. Всю ночь не прекращался военный совѣтъ. Намастъ на нихъ не рѣшались, сомнѣваясь, будетъ ли достаточно двухъ полковъ лондонскаго гарнизона, и не нужно ли дожидаться подкрѣпленій. Ферфаксъ и Кромвель подали мнѣніе, что слѣдуетъ напасть какъ можно быстрѣе, и это было исполнено съ успѣхомъ. Черезъ два часа на улицахъ раздавались только мирные шаги войска, возвращавшагося въ свои квартиры. Однакожь, хотя народъ и разбѣжался, но онъ не былъ еще побѣжденъ: ежедневно какое-нибудь неожиданное событіе усиливало его раздраженіе, или подкрѣпляло его смѣлость. Члены пресвитеріане и альдермены города, отданные нижнею палатою на судъ верхней палатѣ, упорно отказывались признать за нею право судить ихъ; не хотѣли становиться на колѣни предъ рѣшеткой, снимать шляпы и выслушивать чтеніе обвинительныхъ пунктовъ. Всякій разъ, когда ихъ приводили въ Вестминстеръ, толпа привѣтствовала ихъ громкими криками. Запрещены были всякія сходбища; административнымъ комитетомъ всѣхъ графствъ разрѣшено хватать и сажать въ тюрьму всякаго злонамѣреннаго, или даже просто подозрительнаго человѣка. Несмотря на это, броженіе умовъ возрастало быстрѣе, нежели самое притѣсненіе. Въ Норвичѣ, въ Бѣри-Сентъ-Эдмондсѣ (Bury-Saint-Edmunds), въ Тетфордѣ (Thetford), въ Стоумэркетѣ (Stoumarket) и во многихъ другихъ мѣстахъ народъ билъ тревогу при малѣйшемъ предлогѣ, жители вооружались, и войска не всегда могли ограничиться однѣми угрозами. Скоро пришлось опасаться уже не волненій непокорныхъ гражданъ, но гораздо важнѣйшихъ враговъ. Въ южной части Валлиса, въ Пемброкскомъ Графствѣ, полковники Пойеръ и Поуэль, генераль-майоръ Ланггорнъ, отличные офицеры, выслужившіеся въ парламентской арміи, отдѣлились отъ парламента, водрузили королевское знамя и, поддерживаемые возстаніемъ окрестныхъ кавалеровъ, въ нѣсколько дней овладѣли всей страной. Почти въ то же время собрался шотландскій парламентъ (2 марта). Гамильтонъ и приверженцы короля, присоединившись къ умѣреннымъ пресвитеріанамъ и замаскировавшись ими, одержали верхъ на выборахъ. Напрасно Арджайль и наиболѣе ревностная часть духовенства старались препятствовать ихъ успѣхамъ; напрасно комиссары, прибывшіе изъ Лондона, расточали угрозы и сыпали деньгами въ Эдимбургѣ. Парламентъ, осторожный,

даже смиренный въ своихъ выраженіяхъ относительно фанатиковъ, въ сущности же рѣшительно расположенный въ пользу короля, немедленно постановилъ (3 мая) образовать „комитетъ опасности“ облеченный исполнительною властью, и собрать войско изъ сорока тысячъ человекъ, долженствовавшее защищать ковенантъ и королевство противъ республиканцевъ и сектаторовъ. Кавалеры сѣверной Англіи только и ждали этого сигнала, чтобъ возстать; болѣе мѣсяца главные вожди ихъ, Лангдель, Гленгамъ, Мосгравъ (Musgrave), жили то открыто, то тайно въ Эдимбургѣ, устраивая съ Гамильтономъ планъ возстанія. Лордъ Инчиквинъ, президентъ Мунстерской Области въ Ирландіи, бывший дотолѣ самой крѣпкой опорой парламента противъ инсургентовъ, тоже перешелъ подъ знамена Карла. Когда всѣ эти извѣстія дошли до Лондона, пресвитеріанская партія подняла голову, какъ въ палатахъ, такъ и въ Сити, и начала преувеличивать свои опасенія, чтобъ скрыть свои надежды. Нѣкто Джонъ Эверардъ подъ присягою объявилъ въ муниципальномъ совѣтѣ (23 апр.), что третьяго дня, находясь уже въ постели, въ гостиницѣ подъ вывѣскою „Подвязки“, въ Виндзорѣ, онъ слышалъ, какъ въ сосѣдней комнатѣ многіе офицеры, въ томъ числѣ генеральный квартирмейстеръ Гросвеноръ и полковникъ Эверсъ, давали другъ другу обѣщаніе, что какъ скоро шотландцы перейдутъ границу Англіи, войско вступить въ Лондонъ, обезоружить гражданъ, потребуеть съ города, подъ страхомъ разграбленія его, выкупъ въ милліонъ фунтовъ, и, сверхъ того, будетъ вооружать на его счетъ всѣхъ желающихъ. По словамъ Эверарда, Эйртонъ тоже зналъ объ этомъ намѣреніи. Немедленно было написано и подано прошеніе парламенту (27 апр.): муниципальный совѣтъ просилъ, чтобъ городу были возвращены уличныя цѣпи, отнятыя у него послѣ бывшаго возмущенія; чтобъ главная квартира арміи была удалена отъ Лондона и чтобъ начальство надъ всѣми силами, находящимися въ Лондонѣ и предмѣстьяхъ его, было поручено Скиппону. Палаты немедленно согласились на всѣ эти просьбы, и на слѣдующій день, 28 апрѣля, послѣ пренія, отъ котораго не сохранилось никакихъ документовъ, палаты приняли большинствомъ голосовъ: 1) что они не намѣрены измѣнять основной формы правленія королевства королемъ, лордами и нижнею палатою; 2) что предложенія, сдѣланныя въ Гэмтон-Кортѣ королю, будутъ служить основаніемъ тѣхъ мѣръ, какія необходимо принять для восстановленія общественнаго спокойствія, 3) что, несмотря на билль 3 января, запрещавшій всякое сношеніе съ королемъ, всякій членъ парламента свободно можетъ предлагать все, чего, по его мнѣнію, требуетъ польза государства.

Три недѣли назадъ, Кромвель предвидѣлъ эти невзгоды и старался предупредить ихъ. Отъ лица вождей войска и партіи, онъ предложилъ общинному совѣту (8 апр.) возвратити муниципальнымъ властямъ начальство надъ милиціею, передать имъ Тоуэръ, освободити обвиненныхъ алдерменовъ, съ тѣмъ, чтобъ городъ обязался не предпринимать ничего въ пользу шотландцевъ при вторженіи ихъ въ Англію; но его предложенія были отвергнуты. Видя, что нѣтъ надежды на мирный исходъ и что пресвитеріане становятся все смѣлѣе въ Сити и приобрѣтаютъ все большее вліяніе въ парламентѣ, онъ почувствовалъ непреодолимое желаніе сдѣлать рѣшительный ударъ. Отправившись въ главную квартиру, онъ созвалъ совѣтъ офицеровъ и предложилъ, чтобъ армія двинулась на Лондонъ, выгнала изъ палаты всѣхъ своихъ противниковъ и, во имя всѣхъ чест-

ныхъ людей и общаго блага, захватила въ свои руки полную власть. Совѣтъ сначала одобрилъ это предложеніе; но такое наглое посягательство на право парламента, бывшаго столько вѣковъ кумиромъ и законодателемъ Англій, заставило призадуматься даже и самыхъ смѣлыхъ: они поколебались. Ферфаксъ, начавшій уже тревожиться тѣмъ, что дѣлалъ, воспользовался этою нерѣшительностью, чтобъ воспротивиться настоятельнымъ требованіямъ генераль-лейтенанта, который хотѣлъ въ ту же минуту отдать необходимыя приказанія; предложеніе Кромвеля было отвергнуто. Паскучивъ этими неудачами, подозрѣваемый одними за попытки мирной сдѣлки, другими—за крайность своихъ намѣреній, неспособный болѣе переносить бездѣйствіе и оставаться въ такомъ затруднительномъ положеніи, Кромвель рѣшился вдругъ оставить Лондонъ, отправиться противъ инсургентовъ на западъ и посредствомъ войны воротить себѣ то вліяніе, которое ускользало у него изъ рукъ. Палаты легко согласились дать ему это порученіе. Пока войска, назначенныя для военныхъ дѣйствій, готовились къ походу, онъ жаловался однажды Лудло на непріятности своего положенія, напоминалъ о томъ, что онъ сдѣлалъ для общей пользы, рассказывалъ, какой ненависти, какимъ опасностямъ онъ подвергался, и обвинялъ свою партію въ неблагодарности. Лудло выслушалъ его жалобы и, въ свою очередь, напомнилъ ему тѣ причины, мнимыя и истинныя, которыя возбудили къ нему общую недовѣрчивость; убѣждалъ его отказаться отъ всякихъ интригъ, отъ всякихъ честолюбивыхъ видовъ; обѣщалъ ему, подъ этимъ условіемъ, искреннее содѣйствіе республиканцевъ, и оставилъ его, обрадованный внимательностью, съ какою Кромвель принималъ эти совѣты. Черезъ нѣсколько дней Кромвель отправился съ пятью полками въ Валлисъ; почти у самыхъ воротъ Лондона, онъ имѣлъ условленное свиданіе съ пресвитеріанскими священнослужителями, которые также остались довольны этимъ свиданіемъ.

Тотчасъ послѣ отъѣзда его, война, которой онъ отправился искать вдали, со всѣхъ сторонъ вспыхнула вокругъ парламента: кавалеры дали себѣ слово не предпринимать ниче^{го}, пока шотландцы не вступятъ въ Англію; но народное одушевленіе вызывало всякій день гдѣ-нибудь возстаніе, пользуясь благопріятнымъ случаемъ или какимъ-нибудь неожиданнымъ обстоятельствомъ. Нѣкоторые жители Графства Эссекскаго по потребовали, чтобъ съ королемъ были возобновлены переговоры, а войско, по уплатѣ слѣдовавшаго ему жалованья, было распущено (4 мая). Слѣдуя ихъ примѣру, отъ семи до восьмисотъ дворянъ, владѣльцевъ свободныхъ земель, фермеровъ Соррейскаго Графства, явились въ Лондонъ (16 мая) съ такимъ же прошеніемъ, но гораздо болѣе высокомернымъ: они требовали, чтобъ король былъ призванъ въ Уайтгалль и возстановленъ на своемъ престолѣ со всею пышностью своихъ предковъ. Когда они пришли въ парламентъ и проходили черезъ дворы и залы, нѣкоторые изъ нихъ обратились къ солдатамъ и сказали: „Какъ можете вы служить охранной стражей этой шапкѣ мошенниковъ?“ Солдаты съ живостью отвѣчали на эту обиду; завязалась драка; караулъ былъ обезоруженъ: одинъ солдатъ убитъ. Вскорѣ пришло подкрѣпленіе, и податели прошенія, преслѣдуемые, въ свою очередь, изъ корридора въ корридоръ, изъ залы въ залу, изъ улицы въ улицу, обратились въ бѣгство, однакожь, не безъ упорнаго сопротивленія, и оставили пять или шесть труповъ у дверей парламента. Узнавъ объ этомъ, роялисты Кентскаго Графства, готовившіе также про-

шеніе, образовали конные и пѣшіе отряды, выбрали офицеровъ, назначили сборныя мѣста, взяли въ начальники лорда Горинга, графа норвичскаго, овладѣли Сандвичемъ, Дувромъ, множествомъ крѣпостей и, собравшись въ числѣ болѣе семи тысячъ въ Рачестерѣ (29 мая), дали взаимное обѣщаніе идти всѣмъ и въ полномъ вооруженіи, чтобъ подать свое прошеніе парламенту. Какъ скоро знамя возстанія было поднято подъ этимъ предлогомъ, другіе, не излагая письменно ни жалобъ своихъ, ни желаній, послѣдовали тому же примѣру. Сэръ Чарльзъ Лукасъ въ Эссексѣ, лордъ Кэзль въ Гертфордѣ, сэръ Джильбертъ Байронъ въ окрестностяхъ Нотингэма открыто набирали людей для короля. На сѣверѣ Лангдэль и Мосгрэвъ напали внезапно на Бервикъ и Карлейль и заняли ихъ, чтобъ облегчить шотландцамъ вступленіе въ королевство. Многіе признаки броженія умовъ были замѣтны и между матросами, стоявшими въ дюнахъ; вице-адмиралъ Ренборо отправился усмирять ихъ; но матросы не приняли его (27 мая), посадили всѣхъ офицеровъ своихъ въ шлюпку, отвезли ихъ на берегъ и, объявивъ себя за короля, безъ всякихъ начальниковъ, кромѣ своихъ боцмановъ, поплыли въ Голландію. Здѣсь начальство надъ ними было принято сперва герцогомъ іоркскимъ, которому удалось убѣжать изъ Сентъ-Джемса, а потомъ самимъ принцемъ валлійскимъ. Тайныя вербовки начались даже въ Лондонѣ; раздаваемы были присяжные листы; вооруженныя толпы ходили по городу, чтобъ присоединиться къ какому-нибудь отряду роялистовъ; дома графа Голланда и молодого герцога буккингэмскаго ежеминутно наполнялись недовольными, спрашивавшими: когда и гдѣ нужно начать возстаніе? Дѣло возстанія, подобно неудержимому пожару, вездѣ кипѣло, распространялось, развѣвалось и все больше и больше стягивалось къ Вестминстеру. Всѣ старанія дерби-гоузскаго комитета, въ которомъ господствовали индепенденты, все искусство Вена и Сент Джона, такъ ловко умѣвшихъ поощрять доносчиковъ и открывать заговоры, не могли остановить криковъ: „за Бога и короля Карла!“ криковъ, безстрашно гремѣвшихъ въ ушахъ парламента.

Сами пресвитеріане встревожились. Шотландцы, на которыхъ они больше всего рассчитывали, не являлись; имъ угрожала опасность, что они попадутся во власть кавалерамъ, которые одни держали въ рукахъ народное движеніе, которые такъ же мало уважали доктрины и стремленія пресвитеріанъ, какъ и всякія другія доктрины и стремленія, безразлично ненавидѣли палаты, громко требовали возстановленія законовъ и короля старой Англіи, глумились надъ строгостями новой церкви, играли въ запрещенныя игры, соблюдали уничтоженные праздники, и снова сажали срубленныя майскія деревья. Огъ Гаммонда получено было извѣстіе, что королю едва не удалось бѣжать (31 мая); самые умѣренные дрожали отъ страха при мысли, что онъ всякую минуту можетъ явиться съ этими толпами инсургентовъ у самыхъ воротъ Лондона. Ненависть партій, желаніе мира, опасенія, внушаемая будущностью — все было забыто предъ такой опасностью. Чтобъ лишить возмутителей самыхъ благовидныхъ предлоговъ, палаты рѣшили большинствомъ голосовъ снова вступить въ переговоры съ королемъ (6 и 24 мая). Лондонскіе альдермены были совершенно оправданы (23 мая). Скиппонъ получилъ начальство надъ милиціею; полковникъ Уэстъ снова назначенъ комендантомъ Тоуэра, отъ котораго удалилъ его Ферфаксъ. Новое постановленіе, изданное противъ еретичества и богохульства, назначавшее для нѣкоторыхъ случаевъ даже

смертную казнь, ясно говорило, что пресвитериане снова одерживают верхъ. Въ тоже время, однакожъ, отвергали всякую мысль о какихъ-либо уступкахъ и снисхожденіи къ кавалерамъ; выгнали изъ Лондона, подъ опасеніемъ строжайшихъ наказаній, папистовъ и злонамѣренныхъ (23 мая); имѣнія обвиненныхъ были назначены для уплаты суммъ, занятыхъ у друзей праваго дѣла (11 мая), ускорена продажа церковныхъ имѣній; керисбрукскому гарнизону дано подкрѣпленіе. Муниципальный совѣтъ, получивъ объ этомъ увѣдомленіе, бывшее для него „свѣтлымъ лучемъ, прорѣзывающимъ тучи“, объявилъ торжественно, что онъ рѣшился жить и умереть съ парламентомъ (20 мая). Ферфаксъ получилъ приказаніе немедленно выступить противъ шаекъ, безпокоившихъ окрестности Лондона. Ламбертъ отправился на сѣверъ, чтобъ подавить возстаніе, начатое тамъ, въ ожиданіи шотландцевъ, Лангдэлемъ и Мосгрэвомъ, и нижняя палата, съ неслыханной дотолѣ жестокостью, вѣроятно, чтобъ доказать искренность своихъ строгостей, рѣшила, что впредь мятежникамъ не будетъ никакого помилованія, потому—что они не могли уже извинять свои возстанія присутствіемъ короля.

Черезъ три дня послѣ отъѣзда своего изъ Виндзора (1 іюня) Ферфаксъ настигъ и разбилъ главный отрядъ роялистовъ при Медстоуѣ (Maidstone); тщетно старались они избѣжать такой нежданной встрѣчи; тщетно оказывали долгое и упорное сопротивленіе, вынужденные сражаться въ улицахъ города. Солдаты Ферфакса, посѣдѣвшіе въ бояхъ и все еще одержимые самымъ горячимъ фанатизмомъ, ненавидѣвшіе кавалеровъ, презиравшіе новобранцевъ, спѣшили кончить войну, которую они почти стыдились считать опасною; усиленными переходами обошли они все Кентское Графство, разсѣвая ежедневно какое-нибудь скопище, занимая вооруженною рукою города и села; они обращались жестоко съ жителями, но строго соблюдали военную дисциплину, не оставляли роялистамъ никакого убѣжища и не давали имъ покоя. Между тѣмъ Горингъ собралъ еще до трехъ или четырехъ тысячъ человѣкъ и явился съ ними (3 іюня) подъ Блэгитомъ (Blackheath), почти у самыхъ воротъ Лондона. Онъ питалъ себя надеждой, что при его приближеніи вспыхнетъ возстаніе въ городѣ, или что онъ подъ рукою получитъ какое-нибудь подкрѣпленіе; онъ даже писалъ къ муниципальному совѣту, просилъ позволенія пройти черезъ городъ по дорогѣ въ Эссекское Графство, обѣщаясь не причинять никакихъ безпорядковъ. Но совѣтъ, вмѣсто того, чтобъ отвѣчать ему, послалъ нераспечатанное письмо въ нижнюю палату, желая, какъ говорилъ онъ, во всемъ слѣдовать ея волѣ. Получивъ извѣстіе объ этомъ, кавалеры оробѣли и между ними начались безпорядки; они уходили цѣлыми толпами и Горингъ съ большимъ трудомъ собралъ нѣсколько лодокъ, чтобъ переѣхать черезъ Темзу близъ Гринича, съ семью или восьмьюстами человѣкъ, посѣдовавшихъ за нимъ въ Эссексъ. Тамъ возстаніе еще держалось подъ начальствомъ сэра Чарльза Лукаса (Lucas). Лордъ Кэиль присоединился къ нимъ съ отрядомъ кавалеровъ изъ Гертфордскаго Графства; они вмѣстѣ пошли на Кольчестеръ (12 іюня), немного успокоившись отъ своихъ неудачъ; здѣсь намѣревались они отдохнуть день или два, пройти потомъ чрезъ Соффолькское и Норфолькское Графства, возмутить по дорогѣ всѣхъ приверженцевъ короля и возвратиться съ многочисленнымъ войскомъ къ Лондону черезъ Кембриджское Графство. Но едва вступили они въ Кольчестеръ, какъ Ферфаксъ явился

подъ стѣнами города (13 іюня) и тѣсно обложилъ его со всѣхъ сторонъ. Такимъ образомъ онъ успѣлъ, послѣ двухнедѣльнаго похода, запереть почти въ беззащитномъ городѣ всѣ остатки этихъ инсургентовъ, еще недавно окружавшихъ Лондонъ со всѣхъ сторонъ. Возстаніе обнаружилось еще въ разныхъ мѣстахъ, въ графствахъ Рутлэндскомъ, Нортэмптонскомъ, Линкольнскомъ, Суссекскомъ. Даже въ Лондонѣ, въ виду парламента, лорды Голландъ, Петерборо и Буккингэмъ взялись за оружіе и почти съ тысячею рейтаровъ выѣхали изъ города (5 іюля), объявляя, что не намѣрены жертвовать народными льготами въ пользу короля, а хотятъ единственно того, чтобъ ему были возвращены его законныя права. Но пока они еще бродили около Лондона, сэръ Митчель Ливессей, отправленный противъ нихъ изъ главной квартиры, напалъ на нихъ внезапно (7 іюля), убилъ многихъ офицеровъ, въ томъ числѣ молодого Фрэнсиза Видльерса, брата герцога буккингэмскаго. Подкрѣпленный на слѣдующій день полкомъ Скрупы (Scroop), онъ безостановочно гналъ ихъ до Гантингдонскаго Графства, въ которомъ они разсѣялись во всѣ стороны, оставивъ раненаго лорда Голланда въ рукахъ непріятеля (10 іюля). На востокъ и на югъ всѣ попытки къ возстанію имѣли такую же участь. Парламентъ получилъ письмо отъ Кромвеля (отъ 16 іюня), обѣщавшаго, что чрезъ двѣ недѣли Пемброкскій Замокъ, главный оплотъ возстанія на западѣ, будетъ въ его рукахъ. Хотя Ламбертъ, отправившійся на сѣверъ, имѣлъ только незначительныя силы, однакожь онъ храбро поддерживалъ честь и значеніе парламента противъ кавалеровъ Лангдэля. Наконецъ Кольчестеръ, несмотря на стчаянное сопротивленіе осажденныхъ, которыхъ нельзя было склонить къ сдачѣ ни выгодными предложеніями, ни многократными приступами, сградаль уже отъ голода и не могъ долго держаться противъ Ферфакса, котораго не отвлекало никакое другое дѣло.

Пресвитеріане, оправившись отъ перваго испуга и увѣрившись, что они не достанутся въ добычу кавалерамъ, тѣмъ не менѣе опасались еще республиканцевъ и арміи и начали помышлять о мирѣ. Все еще многочисленныя, хотя не столь уже гордыя, прошенія о немъ были принимаемы лучше. Билль объ исключеніи одиннадцати членовъ парламента былъ взятъ назадъ и ихъ пригласили снова занять свои мѣста (8 іюня). Заговорили о новыхъ предложеніяхъ королю, не столь рѣзкихъ, какъ прежнія. Парламентъ вызвался вступить съ нимъ въ переговоры, если онъ предварительно согласится: 1) уничтожить всѣ свои прокламаціи противъ парламента; 2) отдать палатамъ на десять лѣтъ главное начальство надъ сухопутными и морскими силами; 3) на три года дать церкви пресвитеріанское управленіе. Особый комитетъ (26 іюня) долженъ былъ изслѣдовать, что надобно дѣлать для достиженія этой цѣли, и рѣшить, гдѣ, когда и съ какими формальностями слѣдуетъ вести переговоры. Кто-то спросилъ даже: не будетъ ли полезно, чтобъ король немедленно возвратился въ Виндзоръ? и, вслѣдствіе прошенія отъ Сити (27 іюня), лорды рѣшили, что конференціи откроются въ Лондонѣ. Наконецъ, 30 іюня, билль, запрещавшій всякое сношеніе съ королемъ, официально былъ взятъ назадъ, а чрезъ три дня послѣ этого въ нижнюю палату было внесено положительное предложеніе—представить королю новыя условія.

Но индепенденты, съ своей стороны, тоже стали самоувѣреннѣе: гордясь успѣхами своихъ солдатъ, они упорно воспротивились принятію этого предложенія. „Нигдѣ и никогда“, говорилъ Скоттъ, „нельзя вступать въ

сношенія съ такимъ вѣроломнымъ и неумолимымъ королемъ; это всегда будетъ или слишкомъ рано, или слишкомъ поздно. Кто вынимаетъ мечъ противъ короля, тотъ долженъ бросить ножны въ огонь. Всякое примиреніе съ нимъ погубитъ всѣхъ честныхъ людей“. Пресвитеріане не сказали ни слова въ защиту короля, но они напали сильно на этихъ мнимыхъ „честныхъ людей“, которыхъ миръ, конечно, долженъ разорить, потому что война обогащаетъ ихъ. „Народъ“, говорили они, „разоренный войною, не хочетъ болѣе служить пищей этому огню, въ которомъ могутъ жить однѣ эти саламандры; онъ не хочетъ болѣе кормить мозгомъ костей своихъ и пить своей кровью этихъ пиявицъ, которыя называются войскомъ и которыхъ онъ взялъ единственно для того, чтобъ они ему служили“. Спрашивалось: гдѣ открыть переговоры? Пресвитеріане желали, чтобъ это произошло въ Лондонѣ или въ какомъ-либо изъ ближайшихъ замковъ; индепенденты, напротивъ, требовали, чтобъ они были ведены на Островъ Уайтъ, гдѣ король былъ въ ихъ рукахъ. „Если вы будете вести переговоры въ Лондонѣ“, говорилъ Скоттъ, „то кто можетъ поручиться вамъ, что Сити не заключитъ сама мира съ этимъ сумасшедшимъ королемъ, отдавъ ему ваши головы на жертву, какъ самаритяне выдали головы семидесяти сыновъ Ахава? Если король будетъ помѣщенъ въ одномъ изъ ближайшихъ замковъ, обезпечить ли васъ его обѣщаніе не покидать этого мѣста во все продолженіе переговоровъ? Король двадцать разъ преступалъ свои клятвы; вы не должны болѣе имѣть довѣрія къ нему“. Нѣсколько членовъ, въ томъ числѣ Венъ, подкрѣпили это мнѣніе. „Я, съ своей стороны“, сказала сэръ Саймондсъ Юсъ (Ewes), „полагаю совершенно противное: по моему мнѣнію, палата не только должна имѣть довѣріе къ королю, но даже не можетъ обойтись безъ этого. Господинъ ораторъ, если вы не знаете, въ какомъ положеніи вы находитесь, то позвольте мнѣ объяснить вамъ его въ немногихъ словахъ: ваши финансы истощены, золото ваше исчезло, флотъ бунтуетъ, вы сами сдѣлались предметомъ насмѣшекъ; друзья ваши, шотландцы, взбѣшены противъ васъ; расположеніе Сити и королевства отвернулось отъ васъ совершенно; предоставляю вамъ самимъ обсудить, можно ли назвать такое положеніе безопаснымъ, и не настала ли уже давно пора сдѣлать все возможное, чтобъ выпутаться изъ него“? Индепенденты закричали противъ этого, но множество членовъ—чуждыхъ всякой партіи и пристававшихъ, смотря по обстоятельствамъ, то къ той, то къ другой сторонѣ—одобрили своимъ молчаніемъ слова Саймондса. Большинство голосовъ рѣшило, что должно вступить въ переговоры; только нижняя палата, противъ желанія лордовъ, настояла, чтобъ король предварительно принялъ три билля, и ничего не постановила насчетъ мѣста, гдѣ должны были открыться переговоры.

Совѣщанія съ муниципальнымъ совѣтомъ о мѣрахъ, какія слѣдовало принять, дабы переговоры эти могли имѣть мѣсто въ Лондонѣ безъ опасности для короля и для парламента, еще не кончились, когда было получено извѣстіе, что шотландцы вошли въ предѣлы Англіи (8 іюля), и что Ламбертъ отступаетъ передъ ними. Несмотря на происки Арджайля и сильныя проповѣди нѣкоторой части духовенства, Гамильтонъ успѣлъ наконецъ собрать войско и выступить въ походъ. Правда, силы его не соответствовали первымъ рѣшеніямъ парламента: онъ едва собралъ четырнадцать тысячъ, вмѣсто сорока; французскій дворъ обѣщаль прислать военныхъ припасовъ и оружія, но еще ничего не было получено; привѣдъ

валлисскій долженъ былъ перейти въ Шотландію и принять главное начальство, а онъ оставался въ Голландіи; даже кавалеры Лангдэля и Мосгрэва не присоединились къ своимъ союзникамъ, потому что не хотѣли признать ковенанта, а Гамильтонъ не могъ поставить рядомъ съ своими солдатами такихъ еретиковъ, если не хотѣлъ погубить себя въ глазахъ своихъ приверженцевъ. Поэтому они составили отдѣльный отрядъ, дѣйствовавшій повидимому совершенно независимо и всегда въ отдаленіи отъ шотландцевъ. Наконецъ самыя приготовления Гамильтона къ войнѣ, встрѣтивъ столько препятствій, не успѣли еще окончиться; полки были не въ полномъ сборѣ, артиллерія не приведена въ должное положеніе, когда преждевременный взрывъ роялистскихъ возстаній въ Англіи повудилъ его поспѣшить своимъ выступленіемъ, и онъ вышелъ изъ Шотландіи, плохо приготовленный, безъ надежды на успѣхъ, преслѣдуемый оскорбленіями фанатиковъ, пророчившихъ гибель войску, которое шло, какъ они говорили, возстановлять права короля прежде, нежели были возстановлены права Христа.

Извѣстіе о вторженіи тѣмъ не менѣ взволновало всю Англію: казалось, что ему нечего было противопоставить. Кольчестеръ все еще удерживалъ Ферфакса подъ своими стѣнами, Пемброкъ—Кромвеля; возстаніе, только что подавленное, каждую минуту могло снова подняться повсюду. Пресвитеріане были въ отчаянномъ положеніи; даже народъ, расположенный къ нимъ, вспомнилъ свою старую ненависть къ шотландцамъ; онъ говорилъ о нихъ не иначе, какъ съ ругательствами, напоминалъ, что они не такъ давно продали короля, котораго теперь хотятъ освободить, и желалъ, чтобъ прежде всего выгнали изъ королевства этихъ жадныхъ и лживыхъ чужеземцевъ. Въ нижнюю палату было внесено предложеніе (14 іюля) объявить ихъ врагами отечества, а того, кто призывалъ ихъ—измѣнниками. Девяносто голосовъ отвергли это предложеніе, но несмѣло и нерѣшительно; окончательно было оно отвергнуто только въ верхней палатѣ (18 іюля). Кромѣ-того, лорды опредѣлили, что должно поспѣшить переговорами съ королемъ, и на этотъ разъ пресвитеріане одержали верхъ въ нижней палатѣ, которая согласилась (28 іюля) не настаивать болѣе на принятіе трехъ биллей, долженствовавшихъ, по прежнимъ рѣшеніямъ, служить неизбѣжнымъ предварительнымъ условіемъ всякаго договора. Не тревожась, однакожъ, этою переменчивостью въ ежедневной судьбѣ партій, дербигоузскій комитетъ, все еще бывшій въ рукахъ индепендентовъ, не переставалъ снабжать Ламберта деньгами и войсками, приказалъ Кромвелю направить на сѣверъ всѣ свободныя войска и лично прибыть туда же, какъ скоро онъ самъ освободится. Вожди республиканской партіи, заглушая свою недовѣрчивость передъ его геніальностью, писали ему подъ рукою, чтобъ онъ не опасался ничего, дѣйствовали энергически и рассчитывалъ бы на нихъ, несмотря на всю оппозицію, какую онъ прежде испытывалъ съ ихъ стороны.

Кромвель не дожидался ни приказаній, ни обѣщаній, чтобъ дѣйствовать: увѣдомленный, уже съ мѣсяць назадъ, вѣроятно, Арджайлемъ, о состояніи и движеніяхъ шотландской арміи, онъ велѣлъ Ламберту отступать при ея появленіи, избѣгать всякаго сраженія, пока онъ самъ не будетъ въ состояніи поддержать его. Пемброкскій Замокъ сдался дѣйствительно черезъ три дня послѣ вторженія (11 іюля), а черезъ день послѣ этого Кромвель выступилъ съ отрядомъ отъ пяти до шести тысячъ человекъ,

необурыхъ, неодѣтыхъ, но гордившихся своею славою, раздраженныхъ опасностями, увѣренныхъ въ своемъ вождѣ, презиравшихъ врага своего, имѣвшихъ твердую надежду на побѣду.— „Присылайте башмаковъ для моихъ бѣдныхъ, утомленныхъ солдатъ“,— писалъ онъ въ дерби-гоузскій комитетъ:— „имъ предстоитъ далекій походъ“.— Онъ прошелъ, съ неслыханною дотолю быстрой, сперва отъ запада къ востоку, потомъ отъ юга къ сѣверу, почти всю Англiю; по всей дорогѣ старался убѣждать всѣхъ въ своей благонамѣренности, въ своемъ благочестii; думалъ единственно о томъ, чтобъ разсѣять всѣ подозрѣнiя, привлечь сердца наиболѣе ослѣпленныхъ фанатиковъ, приобрести сочувствiе между своими солдатами. Черезъ тринадцать дней послѣ выступленiя, конница его, посланная впередъ, уже присоединилась съ Ламбертомъ (27 iюля), самъ же Кромвель сошелся съ Ламбертомъ въ Графствѣ Iоркскомъ, въ Кнэрисборо, 7 августа; ихъ соединенные корпуса составляли отъ восьми до девяти тысячъ человекъ. Между тѣмъ шотландцы подвигались впередъ по западной дорогѣ, чрезъ Кумберлендское, Уэстморлендское и Ланкастерское Графства, но они дѣйствовали нерѣшительно, часто и долго останавливались, растянувшись на семь или на восемь миль: войско ихъ терпѣло отъ несогласiя вождей въ религiозныхъ, политическихъ и военныхъ дѣлахъ, и оставалось въ совершенной неизвѣстности о намѣренiяхъ и движенiяхъ непрiателя. Вдругъ Лангдэль, который съ англiйскими инсургентами шелъ дѣвѣ и нѣсколько впереди армii, сообщилъ Гамильтону, что Кромвель приближается, что онъ увѣренъ въ этомъ и что все показываетъ намѣренiе Кромвеля вступить въ сраженiе.— „Это невозможно“,— отвѣчалъ герцогъ:— „ему нельзя было подоспѣть; если же онъ такъ близокъ отъ насъ, то не можетъ имѣть всего войска съ собою и не рѣшится напасть на насъ“.— Въ то же время онъ перевелъ квартиру свою въ Престонъ (17 авг.). Скоро онъ получилъ новыя извѣстiя: конница Лангдэля завязала уже дѣло съ кавалерiей Кромвеля. Лангдэль говорилъ, что онъ будетъ держаться крѣпко; что позицiя, на которой онъ остановился, выгодна и солдаты очень одушевлены; что ему нужно только какое-нибудь подкрѣпленiе, по крайней мѣрѣ изъ тысячи человекъ, чтобъ дать всему войску время соединиться и уничтожить врага. Гамильтонъ обѣщалъ подкрѣпленiе. Лангдэль сражался четыре часа. Кромвель самъ сознавался впоследствии, что никогда не встрѣчалъ столь отчаяннаго сопротивленiя. Но подкрѣпленiе не было получено Лангдэлемъ и онъ долженъ былъ отступить. Кромвель не сталъ преслѣдовать бѣжавшихъ англiчанъ и пошелъ прямо на шотландцевъ, которые поспѣшно переходили рѣку Рибблъ, чтобъ удержать его этой преградой. Большая часть полковъ достигла уже лѣваго берега; съ Гамильтономъ на правомъ берегу оставалось не болѣе двухъ бригадъ пѣхоты и нѣсколько эскадроновъ конницы, чтобъ прикрывать отступление. Кромвель опрокинулъ ихъ, перешелъ рѣку вмѣстѣ съ ними и, едва давъ войскамъ отдохнуть нѣсколько минутъ, на слѣдующiй день (18 авг.) съ разсвѣтомъ возобновилъ преслѣдованiе шотландцевъ, которые, подвигаясь дальше къ югу и отступая передъ нимъ, продолжали свое вторженiе. Онъ догналъ ихъ въ этотъ же день при Виганѣ, въ пяти миляхъ отъ Престона, и изрубилъ ихъ арьергардъ. Гордость, увеличившаяся отъ двухъ одержанныхъ побѣдъ, ожиданiе рѣшительнаго торжества, нетерпѣнiе увидѣть конецъ этихъ трудовъ поддерживали духъ солдатъ; преслѣдованiе возобновилось на слѣдующiй день (19 авг.), и было еще бы-

стрѣе и упорѣе. Шотландцы, раздраженные, съ своей стороны, что ихъ тѣснить непріятель гораздо слабѣйшій числомъ, достигли, наконецъ, близъ Уаррингтона одного ущелья, которое представило имъ выгодную позицію, и обратились лицомъ къ непріятелю; завязалось третье сраженіе, болѣе кровопролитное, но имѣвшее тотъ же исходъ, какъ и два первыя. Англичане овладѣли ущельемъ, а потомъ, въ самомъ Уаррингтонѣ, мостомъ черезъ рѣку Мерсей, который шотландцы хотѣли сломать, чтобъ нѣсколько оправиться. Шотландское войско пришло въ безпорядокъ. Военный совѣтъ нашель, что пѣхота, не имѣя военныхъ припасовъ, не можетъ болѣе защищаться; она вся сдалась. Гамильтонъ съ конницею старался достигъ Валлиса, чтобъ тутъ поджечь снова возстаніе въ пользу короля, но неожиданно измѣнилъ свой планъ и обратился на сѣверо-востокъ, надѣясь уйти опять въ Шотландію. Но вездѣ, гдѣ онъ проходилъ, земледѣльцы вооружались; власти требовали, чтобъ онъ сдался на капитуляцію; въ Утокзетерѣ, въ Графствѣ Стаффордскомъ, собственная конница его взбунтовалась при слухѣ, что онъ хочетъ бѣжать съ нѣкоторыми изъ своихъ офицеровъ. Ламбертъ и лордъ Грей Груби (Grey of Grooby), отправленные Кромвелемъ въ погоню за нимъ, уже настигали его: не имѣя довольно смѣлости, чтобъ бороться съ такимъ несчастіемъ, Гамильтонъ предоставилъ (25 авг.) своимъ людямъ сдаваться или разбѣгаться—какъ кто хотѣлъ; а самъ принялъ условія, какія предписалъ ему Ламбертъ, и былъ посланъ плѣнникомъ въ Ноттингэмскій Замокъ. Послѣ двухнедѣльнаго похода, Кромвель, видя, что въ Англіи не осталось слѣда шотландской арміи, рѣшился вторгнуться въ Шотландію и такимъ образомъ лишить пресвитеріанъ, державшихъ сторону короля, всякаго средства дѣйствовать и спасать себя.

Но когда наступаетъ крайняя опасность, тогда партіи, вмѣсто того, чтобъ терять мужество, напротивъ, разгорячаются еще сильнѣе и наносятъ самые тяжкіе удары. Еще прежде, нежели важныя извѣстія были получены въ Вестминстерѣ, съ той самой минуты, какъ только Кромвель двинулся противъ шотландцевъ, пресвитеріане поняли, что торжество Кромвеля погубитъ ихъ; что они могутъ спастись только его гибелью, или послѣшнимъ заключеніемъ мира. Они рѣшились употребить всѣ свои силы для достиженія которой-нибудь изъ этихъ двухъ цѣлей. Голлизъ продолжалъ до сихъ поръ жить во Франціи, на берегу Нормандіи, несмотря на то, что исключенные одиннадцать членовъ парламента получили разрѣшеніе снова присутствовать въ его засѣданіяхъ; теперь онъ возвратился и занялъ свое мѣсто въ нижней палатѣ (14 авг.). Гантингтонъ, бывшій недавно майоромъ въ собственномъ полку Кромвеля, донесъ (3 авг.) въ особой запискѣ верхней палатѣ объ интригахъ генераль-лейтенанта, объ обѣщаніяхъ, данныхъ имъ королю, о его коварствѣ, о смѣлости его честолюбія, о презрѣннѣи его къ палатамъ, къ законамъ, къ обязанностямъ и правамъ челоуѣчества, о вредныхъ правилахъ и опасныхъ планахъ, которые то проглядывали сквозь его притворство, то высказывались прямо въ дружескихъ разговорахъ. Лорды велѣли прочесть эту записку, а Гантингтонъ присягнулъ (18 авг.), что всѣ его обвиненія справедливы. Онъ намѣревался представить эту записку и нижней палатѣ, но одно имя Кромвеля наводило уже на всѣхъ такой страхъ, что никто изъ членовъ не согласился взять этого на себя. Онъ послалъ записку въ запечатанномъ конвертѣ къ президенту: Лентгалль (Lenthall) не доложилъ о ней. Онъ хотѣлъ пе-

редать ее сарджену, но и тотъ отказался принять ее. Лорды переслали ее официально въ нижнюю палату, лордъ Уартонъ, одинъ изъ самыхъ короткихъ и преданныхъ друзей Кромвеля, послѣдовалъ за посланными отъ лордовъ, увѣдомить президента о цѣли ихъ посланія, и они не были допущены. Индепенденты громко высказывали свое негодованіе; они говорили, что одна преступная низость могла нападать такимъ образомъ за глаза на человѣка, который, можетъ быть, въ это самое время освобождаетъ отечество отъ вторженія иноземцевъ. Этотъ аргументъ испугалъ даже многихъ изъ пресвитеріанъ. Надо было отказаться отъ надежды погубить такимъ прямымъ путемъ генераль-лейтенанта, и Гантингтону осталось одно удовольствіе: напечатать свою записку. Старанія, клонившіяся къ миру, имѣли больше успѣха. Тщетно предводители индепендентовъ, преимущественно же Венъ и Сент-Джонъ, употребляли всѣ уловки, чтобъ затянуть пренія; тщетно другіе, не столько хитрые, Скоттъ, Вэнъ, Гарвей, Уинеръ (Weaver), нападали на своихъ противниковъ въ самыхъ сильныхъ выраженіяхъ: эти нападки, соединенныя съ постоянно увеличивавшеюся анархіею, буйство солдатъ, повелительный тонъ памфлетовъ и петицій, даже тѣхъ, въ которыхъ просители говорили въ пользу мира— все это предвѣщало нижней палатѣ ея паденіе, все побуждало людей, неотдавшихся безвозвратно какой-нибудь партіи, желать мира. „Господинъ ораторъ“, сказалъ однажды Рудердъ (8 авг.): „занимая столько времени здѣсь мѣста, мы, наконецъ, дошли до прекраснаго положенія. Все королевство превратилось въ парламентъ; армія довольно долго учила насъ, какъ намъ надобно дѣйствовать, и очень желала бы поучить насъ и еще. Лондонъ, области, уволенные офицеры каждый день даютъ намъ совѣты, какъ дѣйствовать. Почему? Потому что мы сами не знаемъ, что намъ должно дѣлать“. Большинство думало вмѣстѣ съ нимъ, что одинъ миръ можетъ вывести ихъ изъ этого затруднительнаго и постыднаго положенія. Наконецъ палата рѣшилась; она опредѣлила, что немедленно будутъ открыты новые переговоры съ королемъ. Чтобъ заставить молчать индепендентовъ, она согласилась вести эти переговоры на островѣ Уайтѣ. Три комиссара должны были доставить королю формальное предложеніе, спросить его, въ какомъ мѣстѣ острова онъ желаетъ жить во время переговоровъ и кого имѣть при себѣ изъ своихъ совѣтниковъ?

Вожди индепендентовъ хорошо поняли, къ чему клонится дѣло; это было бы для нихъ бѣдою, которую уже нельзя будетъ поправить. Большинство, предчувствуя приближеніе кризиса, рѣшительно переходило на сторону враговъ ихъ, потому что больше боялось торжества индепендентовъ, нежели угрозъ ихъ. Лудло тотчасъ отправился въ главную квартиру, все еще находившуюся передъ Кольчестеромъ. „Составился заговоръ“, сказалъ онъ Ферфаксу, „чтобъ измѣнить дѣлу, за которое пролито столько крови; хотягь заключить миръ, во чтобъ ни стало. Король, какъ арестованный, не будетъ считать своихъ обѣщаній обязательными; даже люди, которые больше всѣхъ хлопчуть о переговорахъ, вовсе не думаютъ о томъ, чтобъ обязать его къ исполненію обѣщаній; они хотятъ только воспользоваться его имеемъ и его вліяніемъ, чтобъ уничтожить армію—вогъ ихъ единственная цѣль. Армія завоевала власть: она должна воспользоваться ею, чтобъ предупредить и свою собственную гибель и гибель народа“. Ферфаксъ сказалъ ему въ отвѣтъ, что все это правда; что онъ самъ, въ случаѣ нужды, готовъ для общественнаго блага употре-

бить силу, которая у него въ рукахъ. „Но для этого“, сказалъ онъ, „должно сдѣлать мнѣ формальное и ясное приглашеніе; а безъ того я не могу бросить этой несчастной осады, которая, несмотря на всѣ усилія наши, все еще тянется“. Лудло обратился къ Эйртону, котораго Кромвель оставилъ при Ферфаксѣ и въ которомъ онъ надѣялся найти больше ревности. „Время еще не приспѣло“, сказалъ Эйртонъ; „пусть переговоры идутъ своимъ чередомъ, пусть опасность сдѣлается очевидною“. Такъ какъ армія не трогалась, республиканцы послали въ Вестминстеръ нѣсколько грозныхъ петицій; въ одной изъ нихъ, сочиненной Генри Мартиномъ, излагались правила, руководившія партией, и выражено было требованіе, чтобъ палата объявила себя верховною властью въ государствѣ и исполнила наконецъ ожиданія народа, давъ ему всѣ тѣ реформы, которыхъ народъ ожидалъ, когда поднималъ оружіе за парламентъ. Палата не дала отвѣта. На слѣдующій день было подано новое прошеніе, содержащее горькія жалобы на такое пренебреженіе; на этотъ разъ просители толпою собрались у дверей палаты и кричали съ неудовольствіемъ: „На что намъ король и лорды? Это человѣческія изобрѣтенія. Богъ создалъ насъ всѣхъ равными: тысячи честныхъ людей готовы отстаивать эти принципы своею кровью. Насъ сорокъ тысячъ подписало петицію, но пять тысячъ лошадей произвели бы гораздо больше эффекта“. Нѣкоторые члены, Скоттъ, Блэккстонъ, Уиверъ, сами вышли изъ залы, вмѣшались въ толпу и подстрекали ее кричать громче. Палата продолжала хранить упорное молчаніе; но чѣмъ болѣе твердости она обнаруживала, тѣмъ рѣшительнѣе противная партія стремилась къ своимъ крайнимъ цѣлямъ, и чрезъ пять дней послѣ этой сцены (18 сент.), Генри Мартинъ неожиданно уѣхалъ въ Шотландію, куда только что вступилъ Кромвель.

Въ это самое время (13 сент.) пятнадцать комиссаровъ, въ томъ числѣ пять лордовъ и десять членовъ нижней палаты, отправились на островъ Уайтъ; всѣ они, за исключеніемъ Вена и, можетъ быть, лорда Сэя, желали мира. Еще ни разу переговоры не возбуждали такихъ тревожныхъ ожиданій; они должны были продолжаться сорокъ дней. Король поспѣшилъ принять ихъ и далъ слово, что не сдѣлаетъ никакой попытки бѣжать во все это время и еще въ теченіе двадцати дней послѣ ихъ окончанія. Двадцать человѣкъ изъ его прежнихъ совѣтниковъ, вельможи, богословы, юристы, получили дозволеніе помогать ему своими совѣтами; онъ просилъ и получилъ согласіе парламента, чтобъ ему была возвращена при этомъ случаѣ часть его придворнаго штата, пажи, секретари, камергеры, шталмейстеры, камердинеры и лакеи. Когда комиссары прибыли въ небольшой городокъ Ньюпортъ (15 сент.), то въ немъ собралось столько народа, что новоприбывшіе едва въ теченіе трехъ дней могли найти себѣ квартиры. Между тѣмъ, комиссары каждое утро являлись къ королю; они оказывали ему величайшее уваженіе, но были очень осторожны въ словахъ и никто изъ нихъ не рѣшался говорить съ нимъ безъ свидѣтелей. За то большая часть изъ нихъ дружески сносила съ его совѣтниками и передавала ему чрезъ нихъ свои совѣты, убѣждая его, чтобъ онъ принялъ какъ можно скорѣе и безъ споровъ предложенія парламента; они говорили, что все будетъ потеряно, если договоръ не будетъ заключенъ и король не возвратится въ Лондонъ прежде нежели Кромвель и армія подоспѣютъ туда. Карлъ, повидимому, вѣрилъ искренности ихъ совѣтовъ и казался склоннымъ принять ихъ, но въ

глубинѣ души онъ питалъ инья надежды. Ормондъ, находившійся уже шесть мѣсяцевъ въ Парижѣ (въ мартѣ 1648), готовился появиться снова въ Ирландіи съ деньгами и военными припасами, которые были ему обѣщаны французскимъ дворомъ; по прибытіи своемъ туда, онъ долженъ былъ, сообщая съ лордомъ Инчиквиномъ, примириться съ католиками, объявить войну парламенту, и король могъ бы тогда освободиться изъ рукъ враговъ своихъ и снова найти королевство и войско. „Эти новые переговоры“, писалъ онъ къ Уильяму Гопкинсу, занимавшемуся приготовленіемъ его бѣгства, „будутъ напрасны, какъ и всѣ прежніе; я ничего не измѣнилъ въ своихъ намѣреніяхъ“. Конференціи открылись официально 18 сентября. Король сидѣлъ подъ балдахиномъ на одномъ концѣ залы; передъ нимъ, въ незначительномъ разстояніи, вестминстерскіе депутаты вокругъ стола; за нимъ стояли его совѣтники въ глубокомъ молчаніи, потому что парламентъ хотѣлъ вести переговоры лично съ королемъ; всякое посредничество казалось ему унижительнымъ; пунктуально повинуваясь парламенту, комиссары едва согласились допустить присутствіе нѣсколькихъ свидѣтелей. Такимъ образомъ Карлъ одинъ поддерживалъ разговоръ; только въ случаѣ надобности, онъ могъ пойти въ сосѣдную комнату и переговорить съ своими совѣтниками. Всѣ присутствовавшіе, видя это одиночество короля и необходимость, въ которую онъ былъ поставленъ искать средствъ въ самомъ себѣ, были втайнѣ глубоко тронуты. Волосы Карла посѣдѣли; постоянная грусть смягчила обычную гордость его взгляда; его осанка, голосъ, всѣ черты лица его показывали душу, которая была равно неспособна бороться съ своей судьбою и уступить ей побѣду — трогательное и странное смѣшеніе величія безъ силы, и гордости безъ надеждъ. Предложенія парламента, которыя, кромѣ нѣкоторыхъ неважныхъ измѣненій, были тѣ же, какъ и прежнія, были прочитываемы и обсуждаемы одно за другимъ. Король охотно вдавался въ пренія, отвѣчалъ спокойно на все, не раздражался противорѣчіемъ, искусно пользовался всѣми выгодами своего положенія и удивлялъ даже людей, болѣе всего предубѣжденныхъ противъ него, твердостью ума, кротостью, знаніемъ государственныхъ дѣлъ и законовъ. Однажды графъ Сальсбери сказалъ Филиппу Уорвику: „Король сдѣлалъ удивительные успѣхи“. — „Нѣтъ, милордъ“, отвѣчалъ Уорвикъ, „король всегда былъ такимъ же; но вы слишкомъ поздно замѣтили это“. Болклей, одинъ изъ членовъ нижней палаты, совѣтовалъ ему принять всѣ условія, увѣряя его, „что если договоръ будетъ заключенъ, то самъ чортъ его не расторгнетъ“. — „Государь мой“, отвѣтилъ Карлъ, „вы называете это договоромъ? Вспомните тотъ споръ въ комедіи, въ которомъ одинъ изъ соперниковъ говоритъ, уходя: „была баталія и не была; нанесено три удара, да всѣ достались мнѣ“. То же самое происходитъ теперь со мною: я принимаю большую часть вашихъ предложеній; я отвергаю очень немного, а вы не хотите сдѣлать мнѣ никакихъ уступокъ“. Дѣйствительно, онъ соглашался уступить тѣмъ требованіямъ парламента, которыя касались главнаго начальства надъ сухопутными и морскими силами и назначенія къ высшимъ должностямъ въ Ирландіи: онъ даже признавалъ законность сопротивленія, послужившаго поводомъ къ междоусобной войнѣ, но вмѣсто того, чтобъ уступить безъ замедленія и за разъ, онъ отстаивалъ каждый шагъ; то обращаясь самъ къ палатамъ съ различными предложеніями, то стараясь уклониться отъ сдѣланныхъ уже уступокъ; онъ сидѣлъ под-

держатъ свое право въ то же самое время, когда отказывался отъ него; былъ неистощимъ въ хитростяхъ и уловкахъ, и каждый день подавалъ своимъ противникамъ поводъ думать, что противъ него есть только одно ручательство: тяжкая необходимость. Убѣжденія совѣсти и выгоды его власти заставляли его отвергать уничтоженіе епископальной церкви и тѣ строгости, которымъ хотѣли подвергнуть ея главныхъ приверженцевъ. Наконецъ, давъ торжественное обѣщаніе прекратить въ Ирландіи всѣ военныя дѣйствія, онъ писалъ подъ рукою (10 октяб.), къ Ормонду: „Повинуйтесь повелѣніямъ моей жены, не слушаясь моихъ до тѣхъ поръ, пока я не сообщу вамъ, что освободился отъ всякаго стѣсненія. Не безпокойтесь тоже объ уступкахъ, сдѣланныхъ мною насчетъ Ирландіи: онѣ не поведутъ ни къ чему“. Въ тотъ же день, въ который онъ согласился передать палатамъ на двадцать лѣтъ начальство надъ всѣми войсками, онъ писалъ къ Вильяму Гопкинсу: „Признаюсь, важная уступка сдѣлана мною нынѣ утромъ, но только для того, чтобъ облегчить мое скорое бѣгство; безъ этой надежды я никогда бы не уступилъ. Отвергнувъ требованіе, я безъ особеннаго огорченія могъ бы возвратиться въ свое прежнее положеніе; но, признаюсь, теперь это мнѣ было бы грустно, потому что я сдѣлалъ такое дѣло, которое можетъ быть оправдано только моимъ бѣгствомъ“.

Парламентъ подозрѣвалъ нѣсколько эти коварные замыслы короля, хотя и не зналъ о нихъ въ точности; даже друзья мира, люди, больше всѣхъ тронутые участіемъ короля и желавшіе спасти его, не безъ замѣшательства опровергали обвиненія индепендентовъ. Въ то же время набожные пресвитеріане, хотя и очень умѣренные въ своихъ политическихъ желаніяхъ, были непримиримы въ своей ненависти къ епископальной церкви и не хотѣли допустить никакой середины, никакой отсрочки, когда дѣло шло о торжествѣ ковенанта. Кромѣ того, всѣ сознавали, что послѣ столькихъ бѣдствій, навлеченныхъ на Англію войною, побѣжденная сторона по закону должна отвѣчать за нихъ, и что, согласно съ божественнымъ правосудіемъ, которое возвѣщено намъ въ священномъ писаніи разительными примѣрами, истинные виновники должны понести достойное наказаніе. Спорили о числѣ ихъ: энтузіасты народной партіи требовали множества исключеній изъ амнистіи, которую долженъ былъ объявить миръ; пресвитеріане требовали исключенія только семи человекъ (лордовъ: Ньюкестля и Дигби, Мармадіука, Лангдэля, Ричарда Гринвиля, Давида Дженкинса, Френсиса Доддингтона и Джона Байрона), но требовали съ величайшимъ ожесточеніемъ; они боялись, что произнесутъ приговоръ себѣ самимъ, если откажутся отъ этого требованія. Мелочные предразсудки и чувство ненависти препятствовали успѣху переговоровъ даже въ той партіи, которая была болѣе склонна къ миру. Пока переговоры тянулись, палата пять разъ большинствомъ голосовъ принимала рѣшеніе, что предложенія, или уступки, сдѣланныя королемъ, недостаточны. Во время этихъ проволочекъ срокъ, опредѣленный для окончанія конференцій, прошелъ; три раза назначали новые сроки; соглашались не считать ни воскресныхъ дней, ни праздниковъ; но палата не дѣлала никакихъ дальнѣйшихъ уступокъ и не давала своимъ комиссарамъ ни новыхъ инструкцій, ни малѣйшей свободы въ дѣйствіяхъ. Съ своей стороны, король объявлялъ, ссылаясь на свою честь и вѣру, что онъ дальше не пойдетъ. „Я нахожусь“, говорилъ онъ, „въ положеніи коменданта, ко-

торый, не получая болѣе помощи отъ своихъ начальниковъ, счелъ бы это за позволеніе сдать свою крѣпость. Они не могутъ пособить мнѣ, когда я прошу объ этомъ, пусть же окажутъ мнѣ помощь, когда будутъ въ состояніи; въ ожиданіи же этого, я буду держаться въ моей крѣпости до тѣхъ поръ, пока одинъ изъ ея камней закроетъ мою могилу. — Я сдѣлаю то же“, прибавлялъ онъ, „для англійской церкви“. И переговоры не двигались впередъ и обнаруживали только бессильную тревогу обѣихъ партій, изъ которыхъ ни та, ни другая не хотѣла понять необходимости и упрямо отталкивала ее отъ себя.

Между тѣмъ все принимало съ часу на часъ болѣе угрожающій видъ и событія тѣснились за событіями. Послѣ двухмѣсячной упорной обороны Кольчестеръ сдался (27 авг.), побѣжденный голодомъ и бунтомъ въ гарнизонѣ. На слѣдующій день военный совѣтъ осудилъ на смерть трехъ храбрѣйшихъ изъ защитниковъ: Чарльза Лукаса, Джорджа Лия (Lisle) Бернарда Гаскойна (Gascoign), для примѣра будущимъ мятежникамъ, которые стали бы подражать имъ. Тщетно остальные плѣнники, въ томъ числѣ и лордъ Кэплъ, просили Ферфакса отсрочить исполненіе приговора, или подвергнуть ихъ всѣхъ одинаковой участи, потому что всѣ виновны столько же, какъ и осужденные товарищи ихъ. Ферфаксъ, котораго Эйртонъ возбуждалъ къ жестокости, или, можетъ-быть, пугалъ своими угрозами, не далъ имъ никакого отвѣта и велѣлъ тотчасъ же разсрѣблять трехъ осужденныхъ офицеровъ. Чарльзъ Лукасъ первый подвергся казни. Когда онъ упалъ, Лиль подбѣжалъ къ нему, объявляя его и потомъ, поднявшись съ земли, закричалъ солдатамъ: „Становитесь ближе, солдаты; вы стоите слишкомъ далеко“. — „Не бойтесь“, отвѣчали они, „мы не сдѣлаемъ промаха“. — „Товарищи!“ сказалъ Лиль, „я бывалъ ближе отъ васъ и вы не попали въ меня“ — и онъ упалъ рядомъ съ своимъ другомъ. Гаскойнъ раздѣвался уже, когда принесли отъ генерала приказаніе отложить казнь. Послѣ паденія Кольчестера, у инсургентовъ не оставалось болѣе притона въ восточныхъ графствахъ. На сѣверѣ Кромвель, побѣдивъ Гамильтона, вступилъ безъ препятствія въ Шотландію (20 сент.). Какъ скоро распространилось извѣстіе объ одержанной имъ побѣдѣ, поселяне западныхъ графствъ вооружились; всякій приходъ сталъ подъ начальство своего священника, и толпа двинулась на Эдинбургъ, чтобъ выгнать оттуда роялистовъ. Въ двухъ мѣсяцахъ отъ Бервика, въ замкѣ лорда Мординтона, Кромвель встрѣтился съ Арджайлемъ, который нарочно пріѣхалъ, чтобъ увидѣться съ нимъ; они долго совѣщались между собою; при ихъ свѣтломъ взглядѣ на вещи, успѣхъ не ослѣпилъ ихъ до той степени, чтобъ они не видѣли предстоявшей опасности. Шотландскіе роялисты еще обладали большими средствами, несмотря на нанесенное имъ пораженіе; на многихъ пунктахъ стояли они съ оружіемъ въ рукахъ и, повидимому, не были намѣрены безъ сопротивленія вынести кровавой реакціи. Поэтому Кромвель поспѣшилъ заключить съ ними договоръ (26 сент.), обезпечивавшій ихъ спокойствіе и свободное пользованіе собственностью; за то они обязывались распустить свои войска, клятвенно отречься отъ всякихъ обязательствъ въ пользу короля и дать новую присягу въ вѣрности святому союзу, которому слѣдовало всегда бы соединять оба королевства. Овладѣвъ такимъ образомъ правительственною властью, Арджайль съ своими приверженцами принялъ Кромвеля въ Эдинбургъ съ большою пышностью; комитетъ штатовъ, муниципальный совѣтъ, очищенный и вновь избранный, духовенство

и фанатическій народъ ежедневно утруждали его посѣщеніями, рѣчами, проповѣдями, обѣдами; но, побуждаемый донесеніями Генри Мартина, онъ оставилъ Ламберта съ двумя полками, чтобъ поддерживать власть ихъ, и поспѣшно возвратился въ Англію. Лишь только онъ вступилъ въ Йоркское Графство, гдѣ онъ, какъ казалось, былъ единственно занятъ окончательнымъ подавленіемъ возстанія, какъ оттуда пошло множество прошеній, адресованныхъ на имя одной нижней палаты, которыя требовали скорѣйшаго наказанія виновныхъ, какого бы они ни были званія и какое бы ни носили имя. Въ то же время подобное желаніе было высказано и другими графствами. Друзья Кромвеля подавали прошенія, или поддерживали ихъ; пресвитеріане отвергали эти прошенія, ссылаясь на великую хартію и на законы королевства. „Господинъ президентъ“, сказалъ Денисъ Бондъ, неизвѣстный республиканецъ, „эти господа полагаютъ, что палата не имѣетъ права судить ни лорда Норвича и никакого другаго лорда, потому что это противно великой хартіи и что они должны быть судимы не иначе, какъ своими перами. Скоро настанетъ день, къ который мы повѣсимъ самаго высокаго изъ всѣхъ этихъ лордовъ безъ всякаго приговора его перовъ, если онъ того будетъ стоить, и мы найдемъ — я увѣренъ въ томъ — честныхъ и твердыхъ судей, которые сдѣлаютъ это, несмотря на великую хартію“. Палата тѣмъ не менѣе отказала просителямъ; но скоро поступили новыя прошенія, болѣе выразительныя, болѣе грозныя; они были присланы полками Эйртонна, Ингольдсеби, Флитвуда, Уаллея, Овергона, и формально требовали отъ нижней палаты суда надъ королемъ, а отъ Ферфакса — возстановленія генеральнаго военнаго совѣта. „который одинъ былъ способенъ“, какъ они выражались, „предупредить угрожающія намъ несчастія своими представленіями въ палатахъ и всякимъ другимъ способомъ“. Совѣтъ дѣйствительно началъ опять свои засѣданія, а 20 ноября президентъ доложилъ палатѣ, что офицеры, предводимые полковникомъ Эверсомъ, стоятъ передъ дверями и желаютъ подать какую-то бумагу отъ имени генерала и арміи: это было длинное порицаніе, похожее на то, которое, семь лѣтъ назадъ, въ этотъ же день (21 ноября 1641) сама нижняя палата подала королю, для рѣшительнаго съ нимъ разрыва. Армія также, какъ и палата въ тогдашнемъ представленіи, исчисляла всѣ бѣдствія и всѣ опасенія Англіи, приписывала ихъ слабости палатъ, ихъ незаботливости объ общественныхъ интересахъ, ихъ сношеніямъ съ королемъ; она требовала, чтобъ его торжественно предали суду; чтобъ обязали народъ верховною властью государства; чтобъ король впредь былъ избираемъ представителями народа; чтобъ они прекратили свои засѣданія, а передъ распущеніемъ парламента распредѣлили бы право выбора какъ можно равномѣриѣ между народомъ; постановили бы правила насчетъ парламентовъ, которые будутъ впредь собираемы, и обратили бы вниманіе на реформы, которыхъ желаютъ благонамѣренные люди. Наконецъ армія объявляла, хотя и непрямо, что сама возьметъ за спасеніе отечества, если оно останется въ опасности по безпечности, или по слабости людей, которые, какъ бы то ни было, все же не больше, какъ повѣренные и слуги своихъ согражданъ, подобно солдатамъ.

Сильнѣйшая буря поднялась при чтеніи этой бумаги. Индепенденты, въ томъ числѣ Скоттъ, Голландъ, Уэнтвортъ, громко требовали, чтобъ палата благодарила армію за ея смѣлые и прямыя совѣты; напротивъ того, пресвитеріане, изъ которыхъ одни съ негодованіемъ, другіе въ

лестныхъ для офицеровъ выраженіяхъ, требовали, чтобъ палата устранила ремонстрацію и не давала на нее никакого отвѣта, чтобъ этимъ выразить свое неудовольствіе. Такое средство удовлетворяло всѣхъ, какъ робкихъ, такъ и смѣлыхъ; сильное большинство (20 и 29 нояб.) приняло его послѣ двухъ преній. Но уже настало такое время, когда побѣдами только ускоряется окончательное пораженіе. Внутри и внѣ Вестминстера господствовало сильнѣйшее броженіе и смуты. Поговаривали уже о близкомъ возвращеніи Кромвеля; армія уже объявила намѣреніе идти на Лондонъ. Роялисты, лишенные всякой надежды, желали одного, — отступить своимъ врагамъ какими бы то ни было средствами; многіе республиканцы подвергались нападеніямъ и обидамъ на улицахъ. Ферфаксъ получалъ нѣсколько разъ извѣщенія, въ томъ числѣ нѣкоторыя изъ Франціи, что нѣсколько кавалеровъ рѣшились убить его въ Сент-Альбэнсѣ. Въ Данкэстерѣ шайка, состоявшая изъ двадцати человекъ, схватила Ренсборо, начальствовавшего въ этомъ городѣ, и трое изъ нихъ убили его кинжалами, когда онъ пытался убѣжать отъ нихъ. Распространился слухъ, что составленъ заговоръ, чтобъ убить восемьдесятъ самыхъ значительныхъ членовъ республиканской партіи, когда они будутъ выходить изъ Вестминстера. Наконецъ, среди этой анархической распущенности были получены, одно за другимъ, извѣстія, что Кромвель будетъ чрезъ два дня (2 дек.) въ главной квартирѣ; что губернаторъ острова Уайта, Гаммондъ, подозрѣваемый въ излишней внимательности къ королю и парламенту, получилъ приказаніе отъ Ферфакса (25 дек.) сложить съ себя должность, возвратиться въ армію и передать полковнику Эверсу охраненіе короля; что, при первомъ извѣстіи объ этомъ, король испугался и согласился на большія уступки; что онъ прекратилъ конференціи въ Ньюпортѣ и что въ тотъ же день (28 ноября) комиссары, которымъ онъ поручилъ объявить его окончательныя предложенія, пустились въ дорогу, чтобы отдать отчетъ парламенту.

Они дѣйствительно прибыли на слѣдующій день, почти всѣ, глубоко тронутые опаснымъ положеніемъ, въ какомъ они оставили короля, и послѣдними его прощальными словами:— „Милорды!“ — сказалъ онъ имъ, — „вы пришли проститься со мною, и я думаю, что мы едва-ли увидимся еще когда-нибудь; но да будетъ воля Божья! Я благодарю Его, я примирился съ нимъ, я безъ страха подвергнусь всему, что по Его волѣ люди захотятъ сдѣлать со мною! Милорды! вы должны понимать, что вмѣстѣ со мною погибнете и вы и что гибель ваша близка. Молю Бога, чтобъ ваши друзья были надежнѣе моихъ. Я очень хорошо знаю, какой заговоръ составленъ противъ меня и моихъ приверженцевъ; но я глубоко тронутъ страданіями народа и предчувствіемъ всѣхъ несчастій, которыя готовятся ему людьми, старающимися только объ удовлетвореніи собственного честолюбія, хотя постоянно говорящими объ общемъ благѣ“. Уступки, сдѣланныя королемъ, мало отличались отъ тѣхъ, которыя столько разъ уже были отвергнуты; однакожъ пресвитеріане, лишь только кончилось донесеніе комиссаровъ, предложили (8 декабря) палатѣ признать ихъ удовлетворительными и объявить, что онѣ могутъ служить основаніемъ для мира; это предложеніе поддерживалъ даже Натаніель Фейннзъ (Fiennes), сынъ лорда Сея, бывшій недавно однимъ изъ главныхъ и самыхъ горячихъ индепендентовъ. Преніе продолжалось уже нѣсколько часовъ, какъ вдругъ пришло въ палату извѣстіе о письмѣ Ферфакса къ общинному

совѣту, въ которомъ онъ извѣщаль, что армія идетъ на Лондонъ. — „Вопросъ! вопросъ!“ — закричали индепенденты, спѣшившіе воспользоваться первой тревогой. Но, противъ ихъ ожиданія и несмотря на всѣ ихъ усилія, преніе продолжалось до слѣдующаго дня. Оно было возобновлено еще съ большимъ ожесточеніемъ среди движенія войскъ, которыя вступали со всѣхъ сторонъ въ городъ и занимали квартиры въ Сент-Джемсѣ, въ Горг-Гоувѣ, во всѣхъ окрестностяхъ парламента и Сити. Индепенденты еще ожидали побѣды отъ страха. — „Нынче, наконецъ“, — сказалъ Венъ — „мы узнаемъ, кто намъ другъ и кто недругъ, или, говоря понятнѣе, кто за короля и кто за народъ“. — „Господинъ президентъ“, — прервалъ его съ живостью одинъ изъ членовъ, котораго имя осталось неизвѣстнымъ, — „такъ какъ говорившій до меня позволилъ себѣ раздѣлить эту палату на двѣ партіи, то я, надѣюсь, имѣю право на то же самое. Да, государь мой, здѣсь есть люди, желающіе мира; это люди, которые проиграли стѣ войны; есть люди, отвергающіе миръ, потому что выиграли въ войнѣ. Поэтому я смиренно предлагаю, чтобъ выигравшіе дали какое-нибудь вознагражденіе проигравшимъ, чтобъ такимъ образомъ опять сравнять всѣхъ насъ; безъ того не будетъ никакого конца этому дѣлу“. Индепенденты закричали противъ этого; однакожъ они были смущены, потому что, дѣйствительно, въ обѣихъ партіяхъ личныя выгоды имѣли такое вліяніе на дѣла, которое они сами едва осмѣливались отвергать. Рудьердъ, Стефенсъ, Гримстонъ, Уокеръ (Walker), Придо (Prideaux), Ротъ (Wroth), Скоттъ, Корбетъ и многіе другіе говорили въ пользу предложенія и противъ него, но преніе не подвигалось къ концу. День склонился къ вечеру; многіе члены уже ушли домой; тогда одинъ изъ индепендентовъ предложилъ велѣть привести факелы и продолжать засѣданіе. — „Господинъ президентъ“, — сказалъ одинъ изъ пресвитеріанъ, — „эти господа не только хотятъ запугать насъ приближеніемъ войска, но они хотятъ всю ночь продолжать пренія, надѣясь, что старѣйшіе члены, въ которыхъ они подозреваютъ больше склонности къ миру, отъ усталости уйдутъ до подачи голосовъ. Надѣюсь, что палата не дастъ обмануть себя такимъ грубымъ образомъ“. — И несмотря на крики индепендентовъ, преніе было снова отложено.

Когда, чрезъ день, засѣданіе открылось снова, мрачные слухи взволновали палату. Всѣ говорили, что король ночью насильно схваченъ арміею и переведенъ съ острова Уайта въ замокъ Гурстъ, родъ тюрьмы, лежащей на берегу противъ острова, на оконечности нездороваго, ненаселеннаго и бесплоднаго мыса. На всѣ разспросы вожди индепендентовъ ничего не отвѣчали. Засѣданіе началось; президентъ прочиталъ письмо, полученное изъ Ньюпорта отъ майора Рольфа, имѣвшаго начальство на островѣ, за отсутствіемъ Гаммонда. Распространившійся слухъ былъ справедливъ, и стыннѣ становилось невозможнымъ всякое сношеніе между королемъ и парламентомъ, безъ воли войска.

29 ноября, къ вечеру, чрезъ нѣсколько часовъ послѣ окончанія ньюпортскихъ конференцій и отъѣзда комиссаровъ, переодѣтый человекъ сказалъ одному изъ людей короля: — „Сейчасъ войска высадились на островъ. Сообщите королю, что его увезутъ нынче ночью“. — Карлъ немедленно велѣлъ призвать герцога Ричмонда, графа Линдсея и полковника Эдуарда Кука, которому онъ довѣрялъ, и спросилъ, какимъ бы образомъ удостовѣриться въ истинѣ этого извѣстія. Всѣ старанія узнать

